

Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени

Институт российской истории
Российской академии наук

Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени

*К 80-летию со дня рождения
Анатолия Евгеньевича
Иванова*

Москва
2018

УДК 94(47)(035.3)
ББК 63.3(2)45
К90

Ответственный редактор:
доктор исторических наук
Ю.А. Петров

Редколлегия:
кандидат исторических наук А.В. Голубев,
доктор исторических наук Т.Ю. Красовицкая,
доктор исторических наук А.И. Куприянов,
кандидат исторических наук С.М. Шамин

*Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Рецензенты:
доктор исторических наук В.Н. Захаров,
кандидат исторических наук В.В. Тихонов

К90 Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени [Текст] : к 80-летию Анатолия Евгеньевича Иванова / редкол.: д-р ист. наук Ю.А. Петров (отв. ред.) , канд. ист. наук А.В. Голубев , д-р ист. наук Т.Ю. Красовицкая , д-р ист. наук А.И. Куприянов , канд. ист. наук С.М. Шамин ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук . — М. : Ин-т российской истории РАН , 2018 . — 485, [3] с.

ISBN 978-5-8055-0332-1

Содержание сборника статей к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук А.Е. Иванова определяется кругом научных интересов юбиляра. Книга, построенная по проблемно-хронологическому принципу, посвящена различным аспектам истории науки и образования в России XVII—XX вв., вопросам идеологии и менталитета начиная с XVIII в., роли и месту российской политической элиты в развитии культуры.

ISBN 978-5-8055-0332-1

© Институт российской истории РАН, 2018
® Центр гуманитарных инициатив, 2018

Содержание

<i>Голубев А.В., Красовицкая Т.Ю.</i> Предисловие	5
---	---

I. Наука и образование

<i>Богданов А.П.</i> Государственное значение высшего образования и науки в стихах придворных поэтов конца XVII в.	11
<i>Шамин С.М.</i> «Чудо» сопротивляется научному знанию: переводные известия о «небесных знамениях» в русских рукописных сборниках XVI — первой половины XVIII в.	32
<i>Азизбаева Р.Е.</i> Первые частные сиротские заведения Российской империи	43
<i>Аурова Н.Н.</i> Пажеский его императорского величества корпус: от придворного пансиона к элитарному военно-учебному заведению	55
<i>Ермолаева Н.В.</i> Ректор и библиотекарь университета Н.И. Лобачевский	69
<i>Калинина Е.А.</i> Благородные пансионы в системе образования (на примере губерний Европейского Севера России)	78
<i>Жуковская Т.Н., Казакова К.С.</i> Университетская политика в 1820—1850-х гг. и студенчество столичного университета	93
<i>Зайцева А.В.</i> Студенческое учебное книгоиздание в Москве во второй половине XIX — начале XX в.	104
<i>Сухова Н.Ю.</i> Научная деятельность как проблема высшего духовного образования (XIX — начало XX в.)	119
<i>Ульянова Г.Н.</i> Развитие высшего технического образования и профессионализация инженеров в Российской империи	132
<i>Морозова А.Ю.</i> «Политики поневоле»: студенческое движение в России в конце XIX — начале XX в.	156
<i>Шелохаев В.В.</i> Проблемы народного образования в программах и думских законопроектах либеральных партий	173
<i>Пушкарева И.М.</i> Студенчество высших учебных заведений России в Первой мировой войне (к историографии Февральской революции 1917 г.)	178
<i>Волбуев О.В.</i> Первые советские учебники истории для средней школы	192
<i>Андреева Т.В., Соломонов В.А.</i> С.Н. Чернов и саратовское научное краеведение	199

II. Менталитет и идеология

<i>Журавлев В.В.</i> К проблеме «Россия — Запад» в контексте исторического опыта и его идейного осмысления	215
<i>Голубев А.В.</i> «Заблуждаются в вере и нечисто живут»: инокультурные представления в российской истории	221

<i>Вишленкова Е.А.</i> От гераклов к богатырям: конвенции показа русского прошлого	238
<i>Вандалковская М.Г.</i> Забытые страницы отечественной культуры XIX в.	258
<i>Филиппова Т.А.</i> «Гаремные страсти». Образ Турции в русской сатирической журналистике начала XX в.	267
<i>Туманова А.С.</i> Экспертное сообщество экономистов в условиях общенационального кризиса 1914—1916 гг.	275
<i>Булдаков В.П.</i> 1914 г.: война, Россия, студенчество	291
<i>Розенталь И.С.</i> К вопросу о прогрессе: большевизм и прогрессизм	303
<i>Емельянов Ю.Н.</i> 100-летний юбилей выступления декабристов и русская эмиграция	316
<i>Илизаров Б.С.</i> «Хлебом» единым...: Ал.Н. Толстой и его повесть «Хлеб (оборона Царицына)». 1937 г.	327

III. Политическая элита и культура

<i>Ермолаев И.П.</i> Условия создания и сфера полномочий Приказа Казанского дворца	349
<i>Аксенов А.И.</i> Non solum armis: (несколько замечаний о роде Румянцевых)	362
<i>Агеева О.Г.</i> Коронационная комиссия 1801 г.	375
<i>Куприянов А.И.</i> Элита московского дворянства и ее роль в формировании публичной сферы	390
<i>Соловьев К.А.</i> Закон и законники в самодержавной России	404
<i>Минаков А.С.</i> Кадровая политика министра внутренних дел В.К. Плеве	409
<i>Красовицкая Т.Ю.</i> Этнические элиты о формах федеративного устройства России (1917—1929 гг.)	420
<i>Минаков С.Т.</i> «...Не Наполеон ли?»	439
<i>Зубкова Е.Ю.</i> Судьба культурного наследия России в контексте музейной политики. Пригородные дворцы Петрограда-Ленинграда в 1920—1930-е гг.	451
<i>Невежин В.А.</i> Черчилль в гостях у Сталина: застольная составляющая одного визита (август 1942 г.)	472

Предисловие

Известнейший российский историк Анатолий Евгеньевич Иванов родился 31 июля 1936 г. в семье советских служащих, потомков крестьян Смоленской губернии. Отец, Евгений Осипович Иванов, накануне войны был заместителем директора по административно-хозяйственной части издательства «Детская литература». Воевал, в послевоенное время продолжал службу в армии и вышел в отставку в звании подполковника. Дед по материнской линии, Сергей Иванович Гончаров, был раскулачен. Мать, Анастасия Сергеевна Гончарова — учитель начальной школы. В семье хранятся ее фотографии в окружении учеников, одна из которых была опубликована в газете «Известия» 1 сентября 1939 г.

Учиться начал в подмосковной сельской школе. Анатолий Евгеньевич и сейчас с нежностью вспоминает свою первую учительницу, Анастасию Сергеевну Косминскую...

После окончания в 1954 г. уже московской школы служил в армии, а с 1956 по 1962 г. учился в МГИАИ. Успешно защитив диплом, А.Е. Иванов с 1962 по 1967 г. работал заведующим отделом критики и библиографии журнала «Преподавание истории в школе», а затем — до 1970 г. — младшим научным сотрудником, редактором информационного бюллетеня «Латинская Америка» Института Латинской Америки АН СССР.

С 1971 г. жизнь Анатолия Евгеньевича тесно связана с Институтом истории СССР АН СССР, ныне — Институтом российской истории РАН, где он прошел путь от младшего до главного научного сотрудника. В 1975 г. А.Е. Иванов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Университетская политика самодержавия накануне Первой русской революции» (научный руководитель профессор Н.П. Ерошкин), а в 1992 г. — докторскую диссертацию «Высшая школа России в конце XIX — начале XX в.».

Большое внимание Анатолий Евгеньевич уделял работе в журнале «Отечественная история» (позднее «Российская история»): в 2001—2013 гг. входил в состав редколлегии, а с 2013 г. стал членом редакционного совета журнала. Также на протяжении многих лет А.Е. Иванов был членом Ученого совета института и по сей день входит в диссертационный совет Института истории естествознания и техники РАН.

А.Е. Иванов — автор серии монографий из семи книг, посвященных институциональной и социокультурной истории высшей школы конца XIX — начала XX в. Его исследования подробно раскрывают эпоху «серебряного века» в истории российской высшей школы, ее выдающуюся роль в преумножении рядов российской интеллигенции, дипломированных специалистов, в науке — подготовке ученых мирового уровня.

Открыла серию научных публикаций А.Е. Иванова монография «Высшая школа России в конце XIX — начале XX в.». У этого исследования сложилась

непростая судьба. Книга неоднократно исключалась из ежегодных издательских планов института и в результате пролежала «в столе» шесть лет. Опубликованная только в 1991 г., монография по сей день является самым цитируемым трудом по этой проблеме — на него ссылаются историки и культурологи, преподаватели высшей школы и студенты. В отечественной историографии это первое фундаментальное комплексное исследование системы государственных, общественных и частных учебных заведений, неоднородных по юридическому статусу и социальной ориентации, являвшихся полем культурного и общественно-политического взаимодействия студенческого сообщества и профессорско-преподавательской корпорации. Историческая реконструкция этой сложной научной системы позволила А.Е. Иванову показать, какое место высшая школа занимала в системе царского самодержавия, как обслуживала его потребности в кадрах высшей научной квалификации, укрепляя соответствующие интеллектуальные ресурсы страны и одновременно способствуя созреванию условий, подрывавших устои отживающей системы власти.

В том же исследовательском русле написаны и следующие книги, которые составляют проблемно-тематическую целостность. Изучению формирования корпуса «людей науки» — профессоров и преподавателей университетов, православных духовных академий, народнохозяйственных институтов А.Е. Иванов посвятил монографию «Ученые степени в Российской империи, XVIII в. — 1917 г.» (М., 1994). Ее новая версия, фундаментально усовершенствованная методологически и фактографически, реализована в труде «Ученое достоинство в Российской империи XVIII — начало XX века», вышедшем в свет в 2016 г. Впервые в отечественной историографии автор исследовал сложную историю жизнедеятельности института научной аттестации, основанной на ученых степенях в области фундаментальных естественных и гуманитарных, а также богословских наук, за продолжительный период времени — от Ломоносова до Февральской революции, изучил, как осуществлялась подготовка научно-педагогических кадров, устанавливалась их должностная квалификация. Исторический анализ научно-аттестационной системы обнаруживает динамику и тесную связь политических, социальных, общенаучных, психологических аспектов, их роль в жизни научного сообщества в целом и личности ученого, в частности.

В серии монографий А.Е. Иванова большое внимание уделено и самой многочисленной части «населения» высшей школы Российской империи — студентам. Перед читателем предстает сложная многосторонняя картина функционирования студенческого сообщества. На основании историко-социологических исследований автор анализирует формирование всероссийского контингента учащихся высшей школы в соответствии с их словесно-ментальной нацеленностью на получение будущей профессии; их правовое положение; количественный, половозрастной, сословный и национальный состав; уровень материально-бытовой обустроенности разных студенческих групп; виды и типы студенческой самоорганизации; общественно-политический и культурно-бытовой портрет учащейся молодежи, интеллектуальный облик этого отряда российской интеллигенции. Автор су-

мел оценить и показать мощный интеллектуальный потенциал «старого студенчества», которым обладала Россия накануне октября 1917 г.

Анатолий Евгеньевич — автор около 200 научных статей, опубликованных в ведущих научных отечественных и зарубежных изданиях, глав в коллективных монографиях, лауреат премии В.О. Ключевского, удостоен благодарности и памятной медали Макарьевского фонда (2012). В 2017 г. А.Е. Иванову за труд «Ученое достоинство в Российской империи XVIII — начала XX века» была присуждена первая премия памяти митрополита Макария в номинации «История России».

Под его научным руководством были подготовлены и успешно защищены две кандидатских и четыре докторских диссертации.

Исследования Анатолия Евгеньевича Иванова заслуженно вошли в золотой фонд российской исторической науки.

А сейчас Анатолий Евгеньевич работает над новой книгой, посвященной высшей школе России в годы Первой русской революции.

* * *

Содержание сборника «Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени» определяется, прежде всего, кругом научных интересов А.Е. Иванова, хотя стоит подчеркнуть, что оно далеко его не исчерпывает. Сборник построен по проблемно-хронологическому принципу и состоит из трех разделов.

Первый и самый обширный раздел посвящен различным аспектам истории науки и образования в России XVII—XX вв. Это и не удивительно, учитывая круг научных интересов Анатолия Евгеньевича.

Статьи этого раздела с известной долей условности можно разделить на несколько тематических направлений. Прежде всего, это работы по истории среднего и высшего образования. К ним можно отнести статьи Р.Е. Азизбаевой о первых частных сиротских заведениях Российской империи, Е.А. Калининной о благородных пансионах в системе образования, Н.Н. Ауровой о Пажеском корпусе, Г.Н. Ульяновой о развитии высшего технического образования, О.В. Волобуева о первых советских учебниках истории для средней школы.

Ряд статей посвящен российскому студенчеству, изучением которого много лет занимался Анатолий Евгеньевич. Так, в статье Т.Н. Жуковской и К.С. Казаковой проанализирована университетская политика во второй четверти XIX в. и положение студенчества Петербургского университета. А.В. Зайцева изучила студенческое учебное книгоиздание в Москве во второй половине XIX — начале XX в. В работах А.Ю. Морозовой и И.М. Пушкаревой рассмотрены проблемы студенческого движения в конце XIX — начале XX в., в том числе в историографическом аспекте. В.В. Шелохаев исследовал программы и думские законопроекты либеральных партий по вопросам народного образования.

Ряд статей касается истории науки. В частности, А.П. Богданов пишет о том, как представляли наука и высшее образование в стихах придворных поэтов конца XVII в., С.М. Шамин — о переводных известиях, касающихся «небесных знамений» в русских рукописных сборниках XVI — первой половины

XVIII в., Н.Ю. Сухова — о научной деятельности как проблеме высшего духовного образования в XIX — начале XX в.

И, наконец, две статьи носят биографический характер. Работа Н.В. Ермолаевой посвящена Н.И. Лобачевскому как ректору и библиотекарю университета, а статья Т.В. Андреевой и В.А. Соломонова — роли С.Н. Чернова в развитии саратовского научного краеведения.

Второй раздел содержит статьи, в которых рассматриваются вопросы идеологии и менталитета начиная с XVIII в. Работы В.В. Журавлева и А.В. Голубева посвящены проблеме дихотомии Россия — Запад в контексте исторического опыта. И.С. Розенталь анализирует проблему большевизма и прогресса. В статьях Е.А. Вишленковой, Т.А. Филипповой, Б.С. Илизарова речь идет об образах и представлениях в живописи, карикатуре, художественной литературе. Две статьи, А.С. Тумановой и В.П. Булдакова, посвящены состоянию науки и высшей школы в годы Первой мировой войны. Работы М.Г. Вандалковской и Ю.Н. Емельянова раскрывают отдельные сюжеты из истории отечественной культуры и эмиграции.

В третий раздел вошли статьи, в которых анализируется роль и место российской политической элиты в развитии культуры. Прежде всего, это работы, посвященные отдельным группам, входившим в российскую элиту. Так, А.И. Куприянов рассматривает роль московского дворянства в формировании публичной сферы, К.А. Соловьев пишет о законе и законниках в самодержавной России, Т.Ю. Красовицкая анализирует представления этнических элит о формах федеративного устройства России в 1917—1929 гг.

Ряд статей касается жизни и отдельных аспектов деятельности лиц, сыгравших значимую роль в российской истории. А.И. Аксенов посвятил свою статью роду Румянцевых. А.С. Минаков — кадровой политике министра внутренних дел В.К. Плеве, С.Т. Минаков — проблеме бонапартизма в России и личности М.Н. Тухачевского, В.А. Невежин — встрече У. Черчилля и И.В. Сталина в августе 1942 г.

Наконец, три статьи касаются истории учреждений: И.П. Ермолаева о создании Приказа Казанского Дворца, О.Г. Агеевой о Коронационной комиссии 1801 г. и Е.Ю. Зубковой о музеях и музейной политике в 1920—1930-е годы.

Коллектив авторов сборника искренне присоединяется к поздравлениям Анатолия Евгеньевича Иванова с 80-летием!

Голубев А.В., Красовицкая Т.Ю.

I.
Наука
и образование

Государственное значение высшего образования и науки в стихах придворных поэтов конца XVII в.

В изучении ряда сочинений русских ученых второй половины XVII в., начиная с «Прений с греками о вере» Арсения Суханова 1650 г., мы сталкиваемся с серьезной проблемой: они представляются написанными много позже времени, которым датировали их авторы и к которым относятся их рукописи¹. В «предпетровском» времени нам кажутся невозможными, например, реально написанные научные монографии с обоснованием задач и методов во введении, с четкой концепцией, анализом источников и точными ссылками в тексте². Недавно солидный археограф усомнился даже в достоверности классического памятника — Жалованной грамоты Московской Академии, утвержденной царем Федором Алексеевичем в конце 1681 — начале 1682 г.³

В рамках представлений о «темной и непросвещенной Руси» до реформ Петра I действительно трудно оценить реальность санкционирования царем создания автономного всесословного университета в Москве за 74 года до великого свершения М.В. Ломоносова. Однако на практике такие сомнения оказываются ложными, вызванными поразительным в начале XXI в. невежеством и, увы, широко распространенной склонностью выдавать желаемое за действительное. В случае с «Привилегией Московской Академии» коллега не смог опознать в документе жалованную грамоту — один из самых авторитетных, распространенных и устойчивых по формуляру видов документов, несмотря на наличие всех его признаков и прямые указания в тексте: «сею нашею царскою жалованною грамотою»; «повелехом... написати сию нашу царскую жалованную грамоту».

В этом контексте выглядит логичным неумение прочесть документ, где применение суровых законов о защите православной веры последовательно, пункт за пунктом, передается Ученому совету университета, который становится высшей экспертной инстанцией в вопросах, что есть наука, а что — предосудительная ересь, хула на православие и злое волхование. Важнейшие положения о защите ученых от злого невежества, пожалованные государем

¹ Богданов А.П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. М., 1989. С. 175—205.

² Богданов А.П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.

³ Фонкич Б.Л. «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 237—297; Фонкич Б.Л. Греко-Славянские школы в Москве в XVII веке (Россия и Христианский Восток. Библиотека. Вып. 7). М., 2009. С. 189—217.

Академии наряду с юридическим иммунитетом преподавателей и студентов, представляются коллеге изобретением злого гения — выдающегося просветителя Сильвестра Медведева. Из-за беспримерной «нетерпимости и жестокости» этих положений «гуманный и образованный царь Федор Алексеевич, по поручению которого создавалась “Привилегия на Академию”, едва ли утвердил бы этот вариант проекта». Я считаю мелочью тот факт, что коллега не опознал в тексте и приписал сочинению Медведева юридические нормы 1 пункта 1-й главы Соборного уложения 1649 г., равно как «Стоглава» и уточняющих их применение царских указов. Куда больше беспокоит отсутствие представления о том, какие решения имел право предлагать даже близкий к царю ученый, а что было в XVII в. прерогативой государя, земского и церковного соборов. Даже «опасное веры охранение» — первая, согласно чину венчания на царство и иным высшим государственным документам, при этом очень реальная в то время функция царя, изъята коллегой из его ведения и приписана простому строителю Заиконоспасского монастыря. С помощью подобных заблуждений «Привилегия» в основной части представлена фантазией Медведева, которая не была санкционирована царем и не позволяет судить о реальном развитии державной мысли в области высшего образования и науки⁴.

Если даже ученый XX—XXI вв. не смог понять смысл Жалованной грамоты задуманному, но так и не открытому в XVII в. университету, то насколько современники были способны оценить значение высшего образования и национальной науки? Создание «Привилегии» было отмечено среди его великих свершений (наряду с завершением тяжелой войны, экономическими, военными, церковными и благотворительными реформами) в похвальном слове, написанном на его парсуне в Архангельском соборе и процитированном двумя образованными москвичами, из которых один даже счел Академию важнее военных и экономических свершений. Царь «о научении свободных мудростей российского народа присно промышляше, и монастырь Спаский, иже во граде Китай, на то учение наменив, и чудную и весьма похвалы достойную свою царскую утвердителную грамоту, со всяким опасным веры охранением, на то учение написа»⁵. Важно, что современники сознавали отличие созданных во второй половине 1680-х гг. вместо Академии церковных греко-славянских школ от университета с юридическим, медицинским и богословским факультетами, с изучением наук на латинском, греческом и славянских языках, с юридической и финансовой автономией, с высоким статусом преподавателей и преимуществами выпускников на государственной службе, как задумывал царь Федор. Понимание это выражалось в констатации, что обещанной и

⁴ Опровержение этих заблуждений см.: *Богданов А.П.* Диспут о Привилегии Московской Академии XVII века // Клио. Журнал для ученых. 2016. № 5. С. 60—76.

⁵ Парсуна, выставленная в экспозиции Государственного исторического музея, передает текст похвального слова царю Федору отлично от текста, скопированного в XVII—XVIII вв. с парсуны в Архангельском соборе: О генеральном местоположении всей царской семьи в Московском Архангельском соборе // Древняя российская вивлиофика. 1789. Ч. 11. С. 229—231; *Богданов А.П.* «Хронографец» Боголепа Адамова // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Л., 1988. Т. 41. С. 392, 399; Летописец 1686 г. // Институт русской литературы РАН. Древлехранилище. Оп. 23. № 277. Л. 974.

необходимой стране Академии как не было, так и нет. Однако прошло много времени, прежде чем эта грустная констатация немногих высокообразованных людей реализовалась в действия, необходимые для создания системы образования в России.

Ситуацию в широких слоях столичного общества горько, но емко охарактеризовал выдающийся историк Москвы И.Е. Забелин. Он писал, что «чем сильнее и явственнее обозначались и распространялись стремления к научному знанию, тем жесточе восставало против этих стремлений круговое слепое невежество старых церковников и начетчиков... все, что могло в то время называться интеллигенциею... приходило все более к сознанию, что необходимо устроить книжное знание на... ученых основаниях». Именно подвиги отдельных ученых, в высокой степени овладевших научными знаниями их времени, поражают нас, заставляя усомниться в принадлежности ряда сочинений Сильвестра Медведева, Игнатия Римского-Корсакова, Андрея Ивановича Лызлова и др. к XVII столетию. Общая оценка этих стремлений Забелиным была пессимистичной. О «необходимой свободе в устройстве светского образования и светской учености, какая требовалась уже неотложно не только для укрепления, но и для спасения государства», не могло быть и речи, особенно «прямым учреждением... Академии... по мирскому плану, согласно потребностям и интересам гражданственности, всеобщим интересам государства. О таком решении, — утверждал историк, — в умах того времени не могло возникнуть и помышления, по той причине, что не были еще ясно поняты и осознаны сами эти государственные потребности»⁶.

Действительно, даже в конце XVII столетия сменявшие друг друга правительства России не отдавали себе отчет в настоятельной необходимости высшего образования и государственной поддержки науки. Без особых державных усилий грамотность и образованность населения росли высокими темпами, хотя и неравномерно по сословиям. Интенсивно развивалось начальное и профессиональное образование, появились школы повышенного типа, училища при центральных приказах, высокого уровня достигло домашнее обучение элиты дворянства и купечества⁷. Именно в этой ситуации острейшим образом встала задача создания системы образования. Решение этой задачи, требовавшее большой теоретической и организационной работы, зависело от создания высшего учебного заведения, программа и статус которого определили бы содержание и формы обучения на начальном и среднем уровне. Академия царя Федора снимала эту проблему, но после смерти царя-реформатора правительства Софьи и Голицына, а затем Нарышкиных, лично образованных и понимавших значение науки, отказались строить не вполне ясный им университет. Я пишу это не в укор людям, которые не могли подняться над их временем

⁶ *Забелин И.Е.* Первое водворение в Москве Греколатинской и общей Европейской науки. Речь, читанная на заседании имп. Общества истории и древностей российских 19 апреля 1886 года, в память двухсотлетней годовщины рождения первого русского историка В.Н. Татищева, Председателем Общества И.Е. Забелиным // ЧОИДР. 1886. Кн. 4. Ч. I. С. 2—3, 14—15.

⁷ *Очерки школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в.* М., 1989. С. 55—87, 199—119, 156—230, 245—264 (тексты О.Е. Кошелевой, А.П. Богданова, Б.Н. Морозова, Н.Ф. Демидовой, И.И. Макеевой, В.А. Кондрашиной, М.П. Лукичева); и др.

так, как это сделали Сильвестр Медведев и царь Федор. Даже в Пруссии, образовательная система которой станет во второй половине XVIII в. образцом для России, мысль о первостепенном государственном значении образования и науки утвердится только при Фридрихе Великом.

Вместе с тем, к началу реформ Петра I мысль, что наука является основой силы, благосостояния и прогресса государства, постепенно вошла в самосознание российской элиты. Царь Петр с семьей и придворное общество были в этом убеждены настойчивыми усилиями придворных поэтов. Именно ученые поэты, главным из которых в последние 20 лет XVII в. был чудовский монах и патриарший секретарь Карион Истомина, сделали убеждение в державном значении науки общим местом мировоззрения лиц, которые принимали государственные решения. В те времена, как и сейчас, это было нелегко. В «верхах» делили власть, и это занятие увлекало представителей элиты больше всего. На втором месте после карьеры стояло личное обогащение, на третьем — сохранение в государстве «статус кво» с минимальными реформами, обеспечивающими возможность продолжать пользоваться властью и доходами с обширной страны. Никто не предполагал, что такая приятная, но мало важная в глазах элиты вещь, как придворная поэзия, способна со временем изменить взгляды на мир. Однако это произошло.

* * *

Летом 1682 г., в разгар народного восстания, когда власть в Москве держали выборные представители стрельцов, а староверы готовились низвергнуть патриарха и архиереев, начинающий придворный поэт Карион Истомина обратился со стихотворным «Приветством» к царю Петру⁸, призывая только что коронованного государя приложить все силы к распространению науки в России.

Нареченному на трон Петру исполнилось 10 лет, и первоначально Истомина писал ему назидательную книгу в стихах⁹. Однако «Приветство» отличается от предшествующего «игрового» текста для ребенка. Вступительная строфа еще предлагает самому юному царю учиться, но далее Карион раскрывает государственное значение мудрости, которую дает наука. В век Научной революции вполне естественно прозвучали слова о практическом и нравственном смысле науки:

⁸ Черновой автограф: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 29—39. Опул.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подготовка текста, предисловие и комментарии А.П. Богданова. М., 1983. Вып. 1—2. № 2. С. 63—85, 248—252 (коммент.). Ср. № 1, 3—4. Новая публикация: *Богданов А.П.* Стих торжества. Рождение русской оды: последняя четверть XVII — начало XVIII века. Ч. I—II. М., 2012. С. 286—297. (Далее — Стих торжества).

⁹ «Приветство» царю Петру Истомина написал в ходе работы над «Книгой, желательна приветство мудрости», вторыми чернилами (Ч—2), отличающимися от тех (Ч—1), которыми поэт заканчивал писать текст и черновые наброски в первой редакции «Книги» и написал значительную часть второй редакции, где добавил упоминание о соправительстве двух царей, Ивана и Петра (с конца мая 1682 г.). Но в помещенном в «Книгу» «Приветстве» поэт связывал надежды на распространение науки в России именно с юным Петром. Содержание «Приветства в благоизвество» было ранее лишь едва намечено в приписках на л. 44 об. в конце чернового автографа ГИМ. Чудовское собр. № 100/302 и является оригинальной частью II-й редакции «Книги». Публ. редакций книги и исследование истории текста: Памятники. № 1—4. С. 49—94, 245—261 (коммент.).

Ею во мире	вся блага бывают,
Разум, богатство	люди обретают <...>
Камень драго	пред нею менш песок,
Понеже тоя	чист разум высок. <...>
Мыслити о ней	чувство есть свершенно,
Зане ея вся	наша извещенно.
В первых сами ся	кто есмы визнаваем.
Та же Творца си,	и нань уповаем.
Лепо желати	всем ея любимство.
Да стяжут во всех	деланиях имство!

Наука — прочная основа верного понимания человеком самого себя, мира, общества и государства. Она учит «правде и мужеству», любви к Богу, ею «все цари царствуют И все велможи добре началствуют»:

Мудростию же	вся управляются,
И о том люди	все утешаются.
Ею здравствуют	удобь человецы,
И съчисляются	времена и вещи.
Ею по морю	плавают удобно,
Во время люто	и зело безгодно.

Речь идет не только и даже не столько о мореплавании, сколько о безопасном пересечении житейских морей, обретении добродетели и конечном спасении души:

Егда же себе	зрит кто неправы,
Емлется ею	добрейшаго нрава.

Помимо прочего, Карион связывает с наукой умножение народонаселения, долгую жизнь и распространение власти государей. Он славит науку с конкретной целью — побудить «в разуме острого» юного государя к ее развитию в России: «Потщися ... о учении промысл сотворити, Мудрость в России святу вкоренити». Поэт надеется, что вместе с братом, царем Иваном, Петр тут же

Наукам велит	быти совершенным,
И учителям	людям искушенным.

Через несколько строк он повторяет предложение. Если царь, «Имуще власть и крайне господство, со усердием о той попечется, — И слава ваша всюду пронесется». Если Петр продолжит усилия царей Алексея и Федора, то в скором времени «безучен чин в россах победится». Поэт снова повторяет просьбу завести в России науку:

Паки молю тя	царя благородна,
Да устроится	наука свободна!

Этого, по словам поэта, ждут «многие» россияне, уже получившие блага «богосветимых наук», этого ждет страна, людям которой Петр выступит как добрый отец и «духовный питатель». Этого требует величайший монарх — сам Господь. Наконец, просвещением России Петр оставит о себе похвальную память в веках.

Торжественная ода науке, оглашенная Карионом перед юным Петром, его матерью царицей Наталией Кирилловной Нарышкиной и, видимо, в присутствии покровителя поэта патриарха Иоакима, прозвучала в 1682 г. не случайно. Она была отражением долгой борьбы, которую ученые поэты вели в Москве еще с царствования Алексея Михайловича (1645—1676). В те времена, как и сейчас, власти реагировали на естественное для просветителей желание получить для науки государственную поддержку искренним или деланным недоумением: неужели положение с наукой в стране так плохо, что требуется специальными усилиями ее «умножать»?¹⁰ И зачем это самим поэтам-педагогам? Разве они и так не получают вознаграждение за свои труды?! — Ведь получают, и немало, так чем же они недовольны? Разве они не преподают в училищах, не работают на Государевом Печатном дворе? — А Сильвестр Медведев, вдобавок, сам руководит бесцензурной Верхней типографией, работающей на казенный кошт! Чем же они в процветающем Российском государстве недовольны?!

Здесь нужно пояснить, что Карион Истомин был не единственным и не первым в России поэтом, просветителем, педагогом и одновременно ученым. С 1660-х гг. в Москве работал и преподавал, в том числе для царских детей, выдающийся белорусский просветитель Симеон Полоцкий¹¹. В 1670-х ему в помощь выдвинулся, а в 1680 г. сменил умершего учителя Сильвестр Медведев¹². В свою очередь его помощником стал свойственник Медведева Карион Истомин¹³. Оба они, помимо прочего, были в ряду первых в России ученых истори-

¹⁰ Подробнее см.: *Богданов А.П.* К полемике конца 60-х — начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М., 1986. С. 177—209; *Богданов А.П.* Споры о вере и просвещении в России XVII в.: прения 1660-х, проигранные без оппонентов // VI Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы современной науки» (25.04.2016 г.). Ч. 1. М., 2016. С. 37—45.

¹¹ См.: *Татарский И.* Симеон Полоцкий. (Его жизнь и деятельность). М., 1886; *Еремин И.П.* Симеон Полоцкий — поэт и драматург // *Симеон Полоцкий*. Избранные сочинения. М.; Л., 1953. С. 257—258; Поэзия Симеона Полоцкого // *Симеон Полоцкий*. Virshi / Сост. Былинин В.К., Звонарева Л.У. Минск, 1990; *Панченко А.М.* Симеон Полоцкий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. СПб., 1998. С. 362—379 (с библиогр.). (Далее — СККДР); и др.

¹² См.: *Козловский И.П.* Сильвестр Медведев: Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895; *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 1896; *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев // Вопросы истории 1988. № 2. С. 84—98; *Панченко А.М.* Сильвестр Медведев // СККДР. Ч. 3. С. 354—361 (с библиогр.); и др.

¹³ *Брайловский С.Н.* Один из «пестрых» XVII столетия: историко-литературное исследование в двух частях с приложениями. СПб., 1902; *Брайловский С.Н.* К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя Карион // ИОРЯС. 1909. Т. 14. Кн. 1. С. 12—58; *Агаркова Р.К.* Спорные вопросы биографии Кариона Истомина // Ученые записки Душанбинского пед. ин-та им. Т.Г. Шевченко. 1967. Т. 51. Серия филологическая. Вып. 19. Языкознание и литературоведение. С. 100—116; *Еремин И.П.* Карион Истомин // История русской литературы. Т. 2. Ч. 2. М.; Л., 1948. С. 355—360; *Сазонова Л.И.* Карион Истомин // СККДР. Ч. 2. СПб., 1993. С. 140—152 (с библиогр.).

ков — правда, с уклоном в историческую публицистику. Стихи с рифмами при Московском дворе писали и декламировали весь XVII в., но Полоцкий привез в Первопрестольную новый принцип ученого западнорусского стихосложения: равностроение. Именно оно, наряду с цезурой — правильным делением строки на интонационные группы, которое сделал обязательным Истомин, — позволило серьезно упорядочить ритм поэтической речи и сделать ее воистину праздничной. Ученое стихосложение, которое я изучил и назвал силлабо-ритмическим¹⁴, было порождением новой университетской науки, бурно развивавшейся по всей Европе, и, естественно, служило ей в России.

Полоцкий и Медведев широко использовали поэзию в просветительных целях, то и дело подчеркивая значение науки в стихах¹⁵. Однако, предпочитая использовать для решения проблем просвещения личное общение с царями Алексеем и затем учеником Симеона Федором (1676—1682), они не имели необходимости публично ратовать за науку так горячо, как Истомин в «Приветстве» Петру. В стихах 1681—1682 гг., переполненных пышными метафорами во славу царя-философа, Медведев коснулся просвещения дважды, указав на заботу о просвещении как главную заслугу государя в прологе «Приветствия брачного» и вставив в конце строфы «О среде, дне благополучном» (для брака с Марфой Матвеевной) два двустишия о свободных науках:

О Боже, могущий то в Москве показать,
Да свободным наукам бы всюду сияти,
Подаждь России древних святых подражати,
И свободным наукам мощне прилежати¹⁶.

Царь-реформатор Федор Алексеевич¹⁷ и так завел во дворце светскую Верхнюю типографию (1679), а незадолго перед кончиной утвердил «Привилегию» Академии: юридически и финансово независимого учреждения, имеющего научные и образовательные цели. Академия имела независимые источники финансирования (в виде доходов с земель, имуществ и неограниченных пожертвований). Ее сотрудники и студенты имели иммунитет к преследованию по долгам и уголовным преступлениям, кроме убийства; впрочем, без разрешения Ученого совета нельзя было арестовать даже за убийство. В ведение Академии передавалась царская библиотека; строительство и ремонт ее зданий произво-

¹⁴ Богданов А.П. Западная Русь и становление великорусского стихосложения при Московском дворе // Российская реальность конца XVI — первой половины XIX в.: Экономика. Общественный строй. Культура. Сб. статей к 80-летию Ю.А. Тихонова. М., 2007. С. 156—185; Стих торжества. С. 33—74.

¹⁵ Эта тема не раз рассматривалась. См.: Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974; Пушкирев Л.Н. Общественно-политическая мысль в России. Вторая половина XVII века. М., 1982; Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973; Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1991; и др.

¹⁶ Дурново Н.Н. Приветствие брачное Сильвестра Медведева. СПб., 1904. С. 26—27, цит. с. 24. См. также: Дурново Н.Н. Приветствие брачное, поднесенное царю Феодору Алексеевичу 18 февраля 1682 г. Харьков, 1912. Авторская рукопись: ГИМ. Синодальное собр. 1705. Л. 91 и сл.

¹⁷ О просвещенном государе и направленности его реформ см.: Богданов А.П. Федор Алексеевич // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 59—77; Богданов А.П. В тени Великого Петра. М., 1998; Богданов А.П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009.

дились за казенный счет; в старости академики обеспечивались царской пенсией. Царь обещал выпускникам Академии, получившим должные рекомендации ученых, преимущественное право на занятие государственных должностей, исключая, естественно, те, что по традиции занимала аристократия. Наконец, только Ученый совет мог решать, что является ересью и колдовством, а что — наукой, и выносить суждение о квалификации иностранных ученых.

Утвержденная царем жалованная грамота Академии (указанный в тексте вид документа), по содержанию названная в тексте «Привилегием»¹⁸, имела, как почти все публичные акты Федора Алексеевича, краткую, но емкую мотивировку. Именно наукой «вся царствия благочинное расположение, правосудства управление, и твердое защищение, и великое разпространение приобретают!» Наука — это «всему нашему царствию полезное... дело». Для ее «взыскания» царь повелевал «храмы чином Академии утвердити; и во оных хощем семена мудрости, то есть науки гражданския и духовныя, наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия... постановити. При том же и учению правосудия духовнаго и мирскаго, и прочим всем свободным наукам, ими же целость Академии... составляется, быти»¹⁹.

Подобно западным университетам, Академия должна была сосредоточить в себе как гражданские знания, дающие реальные блага, так и религиозные. «Мудростию во вещех гражданских и духовных познаем доброе и злое, — говорил царь, — ... с нею же вся благая от Бога людям дарствуется». Однако то, в чем был убежден коронованный философ, вызывало в 1680-х гг. сомнения в обществе. Автор одного из полемических сочинений вынес на обсуждение язвительный вопрос: «Учиться ли нам полезнее грамматики, риторики, философии, и феологии, и стихотворному художеству, и оттуду познавати Божественная писания, или, не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати и от чтения разум Писаний познавати»²⁰? Публицист был не против науки вообще, но выражал подозрение в благочестии западной науки, основным языком которой

¹⁸ Беловой список «Привилегии», принадлежавший Медведеву, исправленный его рукой и подписанный, с добавлением в начале (л. 1—5 об.) стихотворного «Вручения» царевне Софье: ГИМ. Синодальное собр. № 44/898, 30+III л. Весь текст опубл.: Древняя Российская Вивлиофика (ДРВ). Ч. II. СПб., 1773. С. 195—239. (Второе изд.: Там же. Ч. VI. М., 1788. С. 390—420); *Фонкич Б.Л.* Греко-Славянские школы в Москве в XVII веке. С. 279—297. «Вручение»: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 383—388; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.М. Панченко. Л., 1970. С. 191—197; *Панченко А.М.* Силлабическая поэзия XVII века // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2014. Т. 18: XVII век. С. 329—336.

¹⁹ Подробно: *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. Гл. 4. Борьба за просвещение. С. 279—334.

²⁰ Сочинение помещено в сборнике, списанном в 1685 г. в Москве для архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия с рукописи, принадлежавшей, видимо, Евфимию Чудовскому: БАН. Архангельское собр. № 164. Л. 142 (Ф — 153—185 об.) и далее (описан: *Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890. № 115). Второй список в сборнике-конволюте конца XVII в. из библиотеки Софийского дома: РНБ. Софийское собр. № 423. Л. 2—19 об. Описан: *Кантмев Н.Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII в. до открытия Славяно-греко-латинской академии // Прибавления к творениям св. отцев в русском переводе. Ч. XLIV. М., 1889. С. 628—629, 638—645. Оpubл.: *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. СПб., 1899. Приложения. С. VI—XXVI.

была латынь. Автор другого публицистического сочинения, обращаясь ко всем духовным и мирским начальникам, молил всеми средствами «угасить малую искру латинского учения, не дати той раздмиться и воскурится, да не пламень западного зломысленного мудрования растекся попалит и в ничто же обратит православия восточного истину»²¹. Если научные знания и не вредят вере людей просвещенных, то опасно их распространение в народе. «Аще же услышится в народе, паче же в простаках, латинское учение, — писал автор первого трактата, — не вем коего блага надеяться, точию избави Боже всякия противности!»²²

Эти полемические выступления, нагнетавшие страхи, принадлежали людям просвещенным. Уже в XVII в. серьезнейшим препятствием для развития российской науки были личные, часто непримиримые разногласия между учеными. Против учившегося на латинском Сильвестра Медведева выступал не менее ученый лидер «грекофилов» Евфимий Чудовский²³; отдельную позицию занимал выдающийся публицист, композитор и историк Игнатий Римский-Корсаков²⁴; свою лепту в разногласия внесли получившие образование в Италии братья Лихуды²⁵; и т.д. Пока они спорили, не чуждаясь выпадов религиозных и политических, вопрос об Академии после смерти царя Федора завис, и власти от нее отказались, считая достаточным наличие простых училищ с программой средних учебных заведений.

Позиции полемистов не всегда радикально расходились. Автор «Довода вкратце», например, ссылаясь на опыт западноевропейских университетов и не был склонен считать все латинское еретическим; ему важно было лишь поставить изучение греческого языка и литературы прежде латинского, — как и было обозначено в Жалованной грамоте Академии. Но каждая из ученых сторон мечтала использовать политические рычаги для создания Академии «под себя», в пылу все более жарких споров дискредитируя в глазах общества саму идею развития науки²⁶. Медведев сначала тайно, а вскоре явно поставил свой талант на

²¹ «Довод вкратце. Яко учение и язык еллиногреческий наипаче нужно-потребный, нежели латинский язык и учения, и чем пользует словенскому народу» датируется концом 70-х — началом 80-х гг. XVII в. См.: РГБ. Ф. 173. П. № 35. Л. 153—158 об. Сборник конца XVII — начала XVIII в., принадлежавший семье московских дворян Власовых (Михаилу и Ивану Остафьевичу), содержит полемические трактаты против «латинства», сочинения и выписки из изданий Симеона Полоцкого, Иоанникия Галятовского, Иннокентия Гизеля, братьев Лихудов, стихи и проповеди. Описан: *Тиганова Л.В.* Собрание Московской духовной академии дополнительное. Оп. II. М., 1965 (машинопись). С. 18—19. «Довод» датирован: *Горский А.В.* О духовных училищах в Москве в XVII столетии // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. Ч. III. М., 1845. С. 176—178; опубли.: *Кантеев Н.Ф.* О греко-латинских школах... С. 672—679.

²² Оба памятника переизд.: *Фонкич Б.Л.* Греко-Славянские школы в Москве в XVII веке. С. 244—261, 264—267.

²³ *Флоровский А.В.* Чудовский инок Евфимий: Один из последних поборников «греческого учения» в Москве в конце XVII в. // *Slavia*. 1949. XIX. Seš. 1—2. S. 100—152; *Исаченко-Лисовая Т.А.* Евфимий // СККДР. Ч. I. СПб., 1992. С. 287—296.

²⁴ *Белоброва О.А., Богданов А.П.* Игнатий // СККДР. Ч. 2. СПб., 1993. С. 26—31; *Богданов А.П.* Европейский историк в России XVII века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 69—86; *Богданов А.П.* Первый Римский-Корсаков // Россия XVII века и мир. М., 2001. С. 322—345.

²⁵ О них подробно см.: *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды.

²⁶ О ходе и результатах этой борьбы см.: *Богданов А.П.* Московская публицистика... Гл. 5. Борьба за право разума. С. 335—427.

службу царевне Софье, которая к концу 1682 г. стала неформальной регентше при двух царях. Именно он помог ей в 1686 г. официально утвердиться у власти. Евфимий и Лихуды делали ставку на патриарха, выступавшего на стороне юного Петра, одновременно используя в своих целях канцлера В.В. Голицына и даже... тайно сотрудничая с фаворитом Софьи Ф.Л. Шакловитым (Иоанникий Лихуд).

В результате проиграли все: Медведев потерял голову на плахе, а остальные (включая Римского-Корсакова) отделались более или менее почетными ссылками, утратив при дворе влияние и авторитет. Но в первую очередь проиграла наука: Россия не получила в XVII в. не только автономной Академии царя Федора, но даже урезанной в программе и правах Славяно-греко-латинской академии²⁷.

Лишь один человек удержался от этой «партийной» борьбы, пропагандируя науку независимо от политических симпатий. Это был Карион Истомин, добивавшийся своими выступлениями перед всеми чинами двора стратегической цели: понимания элитой важности образования и науки для развития страны. Его главным средством стала придворная ода, выражавшая восторг перед Творцом, системой его Мироздания и центром земной вселенной — православным самодержавным Российским царством.

Смысл оды как стихотворного жанра, зародившегося в античные времена и возрожденного во Франции XVII в., состоял именно в восторженном, ликующем верноподданническими чувствами восхищении по поводу чудесных свойств Бога, человека и Природы, подвигов и заслуг адресата. Но даже классику этого жанра Малербу (1555—1628) было далеко до высоты стиля и грандиозности образов, которые смело, «прямо в глаза» адресатам использовали поэты при Московском дворе. Великий систематизатор²⁸ Истомин привел идеи, с помощью которых Полоцкий и Медведев славили Российское царство и его властителей, к единому синтетическому образу, объединившему задачу просвещения и новую державную концепцию, утвержденную при воцарении Федора и подтвержденную при коронации Ивана и Петра.

Сила новой державной концепции, которую мне удалось исследовать²⁹, состояла в неразрывном единстве трех составляющих: богоизбранности России, православия, дающего ей законное право просвещать весь мир, и самодержавия, выделяющего именно это царство среди других православных народов,

²⁷ См.: *Богданов А.П.* Из предистории петровских преобразований в области высшего образования // Реформы второй половины XVII — XX в.: подготовка, проведение, результаты. М., 1989; [*Богданов А.П.*]. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. Гл. 3; *Богданов А.П.* Борьба за организацию Славяно-греко-латинской академии // Советская педагогика. 1989. № 4; *Богданов А.П.* Университет или церковная школа? Мотивация Сильвестра Медведева и его противников // VI Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы современной науки». Ч. 1. С. 13—21.

²⁸ И в поэзии, и в педагогике, где Карион создал революционную систему учебных пособий для поэтапного обучения детей в соответствии с выявленными Коменским стадиями развития детской психики. См.: *Богданов А.П.* Карион Истомин и Ян Амос Коменский (К проблеме освоения творческого наследия «учителя народов» в России XVII века) // Acta Comeniana. Revue internationale des etudes comeniologiques. 8 (XXXII). Praha. S. 127—147; *Богданов А.П.* Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII — начало XVIII века. Ч. II. Поэзия просвещения. М., 2005. С. 199—348.

²⁹ *Богданов А.П.* Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы. М., 1995. С. 211—224; *Богданов А.П.* Московская публицистика... С. 13—40.

царства не имеющих. На фоне этой мощной идеи, делающей Россию прообразом Царства Божия на земле³⁰, поблекли все предшествующие концепции: Святой Руси, имперского наследия, Москвы как нового Рима³¹ и т.п. Православные самодержавные цари России были не просто помазанниками Божиими — их ставил на царство сам Бог для счастья страны и всей Вселенной³².

Именно эту концепцию Истомин сочетает в оде царю Петру 1682 г. с требованием развития науки³³. Поэт использовал для построения оды образы Российского державного орла³⁴ и царя-солнца³⁵, разработанные Полоцким и использованные Медведевым. Следуя за ними, Карион по-своему и весьма решительно очистил поэтическое пространство от показателей «учености», не работавших на главную идею славы и величия российского самодержца. Результатом стала величественная литературная картина с центральным образом Царя—Орла—Солнца, осознаваемая аудиторией не путем изучения текста книги (на которую ориентировались в своем творчестве Сильвестр и Симеон), а на слух, при чтении оды.

Истомин, в духе недавнего венчания царей (25 июня 1682 г., на которое он тоже написал стихи³⁶) начал с богоизбранности пресветлого и высокопарящего царя-орла, который своими крыльями покрывает всю державу и охраняет ее от врагов, пожелав государю:

³⁰ О содержании и развитии имперской концепции, рассматривавшей Российское православное самодержавное царство зародышем будущего вселенского царства Христа см.: *Богданов А.П. Россия накануне империи: политические концепции и реальность последней четверти XVII века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М. 2002. С. 9—29; Богданов А.П. Московская публицистика. С. 40—76. Ее пропагандировал, между прочим, близкий друг Иоакима, архимандрит новоспаский Игнатий Римский-Корсаков, но не сам патриарх, для которого Истомину пришлось писать иные сочинения.*

³¹ Не путать с «Третьим Римом». См.: *Богданов А.П. Россия между царством и империей. Конец Третьего Рима и начало великой державы // Проблемы российской истории. Вып. IV. Магнитогорск, 2004. С. 17—33; Богданов А.П. Теория «Москва — центр мира» в державной концепции и у кратких летописцев XVII века // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 2. География и политика. М., 2006. С. 91—111.*

³² *Богданов А.П. Российское православное самодержавное царство // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2. Царь и царство в русском общественном самосознании. М., 1999. С. 94—111.*

³³ Строфы стихотворной декламации поэта к царю (на это указывают два прямых обращения «раба», «монаха худейша»), начинающиеся и заканчивающиеся пожеланиями «обновиться яко орлей юности» Петра, навеяны стихотворением Симеона Полоцкого, посвященным царю Алексею Михайловичу («Орле пресветлый восточныя страны / От орлов орле Богом преизбранный...»), список которого имелся у Истомина (ГИМ. Чудовское собр. № 99/301. Л. 185—192). Впрочем, это образ из Псалтири: «Обновляется, подобно орлу, юность твоя» (Пс. 102, 5). Тему «Обновится яко орля юность твоя» Карион развил самостоятельно, ограничившись тем, что извлек из сочинения Симеона несколько рифм (в отличие, например, от Медведева, переписывавшего учителя весьма щедро).

³⁴ Образ Орла Российского — центральный в ученой поэтической книге Полоцкого на объявление наследником царевича Алексея Алексеевича в Новый год 1 сентября 1667 г. Издано по подношному экземпляру БАН. 16.5.7, с разночтениями по авторскому сборнику «Рифмологион» (ГИМ. Синаodalное собр. № 287): Орел Российский, творение Симеона Полоцкого / Н.А. Смирнов // ОЛДП. Т. СXXXIII. 1915.

³⁵ Полоцкий в публичных выступлениях активно применял образ царя-солнца к Алексею Михайловичу в 1656 и 1660 гг., тогда как король Франции Людовик XIV был объявлен поэтами «королем-солнцем» в 1662 г. См.: *Богданов А.П. Несостоявшийся император. С. 12—13.*

³⁶ Памятники... № 5. С. 95—97; Стих торжества. С. 383—385.

Да бодрствуеши ты	орле без меры,
Науку явиши	для истинной веры(.)

Связь защиты державы с наукой была нетривиальной, и Карион развил именно ее, походя изменив известный образ «орла в солнце»³⁷:

Орле пресветлый,	орле пречестнейший.
Над орлы орле	славою первейший.
Твоя пресветлы	криле распространены,
Аки от солнца	лучи испущены.
Во желание	к мудрости летети,
Да ю привлечешь	в российския дети.

С мудростью, которую дает наука, связан не только актуальный в 1682 г. социальный мир, но и распространение в мире православия:

Царю нам солнце	будь присно светимо,
Простер орлих крил	держи нерушимо <...>
Да в мудрости сам	красно воспоеши(.)
Людей веселя(.)	добре поведеш.
По сем неверных	страны пролетиши,
И волк безбожных	в агнцы претвориши. <...>

«Царственный град» Москва, считавшийся россиянами центром мира³⁸, был ассоциирован со стоящим в центре мира «престолом мудрости», изливающейся через вдохновенного богом царя-философа. Затем Истомин завершил оду на самой торжественной ноте, связав любовь царя в науке с победой над врагами и объединением всей вселенной под властью российских самодержцев:

Грядите россы	в радости грядите,
Се царя Петра	в венце его зрите <...>
Радуйся царю	миру прежеланный,
Свыше Российску	царству дарованный <...>
Озаряй свете	всего царства страны,
Сокруши враги	яко темны враны.
Будь здрав радуйся	царство разширяя,
Полки неверных	удобь прогоняя.
По сем скрепивши	верну ти державу,
От всех стран венцы	приемлеш на главу! ³⁹

Когда к концу 1682 г. поэту стало ясно, что власть после окончания Московского восстания не вернулась к сторонникам Петра, а перешла к царевне

³⁷ Аллегория Полоцкого — державный орел, вписанный в солнце, исходящее лучами царских добродетелей, — по мотиву из Псалтири: «Во солнце положи селение свое» (Пс. 18, 5).

³⁸ *Богданов А.П.* Теория «Москва — центр мира». С. 91—111.

³⁹ Стих торжества. С. 392—397.

Софье, он переадресовал просьбу о заведении в России «науки совершенной» ей. Летом 1683 г. он еще более пышно восславил царевну, которая и должна была принести в Россию «свет наук»⁴⁰.

Принцип подачи идеи просвещения властям был найден, оставалось его практически проработать. Первый шаг в этом направлении, как выяснилось, неудачный, сделал Медведев. 21 января 1685 г. он с помощью Федора Леонтьевича Шакловитого поднес царевне Софье богато украшенный экземпляр «Привилея»⁴¹. К этому времени Верхняя типография была уже закрыта, а вопрос об Академии прочно законсервирован. В оде на вручении Софье «Привилея» Сильвестр с жаром призвал правительницу завершить начатое царем Федором дело.

Человеку разумному, утверждал поэт, *естественно* быть мудрым, ученым. Как невозможно жить без пищи, воде течь без уклона, видеть свет без глаз,

Тако разумну	быти без учения,
И без прилежна	о сем попечения. —

Не понимающий этого, — пишет поэт Софье — просто слеп:

Т(ь)ма, мрак без солнца,	без мудрости тоже:
Тобою ону	утверди в нас, Боже!
Дабы в России	мудрости сияти,
Имя ти всюду	в мире прославляти.
И понос от нас	хощеши отъяти,
Яко Россия	не весть наук знати.
Егда же от тя	тою просветится,
Вся вселенная	о том удивится!

Прославив Богом данные качества правительницы, Медведев вкладывал в ее сердце желание, которого царевна не имела: просветить Россию науками так же, как княгиня Ольга просветила Русь верой. Софья, писал Сильвестр, и так славится в мире своей мудростью, которой ее наградил Господь, но ей не будет равных как матери наук:

Имя ти во всем	мире славно будет,
Паче всех доброт	ти во век пребудет!

⁴⁰ Комплекс автографов, связанных с поднесением царевне Софье третьей редакции «Книги», расположен на л. 1—17 сборника ГИМ. Чудовское собр. № 99/301. Беловик основного текста, написанный и поправленный автором коричневыми чернилами (л. 1—12), был выборочно издан С.К. Смирновым в Приложении № 1 к «Истории Московской славяно-греко-латинской академии» (М., 1885). Опущенные строфы и поправки к публикации Смирнова напечатал С.Н. Брайловский (Один из «пестрых». С. 427—435).

⁴¹ На сохранившемся беловике рукой Сильвестра приписано: «Сидевшая книга со всеми изрядно заставицами златыми устроена и во алую тафту переплетена и б(лаговерной) г(осударыне) ц(аревне) поднесена ианнуария в 25 день в вечеру на всеношном, а подносил Ф(едор) Л(еонтьевич) Ш(акловитый)». ГИМ. Синодальное собр. № 44/898. Л. 25. На л. 25 помета: «В сей книге 25 листов, да сначала 5 листов еще», — т.е. л. 1—5 об., на которых рукой Медведева написано «Вручение», рассматривались как дополнение к списку «Привилея».

Медведев, как историк, описал трудность задачи просвещения Руси науки, которую не смогли решить все великие князья и цари, даже премудрый брат Софьи Федор. Однако довольно иностранцам смеяться над россиянами, живущими без наук, «яко без света»:

Тебе бо слично	науки начати,
Яко премудрой	оны совершати.
Да за то дело	славу уллучиши,
Во всем мире, и	в небе жить будеши.

Государственная необходимость требовала, по словам Медведева, немедленной реализации проекта Академии. Однако его лобовая атака привела к результату противоположному. В том же году его противники начали провокационный богословский спор, а в 1687 г. вместо закрытой гимназии Медведева и Типографской школы в Заиконоспасском монастыре осталось одно заведение Лихудов⁴². В позднейшей литературе оно было объявлено Славяно-греко-латинской академией⁴³. Однако Истомин, сам преподававший в этих «схолах», сходства с Академией в них не видел.

В оде с акrostихом⁴⁴, которую его ученики произнесли перед Софьей в том же 1687 г., выражается надежда, что сам Бог, который «славящую царевну днесь славит», через нее даст России науку:

Философии	чрез ню подаст быти,
Может знания	в россах сей открыти.

Хваля правительницу, о науке в России ученики говорят только об уповании («аше» — если) на ее «заведение» премудрой царевной, благодаря которой «мудрость в царстве ... возсияет»:

Аше оная	благо zde вселится,
Всяк добротю	ея украсится! ⁴⁵

На Рождество следующего, 1688 г. при дворе была исполнена пышная ода Кариона, показывающая, что в научных знаниях нет никакого зла. Напротив, именно они могут наилучшим образом показать величие замысла Творца.

⁴² *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 64—70.

⁴³ Автор первого монографического исследования Заиконоспасских школ братьев Лихудов, утверждая их право называться Академией, признавал тем не менее, что «в бумагах того времени Академия называлась Греческими школами, Еллино-славянскими схолами» (*Смирнов С.К.* История... С. 38, 39—43). Действительно, название «Академия» и вообще иные определения, кроме «школ, схол», не применяются к заведению Лихудов во всех известных к настоящему времени документальных и повествовательных источниках XVII в. Что касается документов — а речь идет, прежде всего, о документах финансовых, то на точность формулировок ответственных приказных чиновников следует положиться.

⁴⁴ По первым буквам двустийши: ЦАРЕВНА СОФИЯ СПАСИСЯ И РАДУИСЯ.

⁴⁵ Черновой автограф: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 70; Авторские беловики: № 99/301. Л. 214 об.; № 89/291 (подносной экз.); РГАДА. Ф. 196. Собр. Мазурина. Оп. 1 (3). № 645. Список для Афанасия Холмогорского: БАН. Архангельское собр. № 178. Л. 37—38. Оpubл.: Памятники... № 14; Стих торжества. С. 407—409.

Веселися ты	страна добра росска,
Радуйся народ	царствия Московска! —

призывал Истомин, приветствуя царский двор и патриарха от имени стран света и четырех известных тогда континентов⁴⁶. Именно наука, подчеркивает поэт, позволяет познавать мир, а значит и чудесные замыслу Бога:

Ничто же тако	ползы сотворяет(,)
Токмо кто в Христе	о всем размышляет.

На Пасху следующего, 1689 г. ученики Истомина красноречиво благодарили патриарха Иоакима за обеспечение их школы. Школа в Москве была, однако наука, ненавязчиво напоминали дети патриарху, все еще оставалась в перспективе:

Учение zde	чрез тя да прострется,
В страны и царства	слава да несется.

Между тем, светлое будущее России связано с учением:

В нем спасение	и полза народа,
Гражданская же	в разуме свобода.

Именно через науку государство решит главные внешние задачи:

Охранство царству	и краса наука,
Иноверный нань	не востягнет лука.
Злобжнии бо	ею победятся
И в веру святу	чрез ню обратятся.

Без науки невозможно и внутреннее благоустройство России:

В судилах мудрость	место заседает,
Неправды, лести	всяки истребляет.

В заключение ученики восклицали:

Боже, утверди	науку zde в веки,
Да пребывает	в россах с человеки!

Ученики Истомина поздравили с Пасхой также царей, царевну Софью, цариц, царевен, Боярскую думу, воинство и весь народ:

---

⁴⁶ Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Библиотека. № В-5715. Л. 3—8 (список 1697 г.). (Далее — ВСМЗ). Разночтения: ГИМ. Чудовское собр. № 99/301. Л. 218—219 об. (автограф, черновик). Опул.: Стих торжества. С. 410—422.

Да в светлости дней	все возвеселятся,
О строении	школьном да потщатся.
Спомогая	спасенной науки,
В милость прострут	нам святые свои руки ⁴⁷ .

В оде к святой Евдокии, посвященной летом 1689 г. жене канцлера Голицына княгине Евдокии Ивановне, Истомин внушал слушателям, что человек создан Богом, чтобы было кому созерцать видимый мир. И человек создан разумным, чтобы познавать этот мир, возвышаясь умом к его Творцу. Календарь, числу дней в году, число частей тела и множество других вещей при их познании ведут к Богу⁴⁸.

На Рождество 1689 г., когда была уже свергнута царевна Софья и сослан со всей семьей канцлер Голицын, Карион в радостной оде прославил приход Спасителя, которого славят в стихах небо и Земля, воды и народы. Восторг ученого перед необъятным небом, в котором ни на чем не держится Земля, светит превосходящее ее размерами Солнце, соблюдают свой закон движения планеты и звезды, дополняют чудеса Земли. Эта планета:

Среди небесе	как точка стоима,
В тягости своей	ни ким же держима.

Как планета «и Лунное тело, бегаёт скоропо аеру смело». Не менее поразительна «стихия вода» с ее круговоротом, источник всего живого, в том числе прародительская колыбель зверей и птиц (!):

Естество жидко	на склонность лианно,
Обаче Творцем	ни в чем содержанно.
Вяжет в облацех	воду на воздухе,
Изливает дождь	в плоды земли сусе.
Моря велики	днесь в земли держимы,
В глубости бездны	никогда же зримы.
Реки вси текут(,)	присно в землю ходят(,)
Животных роды	многи в себе плодят.
Звери и рыбы	воды изведоша,
Из них и птицы	в воздух побегоша.

Особо загадочен человек, коим «Бог изволилвесь мир удивити»:

Сзда умное	животно из персти,
Не имеюще	ни лузги ни шерсти.
Наг(,) не усброен(,)	в лицах разны виды,
Человек терпит	и от блох обиды.

⁴⁷ Черновой автограф: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 114 об.; авторский беловик: ГИМ. Собр. Уварова. № 73. Л. 138—139. Оpubл.: Памятники... № 21. С. 204—206: Стих торжества. С. 423—427.

⁴⁸ Черновой автограф: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 144 об. Оpubл.: Стих торжества. С. 444—446.

Только разумом и способностью к познанию человек подобен своему Творцу!⁴⁹ Это убеждение в высоком предназначении человека, связанном с его способностью к научному познанию, проходила через творчество Кариона из года в год. Рождение в феврале 1690 г. первенца Петра Алексея поэт отметил одой, в которой, помимо выражения чисто государственных восторгов, подчеркнул:

Мудрии мужи	сие написаша(,)
И философы	тоезде вещаша.
Что-ли Бог строит	к человек потребе(,)
Да размышляют	в жителстве о небе.

И затем повторил это на примере астрологии⁵⁰.

В торжественной оде ко дню ангела Петра 29 июня 1690 г. Истомин вновь призвал царя заняться государственной поддержкой науки:

В царстве постави	мудростну науку(,)
Да прострет хотяй	всяк к ней свою руку(.)
Возводит она	люди вечну царству(,)
Научает же	всякому изрядству.
Граждански дела	мудростью судимы(,)
Небо и земля	вся вещи в ней зримы(.)
Забавлятися	сладко в той пригоже(,)
Ничтоже бо есть	мудрости дороже.

Даже главная задача государя — защита веры — связана с наукой:

Лучше всяких дел	Богу угодиши
Аще россиян	тою просветиши!

В особой строфе поэт воспел блага, которые получит от ученых Российская держава:

Зрителни люди	зде в вашей державе
Учеными мудрость	восприявие здраве.
Духовны врачи	будут и телесны(,)
Свойственны люди	должностью нелестны(,)
Хитростей делных	и ратных навькнут(,)
Философию	и сами воскликнут.
Оградятся бо	учением сладким(,)
Пойдут по тебе	путем в правде гладким.
Не постыдятся	врагом отпор дати(,)
С тобою царем	царство защищати! ⁵¹

⁴⁹ Авторский беловик: ГИМ. Чудовское собр. № 99/301. Л. 259—264 об. Разночтения по: ВСМЗ. № В-5715. Л. 8 об.—12 об. (список 1697 г.). Опубл.: Стих торжества. С. 453—461.

⁵⁰ Черновой автограф: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 71—72, 116. Опубл.: Стих торжества. С. 489—498.

⁵¹ Черновой автограф: ГИМ. Чудовское собр. № 99/302. Л. 223—223 об. Опубл.: Стих торжества. С. 511—514.

Менее чем год спустя, в день ангела царевича Алексея Петровича 17 марта 1691 г., Истомин лично произнес оду его патрональному святому. Обращаясь к царской семье, прежде всего — к царю Петру, поэт воспел Алексея человека Божия как исполнителя замысла Творца, «в мудрости» создавшего человека, чтобы тот исследовал мир. Первый «листом», который прилежно читал святой, было небо, познаваемое через астрономию. Второй «лист» прочитанной Алексием книги — науки о Земле и ее обитателях. Третий «лист» — сам человек, созданный для познания природы и замыкающий в себе Небо и Землю:

Третш лист человек,	малый мир зовеса,
Вещь боготворна,	в нем зренно сомкнися.
По телу земен,	по душе небесный,
Славою венчан,	к Богу зритель десный.
Поклонник умный,	образом почтенный,
В райской красоте,	бысть той посаженный ⁵² .

Телом человек — животное, но разум приближает его к Творцу, если этот бесценный дар используется для познания мира и самого себя. Мысли по этому поводу, рассыпанные по многим произведениям, Истомин чеканно сформулировал в оде царице Прасковье Федоровне, супруге царя Ивана, ко дню ее ангела 14 октября 1692 г.:

Вся убо вещи	Богом сотворены(,)
В разсмотрительство	людem положены(,)
Да благомыслно	тыя созерцают(,)
Всетворца Бога	присно восхваляют.
Аггели(,) небеса,	На земли чудеса(,)
Моря(,) реки(,) воды	Зри колики роды(!)
Но паче всего	человек избранный(,)
Рукою Бога	в жизнь сию созданный ⁵³ (.)

В том же 1692 г., выступая с одой на освящение храма в Новом Иерусалиме перед патриархом Адрианом, Истомин, как затем Ломоносов, приходит в восторг от творений Бога, которые тот представляет единственному их разумному зрителю — человеку:

Возрю на небо	ум не постизает,
Славу бо Бога	и твердь возвещает.
Смотрю на землю	ту притупляется,
Яко ни на чем	та укрепляется.
По широте ли	ум чий понесется,
Бездны божиих	судеб напасется.

⁵² Беловой автограф: ГИМ. Уваровское собр. № 73. Л. 111 об.—113 об. Оpubл.: Стих торжества. С. 526—529.

⁵³ Черновой автограф: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 162—162 об.; авторский беловик: ГИМ. Уваровское собр. № 73. Л. 117 об.—119. Оpubл.: Стих торжества. С. 543—547.

Все чудеса предназначены человеку для наслаждения познанием:

Где ли убо кто	обратится в свете,
Дивны чудеса	в временах и лете. <...>
В божиих делах	кто бы забавлялся,
По премногу бы	в жизни утешался ⁵⁴ .

В 1692 г. поэт в поучении от царя Петра «Сыну Алексию и во всю Россию» приветствовал всех, «кто любит науку». Царь призывал сына и россиян к учению, развитию ума и познанию «мудрости»⁵⁵.

Поэт был глубоко убежден, что функция познания не зависит от пола. Как свои учебники он адресовал «хотящим учиться мужам и женам, отрокам и отроковицам»⁵⁶, так и при дворе воспел за премудрость «в науках книжных» многих женщин, например, великомученицу Екатерину в оде к боярыне Екатерине Богдановне Стрешневой, жене ближнего сподвижника Петра, 24 ноября 1692 г.:

Дивитися той	подобает зрящим(,)
Прияти разум	от Бога хотящим,
Когда родится	животно словесно,
В бытность человек,	по душе небесно.

Святая дева, писал поэт в пику тем, кто видел в науках ересь:

Философию	уме(,) риторик(,)
Астрономию,	еллинскаго крику.

Екатерина настолько «умудрилась», что «вся философы эллински препрела», так что боярыня с мужем и детьми не напрасно захотели написать великомученице службу и житие⁵⁷.

Последние публичные выступления Истомина при дворе в пользу науки, ума и знаний относятся к осени и зиме 1695 г., когда в оде царю Петра от ученика школы восхвалялся «острый разум» царя⁵⁸, а в Рождественской орации благодетелю демонстрируется связь звездного неба с земными делами с помощью сведений астрономии⁵⁹.

29 января 1695 г. умер царь Иван, и вся тяжесть правления Россией легла на одного Петра (правившая за него с осени 1689 г. мать скончалась еще рань-

⁵⁴ Авторский беловик: ГИМ. Чудовское собр. № 99/301. Л. 230—237. Оpubл.: Стих торжества. С. 551—560.

⁵⁵ Беловой автограф: ГИМ. Уваровское собр. № 73. Л. 149—151. Оpubл.: Стих торжества. С. 568—572.

⁵⁶ О педагогических трудах Кариона см. прим. 28.

⁵⁷ Черновой автограф: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 164 об. Оpubл.: Стих торжества. С. 548—550.

⁵⁸ Черновой автограф: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 58 об. Оpubл.: Стих торжества. С. 589—590.

⁵⁹ Черновой автограф: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 57 об.—58. Оpubл.: Стих торжества. С. 591—594.

ше, 25 января 1694 г.). В истории России начиналась новая эпоха: страна реально вступала в Век государственного Просвещения, путь к которому упорно мостили в умах придворные поэты.

* * *

Заслугой Кариона Истомина, пропагандировавшего государственное значение науки в новом, во многом созданном лично им жанре придворной оды, было талантливое и доступное для сознания российской элиты включение идеи познания в общую державную концепцию. Поэт убеждал власти, что «мудрость» найдет применение в государственном управлении, юриспруденции, дипломатии и военном деле, медицине, астрономии, кораблевождении и ремеслах, не говоря уже о философии и богословии. Развитие национальной науки, по его мнению, — залог нравственного единства народа, благополучия, богатства, силы и славы государства, грядущего благоустройства России и ее успехов на международной арене. Изучение естественных и гуманитарных наук, исследование законов Природы и самого человека-микрокосма — не только способ обеспечить стране изобилие земных благ. Это естественный для «словесноумного животного» путь прославления Творца, который дал человеку разум, чтобы тот исследовал и подчинял себе мир⁶⁰.

А где же, спросите вы, среди прославлявшихся при дворе знаний место главной науки — истории? Ведь именно в 1680—1690-е годы, когда Карион оглашал царский дворец звучными одами, в Москве зарождалась современная историческая наука и были написаны первые четыре научные монографии (на рубеже 1670—80-х, в 1687, 1688 и 1692 гг.)⁶¹. Истомин, сам создавший после 1696 г. документальную «Книгу о взятии Азова»⁶², значение исторических знаний прекрасно понимал и широко использовал их в поэтическом творчестве.

Во удобстве ум	вещь изображает,
И памяти вид	тоя подавает. —

⁶⁰ См. также: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 51 об.—52, 116; № 99/301. Л. 220—223 об.; и др. О его взглядах на науку подробнее см.: *Богданов А.П.* Естественнонаучные представления в стихах Кариона Истомина. С. 260—279.

⁶¹ См. подробнее: *Богданов А.П.* От летописания к исследованию. Ср. издания текстов первых монографий: *Игнатий Римский-Корсаков.* Генеалогия / *А.П. Богданов.* М., 1994; Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / *Богданов А.П.* М., 1990. С. 45—200; Сильвестра Медведева «Известие истинное» / *Белокуров С.А.* // ЧОИДР. 1885. Кн. 4; *Андрей Лызлов.* Скифская История / *Богданов А.П.* М., 1990.

⁶² См.: «Сказание о взятии Азова»: РНБ. Собр. Погодина № 1609. Л. 270 и след.; ДРВ. Изд. 2-е. Ч. XVI. Она была использована в летописном своде митрополита Игнатия Римского-Корсакова и, в сокращенном виде, в Латухинской Степенной книге патриаршего казначея Тихона Макарьевского (ГИМ. Собр. И.Е. Забелина № 263. Л. 401 и сл. — подлинник свода Римского-Корсакова; собр. Вострякова № 852. Л. 369—371 об.; РГБ. Собр. Отдела рукописей. Пост. 1967 г. № 46. Л. 132 об.—134; и др.). Не ранее 1701 г. на ее основе была создана «Повесть о взятии Азова Петром I в 1696 г.» (См. рукописи РНБ: Q.XVII.46; F.XVII.10). Подробнее о последней см.: *Каган М.Д.* Повесть о взятии Петром I Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. Т. XLI. Л., 1988. С. 49—52.

писал поэт в одной из од 1692 г.⁶³, указывая, что такое «изображение» прошлого передается в текстах. Но среди перечисляемых им наук, даже в самых полных их перечнях, например, в системе стихотворно-изобразительных учебных пособий, где воспеты самые разные отрасли знаний, истории нет! Не было ее, надо заметить, среди официально признанных университетских наук вообще. Это было тяжкое заблуждение текущего века Научной революции, которую не сумел в должной мере исправить и грядущий Век Просвещения.

Ведь история, как признал еще царь Федор Алексеевич, является матерью всех наук. С созданием научной истории России «любомудрый» государь связывал стремление «преукрасить всякими добродетелями, и учениями, и искусствами, и прославить не только нынешние российские народы, но и прежде бывших славных предков своих». По словам окольного Алексея Тимофеевича Лихачева, автора «Предисловия» к этому ненаписанному в XVII и даже в XVIII в. труду, требование написать и издать истории России прямо вытекало из желания царя править «правдою, разсуждением и милосердием», «ко всенародной пользе»; править великой державой, уважаемой во всем мире.

История, по Цицерону, — учительница жизни, благодаря которой человек, говоря словами Фукидида, познает настоящее и предвидит будущее. История выдвигалась царем на первый план и как ключ к современной системе знаний. «Хотя через множество вещей, искусств и наук к совершенству познания... приходит человек, — передает слова государя автор “Предисловия”, — однако ж ничего так не украшает человека, и душевно, и телесно, и всякое человеческое житие и гражданское пребывание исправляет и ведет его к знанию всяких искусных дел и к (формированию) совершенного человека, как история!» Она не только «гражданскому и домашнему делу полезна — но и во всех делах, искусствах и учениях свободных, в которых история молчит, великое неисправление видится и несовершенство»⁶⁴.

История своеобразно отомстила придворному поэту, на века предав забвению лучшие страницы его творчества. Лишь в последние десятилетия, когда мне удалось постепенно ввести в научный оборот тексты его поэтического архива⁶⁵, выяснилось значение трудов Кариона Истомина по утверждению идеи государственного значения высшего образования и науки.

---

⁶³ «Стихи на освящение храма» в Новоиерусалимском монастыре для патриарха Адриана 1 декабря 1692 г. ГИМ. Чудовское собр. № 99/301. Л. 234. Опубл.: Стих торжества. С. 551—560.

⁶⁴ Опубл.: *Замысловский Е.Е.* Царствование Федора Алексеевича. Ч. I. Обзор источников. СПб., 1871. Приложение IV. С. XXXV—XLII.

⁶⁵ Памятники... № 1—8, 11—14, 20—26, 28—31, 33; *Богданов А.П.* Стих и образ изменяющейся России. Ч. III. Из архива придворного поэта. С. 351—456; Стих торжества. С. 383—421.

«Чудо» сопротивляется научному знанию: переводные известия о «небесных знамениях» в русских рукописных сборниках XVI – первой половины XVIII в.

Различные «небесные знамения» — затмения, «падающие звезды», необычное свечение в небе, странной формы облака и т.д. — были для России событиями не особенно редкими и регулярно фиксировались в летописных памятниках. Мы рассматриваем их вместе, поскольку для обычного человека того времени эти различные по своей астрономической и метеорологической природе явления оказывались знаками на небе, при помощи которых Господь хотел донести до своих чад некие предупреждения. В Радзивилловской летописи находим даже несколько рисунков с изображением подобных «знаков». В самом начале XVII столетия в Казани кем-то из местных иконописцев был составлен иллюстрированный «Летописец о небесных явлениях», вобравший информацию о «небесных знаках» — астрономических и атмосферных явлениях из русских летописей¹. Таким образом, для восприятия иностранных известий такого плана в России была хорошая почва.

Иностранные сообщения на эти темы не раз попадали в русские рукописные сборники. Различные знамения часто увязывались с сообщениями о каких-то других «чудесах». Даже если изначально описания «небесных знамений» приходили в Россию в качестве отдельных текстов, то со временем они могли соединиться в рукописных сборниках с иными известиями, как это случилось со Сказанием «О знамении небесном иже бысть в Немецкой земле в граде в Риге» 1524 г. из волоколамской рукописи Вассиана Кошки, которое оказалось под одной обложкой с рассказом о землетрясении². Поскольку размер сочинения невелик, приведем его полностью: «В лето 7032 в неделю Крестопоклонную святых мученицы было знамение на небеси в немецком граде в Риге. Четыре солнца кругом, а пятое солнце в середках, а под ним три дуги. А то было знамение в самыи обед. А тот круг над самым городом стоял. А како город, таков и круг над ним был». Самое любопытное, что в сборнике было перерисовано изображение описанного небесного явления³. Других подобных сообщений для XVI в. не известно.

Вновь текст о небесных знамениях появился в рукописном сборнике почти столетие спустя. Сразу два сообщения обнаружил А.Г. Бобров в составе руко-

¹ Маркелов Г.В. «Явися на небеси знамение чудно» // О древней и новой русской литературе. СПб., 2005. С. 42—51; Сиренов А.В. Приписки на полях «Летописца о небесных явлениях» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2016. С. 458—460.

² Дмитриева Р.П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Т. XXVIII. 1974. С. 220.

³ НИОР РГБ. Ф. 178. Музейное собр. № 1257. Л. 424 об.—425.

писи конца 1640-х гг., принадлежавшей стрельцу Демидке Воинову — одному из руководителей восстания в Пскове 1650 г. Первый текст — «О чуде в Линберской (Люнебургской. — С.Ш.) земле». Это описание лунного затмения — «чудо, как месяц портился». Однако собственно астрономическому явлению в нем отведено всего несколько строк. Остальное — это фантазии, возникшие в сознании наблюдавших за явлением людей. Приведем его полностью: «[Л]ета ... июля в 9 день, в ночи промеж субботы и воскресения, видели в Линберской земли чудо, как месяц портился. Небо было сине, а месяц был полн и светел, и со входу с правые стороны показался в месяце человек бел, нос долог, шея тонка, борода востра, а в правой руки меч держит перед лицом своим, а на главе у него два роги. А после того в том же месяце появился человек и стал против того. И у того человека рука в бок, и, постояв немного, отшел проч. А тот человек оборотился львом, а в правой ноге держит перед собою меч. И около ево позалать, много львов и львовых голов, а с левые стороны показался человек в золоте, а голова лютого зверя льва. А тот человек обратился собакою черною, и около в месяце показались многие головы человеческие. И после того стала марева черная, и ис той маревы пошли огненные лучи. А стояло то знамя час великой, а после Господь обратил на истинный путь по прежнему»⁴.

Перед нами яркие фантастические образы, которые дают читателю широкий простор как для толкования в контексте текущей политической обстановки в регионе, так и для эмоционального переживания чуда. Любопытно, что при поиске в «www.google.ru» по случайным фрагментам данного текста⁵, поисковик выдает ссылки на народные заговоры, а также поэзию А.А. Ахматовой, В.В. Набокова и другие литературные произведения. Если же обратиться к рукописи Демидки Воинова, то становится очевидным, что хотя собранные в нем тексты можно разделить на душеполезное чтение, исторические, географические сочинения и т.д., автора все же явно привлекали сочинения с беллетристической составляющей. К примеру, заинтересовавшее книжника слово «о Стефане корчмарце, како царя Фоку погуби и братию его на едину ночь» рассказывает о вполне реальном историческом событии, убийстве византийского императора Никифора Фоки (963—969 гг.), но включает большое число фольклорных элементов. Это памятник скорее литературный, чем исторический. Еще в большей мере это касается «Повести о царице Динаре», где от исторического образа грузинской царицы Тамары остались, в основном, легенды. Находим в сборнике и традиционный летописный памятник — Софийскую 1 летопись (до 1381 г.). Продолжает же ее «Сказание о Мамаевом побоище», которое, хотя и входит в число важнейших источников наших знаний о Куликовской битве, но все же является литературным памятником.

Второе описание знамения из рукописи Демидки Воинова еще более краткое: «В сонце было великое знамение, и переменялось и красным, и чернымъ, и после того и от сонца пали кровавые ядра в 15 гривенок, а ино десять. А что

⁴ Бобров А.Г. Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Димидка Воинов // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 463—476.

⁵ К примеру, по строке «Небо было сине, а месяц был полн и светел, и со входу с правые стороны показался в месяце человек бел».

будеть, то Бог весть». Знамение сопровождало известие о военных действиях турецкого флота. В данном случае мы имеем точные указания на источник. Изначально это было немецкое вестовое письмо, которое ходило «у датских немец свеискими... меж собою». Новость попала в Ригу, а потом к Печерскому монастырю (пограничный пункт), откуда голландский купец А. фан дер Блок переслал его в Псков своему приказчику Е. фан Стадену. Тот, в свою очередь, отдал вестовой документ переводчику Посольского приказа М. Вересу. Последний перевел известие на русский язык и передал псковскому воеводе А.Ф. Лыкову и дьяку Г. Углеву. Как из воеводской канцелярии список документа попал в руки псковского стрельца, неизвестно. В рукописи, кроме перечисленных материалов, есть еще один текст, который изначально был приказным документом — «Роспись Китайскому государству» 1618 г.

В заглавии следующего по времени памятника, «О знаменях бывших в Цареграде», сообщается, что данное известие прислал царю Алексею Михайловичу царь греческой веры из некоей небольшой земли Аская, которая лежит между Царьградом и Персией. Из него в Москве узнавали, что 6 ноября 1652 г. над Царьградом прошел град. Каждая из градин имела вес по четыре фунта. Он убивал людей и разбивал небольшие палаты. После этого прилетел страшный огненный змей, который сел на султанские палаты и стал дышать в них огнем так, что плавилась золотая, серебряная и медная посуда. По истечении трех дней змей пустил огонь в главную палату, от чего та горела три дня и три ночи, а сам султан ушел в другой город. Далее шли сообщения, что в Тевризе (скорее всего, имеется в виду иранский Тебриз, где в рассматриваемый период имелась христианская община) в воздухе видели образ Спасителя с крестом, а направлявшихся на Русь из Царьграда полоняников заклевали вороны. Выявивший данный текст А.И. Соболевский считал его записью устного рассказа⁶. Однако Д.К. Уо обнаружил, что он близок немецкой брошюре середины XVI в. Американский исследователь выявил еще два списка данного сочинения. Один из них завершал рукопись с Холмогорской летописью⁷. Еще один список обнаруживаем в рукописи ГИМ (Собр. И.Е. Забелина. № 261), которую С.Н. Азбелев называет архетипной для Забелинского новгородского свода⁸, а М.Н. Тихомиров Новгородским хронографом XVII в.⁹ Трудно сказать, попало ли в Россию в годы правления Алексея Михайловича издание XVI в. или же его более позднее переиздание. В любом случае на русской почве памятник редактировался.

Следующий по времени документ, вызвавший интерес русских книжников — описание знамения в небе над Венгрией в 1672 г. Этот текст неоднократно привлекал внимание исследователей. Еще в 1900 г. А.И. Соболевский

⁶ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 387—388.

⁷ Уо Д.К. Текст о небесном знамении 1672 г.: (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 206—208.

⁸ Азбелев С.Н. Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. // ТОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957. С. 282—297.

⁹ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 293.

опубликовал статью «Неизданное произведения Варлаама Ясинского», где текст знамения приводится по Хронографу XVII в. из Румянцевского собрания № 413¹⁰. Двумя годами позднее И.Я. Гурлянд опубликовал список этого сочинения из приказа Тайных дел. Стало понятно, что текст попал в литературные сборники через приказной архив. Особую ценность находке Гурлянда придавало то, что к сочинению был приложен рисунок с изображением знамения¹¹. Вышедший годом позднее справочник Соболевского увеличил число списков до четырех¹². После этого памятник выпал из поля зрения исследователей на восемьдесят с лишним лет, пока к нему не обратился Д.К. Уо. Американский ученый обнаружил пять неизвестных Соболевскому списков и разделил тексты на пять редакций¹³. Позднее к памятнику обращался автор исследования в совместной статье с Ю.Д. Рыковым. Было установлено, что сочинение проникало в Россию не единожды¹⁴.

Наибольшее число списков (семь) дал текст, присланный в Москву Варлаамом Ясинским. Оригиналом для него стал некий «толк», который Ясинский видел у «немцов» и читал. Ясинский не настаивал на точности воспроизведения исходника: «чего памятаю, то описую». В конце сочинения он еще раз это подчеркивает: «Так чел и слышел есмь, что есть благое, но мне болши не памятую». Сам текст Ясинского, скорее всего, до сих пор не обнаружен. Дело в том, что в восходящих к нему рукописях мы встречаем два варианта названия упомянутого в тексте города Кошице (в XVII в. он был центром Верхней Венгрии) — «Каша», ориентированное на немецкое «Kaschau» и «Коссовия», отражающее латинский вариант наименования «Cassovia». Вероятнее всего, ученый киевлянин отправил в Москву рукопись на двух языках — латыни и, возможно, церковнославянском. В изданиях данного периода подобная практика встречается. Сам текст сочинения можно рассматривать, как пояснение к рисунку. Три солнца объясняются как три христианских монарха — московский царь, цесарь и польский король. Объединяющая их радуга обозначала союз между тремя державами. Четвертое солнце со знаком полумесяца — символ султана, начавшего войну против двух христианских государей. Шесть изображений месяца означали срок военных действий — шесть месяцев или шесть лет. «Гранат на три страны огонь из себе испущающийи, значит оборону от трех монархов христианских». Пушка со множеством крестов — «оборона» против султана «от его царского величества» (т.е. война России с Турцией). Изображение ока — это «осмотрение Божие». Аналогичным образом толковались и другие символы. Заканчивается толкование тем, что «пушка обороны царской пробило саблю турскую»¹⁵. Почвой для появления данного знамения

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 256 (Собрание графа Н. П. Румянцева). № 413; *Соболевский А.И.* Неизданное произведения Варлаама Ясинского // ЧИОНЛ. Киев, 1900. Кн. 14. Вып. 1. Отд. 3. С. 26—28.

¹¹ *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 380—382.

¹² *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси ... С. 247—248.

¹³ *Уо Д.К.* Текст о небесном знамении... С. 201—208.

¹⁴ *Рыков Ю.Д., Шамин С.М.* Новые данные о бытовании переводного известия о небесном знамении 1672 г. в Венгерской земле в русской рукописной традиции XVII в. // *Историография, источниковедение, история России X—XX вв.* М., 2008. С. 263—308.

¹⁵ *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя... С. 380—382.

стала, по всей видимости, увиденная в небе комета или метеорит, трансформировавшаяся на рисунке в летящую по небу и испускающую огонь гранату. Однако в «толках» эта астрономическая основа «знамения» не отразилась.

Очевидно, что перед нами агитационный текст, направленный против Османской империи. В нем пропагандируется идея союза Священной Римской империи германской нации с Польшей и Россией. Представляется сомнительным, что идея первенствующей роли Москвы в борьбе с турками имела в немецких «толках». Вероятнее всего, эта «московская» часть усилена Варлаамом Ясинским. Сама тема антитурецкого союза в 1672 г. стала актуальной в связи с началом турками боевых действий против Речи Посполитой. Удар был направлен на украинские земли. Положение осложнялось тем, что гетман П. Дорошенко признал себя вассалом турецкого султана. Россия вступила в войну, чтобы поддержать Польшу, а после выхода из войны Речи Посполитой осталась один на один с турками. Со стороны Священной Римской империи военной помощи оказано не было, однако в первые годы войны, когда данный текст начал распространяться в России, надежда на помощь цесаря сохранялась¹⁶.

Второй вариант рассказа о небесном знамении, как и рассмотренный выше, отложился изначально в Тайном приказе, но позднее был передан вместе с сопровождавшей его иллюстрацией и другими вестовыми документами в архив Посольского приказа. В русском переводе он получил заглавие «Сия звезда, или комета над Каша, столным венгерским городом, днем и ночью видима бысть прошлого 1672-го году по новому, а по старому 181-го году в последних месяцах»¹⁷. Любопытно, что само небесное тело на рисунок не попало, зато мы видим на нем кресты, корону, саблю, полумесяц.

Сопровождающий рисунок «Толк на вышеписанную комиту», как и текст Ясинского, является антитурецкой агитацией, однако по своему характеру памятники заметно различаются. Во втором случае перед нами ученое астрологическое сочинение. Начинается оно с отсылки к Аристотелю: «Аристотель пишет о кометах, сии речь звезда власатая, яко 9 вид их суть, иже часто на небе являются, всегда ж в той стране пременение и беда, идеж является. Между ж теми 9 видов есть и нынешней, иж от Аристотеля имянуется Ксифиясь, сиречь мечный, зане яко меч являясь». Далее автор указывает, что данная комета — Божье знамение, которое касается турок, поскольку видимая на небе луна — их знамя. Помещенный под месяцем герб с короной рассматривается как Венгрия. Меч — символ войны, грозящей не только Венгрии, но и Польше, поскольку эти страны под одним знаком зодиака. Однако символы несли оптимистическое для противников турок предсказание — если даст Бог, то ту-

¹⁶ *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672—1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. М., 2001. С. 111—140; *Богданов А.П.* Внешняя политика России и европейская печать (1676—1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 26—46; *Богданов А.П.* Как был оставлен Чигирин: мотивы принятия стратегических решений в русско-турецкой войне 1673—1681 гг. // Военно-историческая антропология: Ежегодник. 2003/2004: Новые научные направления. М., 2005. С. 174—192.

¹⁷ *Рыков Ю.Д., Шамин С.М.* Новые данные о бытовании переводного известия... С. 305—308.

рецкая сила будет разбита о христианскую твердость. Ниже к переводу была приписана фраза, в которой упомянутая выше «твердость» обозначена как «наша», «православная», «росийская»: «яко дабы на нашу твердость православную росийскую розбьется и делается, зане и твердость из крестов на северную страну объявлено есть». Очевидно, что изначальное толкование отсылок к России не содержало, и это не могло устраивать русского читателя (царя Алексея Михайловича и его бояр). Добавку, скорее всего, сделали переводчики.

Как именно данный текст попал в Москву — неизвестно. Возможно, что тоже через Украину. Д.К. Уо упомянул в своей статье, что в 1673 г. Ю.П. Трубецкой получил подобный «лист» при встрече с гетманом Самойловичем: «и гетман сказывал нам холопом твоим, что в Венгерской земле на небе было знамение; а как то знамение было, подал нам холопом твоим писано на листу, а на тот лист толковое письмо, на листе же; да о вестях три листа; а к нему де гетману о знамении и толковой лист таков же прислал киевский полковник... А листы, которые подал нам холопом твоим гетман, послали к тебе, великому государю, с сею отпискою». Документы были отправлены в Малороссийский приказ 12 февраля 1673 г.¹⁸ К посланию Варлаама Ясинского это сообщение отнести нельзя, поскольку авторство столь значимого лица Трубецкой вряд ли обошел бы вниманием. Со вторым же сообщением безымянное описание весьма сходно.

В рукописной традиции представлен еще один вариант описания знамения 1672 г. в небе над Венгрией. Д.К. Уо выделил его в отдельную редакцию (Д). В настоящее время он известен по трем спискам. Его автор описал имеющиеся на рисунке из приказа Тайных дел символы, не давая им толкований: «Под теми ж дугами копие с прапором, в прапоре шесть полумесяцов: три на воздух рогами, а три к земли рогами, гранат, Всевидящее Око, пушка, под пушкою 21 крест четвероконичный же, а по другую сторону сабля, а у ней крестъ. И с пушки и з граната стреляло по сабле и пробило на сабле три дыры» и т.д. Заканчивается описание географическим комментарием, объясняющим читателю, где находится Венгрия: «А стоит та земля меж Турскою землею, и Волохами, и Польшею»¹⁹. Последний комментарий показывает, что текст предназначался не для сотрудников Посольского приказа, царя или бояр, а для менее искушенного в политике читателя, интересующегося знамениями. Полностью исчезла и антитурецкая направленность, характерная для двух описанных выше вариантов знамения. Складывается впечатление, что составитель текста имел перед собой лишь рисунок и добросовестно описал то, что на нем изображено. Таким образом, перед нами не перевод иностранного текста, а русское описание иностранного рисунка. Было ли это изображение связано с рисунком из Тайного приказа или же с другой копией, попавшей в Россию независимо, — неизвестно. В отличие от первых двух текстов, переписчики этого известия интересовались не отношениями с Османской империей, а чудом.

---

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1879. Т. XI. Стб. 129—130; Уо Д.К. Текст о небесном знамении... С. 207.

¹⁹ Рыков Ю.Д., Шамин С.М. Новые данные о бытовании переводного известия... С. 305—308.

Подобные западные картинки пересекали российскую границу и позднее. В 1720 г. на Украине, сильно пострадавшей во время многолетней Северной войны, распространялось «видение» иеромонаха Порфирия, который усмотрел «на небе, на западной стороне» изображенную облаками человеческую голову, два скрещенные палаша, еще один палаш, две руки, две ноги, два «месяца», две звезды и четырехугольный крест. «Видение» распространялось в виде картинки без пояснительного текста. А.С. Лавров отметил, что оно «явно противостоит большинству русских и обнаруживает удивительное сходство с западноевропейскими видениями этого времени — политизированными и перегруженными геральдической символикой»²⁰.

Толчком к появлению сразу нескольких переводов стала комета, появившаяся в небе над Европой на рубеже 1680—1681 гг. В рукописные сборники вошли сочинения о кометах С. Невеского (Польша), Я. Розера, Э. Штрауха (Германия)²¹. Востребованными оказались не только новые описания, но даже написанное шестью десятилетиями ранее сочинение польского проповедника С. Дамбровского. Перевод последнего сохранился в двух списках, известна была и третья рукопись, принадлежавшая сподвижнику Петра I, одному из «верховников», пытавшихся ограничить власть Анны Иоанновны, Д.М. Голицыну, известному книжнику рубежа XVII—XVIII вв.²² В целом, оценка кометы разными авторами была схожей, поскольку определялась уровнем развития астрономической науки того времени.

Как писал Дамбровский, «людие учении тройственно о кометах мудрствовати обыкоша: едини по математике, сиречь по звездной науке (под математикой подразумевалась астрология. — С.Ш.), друзии по физике, сиречь по естественной науке, третий по феологии, сиречь по богословию»²³. Соответственно каждый из авторов пытался понять, что предсказывает появление кометы, так или иначе ее описывал, а кроме того, поминал о комете как о некоем знаке Божьем. Одни из этих компонентов, в зависимости от взглядов автора, делались центральными, а другие уходили на второй план.

Рассмотрим в качестве примера сочинение Я. Розера «Светящийся яростный луч» (врач Jacob Röser из Дрездена). Оно имеет небольшой размер, около трех страниц в современном наборе. В первых же строках сочинитель определяет комету как знак праведного и страшного гнева Господня на человеческие беззакония, а затем призывает своих читателей к покаянию и отказу от зла, поскольку в противном случае к терзавшему в это время Дрезден мору могут прибавиться и другие бедствия, сулящие городу судьбу Содома и Гоморры. Желанием уберечь людей от этой ужасной судьбы Розер и объяснял появление своего сочинения. Он надеялся, что найдутся те, кто, прочитав про «знаменованье и действие бывшего яростного луча сътрашнаго», исправят свою жизнь и обратятся к Богу.

²⁰ Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700—1740 гг. М., 2000. С. 197, 198.

²¹ Николаев С.И. От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII — первой трети XIX в. СПб., 2004. С. 141—149; Белянкин Ю.С., Шамин С.М. «Светящийся яростный луч»: русский перевод сочинения доктора Якова Розера о комете 1680—1681 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4. С. 126—133.

²² Николаев С.И. Кометы в переводной литературе XVII в. // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 684—688.

²³ Николаев С.И. От Кохановского до Мицкевича... С. 144.

Покончив с богословским вступлением, Розер приступил к вполне научному описанию самой кометы, которая появилась в небе над Саксонией 17 ноября в 2 часа дня. Впрочем, наблюдатель не настаивал на этой дате, поскольку до этой даты небо две недели было пасмурным. Увидев комету, Розер сразу же приступил к наблюдениям за ней, чему мешала облачность. Тем не менее, на следующий день доктор увидел комету в созвездиях Девы и Весов. Она была мрачной и бледной. Сама звезда была невелика, однако исходящий от нее длинный, тонкий, похожий на шпагу луч «простирался даже до 176-го степени Водолея и до левой ноги Льва». Этот хвост часто менялся, он то бледнел, то вновь появлялся. Розер наблюдал за кометой, пока не потерял ее из виду из-за мрачной погоды.

Закончив с описательной частью, ученый перешел к прогностике, предназначенной «для удовольствования хотящим видети, что действие ея впредь будет и которому государству или граду наипаче знаменует». Этот раздел он начал с напоминания о том, что все в точности известно лишь Творцу, а люди даже и на земле многого не видят. Однако человек может обнародовать те свои мысли, которые не противны христианской вере. Собственное решение написать о том, что предвещает комета, Розер объясняет тем, что «от некоторых съвоих благодетелеи понужден бых». В своих размышлениях он просит видеть лишь предположения, записанные к славе Божьей.

Только после всех этих оговорок Розер приступил к тому, что читатели ожидали больше всего — предсказаниям. Исходил он из того, что «Комета сия есть сужества и своисътва Сатурнова и Марсова стояла в зодии Девы и указовала на Льва, и шествовала гордо пред Солнцем, яко страшны предтеча или вестник с мечем, которыйи овогда был светел, иногда мрачен». Это означает гнев и ярость Бога на человеческий род и скоро, изострив меч, Господь посетит «злобный мир — землю же и лукавых на нежителию». Это выразится в недородах, землетрясениях, бурях, дождях, наводнениях, нападением некоего «разорителя христианства». К этому прибавится мор в некоторых местах. Также людей ожидают «разные между народы... несогласия, мятежи и востания на главы своя». Некий великий государь даст своей земле новые законы. Кроме того, предстоят расколы в вере. Исполнение предначертанного кометой начнется спустя пять месяцев после ее появления.

К этому Розер прибавил еще астрологические наблюдения, не связанные собственно с кометой. Так «ради самага прикрытия Сатурна и Юпитера, которые по 5 неделях под лучами солнычными скрываются», можно «славным мира» ожидать, что «слава его будет отъята или совершенно погашена». Соединение Сатурна, Юпитера, Венеры, Меркурия и Солнца в знаке Водолея приведет к тому, что все «от злых лучеимарсовых ко злобе воспалятся». Одно из наблюдений — «при случении Юпитера и Венеры купно тут же квадрат Венеры и Марса», автор так и не снабдил пояснением. В завершении он предупредил читателя, что в целом знаки угрожают миру, тишине, урожаю, человеческому здоровью, согласию, предупреждают о голоде и войне на море. Напугав читателя, Розер закончил свой труд на позитивной ноте, напомнив о милости Божьей к тем, кто отвратился от зла²⁴.

---

²⁴ *Белянкин Ю.С., Шамин С.М. «Светящий яростный луч»... С. 132—133.*

Как видим, обилие предсказаний и их крайне общий характер гарантировали, что не одно, так другое предназначение сбудется. Оговорки о милости Божией к тем, кто раскаялся, и несовершенстве человека, который не может знать все, хорошо объясняли то, что не сбылось. Со временем актуальные известия о комете превратились в книги. 27 февраля 1694 г. несколько сохранявших актуальность старых тетрадей, хранившихся в Посольском приказе, переплели. За это получил деньги переплетчик Влас Ерофеев. Им переплетены «книжица описание древних дел посольских, писана виршами; да две книжицы описание комиты, явльшейся в 189-м году; да книжицу выписано из воеванкой (военной. — С.Ш.) книги цесарского языка о воинских делех»²⁵. К сожалению, непонятно, были ли в числе этих «книжиц» отмеченные выше переводы.

Комета 1680—1681 гг. дала наибольшее число переводов, попавших в рукописные сборники. Однако сообщения более позднего времени книжники также переписывали. Особый интерес вызывает рассказ о кометах («Чюдесные знаки явление»), который продолжает упоминавшееся выше известие о землетрясении 1692 г. на Сицилии. В нем сообщалось, что в мае 1692 г. в небе над венгерским городом Печем (немецкое название Фюнфирхен) видели две кометы, появление которых сопровождалось и другими необычными знаменениями²⁶. В предназначенных для Боярской думы курантах 1692 г. был включен перевод статьи «Из Финфирхина марта в 15 день». В ней также рассказывается о появлении двух комет и иных знамениях²⁷. Воспроизведем их параллельно.

ГИМ. Собр. А. С. Уварова № 5.	РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10.
<p>В мае месяце в прошлого 1692 году явились пречюдные знаки у города Финфькирхина в Венгерской земли два явления, именуемая комети, едина з запада, вторая с севера и ясная звезда, против горы Зунта. Звезда была непомерною величиною zelo ясно. От сих трех знаков небесных явился летучей огонь с серою, которой огонь развелся по полям и пожням, а во облаках над городом видели три хоры священники с сущими крестами, на которых распятие, которые хоры блиско вместе стояли. На восходе и на западе явились две свещи ясно горящие, которые казалися будто огненные столпы вразе стояли друг от друга в 40 селенях. А на солнечном восходе видели на горах и у виноградных садов также и на долинах целое войско со всякими припасы, припасы, токмо вси в белом. Сие явление не токмо в городе Финкирхене видели все граждане, но и цесарские воинские люди, которые на залоге в Венгерской земли наипред еще жителей финфьхернских и смотрели на них болши получаса, которые на закате солнца учали отходити и пропали вскоре</p>	<p>Из Финфирхина* марта в 15 день. Здесь различные знамения небесных — 2 кометы. Одну на востоке, вторую на западе, при которой было несколько необыкновенных ясно сияющих звезды. И было то явление трижды. Еще видели множество летучей горящей серы. Также де и три крылоса священников с крестами в облаке междостоком и западом. Видели ж 2 столпа огненных в вышину на 40 степени величиною 48 степеней. А стояли они с час при восходе солнечном. На холмах и в ровех объявлялись множественные войска и шли они во учреждении на запад в белой одежде и видели сие караульщики и посадные и градские люди многие</p>

* На полях помета: «венгерской».

²⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Устюг). Д. 16а. Л. 350. Благодарю за цитату А.Г. Гуськова.

²⁶ ГИМ. Собр. А.С. Уварова № 5. Формат 4. С. 620—621 (Л. 309—310).

²⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Д. 10. Ч. 1. Л. 193, 194.

Очевидно, что оба текста являются разными переводами одной газетной публикации. Переводчик текста из уваровского сборника переводил текст более многословно, не разобравшись, однако, в системе небесных координат, превратив градусы (степени) в селения. Переводчик курантов опустил название горы и данные о времени, в течение которого знамение было видно. Поскольку иностранные газеты в Москве того времени были редкостью, то «встреча» в России двух экземпляров одного номера маловероятна. Скорее всего, оригиналом для перевода стал один и тот же экземпляр издания из Посольского приказа.

В годы правления Петра I начинается борьба с традицией рассматривать астрономические явления в качестве знамений. К примеру, царь, узнав о предстоящем в 1706 г. солнечном затмении, писал в письме от 7 апреля Ф.А. Головину: «Понеже будущего месяца в первый день будет великое солнечное затмение... Так же изволь сие поразгласить в наших людях, что когда оно будет, дабы в чудо ставили. Понеже, когда люди про то ведают, то не есть уже чудо»²⁸. Во исполнение государева повеления 16 апреля 1706 г. в Москве было издано «Изъявление о затмениях»²⁹. Это издание содержало фактическую информацию о предстоящем затмении. Его появление зафиксировало восприятие в Москве лучших европейских традиций распространения в широких слоях общества научных представлений о природных явлениях.

Однако распространение в России научного подхода к астрономическим явлениям не вытеснило старые традиции толкования «небесных знамений». В XVIII столетии, как и в прежние века, «чудесные» сообщения проникали из печати в рукописную книжность. Приведем в качестве примера относящееся к периоду русско-турецкой войны 1735—1739 гг. известие, которое изначально озаглавливалось «По нашему штилю 3-го числа по новому сентября от 14 ис Костентинаполя», а позднее в верхней части книжного листа появилось новое название — «О звезде». Оно рассказывало о том, как покрытое облаками небо внезапно потемнело, будто настала ночь. 26 минут спустя «в том облаке светило крововое, звезда, показалась». Все люди выбежали из домов и смотрели «с великим ужасом». Спустя 6 часов комета исчезла, оставив после себя густой зловонный туман, висевший до 11 часов ночи. Окончание статьи свидетельствовало, что султан увидел в появлении кометы предзнаменование беды: «Турецкие попы пророчествуют неблагополучие. В тех же ведомостях напечатано: турецкой султан послал нарочнаго курьера к великому везиру, которой при армии против российских находитца, чтоб он всякими образы от российской уклонялся и в баталию не вступал»³⁰. Аналогичный текст вполне мог появиться в русском рукописном сборнике и двумя столетиями ранее.

Как ни странно, сохранению мистического отношения к астрономическим явлениям способствовал сам Петр I. При его поддержке в России утвердился жанр календаря³¹. В 1702 г. в Амстердаме вышел календарь И.Ф. Копиевского,

---

²⁸ ПиБ. Т. 4. С. 209.

²⁹ Там же. С. 803.

³⁰ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 238. Оп. 1. Д. 362. Л. 15 об.—16.

³¹ Перевод европейских календарей на русский язык практиковался еще в конце XVII в.

а с 1709 г. в Москве печатали широко известный «Брюсов календарь». Позднее различные календарные издания стали обычными³². В качестве характерного примера рассмотрим вышедший в Петербурге в конце 1715 г. календарь на 1716 г. Начинаясь он с благочестивой фразы «Во Имя Иисусово». Далее читатель вводился в систему хронологических координат. Первой печаталась хронология Библии: указывались даты от Рождества Христова, сотворения мира, потопа, разорения Содома и Гоморры. Далее шла хронология историческая: начала Вавилонской, Персидской, Греческой и Римской монархий, «исход израилтеский», изобретение пороха, книгопечатания, коронование Петра I, рождение его детей и внука, «зачатие флота», победа под Полтавой. Ниже напечатан собственно календарь с указанием (при помощи зодиакальных знаков) дней недели и падающих на них православных церковных праздников.

В конце же издания читатель сталкивался с собственно астрономическими материалами — данными о затмениях и астрономической смене времен года. Они толковались в качестве предвестников, повествующих «о войне и мирских делах», «плодородии и недородии», «здравии и болезнях». Имелся даже помесечный «прогностик» (некоторые возмогут счастливой случай имети, zde добрыя и злыя признаки смешаны суть, надлежит опасаться всякого злого намерения и лести многия против вышних и нижних и т.д.), а также рекомендации по наиболее удачным дням для кровопускания³³. «Научный» антураж издания и правдивые астрономические данные легитимизировали пророческую часть календаря. У читателя складывалось впечатление, что небесные светила действительно что-то предзнаменуют. И в наши дни аналогичные календари в слегка модифицированном виде по-прежнему остаются частью повседневной жизни.

Таким образом, научное знание, характерное для культуры Нового времени, не уничтожало старые традиции, а как бы встраивалось поверх них.

---

³² Зыков О.П., Рябова Т.В. Первые отечественные светские календари и их связь с журналистикой // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 4 (128). С. 183—188.

³³ Календарь или месяцеслов. На лето от рождества господа нашего, Иисуса Христа, 1716. Указующии затмения солнечная, месячная рождения, и полныи месяц с четвертми. Такожде время солнечнаго восхождения и захождения. Долгоденствие и долгонощие на всякий день. Учиненныи по меридиану, и ширине царствующаго града Санктъпитербурха. СПб., 1715.

Первые частные сиротские заведения Российской империи

Российская империя, заявившая о себе в начале XVIII в. громкими военными победами, во многом была средневековой страной. Противоречивое сочетание традиционности с явлениями Нового времени — характерная черта эпохи, связанная с преобразовательной деятельностью Петра I. Свойственна она и реформированию отечественной системы призрения и образования, в основе которого лежали идеи рационализма и Просвещения.

Процессы обмирщения, все шире распространявшиеся на рубеже веков в нашем Отечестве, вели к переосмыслению многих явлений общественной жизни. Ломке подверглись традиционные взгляды на появление и призрение незаконнорожденных, формы и цели содержания сирот. Эти нововведения исходили непосредственно от Петра I. Обращение к записным книгам царя и череде указов, последовавших с 1712 г., позволяют сделать вывод о том, что решение проблемы призрения сирот и незаконнорожденных не оставалось без его внимания¹.

Первоначально возник замысел заведения в городах госпиталей для «зорных» младенцев на казенном содержании². Однако он потребовал коррекции. Через несколько лет возникла идея связать одно из звеньев системы детского призрения с деятельностью городских властей. Регламент или Устав Главного магистрата, появившийся в январе 1721 г., содержал пункт о заведении сиротских домов. Но Петр I отнес его реализацию на неопределенный срок³. Купечество в то время составляло всего около 3% от общего числа податного населения. В России по результатам первой переписи 1722 г. насчитывалось 340 городов (по иностранным источникам — 273)⁴. До уровня крупных западноевропейских центров им было пока далеко.

Новая законодательная инициатива императора была связана с привлечением к призрению сирот и незаконнорожденных младенцев монастырей. В соответствии с указом 1724 г.⁵ появились приюты в Москве (в Новодевичьем

¹ См.: Азизбаева Р.Е. Несколько заметок к вопросу о призрении детей в эпоху Петра Великого // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 73: Петровское время в лицах — 2014: К 300-летию победы при Гангуте (1714—2014): материалы научной конференции / Государственный Эрмитаж. СПб., 2014. С. 15—22.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 4. № 2477; Т. 5. № 2953. (Далее — ПСЗРИ-1).

³ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3708. — Регламент или Устав Главного Магистрата. Гл. XX. О цухгаузах (или смирительных домах) и гошпиталях (или больницах).

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX: Начало 20-х годов XVIII века — 1725. М.; Харьков, 2003. С. 620—621. По материалам первой ревизии (на 1722 г.) к купечеству относилось 172 385 человек всего податного населения империи, общая численность которого составляла 5 967 313 человек.

⁵ ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4450.

монастыре⁶, школа для «ззорных» мальчиков в Андреевском монастыре⁷) и провинции (в девичьем Успенском монастыре в городе Старая Русса Новгородской епархии⁸ и др.). Деятельность этих заведений продолжалась несколько лет.

Наряду с казенными, церковными, предполагавшимися городскими (общественными) заведениями, в России возникли частные заведения для сирот, чье открытие было следствием инициативы какого-либо конкретного лица, имевшего высокий общественный статус, заручившегося поддержкой монарха. Они связаны с именами барона Магнуса Вильгельма фон Нирота, вице-президента Камер-коллегии, и Феофана Прокоповича, архиепископа Псковского.

В конце мая 1717 г. бывший ревельский ландрат эстляндский барон Магнус Вильгельм фон Нирот в возрасте 54 лет составил завещание, в котором содержались пункты о создании учебного заведения для сирот. Барон желал обеспечить его собственными средствами⁹ и отдавал свои владения — мызы Алпе, Седел, Каулеп и Кукфер со всеми угодьями, деревнями, крестьянами. Первопричину такого решения определить сложно: религиозные размышления, прагматичный расчет, пример пастора Глюка, сам дух времени, когда личная известность и благоволение монарха значили все в самодержавной стране. Замысел был реализован в последующие годы, хотя не обошлось без корректировок¹⁰.

Нирот имел богатое прошлое. Королем Карлом XI он был возведен в баронство Шведского королевства, защищал родной Ревель в годы Северной войны от русских войск, подписал капитуляцию, в качестве ландрата принимал у себя А.Д. Меншикова. Барон был лично известен царю. Есть сведения, что Петр I в письмах к А.Д. Меншикову в марте и августе 1716 г. упоминал о просьбе Нирота уволить его от должности ландрата. Кроме того, барон выразил желание учиться русскому языку. Государь отметил, что «понеже он надобен нам к другому.. нужному делу», надо удовлетворить желание ревельского ландрата и выделить ему учителя¹¹.

Вероятно, Петр I предполагал использовать Нирота в системе выстраивавшегося коллегиального управления. Разработкой этой системы занимался Генрих Фик, знавший Нирота начиная с 1700 г., — он около 10 лет служил в

⁶ Там же. Т. 7. № 4516.

⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Сер. 1. СПб., 1876. Т. 4. № 1284. (Далее — ПСП и Р-1). Синод, подчиняясь высочайшей воле, оформил определение Андреевского монастыря в качестве школы для незаконнорожденных и сирот мужского пола 15 июня 1724 г. (См.: Там же. № 1316).

⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода Т. 5. СПб., 1897. Особое приложение. Г-27. Стб. XXIV. (Далее — ОДИД СПС).

⁹ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II. Оп. 3. Кн. 39. Л. 205.

¹⁰ См.: *Азизбаева Р.Е.* Барон Магнус Вильгельм фон Нирот и замысел сиротского дома // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 58: Петровское время в лицах — 2011: К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981—2011) / Государственный Эрмитаж. СПб., 2011. С. 5—11.

¹¹ *Милюков. П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 427.

пехотном полку под командованием барона, сначала в качестве писаря, потом квартирмейстера¹².

В декабре 1717 г. Петр I подписал указ о назначениях президентов и вице-президентов во вновь заводимые коллегии. Вице-президентом Камер-коллегии, которую монарх предполагал «искусными людьми снабдить», был назначен «барон Нирот»¹³. В следующем 1718 г., 11 июня, барон получил патент на службу в России¹⁴.

Обретя определенность, барон Нирот, вероятно, активнее стал реализовывать замысел о создании сиротского дома. В ноябре 1718 г. был составлен мемориал¹⁵, который содержал перечень привилегий для заведения. Среди них — освобождение от налогов, льготы педагогическому персоналу, выпускникам дома. Заведение должно было обладать административной самостоятельностью. Предполагалось, что кто-то из самых высокопоставленных должностных лиц будет приглашен Ниротом на роль покровителя заведения. Управление сиротским домом сосредотачивалось в руках барона пожизненно, а в случае грядущей кончины он имел право по своему желанию избрать управителя «в сукцесоры». Ни ревельский губернатор, ни магистраты не должны были «отягчать сиротский дом» и не допускать ничьих подобных действий¹⁶.

Неизвестно, как отреагировал царь Петр на этот документ. Но сохранились данные, что в июле 1719 г. сенаторы удовлетворили прошение барона Нирота дать ему отпуск в связи с отъездом в Прибалтику на открытие школы¹⁷, которая была построена на мызе Алпе (Алп) Ревельского уезда.

«Школьный двор» освятили 28 июля 1719 г. Здесь предполагалось содержать более 50 человек, для чего был набран соответствующий персонал¹⁸.

Заведение барона имело непростую судьбу. В книге Эдварда Винтера опубликованы письма Магнуса Вильгельма и представителей школы, из которых становятся известны подробности жизни и проблемы заведения¹⁹.

Особенно важны контакты барона Нирота с немецким педагогом, создателем благотворительных и учебно-воспитательных заведений, сеявших идеи пиетизма, Августом-Германом Франке. В Германии, в Галле, он организовал обучение сирот, детей бедных родителей, состоятельных людей, придавая огромное значение воспитанию религиозных чувств, не замутненных светским влиянием. Авторитет Франке был значителен.

¹² Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. // Правящая элита и дворянство России во время и после петровских реформ (1682—1750). М., 2013. С. 150.

¹³ ПСЗРИ-I. Т. 5. № 3133; Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 113.

¹⁴ Поленов Д.В. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом // Русский архив. 1869. Кн. XI. Стб. 1744.

¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Кн. 39. Л. 205—212 об.

¹⁶ Там же. Л. 211—211 об.; Л. 212—212 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 9. Кн. 521. Л. 103—105 об.

¹⁸ Там же. Л. 103.

¹⁹ См.: Winter E. Halle als Ausgangspunkt der Deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 432—446. Автор приносит сердечную благодарность И.И. Федюкину за указание на это издание.

Надо заметить, что Франке имел связи с Россией и до переписки с Ниротом. По сведениям П. Пекарского в Тобольске пленный офицер, пиелист фон Врех, открыл школу для немецких детей. Франке высылал туда книги и деньги. В 1714 г. три наставника школы обучали 12 детей. В 1720 г., в год закрытия заведения, насчитывалось уже 139 учеников. Некоторые местные родители также отправляли в эту школу своих детей и поддерживали заведение фон Вреха материально²⁰.

Нирот позиционировал свою школу как аналог заведениям Франке в Галле. Корреспондентами Франке являлись руководители сиротского заведения на мызе Алпе — пастор и директор школы Генрих Христиан Вреде и информатор учитель Иоганн (Яган) Фридрих Кох²¹.

Детище Нирота довольно скоро приобрело авторитет. Через полгода после открытия, в начале декабря 1719 г., судя по данным основателя, там обучались более 20 юношей как из дворянских, так и недворянских семей, несколько человек были русскими²². Новые известия о школе можно почерпнуть из письма Феофана Прокоповича Франке.

Ближайший соратник Петра Великого в деле церковного реформирования, архиепископ Псковский и Нарвский, был хорошо знаком с идеями Франке и состоял в переписке с выдающимся педагогом. Феофан писал в мае 1720 г.: «...я посетил село Альп, чтобы взглянуть на семинарию, которую там содержит барон Нирот... В школе его четыре учителя и до ста воспитанников, большей частью ливонцы, но есть несколько русских. Я увеличил число их, послав туда трех молодых людей, (которые прибыли вместе с родителями из Киева), для изучения греческого, еврейского и латинского языков, также географии и истории»²³. Прокопович восторженно писал Франке о школе Нирота²⁴. Кстати, свою знаменитую семинарию на Карповке, о которой речь пойдет ниже, Феофан открыл через год.

Вскоре опыт позволил Нироту изменить основополагающий документ заведения, вновь представленный царю. Теперь барон иначе определил цель функционирования школы, дополнив первоначальный замысел «одного сиротского дома для шляхетных и нешляхетных сирот» идеей образовательного учреждения²⁵.

Проект, поданный 4 декабря 1719 г., содержал положения²⁶ о принятии на обучение 120 дворянских российских детей. В качестве преподавательского состава барон считал нужным выписать учителей из Германии. В программу включалось обучение многим предметам: немецкому, французскому, латинскому языкам, географии, истории, философии, арифметики, геометрии, фортификации, «архитектурству», живописи, политике, морали (гражданопрания), «политическим делам», «танцевать, на шпагах биться, на лошадях скакать»²⁷. Это свидетельствовало о желании ответить на самые взыскательные запросы современников.

²⁰ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. Т. 1. СПб., 1862. С. 133—134.

²¹ Winter E. Halle als Ausgangspunkt... S. 439—442.

²² РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Кн. 39. Л. 205.

²³ Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 49—50.

²⁴ Winter E. Halle als Ausgangspunkt... Текст письма — на с. 437—439, текст исследователя. — на с. 268.

²⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Кн. 39. Л. 205—205 об.

²⁶ Там же. Л. 205.

²⁷ Там же. Кн. 50. Л. 262 об.

Пока не удалось найти бесспорных подтверждений подписи «мемориала» Петром I. Из сохранившейся переписки петербургского генерал-полицейстера А. Девиера и кабинет-секретаря А.В. Макарова явствует, что документ был известен царю²⁸. В начале марта 1720 г. Макаров написал Петру I: «P.S. Прошение Ниротова о школах послал я к господину Девиеру и писал к нему, чтоб он Вашему Величеству об оном донес»²⁹. Девиер ответил Макарову через 4 дня. 14 марта 1720 г. он известил о получении «мемории и привилегии барона Нирота о школах». Он написал также, что наряду с другими письмами донес о послании царю, и государь на некоторые дела «учинил решение... а о других изволил отклонить до другого времени»³⁰.

Необходимо отметить, что российские школьники, обучавшиеся в Алпе, в качестве потенциальных призывников находились под пристальным вниманием властей. В 1721 г. согласно распоряжению Военной коллегии те из них, кому было 14 и более лет, обязаны были явиться в столицу. Младшим детям разрешалось остаться и продолжить обучение. На всех российских учеников школы — их число составило 9 человек — были составлены и отосланы Ревельскому обер-коменданту генерал-майору Фонделдину подробные сведения³¹.

Такой порядок входил в противоречие с планами основателя. Однако этим проблемы заведения не ограничивались. Некоторые из них подробно излагались в письмах к А.-Г. Франке. Он предстает в качестве духовного наставника и крупнейшего авторитета, особенно, если иметь в виду перспективу деятельности заведения Нирота, о которой пастор Вреде писал как о желании создать «эстляндский Галле»³². Франке помогал советами, посылал людей. Около 1720 г. в Алпе прибыли воспитатели Адам Хиршхаузен (*Adam Hirschhausen*) и Иоганн Фридрих Кох. Кстати, последний весьма скептически относился к личности Нирота. Представления приехавших о целях и задачах заведения разошлись с повседневной практикой.

По мнению исследователя Э. Винтера, А.-Г. Франке, обладая информацией, достаточно прохладно воспринял восторженный отзыв Феофана Прокоповича о создании в Алпе сиротского приюта, который должен был, как и приют в Галле, стать ядром будущих новых заведений, хотя и признавал важность замысла. Франке хотел видеть в Нироте «второго Гера», однако, по мнению Винтера, Нироту не хватало организаторских способностей. Теодор Гер (*Theodor Gehr*) устроил в конце XVII в. в Кенигсберге «второй Галле». Организация школы там шла очень трудно, однако впоследствии ей удалось стать центром пиетизма в Восточной Европе. Э. Винтер пишет, что Нирот не подходил на Гера. По сравнению с последним, у барона отсутствовали такие качества, как самоотверженность, нравственное стремление, организаторские способности. И это не позволяло провести параллели между ними³³.

²⁸ Там же. Кн. 46. Л. 3; Кн. 47. Л. 258—259. Автор выражает сердечную благодарность И.И. Федюкину за указание на эти документы.

²⁹ Там же. Кн. 47. Л. 258—259.

³⁰ Там же. Кн. 46. Л. 3.

³¹ РГВИА. Ф. 2 (Журнальная часть канцелярии Военной коллегии). Оп. 2. Д. 19. Л. 895, 907—914.

³² *Winter E. Halle als Ausgangspunkt...* S. 267.

³³ *Ibid.* S. 268—269.

Занимая важный пост в системе государственного управления России, находясь в столице или Москве (например, в 1720 г. он был включен в состав группы по подготовке Уложения³⁴), Нирот не мог на должном уровне руководить своим детищем, доверяя повседневную организацию другим.

В 1724 г. в школе разразился настоящий кризис. Из письма Нирота к Франке следует, что на тот момент среди учеников числились 36 мальчиков, из которых семеро обучались за плату, а также пять девочек-сирот³⁵. Барон сообщал о финансовых трудностях, об отказе директора заведения, пастора Вреде, проводить долгое время в Алпе, ведь сам барон был занят на службе в Петербурге. Нирот считал, что в школе творятся не порядки, и обвинял в этом также и Вреде³⁶.

Сложные взаимоотношения Нирота с Вреде привели к тому, что барон даже решил в случае своей отставки самостоятельно заниматься делами заведения (к тому времени ему было 64 года, он жаловался на старость и плохое здоровье). Нирот уволил Вреде с поста директора, потребовав с него отчета об управлении, дать который пастор отказался³⁷.

Барон Нирот ушел со службы, чтобы полностью посвятить себя школе. В тот же год появились новые лица в управлении заведением, состоявшем из сиротского дома, школы и хозяйства. Вице-директором стал один из воспитанников сиротского дома в Галле Адам Христоф Генрих Хельмерсхаузен (*Christoph Heinrich Helmershausen*), присланный Франке из Галле и умерший вскоре после приезда в Алпе в том же 1724 г.³⁸ Его смерть разрушила надежды на намечавшиеся перспективы улучшения дел в школе.

Школа барона Нирота, в которой впоследствии обучались и эстонские дети, просуществовала до конца 1730-х годов, когда имение Алпе было продано за долги. Скончался барон Магнус Вилем фон Нирот 8 февраля 1740 г.³⁹

Заведение барона Нирота, созданное изначально для сиротских детей, несмотря на корректировку замысла, выполняло свою задачу воспитания и образования юношества. Человек другой культуры, другого мира служил новому Отечеству, способствуя становлению императорской России в сложный период реформ.

Еще более значимой и известной фигурой на этом поприще был Феофан Прокопович. На собственные средства он создал и содержал семинарию на реке Карповке, где воспитывались и сироты.

Судьба этого неординарного человека изобилует фактами, позволяющими трактовать личность иерарха как противоречивую, неоднозначную, но, бесспорно, сыгравшую значительную роль в истории России той эпохи. Уроженец Киева, потерявший в детстве родителей, он был многим обязан дяде, наместнику Киево-Братского монастыря, ректору Киевской Академии. Однако в возрасте 11 лет мальчика постиг новый удар — смерть дяди. Хорошее образование, по-

³⁴ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3626. Из текста документа 1720 г. от 5 августа: «...у сочинения уложения быть из иноземцев вице-президентам камор-коллегии Нироту, Юстиц-коллегии фон Бревену, советнику Вольфу».

³⁵ *Winter E. Halle als Ausgangspunkt... S. 445.*

³⁶ *Ibid. S. 443—444, 445—446.*

³⁷ *Ibid. S. 444.*

³⁸ *Ibid. S. 272—273.*

³⁹ *Deutschbaltisches biografisches Lexikon. 1710—1960. Köln; Wien, 1970. S. 547—548.*

лученное Феофаном Прокоповичем в Киеве и в Европе, в будущем позволило ему стать блестящим проповедником, мыслителем, плодовитым писателем, стать выдающимся сподвижником Петра I. В 1706 г. царь, прибывший в Киев, впервые услышал его приветственное слово в храме Святой Софии⁴⁰. Спустя две недели после Полтавской победы, в 1709 г., Петр I вновь был встречен в городе поздравительной речью священнослужителя — в то время ректора Киевской Академии. В 1711 г. во время Прутского похода Феофан, по утверждению мемуариста, являлся путевым духовником царя⁴¹. В 1715 г. Феофан был вызван государем из Киева в Санкт-Петербург. Однако встреча с Петром I состоялась позже, после возвращения правителя из второго заграничного путешествия в октябре 1717 г. В Троицком соборе из уст проповедника прозвучало приветственное слово царю от его народа. На следующий год Феофан по приказу монарха был посвящен в сан епископа Псковского и Нарвского с облачением в саккос, что было особым отличием⁴². Иерей остался в столице, осуществляя разработку «Духовного регламента». В 1720 г. он был возведен в сан архиепископа.

В это время Феофан посетил заведение барона Нирота. Сложно сказать, когда именно созрел у него замысел создания подобной школы. Иерарху было за 40 лет, когда он решил воплотить в жизнь свой замысел о доме, где бы жили и получали образование юноши.

Предыстория семинарии у реки Карповки несколько туманна. Сохранился документ, поданный на имя государя, о заведении семинарии, «училищном доме отроческом», подписанный Феофаном Прокоповичем⁴³. Это проект семинарии, которая должна была появиться в столице в соответствии с положениями «Духовного регламента». Документ состоит из пяти подробно разработанных разделов: «о месте дома», «о строении», «о отрочех», «о учителях», «о прозвании дому сего». Так, предлагалось 8 вариантов размещения заведения. Последний — дом «бывший Кикинов», «где ныне куншткамера». Возможно, наличие 7 вариантов — хитрый ход во имя утверждения последнего, восьмого. Именно его Феофан расписывает самым подробным образом. «...земля сухая, воздух кажется здоровой, к содержанию рыбы нетрудно пруд делать... недалече от города... что можно будет... надсмотрителю ... часто и нечаянно приходиться... да уж и немалая часть каменного строения, в котором и на школы, и на библиотеку, и на жилые места довольно, и изрядный сад на школьные публичные акции, и самому государю... нетрудно, когда похочет, прибыть без остановки дел великих»⁴⁴. Именно этот вариант места царь утвердил и через кабинет-секретаря передал свое решение Синоду⁴⁵.

Феофан предполагал создать совершенное заведение с преподавателями, призванными из иноземных академий, имеющими «свидетельства знатных школьных и гражданских властей». Учеников предполагалось обучить ино-

⁴⁰ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 483—484.

⁴¹ Приложения: II. Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию // Лавры Полтавы / Юст Юль, Оттон Плейер. М., 2001. С. 378.

⁴² Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 487.

⁴³ РГАДА. Ф. 18 (Духовное ведомство). Оп. 1. Д. 44. Л. 1—2 об. Опубл.: Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 561—564.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

⁴⁵ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 561.

странным языкам, философии, юриспруденции, истории и другим предметам. Предлагая именовать заведение «Петергартемом», Феофан был уверен в несомненной пользе создаваемой семинарии для страны и для славы государя⁴⁶.

Текст документа был приложен к бумагам Синода, который на своем заседании 15 марта 1721 г. постановил выяснить источники финансирования постройки семинарии⁴⁷. Из бумаг Синода следует, что Феофаном было собрано до 20 «бедных ребят», но жить им было негде⁴⁸. Однако не ясно, когда именно были собраны дети. Возможно, это — первые ученики заведения Феофана, начавшего свою работу в 1721 г.⁴⁹ Санкт-Петербургская семинария в дальнейшем располагалась в Александро-Невском монастыре, где в том же 1721 г. была основана школа Феодосия Яновского, вице-президента Правительствующего Синода, обучавшая в том числе, и сирот⁵⁰.

Позже, в документах 1727 г., присланных в Сенат, упоминалась школа при новгородском архиерейском доме в Санкт-Петербурге, находившаяся на берегу реки Карповки, где и воспитывались опекаемые Феофаном юноши. Это подворье Феофана располагалось на территории бывшей генеральской мызы Р.В. Брюса, второго коменданта Петропавловской крепости⁵¹. Число учеников составляло на тот момент 46 человек⁵².

Прошедшие шесть лет принесли значимые перемены. Со смертью Петра I положение Феофана, одного из наиболее ярких соратников государя, осуществлявших реформы церковной жизни, изменилось. Подняли головы сторонники старомосковских порядков. Все рельефнее стали обнаруживаться низкие качества личности знаменитого проповедника. Для сведения счетов с недругами он использовал мощь сыска. На этот «путь доносов, репрессий, сотрудничества с Тайной канцелярией» иерея указал Н.И. Павленко⁵³. Негативные моменты деятельности Феофана подчеркивали историки XIX в.⁵⁴ Эпоха, когда действовало правило «губи других, иначе эти другие тебя погубят»⁵⁵, диктовала свои правила. Так утверждал П. Пекарский, отмечая огромный талант и заслуги Феофана.

В 1725 г. Прокопович расправился со своим конкурентом, Феодосием Яновским, новгородским архиепископом⁵⁶, и получил его кафедру, одну из крупнейших в России. Личная неприязнь Феофана к своему предшественнику отозвалась на заведениях, которым покровительствовал Феодосий. В 1726 г. в новгородской архиерейской школе закрыли латинский класс, в том

⁴⁶ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 44. Л. 1—2 об.

⁴⁷ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 561.

⁴⁸ ОдиД СПС. СПб., 1868. Т. 1. (1512—1721) № 164/289. Стб. 152.

⁴⁹ Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. С. 633.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 14. Кн. 777. Л. 394—395.

⁵¹ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1782. М., 2004. С. 79.

⁵² РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 777. Л. 394.

⁵³ Павленко Н.И. Вокруг трона. М., 1998. С. 786.

⁵⁴ См.: Петров П.Н. История Санкт-Петербурга... С. 627.

⁵⁵ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 482.

⁵⁶ В мае 1725 г. по доносу Феофана Феодосий Яновский впал в немилость, был приговорен к смертной казни, но вместо нее сослан в Никольский Карельский Архангельский монастырь, где в феврале 1726 г. умер.

же году прекратили свое существование епархиальные школы, и численность учеников заметно уменьшилась.

Самых талантливых юношей из Новгородской епархии Феофан обучал в своем заведении. Здесь они изучали закон Божий, славянское чтение, русский, латинский, греческий языки, грамматику, риторику, логику, римские древности, арифметику, геометрию, географию, историю, рисование. Среди учителей были датчанин Адам Селлий (1722—1725 гг.), профессор Академии наук Теофил Сигфрид Байер. Ученики высших классов обучали младших и получали за это небольшое вознаграждение. Для развлечения учеников в школе были заведены вокальная и инструментальная музыка, сценические представления. Уровень подготовки юношей, среди которых были и сироты, был высок. Например, в 1730 г. в гимназию при Академии наук к профессору Гроссу было направлено 10 семинаристов⁵⁷.

Поставив своей целью не только обучение, но и воспитание детей, Феофан разработал специальные правила жизни в школе. День учеников был регламентирован. Подъем детей производился в 6 утра. С 8 до 10 часов шло занятие языками. Затем час прогулки и час рисования, а в 12 — обед. После обеда и прогулки — два часа занятий языками, два часа — рисованием, два часа — музыкой. С 8 до 9 часов — занятия грамматикой греческого языка. Затем — ужин, прогулка, молитва и сон⁵⁸.

Продуманный режим максимально способствовал обучению и развитию детей. Инструкции и дополнения к ним подробно регламентировали чтение, игры, использование свободного времени, поведение воспитанников, нормы общения, поведение дежурных, обращение с больными. Например: не входить в дружбу со служителями, не говорить о людях сановитых с умалением их достоинства, не пить до пьяна, тщательно выполнять требования инструкции, ожидая за преступление жестокого наказания⁵⁹.

Надо думать, что это действительно было руководство к действию, а не просто набор правильных требований. В исследовании И.А. Чистовича утверждается, что за 15 лет существования школы, с 1721 по 1736 г., в ней обучилось около 160 юношей, а в последний год жизни пастыря число семинаристов составило 40 человек⁶⁰. Материально учащиеся достойно обеспечивались: еда, одежда, лекарь в случае болезни, обслуживающий персонал. В год содержание каждого семинариста обходилось примерно в 53 с половиной рубля⁶¹. Основатель школы делал все, чтобы юноши ни в чем не нуждались.

В начале сентября 1736 г. Феофан умер на Карповском подворье «после кратковременного страдания от колотья»⁶². Ему было 55 лет. В траурной процессии 12 сентября 1736 г. при переносе гроба из Карповского дома в Алек-

⁵⁷ Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. С. 631, 633.

⁵⁸ Регулы семинарии преосвященного Феофана Прокоповича, архиепископа великоновгородского и великолукского // Труды Киевской духовной академии. 1866. Т. 2. С. 77—84.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. С. 633.

⁶¹ Тюхменева Е.А. Об определении семинаристов Феофана Прокоповича в живописцы (по материалам РГИА) // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 78: Петровское время в лицах — 2015. СПб., 2015. С. 433.

⁶² Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом... С. 489.

сандро-Невский монастырь в церковь Благовещения участвовали 34 семинариста⁶³. Затем после соответствующей церковной службы и прощания его перенесли на судно для отправки в Великий Новгород. 18 сентября судно прибыло в город, и гроб установили на церковной паперти в монастыре Антония римлянина. Через два дня, 20 сентября, произошло погребение Феофана в Софийском соборе Кремля «подле гроба преосвященного Иова». Среди прощавшихся были 53 ученика Новгородской архиерейской школы⁶⁴.

Архиепископ предусмотрел в своем завещании обеспечение опекаемых юношей, назначив их наследниками. Они могли на выделенные средства продолжать учебу, затем определиться к делам, обзавестись собственным двором. В бумаге перечислялись 23 фамилии, в том числе 11 человек из списка семинаристов 1736 г.⁶⁵ Наследники были разбиты на 7 степеней. Судя по фамилиям (Ульян Калмык, Павел Калмык, Иван Калмык, Антон Калмык), среди семинаристов были сироты.

Есть известия о дальнейшей судьбе некоторых из них. Прокофий Макаров (наследник 7 степени) был направлен в Новгородский архиерейский дом в школу учителем российской грамоты и пения. Мартин Шеин и Трофим Ульянов (наследники 2 и 5 степени соответственно) были отосланы в Медицинскую канцелярию для определения по их наукам. Яков Осипов (наследник 2 степени) был оставлен для обучения семинаристов в той же семинарии. Ивана Сыча (наследник 4 степени) отослали к отцу. Федор Светлый и Нестор Дмитриев (наследники 4 и 7 степени соответственно) были отпущены в Новгородскую семинарию. Ульян Калмык (наследник 5 степени), Иван Калмык, Антон Калмык, Никита Савельев (все наследники 6 степени) были направлены в Невскую семинарию⁶⁶.

Спустя два года, в 1738 г., на утверждение Анне Иоанновне был представлен доклад о распоряжении имуществом Феофана. В начале документа отмечалось, что сироты обучались наукам в специально созданной семинарии на персональное имение архиерея. В тексте содержалась высокая оценка деятельности архиепископа: «...в рассуждении верной и ревностной службы Феофана и особливо, что он так добропорядочно из сирот семинарию содержал и немало обучал в пользу государственную...». Вельможи, согласно воле Феофана, предлагали продать имущество покойного, а деньги отдать в процентный рост. Были упомянуты собственные дворы иерея: «деревянный близ реки Карповки, каменный приморский, каменный дом в Москве, погоревший в пожар 1737 г.». Полученные средства предполагалось выдавать на обустройство юношей, которые уже кончили учебу, и на содержание семинаристам, которые были переведены в Невскую семинарию⁶⁷.

Утвердительная резолюция царицы от 22 марта 1738 г. передала осуществление предложений в руки тайного советника князя А.М. Черкасского.

⁶³ ОдиД СПС. Т. 16. СПб., 1906. Прил. XXII. Стб. 703—712.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Прил. XXIII. Стб. 712—713.

⁶⁶ Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. С. 636—637, 649.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 83. Л. 1—3.

Единственное изменение состояло в том, что дом Феофана «на Петербургском острове» посчитали необходимым приписать «ко дворцу»⁶⁸.

Последовало распределение семинаристов, которые не могли получить высшее духовное образование. Трех семинаристов отправили обучаться в Медицинскую канцелярию, двоих определяли в Канцелярию строений в живописцы, двое юношей отпускались в Новгородскую семинарию. Именно отсюда в школу на Карповке архиереев когда-то взял лучших учеников⁶⁹.

Один семинарист был отправлен в Инженерный корпус, еще один стал учителем российской грамоты и пения в школе при Новгородском архиерейском доме. Юноши, неспособные к обучению, отчислялись. Девятерых отпустили к родителям, так как отцы на своем иждивении могли обучать их наукам⁷⁰.

Остальных 18 учеников перевели в семинарию Александро-Невского монастыря, на прежних условиях содержания: отдельные покои, кафтаны василькового цвета с обшлагами и лацканами алыми, камзолы темного цвета⁷¹. В дальнейшем этих выпускников ожидала разная судьба. Пятеро из них отправились в свои дома к родителям, пятеро остались в семинарии, один юноша был направлен изучать хирургию в сухопутном госпитале, двое были определены к наукам «по своему желанию», еще один стал приказным чином в Санкт-Петербургской Академии наук, наконец, судьбу другого должен был рассмотреть Сенат⁷².

Об уровне подготовки в заведении Феофана можно судить по тому, каких высот достигали его бывшие ученики. Так, М. Горканецкого и А. Вировского, направленных в Канцелярию от строений, освидетельствовал Андрей Матвеев, возглавлявший живописную команду ведомства. Его резолюция гласила, что молодые люди в службе быть удобны и жалованье получать достойны. В дальнейшем их фамилии не раз упоминались среди исполнителей живописных работ⁷³.

Григорий Теплов⁷⁴, один из трех оставленных для «обучения той семинарии других семинаристов», в дальнейшем был переведен в Академию наук в качестве переводчика. Он стал адъюнктом, наставником Кирилла Разумовского, сенатором, а с 1762 г. и до своей кончины в 1779 г. являлся личным секретарем Екатерины II⁷⁵. Г. Теплов известен и как один из авторов иллюзионистического кабинетного натюрморта⁷⁶.

Алексей Протасов и Семен Котельников, дети рядовых гвардейцев Семёновского и Преображенского полков соответственно, направленные в Александро-Невскую семинарию, затем продолжили обучение в Академии наук, стали ее действительными членами⁷⁷. Федор Светлов, переведенный в Новгородскую семинарию, позже был определен в духовный чин к новгородскому архиепископу.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 636—637.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ОДИД СПС. Т. 20. СПб., 1908. № 329/443. Стб. 333—335.

⁷² См.: ПСП и Р-1. Т. 10. СПб., 1911. № 3731.

⁷³ *Тюхменева Е.А.* Об определении семинаристов... С. 431, 432—434.

⁷⁴ Г.Н. Теплов родился в 1720 г., переведен в Академию наук в 1740 г.

⁷⁵ *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 636—637.

⁷⁶ *Тюхменева Е.А.* Об определении семинаристов... С. 432.

⁷⁷ *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. С. 638.

Известно о печальном повороте в судьбе одного из семинаристов. Илья Ксиландер, объявленный Феофаном наследником первой статьи, после смерти своего благодетеля особо отличился в расхищении его имущества⁷⁸. Люди есть люди.

Деятельность Феофана Прокоповича в области образования высоко ценили не только соотечественники, но и иностранцы. Секретарь прусского посольства в Санкт-Петербурге И.-Г. Фоккеродт характеризовал Феофана как человека с честным и прямодушным нравом, с острым и живым умом. Он писал, что архиепископ «отличался... чрезвычайной скромностью... совершенным бескорытием и пылким желанием содействовать благу отечества, даже и на счет выгод духовенства»⁷⁹. И.-Г. Фоккеродт отмечал, что Феофан подготовил при своем доме несколько человек, желавших посвятить себя духовной карьере. Иерей отправил их в немецкие академии для продолжения образования, чтобы, вернувшись, они преподавали юношам свои знания. Ожидая их возвращения, он «завел в своем доме и кое-где в монастырях Новгородской епархии низшие училища, где множество молодых людей обучалось языкам, началам философии и другим полезным наукам... Его училища имели ту пользу, что доставили учрежденной потом Академии наук разных способных лиц»⁸⁰.

Таковы были судьбы первых частных сиротских заведений и их создателей. Частные сиротские заведения, осуществлявшие образование и воспитание, были новшеством в стране, где процессы обмирщения отнюдь не проникли в толщу общественного сознания. Благодаря поддержке государя, лично известные ему люди высокого статуса, обладавшие сами большим запасом знаний и умений, значительными материальными средствами, прекрасно знакомые с западноевропейским опытом, стали основателями таких заведений.

Обращает на себя внимание знакомство Магнуса фон Нирота и Феофана Прокоповича, а также их связь с теоретиком обновленного в духе рационализма и Просвещения лютеранства А.-Г. Франке. Мост между культурой России и Запада, выразившийся в контактах с Галле, — интересный аспект развития отечественного призрения. В отсутствие российских традиций светского призрения и образования важны источники заимствований, одним из которых была восточная Германия.

Первые сиротские заведения в Российской империи — шаг вперед в становлении системы детского призрения и образования на очередном этапе исторического развития, где тесно переплелись средневековые и новые черты. Барон Нирот и Феофан Прокопович — неординарные представители эпохи Петра Великого. Мощь личности реформатора находила отклик среди таких многоопытных соратников, осознавших свой вклад в развитие страны. При их уходе замены им не было.

Опыт первых сиротских заведений в Российской империи, возникших по частной инициативе, позволяет судить о том, как представители элиты, исповедовавшие разные религиозные взгляды, трудились над созданием процветающего Отечества, широко открывшего двери для европейских заимствований и стремившегося идти в ногу с велениями просвещенного XVIII в.

⁷⁸ Там же. С. 652—653.

⁷⁹ *Фоккеродт И.-Г.* Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор / Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000. С. 19—20.

⁸⁰ Там же. С. 23—24.

Пажеский его императорского величества корпус: от придворного пансиона к элитарному военно-учебному заведению

Пажеский его императорского величества корпус занимал среди военно-учебных заведений дореволюционной России особое место. Как военно-учебное заведение с задачами, сходными с задачами кадетских корпусов, Пажеский корпус начал действовать с 1802 г., однако начало институту пажей в России положил уже Петр I в 1711 г. В первой половине XVIII в. большинство пажей составляли дети придворных и офицеров гвардии. В начале царствования Елизаветы Петровны при дворе было восемь камер-пажей и 24 пажа. Содержание пажей при дворе было установлено указом от 5 октября 1742 г., и согласно этому указу за пажами был закреплен ряд обязанностей. На церемонии коронации пажи должны были шествовать непосредственно за кавалергардами со своим гофмейстером, на похоронах высочайших особ — с горящими факелами у катафалка. В обязанности пажей входило сопровождать прибывших послов иностранного государства, на парадных приемах их место было у дверей дворцовых залов. На приемах и куртагах они разносили гостям билеты и карты, ежегодно служили за царским столом, выполняли поручения, связанные с поездками высочайших особ по столице и окрестностям. Таким образом, представляли собой структуру, необходимую для выполнения определенных придворных функций.

В 1759 г. в Россию из Франции прибыл барон Ф.Г. Шуди, который высочайшим указом был назначен гофмейстером пажей. Барон Шуди, ознакомившись с тем, как было поставлено дело по воспитанию и обучению пажей, разработал систему их воспитания, в основе которой лежал тезис о том, что воспитатель обязан прежде всего обрести доверие воспитанников. Важнейшие положения системы барона Шуди состояли в следующем:

- воспитанники будут принимать наставления добровольно и охотно, так как воспитатель будет стараться завоевать доверие молодых людей;
- все воспитанники должны быть равны между собой, для того чтобы «общее жительство всех господ пажей соединить могло»;
- попечение о «дарах духа», то есть развитие разума и памяти пажей через изучение наук, необходимых для военной и гражданской службы;
- учителя должны быть одновременно и воспитателями, соответственно этому поступать с пажами «тихо, честно»;
- наказания и грубости «непристойны для отпрысков дворянских фамилий».

25 октября 1759 г. была обнародована «Инструкция, данная Ее Императорским Величеством из придворной конторы гофмейстеру пажей Федору Генриху барону Шуди», которая предписывала поместить пажей в Крьюй-

сов дом, находившийся на месте Старого Эрмитажа¹. Также в «Инструкции» предписывалось «иметь во всегдашнем смотрении и порядке и для обучения французскому и немецкому языкам и других принадлежащих для дворянства наук». «Инструкция» стала своеобразным кодексом поведения пажей и их службы при дворе и законодательно определила практику службы пажей. Согласно «Инструкции» придворный пансион был преобразован в придворную дворянскую школу, впервые официально названную «Пажеский Его императорского величества корпус». Таким образом, 25 октября 1759 г. стало датой основания этого пока еще полувоенного элитного учебного заведения.

В задаче воспитания пажей барон Шуди выделил три части: попечение о духе, о нравах и о корпусе². Первая задача, по мнению Шуди, состояла в развитии разума и памяти, в изучении наук и имела конечной целью подготовку людей, способных к несению гражданской и военной службы. С этой целью гофмейстер пажей предлагал не «педантические и сухие, которые только для школ касаются» науки, но те, которые дают «верные понятия о всем, что имеет приложение к жизни военного человека и мирного гражданина». Под развитием «даров нрава» Ф. Шуди подразумевал сделать пажей истинными патриотами и братьями солдат. Основой для этого служило происхождение пажей «от честного дворянства» из «государства знатнейших домов». Развитие «даров нрава» предполагало обучение верховой езде, фехтованию, танцам, рисованию и музыке.

Предлагая объединить пажей в закрытом учебном заведении, барон Шуди предусматривал разумное разделение времени между службой и обучением. Также Ф. Шуди предложил ограничить численность крепостной прислуги, окружающей русских пажей, чтобы бедные не завидовали богатым, а молодые люди более высокого происхождения не смотрели на низших по рождению пажей «с презрением» и не старались «отменными быть». Камер-пажу разрешалось иметь не более двух служителей, а пажу — не более одного человека с условием, что эти люди будут честными и порядочными.

Исходя из необходимости создания благоприятных условий для обучения пажей, Шуди просил императрицу отменить указ, повелевающий всем пажам находиться ежедневно при высочайших особах, так как невозможно требовать от молодых людей, исполнявших службу до 2—3 часов ночи, на следующий день являться на занятия к семи утра. С этой целью он предложил разделить пажей на две смены, которые должны были дежурить при дворе через сутки, посвящая свободный от дежурства день учебе.

Гофмейстер сам составил расписание уроков для пажей. Поскольку «Инструкция» не предполагала обучения русскому языку, он ввел в обязанность пажей переводить на русский язык французские комедии, делать из театральных пьес «экстракты» и представлять их в придворную контору «для поднесения Ее Величеству и Их Императорским Высочествам».

¹ РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 2. Д. 1843. 1759 г. Л. 1—10 об. («О разыскании сведений о времени, с которого имел свое начало Пажеский корпус. Инструкция, данная ее императорским величеством из придворной конторы Двора ее величества гофмейстеру пажей Федору Генриху барону Шуди»).

² РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 2. Д. 1843. Л. 47—49 («План для обучения пажей при императорском дворе»).

Согласно установленному порядку, обед в Пажеском корпусе подавался не позже 12 часов, а ужин — 9 вечера, на которых должны были присутствовать все пажи, кроме больных, после чего дежурные пажи направлялись ко двору.

В 1760 г. барон Шуди уехал в отпуск и на службу в Россию не вернулся, но заведенные им порядки в корпусе держались до 1800 г., когда пажи были взяты на казенное содержание.

Вступившая на престол 28 июня 1762 г. Екатерина II обратила свое внимание на воспитание пажей. Так, 15 ноября 1762 г. был издан указ о приеме в пажи исключительно лиц дворянского сословия и увеличено их число. В число пажей могли быть теперь включены лишь сыновья и внуки полных генералов от кавалерии, инфантерии и артиллерии. Некоторые исключения делались лишь для отпрысков наиболее знатных русских, грузинских или польских родов. Пажеский корпус превращается в особо элитарное учебное заведение.

В правление Екатерины II значение корпуса возрастает. Для составления программы по воспитанию и обучению пажей был привлечен академик Федор Иванович Миллер. По мнению Ф.И. Миллера, Пажеский корпус должен был стать школой подготовки государственных деятелей, способных служить на высших придворных, военных и гражданских должностях. Таким образом, пажи должны были с детства ориентироваться на такой род деятельности, в которой решались судьбы России.

Миллер разработал обширную программу для Пажеского корпуса. Примечательно, что для лиц, готовящих себя к военной службе, им были предусмотрены дополнительные курсы. Тем не менее, Миллер полагал, что Пажеский корпус постепенно должен был утратить военный характер и стать гражданским учебным заведением, в котором к военному делу мог быть по желанию допущен узкий круг лиц³.

План ученого предусматривал воспитательную и образовательную части. Образовательная часть включала чистописание, изучение Закона Божия, арифметики, геометрии, этики, французского, немецкого, итальянского, а также латинского языков, законоведения, географии и военных наук, в частности, фортификации. Те воспитанники, которые по желанию родителей должны были выйти в военную службу, изучали геометрию, тригонометрию, геодезию и механику⁴.

В 1766 г. для совершенствования знаний были отправлены в Лейпцигский университет пажи: Алексей Кутузов, Петр Челищев, Алексей Рубановский, Александр Римский-Корсаков, Александр Радищев и Сергей Янов. По всей вероятности, эти кандидатуры были выбраны лично Екатериной II, которая собственноручно обвела кружками их фамилии в предоставленном ей списке. По общему мнению немецких профессоров, русские студенты добились больших успехов. Особенно отличились Александр Радищев и Сергей Янов, которые «превзошли своих учителей».

---

³ Левшин Д.М. Пажеский его императорского величества корпус за сто лет. Т. 1. СПб., 1902. С. 119—123; Хазин О.А. Пажи, кадеты, юнкера. М., 2002. С. 32—33; Пажеский Его императорского величества корпус. М., 2004. С. 28—29.

⁴ Хазин О.А. Пажи, кадеты, юнкера... С. 33; Пажеский Его императорского величества корпус... С. 29.

В XVIII — начале XIX в. Пажеский корпус размещался в доме адмирала Крюйса, находившемся на месте Старого Эрмитажа, затем он был переведен в здание старого Зимнего дворца на Невском проспекте (ныне участок между улицей Гоголя и набережной Мойки). После смерти Елизаветы Петровны деревянный Зимний дворец был разобран, а Пажеский корпус разместили в «лейб-кампанском» доме (ныне участок № 33 по улице Миллионной). В 1802 г. после преобразования по плану генерал-майора Ф.И. Клинера корпус был переведен в дом шеваляе де Орбиньи в Литейной части 9 (ныне дом № 6 по набережной реки Фонтанки). В 1810 г. корпус обрел свой постоянный адрес: Садовая улица, д. № 26, вплоть до 1918 г., когда здание Пажеского корпуса было занято организацией левых эсеров⁵.

В 1785 г. в ходе реформы образования Пажеский корпус наряду с другими корпусами получил изменения в программе. Срок обучения устанавливался в 8 лет и подразделялся на четыре двухлетних класса. Учебная программа корпуса должна была включать следующие предметы: Закон Божий, русский и иностранные языки, классические языки (латынь, греческий), чистописание, рисование, арифметику, этику, геометрию, историю, географию, законоведение, а также обязательные для молодого аристократа танцы, верховую езду и, факультативно, музыку. Характерная для того времени деталь — особо оговаривалось, что науки следовало «преподавать на русском языке, исключая того случая, когда не найдется преподавателей из русских, тогда преподавать на том языке, в котором будут сильны ученики»⁶.

В конце XVIII в. быт пажей отличался от быта в кадетских корпусах не только тем, что у пажей «не было формы», но и тем, что «стол был общий, чай каждый имел свой, камер-пажам еду приносили в комнаты»⁷.

При Павле I было намерение военизировать корпус. Так, одной из мер по милитаризации Пажеского корпуса было назначение 11 сентября 1797 г. директором Пажеского корпуса генерал-майора артиллерии Шапошникова. Назревшая реформа нашла свое решение позднее, при Александре I. В поисках человека, способного осуществить необходимые преобразования, монарх остановил свой выбор на генерал-майоре Федоре Ивановиче (Фридрихе Максимилиане) Клингере. Ему было поручено составление нового «Положения» и Устава корпуса.

14 сентября 1802 г. шеф Пажеского корпуса граф Николай Петрович Шереметев получил письмо от Александра I, в котором император подтвердил, что «план преобразования Пажеского корпуса, сочиненный генералом Клингером, утвердил, и сообразно тому поручил ему по сношению с Вами, составить начертание обязанностей каждого чиновника, сделать штаты и прочие распоряжения по исполнению сего плана нужные». Не забыл Александр I и о бывшем директоре: «По представлению о бывшем директоре генерал-майоре Шапошникове за 38-летнюю его службу, повелел я, произвесть ему поло-

⁵ РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 3. Д. 3442. Л. 1—63 (О левых социал-революционерах интернационалистах, занявших здание Петроградской гимназии военного ведомства за 1918 г. Март — август 1918 г.).

⁶ Мельницкий Н.Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России. Ч. 1. СПб., 1857. С. 21—22.

⁷ Брусилов Н.П. Воспоминания // Исторический вестник. 1893. № 4. С. 49.

винный оклад из кабинета»⁸. По указу Александра I от 10 октября 1802 г. Пажеский корпус был превращен в военно-учебное заведение закрытого типа, согласно Уставу которого «корпус сей есть такое военное установление, где благородное юношество через воспитание приуготовляется к воинской службе строгим повиновением, совершенною подчиненностью, но добровольным выполнением должностей своих. Пажеский корпус — привилегированное учебное заведение, цель которого доставить сыновьям заслуженных родителей, предназначенных к офицерской службе преимущественно в войсках гвардии, как общее военное образование, так и соответствующее их предназначению воспитание»⁹. Директором Пажеского корпуса был назначен генерал-майор И.Г. Гогель, прослуживший на этой должности 29 лет.

При Пажеском корпусе в 1801—1802 гг. существовал пансион Бильтерлинга (Бильдерлинга), получавший на содержание от Пажеского корпуса 5 тыс. рублей в год¹⁰. Число пажей, проживающих в пансионе, по указанию Александра I было увеличено с 25 человек до 35.

По новому «Уставу» обучение состояло из четырех ступеней — классов. В первом классе преподавались общеобразовательные предметы: арифметика, русский язык, иностранные языки, Закон Божий и др.; во втором классе изучали полевую фортификацию и геометрию; в третьем — долговременную фортификацию и артиллерию, физику, алгебру, геометрию и коническое сечение. В четвертом классе изучали долговременную фортификацию, высшую геометрию, статику и механику. Кроме этого во всех четырех классах велись общеобразовательные предметы: французский и немецкий языки, русский язык, география, история, Закон Божий и т.д. Воспитанник, закончивший курс, мог стать офицером любого рода сухопутных войск, а также дипломатом или чиновником для самых различных учреждений.

После реформы 1802 г. стали проводиться экзамены, в том числе и в камер-пажи. Оценка по результатам экзамена выставлялась по многобалльной системе: русский язык, арифметика — 30 баллов; алгебра, история, география, артиллерия, французский и немецкий — 60 баллов; геометрия — 80 баллов; фортификация — 90 баллов.

В строевом отношении пажи представляли роту, во главе которой стоял гофмейстер — штаб-офицер. Младшие офицеры в составе трех человек являлись гувернерами и старшими по отделениям. Надзор за порядком осуществляла гарнизонная служба — пикет из двенадцати пажей, ефрейтора и барабанщика, которые патрулировали по дому. Развод (вахтпарад) проводился ежедневно в 11 часов по окончании классов. В нем участвовали все офицеры и пажи. По воскресеньям и праздникам — в 9 часов.

Распорядок дня в Пажеском корпусе был достаточно жестким и соответствовал армейскому:

⁸ РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 1. Д. 50. Л. 5 («Письма генерал-майору Клингеру от графа Шереметева, Александра I и других». 14 сентября 1802 г.).

⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 958. Л. 242—248 (Из «Устава для Пажеского Его Императорского Величества Корпуса»).

¹⁰ Там же. Ф. 318. Оп. 1. Т. 1. Д. 15. Л. 2, 8 («По канцелярии Пажеского корпуса. О содержании пансиона Бильтерлинга. 1801 г.»).

- подъем — 6 часов утра;
- утренний осмотр и завтрак;
- с 14 до 16 часов занятия в классах;
- с 16 до 20 часов самостоятельные занятия;
- в 21 час ужин и вечерняя заря;
- в 22 часа отбой.

На пятерых пажей полагался один служитель для обслуживания. А для камер-пажей — один служитель на четверых. Пажи не могли принимать дисциплинарных мер по отношению к служителям, но имели право обращаться на них с жалобами к начальству. За экономической деятельностью казначея и бухгалтера следил специальный комитет, состоявший из директора корпуса, штаб- и обер-офицеров. Комитет рассматривал и утверждал расходование денежных сумм на содержание Пажеского корпуса, поступавших из государственного казначейства.

Офицеры, заведовавшие отделениями, жили в квартирах, расположенных рядом со спальными отделениями пажей, и проводили с ними большую часть времени: несли обязанности воспитателей, а также наставников, подготавливающих своих подопечных к будущей службе. Офицеры отвечали за их поведение, следили за успеваемостью, опрятностью, чистотой жилья, одежды и обуви, а также за увольнением по воскресным дням тех учащихся, у которых в городе были родственники. Таким образом, офицер отделения осуществлял повседневный контроль над пажами отделения и как командир, и одновременно как учитель-гувернер. На гофмейстера возлагались другие функции: во-первых, он был воспитателем; во-вторых, строевым начальником — ротным командиром; в третьих, руководил придворной службой пажей. В основном гофмейстер осуществлял контроль над камер-пажами и являлся помощником директором корпуса. Директор корпуса подчинялся главноуправляющему корпусом, а тот — шефу корпуса, имевшему право личного доклада императору. Император являлся высшей педагогической и командной инстанцией. Без ведома императора Устав корпуса не подлежал изменению.

Все воспитанники корпуса — и обучавшиеся за казенный счет, и своекоштные, вносившие плату за обучение, — одинаково находились на казарменном положении. Наказания осуществлялись публично, в исключительных случаях применялись розги.

В 1810 г. штат Пажеского корпуса был рассчитан на 50 пажей и 16 камер-пажей. Корпус был построен по образцу кадетских корпусов. Срок обучения составлял семь лет (пять — общий курс и два года — специальный). Изучались Закон Божий, русский язык и литература, немецкий и французский языки, математика, механика, физика, статика, история, география, статистика, политэкономия, дипломатия, а из военных наук — фортификация, атака и оборона крепостей, тактика, минное дело, артиллерия и военное судопроизводство.

До 1810 г. камер-пажи выпускались в гвардию поручиками, а пажи — в армию подпоручиками и прапорщиками, но с 1811 г. всех стали выпускать с первым офицерским чином: камер-пажей в гвардию, а пажей — в армию.

В 1810 г. Пажеский корпус был переведен в здание бывшего Воронцовского дворца, где до 1801 г. располагался Капитул Мальтийского ордена, которому, как

известно, покровительствовал Павел I, и в царствование которого Орден получил это здание. Этот факт чисто внешней преемственности получил неожиданное развитие в системе воспитания пажей. Символика мальтийских рыцарей утвердилась в корпусе до последних дней его существования. Белый мальтийский крест стал официальным знаком Пажеского корпуса: такие кресты были изображены на корпусном знамени, они сохранились во внутренней отделке помещений, а кроме того, нагрудный знак такой же формы получали выпускники, успешно закончившие это учебное заведение. В здании помимо православной церкви в память о прежних владельцах была сохранена и католическая (мальтийская) капелла — случай беспрецедентный для истории военно-учебных заведений России. Заветы мальтийских рыцарей, выбитые на стенах капеллы, сохраняли свое значение в Пажеском корпусе в качестве обязательных для пажей моральных и этических норм. Следование им способствовало развитию самосознания вновь принятых как членов закрытого и привилегированного сообщества. Этими заветами пажи должны были руководствоваться в течение всей жизни:

- Ты будешь верить всему, чему учит Церковь и исполнять все ее предписания;
- Ты будешь охранять Церковь;
- Ты будешь любить страну, в которой родился;
- Ты будешь вести с неверными постоянную и беспощадную войну;
- Ты будешь относиться с уважением к слабому и сделаешься его защитником;
- Ты не будешь лгать и останешься верен данному слову;
- Ты будешь щедр и будешь всем благотворить;
- Ты везде и повсюду будешь поборником справедливости и добра против несправедливости и зла¹¹.

По окончании обучения выпускники получали значок — белый мальтийский крест и кольцо с наружной стальной поверхностью и внутренней золотой, на котором был выгравирован девиз: «Ты будешь тверд, как сталь и чист, как золото». Воспитанники корпуса отличались и формой одежды. На фуражках — офицерские кокарды; двубортные шинели с рядами гербовых пуговиц и золотые погоны с вензелем царствующего монарха¹².

В царствование императора Николая I с созданием единой системы образования Пажеский корпус начинает занимать первенствующее положение по качеству и глубине образования. О его высоком статусе на одном из выпусков высказался директор корпуса генерал-майор Павел Николаевич Игнатьев: «Не забывайте, что имя ваше принадлежит Пажескому корпусу и что каждый из остающихся здесь пажей будет и краснеть за вас, и гордиться вами. Пусть воспитанники сего заведения, коему вы обязаны образованием вашим и по прошествии десятков лет с чувством благородной гордости, глядя на вас, повторяют — он был пажом. Воспитатели и наставники да указывают смело на неукоризненное поприще ваше, как на пример, подражания достойный»¹³.

В 1831 г. в должность гофмейстера и одновременно ротного командира вступил К.К. Жирардот, прослуживший на этом поприще до 1859 г. и оставив-

---

¹¹ Пажеский Его императорского величества корпус. М., 2004. С. 34—37.

¹² Там же. С. 34.

¹³ Пажеский его императорского величества корпус за сто лет. М., 1902. С. 432.

ший заметный след в истории учебного заведения¹⁴. Кредо в воспитании пажей у К.К. Жирардота заключалось в следующем: «Паж должен быть воспитан, вежлив, хорошо говорить по-французски, быть проникнутым чувством долга, любить царя, Отечество и никогда не лгать»¹⁵.

По положению 1827 г. Пажеский корпус представлял собой в строевом отношении роту (134 пажа и 16 камер-пажей); по правилам 1829 г. назначение в пажи и зачисление их в Пажеский корпус проводилось по собственному избранию Его Величества. С 1832 г. право на поступление в корпус предоставлялось также детям лиц, имевших «генеральские» ранги (I—IV классов) на военной и гражданской службе, а с 1837 г. это право было ограничено первыми тремя классами (не ниже генерал-лейтенанта и тайного советника)¹⁶. Выпускники Пажеского корпуса почти исключительно (до 90% и более) направлялись в гвардию¹⁷.

Для выпуска из 1-го класса в офицеры полков лейб-гвардии на экзаменах было необходимо получить: по Закону Божию 10 баллов, по поведению 10 баллов, по одному из иностранных языков 10 баллов, по русскому языку 9 баллов, по всем остальным предметам средний балл составлял 8 (но не менее 6 баллов по предмету), строевой подготовке (фронту) не менее 9 баллов. Для того, чтобы попасть в артиллерию, саперы и конно-пионеры, надо было получить: по Закону Божьему 9 баллов, по любому из предметов не менее 6 баллов, по строевой подготовке 8 баллов. Для выпуска в армию оценки должны быть: по Закону Божию и русскому языку не менее 8 баллов, средний балл по всем остальным предметам не менее 7 (но не ниже 6 баллов по предмету), по строевой подготовке 8 баллов¹⁸.

Разумеется, и в Пажеском корпусе не все предметы преподавались на одном уровне. Так, преподавание русского языка и словесности, истории, статистики и математики было поставлено особенно успешно, при этом учебным планом 1836 г. изучению языков уделялось более трети учебного времени. Языки (французский и немецкий) преподавались, как правило, их носителями в течение всего курса обучения. Особое внимание уделялось устной практике и переводам, в том числе художественной литературы (краткие курсы истории французской и немецкой литературы также читались воспитанникам). Еще ранее, с 1802 г., для пажей в качестве особого предмета было введено обучение деловой переписке на русском и иностранных языках, изучаемых

¹⁴ Н.К. Имеретинский вспоминал о нем: «Карл Карлович Жирардот известен многим поколениям пажей, а стало быть, и очень многим в Петербурге и целой России. Он носил скромное звание ротного командира, но, будучи командиром роты, Жирардот был душой и двигателем всего, что делалось в корпусе... В школе нравственной он тоже был главным фактором. Влияние Жирардота в этом смысле было постоянное и действительное. Он влиял на нас собственным примером, являя изумительный образец сдержанности, порядочности, аккуратности, повиновения властям и заботливости о подчиненных. С другой стороны, он успешно действовал неослабностью надзора и неуклонным настойчивым терпением, с которым проводил свою воспитательную систему. Жирардот платил дань своему времени, главным правилом считал навык к строгой подчиненности и повиновению»: *Имеретинский Н.К.* Пажеский корпус в 1843—1848 годах. Записки старого пажа // *Русский Вестник*. М., 1887. Т. 191. № 9.

¹⁵ Пажеский его императорского величества корпус... С. 433.

¹⁶ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 108—109.

¹⁷ Там же. С. 109.

¹⁸ Пажеский его императорского величества корпус... С. 59.

в корпусе¹⁹. Уровень знания языков выпускниками мог уступить лишь уровню, получаемому прожившему длительное время в стране изучаемого языка.

Пажеский корпус располагал богатой библиотекой, в которой были широко представлены произведения русских и зарубежных классиков, учебная литература, словари. По признанию ряда воспитанников, чтение было одним из их любимых занятий. Так, В.С. Норов, находясь в корпусе, «прочел большинство французских классиков, многих из немецких»²⁰. Князь Н.К. Имеретинский во время учебы «перечитал почти все романы Вальтер Скотта, Купера, Дюма, Сю, Бальзака»²¹. Активным читателем книг из корпусной библиотеки был и Л.М. Жемчужников. Упоминания о прочитанных книгах содержатся в воспоминаниях Н.Н. Вельяминова²², П.С. Николаева²³. В настоящее время о составе библиотеки могут свидетельствовать «Каталоги российским, французским и немецким книгам, находящимся в библиотеке его императорского величества корпуса от 24 марта 1830 г.», а также каталоги библиотеки, опубликованные в 1894 и 1912 гг.²⁴

При Пажеском корпусе был создан музей, способствовавший сохранению корпоративных связей. Бывший паж Отто Рудольфович фон Фрейман подготовил сборник биографий пажей, опубликованный дважды, в 1894 и 1897 гг.²⁵ В музее Пажеского корпуса хранились биографии практически всех пажей, в том числе сыгравших в дальнейшем важную роль в отечественной истории: Михаила Илларионовича Воронцова, графа Ивана Ивановича Шувалова, графа Федора Васильевича Ростопчина, декабриста Василия Сергеевича Норова, Александра Александровича Пушкина, старшего сына поэта, и многих других²⁶.

Пажеский Его императорского Величества корпус в конце XVIII — первой половине XIX в. был самым привилегированным военно-учебным заведением в России, несмотря на то, что с 1802 г. он носит уже чисто военный характер. Тем не менее, в нем продолжали сохраняться те черты, которые были определены для его воспитанников еще в самом начале — в момент становления корпуса — в середине XVIII в. Это, прежде всего, относится к несению пажами придворной службы. Отличительной особенностью учебного процесса в корпусе было совмещение учебных занятий с дежурствами при дворе. С одной стороны, пажи отрывались от учебы и сетовали на это. С другой, сами

¹⁹ Там же. С. 59.

²⁰ *Норов В.С.* Письма // Русский Архив. Кн. I. Ч. II. 1900. С. 274.

²¹ *Имеретинский Н.К.* Пажеский корпус в 1843—48 гг. Записки старого пажа // Русский вестник. Т. 190. 1887. № 9. С. 702.

²² ОР РГБ. Ф. 218. Д. 121 («Воспоминания об императоре Николае Павловиче и его времени Николая Николаевича Вельяминова». 1885 г.).

²³ ОР РГБ. Ф. 358 (Н.А. Рубакин). Картон № 408. Д. 10 (Николаев Петр Степанович. Рассказы из прошлого. Воспоминания о моем пребывании в Пажеском его императорского величества корпусе).

²⁴ Согласно сообщению программ «Ленинградская панорама» и «Телекурьер», в библиотеке Таврического дворца имеются книги из библиотеки Пажеского корпуса; РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 268. Л. 40—62 об. (24 марта 1830 г. Каталог российским, французским и немецким книгам, находящимся в библиотеке е.и.в. Пажеского корпуса).

²⁵ *Фрейман О.Р. фон.* Пажи за 185 лет. Фридрихсгамн, 1894; То же. 1897.

²⁶ РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 6. Д. 9626. Л. 1—7 (Документы и биографии бывших пажей); Т. 6. Д. 9221 (Норов В.С. 1812 г.); Д. 9308 (Пушкин А.А. 1851 г.).

использовали возможность отлучиться из корпуса. Вообще, «дежурство во дворце — неотъемлемая часть быта, так же как и малые выходы в церковь»²⁷. Но в рождественских, крещенских и пасхальных дежурствах в Зимнем дворце принимала участие сводная рота из всех корпусов. Особый характер в конце XVIII в. имел в Пажеском корпусе обряд посвящения в камер-пажи, «имевший характер рыцарский». Паж преклонял колена, государыня дотрагивалась рукою до его щеки, вручала ему шпагу. Еще одной отличительной чертой было получение пажами от казны жалованья — 200 рублей ассигнациями в год. Во время больших парадных обедов камер-пажи переменяли приборы и подавали кушанья лицам царской фамилии²⁸.

При императоре и императрице четыре камер-пажа дежурили только по большим праздникам и во время выходов на балах. При вдовствующей императрице Марии Федоровне во дворце ежедневно дежурили восемь камер-пажей в четыре очереди по два пажа. При великих княжнах Марии и Екатерине по два пажа дежурили с 5 часов до вечера. Пажи сопровождали императрицу Марию Федоровну в подведомственных ей благотворительных заведениях, институтах, больницах. В случае вечернего приема камер-пажи сопровождали выход вдовствующей императрицы.

Из «Записок» князя Н.К. Имеретинского, бывшего пажом в 1843—1848 гг., узнаем, что «перед каждым воскресеньем, перед каждым праздником» ротный командир Карл Карлович Жирардот зачитывал «длинные списки, где были рассчитаны дни и часы, когда каждому следовало явиться в корпус для отправления во дворец и для других обязанностей»²⁹. Во время больших парадных обедов камер-пажи переменяли приборы и подавали кушанья лицам царской фамилии. По словам мемуариста, «все это... делалось с крайней неловкостью, так как подобная служба была первою и последнею в жизни»³⁰. Во время обедов их посылали к «именитым личностям передать, что пьют их здоровье»³¹.

Одной из сторон придворной жизни было участие пажей в подготовке и проведении парадов и праздничных церемоний, а также присутствие на придворных балах. Парады устраивали по различным поводам — в день рождения императора и императрицы, на Рождество, на Крещение, в годовщину вступления русских войск в Париж, по случаю приезда иностранных монархов, бракосочетаний августейших особ, полковых праздников. Эти события находят отражение в воспоминаниях многих воспитанников Пажеского корпуса: А.П. Башилова, Н.П. Бруилова, П.М. Дарагана, В.А. Бельгарда, Н.Н. Вельяминова, П.С. Николаева, князя Н.К. Имеретинского и других.

Так, описание парада по случаю прибытия в Петербург будущей жены императора Николая I прусской принцессы Шарлотты мы находим в «Воспоминаниях первого камер-пажа императрицы Александры Федоровны» Павла Михайловича Дарагана. «Въезд был блестящий. В золотой карете-ландо, запряженной шестью лошадьми, ехали обе императрицы и принцесса, по

²⁷ Бруилов Н.П. Воспоминания... С. 51, 52.

²⁸ Бельгард В.А. Автобиографические записки // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1. С. 166.

²⁹ Имеретинский Н.К. Пажеский корпус... С. 221.

³⁰ Там же. С. 223.

³¹ Там же.

обе стороны камер-пажи и шталмейстер верхами. Гвардия была расставлена шпалерами и по приезде придворных экипажей следовала за ними на Дворцовую площадь, где проходила церемониальным маршем мимо императора, стоявшего под балконом, с которого смотрели императрица и принцессы»³². Присутствовал П.М. Дараган и при обряде миропомазания 24 июня 1817 г. и при обручении 25 июня. На церемонии бракосочетания он не присутствовал, так как в тот день «не был дежурным, а только за большим обедом служил великому князю и находился на бале с другими камер-пажами»³³. Балы, по его замечанию, «были в то время довольно часты. Они назывались куртаги и состояли из одних польских»³⁴. В память о свершившемся бракосочетании автор воспоминаний, как камер-паж великой княгини Александры Федоровны, получил перстень с аметистом и бриллиантами³⁵.

Довелось присутствовать Дарагану и на крестинах будущего императора Александра II в церкви святителя Алексия Чудова монастыря в Москве. Вот как он описывает церемонию крещения: «Шествие открывали, как обыкновенно, гоф-фурьеры и камер-фурьеры, церемониймейстер, камер-юнкера, камергеры и придворные чины. За ними шли обе императрицы рядом, а сзади великий князь Николай Павлович. За ними статс-дама графиня Ливен несла царственного младенца; покрывало поддерживали с одной стороны генерал от инфантерии граф Тормасов, а с другой — действительный тайный советник Юсупов. За новорожденным шли герцог и герцогиня Вюртембергские и принцесса Мария. При входе в церковь императрицы были встречены митрополитом Августином и духовенством с крестом и святою водою»³⁶.

Дараган пишет, что на его долю «выпало счастье быть назначенным к императрице во время церемонии». Так, он «поддерживал шлейф ее мантии, стоял за нею во время крещения, сопровождал при хождении вокруг купели, поднимался с нею к царским вратам, когда она подносила к святому причащению того царственного младенца, которому Промыслом Всевышнего назначено было быть царем-освободителем и обновителем России»³⁷.

Во время дежурства в Петергофе камер-пажи повсюду сопровождали императриц и великую княгиню. В Павловске Дараган участвовал в живых картинах ко дню тезоименитства императрицы Елизаветы Алексеевны³⁸.

Любопытные наблюдения о проведении парадов, смотров и учений, а также придворной службе, праздниках и балах оставил Николай Николаевич Вельяминов, бывший в 1840—1842 гг. пажом и служивший в 40-е — середине 50-х гг. в лейб-гвардии Преображенском полку³⁹. Одно из самых сильных впечатлений осталось у Вельяминова от первого дежурства камер-пажом во

³² Дараган П.М. Воспоминания первого камер-пажа императрицы Александры Федоровны // Пажеский Его императорского величества корпус... С. 96.

³³ Там же. С. 97.

³⁴ Там же. С. 98.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 101.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 103—104.

³⁹ ОР РГБ. Ф. 218. Д. 121 («Воспоминания об императоре Николае Павловиче и его времени Николая Николаевича Вельяминова». 1885 г.).

дворце после парада: «В первый раз поехал я служить камер-пажом и поражен был великолепием двора. В полной парадной форме, в лосинах, в ботфортах, привезли нас всех камер-пажей в придворных каретах. Поднимаясь по великолепной лестнице, ярко освещенной, накуренной чудными духами, я был уже поражен. Пройдя большими великолепными коридорами, вошли мы в ротонду и в Арапскую комнату, где ожидали выхода. Все люстры были залиты огнями. В Арапской придворные чины в золотых мундирах, в лентах, звездах суетились в ожидании чего-то»⁴⁰. Вельяминов присутствовал также и на двух бракосочетаниях: наследника цесаревича Александра Николаевича и великой княжны Марии Николаевны. Во время посещений придворных мероприятий Вельяминов имел возможность близко наблюдать за членами императорской фамилии и отпускать порой достаточно колкие и язвительные замечания. Сильное впечатление у него оставил «народный» маскарад, проходивший в Зимнем дворце. Вообще, самое сильное впечатление у него было, по собственному признанию, от первого бала⁴¹.

Большое место в воспоминаниях Н.Н. Вельяминова занимает описание военных парадов, оказавших на него заметное влияние. Одним из таких парадов был парад Гвардейского корпуса. «Весной, после экзаменов, на Царицыном лугу, бывал ежедневно парад Гвардейского корпуса и с ним отряд военных учебных заведений. Рота пажей с ротой гвардейских подпрапорщиков и ротой Императорского инженерного училища составляли сводный батальон, который с двумя батальонами Дворянского полка составляли первый полк... Парад нам не был страшен, а боялись мы репетиции великого князя Михаила Павловича, для которой всех собирали на плацу I-го Кадетского корпуса. Великий князь был очень строг по фронту, при малейшем беспорядке он выходил из себя, горячился. Разносил начальство и оставил целые части учиться на несколько часов. Парада мы вовсе не боялись, все лезли из кожи, чтоб заслужить царское спасибо, и когда он нам его скажет, мы с иступлением отвечали: рады стараться»⁴².

Вельяминов подробно описал парад в честь избавления от наполеоновского нашествия: «в первый день Рождества, когда праздновалась память “избавления России от нашествия галлов и с ними 12 языков”, <...> в Петербурге в этот день в залах Зимнего Дворца был парад всем Георгиевским кавалерам и служившим в Отечественную войну. Нижних чинов 1812 года в полках уже не было, были в роте дворцовых grenадер, но генералов, штаб-офицеров было еще много с медалями 1812 года. Отставные нижние чины тоже бывали во Дворце и их угощали обедом. В строю были от каждого полка по взводу кавалеров, получивших ордена в турецкую 1828—1829 гг., персидскую и Польскую войну. Взводами командовали командиры полков, батальонные командиры, имевшие ордена за храбрость. Всем парадом командовал великий князь Михаил Павлович очень серьезно. Государь сначала обходил все залы, где стояли войска (так в документе. — *Н.А.*) — здоровался и потом с императрицей и всем двором шел большим выходом в большую церковь Зимнего Дворца, где

⁴⁰ Там же. Л. 12.

⁴¹ Там же. Л. 13—14.

⁴² Там же. Л. 6 об.—7.

их встретил митрополит со всем духовенством и служил после обедню. В конце обедни государь вышел к войскам. Крестный ход с образами, хоругвями, митрополитом, духовенством, певчими в сопровождении императрицы и всего Двора, двинулся из церкви и прошел мимо войск через гербовую залу в портретную галерею... и здесь служили благодарственный молебен с коленопреклонением. В конце молебна после многолетия царской фамилии протоиерей протрубил Вечную память Александру I и его сподвижникам»⁴³.

Вместе с тем у Н.Н. Вельяминова сложилось критическое отношение к этому параду, который показался ему «не православным»: «Едва крестный ход вошел в залу, как мы увидели Государя в шляпе с обнаженной шпагой, командующего: “слушай”, “на караул” и, вытянувшись, как в строю. Войска в киверах держали на караул, барабанщики били поход, музыка играла веселые марши, а перед ними несли образа, перед которыми приличнее было бы православному воинству с обнаженными головами перекреститься. Это было странно и меня неприятно поразило. Зачем такой парад, смешанный с религией. Видел я солдат с оружием в руках и с покрытыми головами в римско-католических костелах, может, оно делается и в лютеранских костелах, но зачем у нас?»⁴⁴ Автору воспоминаний представлялось, что «приличнее было бы пропустить крестный ход перед войсками без киверов, чтоб православный мог перекреститься перед святыней», а вот «после окончания духовной церемонии делай какие угодно парады, эволюции, церемониальные марши»⁴⁵.

Торжественные выходы войск бывали и по церковным праздникам. Так, в Пасхальную неделю разводы с церемонией на площадке производились ежедневно. Подчеркивая любовь Николая к этой стороне деятельности армии, Вельяминов заключал: «Куда бы он ни поехал, в театр ли, в собрание, в маскарад, везде караулы, везде часовые. В Зимнем Дворце кроме роты со знаменем, на Главной гауптвахте внутренний караул от пехоты, два пикета от Гвардейской кавалерии. Государь, проходя мимо караула или часового, всегда обращал внимание, здоровался и не удивительно, что он, знал не только офицерство, но и солдат. Ничего его глазу не упускалось, всякое упущение он замечал, и потому все были настороже».

В целом, подводя итог своей придворной службе во время учебы в Пажеском корпусе, Н.Н. Вельяминов писал: «Вначале было очень любопытно видеть Двор, быть близким к царской фамилии, участвовать во всех церемониях, но под конец оно приелось, чувствовалось, что это была временная для нас, а не наша настоящая жизнь»⁴⁶.

Вместе с тем, знакомство с азами придворной службы в будущем могло сыграть положительную роль для воспитанников при их дальнейшей военной или гражданской карьере. Выпускники Пажеского корпуса проявили себя на разном поприще. Многие выдающиеся деятели России в разное время учились в корпусе. Среди них С.Р. Воронцов, А.Н. Радищев, А.Н. Оленин,

---

⁴³ Там же. Л. 17 об.—18.

⁴⁴ Там же. Л. 18.

⁴⁵ Там же. Л. 18 об.

⁴⁶ Там же. Л. 33 об.

А.П. Тормасов, Д.С. Дохтуров, И.Ф. Паскевич, И.В. Гурко, П.И. Пестель, В.С. Норов, Н.К. Шильдер, П.А. Кропоткин, М.В. Родзянко.

В декабре 1902 г. Пажеский корпус праздновал столетний юбилей. Николай II в Манифесте, данном на имя корпуса, высоко отозвался о его заслугах: «Пажеский корпус не переставал давать армии офицеров, воспитанных на чувствах благородства и воинской чести, доброго товарищества, дисциплины и любви к военной службе. В рядах армии пажи всегда служили примером воинской доблести и на войне, на полях брани являли беззаветную преданность своему престолу и Родине. Многие из пажей, которым впоследствии приходилось работать на поприщах гражданской и общественной служб, показали себя высоко полезными тружениками и выдающимися государственными деятелями»⁴⁷.

Но через 15 лет корпус перестал существовать. Не помогло ни коллективное обращение пажей к председателю Государственной думы М.В. Родзянко⁴⁸ с просьбой сохранить корпус, ни хлопоты последнего директора корпуса генерал-майора Н.Н. Усова. После Февральской революции все кадетские корпуса были переименованы в гимназии военного ведомства, эта же участь постигла и Пажеский корпус. В 1918 г. Пажеский корпус, как и остальные военно-учебные заведения, в связи с ликвидацией царской армии был закрыт.

---

⁴⁷ Левшин Д.М. Пажеский его императорского величества корпус за сто лет. 1802—1902. Т. 1. СПб., 1902. С. 670.

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 263. Д. 419. Л. 1—1 об.

Ермолаева Н.В.

Ректор и библиотекарь университета Н.И. Лобачевский

Статья посвящена служебной деятельности одного из величайших русских ученых XIX в., математика, создателя неевклидовой геометрии Николая Ивановича Лобачевского, профессора и ректора Казанского университета, возглавлявшего его в течение без малого двух десятилетий. Однако не только как ученого, педагога и ректора помнят Лобачевского в университете.

В 1953 г. имя Николая Ивановича Лобачевского было присвоено библиотеке Казанского университета. Это был более чем заслуженный акт, ибо можно с полным правом сказать, что Лобачевский создал библиотеку, это было его любимое детище. Благодаря его деятельности как библиотекаря и ректора библиотека университета превратилась в одну из лучших в России.

«Ректор и библиотекарь университета» — так в течение восьми лет подписывал многие деловые бумаги Лобачевский. «Ректор и библиотекарь» — странное сочетание по нашим современным понятиям. Но в то время это не вызывало удивления. Библиотекарем мог быть только ординарный профессор университета. Именно таким человеком был Н.И. Лобачевский, который был избран библиотекарем университета 8 октября 1825 г. До этого 33-летний ученый, кроме преподавания, успел побывать и деканом, и председателем строительного комитета, и членом библиотечного комитета.

С библиотекой Лобачевский тесно познакомился задолго до того, как он стал библиотекарем. 16 декабря 1819 г. попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий, печально известный своей разрушительной деятельностью в области образования и просвещения, назначил членами библиотечного комитета профессоров Вердерамо и Лобачевского. (Вердерамо вскоре уволился из университета, и Лобачевский фактически остался единственным членом комитета и пребывал в этой должности до мая 1821 г.) Комитет должен был осуществить план попечителя-реакционера: если уж нельзя уничтожить Казанский университет и его библиотеку, то последнюю надо хотя бы «очистить от скверны». Инструкция, данная комитету, гласила: 1 — «поверить описи книгам, рукописям, эстампам и пр.», 2 — отделить дублиеты, 3 — (самое важное) «книги, противные нравственности или вообще не согласные с началами доброго воспитания, отобрать»¹.

Только гражданское мужество тех, кто имел отношение к библиотеке, спасло ее от этой чистки и, прежде всего, это относится к Лобачевскому. С присущей ему энергией и тщательностью он взялся за выполнение первого пункта,

¹ См.: Загоскин Н.П. История Казанского университета за первые сто лет его существования. Т. 4. Казань, 1904. С. 128.

полностью игнорируя третий. Несмотря на многочисленные требования попечителя дать сведения именно по третьему пункту, Лобачевский, а вслед за ним и Совет университета во главе с директором А.П. Владимирским доносили попечителю, что, пока не выполнен первый пункт (а дело это в связи с отсутствием каталогов и неразберихой в фондах было крайне трудоемким), невозможно приступить к выполнению третьего. Это требование Магницкого так и не было реализовано в течение ряда лет, вплоть до ухода Магницкого в 1826 г. с поста попечителя. Так, благодаря в основном деятельности Лобачевского, главная библиотека университета была спасена от разгрома.

Во время своей работы членом библиотечного комитета Лобачевский хорошо познакомился с состоянием фондов библиотеки. А здесь все было далеко не гладко. Первоначальные фонды состояли из четырех крупных книжных собраний: библиотек известного государственного деятеля Г.А. Потемкина, секретаря Российской Академии художеств, казанского дворянина В.И. Полянского, лейб-медика Санкт-Петербургской медико-хирургической академии И.П. Франка и санкт-петербургского купца С.В. Зимняка². И хотя численно эти фонды были достаточно велики (около 16 тыс. томов), но по отраслям знаний положение с их обеспеченностью обстояло далеко не лучшим образом. Хорошо был укомплектован раздел медицины (благодаря библиотеке Франка), неплохо были представлены словесность и всеобщая история, а вот с естественными науками, а также с периодикой дело обстояло гораздо хуже.

Совсем плачевными для комплектования фондов библиотеки новыми поступлениями оказались годы попечительства Магницкого, когда покупка книг и выписка журналов находились под его бдительным присмотром, чтобы не допускать какой-либо «крамолы».

На основании двухлетней работы с фондами библиотеки Лобачевский в июне 1821 г. представил директору университета А.П. Владимирскому подробнейшее донесение³, в котором привел данные обо всех частях книжного фонда, каталогах и мерах, необходимых для приведения библиотеки в порядок. Принципам и взглядам на роль и значение библиотеки, выработанным в эти годы, Лобачевский следовал затем всю жизнь. Он выдвигает важнейший принцип комплектования фондов университетской библиотеки, без осуществления которого невозможно развитие научной мысли: это необходимость своевременного приобретения новейших сочинений и прежде всего важнейших периодических изданий. «Чтобы преподавание в университете шло наряду с просвещением целой Европы... надо, чтобы университет был уведомляем о предприятиях и успехах учнейших мужей, надобно, чтобы он читал современные записки»⁴.

Следуя этим правилам, Лобачевский, находясь летом 1821 г. в Петербурге, отбирает в местных книжных лавках книги по физике и математике, причем не просто руководствуется темой и названием сочинений, а самым внимательным образом изучает их прежде, чем купить. «Список отобранных мною книг

² См.: *Аристов В.В., Ермолаева Н.В.* История Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского (1804—1850). Казань, 1985. С. 6—9, 15—22.

³ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977 (Совет). Д. 2220. Л. 10—14 об.

⁴ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 247. Л. 11—12.

готов я представить... — пишет он в донесении Совету, — ... многие из них не были мною читаны, а известны только мне по ссылкам на них других писателей... Чтобы сделать безошибочный выбор и сберечь бесполезные издержки казны, почитаю я нужным предварительно пересмотреть их самому...»⁵.

Позднее, уже став библиотекарем, Лобачевский вырабатывает твердые правила комплектования фондов университетской библиотеки:

«1. Чтоб сочинения пополняли недостатки других признанных полезными в преподавании и находящихся уже в университетской библиотеке.

2. При назначении вновь вышедших книг преимущество дать тем сочинениям, которые приобрели славу в ученом свете.

3. Чтоб сочинения были новейшими.

4. Чтобы они заключали не столько отдельные и частные открытия, иногда подверженные сомнению, сколько открытия, приведенные уже в систему..

5. Чтоб главная цель при выборе книг была польза для преподавания наук в университете»⁶.

Итак, на пост библиотекаря в октябре 1825 г. пришел человек с уже сложившимися взглядами на место и роль библиотеки в системе университетской жизни.

В течение почти десяти лет (с октября 1825 по март 1835 г.) работал Лобачевский на посту библиотекаря, причем с мая 1827 г. он совмещал эти обязанности с обязанностями ректора университета.

Не сразу смог Лобачевский начать налаживать работу в библиотеке. Еще почти год он был почти отстранен от дел, благодаря вмешательству всесильного попечителя, и лишь после увольнения Магницкого смог приступить к действительному руководству библиотекой. Прежде всего была произведена тщательная полная проверка наличия всего книжного фонда, в этом трудном деле библиотекарю помогал специальный комитет из профессоров. «Прием библиотеки таким образом, — писал Лобачевский Совету, — мною окончен на законном основании»⁷.

С первых шагов своей библиотечной деятельности Лобачевский главное внимание уделял вопросам комплектования фондов. В «Исторической записке о библиотеке Казанского университета», составленной в сентябре 1827 г.⁸, он писал, подчеркивая отсутствие новейших сочинений: «Исторических книг довольно; из них есть важные, но недостает новейших сочинений... По греческой, латинской и французской словесности почти остается желать только новейших изданий и сочинений. Собрание врачебных книг и картин анатомических... довольно полно, но и здесь величайший недостаток в новейших сочинениях. В особенности велика бедность наук точных, по промышленности, по восточной и новейшей иностранной словесности... философских и политических сочинений весьма мало».

---

⁵ Там же. Д. 186. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 2691. Л. 19.

⁷ Там же. Ф. 977. Д. 2220. Л. 149 об.

⁸ *Лобачевский Н.И.* Научно-педагогическое наследие: Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма. М., 1976. С. 355—358. См. также: Научная библиотека Казанского университета. Отдел рукописей и редких книг (НБЛ. ОРРК). Д. 4825. Л. 1—5 об.

Для обеспечения качественного комплектования фондов Лобачевский разработал целую программу сбора предварительных заявок на необходимую научную и учебную литературу. Раз в году, весной, все преподаватели обязаны были представить списки книг, которые необходимо, по их мнению, приобрести в следующем учебном году. Вот одно из таких распоряжений: «...благоволят гг. профессоры и адъюнкты университета доставить к 25 числу текущего марта в библиотеку записки о назначаемых ими книгах с показанием полного заглавия и цены русской и иностранной. Казань, 1833 года марта 6 дня. Ректор и библиотекарь университета Н. Лобачевский»⁹.

Надо отметить, что Лобачевский стремился выполнять заявки не только профессоров, но и совсем молодых преподавателей. Так, например, в 1830 г. к преподаванию древней истории в университете был допущен пока еще только кандидат И.А. Верниковский, и по его представлению Лобачевский выписывает шесть польских и одно французское сочинение¹⁰.

Лобачевскому принадлежит заслуга организации четкой системы быстрого получения новейших зарубежных изданий. С 1830 г. постоянным комиссионером Казанского университета становится петербургский книгопродавец Греф, имевший тесные связи с многими иностранными книготорговыми фирмами, с которым Лобачевский познакомился еще в 1821 г. во время своего пребывания в Петербурге¹¹.

Однако не только о новейшей научной литературе заботился библиотекарь Лобачевский. Он старается комплектовать фонды лучшими произведениями отечественной словесности¹². Благодаря его заботам библиотека Казанского университета последовательно год за годом приобретает все выходящие в свет сочинения А.С. Пушкина («Бахчисарайский фонтан», «Руслан и Людмила», «Братья-разбойники», «Цыганы», «Повести Белкина» и др.). Роман «Евгений Онегин» покупается по мере выхода глав, причем нередко это происходит повторно. Так в списке книг, приобретенных в 1833 г., где значится роман Пушкина, имеется примечание рукой Лобачевского: «N.V. Сие издание против первого, находящегося в библиотеке, умножено путешествием Онегина».

И книги Пушкина не составляли исключения. Лобачевский сам непосредственно (обычно в казанской книжной лавке Глазунова) приобретает для библиотеки все лучшие образцы отечественной литературы: сочинения Н.В. Гоголя, Д.В. Дельвига, В.А. Жуковского, А.А. Бестужева-Марлинского, Е.А. Баратынского, А.С. Грибоедова и других российских писателей и поэтов.

То же относится и к исторической литературе. Незамедлительно, по мере выхода из печати приобретаются сочинения Н.М. Карамзина, Н.А. Полевого, «История цивилизации в Европе» Ф.-П. Гизо, «История Наполеона» Ф.П. Сегюра, многотомное французское издание «Краткое изложение истории всех народов, древних и современных» и т.д. Узнав о предстоящем выходе в свет «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара (в 24 томах на русском языке),

⁹ НБЛ. ОРРК. Д. 7635.

¹⁰ См.: Аристов В.В., Ермолаева Н.В. История... С. 61.

¹¹ Там же. С. 62—63.

¹² Подробнее см.: Там же. С. 63—69.

Лобачевский сразу же заказывает два экземпляра — для главной и студентской библиотек.

Этот список можно продолжать очень долго. Хочется только остановиться на заботе Лобачевского о комплектовании востоковедных фондов библиотеки. В 30-е годы XIX в. восточный факультет Казанского университета бурно развивается, открываются новые кафедры (это тоже заслуга Лобачевского). Требовалась специальная литература, книги и рукописи на восточных языках. Основным источником приобретения подобных сочинений была покупка у частных лиц. Несмотря на небольшие денежные средства, имеющиеся у библиотеки, Лобачевский не жалеет денег на нужные библиотеке рукописи и книги. Так, например, в 1831 г. Лобачевский приобретает у профессора Казанского университета Казембека за 1170 рублей пять персидских рукописей¹³. В этом же году он выходит в Совет университета со следующим предложением: «Честь имею сим представить... не благоугодно ли будет подписаться на предлагаемое профессором Эрдманом издание сочинения знаменитого персидского стихотворца Низамия... Занимательность сего сочинения в отношении к России, неизвестность оногo доселе в ученом свете... подают надежды, что оно будет полезно не только для фундаментальной, но и студентской библиотеки»¹⁴.

Большое количество ценнейших рукописей, ксилографов и печатных книг поступило в библиотеку в результате поездки востоковеда (в дальнейшем профессора монгольской словесности и ректора Казанского университета) О.М. Ковалевского в 1828—1831 гг. в Бурятию и Китай. Вскоре о собрании восточных рукописей и книг в библиотеке Казанского университета узнала общественность: по инициативе Лобачевского, Ковалевский составил «каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библиотеке Казанского университета хранящимся» (1834 г.).

Большое внимание уделял Лобачевский и приобретению изданий за прошлые годы, отсутствующих в фондах библиотеки, в том числе редких книг, гравюр, карт. Основной путь здесь — опять-таки покупка у частных лиц. Не останавливаясь подробно на этих приобретениях, упомянем только два момента¹⁵. В 1830 г. Лобачевский покупает у вятского крестьянина Ивана Никонова первую русскую печатную книгу «Апостол», изданную в 1564 г. Обосновывая эту покупку, Лобачевский пишет Совету: «Книга сия, будучи первой, напечатанной в Москве, важна для библиотеки университета как памятник типографского искусства того времени».

Еще один пример. В 1832 г. бывший профессор университета И.Ф. Яковкин предложил библиотеке купить у него план Пекина и карту Китайской империи. Лобачевский высказывает свое мнение: главное достоинство сих изданий — их редкость, польза же сомнительна, так как едва ли они отличаются географической точностью. «Впрочем, — добавляет Лобачевский, — может

¹³ НБЛ. Документальный каталог библиотеки Имп. Казанского университета. Т. II. № 11920—11924.

¹⁴ Там же. ОРРК. Д. 7787. Л. 477—478.

¹⁵ Об этом см.: *Аристов В.В., Ермолаева Н.В. История... С. 70—71.*

быть, они содержат в себе многое, что со временем будет полезно для будущего розыскателя». И оба плана были у Яковкина куплены за 200 руб.

Не останавливаясь подробно на вопросе подписки на русские и иностранные периодические издания, следует сказать, что при Лобачевском она выросла в несколько раз, библиотека стала выписывать все наиболее значимые в научном и политическом отношении газеты и журналы.

В результате всех этих и других не упомянутых здесь мер фонды библиотеки выросли почти вдвое: к 1833 г. они составляли 26 734 тома.

Чтобы разобраться в этом книжном море и найти нужное сочинение, требовались подробные и правильно составленные каталоги. В необходимости таких каталогов Лобачевский убедился еще в 1819 г., когда, будучи членом библиотечного комитета, производил проверку фондов. Уже тогда он утвердился в мысли о необходимости единого каталога на все книжные собрания, о невозможности ведения дел без четкой библиотечной документации.

К тому времени, когда Лобачевский стал библиотекарем, в библиотеке по-прежнему было пять отдельных каталогов, причем качество их было крайне неудовлетворительным. В ноябре 1826 г. Лобачевский обращается в Совет университета с предложением скорейшего составления единого документального каталога на все библиотечные фонды. При этом он формулирует требования: чтоб «с книг было списано заглавие как должно, т.е. содержание оных, издание, место печатания и время оногo, а также число эстампов в тех книгах, в коих они находятся». В следующем представлении Совету Лобачевский предлагает, чтобы в библиотеке было три каталога: документальный, систематический («по наукам») и алфавитный («для руководства библиотекарям»)¹⁶.

В ноябре 1828 г. после неоднократных представлений Лобачевского были, наконец, выделены необходимые ассигнования, и началась работа по созданию документального каталога. Она была возложена на студентов университета и закончена в 1829 г. Но качество работы не удовлетворило Лобачевского: студенты использовали как основу описания старые каталоги, не все достаточно знали языки и т.д. С 1830 г. начинается новый этап работы — создание окончательного варианта документального каталога. Эта работа выполнялась уже силами только работников библиотеки (помощника библиотекаря и письмоводителя) под непосредственным руководством Лобачевского. Работа шла медленно, так как требовалась абсолютная точность и тщательность в описании каждой книги. Она была закончена только в 1837 г.

Документальный каталог, составленный согласно всем требованиям Лобачевского, сохранился до наших дней. Это внушительные тома — первые инвентарные книги главного фонда библиотеки Казанского университета, которые служат бесценным источником всевозможных сведений о «первых» книгах библиотечного фонда. Они показывают историю поступления книг в библиотеку: когда именно, от кого или по какому случаю, по чьему предписанию и т.д.

Итак, как уже упоминалось, первоначальные фонды библиотеки были достаточно велики, да и пополнение их шло довольно быстро. Чтобы использо-

¹⁶ НАРТ. Ф. 977. Д. 4115. Л. 1—2.

вать эти богатства в научной и учебной работе университета, требовались не только точные каталоги, но и само помещение для удобного расположения многих тысяч томов. И здесь опять все начальные пути ведут к Лобачевскому.

Строительными делами он начал заниматься еще в 1822 г., когда был образован строительный комитет для руководства работами по постройке главного университетского здания. Членом этого комитета стал и Лобачевский, с 1825 г. он председатель строительного комитета и находится в этой должности с некоторым перерывом почти четверть века. Он принимал самое непосредственное участие во всех университетских строительных делах и заботах. «...Через весь длительный период работ комитета, — отмечает исследователь деятельности Лобачевского В.В. Егерев, — красной нитью проходит единство мысли и устойчивое своеобразное направление деятельности комитета, а это может иметь место только в том случае, когда работой руководит или вдохновителем является одно и то же лицо. Смело можно утверждать, что таким лицом мог быть и на самом деле был только Н.И. Лобачевский, т.к. при многих переменах состава строительного комитета он оставался единственным несменяемым работником комитета за все время его существования»¹⁷.

Среди всех университетских зданий и служб для Лобачевского-строителя библиотечные помещения по их значимости занимали одно из первых мест. Первоначально, до перестройки бывшего гимназического корпуса, переданного университету¹⁸, библиотека занимала несколько комнат в первом этаже здания. Комнаты были и малы, и плохо приспособлены для нужд библиотеки. В новом проекте, подготовленном казанским архитектором П.Г. Пятницким, библиотеке отводились три весьма обширные комнаты на втором этаже. Самая большая из них предназначалась для профессорской библиотеки, две другие — для студентской библиотеки и канцелярии. В 1825 г. строительство здания университета было в основном завершено, оставались внутренние работы. В это время Пятницкий отказался от должности, не успев завершить свой проект. Вся тяжесть по завершении работ легла на плечи Лобачевского.

30 апреля 1825 г. он подает в правление университета представление об устройстве библиотеки¹⁹. Лобачевский еще не библиотекарь, им он станет через полгода, но он прекрасно разбирается в том, каким должно быть библиотечное помещение. «Устроение библиотеки, — пишет Лобачевский, — требует обратить внимание на поместительность, на издержки, на доставление удобства библиотекарю служить читателям и, наконец, на красоту наружности. Последнее требование уступает первым, как существенным, но и убранством библиотеки нельзя пренебречь, в намерении все то, что служит для просвещения народного... одеть привлекательною наружностью и тем поддержать любовь в науках и высокое о них мнение».

---

¹⁷ Егерев В.В. Н.И. Лобачевский как строитель. Казань, 1920. С. II.

¹⁸ Казанский университет был образован на основе Казанской гимназии, существовавшей с середины XVIII в. Первое время оба учреждения существовали вместе — под одним управлением — и занимали одно помещение. Позднее, когда гимназия полностью отделилась и получила особое здание, было решено перестроить бывший гимназический дом, чтобы приспособить его полностью для нужд университета.

¹⁹ См.: Лобачевский Н.И. Научно-педагогическое наследие... С. 350—353.

Приходится только удивляться, с какой дотошностью, любовью и знанием дела Лобачевский входит во все детали, во все мелочи оформления помещения. Не цитируя подробно этот замечательный документ, упомянем только два момента: Первый — забота об условиях труда библиотекаря («Главнейшая трудность — сделать книги доступными для библиотекаря», — пишет Лобачевский). Второй момент — забота о правильном отоплении помещения. «Две печи, — отмечает Лобачевский, — думаю я устроить вне стен библиотеки, чтобы не отнять ими места у книг; сделать их духовые для уравнивания повсюду теплоты, для доставления сухости и для того, чтобы не разогревалась стена, к которой они примыкают».

В 1833 г. работа строительного комитета снова возобновилась, и вновь ее возглавляет Лобачевский. На этот раз строится дворовый университетский комплекс, в состав которого входило особое здание для библиотеки. И снова Лобачевский, теперь уже не только библиотекарь, но и ректор, продумывает все детали новой постройки. Новое помещение для библиотеки необходимо, ибо фонды ее составляют почти 30 тысяч томов, кроме того, Лобачевский думает о будущем: здание должно служить многие десятилетия.

Здание библиотеки было заложено 11 августа 1834 г., проект был составлен известным архитектором М.П. Коринфским. Внешне здание выглядело строго, но внутренняя отделка, по замыслу и архитектора, и Лобачевского, должны была быть великолепной. Центральное место (две трети всей площади) занимает двусветный зал высотой в два этажа. Вот как описывает его помощник библиотекаря А.И. Артемьев: «Потолок зала сделан сводом, поддерживаемым 24 колоннами коринфского ордена; за колоннами идут вокруг всей залы два яруса хор, разделяющие таким образом залу на три этажа. Колонны выше капителей соединяются между собою полустрельчатými сводами... Галереи, образуемые вокруг залы колонными, как внизу, так и на хорах, ограждены красивыми решетками»²⁰. Книги должны были располагаться вдоль стен и ограждаться резной решеткой, как это было в библиотечном зале университетского здания.

Во время постройки здания библиотеки произошла почти детективная история. Чтобы облегчить давление сводчатого потолка на тонкие колонны, архитектор предложил смелый проект, связанный со сложными расчетами: сложить свод не из обыкновенных кирпичей, а из так называемых «пустых гончарных коробок», т.е. пустотелых кирпичей. Лобачевский со своим быстрым умом и верным глазом сразу поверил в этот проект и стал его горячим защитником. Как полагалось, проект послали в Петербург, тот медлил с ответом. Лобачевский, не дожидаясь разрешения начальства, собственной властью заказал «гончарные коробки», а затем, опасаясь наступления холодов, распорядился о начале работ. Постройка была закончена в октябре, а из Петербурга пришло запрещение. Узнав о самоуправстве, начальство пришло в ярость. Из Петербурга прибыла комиссия, которая поостереглась дать свое заключение. Даже сам архитектор Коринфский начал сомневаться и велел по-

²⁰ *Артемьев А.И.* Библиотека Казанского университета. Ст. 2 // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. Ч. 72. С. 4.

ставить между колоннами временные железные связи. Лобачевский же приказывает убрать связи и вызывает снова и снова комиссии, последняя из них была вынуждена дать заключение о прочности свода. Министерство сменило гнев на милость, не утерпев, однако, добавить, что ежели бы что было не так, не избежать бы виновникам суровой кары²¹.

Теперь дело оставалось за внутренним убранством. Лобачевский здесь повторяет все осуществленное им при оформлении прежнего библиотечного помещения. Та же тщательно продуманная отопительная система, те же требования к стеллажам для книг, та же забота о чистоте и проветривании помещения. Библиотечный зал поражал своей красотой. В своде потолка против каждой колонны были нарисованы в две тени изображения эмблем различных наук и искусств. Стены и своды были палевые. Все это вместе с ажурными решетками, загораживающими полки с книгами, производило на посетителей незабываемое впечатление и вызывало, по словам свидетелей, возгласы восхищения.

В 1837 г. строительство было полностью завершено. И библиотека, любимое детище Лобачевского, имела теперь прекрасное помещение, достойное ее фондов и способное прослужить долгие годы.

Однако всем перечисленным выше отнюдь не ограничивается деятельность Лобачевского на посту библиотекаря. Возьмите любое направление библиотечной работы: организацию обслуживания читателей, заботу о сохранности фондов, внимание к наиболее целесообразному расположению этих фондов, тщательность ведения документации, требовательность к качеству работы своих помощников и одновременно заботу и помощь им во всех начинаниях, заботу об удобстве читателей и посетителей библиотеки — да, собственно, какую бы сторону библиотечной работы и жизни вы ни взяли, везде присутствует мысль, дела, начинания Николая Ивановича Лобачевского, самого главного библиотекаря, создателя библиотеки Казанского университета.

Когда я, проработавшая в библиотеке Казанского университета более полувека, спускаюсь на первый этаж главного книгохранения старого здания, бывшего профессорского зала, и стою там, у меня возникает особое чувство. Вокруг — нескончаемые ряды книг, высоко вверх уходят стройные колонны, царит какая-то особенная тишина, и я верю, что там, высоко под сводами, до сих пор витает дух Николая Ивановича Лобачевского.

---

²¹ Подробнее см.: *Аристов В.В., Ермолаева Н.В. История... С. 109—111.*

Благородные пансионы в системе образования (на примере губерний Европейского Севера России)

Проблемы развития благородных пансионов являются одним из новых направлений исследования истории просвещения. Современные исследователи уделяют особое внимание вопросам организации учебно-воспитательного процесса в этих учебных заведениях, уровню преподавания школьных предметов и подготовки учащихся.

Ряд ученых занимается проблемами организации и деятельности благородных пансионов при университетах¹. Монография В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой, посвященная Благородному университетскому пансиону при Московском Императорском университете (1779—1830), показывает его роль в истории русской культуры. Пансион заложил основы нового русского образования, став образцом для будущих классических гимназий. Однако проблемы организации пансионов при губернских мужских гимназиях и пансионы для представительниц женского пола рассматривались фрагментарно, в контексте изучения развития гимназического образования².

Нстоящая статья посвящена истории создания и проблемам организации благородных пансионов для дворянских сыновей и дочерей на Европейском Севере России в первой половине XIX в. Привлечение нового фактического материала позволяет реконструировать историю повседневности частных пансионов и пансионов при гимназиях, оценить их эффективность в системе российского народного просвещения. Работа основана на законодательных документах, опубликованных и неопубликованных материалах центральных и региональных архивов.

Благородные пансионы для мальчиков

Благородные пансионы для дворянских детей первой половины XIX в. появлялись в губернских городах по инициативе самих родителей. По мнению правительства, благородное юношество своим происхождением предназначалось к определению на государственные должности и, по возможности, могло иметь

¹ *Диссон Ю.А.* Лицеи и благородные пансионы в системе народного просвещения России в первой трети XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Университетский благородный пансион. 1779—1830. М., 2005; *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Университетский благородный пансион в исторической памяти: документы и литература // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2006. № 3. С. 14—28.

² *Калинина Е.А.* У истоков гимназического образования: провинциальные гимназии при Александре I // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2011. Сер. 4. № 1 (19). С. 13—17; *Лешиков В.Н.* Псковская мужская гимназия в 1833—1855 гг. // Псков. 2011. № 34. С. 56—65; *Стрельцов А.А.* Гимназическое образование: прошлое и настоящее // Педагогика. № 7. 2007. С. 68—77; *Христоворова Н.В.* Российские гимназии XVIII—XX веков. М., 2001.

отдельное воспитание в пансионах. Пансионеры находились под постоянным попечительством своих наставников и подчинялись установленному своду правил. Дворянское сословие не удовлетворялось государственными общеобразовательными школами и охотно отдавало своих детей в частные пансионы.

«Предварительные правила народного просвещения», изданные в 1803 г., разрешали организацию благородных пансионов для дворянских детей при губернских гимназиях, а их содержатели — «хозяева имели бы предметом токмо содержание и надзор за поведением юношества, получающего учебные наставления в училищах»³.

В «Уставе учебных заведений, подведомых Университетам» (1804 г.) глава «О пансионах» посвящалась обустройству частных пансионов, которые находились в подчинении губернских училищных дирекций и приказов общественного призрения. В ней, в частности, говорилось, что содержателем частного пансиона мог стать иностранец или российский подданный «свободного состояния». Для того, чтобы открыть свое заведение, необходимо было подать прошение директору губернской гимназии с необходимыми свидетельствами и примерный план работы, где указывались цель открытия пансиона, преподаваемые учебные предметы, предполагаемое число учащихся и педагогов и плата за обучение. Обязательными предметами были русский язык и Закон Божий, остальные назначались по усмотрению содержателя. Директор училищ в губернских городах или смотритель в уездных имели право в течение учебного года осматривать эти школы и проводить ежегодные испытания учащихся⁴.

Благородные пансионы начала XIX в., открытые при губернских гимназиях, содержались на благотворительные средства. Пансионеры проживали в здании пансионов, а обучались вместе с воспитанниками гимназий. Обучение в гимназиях, с одной стороны, удешевляло стоимость содержания пансиона: содержатели не тратили средств на оплату труда учителей. С другой стороны, обучение юношества находилось под контролем училищного начальства. Благодаря наличию пансиона увеличивалась численность учащихся в гимназиях, так как пансионеры одновременно становились гимназистами и тем самым пополняли классы государственного учебного заведения. Такое положение дел вполне устраивало и правительство, и организаторов пансионов. Пансион имел свой Устав, утвержденный высшим губернским и училищным начальством.

Законодательные документы начала XIX в., подчинив общему контролю Министерства народного просвещения частные учебные заведения, ни в чем их не ограничивали. В связи с этим численность благородных пансионов стала расти. Так, в 1808 г. в шести учебных округах появился 91 частный пансион с 22 854 учащимися⁵.

Благородные пансионы при гимназиях на основании Устава 1804 г. появились в Москве, Петербурге, Харькове и в некоторых губерниях, в том числе в Олонецкой (1805 г.) и в Вологодской губерниях (1816 г.).

---

³ Предварительные правила народного просвещения // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 27. № 20597. СПб., 1830. (Далее — ПСЗРИ).

⁴ Устав учебных заведений, подведомых Университетам // Там же. № 21501.

⁵ Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1809. № 23.

В Олонецкой губернии идею открытия благородного пансиона при гимназии в Петрозаводске инициировали гражданский губернатор В.Ф. Мертенс, губернский предводитель дворянства И.Г. Киприянов и директор народных училищ А.Е. Крылов. В январе 1805 г. они обратились к олонечким дворянам с предложением о выделении денежных средств на обустройство пансиона. Мертенс спешил отличиться в глазах императора таким «благородным начинанием» — в 1802 г. Александром I он был отстранен от службы, а 14 июня 1804 г. получил назначение на должность губернатора⁶.

В свою очередь, 7 января 1805 г. представители дворянского собрания направили письмо к олонечкому губернатору, где выразили готовность содействовать открытию в Петрозаводске благородного пансиона для детей дворян и чиновников. В послании говорилось: «Ваше человеколюбивое и сострадательное сердце показало нам путь к усерднейшим пожертвованиям частью наших избытков на восстановление в губернии благородного пансиона»⁷. Собрание приняло решение: открыть благородный пансион в Петрозаводске и в течение трех лет вносить на его содержание по 1360 руб.⁸ Следует подчеркнуть, что в вопросе финансирования дворяне Олонецкой губернии проявили единодушие. Денежные взносы на обучение 12 юношей благородного состояния от 8 до 14 лет внесли не только состоятельные дворяне (так, например, губернатор В.Ф. Мертенс — 140 руб., совестный судья С.Е. Тимирязев — 135 руб. и «сверх того, дворянин Ярославцев представил вексель на 6040 руб. и уступил в пользу заведения Приказа 3020 руб.»), но и дворяне, «не имеющие состояния и единственно земледелием питающиеся»⁹. Всего в 1805 г. на открытие пансиона было собрано 1500 руб., что существенно превышало предварительно оговоренную ежегодную сумму.

Открытие такого учреждения в Петрозаводске — событие неоднозначное. При малочисленности дворянского сословия в Олонецкой губернии и его финансовой несостоятельности общественные пожертвования на пользу просвещения — событие примечательное. В своем донесении министру народного просвещения П.В. Завадовскому попечитель Петербургского учебного округа П.А. Строганов в 1805 г. заметил: «Дворянство Олонецкой губернии сколь оно ни малоллюдно и недостаточно, будучи движимым духом и соревнованием к пользе общественной» определило учредить в г. Петрозаводске пансион¹⁰.

Такая «благородная» деятельность олонечкого дворянства в деле развития просвещения в «отдаленном крае» не осталась без внимания императора Александра I. В именном указе В.Ф. Мертенсу в феврале 1805 г. «Об учреждении пансиона для воспитания бедных дворянских детей Олонецкой губернии, на иждивении тамошнего дворянства» государь поручал губернатору объявить губернскому предводителю, совестным судьям, коллежским советникам И.Г. Кирьянову и С.Е. Тимирязеву, а также всему дворянству и чиновникам — монаршее благоволение¹¹.

⁶ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 29. Оп. 1. Д. 24/200. Л. 1—2.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 24. Л. 6 об.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 4 об.

¹⁰ Там же. Л. 1.

¹¹ Об учреждении пансиона для воспитания бедных дворянских детей Олонецкой губернии, на иждивении тамошнего дворянства // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 28. № 21624.

25 января 1805 г. были составлены «Правила для учреждаемого в губернском городе Петрозаводске благородного пансиона». В них, в частности, указывалось, что пансион находится в ведении Олонецкого приказа общественного призрения под особенным наблюдением гражданского губернатора и учреждался для детей из бедных дворянских семей. Пансион содержался только на благотворительные средства дворянства. В «Правилах» оговаривались документы, необходимые для поступления в учебное заведение: свидетельство с подписью предводителя губернского дворянства, «в коем должно быть объяснено его рождение, достоинство его отца и состояние с удостоверением, что представляемый юноша действительно остается без приличного ему воспитания по скудости его родителей или по сиротству»¹².

Воспитанники проживали в здании пансиона (арендованном доме купца Баранова), а обучались в Олонецкой гимназии, куда они сопровождалась под строгим контролем смотрителя. Он имел «неослабленное наблюдение» за поведением пансионеров и их нравственностью и «во время свободное от классов». Ни один пансионер не мог отлучиться из пансиона без особого на то разрешения. Таким образом, жизнь воспитанников находилась под контролем его служителей. Пансионеры, окончившие учебный курс гимназии «с особливими способностями и дарованиями», имели право поступить в университет.

В штатном расписании созданного пансиона при гимназии в Петрозаводске значилось пятеро служителей: один смотритель (надзиратель), один служитель, один сторож и две кухарки. Главным действующим лицом в пансионе становился надзиратель. Он избирался из чиновников, проживал в доме пансиона, вел всю хозяйственную деятельность учреждения, наблюдал за воспитанниками и питался с ними за общим столом. При этом «жалованья ему не полагалось, а по достатку суммы и по усердию давалось грошовое содержание по воле попечителей»¹³.

Итак, дворянский пансион в Петрозаводске был открыт 10 августа 1805 г. (вне связи с Олонецкой гимназией, которая открылась позже) в присутствии губернатора, губернского предводителя дворянства И.Г. Киприянова, чиновников и именитых горожан. По этому случаю губернатор Мертенс писал к губернскому предводителю дворянства Киприянову: «Не могу в сем не признать иного как за истинным патриотизмом достойного приличия древнего дворянства российского изящными и достохвальными подвиганиями во всех веках отличившегося движимым духом чести, любовью к Отечеству и состраданием к ближнему»¹⁴. Первыми воспитанниками пансиона были дети из дворянских семей: Александр Нежин, Николай Березин, Федор Петров, Федор Отсолин, Алексей Нуромский, Неофит Неелов, Стахийев, Алексей Неелов, Иван Волков и Федор Саблин.

Первым смотрителем пансиона стал губернский секретарь, служащий Александровского завода П. Ермолин, который уже через месяц за неблаго-

¹² НА РК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 20/152. Л. 23—27.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 24. Л. 16.

¹⁴ Петров К.М. Исторические материалы Петрозаводского благородного пансиона // Олонецкие губернские ведомости. 1866. № 2. (Далее — ОГВ).

пристойное поведение был уволен, а вместо него наблюдение за пансионерами поручили чиновнику Приказа общественного призрения И.Л. Фолкерну.

Об учебно-воспитательной деятельности благородного пансиона в Петрозаводске мало сведений. Известно, что присмотр за училищем был недостаточен. В 1809 г. директор писал губернатору, что «учением не занимаются, говорят, что сапог нет, приходят и говорят, что проспали, идучи в классы, дерутся. В то время надзирателем был секретарь земского суда»¹⁵. Сохранившиеся архивные документы и исторические сведения, собранные исследователем истории просвещения Олонецкого края К.М. Петровым, свидетельствуют: пансион существовал не более десяти лет. Так, в 1817 г. на его содержание по-венецкие чиновники жертвовали по 5 коп. с рубля получаемого жалованья, что составляло 62 руб. 49 коп. Из Олонца поступило 150 руб. и Петрозаводска 42 руб. 50 коп.¹⁶ Всего 254 руб. 99 коп. Эта сумма была слишком мала для организации обучения пансионеров. Видимо, отсутствие средств и послужило главной причиной закрытия пансиона в 1817 г. Подобная ситуация произошла и в Новгородской губернии, когда в 1805 г. такой же пансион был открыт помещиком, тайным советником Зиновьевым при Новгородской гимназии. Он на содержание 10 воспитанников жертвовал ежегодно 1000 руб. Но в 1808 г. пансион закрылся «по случаю возвысившейся на все дороговизны»¹⁷.

В Вологде организация частного благородного пансиона началась по инициативе отставного полковника О. Якоби, подавшего директору училищ А.С. Волоцкому об этом прошение в 1815 г. В нем содержатель предлагал обучение детей обоего пола. Благородный пансион открылся в 1816 г. с платою за полный пансион по 500 руб., а за полупансион по 300 руб. в год. В нем обучалось в 1816 г. 5 мальчиков и 6 девочек, в 1817 г. — 13 мальчиков и 10 девочек. Учащиеся изучали Закон Божий, российскую словесность, арифметику, всеобщую и естественную историю, географию, чистописание, рисование, немецкий и французский языки, танцевальное искусство, девочки обучались рукоделию под руководством его родственницы Т. Тауш. Однако в начале 1819 г. директор училищ известил высшее училищное начальство о закрытии пансиона, поскольку его содержатели «неизвестно куда удалились»¹⁸.

Благородные пансионы, открытые в начале XIX в., просуществовали недолго. Причиной этого явились отсутствие официальной четкой регламентации их деятельности со стороны правительства, государственной материальной поддержки и финансовая несостоятельность провинциального дворянства.

Наряду с частным пансионом в это время в Вологде работало еще одно учебное заведение для детей привилегированного сословия. Это Вологодский благородный пансион для дворянских сирот, существовавший на средства Вологодского приказа общественного призрения с 1784 г. На содержание

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Отто Н.К.* Материалы для истории учебных заведений. История Новгородской дирекции до 1828 г. СПб., 1865. С. 22.

¹⁸ *Отто Н.К.* Вологодская дирекция училищ до 1850 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1866. Т. 132. С. 69—70. (Далее — ЖМНП).

28 учащихся Приказом ежегодно выделялось 1399 руб.¹⁹ Дети проживали и обучались французскому языку, арифметике, российской грамматике, чтению и рисованию в здании, принадлежащем Приказу.

Пансион на протяжении многих лет терпел нужду. Финансовых средств, выделяемых Приказом на его содержание, было недостаточно. Об этом свидетельствуют многочисленные письма в адрес Приказа и в дирекцию вологодских училищ от смотрителей пансиона. В мае 1806 г. директор училищ К.С. Станиславский писал вологодскому губернатору К.И. Линеману: «Вологодский приказ общественного призрения с самого открытия здешней губернии, входя в цель своей деятельности... учредил... для воспитания бедных дворян обер-офицерских и разного звания детей здешней губернии пансион, при котором открыта была и школа. На содержание учеников было учинено постановление сходное с ценами, существующими тогдашнего времени, но при переменах начальников сие заведение от слабого надзора и беспечности также и вверено таким людям кои при таком заведении и быть не могли... это привело к совершенному беспорядку и недостатку, как это в пище, в одежде и прочих ученических пособиях»²⁰. В своем письме директор просил разрешить пансионерам бесплатно обучаться в Вологодской губернской гимназии. С 1806 г. пансион перевели в ведение дирекции училищ, он стал называться Вологодский пансион для сиротских детей дворянского происхождения при гимназии. Приказ общественного призрения продолжил оказывать прежнюю материальную поддержку на питание и одежду 28 детей-сирот из обедневших дворянских семей.

В связи с удорожанием цен на продукты питания, ежегодной суммы, назначенной еще в конце XVIII в., не хватало. На каждого казеннокоштного воспитанника требовалось по 225 руб. в год и 50 руб. единовременно. В 1826 г. Вологодский приказ общественного призрения принял решение о сокращении численности пансионеров. С этого времени в пансион стали принимать вместо 28 — только 10 детей-сирот, и в нем разрешили обучение учащимся, имевшим родителей, за собственный счет. Для таких пансионеров родительская плата за каждого воспитанника составляла за первый год — 275 руб., а в последующие годы — по 250 руб. в год и 50 руб. единовременно²¹. С 1826 г. из-за нехватки государственных финансовых средств в Вологодском пансионе число казеннокоштных пансионеров уменьшилась, но появилось 7 своекоштных воспитанников. Смотрителем сиротского пансиона с этого времени был назначен И.И. Дозе, учитель немецкого языка Вологодской гимназии.

Дирекция училищ старалась различными способами помочь материальному обеспечению пансионеров. В целях экономии директор училищ А.В. Башинский в 1832 г. отказался от жалованья в пользу пансионеров и настоятельно просил об этом других чиновников дирекции. В письме к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа М.А. Дондукову-Корсакову директор писал, что он сократил жалованье комнатному надзирателю, который, вместо положенных ему по штату 700 руб., получал только 250 руб. в год, а врач Во-

¹⁹ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 438. Оп. 1. Д. 60. Л. 8.

²⁰ ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 122. Л. 13.

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 83. Л. 1 об.

логодского приказа общественного призрения оказывал помощь заболевшим воспитанникам и вовсе бесплатно. Башинский просил попечителя округа о выплате единовременного денежного пособия в размере 3737 руб. 26 коп. для покупки необходимых вещей для пансионеров²². Однако просьбу директора не удовлетворили, и в 1835 г. пансион закрылся.

В начале своего правления Николай I был вынужден вновь вернуться к проблеме развития и организации благородных пансионов в провинциальных городах России. Это было связано с новыми стратегиями Министерства народного просвещения — усилением контроля над всеми учебными заведениями и ликвидацией частных школ. В это время был разработан ряд законодательных документов, касающихся организации благородных пансионов при гимназиях. По мнению правительства, это был «лучший порядок учения, строгий и постоянный надзор в пансионах должны были привлечь дворянство и в свою очередь возвысить авторитет гимназии в глазах общественности»²³.

«Устав гимназий и училищ уездных и приходских» (8 декабря 1828 г.) раскрывал суть организации деятельности благородных пансионов при губернских гимназиях в системе Министерства народного просвещения, определил цель и способы их содержания. Для принятия детей требовались свидетельства о рождении, крещении и дворянском происхождении, о материальном положении родителей и справка о сделанной прививке от оспы. В пансионах обучались своекоштные пансионеры (те, которые сами вносили плату за обучение) и казеннокоштные (те, которые обучались за счет государственных учреждений).

Почетный попечитель и директор гимназии должны были «иметь бдительный, непрерывный надзор за воспитанниками», «быть при них безотлучно», записывать в специальном журнале «в какие проступки чаще впадают ученики» и изыскать финансовые средства для их открытия. В штате пансиона появились новые должности: комнатный надзиратель (по одному на 15 воспитанников) и служитель (по одному на 8 воспитанников) для осуществления пристального надзора за пансионерами. Хозяйственная часть находилась в ведении эконома. В его обязанность входила покупка одежды и продуктов, учебных пособий и прочих вещей для воспитанников²⁴.

Министр народного просвещения С.С. Уваров способствовал организации благородных пансионов в провинциальных городах Российской империи. Это отвечало всей стратегии министерства, начатой еще при А.С. Шишкове. Уваров писал: «С самого начала вступления моего в управление Министерством народного просвещения (11 мая 1833 г.) я обратил внимание попечителей учебных округов, гражданских губернаторов и предводителей дворянства на эти полезные учреждения»²⁵. В циркуляре Министерства народного просвещения от 16 мая 1833 г. он отметил, что «доселе дворяне готовили своих детей к высшему образованию посредством домашнего образования и частных пансионов, но и тот и другой способ оказались недостаточными и не-

²² Там же. Л. 1—2 об.

²³ Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1828 по 1854 г. СПб., 1855. С. 8.

²⁴ Устав гимназий и училищ уездных и приходских // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 2502.

²⁵ Десятилетие Министерства народного просвещения (1833—1843). СПб., 1864. С. 10.

удобными; между тем гимназии оставались частью праздными, а университеты наполнялись незрелыми к слушанию университетских лекций питомцами, которые не проходили однообразно чрез приготовительное воспитание»²⁶. По утверждению нового министра, пансионы должны были «сосредотачивать в себе благородное юношество», не давать окончательное образование молодым людям, а только готовить их к слушанию университетских лекций²⁷.

В это время одна губерния за другой ходатайствовали об открытии пансионов при губернских гимназиях. Вопрос об открытии благородного пансиона при Вологодской губернской гимназии на средства дворян решался в течение нескольких лет (1829—1835 гг.). В 1829 г. вологодский губернский предводитель дворянства А.Н. Левашов просил у министра народного просвещения К.А. Ливена разрешение на учреждение при Вологодской гимназии благородного пансиона. В прошении, однако, не оговаривались важные для организации такого учебного заведения мероприятия — сбор конкретных сумм на содержание пансионеров и назначение почетного попечителя пансиона, что послужило причиной отказа.

В январе 1830 г. Вологодское дворянское собрание постановило ежегодно жертвовать на пансион по 8 коп. с каждой ревизской души, но многие дворяне отказывались вносить деньги. Тогда организаторы обратились к министру просвещения, чтобы тот своей властью обязал несогласных вносить ежегодный взнос, на что Ливен ответил, что это дело добровольное, а он только может «убедить их к соучастию в сим благом деле». Министр резюмировал: пансион может быть открыт только тогда, когда в нем будет обучаться 20 детей дворян и чиновников и самое главное — «со всей точностью Устава будут собраны потребные для того издержки без всяких временных изъязн»²⁸. Однако Вологодское губернское дворянское собрание не приняло такого решения.

В переписке между министрами народного просвещения К.А. Ливеном (за 1829—1832 гг.), С.С. Уваровым (за 1833—1834 гг.) и бывшими, соответственно, в это время попечителями Петербургского учебного округа К.М. Бороздиным и М.А. Дондуковым-Корсаковым с депутатами дворянского собрания, с дирекцией вологодских училищ отражается явный интерес министерства к учреждению пансиона в Вологде. Представители высшего училищного начальства постоянно интересовались этим вопросом, считая, что открытие Вологодского пансиона может «дать первое движение» и «послужить примером и поощрением для других городов». Но его организация затягивалась. В конечном счете, в марте 1834 г. Дондуков-Корсаков сообщил Уварову: «Я не предвижу никакого успеха в оном, доколь лично на месте не приму участия в соглашении дворянства»²⁹, имея в виду предстоящую поездку летом этого же года по обозрению вологодской дирекций училищ.

Только в мае 1834 г. на имя попечителя пришло донесение от вологодского директора училищ А.В. Башинского, где он уведомил, что вологодское дво-

²⁶ О пансионах. СПб., 1864. С. 3.

²⁷ Десятилетие Министерства народного просвещения... С. 10.

²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 83. Л. 7 об., 10.

²⁹ Там же. Л. 13, 19.

рянство согласилось открыть пансион при губернской гимназии в Вологде. К письму директора прилагалась копия постановления Дворянского собрания. В нем говорилось о выделении средств на содержание 10-ти воспитанников «из детей самобеднейших дворян Вологодской губернии, не имеющих никаких способов доставить им воспитание» по 400 руб. в год (по 10 коп. с каждой ревизской души). В общей сложности дворянским собранием было обещано ежегодно собирать по 9000 руб., из них 4000 руб. на обучение детей и 5000 руб. на отправку в Приказ общественного призрения для приращения процентов. Еще 10 пансионеров планировалось обучать за свой счет.

В постановлении особо подчеркивались условия обучения для пансионеров, учившихся на взносы дворянского капитала: они не имели права уйти из гимназии до окончания полного курса обучения, а выпускники обязывались в течение 6 лет служить на военной, гражданской службе или поступить в университет. Дворянское собрание оставляло за собой право решения вопроса о распределении учащихся пансиона.

Несомненно, посещение Вологды попечителем М.А. Дондуковым-Корсаковым вдохновило вологодских дворян на выделение финансовых средств на открытие пансиона, а также на готовность почетного попечителя пансиона Ф.А. Андреева «принести в жертву сему общественному делу единовременно 20 000 руб.»³⁰.

Торжественный акт открытия при вологодской гимназии благородного пансиона состоялся 8 сентября 1835 г. По окончании литургии в Иоанно-Предтеченской церкви почетный попечитель, директор, инспектор, учителя и все ученики гимназии направились в зал дворянского депутатского собрания. Перед собравшимися с речами выступили протоиерей П. Васильевский, директор А.В. Башинский, старшие учителя гимназии Н. Позняков и Ф. Фортунатов, учащиеся Васильев, Макшеев, а ученик VI класса Монахов обратился с благодарственной речью к посетителям на французском языке.

В ноябре 1837 г. при благородном пансионе при гимназии построили церковь Святого Духа, освящение которой совершил Преосвященный Стефан, епископ Вологодский и Устюжский, а также обустроили больницу, разбили сад, благоустроили двор, где дети в часы отдыха «под надзором гувернеров могли и гулять и веселиться невинными забавами»³¹. Отметим, что территориально пансион и гимназия находились рядом, так что воспитанники гимназии также его посещали.

В Пскове пансион при гимназии был открыт в 1833 г. По инициативе почетного попечителя гимназии Крекшина дворяне Псковской губернии на своем собрании приняли решение «жертвовать» в течение 7 лет ежегодно по 9 коп. с ревизской души, что составило 17 440 руб. на содержание в благородном пансионе 24 воспитанников³². В Новгородской — пансион начал свою работу в 1835 г., когда местным дворянством было решено жертвовать ежегодно из собственных доходов на содержание 20 воспитанников по 7 коп. с души³³.

³⁰ Там же. Л. 29—35.

³¹ Старая Вологда, XII — начало XX в.: сб. док. и материалов. Вологда, 2004. С. 364.

³² *Лешиков В.Н.* Псковская мужская гимназия в 1833 — 1855 гг. // Псков. 2011. № 34. С. 57.

³³ *Отто Н.К.* Материалы для истории учебных заведений... С. 21—22.

В Олонецкой губернии благородный пансион при гимназии был создан в 1840 г. на базе Петрозаводского училища для детей канцелярских служащих³⁴. На его содержание из Государственного казначейства выделялось 3000 руб. серебром, а в 1847 г. добавилось 360 руб. (проценты с экономического капитала). Других дополнительных источников доходов, в виде благотворительной помощи, пансион не получал. В штат пансиона входило два комнатных надзирателя, совмещавшие должности с обязанностями эконома и учителя приготовительного класса. Курс обучения составлял 4 класса, вместо языков — латинского, немецкого и французского — учащиеся слушали курсы геометрии без доказательств, бухгалтерии и коммерческой бухгалтерии, форменного делопроизводства и занимались письмом с диктовкой и чтением книг и рукописей, изучали законоведение.

В ежегодных отчетах директоров училищ и инспекторов гимназии содержались общие данные по успеваемости и прилежанию обучающихся. Поскольку пансионеры «слились» с воспитанниками гимназии в единый коллектив, информация об этом учебном заведении ограничивалась только сведениями об их количестве, происхождении и представлением общих цифр успехов в познании учебных предметов и поведении. Судя по ведомостям, многие пансионеры были прилежными учениками, на экзаменах показывали отличные и хорошие знания, за что неоднократно награждались книгами на публичных гимназических актах. Например, в отчете директора Олонецких училищ М.И. Троицкого за 1841 г. указывалось, что из 22 пансионеров показывали хорошие успехи — 6 человек, достаточные — 9, посредственные — 5, слабые — 2³⁵. Среди воспитанников были и выпускники, окончившие пансион с отличными аттестатами. Так, например, Севериан Воронков, удостоенный золотой медали, стал учителем латинского языка в Варшавской гимназии, «серебряные» медалисты Платон Николаевский — учителем математики в Новгородской гимназии и Михаил Чеботов — начальником расходного отделения в Брест-Литовске³⁶.

Однако в отчетах есть информация и о низкой успеваемости пансионеров. В этой связи особый интерес представляют протоколы педагогического совета Олонецкой гимназии, где рассматривались проблемы снижения успеваемости среди воспитанников пансиона. В апреле 1845 г. по инициативе М.И. Троицкого на совете обсуждался вопрос ослабления надзора за воспитанниками и определения взысканий за их ученическую «леность и неисправность». Совет решил: усилить контроль за выполнением домашних заданий среди нерадивых учащихся, для этого привлечь лучших воспитанников пансиона; свободное время занимать пансионеров уроками чистописания в отдельных классах; лишать отпусков тех воспитанников, кто за учебную неделю получил общую оценку менее трех баллов³⁷. Тем не менее, несмотря на принятые меры, успеваемость воспитанников оставалась на прежнем уровне.

³⁴ Положение о соединении Петрозаводского училища для детей канцелярских служащих с Олонецкой гимназией // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 15. Ч. 1. № 13759.

³⁵ НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 7/8. Л. 291.

³⁶ Петрозаводский пансион для детей канцелярских служащих // ОГВ. 1874. № 100.

³⁷ НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 8/9. Л. 754.

Ревизия олонецких учебных заведений в 1845 г. инспектором казенных училищ П.П. Максимовичем из Петербурга выявила ряд существенных недостатков в деятельности пансиона в Петрозаводске. Как отмечалось в отчете, «пансион находился в самом жалком положении... Наемный дом, где помещен пансион, стар, вех и все в нем носит печать близкого, почти конечного разрушения, со стен обвалилась штукатурка, печки потрескались, сквозь изразцы просвечивает, дверцы печные не затворяются и с дырами при таком можно ожидать пожара... В пансионе везде нечистота, даже на столах лежала пыль слоями. Сами пансионеры не довольно опрятны, белье, обувь и платье их едва достаточны, пища совсем скудна. Директор, по-видимому, мало входит в состояние пансиона, считая, что это дело собственно пансиона»³⁸.

Негативные факты, выявленные ревизией, послужили поводом к увольнению на пенсию в 1846 г. директора училищ М.И. Троицкого и проявлению заботы олонецкого губернского начальства по улучшению ситуации. По мнению губернатора Х.Х. Повало-Швейковского, строительство отдельного здания для благородного пансиона могло бы решить многие проблемы, связанные с улучшением учебно-воспитательной работы не только в пансионе, но в губернской гимназии. Министр народного просвещения С.С. Уваров в апреле 1848 г. по этому поводу дал разъяснение в Комитет министров о том, что еще в 1843 г. предполагалось построить для петрозаводского пансиона отдельный флигель, на что по смете было определено более 12 000 руб., однако высшие инстанции ассигновать средства на строительство не согласились³⁹.

В итоге пансион разместили в частном доме вдали от гимназии. «Кроме неудобства частных квартир для учебного и воспитательного заведения на 30 воспитанников, с надзирателями и прислугою... самая отдаленность прежних пансионских квартир от дома гимназии имела губительное влияние на здоровье детей: малютки, едва достигшие десятилетнего возраста, в легких шинелях должны были ежедневно два раза приходить в гимназию, иногда за полверсты, несмотря ни на какую погоду, особенно осенью и зимой, отличающуюся на нашем севере суровостью и обилием снегов и метелей»⁴⁰. Решение вопроса о постройке нового здания затянулось на длительное время. Только в 1858 г. в Петрозаводске было построено новое каменное здание для пансиона возле гимназии на Соборной площади. В новом двухэтажном пансионном доме на первом этаже располагались столовая, зал для занятий, гувернерская и кухня, на втором — спальня, гардеробная, лазарет и комната эконома. После закрытия пансиона (1862 г.) с 1872 г. здесь размещалась женская гимназия.

Количество пансионов в России ежегодно увеличивалось. Если в 1832 г. действовало только 6 пансионов, то в 1842 г. — 46⁴¹, в 1855 г. — 54⁴². В Санкт-Петербургском учебном округе в 1830-е гг. из существующих 13 губернских гимназий благородные пансионы были открыты в четырех: в Во-

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 172. Л. 8—8 об.

³⁹ Там же. Л. 5.

⁴⁰ А.И. Освящение здания для особого Пансиона при Олонецкой гимназии // ОГВ. 1858. № 43.

⁴¹ Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 63.

⁴² Отчет министра народного просвещения за 1855 г. // ЖМНП. 1856. Ч. 140. С. 54—75.

логде, Новгороде, Пскове и Могилеве, а к 1 января 1853 г. действовали уже 9 пансионатов, число воспитывавшихся в них детей доходило до 1099 человек⁴³.

Благородные пансионаты для девочек

Обучение дворянских дочерей было одним из наиболее трудноразрешимых вопросов в российском просвещении. Женское образование пробивало себе дорогу с большими трудностями. Считалось, что главное предназначение женщин — быть женой, матерью и воспитательницей своих детей. В XVIII в. обучение девочек было преимущественно домашнее и зависело от степени заботы родителей, от их материального благополучия.

В первой половине XIX в. правительство, финансируя только высшие женские школы, не проводило существенных преобразований в сфере среднего и начального женского образования. Решение этого вопроса предоставлялось обществу. Родители сами должны были позаботиться об образовании своих дочерей, привлекая благотворительные средства, или за свой счет открывать училища для девочек. До основания государственных женских школ девочки довольствовались лишь домашним воспитанием, приучением к рукоделию и домашнему хозяйству. Обучением же чтению и письму занимались отец или братья, и состояло оно в чтении по букварю, часослову и в подписи своего имени и фамилии. Хотя в некоторых губерниях были организованы девичьи приюты, но они предназначались, главным образом, для сирот. Большинство же представительниц женского пола должны были ограничиваться элементарным домашним воспитанием.

Одной из форм женского среднего образования были частные пансионаты. В большинстве своем они были доступны только детям привилегированных сословий. На Европейском Севере России такие учебные заведения действовали в Вологодской губернии. В г. Устюге было открыто два частных женских пансионата для благородных девиц: один — в декабре 1827 г. женой коллежского секретаря А. Мерцаловой, второй — в январе 1849 г. женой губернского секретаря М.Н. Поповой, имевшей свидетельство из Санкт-Петербургского Дома трудолюбия⁴⁴. Однако они существовали непродолжительное время. Уже в июне 1849 г. Попова по случаю переезда ее мужа в Саратов уехала вместе с ним. Родители девиц, желая продолжить обучение девочек, обратились с просьбой к вологодскому губернатору С.Г. Волховскому о разрешении дочери судьи Н. Красильниковой открыть пансион в Устюге. Через месяц, в июле, согласие губернатора было получено: «По личной мне известности нравственности и безукоризненности поведения девицы, Надежда Красильникова может быть содержательницей частного женского пансионата в Устюге»⁴⁵. Но в октябре 1849 г. Н. Красильникова также уехала к родным мужа в Оренбургскую губернию, и женский пансион закрылся.

⁴³ Воронов А.С. Историко-статистическое обозрение. СПб., 1855. С. 134—135.

⁴⁴ А.Л. Для истории Вологодской дирекции училищ // Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 г. Вологда, 1860. С. 73.

⁴⁵ ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 1818. Л. 1—9.

Интерес для исследователей представляет деятельность в г. Вологде частного пансиона для благородных девиц, открытого в октябре 1834 г. с разрешения министра народного просвещения С.С. Уварова и ректора Санкт-Петербургского университета А.А. Дегурова. Содержательницей пансиона стала жена учителя гимназии Г.К. Дозе. Ее отец, уроженец Гамбурга, потерял свое состояние, и Генриетта Корниловна, получившая солидное образование в лучшем английском пансионе, должна была искать счастья в России. Здесь она стала наставницей детей вологодского помещика Ф.Д. Ахматова, имевшего поместье в окрестностях Вологды. Окончив их воспитание, она вышла замуж за учителя немецкого языка И.И. Дозе и сначала вместе с ним работала в мужском пансионе при Вологодской гимназии. Своей образованностью, добросовестностью и музыкальным талантом она сразу завоевала внимание местного общества (ее учеником был член Государственного совета П.А. Зубов). Дозе трудно было справиться с мальчиками, так как муж почти все свое время должен был отдавать гимназии, а потому она открыла женский пансион, который процветал в течение целого 25-летия⁴⁶.

В декабре 1833 г. Дозе написала прошение директору училищ А.В. Башинскому об открытии в г. Вологде женского пансиона. «Как в сие время в г. Вологде не находится никакого заведения для обучающихся благородных девиц, — писала она, — то имею желание под руководством мужа... открыть в сем городе заведение для воспитания благородных детей женского пола»⁴⁷. К прошению прилагались документы, подтверждающие право преподавания в пансионе: свидетельство от Вологодской губернской гимназии в том, что она прошла испытание по истории, географии, арифметике, французскому и немецкому языкам, свидетельство о ее благонравном поведении: «во время пребывания в городе познаниями своими равно и отличнейшим поведением приобрела доверенность к себе от здешней публики». Подписи в данном документе поставили вологодские помещики М.А. Зубов, В. Алябьев, помещицы А.В. Чуровская, Е.М. Михайлова, А. Ахматова, статский советник И.И. Андреев и другие вологодские чиновники.

В представленном пакете документов присутствовал «Конспект учебного заведения для благородных детей женского пола, имеющего быть открытым в губернском городе Вологде»⁴⁸. Это был предполагаемый план деятельности пансиона. В нем, в частности, указывалось, что в учебное заведение принимались 6 полных пансионеров и 6 полупансионеров, всего 12 девочек не моложе 8 лет и не старше 12, умеющих писать и читать на русском языке. Пансион работал с понедельника до пятницы, кроме праздничных дней, с 9 час. до 14 час. и с 16 час. до 18 час. Заведение помещалось в собственном доме Г.К. Дозе, под надзором ее и помощницы — надзирательницы. В конспекте оговаривался курс учебных предметов и преподавательский состав из учителей Вологодской губернской гимназии, арифметику, чистописание, переводы и чтение книг на иностранных языках, музыку и танцы должна была вести сама содержательница.

⁴⁶ Г.К. Дозе (Некролог) // ОГВ. 1882. № 98.

⁴⁷ ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 737. Л. 1.

⁴⁸ Там же. Л. 5—10.

В пансионе Дозе воспитывались дочери дворян, чиновников, духовных лиц и купцов. В октябре 1834 г. в пансион поступили 4 пансионерки: дочери ротмистра Семеринкина, почетного гражданина Глазного, вологодского помещика Волкова, ротмистра Лаврова и 3 полупансионерки — дочери коллежского советника Андреева⁴⁹. В 1838 г. в пансионе обучалось 19 учениц (17 дочерей дворян и 2 — почетных граждан)⁵⁰. В 1840-е годы численность воспитанниц возросла до 30 человек.

Родители имели право выбрать для своих дочерей различный режим пребывания в пансионе, исходя из желания и финансовых возможностей. Например, полный пансион предполагал обучение, питание и проживание воспитанниц в пансионном доме, полупансион — обучение и питание, позднее некоторые пансионерки платили только за обучение, а питались и проживали дома. Первоначально с каждой девицы было назначено за полный пансион 400 руб., за полупансион — 250 руб. ассигнациями в год. В 1840-е годы плата только за обучение была 57 руб. 14 коп., за полупансион — 85 руб. 71 коп., за полный пансион — 142 руб. 57 коп. серебром.

В 1846 г. в пансион Дозе было введено преподавание физики и краткий обзор всеобщей истории на французском языке. По отчетам и ведомостям о состоянии пансиона видно, что в 1847 г. в числе предметов пансионского курса была риторика, которую преподавали по учебному пособию профессора Н.Ф. Кошанского.

В свободное время воспитанницы занимались чтением книг на трех языках и рукоделием, при хорошей погоде прогуливались в сопровождении содержательницы или надзирательницы. Воспитанницы пользовались своими учебными книгами, бумагой, аспидными досками, перьями и карандашами, кроме того, родители приобретали для своих дочерей одежду, кровать и постельные принадлежности, столовые приборы (серебряную ложку, нож, вилку и четыре салфетки), которые по окончании обучения оставались в пансионе.

Незначительное количество сохранившихся архивных документов не дают нам возможности создать целостную картину 25-летней деятельности женского пансиона Дозе. Тем не менее, выявленные документальные материалы свидетельствуют о том, что пансион пользовался в Вологде известностью и доверием. Попечители Петербургского учебного округа М.А. Дондуков-Корсаков, П.Г. Щербатов, инспектор казенных училищ учебного округа П.П. Максимович и другие ревизоры, осматривая женский пансион, всегда отзывались о его состоянии самым благоприятным образом и постоянно обращались к местному обществу с предложениями о его материальной поддержке. Это учебное заведение действовало вплоть до 1858 г., когда открылась вологодская женская гимназия.

Таким образом, открытие благородных пансионов для дворянских сыновей и дочерей на Европейском Севере России в первой половине XIX в. имело определенное значение в деле развития школьного дела в российской провинции. Патриотизм дворянства, выраженный в открытии частных пан-

---

⁴⁹ Там же. Л. 14.

⁵⁰ Там же. Д. 1091. Л. 1—4.

сион в начале XIX в., натолкнулся на финансовую несостоятельность самих благотворителей. Открытые ими пансионы вынуждены были закрыться. Во второй четверти XIX в. ситуация изменилась. Правительство четко регламентировало статус пансионов при гимназиях, права и обязанности воспитанников, педагогов и служителей. В штаты пансиона включались воспитатели, надзиратели и дополнительная прислуга. Пансионы позволяли организовывать учебный процесс и досуг, контроль над выполнением заданий, давали возможность получить образование жителям российской глубинки. Все это повышало доверие к ним со стороны родителей.

Учреждение пансионов отвечало требованиям дворянства об отделении их детей от детей других сословий во время учебного процесса, что и делало пансионы отдельным типом учебного заведения. Государство, в свою очередь, привлекало детей дворянского сословия обучаться в казенных школах (уездных училищах и гимназиях), полагая, что «воспитание общественное, в заведениях правительством открываемых и под его постоянным надзором и руководством находящихся, составляет, конечно, главное орудие просвещения и нравственной жизни народа»⁵¹.

Особое значение имел пансион для девочек Дозе. Это была единственная женская школа, которая давала учащимся полноценное среднее образование, на территории Европейского Севера России в первой половине XIX в.

Обучение в пансионе было важной формой социальной поддержки малоимущих дворян. Все пансионеры принадлежали к беднейшим дворянским семействам, многие из них были сиротами или детьми вдов. Аттестат об окончании пансиона открывал детям из бедных дворянских семей новые возможности получения профессии и способы дальнейшего продвижения по службе. Воспитанники мужских пансионов, получая аттестат об окончании гимназии, занимали свободные вакансии в губернских и уездных учреждениях, работали преподавателями образовательных заведений.

---

⁵¹ Десятилетие Министерства народного просвещения... С. 25.

Университетская политика в 1820–1850-х гг. и студенчество столичного университета¹

Современные университетские исследования отличает стремление изучать университет не столько как государственное учреждение, сколько как особую социальную общность, действующую в определенных ей законодательных рамках, но не связанную ими. Продуктивен взгляд на историю российских университетов с точки зрения изучения корпоративности, исторической антропологии, историко-культурных взаимодействий².

Традиция изучения российского студенчества как особой общности и как одной из университетских корпораций позволила всесторонне представить его на конкретном историческом материале³, который демонстрирует сходства и различия между разными университетами в отношении численности, социального состава студентов, их академической и внеакадемической активности, форм корпоративной жизни. Университетские и ведомственные архивы, а также опубликованные источники (законодательство, мемуаристика) позволяют проследить этапы формирования российского студенчества как субобщества, эволюцию форм студенческой корпоративности. Оформление российского студенчества в корпорацию заняло не одно десятилетие, оно завершилось в пореформенное время и напрямую зависело от колебаний правительственной политики в университетском вопросе.

Столичный университет занимал среди университетов Российской империи особое положение, гораздо более зависимое от близости ведомственной администрации, двора, навязанных университету утилитарных задач подготовки образованных чиновников для государственных учреждений, от полицейского надзора и цензурных ограничений. Это положение, в частности, обусловило его затянувшийся до 1819 г. переходный статус и относительную малочисленность его состава до начала 1830-х гг. Лишь с этого момента можно говорить о преодолении кризиса обучения, связанного с недостатком сту-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-06-00528.

² См.: Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005; Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессорская солидарность. М., 2012; Костина Т.В. Сословная идентичность профессоров Казанского университета в первой половине XIX века // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX вв. М., 2009. С. 128—138; Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015.

³ Иванов А.Е. Студенчество России конец XIX — начало XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999; Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX — начало XX века. М., 2010.

дентов. До этого времени более половины из них не оканчивали курса, выходя в службу, а многие своекоштные студенты и после получения диплома предпочитали военную службу гражданской⁴. В 1832 г. численность студентов Петербургского университета впервые превысила 200 человек.

В первой половине 1830-х гг. еще отмечается преобладание казенных студентов над своекоштными. Казеннокоштные по происхождению были, в основном, недворянами — выходцами из духовной среды, разночинцами, мещанами, — что было традицией еще Петербургского Педагогического института. Среди них было несколько сыновей профессоров и учителей гимназий. После принятия университетского устава 1835 г. постепенно происходит выравнивание столичного университета с Московским по количеству студентов и по социальной структуре студенчества. Она становится более однородной — дворянской, правда, представленной выходцами из мелкого служилого дворянства, живущего за счет жалования, а не доходов с поместий⁵. Большую долю составляли дети личных дворян, так называемые обер-офицерские дети. По официальному отчету ректора, в 1838 г. в числе студентов университета дворян было 132, обер-офицерских детей — 65, выходцев из духовного звания — 19, из купеческого — 40, из мещан — 31, из разночинцев — 9, из иностранцев — 5⁶.

Увеличение дворянской прослойки в студенчестве означало, что возрастает привлекательность профессиональной статской службы, в том числе научно-педагогической. Качественное изменение карьерной мотивации поступающих в университет происходит в конце 1830-х — 1840-е гг. Однако педагогическая стезя, в частности, преподавание в гимназиях, все еще привлекала только казеннокоштных студентов из недворянских семей, которые по окончании университета были обязаны служить шесть лет по Министерству народного просвещения. В значительной своей части из недворянской среды рекрутировались в это время и университетские преподаватели, проходя через сдачу кандидатских экзаменов, оставление при университете в должности адъюнкта, написание магистерской диссертации без отрыва от преподавания, получение позиции экстраординарного профессора. Такие карьерные стратегии характерны для выпускников Санкт-Петербургского университета в то время, когда возможности подготовки к профессуре за границей сократились⁷.

Этноконфессиональный состав студентов Петербургского университета был более разнообразен, чем, например, окраинных университетов. С 1820-х гг. растет доля балтийских и петербургских немцев (но она не превы-

⁴ См.: Жуковская Т.Н. Между Марсом и Минервой. Война, военная служба и универсанты в первой половине XIX века // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 29. М., 2009. С. 285—307.

⁵ Булгакова Л.А. Сословная политика в области образования во второй четверти XIX века // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977. С. 105—124.

⁶ [Шульгин И.П.] Краткий отчет о состоянии Императорского СПб. университета за минувший 1837—1838 академический год. СПб., 1839. С. 24—25. См. подробнее: Казакова К.С. Студенчество Санкт-Петербургского университета первой половины XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

⁷ Коллективная биография профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета. 1819—1917. Сетевой биографический словарь. URL: // <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html>

шает 25% всех студентов), что понятно на фоне традиционно многочисленной немецкой диаспоры в военно-чиновном Петербурге. В начале 1840-х годов группа студентов-протестантов (по преимуществу немцев) в Петербургском университете была по численности третьей после русских (православных) и поляков (римско-католиков). Для сравнения — по всем университетам империи, с включением Дерптского, студенты-протестанты составляли вторую по численности группу после православных (29,4% от всех студентов в 1835 г.)⁸.

Точные данные по другим этническим группам, представленным в составе студентов дореформенного столичного университета (кавказцы, украинцы, сербы, французы, финны, шведы), установить сложно, речь может идти лишь о нескольких представителях каждой из названных групп.

Особенностью столичного, как и, в меньшей степени, Московского университета, в рассматриваемое время была значительная доля поляков в составе студентов (они дают основной процент римско-католиков). В Петербургском университете эта группа в начале 1840-х годов составляла не менее $\frac{1}{3}$ от общего числа обучающихся. Точные данные, представленные Советом университета о числе студентов римско-католического вероисповедания за следующее десятилетие, таковы: в 1853 — 81 (при общем числе студентов менее 400), в 1854 г. — 72, в 1855 г. — 75, 1856 г. — 106, 1857 г. — 227, 1858 г. — 269, 1859 г. — 301, 1860 г. — 425. Мы видим, что доля студентов-поляков в первые годы нового царствования росла еще быстрее, чем общая численность студентов. После закрытия университета в связи со студенческими «беспорядками» осени 1861 г. число учтенных университетской инспекцией католиков резко сокращается: в 1862 г. — 126, в 1863 г. — 151 (на 2057 студентов, обучавшихся в этом году в университете)⁹.

Наплыв поляков в оба столичных университета вписывался в общеполитические стратегии правительства. Это было связано с закрытием «польских» по составу Виленского и Варшавского университетов после Ноябрьского восстания и учреждением в Московском и Петербургском университетах особых стипендий для студентов-поляков, специализирующихся в камералистике, польском праве, а также для будущих учителей гимназий. Утверждение кандидатов на стипендии определялось наместником Царства Польского, начальством Варшавского учебного округа, а число стипендий — Министерством народного просвещения. Для уроженцев Западных губерний было возможно получение стипендий, учрежденных местными дворянскими обществами. Получение казенной стипендии в любом случае было сопряжено с всесторонним контролем за успехами, поведением и благонадежностью студентов-поляков, а также с предопределенностью профессионального выбора для них по окончании университета. Практика стипендий для поляков, существовавшая более 20 лет, отразила консенсус между стратегиями, избранными властью в национальной политике и в образовании. В этом выборе, думается, проявились не столько

⁸ См.: *Булгакова Л.А.* Интеллигенция в России во второй четверти XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 34—35; *Bulgakova L.* Russian Non-russian in Russian Universities. Their Intellectual and Social Impact // *Defining Self. Essays on Emergent Identities in Russia Seventeenth to Nineteenth Centuries.* Helsinki, 2009. P. 287.

⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 2. Д. 830. Л. 1—2 (Сведения о числе студентов польского происхождения).

русификаторские установки, сколько последовательные усилия правительства по воспитанию новой польской элиты. Эта элита, по мысли идеологов, могла сохранять национальный облик, но за годы обучения и обязательной службы приобретала лояльность, и, что не менее важно, профессиональную востребованность на всей территории империи. Распространенной практикой было распределение стипендиатов-юристов и стипендиатов-педагогов, обязанных служить от 6 до 12 лет во внутренних российских губерниях¹⁰.

Рост числа поляков в столичном университете в определенный момент привел к складыванию организации польских студентов, в допустимых университетским начальством формах. В целях поддержания национально-культурной идентичности и сплоченности земляков в 1838 г. поляки создали первую в университете студенческую библиотеку, вскоре начали выпуск рукописного журнала «Pamiętnik» и печатных альманахов «Незабудка», «Pamiętnikrółnosny»¹¹. Представители польского землячества (оно именовалось *Ogół* — общество) вели активную публичную жизнь, входили в национальные городские сообщества и группы (литературные, светские), были постоянными участниками университетских литературных и музыкальных вечеров, которые устраивались ректором П.А. Плетневым и инспектором студентов Фицтумом фон Экштедтом. Поляки старались не конфликтовать с университетской администрацией, отличались особым рвением в отношении учебных занятий, некоторые проходили четырехлетнюю программу обучения за три года.

При этом польский *Ogół* обходился без корпоративных символов и ритуалов, занимаясь по преимуществу открытой литературной, просветительской работой и организацией взаимопомощи среди земляков. Его ядром были стипендиаты Царства Польского, но вокруг них группировались все этнические поляки университета¹².

Независимо от польского студенческого сообщества в подражание традициям немецких корпорантов в университете сложились немецкая и русская студенческие корпорации — «Baltika» и «Ruthenia». Эти объединения на национальной почве становятся первым признаком оформления студенческой корпоративности. Открытое уже в 1840-х гг. среди студентов общество «аристократов» отражало как раз внеакадемические связи и интересы группы молодых людей, среди которых были дети николаевских сановников, в том числе сын самого Уварова, Алексей¹³.

¹⁰ Жуковская Т.Н. Студенты-поляки в Петербургском университете в 1830-х — начале 1860-х гг. // Финно-угры — славяне — тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск, 2009. С. 192—199; Жуковская Т.Н. Национальные группы среди профессоров и студентов в Петербургском университете в первой половине XIX в. // National Intellectuals in Russian Empire: Universities, Knowledge and Networks. Kyoto, 2014. P. 22—47.

¹¹ Слотвинский В. Польские студенты в Петербургском университете в 30—40-х гг. XIX в. // Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979. С. 117—124; Nowiński F. Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832—1884. Wrocław, 1986.

¹² См.: Пантелеев Л.Ф. Польская студенческая корпорация // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963. С. 68—71; Бобровский Т. Дневник моей жизни // Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. М., 2010. С. 619—512.

¹³ Подробнее см.: Жуковская Т.Н. «Тайные общества», студенческие «буйства» и запрещенные лекции: политика в дореформенном университете // Уроки истории — уроки историка. СПб., 2012. С. 267.

Изучение численности, социального (сословного), этноконфессионального, возрастного состава студентов столичного университета в контексте университетской политики николаевского царствования еще далеко от завершения, оно должно быть продолжено по пути сравнительных исследований, расширения круга источников за счет университетских архивов, отражающих повседневную жизнь и персональный состав студентов.

Формирование корпоративного самосознания студенчества и смену способов самоорганизации и коллективных действий можно проследить по истории студенческих конфликтов с университетской инспекцией, городской полицией, руководством учебного округа, с конкурентными социальными группами в городской среде, такими как офицерство.

В первые два десятилетия XIX в. отношения студентов и инспектора, избравшегося из числа самих профессоров на короткий срок, носили «патриархальный» характер (отечески заботливый, но строгий воспитатель — послушные воспитуемые) и вписывались в так называемый «семейный стиль» взаимодействия внутри университетского сообщества, в то время достаточно изолированного от внешней среды. В 1830-х гг. с усилением инспекторского надзора и корпуса надзирающих эти отношения становятся более конфликтными, что отражено в многочисленных университетских мемуарах.

Постепенно уточнялись принципы оценки поведения студентов как «не вполне правоспособных» граждан, соответственно, трансформировалось понимание проступка, соотнесение проступка и наказания. Наказание студентов рассматривалось как мера предупредительная и воспитательная. Закреплялась единая система дисциплинарных взысканий и наказаний: от выговора до исключения из университета без права поступать в какой-либо другой университет. Особой мерой наказания для политически неблагонадежных было помещение под надзор полиции по месту жительства родителей.

Попытка конкретизировать правовой статус студента, более жестко регламентировать правила студенческого поведения и способы наказания, устанавливаемые уже без санкции профессоров, относится ко времени попечительства Д.П. Рунича. В октябре 1821 г. в руководство для управления Петербургским университетом была принята инструкция М.Л. Магницкого, написанная для ректора и директора Казанского университета, позволявшая попечителю определять критерии соответствия идеальному образу академического поведения, которое должны были демонстрировать обучающие и обучаемые¹⁴. Д.П. Рунич получил широкие полномочия и в отношении регулирования учебной части, будучи притом очень далек от науки и понимания миссии университета.

С этого времени контроль за нравственностью студентов и соблюдением ими дисциплинарных норм перешел от профессорской корпорации к администрации университета (в лице его директора Д.А. Кавелина и инспекторов), которая не взаимодействуя с профессорами, зависела от попечителя и мини-

¹⁴ *Ильина К.А.* Инструкция попечителя и управление Казанским учебным округом (первая четверть XIX века) // *Образование и просвещение в губернской Казани.* Вып. 2. Казань, 2009. С. 115—116.

стерства. От попечителя поступали прямые распоряжения инспектору студентов, сделанные на основании полицейских донесений и соглядатайства. В частности, Д.П. Рунич сообщал инспектору, что студенты в воскресные и праздничные дни приходят на литургию с опозданием и предписывал наблюдать за тем, чтобы они собирались в церкви еще до начала службы, «дабы не нарушалась тишина и благоговение». В своих рапортах и распоряжениях Рунич выстраивал «перевернутую» академическую иерархию, ставя студентов, отличающихся христианскими добродетелями, выше тех, кто успевал в науках, считая, что основная добродетель юности — «послушание и покорность»¹⁵.

Логичным продолжением клерикализации преподавания, а также известного «дела профессоров», закончившегося их отстранением, был устроенный Д.П. Руничем в 1822 г. «разбор» студентов по способностям и нравственности и предложение уволить «безнадежных». Эта инициатива попечителя была поддержана Александром I. Все студенты были занесены попечителем в особые списки. Первую группу составили те, кого предполагалось оставить в университете для подготовки к должностям учителей в гимназиях и лекторов в университете; вторую — пропускавшие лекции и даже допускавшие грубость по отношению к профессорам. Число исключенных за неуспеваемость по Петербургскому университету с этого момента в несколько раз уступает числу исключенных по неблагонадежности.

Для формирования лояльности и идеологической унификации юношества как цели образования, провозглашенной С.С. Уваровым¹⁶, Министерство народного просвещения выработало детализированную систему норм и запретов. Каждодневный и весьма изощренный надзор инспекции состоял из части «нравственной, учебной, полицейской», а в отношении казеннокоштных студентов еще и хозяйственной. Личный и всеобъемлющий контроль за молодежью проявлялся в том, что сведения о студентах, исключенных из того или иного университета, рассылались в другие учебные заведения. Решение об исключении студентов определялось не тяжестью их проступков и даже не личными способностями, а, в конечном счете, их идейным обликом. Исключение студента (или предупреждение с установлением негласного политического или жесткого инспекторского надзора) следовало незамедлительно при любом подозрении на политическую неблагонадежность. Все дела о политической неблагонадежности проходили через императора Николая I и хранят его собственноручные резолюции.

В 1830—1840-е гг. отмечается повышение предъявляемых к студенту академических требований как со стороны профессоров-предметников, так и со стороны попечителя учебного округа, как правило, присутствовавшего на выпускных и даже переводных экзаменах. Министерство регламентирует не только учебный процесс, но и внеучебную сферу, а для казеннокоштных студентов и карьерные траектории на ближайшие после выпуска годы.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4122. Л. 2 (О порядке хождения воспитанников в церковь. 1826 г.).

¹⁶ Жуковская Т.Н. Ростовцев Е.А. «Образование в своем отечестве»: университетская политика Николая I, идеология и прагматика // Родина. 2013. № 3. С. 93—96.

Сословное происхождение студентов формально не влияло на их правовое положение в период обучения и на последующее трудоустройство. Гораздо важнее были показанные ими успехи, определявшие статус окончившего студента (действительный студент или кандидат) и, соответственно, присваиваемый по вступлении в службу классный чин по Табели о рангах (XIV или XII). Не были исключением выходцы из податных сословий, которые по окончании университета и получении диплома, с одобрения Сената, исключались из подушного оклада. Все более последовательно университетское образование выстраивается как социальный лифт для наиболее способных к наукам и одновременно лояльных («благонадежных») молодых людей, и как надсословный институт. В связи с этим сохраняющееся преобладание дворян в составе студентов в 1840—1860-е гг. смещается в пользу менее имущих слоев дворянства, живущих службой и профессией.

В Петербургском университете, в сравнении с другими, до конца 1830-х годов сохранялось преобладание казеннокоштных студентов и стипендиатов над молодыми людьми, учившимися за собственный счет. Доля своекоштных студентов возрастает только в 1840-х гг. несмотря на двукратное повышение платы за обучение, но это были, в основном, студенты младших курсов. Условием освобождения от платы за обучение были академические успехи в первые 2—3 семестра и получение одной из многочисленных целевых стипендий, в зависимости от специализации. Помимо стипендий для юношей из Царства Польского, о чем уже было сказано, учреждались стипендии для уроженцев отдельных губерний (местными благотворителями и Санкт-Петербургским учебным округом), стипендии Министерства иностранных дел (для востоковедов и обучающихся по кафедре валахо-молдавского языка), стипендии Кабинета Его императорского величества, Наследника и других особ императорской фамилии, именные стипендии (например, стипендия И.А. Крылова, учрежденная самим писателем, или стипендия студента Александра Евреинова, учрежденная его родителями), а также стипендии Гатчинского сиротского института и Александровского лицея для бывших выпускников данных заведений. Условием получения стипендии было, как правило, безупречное поведение студента¹⁷.

Во второй половине 1830-х гг. произошел перелом в университетской политике правительства, результатом чего стала не только кадровая реформа, затронувшая профессоров, но и переформатирование контингента учащихся. С одной стороны, политика министерства, возглавляемого С.С. Уваровым, была направлена на увеличение их численности за счет привлечения в университеты лиц дворянского происхождения из числа выпускников гимназий, а с другой — на повышение качества преподавания и научной подготовки учащихся. В отличие от начала XIX в., студенчество стало рассматриваться как самостоятельный объект министерской политики, ресурс социального и профессионального конструирования будущих «граждан Отечества». Несмотря на ужесточение университетской политики в 1849—1854 гг., связанное с

¹⁷ Казакова К.С. Студенчество Санкт-Петербургского университета первой половины XIX в. Прил. 6.

введением жесткой квоты на прием своекоштных студентов, выхолащиванием программы преподавания и с еще большим усилением политического надзора, привлекательность университетского образования только повышалась, интеллектуальные амбиции молодежи росли, а разнообразную корпоративную жизнь студенчества уже нельзя было свернуть.

Что касается эволюции форм студенческой самоорганизации, то до конца николаевского царствования активность студентов не выходила за рамки корпоративных действий и кружковых связей. Но, в отличие от профессуры, студенты не старались соблюдать «договорные отношения» с администрацией. Еще в середине 1840-х гг. петербургские студенты вступают в полосу конфликтов с попечителем учебного округа М.Н. Мусиным-Пушкиным, поскольку неуважение им университетских отношений и солдатская грубость, оскорбление отдельных студентов были истолкованы как оскорбление чести всей корпорации. В отместку студенты готовы были на демонстративные акции против попечителя, например, собравшись в июне 1848 г. на экзамене, освистать его и даже «оскорбить действием», коснувшись орденских знаков. Об этом, благодаря осведомителям, стало известно Третьему отделению за несколько дней до демонстрации. История дошла до императора, а попечителю пришлось перенести экзамен до окончания разбирательства¹⁸.

После 1848 г. и ужесточения контроля за публичной жизнью особое беспокойство властей вызывала перспектива возрождения «тайных обществ», которые в замкнутой студенческой среде могли найти отличную почву и опереться на традиции корпоративности. Эта чрезмерная обеспокоенность вызвала массовое следствие по «делу петрашевцев», в которое оказался замешан 21 участник из числа студентов Петербургского университета и его выпускников¹⁹.

До политического кризиса 1848 г. мотивы единичного студенческого протеста были связаны исключительно с внутриуниверситетским режимом, а сам «протест» выражался в форме невинных каверз, устраиваемых инспекторам и их помощникам, демонстративных нарушениях режима, браваде, молодечестве, высмеивании начальства.

Противодействовать тотальному контролю инспекции и администрации студенты пытались коллективными обструкциями, которые устраивались в отношении инспектора или неугодных профессоров. Это было все же пассивное противодействие, в отличие от активного, присущего студенческому движению 1860—1890-х гг.

В 1858—1859 гг. студенческие обструкции стали повторяться все чаще и утратили прямую связь с учебным процессом. Теперь студенты выражали свое отношение уже не к научному уровню преподавателя, а к его общественной репутации, аплодировали наиболее либеральным, освистывали тех, кто оставался «чистыми академистами». Аплодисменты и обструкции стали массовыми, затронули все университеты, были запрещены указом, но не прекра-

¹⁸ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 209. Л. 1—2.

¹⁹ Марголис Ю.Д. Петрашевцы — студенты Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Вып. VII. СПб., 1998. С. 99—123.

тились²⁰. Полиция держала под контролем не только настроения, но и все формы организованных действий универсантов, продолжала искать признаки превращения студенческих корпораций в «тайные общества», имеющие «цель политическую».

Постепенное разрушение границ между университетом и городом (шире — университетом и обществом) к концу 1850-х гг. превратило студентов в полноправных членов общества. Отсюда их участие, с одной стороны, в общественных инициативах, с другой — все более разветвленная самоорганизация, «самопомощь». В студенческую среду из внешнего мира проникают все известные практики общественной самоорганизации, свободно допускаемые администрацией вплоть до 1861 г., что вписывалось в общие настроения общественного подъема.

Поэтапно нарастает и академическая активность студентов. Еще в конце 1840-х гг. студенты участвовали в подготовке литографированных лекций профессоров и их распространении. В 1849 г. Секретный цензурный комитет под руководством Д.П. Бутурлина заинтересовался ими и распорядился о доставке литографий всех курсов, читаемых в Петербургском университете и Педагогическом институте. Особенное внимание было проявлено к содержанию лекций по всеобщей истории и истории русской литературы. Попечитель учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин сообщил, что сведений, «в каких литографиях печатались лекции, и были ли выпускаемы в продажу, в университете нет, потому что прежде порядком литографирования распоряжались студенты с дозволения профессоров без всякого участия последних в экономическом отношении». Стремясь уменьшить свою ответственность, попечитель добавил, что он, вступая в управление округом, «литографирование профессорских лекций, найденное мною здесь... предполагал воспретить», а порядок предоставления лекций в печать сделать таким, чтобы они проходили обычную цензуру, предварительно будучи рассмотрены и одобрены преподавателями²¹.

К концу 1850-х годов самоорганизация студентов перешагнула порог «юношеских» шалостей, обидных шуток и издевательств над инспекторами, фрондирования короткими фалдами, отпущенными баками или особого покроя панталонами. Студенты конца 1850-х гг. проявляют инициативу в издании научно-литературных трудов, налаживают сотрудничество с молодыми профессорами. Так появился «Сборник, издаваемый студентами Императорского Петербургского университета» (выпуск 1 — 1857 г., выпуск 2 — 1860 г.). Профессором-редактором сборника стал М.И. Сухомлинов, соредакторами — студенты, выбранные от факультетов. История студенческих изданий и их значение исследованы в контексте общественного движения тех лет²². Кроме печатных изданий, студенты налаживают выпуск рукописных сборников. Внеакадемическая публичная активность студенчества нарастает, а изменение его самосознания приводит к попыткам организованных коллективных дей-

²⁰ *Посохов И.С.* Студенческие обструкции в университетах Российской империи. URL: http://www.history.univer.kharkov.ua/book/Posokhov_I.

²¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 228. Л. 29—30.

²² *Тишкин Г.А.* О студенческих сборниках 1857—1860 гг. // Вопросы истории России. Л., 1983. С. 57—59.

ствий, сначала в рамках прежнего сценария защиты корпоративной чести, потом обращается в сферу политических претензий к власти.

Предвестником качественных изменений в общественной активности университетов стали две мемориальные акции: похороны Т.Г. Шевченко 28 февраля 1861 г. с участием студентов и профессоров²³ и массовая панихида, устроенная 1 марта 1861 г. польскими студентами Петербургского университета и Медико-хирургической академии в Римско-католической церкви св. Екатерины по умершем студенте Тукалло²⁴.

Новым явлением становится уличная активность студентов. Первоначально она проявлялась в участвовавших столкновениях на улицах города с представителями «конкурентных» социальных групп — солдатами и офицерами столичного гарнизона. Студенты ведут себя в этих столкновениях как единая субобщность, сценарий их поведения вписывается в рамки защиты чести корпорации от незаслуженных оскорблений или борьбы за право более свободного перемещения.

Настроения студентов и их активность беспокоили Александра II, но, как и его отец, он сохранял убеждение, что студентам как школьникам можно нечто «внушить» и заставить их как солдат подчиняться любым распоряжениям начальства. Стоя на пороге университетской реформы, император совершенно не представлял себе университет как социальный институт и сообщество.

Рубежом, переводящим академическую и общественную активность студентов в политический протест, стал университетский кризис осени 1861 г. В начале студенческих волнений в Петербургском университете в сентябре этого года, которые были направлены против новых правил для студентов и введения матрикулов как формы личного контроля, еще действовал прежний сценарий защиты корпоративной чести. Новые дисциплинарные «Правила», введенные министром Е.В. Путягиным перед началом осеннего семестра, были восприняты студенчеством как возврат назад, к полицейским методам управления, но выступления начались в форме переговоров с попечителем учебного округа Г.И. Филиппсоном. Невыполнение им своих обещаний, организация действий полиции на территории университета, с арестом зачинщиков и избиением студентов, ликвидировали возможность примирения. Защита уже достигнутого уровня академических свобод и форм студенческой самоорганизации перешла в форму уличных демонстраций и жестких столкновений с полицией. Эти события стали моментом зрелости студенческого протеста и одновременно переломным моментом в университетской политике, обнаружив, по мнению авторитетных историков, кризис прежней патерналистской модели управления²⁵. Студенческие волнения сентября—октября 1861 г., начавшиеся в Петербургском университете и поддержанные в Москве и Казани, привели к массовым исключениям студентов, увольнениям поддержавших их молодых преподавателей (К.Д. Кавелина, Н.И. Утина, В.Д. Спасовича, А.Н. Пыпина) и закрытию университета. Впервые осенью 1861 г. столи-

²³ *Марголис Ю.Д.* Т.Г. Шевченко и Петербургский университет. Л., 1983. С. 149—160.

²⁴ Подробнее см.: *Жуковская Т.Н.* «Тайные общества», студенческие «буйства»...

²⁵ *Эймонова Р.Г.* Русские университеты в годы реформ 1860-х гг. М., 1993. С. 26—29.

ца и Россия в целом стала свидетелем студенческих демонстраций с сотнями участников, применения против них военной силы, массовых арестов и заключения сотен «зачинщиков» в главную политическую тюрьму страны.

Санкт-Петербургский университет, вовлеченный в политическое движение, высочайшим указом 20 декабря 1861 г. был закрыт на неопределенный срок, фактически — более чем на два года, до введения в действие нового устава. И это тоже было беспрецедентным решением власти.

Таким образом, к началу 1860-х гг. по мере преодоления научной, территориальной, национальной обособленности отдельных университетов через законодательное регулирование их деятельности, унификацию условий существования для разных категорий обучающихся, студенчество превращается в многочисленную, все более однородную по составу группу, и одновременно — в заметную общественную силу. Завершение складывания корпоративной культуры российского студенчества происходит уже в пореформенное время в прямой связи с увеличением его численности и, с другой стороны, с реализацией предоставленного университетской корпорации права участия в управлении университетом.

Зайцева А.В.

Студенческое учебное книгоиздание в Москве во второй половине XIX — начале XX в.

Мое знакомство с Анатолием Евгеньевичем Ивановым состоялось несколько лет назад в Государственной публичной исторической библиотеке. Анатолий Евгеньевич — один из постоянных и любимых читателей «Исторички», я же тогда была библиотекарем и в тот год готовила выставку, посвященную студенческим изданиям учебной литературы, литографированным лекциям. Я сразу же прочла «Студенческую корпорацию России конца XIX — начала XX века» и другие монографии, и когда их автор появился в дверях читального зала, я, конечно же, не могла не показать ему то множество самых разных книг, изданных студентами, которое мне удалось найти в библиотечном хранилище. Рассматривая эти издания, мы долго разговаривали, и наш диалог стал началом нового захватывающего этапа в моей работе. Анатолий Евгеньевич был первым, кто, увидев еще не сформированную выставку, сказал, что она непременно должна из библиотечного исследования перерасти в диссертацию. Материалы этой диссертации и легли в основу данной статьи.

Процесс обучения в высшей школе в любую эпоху неразрывно связан с созданием учебных пособий. Многие из них, такие, как конспекты лекций и научных трудов, возникают в результате самостоятельной деятельности студентов. Эта практика, зародившаяся в средневековой рукописной традиции и существующая сегодня, в том числе, в электронной среде, в разных исторических обстоятельствах принимала различные формы. Так, в России в середине XIX — начале XX в. широкое распространение получили учебные книги, изданные самими студентами.

Студенческое учебное книгоиздание отличалось немалым масштабом. Эта практика развивалась в Москве и Санкт-Петербурге, а также в других городах Российской империи, таких, как Варшава, Владивосток, Воронеж, Казань, Киев, Одесса, Ростов-на-Дону, Саратов, Томск, Харьков, Дерпт (Юрьев) и Ярославль. Объем издательского репертуара дореволюционного российского студенчества предварительно можно оценить в несколько тысяч изданий, а численность студентов-издателей не меньше чем в тысячу человек. В одной лишь Москве вышло в свет более 900 учебных пособий, не считая экзаменационных программ и листовых материалов. В их выпуске приняли участие свыше 500 учащихся высшей школы.

Главной причиной появления и развития студенческого учебного книгоиздания исследователи считают дефицит учебной литературы¹. По некоторым

¹ См., напр.: Шолов Л.А. Из истории дореволюционных студенческих книгоиздательств // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX вв. [Т. 1]. Л., 1983. С. 72—73; Глинникова С.В. С дозволения профессора: в ходу — литографированные лекции // Мир библиографии. 2012. № 1. С. 22; Цимбаев Н.И. Издательская деятельность Московского университета в XIX — начале XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 1981. № 3. С. 34, 38; Черняк А.А. История технической книги. М., 1981. С. 77.

курсам, например, по отечественной и всеобщей истории, так называемые печатные руководства отсутствовали в силу сложившейся традиции². По истории русского права, согласно воспоминаниям М.М. Ковалевского, не было пособий еще в конце 1870-х гг.³ Учебников по техническим специальностям не доставало даже в начале XX в.⁴

Для многих студентов книги часто оказывались недоступными. Одним из источников их получения должны были служить библиотеки при высших учебных заведениях, но последние не всегда справлялись с этой задачей. Студенты своими силами собирали библиотеки и комплектовали их различной, в том числе учебной литературой⁵. Студенческие книжные собрания существовали уже в 1860-х гг. в Московском университете и в Петровской земледельческой и лесной академии⁶. В начале XX в. учебные издания имелись в студенческих библиотеках учебных заведений, библиотеках землячеств, научных кружков, обществ взаимопомощи⁷. Однако книг по-прежнему не хватало. Так, библиотека учебных пособий Московского сельскохозяйственного института комплектовала по несколько десятков экземпляров популярных пособий, но ее абонентам все же нередко приходилось вставать в очередь на нужную книгу⁸.

Среди причин появления литографированных лекций исследователи упоминают высокие цены на книги в книжных магазинах и букинистических лавках⁹. Недовольство малообеспеченного студенчества книготорговцами было постоянным мотивом воспоминаний бывших студентов и корпоративной публицистики¹⁰. Для подготовки к экзаменам студенты поначалу обра-

² Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 125.

³ Ковалевский М.М. Моя жизнь: воспоминания. М., 2005. С. 222.

⁴ Шилов Л.А. Из истории... С. 72; Брюханова И.А. Издательская деятельность студентов Санкт-Петербургского Политехнического института (1903—1917) // История Санкт-Петербургского политехнического университета в контексте истории отечественной и мировой науки и образования. СПб., 2009. С. 170.

⁵ Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX — начало XX века: очерки. М., 2010. С. 124—132.

⁶ Сорокин В.В. Студенческая частная библиотека в стенах университета // Сорокин В.В. По Москве исторической. М., 2006. С. 321—333; Гомилевский В. Воспоминания об Петровской земледельческой и лесной академии (ныне Московский с.-хоз. институт) // Лесной журнал. 1916. Вып. 3/4. С. 380; Фроленко М. А.С. Посников и Петровская академия // Голос минувшего. 1916. № 10. С. 184.

⁷ См. об этом: Зайцева А.В. Учебная книга и книжное дело московского студенчества в начале XX в.: библиотеки, издательства, книжная торговля // Библиотековедение. 2015. № 2. С. 110—116.

⁸ Студенческая библиотека учебных пособий при М.С.-х.И. // Известия студенческих организаций М.С.-х.И. (Петровской академии). Вып. 1. [М.], 1915. С. 16—19.

⁹ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. С. 289; Шилов Л.А. Из истории... С. 73; Брюханова И.А. Издательская деятельность... С. 170.

¹⁰ См., напр.: Митропольский И.А. Из воспоминаний о Московском университете И.А. Митропольского (1857—62 гг.) // Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 242—243; Семенов И.М. Автобиографические записки. Нижний Новгород, 1998. С. 68—69; В—на А. Об учебной книге и кооперации // Вестник студенческой кооперации. 1916. № 2. С. 8; Горбылев А. [Письмо в редакцию] // Молодая жизнь. 1912. № 2. Стб. 21—22.

шались к собственным записям — конспектам лекций, учебной и научной литературы. В качестве учебного пособия могли быть использованы и собственные записи профессора, которые тот выдавал студентам для чтения. Распространение в XIX в. литографских мастерских сделало возможным быстрое и недорогое тиражирование рукописных учебных материалов.

Литографированные лекции присутствовали в быту западноевропейских высших учебных заведений¹¹. В России подобные издания появились в середине XIX в. сначала в Петербурге, а затем и в других городах. В Москве решение о литографировании лекций было принято учебной администрацией. В 1853 г. попечитель Московского учебного округа генерал В.И. Назимов заметил, что такая мера освободила бы студентов от «затруднительной переписки», и они смогли бы «употреблять свободное время для других полезных занятий»¹².

Довольно быстро инициатива в литографировании лекций перешла к учащимся. Студенты Московского университета имели богатый книжный опыт. Они участвовали в университетском книгоиздании еще в XVIII в., так как за неимением специалистов-книжников университет привлекал к издательской деятельности своих воспитанников¹³. Под руководством профессоров студенты переводили научную литературу и уже в начале XIX в. пробовали себя в роли издателей учебных пособий¹⁴. К концу 1850-х гг., когда сформировалось корпоративное сознание московских студентов, студенческое учебное книгоиздание в Москве приобрело организационную самостоятельность, сложилось как самобытное, устойчивое явление.

В редакционно-издательском процессе важнейшим этапом было создание самого текста учебного пособия. В основе студенческих учебных изданий лежали упомянутые выше рукописные учебные пособия, чаще всего лекционные записи. Привычка конспектировать лекции распространилась в университетской среде в первой половине XIX в. О ней нередко вспоминали московские универсанты 1820—1840-х гг. А.И. Георгиевский, например, получил такое «наставление» от более опытных студентов: «лекции надобно по возможности записывать за каждым профессором, так как иначе не по чему будет готовиться к экзаменам, и что записанное надо тот час же исправлять и пополнять, считываясь с другими записывающими товарищами, что при записывании надобно гоняться не за словами, а за сущностью мысли, так как всех слов не уловишь, а сущность мысли можно уловить и тут же записать»¹⁵.

¹¹ Organizing Knowledge in Print, 1830—1914. [S. 1.], 2009. P. 363; *Апухтин А.Л.* Описание некоторых учебных заведений Франции, Бельгии и Пруссии. Извлечение из отчета о заграничной поездке, представленного управляющему Межевым корпусом генералу от инфантерии М.Н. Муравьеву начальником Школы межевых топографов полковником Апухтиным. СПб., 1863. С. 33, 305.

¹² Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 360. Д. 61. Л. 1.

¹³ *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006. С. 111.

¹⁴ *Клейменова Р.Н.* Книжная Москва первой половины XIX века. М., 1991. С. 35, 147, 160—161.

¹⁵ *Георгиевский А.И.* Мои воспоминания и размышления // Русская старина. 1915. Т. 162. № 6. С. 466. Уже в XX в. ущербность «механического» записывания была подтверждена в результате эмпирических исследований (*Солнцева Л.И.* Особенности произвольного и послепроизвольного внимания при записи лекций студентами: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1954).

Некоторым студентам все же удавалось, используя сокращения и условные знаки, успевать за речью профессора¹⁶. Однако из-за спешки почерк становился трудночитаемым, а сокращения не всегда поддавались расшифровке. А.Н. Шаханов, сравнивая конспекты и «синхронную запись», отметил, что последняя до середины XIX в. была крайне неудовлетворительна из-за того, что студенты не владели основами стенографии, а жесткое перо и грубая бумага не позволяли писать быстро¹⁷.

Образцовая работа с текстом подразумевала так называемое «составление записок», «составление лекций». Под этим студенты подразумевали ряд различных действий. В их числе, например, сверку текста лекции с источниками и включение в него цитат¹⁸, дополнение записи сведениями из рекомендованной литературы¹⁹ и из книг, на которые опирался в преподавании лектор²⁰, соединение нескольких записей, сделанных разными слушателями, в одну²¹. В каждом конкретном случае составление лекции могло принимать различные формы.

Накопленный студентами опыт оказался полезным в издательской деятельности, поскольку для создания печатных пособий использовались все те же тексты: профессорские рукописи, конспекты, «синхронные» записи и стенограммы.

Отдельного рассмотрения заслуживает процесс подготовки оригинала при литографировании лекций. Оригинал представлял собой лист с рукописным или набранным на пишущей машинке текстом и, если было необходимо, с иллюстрациями. Для создания такого листа требовались прежде всего так называемые «автографические чернила» или литографская тушь. Ее наносили на бумагу пером или при помощи пишущей машинки²². Бумага могла быть разной. При хорошем качестве чернил допускалось использование обычной бумаги, что обходилось дешевле. Имелись сорта бумаги, созданные специально для литографских работ: литографская, более плотная автографская и так называемая «переводная» бумага, с одной из сторон покрытая клейстером. Последняя стоила дороже и работать с ней было несколько сложнее, но результат получался хорошим даже при среднем качестве чернил²³. И чернила, и переводную бумагу можно было купить или в крайнем случае сделать самостоятельно по известным рецептам²⁴.

¹⁶ *Афанасьев А.Н.* Московский университет в воспоминаниях А.Н. Афанасьева, 1843—1849 гг. // Русская старина. 1886. Т. 51. № 8. С. 363.

¹⁷ *Шаханов А.Н.* Записи лекционных курсов как исторический источник // Советские архивы. 1990. № 6. С. 32.

¹⁸ *Каблуков Н.А.* В Московском юридическом обществе // Сергей Андреевич Муромцев: сб. ст. М., 1911. С. 125.

¹⁹ *Калугин Н.Н.* Студенты Московского университета в былое время: воспоминания Николая Николаевича Калугина // Русский архив. 1907. Кн. 3. № 11. С. 424.

²⁰ *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). М., 1989. С. 219.

²¹ *Юшков А.Л.* Предисловие // *Ключевский В.О.* История сословий в России: курс, читанный в Московском университете в 1886 году. [М., 1913]. С. X.

²² *Алексеев А.* Наставление литографирования с оригиналов, писанных на пишущих машинах: «Космополит» и «Ремингтон». [Новгород, 1898 (ценз.)]. С. [1].

²³ *Савченко А.* Руководство для литографирования с помощью пишущих машин. Винница, 1904; *Алексеев А.* Наставление литографирования... С. [3].

²⁴ См., напр.: *Томкович Е.А.* Домашняя литография: руководство по автографии и перепечатыванию для канцелярий. СПб., 1893. [2].

Для литографирования рукописного текста изготовить оригинал было не сложно, и это могли делать сами студенты. В почерке, по-видимому, ценились разборчивость и особенно убористость, поскольку при подписке на литографированные лекции плата высчитывалась исходя из количества листов. Чем более разгонистым был почерк, тем дороже оказывалось издание²⁵. Что касается литографии машинописи, далеко не каждый студент мог приобрести «Ремингтон» за 100 рублей даже в рассрочку, как это сделал в юности студент историко-филологического факультета, будущий литературовед Н.Н. Фатов²⁶. Для переписывания на машинке студенты-издатели могли нанимать переписчиков из неакадемической среды. Например, Фатов до того, как обзавелся собственным аппаратом, для издания лекций обратился к «одной седой старушке»²⁷, обладательнице машинки марки «Гаммонд». Поскольку не все марки пишущих машинок были снабжены литерами для разных алфавитов, изготовление оригинала с текстом на языках с разными алфавитами имело свои особенности. При наборе приходилось оставлять в основном тексте свободное место, чтобы позже вписать от руки слова на иностранных языках. Такие же пробелы требовались для формул.

Финансирование издательской деятельности первоначально происходило за счет подписки. Она была удобным способом начать дело «с нуля» и страховкой от возможных убытков. Излишек подписных денег мог составить гонорар частного издателя или поступить в общую кассу студенческой издательской организации. В нелегальных издательских комиссиях, действовавших во второй половине XIX в., остаток собранной суммы тратили на выпуск последующих изданий и на дела кассы взаимопомощи, например, оплату обучения неимущих студентов и на общественно-политическую работу²⁸. Впоследствии, при легализации студенческих издательств, создавались оборотные и резервные капиталы, служившие для покрытия запланированных и внезапных расходов²⁹. Изредка средства на издание поступали от администрации учебного заведения или собирались за счет рекламы³⁰.

В работе студентов-издателей поначалу не существовало строгого разделения труда. Позднее издатели разделились на тех, кто отвечал за содержание

²⁵ Каблуков Н.А. В Московском юридическом обществе... С. 124.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1337 (Собрание воспоминаний и дневников). Оп. 3. Ед. хр. 70. Л. 33.

²⁷ Там же. Л. 45.

²⁸ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 223. Д. 30. Л. 32—33; Отчет по изданию лекций международного права профессорами Комаровским [и] Ульяницким // *Комаровский Л.А.* Международное право: лекции орд. профессора гр. Л. Комаровского. М., 1890—91. С. [2]. РГБ А 318/151; *Эвенчик С.Л.* Высшие женские курсы в Москве // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР. М., 1972. С. 85.

²⁹ См., напр.: Устав студенческого Издательского общества (бывшая Издательская комиссия) при Императорском Московском техническом училище // *Известия Императорского Московского технического училища*. Т. 5: 1909/10 г. М., 1910. С. 333—334; Устав Общества взаимопомощи слушателей Московского городского народного университета имени А.Л. Шанянского. [М., 1912]. С. 3; Устав Издательского общества при историко-философском факультете Московских высших женских курсов. [М., 1913]. С. [2—3]; и др.

³⁰ Протокол № 10 заседания Учебного комитета И.М.Т.У-ща 13 ноября 1906 г. // *Известия Императорского Московского технического училища*. Т. 2. М., 1906. С. 71; *Щанов Н.М.* «Я верил в Россию...»: семейная история и воспоминания. М., 1998. С. 190.

издания, и тех, кто занимался организационной работой. С развитием издательских обществ функции планирования и контроля перешли к правлениям и общим собраниям. Студенты выполняли основные работы как самостоятельно, так и с помощью наемных сотрудников — стенографистов, машинисток, бухгалтеров.

Примечательно, что участники и их функции в редакционно-издательском процессе часто не имели лексических обозначений. В выходных сведениях можно встретить формулировки «по запискам», «под наблюдением», «изданием заведовал» и др. Употребление некоторых терминов в студенческом книгоиздании могло отличаться от принятого в профессиональном книжном деле. Так, «составителем» назывался и редактор, который соединял фрагменты разных текстов в единое учебное пособие, и корректор, который занимался вычиткой одной единственной записи.

Роль профессоров в подготовке издания зависела от их педагогических убеждений, желания контролировать круг распространения издания, степени вовлеченности в процесс подготовки рукописи к печати и отношений со студентами.

В университетской среде не имелось единого мнения о том, насколько в академическом быту необходимы литографированные лекции и вообще печатные руководства. Учебная книга рассматривалась в тесной связи и с лекционной системой как основным способом преподавания, и с проблемой массового непосещения занятий³¹. Педагогические воззрения автора-профессора влияли на выбор способа публикации учебного материала. Чтение лекции предполагало публикацию в устной форме в ограниченной аудитории слушателей. При выпуске же учебного пособия авторская речь фиксировалась с помощью печати, а тираж и круг распространения издания могли быть разными.

Очевидно, что для профессоров важно было контролировать «степень опубликованности» текста лекции. Рассматривая студенческие издания с этой точки зрения, важно различать произведения, написанные профессорами специально для типографской печати, и литографированные лекции. В первом случае автор создавал произведение с намерением распространить его достаточно широко, нередко не только среди учащихся, но и среди профессионалов и даже просто интересующихся читателей. Напротив, печатание лекций малыми тиражами при помощи литографии, а также типографским способом, но на правах рукописи показывало, что их автор не готов признать текст завершенным, не может «напрочь перерезать материнскую пуповину и пустить свое детище свободно и независимо гулять по свету»³².

От отношения преподавателя к изданию учебного пособия зависела степень его вовлеченности в редакционно-издательский процесс. Изучая репертуар литографированных лекционных курсов профессора Московского уни-

³¹ См., напр.: *Пирогов Н.И.* Письма из Гейдельберга: по поводу занятий русских ученых за границей // *Пирогов Н.И.* Избранные педагогические сочинения. М., 1952. С. 487—489, 530—531; *Герасимов В.* Устранение чтения лекций в академической или университетской системе преподавания наук. СПб., 1881. С. 61—63; *Виноградов П.Г.* Учебное дело в наших университетах // *Вестник Европы.* 1901. № 10. С. 537—573.

³² *Маркушевич А.И.* Сосуществование печатных и рукописных материалов в процессе развития науки // *Рукописная и печатная книга.* М., 1975. С. 67.

верситета историка В.И. Герье, его биограф Т.Н. Иванова пришла к выводу, что роль автора в издании студентами литографированных записей лекций была различной. С одной стороны, профессор мог не знать о том, что студенты литографируют его лекции, или даже запретить им это делать. Последнее, впрочем, не всегда останавливало издателей. С другой стороны, профессор мог инициировать издание, дать разрешение на печатание курса обратившимся к нему слушателям и брать их записи на проверку³³.

В результате активной составительской деятельности учащихся в текст нередко закрадывались неточности и даже ошибки. Впрочем, автор имел возможность влиять на качество записи, выбирая в составители тех студентов, кто занимался его предметом серьезно³⁴. В выборе издателя воплощалась не только забота автора о качестве будущего издания. Поручение составлять запись лекций было также и педагогическим решением, поскольку составитель вольно или невольно глубже вникал в содержание курса лекций. Молодые люди нередко тесно общались с профессорами, чьи лекции готовили к печати. В ряде случаев издателем лекций был ученик того или иного профессора. Примечательно, что литографирование лекций считалось естественной частью общения между профессором и студентами, даже когда было формально запрещено³⁵.

Студенческое учебное книгоиздание регулировалось Главным управлением по делам печати Министерства внутренних дел и Министерством народного просвещения. Впервые правила литографирования лекций были сформулированы в 1847 г. министром народного просвещения С.С. Уваровым в связи с появлением этих изданий в учебных заведениях Санкт-Петербурга³⁶. Министр разрешил тиражировать лекционные записи в обход предварительной общей цензуры, обосновав это тем, что они предназначались только для слушателей, а также тем, что университеты имели право собственной цензуры любых выпускаемых ими книг³⁷.

Однако годом позже литографированные лекции привлекли внимание Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений. Глава комитета Д.П. Бутурлин считал установленный порядок слишком простым. По его мнению, то, что лекции выпускались без обозначения имени преподавателя на листах, практически анонимно, могло вести к «изданию таким же способом и другого рода, может быть, и вредных произведений»³⁸. Кроме того, за содержание лекций отвечал конкретный преподаватель, а не университет в целом, следовательно, их уже нельзя было считать подведомственными университетской цензуре.

³³ *Иванова Т.Н.* Литографированные издания лекционных курсов профессоров XIX века как исторический источник // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 23–24.

³⁴ *Шилов Л.А.* Издательская деятельность студентов СПб. Политехнического института // Е.Н. Добржинский и библиотечное дело в России. СПб., 1994. С. 39.

³⁵ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 14. СПб., 1904. Стб. 707.

³⁶ Там же. Т. 2. СПб., 1866. Стб. 958–959.

³⁷ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Год 1848. Д. 15. Л. 7.

³⁸ Там же. Л. 10 об.

В 1848 г. «Бутурлинский комитет» ввел новые правила. При литографировании лекций предписывалось, во-первых, всю ответственность за содержание печатаемых текстов возложить на профессоров и преподавателей; во-вторых, указывать на печатаемых листах имя лектора и, наконец, отправлять обязательный экземпляр этих изданий в Публичную библиотеку. Правила получили одобрение Николая I и были распространены на учебные заведения всех ведомств³⁹. Их действие продолжалось и после принятия временной инструкции цензурным комитетам и отдельным цензорам в 1862 г.⁴⁰

Цензурная реформа 1865 г. мало повлияла на развитие студенческого учебного книгоиздания. Новые временные правила освобождали от предварительной цензуры книги, выпущенные в Москве, если их объем превышал 10 печатных листов⁴¹. Эта мера облегчала выпуск повторительных курсов, конспектов учебной и научной литературы, справочников. Однако подобная литература составляла меньшую часть издательского репертуара студентов. Преобладали же в нем литографированные курсы лекций, а их издание регламентировалось особо.

После студенческих волнений 1869 г. литографирование лекций слушателями оказалось под строгим запретом. Особый комитет об учащихся в учебных заведениях разных ведомств разработал положение об унификации правил для студентов. Девятый пункт этого документа предписывал «литографирование лекций и конспектов в университетах и Медицинской академии дозволять только самим преподавателям и притом с тем, чтоб эти литографированные записки поступали в продажу наравне с печатными книгами»⁴². Данное положение распространялось на открытые учебные заведения всех ведомств и отразилось в правилах для студентов⁴³.

Запрет оказался неэффективным, поскольку не учитывал реалий жизни академического сообщества. С этого момента издание учебных пособий разделилось на легальное и тайное, причем последнее, вероятно, преобладало. Кроме того, студенты время от времени изобретали различные способы обойти существующие препятствия — печатали лекции типографским способом, выдавали их за научные труды⁴⁴. Так, в 1894 г. студенты-юристы отпечатали типографским способом лекции профессора И.И. Янжула без согласия автора, но с дозволения цензуры. Это было возможно, поскольку, согласно уставу, в цензурный комитет разрешалось подавать рукопись без каких-либо дополнительных документов

³⁹ Там же. Л. 11. Свой порядок литографирования «уроков» был утвержден Синодом для духовных академий. Слушатели в них не играли роли издателей, но выполняли различные работы от переписки до распространения (Л. 22—24 об.).

⁴⁰ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 477.

⁴¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 40. Отд. 1. № 41988. С. 396.

⁴² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1871. Стб. 1395—1396.

⁴³ См., напр.: Правила Императорского Московского университета. М., 1873. С. 47; Общие правила для воспитанников Императорского Московского технического училища: [утв. 1 ноября 1879 г.]. [М., 1879]. С. 14; Правила для студентов и слушателей Петровской земледельческой и лесной академии. М., 1876. С. 9; Правила для студентов Демидовского юридического лицея: утв. 12 июля 1897 г. [Ярославль, 1902]. С. 20 (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5512. Л. 40 об.).

⁴⁴ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 38. Д. 687. Л. 5—6 об., 11—11 об.

или свидетельств. Печатать контрафактные учебные материалы с дозволения цензуры типографским способом оказалось проще, чем литографировать⁴⁵.

В Московском университете справедливо полагали, что проще взять литографирование лекций студентами под контроль, чем бороться с ним. О том, что издание учебных материалов так или иначе было разрешено, сообщал в воспоминаниях Б.А. Щетинин, поступивший в университет в 1885 г.⁴⁶ Хотя в правилах российских университетов, выработанных на основе устава 1884 г., параграф о запрете на литографирование лекций сохранялся, в Московском университете были возможны отступления от общей нормы⁴⁷.

В 1901 г. благодаря «Временным правилам организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения»⁴⁸ объединения учащихся вышли из подполья, возникли первые легальные издательские комиссии. Большая же их часть появилась после Первой русской революции и принятия правил «О студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений»⁴⁹. Издательства в этих документах не упоминались. Однако, будучи частью студенческой кооперации, они оказывались в сфере действия всех правил и распоряжений на этот счет. Ситуация осложнялась тем, что Министерство народного просвещения настороженно относилось к представительским организациям учащихся и к сходкам. Заодно с «политическими» в немилость попадали и кооперативные объединения, в том числе издательские. Яркий тому пример — действие циркуляра от 11 января 1911 г. «О временном воспрещении студенческих собраний, недопущении в здания университета посторонних лиц и о своевременном сообщении полиции о готовящемся неразрешенном собрании»⁵⁰, из-за которого некоторые издательства были вынуждены сократить масштабы своей деятельности и даже прервать работу⁵¹.

Кроме того, после 1901 г. одни правила разрешали студентам объединяться, а другие по-прежнему запрещали литографировать лекции⁵². В то же время общества взаимопомощи упоминали издание лекционных курсов в своих уставах⁵³. Похожая ситуация складывалась в Московском техническом учи-

⁴⁵ Там же. Оп. 225. Д. 36. Л. 1—3.

⁴⁶ Щетинин Б.А. Первые шаги: (из недавнего прошлого) // Исторический вестник. 1905. Т. 99. № 2. С. 503.

⁴⁷ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 225. Д. 36. Л. 20 об., 58.

⁴⁸ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 15. СПб., 1904. Стб. 679—694.

⁴⁹ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 27. № 29274. С. 352—353.

⁵⁰ Канцелярия по студенческим делам Императорского Московского университета. Справочник по циркулярам и распоряжениям. 1-е добавление. М., 1911. С. 22—24.

⁵¹ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 242. Д. 54. Л. 3 об.—4, 5—6; *Немо*. О-во взаимопом. студ.-медиков // Студенческое дело. 1913. № 3. С. 3.

⁵² Правила для студентов и сторонних слушателей Императорского Московского университета. М., 1903. С. 21—22; Правила для студентов Демидовского юридического лицея: утв. 30 декабря 1902 г. [Б.м., б.г.]. С. 16 (ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5512. Л. 14 об.).

⁵³ Устав Общества взаимопомощи студентов-юристов. М., 1903. С. 6; Устав Общества взаимопомощи студентов-естественников. [Б.м., б.г.]. С. 2; Устав Общества взаимопомощи студентов филологов при Императорском Московском университете. [М., б.г.]. С. 1; Устав Общества взаимопомощи студентов-медиков Московского университета. [М., б.г.]; ЦГАМ. Ф. 418.

лище, где, несмотря на запрещение литографирования лекций⁵⁴, возникло и успешно развивалось одно из первых студенческих издательств Москвы.

В 1906 г. была упразднена предварительная цензура, под которую попадали типографски отпечатанные издания небольшого объема — выпускаемые студентами повторительные курсы, конспекты и справочники. Сведения же о том, было ли официально отменено высочайшее повеление 1869 г. о литографированных лекциях, в имеющихся источниках не обнаружены. Косвенно подтверждает отмену литографирования лекций исчезновение соответствующего параграфа из правил Московского сельскохозяйственного института⁵⁵.

Таким образом, политику государства по отношению к студенческому учебному книгоизданию можно охарактеризовать как ограничительную, при этом развитие студенческого учебного книгоиздания во многом зависело от отношения к нему администрации конкретного учебного заведения.

Особенности регламентации отчасти влияли на те организационные формы, которые приобретало студенческое учебное книгоиздание в течение нескольких десятилетий своего существования. Во второй половине XIX в. кооперативные студенческие организации находились под запретом, вследствие чего изданием учебных пособий занимались преимущественно отдельные студенты, неформальные объединения и нелегальные издательские комиссии. В 1892 г. на юридическом факультете Московского университета действовала студенческая касса, члены которой литографировали лекции⁵⁶. Издательская комиссия имела и на предшествовавшем курсе студентов-юристов — выпускников 1891 г.⁵⁷ В 1894—1896 гг. весьма активно работала неофициальная издательская комиссия на историко-филологическом факультете.

Большинство студентов-издателей ограничилось выпуском лишь одного учебного пособия, однако были и исключения. Студент историко-филологического факультета Московского университета, впоследствии историк, этнограф и краевед В.М. Сысоев выпустил не менее семи курсов лекций. Именем князя Л.С. Голицына, студента юридического факультета, впоследствии известного винодела, отмечены шесть изданий. Из воспоминаний современников и выходных сведений изданий известно, что Голицын был членом неформального издательского кружка, в который входили также Б.И. Ханенко, Ждан-Пушкин и С.А. Муромцев⁵⁸. Четкой границы между частным и кооперативным книгоизданием не существовало. Временами одни и те же лица выступали и как самостоятельные предприниматели, и как сотрудники издательских организаций.

Оп. 499. Д. 62. Л. 2 (Устав Общества взаимопомощи студентов-математиков Московского университета).

⁵⁴ Правила для студентов Императорского Московского технического училища. М., 1903. С. 8.

⁵⁵ Московский сельскохозяйственный институт. Правила по учебной части. Правила о стипендиях, взносе платы, видах на жительство, пользовании библиотекой и пр. Преподавательский персонал; учебные пособия. М., 1912.

⁵⁶ См., напр.: ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 223. Д. 30. Л. 32—32 об.

⁵⁷ Отчет по изданию лекции международного права профессорами Комаровским и Ульяничкиным. С. [1]. РГБ. А 318/151.

⁵⁸ Об участии С.А. Муромцева в издании лекций см.: *Каблуков Н.А.* В Московском юридическом обществе... С. 124—125. См. также: *Глинникова С.В.* С дозволения профессора...

В начале XX в. в Москве насчитывалось не менее 18 студенческих организаций, причастных к выпуску учебных пособий. В их числе были издательские комиссии при обществах и кассах взаимопомощи, библиотеки, научные и просветительские кружки, издательские общества студентов, а также издательства, устроенные «на общих началах», вне стен высших учебных заведений. Некоторые издательства печатали не только учебную, но и общественно-политическую литературу, материалы студенческих переписей, справочники о высших учебных заведениях, открытки.

Большая часть студенческих издательств, выпускавших учебную литературу, существовала в виде комиссий при организациях взаимопомощи. Целью таких обществ было улучшение материального положения их членов, а задачи простирались от устройства библиотек и ссудных касс до обеспечения учащихся дешевым жильем⁵⁹. Уровень развития издательского дела в названных организациях был разным. К числу успешных относилась издательская комиссия Общества взаимопомощи студентов-филологов при Московском университете, выпустившая с 1909 по 1917 г. 71 учебное пособие, не считая экзаменационных программ. Достаточно плодотворно работала издательская комиссия Общества взаимопомощи студентов-юристов, существовавшего в Московском университете в 1903—1912 гг. Юристы выпустили 29 учебных пособий и постоянно печатали экзаменационные программы⁶⁰.

В студенческих организациях взаимопомощи книгоиздание было связано с книготорговой и библиотечной деятельностью, причем взаимоотношения комиссий, ответственных за эти направления книжной работы, были различными. Иногда торговля книгами получала преимущество, поскольку продавать чужие издания оказывалось технически проще и выгоднее, чем печатать собственные. Так, например, Общество взаимопомощи слушателей Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского после нескольких неудачных опытов с книгоизданием предпочло вкладывать средства в расширение книжной торговли⁶¹.

Издание учебных пособий, казалось бы, могло стать естественной функцией библиотек, в которых аккумулировалась учебная литература. Однако библиотечная деятельность крайне редко сочеталась с изданием учебных книг. Среди библиотек московского студенчества удалось выявить лишь две, выпускавшие учебную литературу, — Студенческую библиотеку учебных пособий Московского сельскохозяйственного института и Кооперативную библиотеку студентов-межевиков, действовавшую в Константиновском межевом инсти-

⁵⁹ См., напр.: Устав Общества взаимопомощи студентов-естественников. [М., 1903]. С. 2 (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 235. Д. 31. Л. 3 об.); Устав Общества взаимопомощи студентов-медиков Московского университета: утв. 9 февраля 1908 г. советской комис. [М., б.г.]; Устав Общества взаимопомощи слушателей Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. [М., 1917]. С. 1.

⁶⁰ Отчет общества взаимопомощи студентов-юристов Московского университета за 1907 г. М., 1908. С. 67, 79; То же ... за 1908 г. М., 1909. С. 39—40; То же ... за 1909 г. М., 1910. С. 27—28.

⁶¹ Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Исторический очерк. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы и программы лекций. М., 1914. С. 109—110.

туте. Эпизодический характер имело учебное книгоиздание в научных и просветительских студенческих кружках.

Некоторые издательские комиссии, действовавшие при организациях взаимопомощи, постепенно обособились и приобрели статус издательских обществ. Подобное преобразование не гарантировало процветания, но все же способствовало развитию издательской и книготорговой деятельности. Из четырех подобных обществ добились успеха три: Студенческое издательское общество при Московском техническом училище, Издательское общество при историко-философском факультете Московских высших женских курсов и Книгоиздательство студентов Московского сельскохозяйственного института. Последнее существовало особенно долго: в 1925 г. оно было реорганизовано в кооперативное студенческое издательство «Новый агроном», а в 1930 г. присоединено к ОГИЗу⁶².

Преобразование комиссии в издательское общество обычно не вело к разрыву связей с бывшей «головной организацией». Согласно уставам, издательства отчисляли кассам взаимопомощи часть своей прибыли и передавали им, в случае закрытия, свой капитал и имущество⁶³. Издательские общества взаимодействовали со студенческими библиотеками в своих высших учебных заведениях, правда, не всегда удачно. Так, сотрудники студенческих библиотек в Московском сельскохозяйственном институте и в Московском техническом училище возлагали на студенческие издательства ответственность за недостаточное комплектование библиотечных фондов учебной литературой⁶⁴.

Две издательские комиссии в результате своего развития выросли в самостоятельные студенческие издательства вне стен высших учебных заведений. Первая, принадлежавшая студентам Московского коммерческого института, была оформлена как торговый дом «А. Новицкий, А. Пономарев, М. Тархов и К^о»⁶⁵, при котором действовал книжный магазин и издательство «Высшая школа». Вторая организация была изначально основана как Общество взаимопомощи студентов Московского университета. Входившая в состав общества Студенческая межфакультетская издательская комиссия впоследствии

⁶² Устав кооперативного издательства пролетарского студенчества Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева под наименованием «Новый агроном». Утв. МСНХ 31 июля 1925 г. и внесен в реестр за № 6306 т. XXI. [М., 1925]; Постановление СНК РСФСР от 08.10.1930 «Об утверждении устава Государственного объединения книжно-журнальных издательств РСФСР (ОГИЗ), Положения о Центре книго-журнального распространения (Книгоцентр) и типового положения о государственном издательстве, входящем в Объединение ОГИЗ» [Электронный ресурс] // Собрание узаконений РСФСР. 1930. № 49. С. 593. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=22472>

⁶³ Устав Издательского общества при историко-философском факультете Московских высших женских курсов. [М., 1913]. С. [3]; ЦГАМ. Ф. 361. Оп. 1. Д. 7769. Т. 1. Л. 65 об.—66; Книгоиздательство студентов М.С.-х.И. // Известия студенческих организаций М.С.-х.И. (Петровской академии). Вып. 1. М., 1915. С. 127; Устав книгоиздательства студентов Московского сельскохозяйственного института. Утв. 22 мая 1912 г. [М., 1912]. С. 7.

⁶⁴ Студенческая библиотека учебных пособий // Известия студенческих организаций М.С.-х.И. (Петровской академии). Вып. 2. С. 125; В научных кружках // Студенческое дело. 1914. № 14. С. 3; Студенческое издательское общество при Императорском Техническом училище, 1902—1912. [М., 1913]. С. 20—21.

⁶⁵ *Мохов И.Г.* Справочник для студентов Московского коммерческого института на 1913/14 г. Год издания второй. М., 1913. С. 22.

обособилась и была преобразована в торговый дом «Б. Подляский, Н. Чижик, А. Щербаков и К^о». Члены торгового дома учредили «Студенческое издательство», в которое в качестве пайщиков вошли другие издательства московских студентов⁶⁶. «Студенческое издательство» не только самостоятельно выпускало учебные пособия, но и служило посредником при распространении продукции своих пайщиков⁶⁷. О признании «Высшей школы» и «Студенческого издательства» со стороны книжников-профессионалов свидетельствует тот факт, что к этим издательствам обратился с предложением о сотрудничестве Н.А. Рубакин⁶⁸.

Как самостоятельная организация была основана Студенческая медицинская издательская комиссия им. Н.И. Пирогова. Книги издательства отличались добросовестной редакционной подготовкой и качественным полиграфическим исполнением. По содержанию и внешнему виду издания «пироговцев» приближались к продукции профессиональных издательств.

Вместе с издательской деятельностью развивалась книжная торговля. Во второй половине XIX в. практиковалась подписка на литографированные лекции, а в начале XX в. появились студенческие книжные лавки, склады и магазины⁶⁹. Студенты распространяли свои издания также через московские книжные магазины М.О. Вольфа, Н.П. Карбасникова, «Труд» С.А. Скимунта и через склад «Наука»⁷⁰. Некоторые издательства высылали книги в другие города Российской империи: Санкт-Петербург, Киев, Одессу, Смоленск, Тамбов, Саратов, Томск, Иркутск и др.⁷¹ Торговле сопутствовала реклама в виде внутрикнижных библиографических списков, издательско-книготорговых каталогов и объявлений.

Студенческие учебные издания пополняли не только личные библиотеки студентов и профессоров, получавших эти книги от своих учеников-издателей или коллег. Обязательные экземпляры литографированных лекций и других изданий поступали в фонды Императорской Публичной библиотеки и библиотеки Румянцевского музея. На сохранившихся до настоящего времени экземплярах студенческих изданий обнаруживаются экслибрисы Чертковской библиотеки, библиотеки Московского педагогического собрания, Городской читальни в память И.С. Тургенева и др.

Тематика издаваемых студентами учебных пособий отражала круг изучаемых предметов, что хорошо видно на примере литографированных курсов лекций. Учебные потребности студентов были довольно устойчивыми. На

⁶⁶ О-во взаимопомощи студентов И.М.У. // Студенческое дело. 1913. № 12. С. 3.

⁶⁷ См.: Издательство и книжный магазин «Студенческое издательство». Каталог собственных изданий и книг, имеющихся на складе. М., 1916; То же. К 1-ому августа 1916 года. [М., 1916].

⁶⁸ НИОР РГБ. Ф. 358. Картон 172. Ед. хр. 56.

⁶⁹ Подробнее см.: *Зайцева А.В.* Учебные издания студентов во второй половине XIX — начале XX в.: распространение и реклама // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 75—80.

⁷⁰ Отчет общества взаимопомощи студентов-юристов Московского университета за 1908 г. М., 1909. С. 41; То же ... за 1909 г. М., 1910. С. 28; Отчет правления О-ва взаимопомощи студентов-филологов при И.М.У. с 5 ноября 1912 г. по 10 октября 1913 г. М., 1913. С. 5—6; Отчет правления о-ва взаимопомощи студентов-филологов при И.М.У. с 20 октября 1915 г. по 20 октября 1916 г. М., 1916. С. 5; Каталог книжного склада «Наука». М., 1911. С. 71—72.

⁷¹ Отчет общества взаимопомощи студентов-юристов Московского университета за 1908 год. С. 52; То же ... за 1909 год. С. 42; Книгоиздательство студентов М.С.-х.И. С. 123.

протяжении нескольких десятилетий молодые люди неизменно публиковали пособия по математике и естествознанию, прикладным и общественным наукам. Таким же стабильным было отсутствие интереса к выпуску книг по богословию и искусствоведению.

В выборе тематики учебных пособий студенты руководствовались собственными научными пристрастиями и вместе с тем нередко ориентировались на популярные курсы и, следовательно, прибыльные издания. Кооперативные студенческие издательства публиковали учебные пособия как по курсам, общим для разных профилей обучения, так и по дисциплинам, изучаемым небольшими группами студентов. Соответствие репертуара издательств учебным программам далеко не всегда было полным.

Репертуар учебных изданий, выпущенных московскими студентами, насчитывает 970 изданий, большинство из которых представляют собой литографированные курсы лекций. Они пользовались популярностью, так как по своему содержанию и объему соответствовали характеру преподавания. Широко распространены были экзаменационные программы⁷². В дополнение к лекциям и программам выпускались другие теоретические и методические пособия. К теоретическим относились учебники и руководства; «краткие конспекты» для подготовки к экзаменам и конспекты рекомендованной для изучения литературы; научные монографии и статьи, отпечатанные в учебных целях. К методическим — задачки с разборами решений, материалы для практических занятий и семинаров, тексты античных авторов и наглядные пособия. Немногочисленные справочники представляли собой таблицы, сборники формул, списки полезных ископаемых и пр.

Несмотря на относительную стабильность учебных программ, переизданий в строгом смысле слова было немного. Большинство профессоров обновляло свои лекционные курсы, и студенты должны были каждый раз создавать новую рукопись, чтобы издать актуальное руководство⁷³. Переиздания в строгом смысле слова заняли заметное место лишь с появлением издательств. Возможно, причина заключалась в том, что студенческие издательства специально сохраняли некоторое количество экземпляров выпущенных ими книг и могли опираться на старые издания при подготовке новых. Нередко лекционные курсы в первый раз выпускали студенты, а во второй и последующие — профессиональные издатели. Многие учебные пособия советского времени, как отмечал Л.А. Шилов, выросли из студенческих изданий⁷⁴.

Большинство рассмотренных изданий написано на русском языке, так как на нем велось преподавание. Исключение составляют несколько пособий с

⁷² Экзаменационные программы не вошли в реконструированный для исследования репертуар, так как практически не поддаются учету.

⁷³ В Московском университете о лекциях, текст которых с годами не менялся, студенты отзывались с иронией. В воспоминаниях бывших студентов неоднократно был осмеян как лектор юрист Н.А. Зверев. См.: *Трубецкой Е.Н.* Воспоминания. София, 1921. С. 74—75; *Завадский С.* Из жизни Московского университета в XIX столетии: (по воспоминаниям трех поколений) // Московский университет, 1755—1930. Париж, 1930. С. 342—343; *Келлер Б.* Студенческие годы: (из воспоминаний) // Смена. 1939. № 5. С. 23.

⁷⁴ *Шилов Л.А.* Из истории... С. 93—94.

текстами античных авторов, изданные студентами-филологами. Некоторые иностранные учебные книги студенты переводили на русский язык самостоятельно или с помощью профессоров и специалистов-практиков.

С точки зрения материальной конструкции, главной особенностью студенческих изданий учебной литературы было их полиграфическое исполнение. Для публикации учебных пособий студенты прибегали к помощи типографской и литографской печати, причем основным способом печати была литография⁷⁵. Различие между отпечатанными в типографии и литографированными учебными пособиями воспринималось современниками как различие между книгой и «не-книгой»⁷⁶. Считалось, что литографская печать подходит для тиражирования лекционных курсов, еще не оформившихся в апробированное учебное пособие, и по этой причине литографированные издания адресовались только узкому кругу слушателей конкретного лектора. Такому взгляду соответствовали небольшие тиражи, характерные для литографской печати. К тому же во второй половине XIX в. литографированные лекции выходили в свет отдельными листами, а не целыми томами, и экземпляр издания формировался в течение семестра или года. Покупатель литографированных лекций получал от издателя разрозненные листы с воспроизведенным на них визуальным рукописным текстом. Подобного рода издания меньше всего связывались в представлении современников с понятием «книги».

Такие нестандартные формы организации книгоиздания, как студенческие издательства, и такие необычные виды изданий, как литографированные лекции и другие материалы, выпущенные учащимися, были следствием главных особенностей студенческого учебного книгоиздания — инициативы учащихся, их непрофессионализма как издателей и прагматического характера издательской деятельности. Вместе с тем, несмотря на свою особость, самобытность, студенческое учебное книгоиздание не ограничивалось пространством учебных заведений, а через типографии и литографские мастерские, книжные магазины и библиотеки взаимодействовало с московским и общенациональным книжным делом.

---

⁷⁵ Применялись и другие техники печати, такие, как гектография и стеклография. Однако для данного исследования различия между ними не имеют принципиального значения.

⁷⁶ Подробнее см.: *Зайцева А.В.* Книга или не книга?: литографированные курсы лекций второй половины XIX — начала XX в. в восприятии современников // Библиография. 2014. № 3. С. 118—121.

Сухова Н.Ю.

Научная деятельность как проблема высшего духовного образования (XIX – начало XX в.)

Тема статьи может показаться парадоксальной: научная деятельность является обычной задачей всякой высшей школы — откуда же эта проблема? Реформы, которые проводятся в последние десятилетия и в российской высшей школе в целом, и в системе духовного образования, не в последнюю очередь направлены на решение проблем научной деятельности. Однако когда период реформационного энтузиазма переходит в стадию стабильной деятельности по новым правилам, мы убеждаемся, что проведенные преобразования отнюдь не решили всех проблем, к тому же поставили новые. Конечно, открываются новые перспективы «модернизации» образования, предлагается «перетряска» и даже полное «обновление» кадрового состава, заманчиво грезятся перспективы «проблемно-ориентированных» или «инновационных» университетов «для подготовки людей и команд, способных проектировать новые виды деятельности и обеспечивать трансформацию уже существующих корпораций, отраслей и территорий в соответствии с вызовами времени»¹.

Но проблемы, связанные с научной деятельностью, оказываются наиболее живучими, сложными, глубокими и многоаспектными из всех проблем высшей школы: они проходят через многочисленные реформы, пожирают финансовые вливания, благополучно укладываются в новые формы и маскируются новой терминологией... Очевидно, что организация и поддержка научной деятельности сформировавшихся исследователей и, тем более, воспитание новых ученых требуют не только внешних преобразований, но и последовательной, систематической напряженной работы.

Встречаясь с большим количеством проблем в научной деятельности современных высших школ, вполне естественно поставить вопрос об обращении к опыту, накопленному предшествующими поколениями, или к традиции. Ответы на этот вопрос бывают разные, при этом доминируют два крайних варианта, довольно сходных, несмотря на свою внешнюю противоположность. Первый — полностью отринуть этот опыт как совершенно устаревший и имеющий лишь «археологическую» ценность: в самом деле, чем нам может помочь опыт XIX в. в нашем стремлении к «инновационной» науке и в желании соответствовать вызовам нашего времени? Второй вариант — идеализировать прошлое, видеть в нем благополучную лубочную картинку, которая нам опять же ничем помочь не может. Дерзнем высказать гипотетически, что опыт дореволю-

---

¹ Ливанов Д., Волков А. Университет будущего: Ставка на новое содержание [Электронный ресурс] // Ведомости. № 165 (3179) от 03.09.2012. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/3499241/stavka_na_novoe_soderzhanie#ixzz27xbyGQt4

ционной высшей школы, с одной стороны, очень неоднозначен, ибо ставит гораздо больше вопросов, чем дает ответов. Но иногда важно само выделение «ключевых» проблем. К тому же опыт подразумевает не только официальные реализованные Уставы, но и обсуждения, дискуссии, многочисленные проекты, мнения, идеи. С другой стороны, этот опыт является вполне актуальным при всех изменениях, происшедших как в мире, так и в научно-образовательном пространстве — разумеется, если к прошлому не подходить с намерением механического копирования. В данной статье предложен опыт решения «научной проблемы» высшими духовными школами, составлявшими до революции неотъемлемую часть российского научно-образовательного пространства.

Действительно, научная деятельность на протяжении всего бытия высшей духовной школы была и остается ее главной задачей и главной проблемой. Не будем останавливаться на историческом пути отечественного образования до XIX в. — это тема особого исследования, а начнем с момента выделения высшей духовной школы как самостоятельной ступени со своими особыми задачами. Реформа, проведенная в России в 1808—1814 гг., разделила духовное образование на ступени, определив значение каждой². При этом духовной школой в непосредственном смысле слова — школой для подготовки духовенства — стала средняя ступень, семинарии, высшая же ступень — академии — должна была заниматься развитием «духовной учености»³. Несмотря на то, что академии в России существовали с начала XVIII в., пореформенные духовные академии должны были стать учреждениями нового типа, в котором соединились, как минимум, четыре идеи.

Главной из них являлась «идея Академии», то есть, научного центра, Академии наук духовных, аналога российской Академии наук, в которую богословие включено так и не было, несмотря на неоднократные обсуждения⁴. Второй идеей была «идея Университета», причем преломлялась она в духовно-академической модели двояко: с одной стороны, в некоторых университетских чертах, впервые вводимых в духовную школу, — прежде всего, научно-педагогической аттестации; во-вторых, в самом понятии изучаемого «духовно-учебного универсума», то есть «всех наук, духовному чину потребных», связанных с духовным служением⁵. Третьей и четвертой идеями, не столь новыми для духовной школы, но получившими свежее осмысление, были идея духовного воспитания, или «внутреннего образования юношей к деятельному Христианству»⁶, и профессиональная «заточенность» духовных

² Сухова Н. Ю. Духовно-учебная реформа 1808—1814 гг. и становление высшей духовной школы в России // Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. М., 2007. С. 22—33.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 54 об.—55 об.

⁴ Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // ПСЗ I. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673. § 409. С. 938, 947. (Далее — Устав духовных академий 1814 г.). Ср.: Именной, объявленный из Сената, указ от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбуга». С приложением проэкта об учреждении Академии // ПСЗ I. Т. VII. СПб., 1830. № 4443. § 1—6. С. 220—221.

⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 54 об.—55 об.

⁶ Устав духовных академий 1814 г. Преамбула и Введение. § 3. С. 911.

академий на священном служении. Хотя академии не имели в качестве непосредственной задачи подготовку пастырей — это было делом средней школы, семинарий, — но, разумеется, при изучении опыта духовных академий необходимо учитывать и эту специфику.

Корпорации духовных академий должны были одновременно учить студентов и участвовать в развитии «учености» духовенства своих округов, а средством для стимулирования того и другого должна была стать система научно-богословской аттестации, то есть, присуждение ученых степеней за представляемые труды⁷. Разумеется, повышение «учености», дабы не стать безнадежной утопией, должно было поощряться и материально. Для этого были введены так называемые «степенные» оклады, которые назначались служащим священникам, имевшим ученые степени кандидата, магистра, доктора богословия, а также преподавателям духовно-учебных заведений, имевшим священный сан или дававшим обещание принять таковой⁸.

Заявленной «учености» должны были соответствовать духовно-академические учебные принципы, поэтому в методических указаниях, данных академиям, была попытка определить, чем высшее образование отличается от среднего. Так, если средняя школа, семинарии должны были давать преимущественно фактологические знания, то перед академиями ставилась более высокая и сложная задача: «философских изысканий» основ каждой науки, выявления взаимосвязи всех наук, рассматриваемых, разумеется, «в свете истины Христовой»⁹. Но неопределенность этих указаний подразумевала их конкретизацию на практике, так что эти указания были не данностью, а заданностью.

В целом реформа удалась, если иметь в виду развитие «духовной учености» в смысле налаживания регулярного процесса подготовки священнических и духовно-учебных кадров, а также обеспечения лицами с высшим духовным образованием законоучительских должностей, миссий, русских посольских церквей за границей. Однако если под развитием «духовной учености» понимать актуализацию академий в роли центров научных изысканий — Академий наук духовных, — то эту задачу удалось решить лишь отчасти. Об этом свидетельствуют даже результаты научно-богословской аттестации, призванной как констатировать, так и стимулировать научную активность.

Система научно-богословской аттестации, учрежденная в 1808—1814 гг. и предназначенная для стимулирования исследовательской деятельности, лишь отчасти выполняла свою задачу. С одной стороны, система разрядных списков и различие в выпускном статусе магистра и кандидата играли свою роль: студенты старались попасть в 1-й разряд, написать достойное сочинение и получить степень магистра. Однако магистерские сочинения все же были выпускными, квалификационными: несмотря на то, что среди них встречались очень серьезные

⁷ Там же. § 280—287. С. 938; § 395—428. С. 946—949.

⁸ Высочайше утвержденный 27 августа 1814 г. доклад Комиссии Духовных Училищ. ПСЗ I. Т. XXXII. Ч. VI. § 1. С. 889. Ср.: *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 5 т. Т. II. СПб., 1885. С. 166.

⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 1. Л. 1—54 об.; Устав духовных академий 1814 г. § 130—172. С. 923—927.

работы, они не проходили публичной апробации и не так часто публиковались, хотя академии старались предъявлять лучшие результаты читающему сообществу¹⁰. Но для большинства даже сильных выпускников магистерское сочинение так и оставалось единственной значимой работой, ибо этой степени было вполне достаточно для занятия не только в семинариях, но и в самих академиях самых высоких должностей, включая ординарные профессуры. Устав 1814 г. оговаривал требование докторской степени лишь для ректора академии, причем лишь как *преимущественное* право занять эту должность¹¹. Но на практике это условие учитывалось крайне редко: так, в столичной СПбДА¹² после трех ректоров-докторов — архимандритов Филарета (Дроздова), Григория (Постникова), Иоанна (Доброзракова) — последовал ряд ректоров уже без высшей богословской степени. Более всех интересовала докторская степень профессоров богословия в университетах, особенно с 1835 г., когда очередной университетский Устав потребовал обязательной докторской степени для получения должности ординарного и даже экстраординарного профессора¹³.

Проблему составляло и то, что несмотря на прописанный в Уставе регламент получения докторской степени, она присуждалась лишь в особых случаях, причем не по инициативе соискателя степени, а по инициативе Синода, Комиссии духовных училищ, правящего архиерея (не всегда доктора!), Конференции той или иной академии или кого-то из наличных докторов. При этом Устав требовал для присуждения докторской степени положительного мнения не менее трех докторов богословия, а такое количество докторов могла собрать только Конференция СПбДА — остальные Конференции лишь ходатайствовали перед Комиссией духовных училищ (до 1839 г.) или Святейшим Синодом (после 1839 г.) о присуждении докторской степени тому или иному лицу, обосновывая ходатайство разбором его научно-богословских и духовно-учебных заслуг¹⁴.

Определенная сложность в представлении работ на докторскую степень была связана и с тем, что с ней связывалось понятие «учителя христианско-

¹⁰ Смирнов С.К. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814—1870). М., 1871. С. 235—247.

¹¹ Высочайше утвержденный 26 июня 1808 г. Доклад Комитета об усовершенствовании духовных училищ и начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства // ПСЗ I. Т. XXX. СПб., 1830. № 23122. § 124. С. 368; Устав духовных академий 1814 г. § 12—13. С. 915.

¹² В статье используются общепринятые сокращения в названиях духовных школ: СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия, МДА — Московская духовная академия, КДА — Киевская духовная академия, КазДА — Казанская духовная академия, ДС — духовная семинария.

¹³ Высочайше утвержденный 26 июля 1835 г. Общий Устав Императорских российских университетов // ПСЗ II. Т. X. Отд. 1. СПб., 1836. № 8337. § 76. С. 847.

¹⁴ Именно так были присуждены докторские степени: профессору богословия Московского университета протоиерею Петру Терновскому (1837), иерею Владимиру Гетте (1863), ректору МДА протоиерею Александру Горскому (1865) — по ходатайству Конференции МДА; профессору КДА протоиерею Иоанну Скворцову (1833), ректору Киевской ДС архимандриту Антонию (Амфитеатрову) (1848), архиепископам Черниговскому и Нежинскому Филарету (Гумилевскому) и Могилевскому и Мстиславскому Анатолию (Мартыновскому) (1859), профессору богословия Киевского университета протоиерею Назарию Фаворову (1862) — по ходатайству Конференции КДА; ректору КазДА архимандриту Никанору (Бровковичу) (1869) — по ходатайству Конференции КазДА.

го» (*лат.* doctor — учитель, от *docere*— учить)¹⁵. Хотя в Уставе 1814 г. нигде не было конкретных указаний на обязательность священного сана для доктора богословия, на практике она присуждалась исключительно лицам священного сана. Единственным исключением за все 55 лет (1814—1869) было присуждение степени доктора богословия профессору Афинского университета Георгию Маврокордато, но это была помощь братской Поместной Церкви, предпринимавшей в те годы усилия по возрождению богословской науки и нуждавшейся в свидетельстве научного статуса ее лучших ученых.

Таким образом, за указанный срок всеми четырьмя академиями было произведено лишь 30 докторов богословия, из них четверо были почетными, да и многие из действительных получили степень по совокупности трудов и деятельности на благо просвещения. При этом доктора достаточно редко оставались в академиях надолго: ученые иноки, имевшие докторские степени, довольно быстро становились архиереями. В 1857 г. святитель Филарет (Дроздов) сетовал на невозможность удержать надолго ученое монашество в академиях на учебных должностях, как на серьезную проблему высшей духовной школы¹⁶. Более надежным для академий было бы белое духовенство, однако из девяти представителей белого духовенства трое докторов (протоиереи Герасим Павский, Петр Терновский и Назарий Фаворов) уже на момент присуждения степени были профессорами богословия в российских университетах; протоиерей Михаил Богословский — законоучителем Училища правоведения, протоиерей Василий Бажанов — законоучителем и духовником наследника великого князя Александра Николаевича (впоследствии императора Александра II). Иерей Владимир Гетте, присоединенный к православию из католичества, никогда не имел непосредственного отношения к российским академиям. Таким образом, ученость в академиях могли развивать только трое докторов: профессор СПбДА протоиерей Иоаким Кочетов, профессор КДА протоиерей Иоанн Скворцов, ректор и профессор МДА протоиерей Александр Горский.

Разумеется, исследования развиваются не только «степенными» устремлениями, но в академиях первой половины XIX в. были и иные проблемы: учебный процесс в академиях — по крайней мере, на его начальном этапе, — оказался очень трудоемким, а именно он был актуальным и неотложным. Заметим, что даже большая часть докторских степеней, присужденных за весь период действия Устава 1814 г., была присуждена за лекционные курсы и учебные пособия, а не за конкретные исследования. Хотя, разумеется, следует признать, что сама разработка учебных курсов определяла «прорывы» в тех или иных областях богословия, надолго определившие их основы, принципы развития и перспективы. Однако научное развитие не могло определяться исключительно учебными задачами, а должно было идти впереди оных, получая результаты, которые лишь в дальнейшем могут быть так или иначе адаптированы в рамках учебного процесса.

¹⁵ Устав духовных академий 1814 г. § 419.

¹⁶ Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о духовных школах / Публ., вступ. ст. и примеч. Н.Ю. Суховой // Филаретовский альманах. Вып. 6. М., 2010. С. 83—84.

К середине XIX в. к духовно-академической «учености» стали предъявляться серьезные претензии, как извне, так и изнутри, особенно они обострились в конце 1850 — начале 1860-х гг., в связи с радикальными переменами в российской жизни в целом.

В эти годы перед академиями было поставлено много новых вопросов, причем как от церковных кругов, так и «от внешних». Разные сферы церковной жизни требовали специалистов в конкретных богословских областях: семинарии — преподавателей, подготовленных специально к конкретным кафедрам, начавшиеся в церковной жизни реформы — экспертов по конкретным вопросам. Бурное развитие естественных наук, новые теории ставили вопросы, на которые «духовная ученость» должна была дать ответ, причем именно на языке науки. Гуманитарные науки в своих исследованиях активно начинали активно использовать церковные источники, требующие специальных знаний, которые могла дать только «духовная ученость». Несмотря на старание академий отвечать на все эти вопрошания, своевременно делать это удавалось далеко не всегда.

Не менее критичен был внутренний пересмотр духовно-академической действительности. Развитие академического процесса поставило под сомнение само понятие «учености» как эрудиции, богословского энциклопедизма¹⁷ — ему противопоставлялось понятие специальных исследований, как настоящей науки, которой жаждали молодые академические силы. С этим устремлением сочеталось и уже хроническое сетование на много предметность и многотрудность академических учебных планов, не позволявших даже подумать о каких-либо дополнительных специальных занятиях. Жанр «рассуждения» по тому или иному богословскому вопросу уступал место «исследованию», но последнее требовало и особого умения, и владения методами, и передачи реального опыта, а к этому академии оказались недостаточно готовы. Отсутствовала, как таковая, система научного руководства: даже выпускные работы писали тому или иному профессору, а не под его руководством. Энтузиазм отдельных представителей академических корпораций побуждал их помогать студентам при написании семестровых и выпускных сочинений, но отдельные случаи не давали гарантии передачи научного опыта. Оказалась недостаточным и традиционное ограничение академических занятий лекциями и письменными работами: у студентов не было связи между «готовым лекционным продуктом» и первыми опытами собственных работ.

Таким образом, в действующей модели духовной академии приоритет должна была получить идея «Академии наук духовных». Но если одним представителям иерархии и членам академических корпораций это казалось возможным в рамках Устава 1814 г., другие стремились искать какие-то более удачные решения. Таким решением стал новый Устав 1869 г., радикально изменивший все стороны жизни духовных академий¹⁸. Пытаясь ответить на новые запросы, предъявляемые к высшей духовной школе, авторы Устава положили

¹⁷ Певницкий В.Ф. Речь о судьбах богословской науки в нашем отечестве // Труды Киевской духовной академии. 1869. № 11/12. С. 188.

¹⁸ Подробнее о подготовке, проведении и результатах реформы православных духовных академий 1869 г. см.: Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 160—342.

в основу два главных понятия: «специализация» и «научное исследование». Особый акцент делался на научной задаче академий: они были призваны стимулировать специальные исследования членов корпораций и выпускников в области богословия и готовить к научной деятельности студентов. Одним из средств решения этой задачи была специализация, вводимая на всех уровнях: студентов первых трех курсов — по трем отделениям, студентов выпускного курса — по более конкретным группам наук, преподавателей — по кафедрам¹⁹.

Для общеобязательного изучения было выделено несколько предметов²⁰, все остальные дисциплины распределялись по трем отделениям (богословскому, церковно-историческому, церковно-практическому) и изучались только студентами соответствующего отделения²¹. Таким образом, академии стали своеобразными богословскими университетами с тремя квазифакультетами. Кандидатские степени присуждались теперь студентам по окончании 3-го курса²², на 4-й курс переводились студенты, показавшие на испытании «отличные успехи» и представившие «рассуждение, признанное удовлетворительным для степени кандидата». Этот курс по принципам Устава 1869 г. выходил за пределы базового богословского образования: здесь студенты должны были готовиться к научной и преподавательской деятельности, слушая особые специально-практические лекции по избранным предметам (в 1874 г. было утверждено 8 групп специализации), и писать магистерскую диссертацию. При окончании 4-го курса можно было получить и соответствующую степень, но при условии успешной сдачи особых магистерских экзаменов, представлении магистерской диссертации в виде монографии и ее публичной защиты²³. Таким образом, в этом выпускном курсе можно видеть прообраз современной магистратуры.

Преподаватели должны были заниматься научным и учебным развитием преподаваемой дисциплины и стать в этой области специалистами, причем научная деятельность стимулировалась соединением с преподавательскими должностями «степенных» требований: для должности доцента и экстраординарного профессора — магистерской степени, для должности ординарного профессора — докторской²⁴. Докторская степень также присуждалась только за специальную диссертацию, публично защищенную при официальном оппонировании²⁵. Докторами богословия, в отличие от предыдущей эпохи, могли теперь становиться и миряне, и последующий период засвидетельствовал готовность к активной научной деятельности этой части академической профессуры: отныне именно они составляли подавляющее большинство докто-

¹⁹ Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЗ II. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. § 2, 65, 133, 137. С. 545, 548—549, 553. (Далее — Устав духовных академий 1869 г.).

²⁰ Священное Писание обоих Заветов, основное богословие и блок философских дисциплин (логика, психология, метафизика и история философии).

²¹ Устав духовных академий 1869 г. § 110—116. С. 552.

²² Там же. § 133. С. 553.

²³ Там же. § 136—141, 144. С. 553—554; Положение об испытаниях на ученые степени и звание действительного студента в духовных академиях. Казань, 1874. § 1; Прил. к § 17. Таблица испытаний на степень магистра.

²⁴ Там же. § 46—48. С. 547.

²⁵ Там же. § 145—146. С. 554.

ров и магистров в области богословия — в некоторые периоды более 80%. Это определило формирование особого типа профессора-мирянина, всю свою жизнь посвящавшего научно-преподавательской деятельности и именно в этом видевшего свое служение Церкви. Миряне стали основной частью преподавательского состава академий, именно они занимали подавляющее большинство профессорских кафедр. Ученое монашество, да и белое духовенство заметно потеряло свое значение на высших уровнях богословской науки.

Сравнение двух моделей духовной академии — 1814 г. и 1869 г. — показывает, что в последней произошло усиление двух идей, заявленных в 1814 г. — научно-академической и учено-университетской, — при этом первая теперь задавала камертон второй, в отличие от 1814 г. Идеи же духовного воспитания и пастырской школы ослабились, хотя, разумеется, от них никто не отказывался. Жизненный ритм академий — по крайней мере, в первое время после проведения реформы, — стал определяться именно научным пафосом.

Хотя, вне всякого сомнения, основные идеи Устава 1869 г. были попыткой решения новых задач, поставленных перед академиями российской действительностью, нельзя не заметить и того, что новое преобразование учитывало общие образовательные идеи своего времени. Более того, анализ положений Устава позволяет реконструировать модель классического университета или «университета исследования», определявшего уже на протяжении полувека не только немецкое высшее образование, но в той или иной степени влиявшее на все европейское научно-образовательное пространство²⁶. Прежде всего, весь учебный процесс определялся научно-исследовательским пафосом, и миновать включения в научное поле не могли ни учащие, ни учащиеся (*нем.* BildungdurchWissenschaft). Профессора и доценты академий не были ограничены ни шаблонными учебными программами, ни «классическими книгами»: каждый имел возможность исходить из своего понимания преподаваемой науки, опираясь на собственные научные исследования, предоставляя в Советы академий лишь итоговые отчеты о прочитанном за год. Если учесть еще и введение института приват-доцентов — «свободных» преподавателей, которые, согласно Уставу, могли свободно выбирать дисциплину преподавания, по своему желанию прекращать чтение курса, лишь поставив начальство в известность²⁷, выявляется принцип «свободы преподавания» (*нем.* Lehrfreiheit). Была даже реализация третьего принципа «университета исследования» — «свободы обучения» (*нем.* Lernfreiheit) — разумеется, не в радикальном немецком варианте, но все же с предоставлением двойного выбора: отделенческой и групповой специализации. Если обратить внимание и на предоставление академиям вспомогательных средств для развития науки (научных командировок, научных конкурсов, премий, музеев, кабинетов)²⁸ и настойчивый акцент на «специально-практических лекциях» выпускного курса, то есть, семинарах²⁹ — модель «университета исследования» налицо.

²⁶ Эта идея наиболее полно была выражена в берлинском Гумбольдт-университете в 1809 г. Об этом более подробно см.: Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории России. М., 2009. С. 331—349, 503—524.

²⁷ Устав духовных академий 1869 г. § 48, 50, 55—58. С. 547—548.

²⁸ Там же. § 169—171. С. 555.

²⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 37 (отд. 1, ст. 2). Д. 1. Л. 423.

Конечно, от реализации немецкой модели в российских условиях, да еще с учетом специфики духовной школы, нельзя было ожидать абсолютного успеха. Кроме того, идеи Устава и их гармоничное сочетание были явно «недодуманы», к осуществлению большинства из них не были готовы ни учащие, ни учащиеся. Тем не менее, большей части преподавателей, воодушевленных открывшимися научными перспективами, возможностью обсуждать исследовательские проблемы, Устав 1869 г. принес много нового и полезного. Сформировались специалисты в разных областях и собственно богословских, и гуманитарных наук, появились исследования, проводимые на высоком уровне, который подтверждала рецепция научного сообщества как российского, так и зарубежного. Свобода в составлении учебных курсов позволила многим преподавателям перестроить их в исследовательском ключе, уделяя преимущественное внимание обзорам источников и литературы, наиболее проблемным разделам, опираясь на личный научный опыт самого лектора. В некоторых случаях удавалось использовать по назначению и приват-доцентуру, то есть, возлагать на «дополнительного» преподавателя разработку и чтение специальных вопросов той или иной дисциплины.

Однако жестко проявилась и обратная сторона новой концепции. Так, выпускной курс, который по замыслу был венцом всего образования, не реализовал возложенных на него надежд. Специально-практические занятия по большей части не смогли стать настоящими научными семинарами — прежде всего, по неготовности как студентов, так и преподавателей к такой форме работы. Для написания магистерской диссертации не хватало одного года, попадая же в провинциальные семинарии, потенциальные магистры чаще всего так и не представляли готовых работ³⁰.

Скоро стали проявляться и более серьезные проблемы: невостребованность подготовленных специалистов. Спрос семинарий на преподавателей-специалистов и специализация академических выпускников не совпадали, и проблему можно было решать только серьезной работой по прогнозированию перспективы вакантных кафедр. К этому Учебный комитет при Святейшем Синоде был явно не готов, поэтому выпускников распределяли волевым порядком, не всегда принимая во внимание не только их «тонкую специализацию» выпускного курса, но и отделенскую. Таким образом, «академик» нередко вынужден был преподавать дисциплину, которую изучал только в семинарии, а все академическое 4-х-летнее специальное образование оставалось лишь приятным интеллектуальным воспоминанием.

Да и в научной специализации вскоре проявилась обратная сторона, которую постарался трезво проанализировать в 1897 г. Н.Н. Глубоковский. В диссертациях выпускников академий наблюдалась ограниченность и мелочная скрупулезность в научном отношении, фрагментаризация и раздробление богословского сознания, неспособность обобщать³¹. Образно говоря, питомцы академий за деревьями переставали видеть лес.

---

³⁰ Об этом более подробно см.: *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа... С. 250—258, 308—314.

³¹ *Вафинский Н. [Глубоковский Н.Н.]* К вопросам о нуждах духовного академического образования // Странник. 1897. № 8. С. 519.

Все эти проблемы и вопросы требовали пристального наблюдения, обсуждения, уяснения смысла и задач каждого элемента в научной подготовке студентов и их трудоустройстве, однако их попытались решить разом и довольно жестко. Следует, конечно, учитывать и общую обстановку в стране в начале 1880-х гг. Корректировка Устава в 1884 г. привела к отмене и отделенской специализации, и особого устройства выпускного курса с групповой специализацией и специально-практическими лекциями, и приват-доцентуры³². Заменой всех этапов специальных занятий отчасти стала система профессорского стипендиатства, благодаря которой академии могли оставлять лучших выпускников на год для приготовления к кафедрам³³. Полнота богословского образования была возвращена, но за это пришлось заплатить многопредметностью и некоторым ослаблением научного пафоса.

Изменения были проведены в системе научной аттестации: отменены защита докторских диссертаций и специальные магистерские экзамены, защита магистерских диссертаций была перенесена в Советы академий³⁴. Современники по-разному встретили эти изменения, Устав 1884 г. не раз критиковался, высказывались опасения в научно-богословском бесплодии. Ситуацию обостряли указы Синода (1889 г., 1895 г.), обращавшие внимание на недостатки разного уровня в научных трудах «академиков»: темы, «не всегда соответствующие искомым (богословским. — *Н.С.*) степеням»; «воззрения и суждения, не согласные с учением Православной Церкви»; увлеченность современной западной критической литературой; «рационалистическое направление», то есть, попытки «путем рассудочного разбора... изъяснять предметы веры; необоснованное употребление «малопонятных иностранных» слов вместо общепонятных³⁵. Высшая церковная власть настойчиво требовала от духовно-академических Советов принятия соответствующих мер.

Но все эти огорчения и проблемы все же не могли остановить творческий процесс научно-богословской деятельности духовных академий, и научная результативность академий при Уставе 1884 г. в целом не ниже, а даже выше, чем при Уставе 1869 г.

Были плюсы и в новых формах, введенных Уставом 1884 г. Так, система профессорского стипендиатства, несмотря на ее недостатки — прежде всего,

³² Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЗ III. Т. IV. СПб., 1887. № 2160. С. 232—243. (Далее — Устав духовных академий 1884 г.); Объяснительная записка к проекту изменений в Уставе православных духовных академий. СПб., 1883. С. 18—19. Об этом же: Представление проекта обер-прокурором К.П. Победоносцевым императору Александру III (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 159. Л. 4—4 об.).

³³ Устав духовных академий 1884 г. § 54—56. С. 235. Было определено им и содержание — из особо назначенных для этого сумм — по 700 руб. на каждого. По окончании стипендиатского года они должны были представить Совету отчет о своих занятиях и могли быть определены на соответствующую их специальным занятиям кафедру со званием «и. д. доцента» (до утверждения в степени магистра). Особой диссертации *provenialegendi* для этого не требовалось, но две пробные лекции кандидат должен был прочитать. Срок получения магистерской степени ограничивался двумя годами.

³⁴ Устав духовных академий 1884 г. § 136, 137, 139, 141, 142. С. 241.

³⁵ Указ Святейшего Синода от 23 февраля 1889 г. // Журналы Совета МДА за 1889 год. М., 1889. С. 35—43; Указ Святейшего Синода от 4 февраля 1895 г. // Журналы Совета МДА за 1895 год. Сергиев Посад, 1896. С. 31—32.

слишком краткий срок — отчасти все же решила проблему подготовки кадров для самих академий. Правда, и здесь сказалась проблема «несостыковки» вакантных кафедр в академиях и специализации стипендиатов: нередко кафедру замещали «непрофильным» стипендиатом, а при отсутствии вакантных кафедр стипендиата отправляли в семинарию. Однако все же «запас» подготовленных специалистов, хотя и рассеянный по семинариям, академии имели, и в случае необходимости вызывали на освобождавшиеся кафедры своих бывших стипендиатов.

В начале XX в. обсуждения проблем богословской науки в духовных академиях шли, как кажется, непрерывно. Главной темой этих дискуссий было стремление к усилению научной значимости духовных академий, хотя понимали ее по-разному. Обсуждение возможностей более активного развития науки в академиях нередко сводилось к предложениям по совершенствованию системы научной аттестации, ее наиболее эффективному стимулированию исследовательской деятельности. Дискутировали о внутренней дифференциации богословских ученых степеней и праве духовных академий присуждать небогословские ученые степени (философские, исторические, словесные). Пререкания в начале XX в. вызывал порядок утверждения в ученых степенях, предлагалось передать это право самим академиям — по примеру европейских университетов, оставив высшей церковной власти лишь право наблюдения за этим процессом³⁶. Совершенствовать же систему научной аттестации предлагалось за счет расширения состава оппонентов (приглашение для оппонирования специалистов из других академий и из университетов); введения официального научного консультирования. При обсуждениях последнего этапа научной аттестации — утверждения в ученых степенях — неоднократно предлагалось создать для этого особый орган: Учено-богословский совет или Академию богословских наук³⁷. Однако централизация, как всегда, могла иметь обратную сторону: вместо четырех действующих научных центров можно было остаться с одним, что обеднило бы и без того небогатое силами русское богословие.

Предлагалось создать единую базу данных по диссертациям, защищенным в академиях. Если докторские и магистерские диссертации, издавались в виде монографий, то выпускные кандидатские работы оставались достоянием архивов, вследствие чего темы кандидатских повторялись, не было преемства, каждый автор приступал к исследованию, не имея сведений о предшествующих авторах.

Большое внимание уделялось построению системы научного руководства, как на старших, так и на младших курсах³⁸ — лишь это могло определить преемство научного опыта и постоянную коррекцию первых научных шагов

---

³⁶ Такой порядок вводился Временными правилами для духовных академий в 1905 г. и в 1917 г.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 847. Оп. 1. Д. 309. Л. 9; Журналы учрежденной при Святейшем Синоде Комиссии по выработке проекта нового Устава духовных академий 18 марта — 27 ноября 1909 г. СПб., 1909. С. 12; Прил. С. 1—7.

³⁸ Свод проектов Устава Православной духовной академии, составленных комиссиями профессоров Санкт-Петербургской, Киевской, Московской и Казанской духовных академий. СПб., 1906. § 84.

молодых богословов. С проблемой научного руководства в высшей духовной школе отчасти было связано сложное отношение к самому понятию «научной школы» в российской богословской науке. Вполне состоявшие ученые, имевшие учеников, неоднократно замечали, что «у нас нет отдельных богословских школ... каждый русский богослов является в сущности представителем только своего личного мнения»³⁹.

Предлагалось не только использовать собственный накопленный опыт, но вновь обратиться к европейским моделям. Так, в проекте МДА 1905 г., составленном И.В. Поповым на основе идей и опыта немецких университетов, предлагалось свести базовое богословское образование к одному году и ограничить его четкой структурой из пяти главных наук (Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, догматического богословия, древней церковной истории и истории философии). Остальные же три года без разделения на курсы посвящать специальному изучению одной из пяти групп предметов: библеистики, систематического, исторического, практического богословия и философии. Главным пафосом проекта было активное участие студента в формировании собственной «образовательной траектории»: значительную часть учебного плана он мог формировать самостоятельно, выбирая вспомогательные предметы, семинары и пр.⁴⁰

Характерной чертой времени были поиски новых моделей богословского образования, главной из которых был университетский богословский факультет. Идея не была принципиально нова: о богословском факультете периодически вспоминали на каждом этапе реформирования российской образовательной системы. Но накал страстей в начале XX в. придавал этим упованиям особый колорит. Так, профессор богословия Киевского университета Павел Светлов заявлял о невозможности свободного научного исследования — а, значит, и полноценного развития науки — в конфессиональной школе и неизбежности перевода богословия в университеты⁴¹. Но обсуждение «университетского» варианта богословия ставило вопросы о конфессиональности богословской науки, о ее церковности и возможности сохранения того и другого в университете.

Некоторые авторы «университетских» проектов — прежде всего, Н.Н. Глубоковский — предлагали параллельное развитие духовных академий, как конфессиональных школ, решающих апологетические и миссионерские задачи, и богословских факультетов с научно-исследовательскими задачами⁴². Но вопросов об университетском богословии это не снимало.

³⁹ *Болотов В.В.* К вопросу о Filioque // Христианское чтение. 1913. № 5. С. 574.

⁴⁰ См.: Проект Устава православных духовных академий, выработанный Советом Московской духовной академии. Сергиев Посад, 1906; Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. В 4 т. Т. IV. СПб., 1907. С. 53—54. (Далее — Журналы Предсоборного Присутствия).

⁴¹ *Светлов П.Я., прот.* О необходимости богословских факультетов в университетах или о форме религиозного образования в России. Киев, 1906. С. 10—11; Журналы Предсоборного Присутствия. Т. IV. С. 53, 58—61.

⁴² Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В 2 ч. Ч. 2. М., 2004. С. 312—313; Журналы Предсоборного Присутствия. Т. IV. С. 53, 58—61; *Глубоковский Н.Н.* По

Завершением всех этих дискуссий стал проект Нормального Устава духовных академий 1917—1918 гг., обсуждавшийся на заседаниях Отдела о духовных академиях Священного Собора. В концепции Нормального Устава сочеталось базовое образование, построенное по определенным принципам, и специализация на старших курсах по пяти основным богословским направлениям: библейскому, богословско-философскому, церковно-историческому, богословско-словесному, церковно-практическому⁴³. Особое внимание обращалось на подготовку студентов к научной деятельности. Нормальный Устав вводил двойную систему семинарских занятий: на младших курсах они должны были прививать умение читать и усваивать серьезную научную и обширную учебную литературу, разбираться в методах и тенденциях крупных научных произведений; на старших курсах — анализировать источники и составлять самостоятельные письменные работы на предложенные профессором вопросы⁴⁴. Акцент был сделан на усилении историко-филологической базы и архивоведческих и источниковедческих знаний, необходимых для научной богословской деятельности: предполагалось ввести языковедение, истории и литературы разных языков, источниковедение, причем в качестве преподавателей рекомендовались специалисты из университетов факультетов и специализированных институтов⁴⁵. Шагом вперед была предложенная Отделом система подготовки преподавательской смены: сочетание профессорского стипендиатства, как системы учебно-научной подготовки к профессорским кафедрам, и приват-доцентуры, как возможности привлечь свежие силы к чтению авторских спецкурсов и проведению спецсеминаров⁴⁶.

Но этот проект по понятным причинам не мог быть введен своевременно...

* * *

Несколько слов в заключение. Вышеизложенное свидетельствует о том, что высшая духовная школа в организации научной деятельности ставила, конечно, больше вопросов, чем давала ответов; предлагала гораздо больше идей, чем имела возможность их реализовывать. Однако сами идеи, даже не реализованные, составляют «золотой запас», который может навести современных деятелей высшего образования — и не только богословского — на полезные размышления. По крайней мере, расширяет круг единомышленников, несомненно, жертвенно, да и достаточно плодотворно служивших делу науки.

вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном Комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907. С. 1—13.

⁴³ ГА РФ. Ф. 3431 (Поместный Церковный Собор). Оп. 1. Д. 381. Л. 255—256.

⁴⁴ Там же. Л. 257—258.

⁴⁵ Там же. Д. 380. Л. 4—6, 11—12.

⁴⁶ Там же. Д. 381. Л. 259—260.

Развитие высшего технического образования и профессионализация инженеров в Российской империи

Инженеры, как профессиональная группа, в современной историографии русской интеллигенции привлекли к себе меньше внимания, чем, например, учителя или врачи. Причины этого кроются, видимо, в том, что влияние инженеров на жизнь народа было опосредовано через материальные объекты, а не происходило в прямом соприкосновении, как у учителей, врачей или адвокатов.

Однако инженеры численно являлись значительной группой — число выпускников высших учебных заведений по техническим специальностям в изучаемый период превысило 30 тыс. человек. Инженеры имели в начале XX в. несколько десятков общественных организаций, действовавших для решения как профессиональных, так и социальных проблем своих членов.

В монографии выдающегося исследователя истории высшего образования А.Е. Иванова «Студенчество России конца XIX — начала XX века: Социально-историческая судьба» показано, что численность студентов инженерных специальностей в период 1897—1917 гг. неизменно находилась на втором месте после численности студентов университетов и возрастала — от 6071 чел. в 1897/1898 уч. г. (21,4% от общего количества студентов) до 23 329 чел. в 1913/1914 уч. г. (33,2% от общего количества студентов)¹.

В настоящей статье поставлена задача рассмотреть становление инженерной профессии в соотношении с развитием системы высшего технического образования, прежде всего, на основе анализа статистических данных. Будут затронуты следующие аспекты развития высшего инженерного образования в Российской империи: начальный период развития высшего инженерного образования (от рубежа XVIII—XIX вв. до начала 1890-х гг.); складывание отечественной системы инженерных высших учебных заведений в период 1890—1914 гг.; количество студентов и структура по специализации в ведущих вузах — Императорском Московском техническом училище и Петербургском технологическом институте; практикующие инженеры: численность, техническая специализация, сферы занятости, географическое размещение; автономизация профессии: совмещение функций инженера и предпринимателя; карьера инженера в XIX — начале XX в.: профессиональные притязания и практика.

---

¹ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 173.

Краткие историографические размышления

Число работ, в которых затронута история инженерных кадров в дооктябрьской России, пока еще невелико. В ряду других интеллигентских профессий, инженерам и их подготовке в российских высших учебных заведениях посвящены соответствующие разделы в монографиях В.Р. Лейкиной-Свирской² и А.Е. Иванова³, у которых полнее освещается аспект высшего инженерного образования, практически не исследовавшийся до начала 1970-х гг. Социальный статус инженеров в первой половине XIX в. исследован на массовом просопографическом материале Л.А. Булгаковой⁴.

В последнее пятнадцатилетие появился ряд интересных работ, в частности, докторская диссертация В.Н. Тарасовой «Высшая инженерная школа России (последняя четверть XVIII в. — 1917 г.)» и кандидатская диссертация К.Е. Головина «Становление системы технических вузов и вклад профессорско-преподавательского состава в развитие естественно-технических наук: на материалах Санкт-Петербурга XIX — начала XX в.»⁵.

С середины 1970-х гг. развитие профессий и профессиональных групп в европейской и американской гуманитарной науке нередко рассматривается в рамках концепции профессионализации, получившей большое развитие. Критерии и параметры профессионализации стали ключевыми при историко-социологическом анализе истории и положения социальных групп, включающих лиц интеллектуального труда. Термин «профессионализация» при этом обозначает процесс, при котором носители специальных знаний и услуг постепенно сплавиваются в целостную социальную группу, стремящуюся контролировать то поле рынка, где эта группа осуществляет экспертные функции. Поскольку существуют потребители профессиональных знаний, то профессионализация также подразумевает коллективное отстаивание своего особого социального статуса в попытке повысить этот статус⁶. Причем, по мнению западных коллег, востребованные рынком экспертные функции представителей различных профессиональных групп имеют сильное влияние на структуриацию современного (имеется в виду период конца XVIII — начала XXI вв.) неравенства.

² Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981.

³ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX вв. М., 1991.

⁴ Булгакова Л.А. Социальный статус инженера в дореформенной России // Проблемы социально-экономической истории России. М.; Л., 1991. С. 161—176.

⁵ Тарасова В.Н. Высшая инженерная школа России (последняя четверть XVIII в. — 1917 г.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000; Головин К.Е. Становление системы технических вузов и вклад профессорско-преподавательского состава в развитие естественно-технических наук: на материалах Санкт-Петербурга XIX — начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

⁶ Целостные параметры процесса профессионализации были даны в книге M.S. Larson «The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis» (Los Angeles, 1977), хотя первую попытку рассмотрения рынка занятости и услуг с новых позиций можно датировать приблизительно по статье: Turner C., Hodge M.N. 'Occupations and Professions' // Professions and Professionalization / J.A. Jackson (ed.) Cambridge, 1970. В русистике заметную роль сыграла статья: Balzer H. The Problem of Professions in Imperial Russia // Between Tsar and People / Clowes E.W., Kassar S.D., West J.L. (eds.). Princeton, 1991. P. 183—198.

Что же касается собственно аспекта профессионализации, то отечественные исследователи мало рассматривали данный аспект на российском материале. Отчасти это объясняется тем, что в советский период объективистский анализ становления и развития интеллигентских профессий в Новое время лежал вне поля интереса историков и социологов, рассматривавших процессы внутри профессиональных групп с точки зрения классовых интересов, а вовсе не внутренней логики цивилизационных изменений в странах Европы и Северной Америки. Одним из негативных последствий такого подхода, на наш взгляд, явилась недооценка самоценности технологического знания, приведшая к форсированным темпам (главным образом, за счет снижения уровня подготовки) наращивания инженерно-технических кадров в 1920—1930-е гг., при одновременных репрессиях против дореволюционных «спецов», — что, в конечном счете, породило в СССР ситуацию уникальной в мировой практике девальвации статуса профессии инженера.

В рамках концепции профессионализации, получившей большое развитие в европейском и американском обществоведении, в свое время созданы две книги американских авторов. В вызвавшей большой интерес научного сообщества коллективной монографии «Исчезнувший средний класс. Профессии в российской истории»⁷ была всесторонне отражена дискуссия о российской интеллигенции среди русистов и дискуссия о содержании понятий «профессия», «профессионалы», «интеллигенция» при изучении истории России в Новое время и подчеркнуто, что условия для развития профессий в России были созданы эпохой Великих реформ, в результате чего высшее образование (наряду с групповым общением, специализированной печатью и профессиональными объединениями) стало одним из важнейших элементов самоопределения специалистов.

В книге К. Руан «Профессионализация городских учителей в России. 1860—1914: Гендерный и социальный аспекты»⁸ рассмотрены вопросы профессиональной подготовки учителей — наиболее многочисленной группы в составе российской интеллигенции. Показывая, что улучшение качества образования граждан во многом было вызвано потребностями экономического развития, автор реконструирует картину реформирования высшего педагогического образования.

Аспект профессионализации в отношении инженеров рассмотрен в концептуально интересной статье американского историка Х. Балзера, который фокусировал свое внимание на социально-психологических деталях политического и профессионального поведения этой и других групп русской интеллигенции в конце XIX — начале XX в. и обратил внимание на тот факт, что развитию профессиональной группы инженеров способствовали экономические трудности в стране — потребности индустриального развития России стали мощным стимулом для становления группы технических специа-

---

⁷ Russia's Missing Middle Class: The professions in Russian History / Harley Balzer (ed.). Armonk, NY: M.E. Sharpe, Inc., 1996.

⁸ Ruane C. Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers. 1860—1914. Pittsburgh, 1994.

листов⁹. Ранее Х. Балзер написал диссертацию, посвященную соотношению развития высшего технического образования и тенденций экономической политики государства¹⁰.

Сравнительным анализом развития инженерной профессии в Германии и России по ряду позиций (в том числе, системе образования) занимался немецкий исследователь М. Шпет¹¹.

Если зарубежные исследователи касались названных проблем (история высшего образования в России в контексте профессионализации) в традиционной для западной гуманитарной науки манере, может быть, излишне схематизируя процесс, то российские ученые вообще не рассматривали предмет в ракурсе профессионализации, но зато существенно обогатили фактологию.

Начальный период развития высшего инженерного образования (от рубежа XVIII—XIX вв. до начала 1890-х гг.)

До начала XX в в Российской империи действовало восемь высших технических учебных заведений. Старейшими из них являлись пять, возникших в конце XVIII — первой половине XIX в.: Горный институт (осн. в 1773), Институт инженеров путей сообщения (1809), Институт гражданских инженеров (1842) и Практический технологический институт (1828) — находились в Санкт-Петербурге, Ремесленное учебное заведение, переименованное затем в Императорское Московское техническое училище (откр. в 1830, вуз с 1868¹²) — в Москве.

В 1860—1880-е гг. к старейшим пяти заведениям добавилось еще два. В 1862 г. на средства Рижского городского общества был учрежден Рижский политехнический институт¹³. Это было единственное из заведений, готовившее инженеров, которое имело не государственное, а муниципальное финансирование. В 1885 г. был открыт Харьковский технологический институт.

Старейшие учебные заведения по подготовке технических кадров разделялись на два основных типа. К первому мы относим Горный институт, Институт инженеров путей сообщения и Институт гражданских инженеров. Это были закрытые заведения со строгим полувоенным укладом жизни воспитан-

⁹ *Balzer H.D.* The Problem of Professions in Imperial Russia // *Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia.* Princeton, 1991. P. 183—198.

¹⁰ *Balzer H.D.* *Educating Engineers: Economic Politics and Technical Training in Tsarist Russia: Ph.D. diss., University of Pennsylvania.* 1980.

¹¹ *Spath M.* *Die Professionalisierung von Ingenieuren in Deutschland und Russland // Bildungsbürgertum in 19. Jahrhundert. Teil 1 / W. Konze und J. Kocka (Hgs.). Stuttgart, 1985. S. 561—587; Idem.* *Der Ingenieur als Bürger: Frankreich, Deutschland und Russland in Vergleich // H. Siegrist (Hg.) Bürgerliche Berufe. Zur Socialgeschichte der Freien und Akademischen Berufe in Internationalen Vergleich.* Göttingen, 1988. S. 84—105.

¹² Журнал Высочайше учрежденной при Министерстве народного просвещения Комиссии для определения дальнейшего плана насаждения промышленного образования в Империи и обсуждения вопроса о реорганизации средних и низших технических училищ. СПб., 1902. С. 1.

¹³ См.: *Бухгольц Ф.В.* Исторические и статистические данные о Политехническом институте за время 1862—1912 гг. Рига, 1912.

ников. Учащиеся набирались из привилегированных сословий: дворянства и высшего чиновничества, и готовились к инженерному занятию как к государственной службе, обязательной для мужских представителей высших сословий. Окончившие заведения первого типа становились частью бюрократического аппарата сословно-иерархического государства.

Ко второму типу заведений следует отнести Петербургский технологический институт (ПТИ) и Императорское Московское техническое училище (ИМТУ). Они давали среднее, а для наиболее способных учеников — высшее техническое образование, и до 1870-х гг. принимали мальчиков из низших сословий, в возрасте 12—15 лет, умеющих читать и писать.

Если заведения первого типа готовили специалистов управления и контроля, то заведения второго типа готовили практиков для производства, поскольку до 1860-х гг. дворянство считало для себя «почти униженным заниматься промышленностью»¹⁴.

Обучение в ПТИ и ИМТУ длилось шесть лет. В первые три года ученики получали среднее образование, а в последующие три года специальные знания. Звание «ученого мастера», «мастера» или «подмастерья» (в зависимости от успехов) давало выпускникам возможность существенно повысить свой социальный статус. С 1 января 1841 г. для них отменялось телесное наказание, а «при усердии службы в промышленности они также увольнялись от личной рекрутской повинности со взносом в казну от каждого при наступлении его очереди по 150 рублей серебром»¹⁵.

В ПТИ учились сироты из бедных городских семей, а в Москве заведение было специально создано для питомцев Воспитательного дома, то есть сирот-подкидышей¹⁶. Эта интересная деталь показывает, как в условиях жестко иерархизированной социально-политической структуры общества был найден компромисс между потребностями экономического развития и низким престижем практического инженерного занятия. Российская промышленность, в значительной степени монополизированная государством, нуждалась в квалифицированных технических кадрах для работы на казенных заводах. Потребность растущей частной промышленности в инженерах и техниках тоже увеличивалась. Государство, взяв сирот с момента рождения на государственное обеспечение, готовило из них техников для себя. Частная же промышленность вынуждена была приглашать для управления фабриками и, главное, для наладки оборудования, иностранцев, пока, наконец, в ИМТУ в 1844 г. было разрешено из 300 человек принимать 50 пансионеров с платой 70 рублей в год из детей купцов, мещан и ремесленников¹⁷.

В 1850-е гг. в ИМТУ были сделаны важные преобразования по учебной части. К уже существующим общеобразовательным предметам в 1854 г. было добавлено преподавание механической технологии. С 1857 г. вводилось пре-

¹⁴ Ланговой Н. Санкт-Петербургский практический технологический институт с 1828 по 1893 гг. // Техническое образование. 1894. № 1. С. 21.

¹⁵ Там же. С. 18.

¹⁶ Бухонов И. Императорское Московское техническое училище. Исторический очерк // Техническое образование. 1894. № 4. С. 263.

¹⁷ Там же. С. 264.

подавание аналитической химии и химической технологии. Подобные изменения произошли и в ПТИ. Таким образом, была достигнута типизация учебных программ для подготовки инженеров.

В период 1860—1870-х гг. особое внимание в обучении инженеров было обращено на расширение круга предметов, в особенности специальных и учебной практики. В 1872 г. в ПТИ был утвержден пятилетний план обучения, а в ИМТУ с 1871 г. девятилетний, с включением начальных четырех классов, дававших среднее образование.

В качестве иллюстрации приведем факты из биографии профессора Александра Павловича Гавриленко (1861—1914), который был директором ИМТУ в 1904—1914 гг. Он, по желанию отца, обедневшего дворянина подпоручика Павла Антоновича Гавриленко, был принят в 12-летнем возрасте в 1873 г. своекоштным пансионером с платой 300 руб. в год¹⁸. Окончив курс среднего образования, Гавриленко выдержал конкурсные экзамены для получения высшего образования. В мае 1882 г. А.П. Гавриленко закончил полный курс обучения и «при отличном поведении и отличных успехах в науках» был удостоен звания инженер-механика¹⁹. С 1885 г. он работал инженером Московского городского общественного управления, потом был приглашен преподавать с 1888 г. в своей alma mater, с 1895 г. состоял в должности профессора, читал курсы «Паровые котлы», «Технология дерева», «Литейное дело», «Технология металлов».

Три начальных класса были постепенно закрыты в 1873—1886 гг. и установилось шестилетнее обучение. Обучение в завершающих классах велось по трем отделениям:

Отделение	Основные предметы
а) механико-строительное	механика, построение машин, составление проектов и смет, строительное искусство
б) инженерно-механическое	те же + инженерное искусство
в) инженерно-технологическое	те же, что на механико-строительном + химическая технология

Развитие системы высшего инженерного образования в России шло «методом проб и ошибок». С одной стороны, учебные программы постоянно пополнялись нужными предметами, а с другой, «распухшие» учебные планы — громадные и многопредметные — уже становились непосильными для учащихся. Принцип универсализма в подготовке инженеров, продиктованный структурой экономики России в 1870—1880-е гг., когда господство мелких и средних предприятий требовало инженера-универсала, владевшего всеми техническими и организаторскими талантами, — стал архаическим²⁰. К 1890-м гг. противоречие между потребностями промышленности, где внедрялись новые сложные технологии, и потенциалами старой системы обучения стали очевидными.

¹⁸ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 372. Оп. 2. Д. 154. Л. 1, 7.

¹⁹ Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.

²⁰ См.: Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России... С. 71, 113.

С 1887 г. оба заведения, ПТИ и ИМТУ, стали давать высшее технологическое образование по специальностям механической и химической. Были введены вступительные экзамены по математике, физике и русскому языку и выпускные *государственные* экзамены по программам, утвержденным Министерством народного просвещения. Сдавшие экзамены с отличным результатом и при отличном поведении получали звание инженера-технолога или инженера-механика. Успешно окончившие курс приобретали наряду с профессиональными — повышенные социальные права (если не имели высших по происхождению). Занятие штатных должностей в государственных и общественных учреждениях в чине X или XII классов давало право на причисление к сословию личных почетных граждан, а после десяти лет практической работы — к сословию потомственных почетных граждан.

Складывание отечественной системы инженерных высших учебных заведений в 1890–1914 гг.

Переломным этапом в развитии инженерного образования стали 1890-е гг. Открылись Петербургский электротехнический институт (1891), Московское инженерное училище (1894, с 1915 — Институт инженеров путей сообщения), Томский технологический институт (1896), Горное училище в Екатеринославе (1899).

Как установил в результате архивных изысканий А.Е. Иванов, в 1890-е гг. в правительство поступали многочисленные ходатайства групп предпринимателей о создании сети инженерно-промышленного образования для нужд российского бизнеса. Известны просьбы об открытии политехникумов в Варшаве, Владикавказе, Киеве, Казани, Нижнем Новгороде, Одессе, Перми, Петербурге, Тифлисе²¹. Причем местные предприниматели обещали устроить и содержать эти учебные заведения на свои средства

В 1898 г. Государственным советом были приняты законопроекты об основании политехникумов в Петербурге, Варшаве и Киеве. В 1907 г. число политехнических институтов пополнилось Донским в Новочеркасске — казачьей столице Области Войска Донского.

Из 15 вузов, существовавших к 1914 г., 6 находилось в Петербурге, 2 — в Москве, 1 — в Сибири (Томск), 4 — на Юге Европейской России (Екатеринослав, Киев, Новочеркасск, Харьков), 2 — в Балтийских губерниях и Царстве Польском (Рига, Варшава). Все города, за исключением Новочеркасска, входили в число крупнейших городов империи, и их годовые бюджеты по данным 1909 г. превышали 1 млн руб.²² Двенадцать инженерных вузов действовали в университетских городах (Петербург, Москва, Варшава, Киев, Харьков, Томск), где уже был отлажен полицейский надзор за студенчеством.

²¹ См.: Иванов А.Е. Высшая школа России... С. 61.

²² Совет съездов представителей промышленности и торговли. Статистический ежегодник на 1913 г. СПб., 1913. С. 410–411.

Учреждение вузов в соответствии со статусом города в административно-политической системе империи свидетельствует о господстве принципов государственного контроля над развитием высшего образования, выразившемся, в частности во всесторонней регламентации подготовки инженерных кадров.

Сложившаяся в начале XX в. сеть инженерных вузов имела следующие параметры (см. табл. 1).

При поступлении в институты следовало представить аттестат об окончании среднего учебного заведения, метрическое свидетельство, документ о сословном состоянии, 3—4 фотографии, свидетельство о приписке к призывному участку для прохождения воинской повинности (на время учебы директор учебного заведения мог просить об отсрочке до 27-летнего возраста), свидетельство о благонадежности от губернского начальства за подписью губернатора.

1910-е гг. стали временем преобразования учебной системы в высших инженерных заведениях. Новые программы были направлены на реализацию принципов научно-технической специализации. Рассмотрим, как воплощались эти принципы в учебном процессе Московского технического училища²³.

На первых трех курсах студенты обоих отделений слушали лекции по общим техническим дисциплинам — физике, начертательной геометрии, теоретической механике, техническому и архитектурному черчению, строительному искусству, геодезии, металлургии, отоплению и вентиляции. Кроме того на 1-м курсе преподавался Закон Божий.

Уже с первого года обучения начиналось предметное разделение студентов: на механическом отделении делался упор на математические дисциплины (аналитическая геометрия, дифференциальное и интегральное исчисление), на химическом начиналось углубленное изучение аналитической химии. В течение второго и третьего курсов число общих предметов сокращалось, а специальных увеличивалось. Будущие инженеры-механики поступательно изучали: высший математический анализ, теорию машиностроения, термодинамику, технологию металлов и дерева и др. Инженеры-технологи — минералогии, органическую химию, ботанику, теорию тепла и кинетическую теорию газов и др. После 2-го курса следовала геодезическая практика, после 3-го — 6-недельное участие в строительных работах в качестве техников-практикантов. 4-й курс являлся годом углубленной специализации: механики изучали 13 предметов, технологи — 12, овладевая премудростями промышленной технологии. При переходе на 5-й курс, как правило, в течение всего лета студенты обязательно работали (за плату или бесплатно) на фабриках, заводах, муниципальных предприятиях или в железнодорожных мастерских, причем применительно к тому специальному проекту, который избрали для написания диплома.

Ежегодные отчеты ИМТУ показывают, как росло число предприятий, где практиковали студенты, и ширилась их география (см. табл. 2). Среди мест практики, например, были: нефтяной завод братьев Нобель в Баку, кожевенный завод Алафузова в Казани. В 1910 г. из 83 практикантов 22 (27%) работали на Пермской и Ташкентской железных дорогах. 77 практикантов получали плату и только 6 работали бесплатно. Особой популярностью пользовались

²³ Отчеты о состоянии ИМТУ [1871—1915 гг.]. М., [1872—1916].

Путиловский, Балтийский и Александровский заводы в Петербурге, текстильные предприятия московских фабрикантов Морозовых, Коноваловых, Прохоровых, рассеянные по всей Европейской России. Эти текстильные предприятия всегда предпочитали выпускников ИМТУ студентам других вузов. Данные промышленной статистики и архивные материалы показывают, что часто весь их инженерный персонал имел московские дипломы.

Несмотря на сбалансированность учебного процесса, достигнутую в начале XX в., отсев студентов был значительным. Кто-то не выдерживал интеллектуального напряжения, другие — тягот несытой студенческой жизни. К тому же, среди строгостей, сопровождавших жизнь студентов, было запрещение вступать в брак (одновременно, женатые не могли поступать в вузы). Исключения из этого правила начали допускаться, согласно циркуляру Министерства народного просвещения с 1898 г. по разрешению губернских попечителей учебных округов. И только с 1906 г. запрет был фактически отменен — на брак требовалось формальное разрешение ректора, так же, как для поступления женатых в вуз²⁴. До конца обучения доходила, по нашим подсчетам, только половина поступивших на 1-й курс. Из них ежегодно по собственным прошениям покидало институт около 10% студентов. Из-за неуспеваемости число учащихся сокращалось при переходе на следующий курс на 10—15% ежегодно. Например, из обучавшихся в ИМТУ в 1899/1900 уч. г. на 1 курсе 228 чел. на механическом отделении и 71 чел. на химическом отделении, в 1903/1904 уч. г. осталось 117 чел. на механическом и 27 на химическом. Защитили дипломы и получили права инженера 90—95% из студентов последнего курса. Однако для неудачников допускалась вторая попытка через год.

Представленный выше анализ учебных планов и производственной практики показывает, что система инженерного образования складывалась в русле реализации идеи максимального приближения к нуждам российского индустриального развития.

Количество студентов: социальные параметры

Развитие высшего технического образования выражалось прежде всего в увеличении числа студентов (см. табл. 3).

Указанные семь вузов на протяжении периода 1890-х гг.— 1914 г. продолжали занимать лидирующее положение в системе высшего технического образования. Самым большим по количеству студентов в эти годы становится Петербургский политехнический институт. Перед 1914 г. в нем обучалось более 1/5 всех студентов-инженеров. Это заведение готовило инженеров по широкому спектру специальностей. В нем, однако, отсутствовали стипендии, и студенты сами оплачивали свое образование. С другой стороны, поступление в институт не требовало большого напряжения сил, так как прием осуществлялся без вступительных экзаменов. Действовал конкурс аттестатов о среднем образовании, а в случае равной суммы баллов у соискателей проводилась жеребьевка. Важным,

²⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 372. Оп. 1. Д. 494. Л. 132.

на наш взгляд, условием соблюдения уровня общеобразовательной подготовки поступающих было то, что к конкурсу допускались лица, окончившие средние учебные заведения не ранее, чем за два года до поступления.

Несмотря на абсолютный рост числа студентов во всех инженерных вузах, происходило относительное уменьшение доли учащихся в семи представленных в таблице крупнейших заведениях. Это было связано с расширением географии системы технического образования. После 1905 г., чтобы получить образование, уже не обязательно было ехать в Москву, Петербург или Харьков. К тому же возникавшие в провинции вузы давали при поступлении льготы уроженцам близлежащих местностей. Экономически выгоднее становилось готовить кадры на месте.

Например, среди поступавших в Томский технологический институт отдавалось предпочтение уроженцам Азиатской России (Сибири) и Закавказья. Донской политехнический институт заполнял от 25% до 50% вакансий «коренными обывателями Области Войска Донского». Прием в Донской институт проводился без экзаменов, по конкурсу аттестатов. Как правило, вначале зачислялись все местные уроженцы, имевшие отличные и хорошие отметки в аттестате, и уже потом проводилась жеребьевка для прочих. Рижский политехнический институт принимал без экзаменов уроженцев Прибалтийских губерний, имевших в аттестате 4 и 5 по русскому языку, математике и физике²⁵.

Основой для успешной подготовки инженеров был стабильный хороший уровень среднего образования поступающих, что отражено в наших подсчетах, представленных в табл. 4.

От 80% до 90% поступавших были выпускниками классических гимназий, реальных и технических училищ. По данным приема в ИМТУ в 1895 г., из 278 поступавших успешно выдержали экзамены 185 чел. (66%), из которых были приняты на 1 курс 131 чел. (47%), получивших наивысший балл.

В изучаемый период число мест в технических вузах значительно выросло. За десять лет, с 1897 по 1907 г., — в 2,6 раза, за последующие 6 лет (1908—1913) — еще в 1,5 раза. Но число абитуриентов было много больше. По данным В.Р. Лейкиной-Свирской, в 1897 г. было подано 2647 прошений о приеме в семь институтов, а принято всего 608 чел. (23%)²⁶. Высокий конкурс при расширении числа мест, несомненно, отражал две взаимосвязанные тенденции. Во-первых, резкий рост потребности в инженерах, во-вторых, возрастание престижа инженерной профессии.

С конца 1880-х гг. возрастание престижа профессии инженера выражалось также в поступлении в технические вузы лиц с университетской степенью или дипломами других вузов. Прием проводился без экзаменов, однако для этих лиц устанавливалась квота, составлявшая 3—5% в ИМТУ, 10% в Московском инженерном училище, 6—10% в ПТИ, 13% в Петербургском институте инженеров путей сообщения²⁷.

²⁵ См.: *Воротинцев Н.И.* Полный сборник правил и программ высших, средних и низших общеобразовательных, специальных и прогрессивных учебных заведений России, мужских и женских, правительственных и частных. Вып. 4. Пг., 1915.

²⁶ *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России... С. 113.

²⁷ Расчеты сделаны нами по годовым отчетам соответствующих учреждений за разные годы. Приводится результирующая.

Данные о социальном происхождении студентов показывает, что в числе учащихся были представители всех сословий и социальных групп империи (см. табл. 5).

За 20 лет в ИМТУ доля студентов из групп высокого социального статуса (дворянство, чиновничество) постоянно уменьшалась: с 33% в 1895 г. до 19,9% в 1914. Одновременно возрастала доля представителей низших городских и сельских сословий — крестьянства и мещанства: с 30,7% в 1895 г. до 49% в 1914 г. (При этом следует учитывать, что изменения в составе студентов происходили на фоне активного размывания старой сословной структуры российского общества. Быстрый процесс урбанизации и географической мобильности населения приводил к тому, что часто титул не совпадал с реальным статусом.)

Уровень образования купечества, крестьянства и мещанства, как показывают результаты массовой обработки личных дел студентов ИМТУ, год от года повышался. Все большее число родителей стремилось дать детям классическое образование в гимназиях и располагало для этого соответствующими финансовыми возможностями (плата за обучение в гимназиях составляла 60—125 руб. в год). Однако юридически для городских жителей получение высшего образования было более простым делом, чем для селян. Представителям крестьянства приходилось преодолевать барьеры, установленные законами предыдущего периода. Например, для поступления в ИМТУ крестьянину следовало представить в приемную комиссию решение сельского общества, принятое на общем сходе и содержащее разрешение заниматься делом по своему выбору, а при этом не претендовать более на пользование общинной землей²⁸.

Повышение престижа профессии порождало стремление получить ее не только у лиц из низших социальных групп, но и у титулованных аристократов, искавших себе применения в новых капиталистических институтах. Среди окончивших ИМТУ со званием инженера были князь Л. Кугушев (выпускник 1890 г.), барон М. Корф и князь С. Гагарин (1891), князь М. Львов (1902), князь В. Макаев (1910)²⁹. Следовательно, в период 1890—1914 гг. для детерминации социального статуса личности происхождение уже не имело довлеющего значения, как в предыдущий период. На первый план выходят образование и последующая служебная карьера.

Русская статистика изучаемого периода не содержала сведений об этнической принадлежности. В документах указывалось вероисповедание (см. табл. 6).

В Москве 77—82% студентов числились православными, 3—9% католиками, 3—7% протестантами, 3—8% иудеями. В Петербурге число православных было меньшим — 54—70%, зато католики (скорее всего за счет поляков) составляли 30% в 1896 и 13% в 1904.

Но если для периода 1860—1880-х гг. конфессиональные показатели были идентичны с этническими, то в последующий период расхождение между ними постепенно возрастало. Правила поступления в вузы гласили, что в большинстве институтов допускались к приему «русские подданные, христианского вероисповедания». Существовали ограничения, главным образом по конфессио-

²⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 372. Оп. 3. Д. 1997. Л. 1—3.

²⁹ Список лиц, окончивших курс в МТУ. 1845—1912. М., 1912.

нальному и этническому признаку, например, для старообрядцев и евреев³⁰. Эти ограничения порождали способы адаптации к существовавшим правилам. Евреи принимали православную веру или прибегали для получения дипломов к экстернату. В случае межнациональных браков между православными и лицами, принадлежавшими к другим ветвям христианства, дети, как правило, были крещены в государственную религию — православие. К примеру, среди инженеров-механиков, выпускников ИМТУ 1910 г., согласно проведенному нами антропонимическому анализу, русских и украинцев было 61%, поляков 7%, немцев и армян по 5%, грузин и азербайджанцев по 1%, евреев 18%, не установлено 2%. Сопоставление этих данных со сведениями табл. 6 показывает, что доля православных намного превышала долю русских и украинцев.

Таким образом, в начале XX в., и особенно в 1906—1914 гг., когда после революции 1905 г. были удовлетворены некоторые политические требования интеллигенции и реформировано законодательство, создались новые условия формирования и существования инженерной интеллигенции. Прерогатива представителей доминирующих национальностей и конфессий была поколеблена за счет отмены государственных ограничений на выбор занятия для лиц из прежде ущемленных малых социальных групп.

В 1906 г. закончилась эра безраздельного господства мужчин в инженерной профессии. Были открыты высшие женские Политехнические курсы в Петербурге, готовившие по архитектурной, инженерно-строительной, электромеханической и химической специальностям. В первый же год было подано 700 заявлений, из числа соискателей затем было принято 234 чел. по конкурсу аттестатов о среднем образовании. Курсы были платными — 150 руб. в год, никаких стипендий не существовало. К окончанию полного курса из поступивших в первый год 234 чел. пришли только три чел., получившие дипломы в 1912 г. К 1916 г. Петербургскими женскими политехническими курсами (где читали лекции профессора технологического и политехнического институтов) было выпущено 50 женщин-инженеров³¹.

Практикующие инженеры: численность, техническая специализация, сферы занятости, географическое размещение

На новом этапе промышленного развития, наступившем в России во второй половине XIX в., формирование высших технических кадров стало интенсивным и ускоряющимся. Всего в 1860—1917 гг. в Российской империи было подготовлено (по неполным данным) 30 240 инженеров³².

³⁰ Для старообрядцев при поступлении на государственную службу действовали ограничения служебных прав, секретно принятые в 1832 и 1839 гг. и отмененные только в ноябре 1905 г. (См.: ЦГА г. Москвы. Ф. 372. Оп. 3. Д. 169. Л. 2—10). Для евреев действовала процентная норма, составлявшая в большинстве заведений 3%, а в черте оседлости 5% (Киевский политехнический институт) и 10% (Варшавский политехнический институт и Екатеринославский горный институт). В Московский институт инженеров путей сообщения евреев не принимали.

³¹ См.: Первые женщины-инженеры. Л., 1967. С. 8—9.

³² Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция... С. 18.

Важным показателем профессионализации, несомненно, является динамика развития специализации внутри профессии. Данные о темах спецпроектов, избранных студентами-дипломниками ИМТУ, позволяют уяснить изменения рейтинга различных видов специализации внутри инженерной профессии (см. табл. 7).

Приведенная статистика показывает, что важной тенденцией в начале XX в. стало усложнение структуры инженерной деятельности. В вузах возникают новые кафедры, увеличивается профессорский корпус для подготовки инженеров к работе с применением новейших технологий. Становятся популярными спецпроекты по проблемам электротехники, конструирования тепловых двигателей и гидротехнических сооружений. На химическом отделении ИМТУ своеобразное теоретическое «дробление» тематики спецпроектов отражало путь развития легкой и пищевой промышленности. К примеру, проекты по технологии углеводов разрабатывали студенты, готовившие себя к работе именно на предприятиях бурно развивающейся сахарной промышленности. Интерес к металлургии свидетельствовал о том, что важным критерием квалификации инженера в сталелитейной промышленности становилась химико-аналитическая экспертиза с целью соблюдения стандартов литья.

Выработка и усложнение критериев технической экспертизы стимулировались двумя взаимосвязанными обстоятельствами. С одной стороны, развитие технологической теории происходило на кафедрах, где вели исследования и преподавание наиболее способные к интеллектуальной деятельности выпускники технических вузов, с другой стороны, с 1890-х гг. наблюдалась постоянная энергичная модернизация большинства предприятий, связанная с повышением конкуренции на российском рынке и с включением России в процесс европейской индустриализации.

Темпы модернизации промышленности не снижались даже в периоды экономических кризисов. Так, в 1900—1903 гг., не выдержав конкуренции, закрылось более 3 тысяч экономически слабых предприятий (12%), однако стоимость промышленной продукции в тот же период возрастала ежегодно на 3,8%. Последующие 1904, 1906, 1907 гг. дали соответственно прирост промышленного производства на 7,8%, 8,6% и 11,2%³³. При незначительном росте количества предприятий в эти годы причинами такого прироста были, главным образом, рост энерговооруженности и освоение передовых технологий на модернизируемых предприятиях. Поэтому промышленность и транспорт остро нуждались в притоке «свежих» специалистов, знакомых с последними достижениями русской и европейской технической мысли.

Следующая таблица содержит данные о том, куда пошли работать выпускники ИМТУ и ПТИ — на промышленные предприятия (включая муниципальные и земские объекты), на железную дорогу, в министерства, страховые компании, фабричную инспекцию, занялись преподавательской деятельностью, а также сменили профессию (см. табл. 8).

³³ Бовыкин В.И. Динамика промышленного производства в России. 1896—1910 // История СССР. 1983. № 3. С. 31—51.

В промышленности и на транспорте было занято более $\frac{3}{4}$ всех подготовленных инженеров. Причем, существовали традиционные сферы профессиональной деятельности для выпускников разных вузов. Инженеры, окончившие ИМТУ, в значительной степени ориентировались на работу в текстильной (17,6% всех промышленных инженеров) и пищевой (10,4%) — главным образом, сахарной и винокуренной — промышленности. Для петербургских выпускников приоритетными местами работы являлись предприятия крупной промышленности (частные машиностроительные и сталелитейные; казенные горные и оружейные заводы), где трудились 23,3%, а также предприятия свеклосахарные и писчебумажные (24,3%).

Расширялась и география деятельности. К примеру, выпускники ИМТУ служили по всей территории империи: от Варшавы до Хабаровска и от Архангельска до Баку. С 1890-х гг. пользование услугами квалифицированных инженеров постепенно перестает быть привилегией больших городов и крупных предприятий. Инженеры находили работу на вновь возникающих небольших, но хорошо оборудованных предприятиях и в уездных городах, где прогрессивные деятели городского самоуправления устраивали водопровод, канализацию, трамвайное сообщение (таких городов, по нашим подсчетам, было несколько десятков). Наряду с этой тенденцией, которую условно можно назвать «диффузией» специалистов, существовала вторая. Она заключалась в том, что значительное количество инженеров сосредоточивалось в районах компактного размещения промышленности, таких, как Московская и Владимирская губерния, Баку, Петербург, Брянск, Казань, Саратов.

Из 1150 выпускников ИМТУ в 1895 г. в Москве работали 298 (25,9%) и на близлежащих территориях Московской губ. еще 182 (15,8%), то есть всего более $\frac{2}{5}$ специалистов (41%). В 1887 г. Москва и область были местом службы 34,9% специалистов (165 и 47 из 608 чел.), в 1912 г. — 26,2% (775 чел.).

В 1895 г. на Бакинских нефтепромыслах работал 1% московских выпускников (1912 — 1,7%), в Петербурге и губернии — 1,7% (1912 г. — 4,6%), на Урале — 2,7% (1912 г. — 1%), на заводах Брянского района — 1,1% (1912 г. — 0,8%), в Киеве — 1,7% (1912 г. — 1%), во Владимире, Ярославле, Иваново-Вознесенске — 3,6% (1912 г. — 2,2%), в Среднем Поволжье (Саратов, Казань) — 2,6% (1912 г. — 1,3%). В 1912 г. в крупных сибирских городах число инженеров становится заметным — в Томске и Иркутске работали 17 выпускников ИМТУ (0,6%)³⁴.

Автономизация профессии: совмещение функций инженера и предпринимателя

Максимальной формой профессиональной реализации инженеров явились «самостоятельные» структуры, в которых инженер выступал и в роли профессионала, и в роли предпринимателя. К «самостоятельным» структурам относились: заводы и фабрики, технические конторы, фирмы по тор-

³⁴ Там же.

говле техническим оборудованием, аграрные поместья, где использовалась промышленная технология переработки сельскохозяйственной продукции. Несомненно, чтобы вести собственное дело, надо было обладать высокой личностной активностью. Среди выпускников ИМТУ (см. табл. 8) «самостоятельных» (или «независимых») инженеров было 25% (1887), а ПТИ — 16% (1894) от количества лиц, занятых в промышленном секторе.

По социальному происхождению среди «самостоятельных» инженеров выделяются две группы: 1) дети предпринимателей, 2) прочие. Входящие в первую группу имели к моменту поступления в вуз повышенный (по отношению к остальной массе студенчества) социальный и финансовый статус. Главной целью высшего инженерного образования для них было получение профессиональных навыков для работы на семейных предприятиях.

В числе выпускников ИМТУ, начиная с 1870-х гг., были дети ряда московских промышленных магнатов. Сергей Лямин (сын московского городского головы, фабриканта и банкира И.А. Лямина, династия Ляминах известна с 1782 г.) служил инженером при правлении семейной бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры в Дмитровском уезде Московской губ. Спустя 10 лет, в 1897 г., он состоял уже в должности директора. Братья Сергей и Алексей Добровы руководили тремя машиностроительными заводами фирмы «Добровы и Набгольц».

В 1880—1890-е гг. ИМТУ закончили, получив дипломы инженеров-механиков два представителя семьи Лист (владевшей двумя крупными машиностроительными заводами в Москве, старейший из которых существовал с 1863 г.) — Николай и Виктор. Этнический немец Николай Густавович Лист ко времени поступления в студенты, числился русским подданным, а его кузен Виктор перешел в русское подданство, чтобы учиться в высшем учебном заведении в Москве. Закончив Московское техническое училище, оба брата стали работать на принадлежавшем семье заводе. Виктор служил конструктором, а Николай, начав с инженерной должности, вскоре занял место технического директора. (Интересно, что Николай Лист был инженером по призванию и имел патент на керосиновый двигатель собственной конструкции.)

Из немосквичей — Поляков и Кондрашев работали механиками на собственных суконных фабриках, Уманский — техником на каменноугольных копях «Губонин и Уманские» в Харьковской губ., а Смирненко — помощником директора на одном из крупнейших в Российской империи сахарном заводе «Яхненко и Смирненко» в Киевской губ.

Анализ деятельности лиц второй группы («прочие») говорит о появлении с 1880-х гг. в России форм организации инженерного труда, свидетельствовавших о достижении высокой степени автономизации профессии. Мы имеем в виду технические конторы (бюро), предоставлявшие потребителям интеллектуальные услуги. Уже к концу 1880-х гг. в Москве насчитывалось более 15 таких фирм. Наиболее влиятельными были «А.В. Бари», «Зотов», «Залесский и Чаплин».

Контора Александра Бари, основанная в 1880 г., занималась устройством нефтехранилищ и нефтепроводов, постройкой металлических сооружений (например, водонапорных башен) и др. В этой крупнейшей фирме работало 15—20 высококвалифицированных инженеров, в том числе, выдающий-

ся В.Г. Шухов. Высокий уровень профессиональной компетенции обусловил то, что контора Бари получала не только частные и муниципальные, но и казенные заказы, например, на строительство Казанского вокзала в Москве. Фирма владела рядом предприятий по изготовлению сложных технических приборов. В 1898 г. имелось шесть представительств фирмы в Москве, Петербурге, Саратове, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Грозном. Наблюдалась монополизация конторой Бари рынка определенных технических услуг на территории Европейской России.

Другая фирма «Залесский и Чаплин» была учреждена в 1895 г. инженерами В.Г. Залесским и В.М. Чаплиным, являвшимися одновременно преподавателями ИМТУ по дисциплинам «канализация», «отопление и вентиляция». Руководители приглашали своих лучших выпускников для проектирования и устройства отопления, канализации и вентиляции на заводах, в школах, больницах и частных домах по всей территории России. В частности, были исполнены заказы Московского университета, Музея изящных искусств, царского дворца в Ливадии.

«Самостоятельные» инженеры обладали наивысшим статусом внутри инженерной профессии по таким признакам, как овладение рынком технических услуг, максимальная самооценка стоимости труда, монополия на экспертизу. Степень риска, особенно в первые годы, была велика. Но она компенсировалась другими преимуществами, прежде всего, монополией на экспертизу и высокой оплатой. Сопоставление списков выпускников ИМТУ за 1887 и 1912 гг. показало, что среди «самостоятельных» инженеров смены занятий и переходов на наемную работу почти не наблюдалось. Постоянная востребованность рынком давала существованию технических контор значительную устойчивость: накануне 1917 г. большинство из них существовало по 10—25 лет.

Заключение.

Карьера инженера в XIX – начале XX в.: профессиональные притязания и практика

В начале XX в. наблюдалось перераспределение социального статуса внутри профессии. Статус частных, муниципальных и особенно «самостоятельных» инженеров постепенно сравнился со статусом государственных служащих, и видимо, по отдельным параметрам превзошел его. Конкуренция внутри профессии росла. Данные о зарплате инженеров показывают, что на рубеже веков размер жалования муниципальных инженеров догнал заработки государственных инженеров того же уровня и составлял от 1800 до 5000 руб. в год. В частном секторе экономики и особенно среди «самостоятельных» инженеров жалование было выше.

Высокая оплата инженерного труда в негосударственных структурах имела оборотную сторону медали, а именно, как правило, сопровождалась ненормированным рабочим днем. Частная жизнь инженера была подчинена профессиональной деятельности. Инженеры фактически не имели ежегодных

отпусков и могли взять отпуск только раз в несколько лет по причине необходимости лечения. Заключение врачей, содержащиеся в личных делах, свидетельствуют о том, что после 50-летнего возраста здоровье инженеров было серьезно подорвано. Наиболее частыми являлись диагнозы о неврологических и сердечно-сосудистых заболеваниях, являвшихся следствием многолетнего переутомления³⁵.

Возникновение профессии инженера в контексте самодержавного государства с жесткой сословно-иерархической структурой на длительном протяжении XIX в. обуславливало очень сильную степень бюрократизации данной профессии. В значительной степени это было связано с государственным характером высшего технического образования.

Но уже в 1880-е гг. структура занятости инженеров начинает меняться. Технологический прогресс неизбежно стимулировал повышение уровня профессиональной компетенции, а это привело к эффекту академической самооценки инженерного знания.

До указанного переломного времени путь к успешной карьере был возможен только один — в рамках модели «государственной реализации» профессиональных навыков. Эта модель осуществлялась на двух социальных уровнях — высшем и низшем. Высший уровень, или инженерная элита, рекрутировался из дворянства и чиновничества. Причем весьма существенной являлась прослойка потомственных инженеров³⁶. Известны русские династии, насчитывавшие к началу XX в. по три поколения инженеров.

Если представители инженерной элиты со времени учебы готовили себя к управлению и контролю, то представители низшего уровня инженерного корпуса реализовывали свои профессиональные знания в обыденной фабрично-заводской обстановке, часто собственноручно исполняя сложные технические операции. Эти лица рекрутировались из среды низкого социального статуса — непривилегированных городских сословий или сирот. Они повышали свой социальный статус, так же как и представители элитного слоя, в рамках модели «государственной реализации», но имели более низкие позиции начала и конца карьеры.

Первые, едва заметные изменения в статусе профессии начались с вступлением Российской империи в стадию промышленной революции в 1850-х гг. Последующие тридцать лет были периодом дифференциации и специализации инженерного труда. Параллельно шло развитие учебных программ, что прежде всего выразилось в их типизации. Рост престижа инженерного знания и собственно профессии проявился в параметрах социального состава студентов. Исходный социальный статус перестает играть определяющую роль для карьеры. Экспертные функции профессионалов увеличиваются. Однако и до конца 1880-х гг., несмотря на неудержимый рост частной промышленности, модель «государственной реализации» оставалась очень привлекательной, прежде всего из-за минимального риска потери стабильного образа жизни. В частной же промышленности число инженеров было малым, не превышая 7—9%.

³⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 179. Оп. 45 и 50 (личные дела инженеров).

³⁶ См.: *Булгакова Л.А.* Социальный статус инженера... С. 165.

На рубеже 1880—1890-х гг. наступил новый этап в существовании инженерной профессии в России. Инженерный универсализм был сменен тенденцией специализации. Рынок приложения инженерного труда резко расширился. Кроме работы в государственных структурах, все большее значение приобретала служба в частных и муниципальных учреждениях. Для поступления туда на работу было необязательно, чтобы параметры анкеты того или иного инженера укладывались в прокрустово ложе представлений о политически благонадежном чиновнике и ответственным перед высшим начальством исполнителе. Соискатель мог не принадлежать к привилегированному сословию, этносу или конфессии. Это и предопределило интенсивный прилив в негосударственные структуры инженеров из низких социальных слоев.

Одновременно повышение престижа самой профессии привлекло в нее, наряду с представителями низкого социального происхождения, титулованных аристократов, ищущих приемлемых путей адаптации к стремительно модернизирующемуся социально-экономическому порядку. Все это означало, что процесс профессионализации инженеров был тесно связан с вызреванием идеи об абсолютной ценности профессиональной компетенции и практическом воплощении этой идеи, выразившемся в повышении статуса инженера в изучаемый период.

В русле процесса профессионализации, можно, на наш взгляд, рассматривать и проблему соотношения иностранных и отечественных специалистов. Значительное количество техников-профессионалов, как и техников-самозванцев, нахлынуло в Россию в 1860—1880-е гг., когда подготовка собственных инженерных кадров с высшим образованием еще переживала начальную стадию. Одновременно это был период подозрительного отношения к инженеру как специалисту — круг его занятий и обязанностей чаще всего находился за пределами понимания не только рабочих, но даже и высшего административного персонала предприятий.

Таким образом, отечественный инженер, получивший европейского уровня образование, представлял собой конкурента как для инженеров-иностранцев, так и для работников управления старой формации. Тем не менее, стремительное промышленное развитие Российской империи сделало инженера чрезвычайно востребованной фигурой, что показывает значительный рост его социального и профессионального статуса. Возможности приложения инженерного труда в изучаемый период в России постоянно расширялись в связи с огромными технологическими изменениями в промышленности, на транспорте и в коммунальном благоустройстве.

Таким образом, с изменением самого типа инженера, обогащением его духовной культуры и личностных параметров (включая сюда достоинство личности, выражавшееся прежде всего в отстаивании права на профессиональную экспертизу, как перед хозяином, так и перед средним техническим персоналом и рабочими) — менялась позиция инженера в социальной иерархии российского общества. Это было связано с ослаблением государственного контроля над профессией, с тем, что профессиональный *modus vivendi* российского инженера сближался с позицией западного инженера как лица «свободной профессии».

Таблица 1

Технические высшие учебные заведения*

Учебное заведение	Ведомство	Отделения	Число учащихся, принимаемых на 1-й курс**	Длительность обучения	Стоимость обучения в год
1. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ					
1) Петербург	МНП	1. Механическое 2. Химическое	1. 200—210 2. 60—75 Всего: 260—285	5 лет	75 рублей; 105 стипендий и 100 бесплатных мест
2) Харьков	МНП	1. Механическое 2. Химическое	Всего: 300	5 лет	50 рублей
3) Томск	МНП	1. Механическое 2. Химическое 3. Инженерно-строительное 4. Горное	1. 120 2. 40 3. 60 4. 80 Всего: 300	5 лет	75 рублей; 50 казенных стипендий; 50 бесплатно
4) Московское техническое училище	МНП	1. Механическое 2. Химическое	1. 60 2. 250 Всего: 310	5 лет	75 рублей; 50 стипендий; 50 бесплатно
2. ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЕ					
5) Петербург	МТП	1. Механическое 2. Инженерно-строительное 3. Металлургическое 4. Электромеханическое 5. Кораблестроительное (+ курсы воздухоплавания с 1911)	1—4. 160 5. 70 Всего: 710	1—4. 4 года. 5. 5 лет	100 рублей
6) Варшава	МТП	1. Механическое 2. Химическое 3. Инженерно-строительное 4. Горное	1—2. 125 3. 75—100 4. 60—75 Всего: 385—485	4 года	100 рублей
7) Киев	МТП	1. Механическое 2. Химическое 3. Инженерное	Всего: 400	4 года	100 рублей

8) Донской (в Новочеркаске)	МТП	1. Механическое 2. Химическое 3. Горное 4. Мелиоративное	1. 30—60 2. 30—40 3. 30—60 4. 30—40 Всего: 120—200	4 года	100 рублей
9) Рига	МНП	1. Механическое 2. Химическое 3. Строительное 4. Инженерное	Всего: 500	5 лет	160 рублей (для уроженцев прибалтийских губ. — 150)
3. ГОРНЫЕ					
10) Петербург	МТП	1. Горное 2. Заводское	Всего: 150—200	4 года	100 рублей казенные стипендии
11) Екатеринослав	МТП	1. Горное 2. Заводское	Всего: 75	4 года	100 рублей
4. ИНЖЕНЕРОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ					
12) Петербург	МПС	Без отделений (общий курс)	170	5 лет	100 рублей 57 стипендий 20 бесплатно
13) Москва	МПС	то же	100	5 лет	100 рублей
5. ПРОЧИЕ					
14) Петербургский институт гражданских инженеров	МВД	1. Инженерно-дорожное 2. Инженерно-санитарное (имелось архитектурное отделение)	Всего: 120—180	5 лет (max. 8)	75 рублей
15) Петербургский электротехнический институт	МВД	1. Электротехническое 2. Электрехимическое	Всего: 80	5 лет	50 рублей; 50 казенных стипендий

* Составлено по: Ди-Сеньи Н.К. Справочник о высших технических учебных заведениях на 1913 г. СПб., 1913; Воротищев Н.И. Полный сборник правил приема и программ высших, средних и низших общеобразовательных специальных и профессиональных учебных заведений России, мужских и женских, правительственных и частных. [На 1915—1916 учеб. г.]. Сост. по последним офиц. сведениям Н.И. Воротищев. Изд. 4-е. Пг., [1915].

** Общее количество студентов дается при наличии данных в источниках.
Сокращения: МВД — Министерство внутренних дел; МНП — Министерство народного просвещения; МПС — Министерство путей сообщения; МТП — Министерство торговли и промышленности.

Таблица 2

Рост числа предприятий для прохождения практики студентами ИМТУ*

Предприятия	1900	1902	1903	1905
1. Механические заводы, водопровод и канализация	21	Нет сведений	23	30
2. Частные бумагопрядильные и ткацкие фабрики	10	13	12	17
3. Химические заводы и красильные отделения текстильных фабрик	9	Нет сведений	20	35
4. Железные дороги (частные и государственные)	Практика необязательная, сведений нет			
Всего	40	Более 13	Более 55	Более 82

* Используются отчеты ИМТУ и ПТИ, содержащие указанные сведения.

Таблица 3

Количество студентов в крупнейших технических вузах*

Технические вузы	Учебный год		
	1897/1898	1907/1908	1913/1914
I. Число технических вузов	11	13	15
II. Количество студентов (чел.)	6071	15982	23329
III. % студентов в крупнейших вузах от всего количества студентов по империи			
1. Московское техническое училище	11,8	13,1	11,4
2. Петербургский технологический институт	13,9	12,3	9,8
3. Харьковский технологический институт	10,6	7,0	6,4
4. Киевский политехнический институт	5,9	12,5	8,7
5. Петербургский политехнический институт	Нет	15,4	21,3
6. Рижский политехнический институт	22,2	10,4	8,9
7. Петербургский институт инженеров путей сообщения	14,4	6,6	5,9
Всего	78,8	77,3	72,4
В прочих	21,2	22,7	27,6
	100%	100%	100%

* Источник: Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX вв. М., 1991. С. 64—65.

Таблица 4

Распределение студентов по окончанным учебным заведениям*

Средние учебные заведения	ИМТУ						ПТИ			
	1895		1900		1905		1896		1904	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1. Классическая гимназия	65	9,9	152	15,17	160	12,8	142	18,3	340	23,5
2. Реальное или техническое училище	497	75,4	659	65,77	835	66,7	538	69,3	906	62,7
3. Коммерческое училище	27	4,1	104	10,38	143	11,4	13	1,7	25	1,7
4. Кадетский корпус	20	3,0	29	2,89	22	1,75	22	2,8	51	3,5
5. Духовная семинария	12	1,8	16	1,6	33	2,6	ок. 5—6%		ок. 5—6%	
6. Прочие	7	1,1	7	0,7	22	1,75	20	2,6	39	2,7
7. Университеты и другие вузы	31	4,7	35	3,49	38	3,0	41	5,3	85	5,9
Всего	659	100	1002	100	1253	100	776	100	1446	100

* Подсчитано по: Алфавитный список студентов ИМТУ за 1895—1896 академический год. М., 1895; Отчет ... ИМТУ за 1900 г. М., 1901; То же ... за 1905 г. М., 1906; Отчет по Санкт-Петербургскому практическому технологическому институту за 1896 г. СПб., 1896; То же ... за 1904 г. М., 1905.

Таблица 5

Социальный состав студентов ИМТУ и ПТИ по статусу родителей*

Статус родителей	ИМТУ								ПТИ					
	1895		1900		1905		1910		1914		1896		1904	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1. Дворянство	105	15,9	124	12,4	107	8,5	227	8,0	190	7,1	199	25,6	234	16,2
2. Чиновничество	115	17,45	180	18,0	175	14,0	500	17,6	342	12,8	65	8,5	124	8,6
3. Купцы и почетные граждане	144	21,85	258	25,7	321	25,6	599	21,1	539	20,2	81	10,4	219	15,1
4. Духовенство	21	3,2	18	1,8	26	2,1	58	2,1	71	2,7	19	2,5	32	2,2
5. Мещанство и ремесленники	152	23,1	245	24,4	349	27,9	936	33,0	850	31,9	170	21,9	345	23,9
6. Крестьянство	48	7,3	72	7,2	141	11,3	400	14,1	456	17,1	63	8,1	139	9,6
7. Казачество	4	0,6	6	0,6	17	1,3	35	1,2	30	1,1	—	—	—	—
8. Иностранцы	27	4,1	29	2,9	29	2,3	39	1,4	42	1,6	15	1,9	30	2,1
9. Прочие, включая выпускников университетов	43	6,5	70	7,0	88	7,0	41	1,5	146	5,5	164	21,1	323	22,3
Всего	659	100	1002	100	1253	100	2835	100	2666	100	776	100	1446	100

* Использованы отчеты ИМТУ и ПТИ, содержащие указанные сведения за соответствующие годы.

Таблица 6

Конфессиональный состав студентов ИМТУ и ПТИ*

Вероисповедание	ИМТУ										ПТИ			
	1895		1900		1905		1910		1914		1896		1904	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1. а) Православие б) Старообрядчество	505 1	76,6 0,15	779 24	77,7 2,4	1005 31	80,2 2,5	а) и б) 2312 81,6		а) и б) 2192 82,2		423 3	54,5 0,4	1038 5	71,8 0,3
2. Армяно-григорианство	20	3,0	24	2,4	33	2,65	62	2,2	40	1,5	31	4,0	54	3,7
3. Католичество	61	9,3	75	7,5	63	5,0	104	3,6	75	2,8	238	30,6	185	12,8
4. Протестантизм: а) лютеранство и реформатство б) англиканство	39 1	5,9 0,15	47 Нет данных	4,7	59 3	4,75 0,2	104 8	3,6 0,3	192 5	7,2 0,2	44 Нет данных	5,7	72 Нет данных	5,0
5. Иудаизм	23	3,5	46	4,6	51	4,1	239	8,5	154	5,8	27	3,5	55	3,8
6. Караимизм, мусульманство и проч.	9	1,4	7	0,7	8	0,6	6	0,2	8	0,3	10	1,3	37	2,6
Всего	659	100	1002	100	1253	100	2835	100	2666	100	776	100	1446	100

* Использованы отчеты ИМТУ и ПТИ, содержащие указанные сведения за соответствующие годы. Как правило, православное вероисповедание соответствовало русской и украинской национальности; армяно-григорианское — армянской; римско-католическое — польской, французской, фламандской; лютеранское и реформатское — немецкой, шведской, финской; иудаистское — еврейской; магометанское — тюркским и иранским национальностям.

Таблица 7

Темы дипломных спецпроектов студентов ИМТУ в 1900—1914 гг.*

Тема	1900		1902		1903		1905		1914	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1. На звание инженера-механика:										
Технология металлов и дерева	49	50	25	23,8	32	33,7	25	17,1	61	29,5
Технология волокнистых веществ	18	18,4	19	18,1	22	23,2	29	19,9		
Гидротехнические сооружения	11	11,2	8	7,6	5	5,2	5	3,4	18	18,5
Строительная механика	20	20,4	21	20,0	9	9,5	23	15,8	27	12,8
Электротехника	—	—	18	17,2	14	14,7	20	13,7	12	5,7
Паровые и тепловые двигатели и установки	—	—	14	13,3	13	13,7	34	23,3	91	43,5
Конструкции паровозов	—	—	—	—	—	—	10	6,8		
Всего	98	100	105	100	95	100	146	100	209	100
2. На звание инженера-технолога:										
Технология красильных веществ	2	18,2	1	12,5	6	23,1	13	32,5	6	18,2
Технология питательных веществ	3	27,3	4	50,0	10	38,5	14	35,0	3	9,1
Технология органических веществ	2	18,2	1	12,5	5	19,2	3	7,5	6	18,2
Технология минеральных веществ	4	36,3	2	25,0	3	11,5	1	2,5	5	15,1
Металлургия	—	—	—	—	2	7,7	7	17,5	2	6,1
Технология писчебумажного дела	—	—	—	—	—	—	2	5,0	—	—
Технология углеводов	11	100	8	100	26	100	40	100	11	33,3
Всего	—	—	—	—	—	—	—	—	33	100

* Составлено по отчетам ИМТУ, содержащие указанные сведения за соответствующие годы.

Сферы занятости инженеров, окончивших ИМТУ и ПТИ

Сферы занятости	ИМТУ						ПТИ	
	1887		1894		1898		1894	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1. Промышленность	329	54,1	403	50,2	779	61,2	791	48,7
а. Наемные инженеры на государственных и частных предприятиях	221						554	
б. «Независимые» инженеры (ведут собственное дело)	83						108	
— заводы и фабрики (управляющие, инженеры-механики)	43						61	
— имеют технические конторы	15						14	
— торговые фирмы, в том числе, производящие технические подряды	10						15	
— управляющие аграрными имениями или недвижимостью	15						18	
в. Инженеры городского и земского хозяйства	25				149		21	
2. Железнодорожный транспорт	133	21,9	182	22,7	235	18,5	480	29,6
3. Правительственные технические чиновники (министерства, страховые компании, фабричная инспекция)	39	6,4	82	10,2	107	8,4	225	13,8
4. Педагогическая деятельность в высших и средних учебных заведениях	104	17,1	136	16,9	152	11,9	128	7,9
5. Сменили профессию	3	0,5	Нет данных		Нет данных		Нет данных	
Всего	608	100	803	100	1273	100	1624	100

* Подсчитано по: Списки лиц, окончивших курс в МТУ с обозначением рода их занятий. М., [1887]; То же. М., [1894]; То же. М., [1898]; То же. М., [1912].

Морозова А.Ю.

«Политики поневоле»: студенческое движение в России в конце XIX – начале XX в.

В конце XIX в. в Российской империи студенты с общеправовой точки зрения оказывались в весьма ущемленном состоянии: основным документом, удостоверяющим личность, для них было выдававшееся на один год т. н. «свидетельство (или “вид”) на жительство», заменявшее сословный паспорт и дававшее право проживания только в городе, где учился его обладатель. Посещение родителей в каникулярное время возможно было только с разрешения инспекции высшего учебного заведения. Помимо подчинения надзору полиции на общих со всеми подданными империи основаниях, студентам предписывалось также «повиновение своему учебному начальству» как внутри, так и вне стен учебных заведений. В 1885 г. была восстановлена отмененная в 1861 г. форменная одежда, обязательная к ношению, в том числе и вне университетских стен. Под контролем инспекции студент должен был соблюдать специальные «Правила для студентов», которыми, прежде всего, воспрещались какие бы то ни было коллективные действия — подача групповых адресов и прошений, совместные заявления, устройство студенческих читален, столовых, театральных представлений, организация кружков и обществ даже с самыми невинными целями¹.

Эти требования основывались на главном тезисе университетского Устава 1884 г., объявлявшего студентов «отдельными посетителями университета». Это положение автоматически переводило в разряд незаконных, т.е. нелегальных и преследуемых, любые совместные действия и объединения студентов, в том числе и те, существование которых предопределялось условиями российской действительности. К таковым, в частности, относились т. н. землячества — объединения студентов-земляков из одной губернии, одного региона, города (в т. ч. уездного) или одной национальности. Наиболее широкое распространение в высших учебных заведениях России они получили в 70—90-е годы XIX в. Помимо своей первоначальной задачи — оказывать материальную и моральную поддержку студентам, оказавшимся вдалеке от родины в чужом неприветливом городе, они выполняли и общественно-просветительские функции. По мнению членов землячеств, их целью «была и взаимопомощь, и подготовка борцов за общечеловеческие идеалы, и выработка общественных деятелей»².

Действуя неофициально, а порой и нелегально, землячества объединялись под руководством Союзных советов объединенных землячеств, существовав-

¹ Подробнее см.: *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX — начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 243—249.

² *Нестроев Г.* Из дневника максималиста. Париж, 1910. С. 14.

ших в Московском, Петербургском, Киевском и Харьковском университетах³. В Московском университете в начале 90-х годов Союзный совет пользовался авторитетом, и его влияние росло, о чем свидетельствовало увеличение числа землячеств, посылавших в него своих представителей. «Вначале это был “Союзный совет 16-ти объединенных землячеств”, — вспоминал В.М. Чернов, поступивший в Московский университет в 1892 г., — к концу года вместо “16” пришлось писать “27”, к концу следующего года “42”; все существующие землячества, даже самые малочисленные, были охвачены. “Совет” сделался силою: он делал хорошую и дурную погоду в студенческой среде. По влиянию на студенчество у него не было конкурентов. Он мог смело выступать как представитель всего организованного студенчества»⁴.

Считая чисто земляческое общение слишком узким, Союзный совет стал организовывать межземляческие собрания по «наиболее животрепещущим темам». По воспоминаниям В.М. Чернова, они «давали возможность сходиться по взаимным тяготениям и симпатиям, предоставляя широкий выбор людского материала для всевозможных соединений. Не было ни одной земляческой вечеринки, на которой бы где-нибудь в особой комнате не собралось бы группы “избранных” поговорить и поспорить. То были лаборатории для подготовки будущих ораторов. Выделились завзятые дебаты, непрременные члены всех таких импровизированных политических сходов. Авторитет Союзного совета больше никем не оспаривался. Он был организационным средоточием всей этой молодой бурлящей жизни. Всюду чувствовалась его рука. Арена одного города, одного университета была для него уже слишком узкой. И он поставил себе новую задачу: вовлечь в организацию другие университеты, другие города. Начинаются посылки делегатов в Питер, в Казань, в Одессу, в Киев и Харьков»⁵.

В то же время, по свидетельству того же Чернова, «политика “Совета” в академических вопросах была весьма умеренной. В его среде царил общий консенсус по основному вопросу: столько раз обескровливавшие студенчество, лишавшие его деятельнейших элементов чисто-академические “беспорядки”, считались вещью, не стоящей затраты наших сил. Воздерживаться от тех традиционных “студенческих волнений”, которые по духу своему не выходят из четырех стен университета и зарождаются во имя требований, никого, кроме студентов, не интересующих, копить силы, поддерживать в студенчестве дух общего протеста; постоянно связывать положение дел в университете с общим положением России, твердить и твердить студенческой массе, что без общеполитического кризиса в России немислимо изменение к лучшему академических порядков, выжидать благоприятного момента, когда можно будет выступить разом всем университетам, с шансами превратить это общеуниверситетское движение в общегражданское, широко-общественное и даже народное — таков был наш лозунг»⁶.

³ Подробнее см.: *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: Опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 44–72.

⁴ *Чернов В.М.* Записки социалиста-революционера. Кн. 1. Берлин; Пг.; М., 1922. С. 110.

⁵ Там же. С. 119–120.

⁶ Там же. С. 110. Необходимо, впрочем, отметить, что не все студенты придерживались такой точки зрения — в их среде были и течение «академистов», считавших, что главное дело сту-

Но воздерживаться от «беспорядков» было довольно сложно. С одной стороны, потому что в студенчестве преобладало «боевое» настроение, молодые горячие головы готовы были протестовать по любому поводу. С другой, университетское начальство и инспекция, исповедуя принцип «не пущать», своими действиями только усугубляли положение, что приводило к эскалации конфликтов, а не к их мирным исходам. Яркий пример такого рода приводит в своих воспоминаниях Чернов: «в конце первого же года моего пребывания в Москве перед сдачей зачетов, началось среди студентов, уже не знаю, из-за какого-то пустяка, легкое брожение; бестактность университетского начальства быстро привела к ряду “инцидентов”; за инцидентами быстро забылся первичный пустяковый повод конфликта; движение уже мотивировалось оскорбленным достоинством студенчества; молодое самолюбие вскипало; зывали к товарищеской солидарности; уступки и компромиссы отвергались, ибо “честью не торгуют”. Горячие головы принялись ревностно пропагандировать “общий протест”. Лекции уже начали пустовать; то там, то здесь происходили импровизированные сходки. Но в дело вмешался Совет; всюду были разосланы его представители, призывавшие отказаться от сходок и предоставить ликвидацию конфликта такту земляческого “Союза”. Горячие головы роптали. На Совет сыпались нарекания. Но он стойко выдержал свою позицию и добился удовлетворения затронутых групп студенчества мирным путем. Как сейчас помню, лично мне пришлось говорить в вестибюле одного из других факультетов против забастовки среди кучки возбужденных студентов, собравших небольшую сходку и взвинчивавших настроение.

Как вдруг на меня налетает какой-то университетский “чин” и возбужденно требует, чтобы я предъявил свой билет, и так как я, очевидно, с другого факультета — то немедленно удалился бы. Удалиться я отказался; обрадованные оборотом событий, сторонники забастовки вмешались в наше столкновение, стараясь довести усердного не по разуму блюстителя академического порядка до белого каления. Наконец, я не выдержал и, отстраняя всех, закричал: — Да уходите же вы, если у вас осталась хоть капля разума в голове! Или вы не видите: когда вы подошли, здесь было двадцать человек, споривших, нужна или не нужна студенческая забастовка; с вашим приходом их стало полсотни; теперь набирается за сто; еще десять минут такой же успешной деятельности по водворению порядка — и беспорядки готовы! Или, может быть, в этом и заключается ваше искреннее желание? Что вы — хотите спровоцировать беспорядки, или просто у вас нет даже крупницы здравого смысла в голове?

— Как вы смеете... начал было тот, — но оглянулся и растерялся. Почти пустой дотоле вестибюль быстро наполнялся; по лестницам со всех сторон сбегались студенты; все аудитории уже успел облететь слух, что “начинается” ...; толпа гудела, словно встревоженный рой. Словно внезапное “просияние ума” озарило вдруг моего казенного “оппонента”, и он, не dokonчив фразы, быстро юркнул в толпу.

дентов — учеба, а не общественная деятельность, хотя бы и в таком минимальном проявлении, как взаимопомощь; и «легализаторы», которые надеялись, что когда-нибудь произойдет легализация землячества, а для этого их надо очистить от всех тех функций, которые могут вызывать недовольство начальства, и свести их деятельность только к взаимопомощи.

— Коллеги, инцидент исчерпан: вы видели отступление в беспорядке! поспешил провозгласить я, и, перебрасываясь шуточками, толпа быстро рассеялась...

— Недурно для начала! — ядовито буркнул мне один из сторонников забастовки. — Скоро и полицию не нужно будет держать против студентов: ее обязанности возьмут на себя члены Союзного совета! Поздравляю вас: вы далеко пойдете!»⁷

Однако далеко не все конфликты удавалось так легко разрешить, и студенческие волнения большего или меньшего масштаба происходили практически каждый год. К концу XIX в. университетский вопрос стал одним из животрепещущих и горячо обсуждаемых в печати. Главная проблема заключалась в том, что было понятно практически всем здравомыслящим людям, — политика правительства по отношению к студенчеству, лейтмотивом которой было запрещение всего и вся, не дает и не может дать положительных результатов и приводит только к обострению ситуации. Понимание того, что запрещение таких естественно возникающих способов самоорганизации студентов, как землячества, кассы взаимопомощи и т.п., может привести только к радикализации студенческого движения, начало проникать даже в правящие круги⁸. Впрочем, комиссия под руководством бывшего военного министра П.С. Ванновского, зафиксировавшая в своем докладе, что необходима, в частности, отмена правила, объявляющего студентов «отдельными посетителями университета»; а введение «начала корпоративного устройства студентов, легализация курсовых сходок, студенческих касс и библиотек отнимет у них всю прелесть тайности обществ, послужит средством сближения учащихся с их начальством и даст последнему возможность благотельно и умиротворяюще действовать на увлекающуюся молодежь», была созвана лишь после всеобщей студенческой забастовки 1899 г., в которой приняло участие 25 тыс. человек. А «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях», согласно которым разрешались студенческие кружки, столовые, библиотеки, кассы взаимопомощи, избрание курсовых старост и организация курсовых и факультетских собраний (разумеется при участии и под контролем администрации), были опубликованы 22 декабря 1901 г. — после отдачи в январе и феврале 1901 г. студентов Киевского и Санкт-Петербургского университетов в солдаты согласно «Временным правилам об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих за учинение скопом беспорядков», студенческой забастовки в январе—апреле 1901 г., в которой участвовало ок. 30 тыс. чел., выстрела П.В. Карповича в министра народного просвещения Н.П. Боголепова 14 февраля 1901 г. и возвращения студентов-солдат в университеты в июне 1901 г.

По-разному относясь к общественной стороне деятельности землячеств, современники, принадлежавшие к разным политическим лагерям, тем не менее, признавали закономерность их возникновения и существования. Так, С.Н. Тру-

⁷ Там же. С. 110—112. Справедливо ради следует отметить, что В.М. Чернов, действительно, «далеко пошел», став одним из лидеров эсеровской партии, занимал в ней центристские позиции и играл роль примирителя.

⁸ Подробнее см.: *Иванов А.Е.* Университетская политика царского правительства накануне революции 1905—1907 гг. // *Отечественная история.* 1995. № 6.

бецкой отмечал, что «землячества представляются одною из самых естественных форм товарищества. Студент, приехавший издали в университетский город, естественно идет к своим землякам... Образуются товарищеские собрания, товарищеские касса и библиотека. Взаимопомощь есть по существу один из самых нравственных видов помощи по отношению к бедствующему студенчеству»⁹. «Казалось бы, все это совершенно невинно и нормально, — продолжает Трубецкой. — Но не забудем, что все это должно делаться тайком. Естественная товарищеская среда обращается в какое-то тайное противозаконное общество, которое прячет свои деньги, прячет свои книги, свои отчеты, скрывает свои собрания, а иногда вынуждено прибегать к хитростям и уловкам, чтобы добывать средства к существованию. Образуется спертая и нездоровая атмосфера постоянного обмана, подозрения и агитации»¹⁰.

В Письме общественных деятелей министру внутренних дел в 1901 г., распространявшемся Союзным советом объединенных землячеств и организаций Дерптского университета, отмечалось, что причина студенческих волнений «заключается в ненормальности общих условий жизни, созданных для русской учащейся молодежи... Каждая попытка учащихся обратить внимание правительства на недостатки существующего порядка уч[ебных] заведений, в какие бы мирные формы она не была бы облечена, рассматривается как преступление и влечет за собою кары... наряду с этим массовые насилия полиции над молодежью не вызывают ни суда, ни наказания... Общество лишено возможности высказать свое мнение в вопросах, касающихся быта высших учебных заведений... Предоставленная исключительно самой себе, не видя ниоткуда помощи и защиты, она облекает свой протест за неимением легальных форм в нелегальные»¹¹.

Созданная в Московском университете в 1901 г. комиссия, которая должна была выяснить причины студенческих волнений, в своем докладе отмечала: «Приходится прежде всего установить, что причиной студенческих волнений были вытекавшие из потребности общения студенческие ассоциации и самые меры, направленные к их преследованию»¹².

Сами студенты также отдавали себе отчет в том, что в условиях, «когда организация студенчества была интегральной, охватывая все интересы студенчества, материальные и идейно-политические, такая организация должна быть нелегальной, пока существует самодержавный режим, при котором “вне закона” все живое...»¹³.

Даже самая невинная совместная деятельность студентов выглядела в глазах начальства крамольной, ибо противоречила существующим уставам, пра-

⁹ Трубецкой С.Н. Университет и студенчество // Собрание сочинений кн. С.Н. Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 266. (Впервые опубликовано в «Русской мысли» в 1897 г.).

¹⁰ Там же. С. 267.

¹¹ Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России (ЦСПИ ГПИБ). Отдел специальных коллекций. Коллекция студенческих листовок. ЦЛ 22. Кор. 1.

¹² Материалы по истории студенческого движения в России. Вып. II. Доклад комиссии Московского университета 1901 г. о причинах студенческих волнений. Лондон; СПб., 1906. С. 41.

¹³ Чернов В.М. Записки социалиста-революционера... С. 114.

вилам и положениям. Более того, в условиях самодержавного строя любой протест, хотя бы и против низшего университетского начальства или непопорядочного поведения профессора, по мнению студентов, не соответствующего высокому званию наставника юношества, становился протестом против власти в целом. Так это трактовалось властями, так это воспринималось самими студентами, так это расценивалось общественным мнением.

В листовке Киевского Союзного совета «Корпоративная честь» отмечалось, что «в бесправной стране борьба за корпоративные требования, являясь отражением нужд развивающейся корпорации, может иметь политическое значение; в стране же политически свободной преследование исключительно корпоративных целей является фактом реакционным»¹⁴, что «борьба студенчества за его права уже неразрывно связана с борьбой всего общества против современного гнета»¹⁵, что «ничего особенного не надо из себя представлять, чтобы попасть в России в разряд политических преступников. Все мы — политические преступники, потому что нам не нравится наш устав и академические порядки, не по вкусу пришлось казацкие нагайка и “временные правила”, потому что всем нам дорога свобода и неприкосновенность личности»¹⁶.

Как видно, часть студентов прямо трактовала студенческое движение как политическое. На наш взгляд, таким оно, в сущности, и было по своему объективному значению для российского общества того времени. Хотя некоторые современники таковым его не считали. Так, например, В. Чертков, анализируя студенческое движение 1899 г.¹⁷, полагал, что «политическим, в строгом смысле, студенческое движение можно было бы назвать в том случае, если бы оно было вызвано и направлялось той или другой партией, имеющей в виду определенную политическую программу. Уже самые размеры движения — охватившего всю молодежь и взволновавшего все русское общество — показывают, что здесь речь идет не о том или другом строе политических взглядов, а о некоторых аксиомах, решение которых одинаково доступно людям самых проти-

¹⁴ ЦСПИ ГПИБ. Отдел специальных коллекций. Коллекция студенческих листовок. ЦЛ 22. Кор. 3.

¹⁵ Там же. Кор. 4 (листовка Киевского Союзного совета 1 сентября 1901 г.).

¹⁶ Там же (листовка Комитета помощи пострадавшим студентам-политехникам. Киев, 10 сентября 1901 г.).

¹⁷ Началось движение с избиения студентов Санкт-Петербургского университета полицией 8 февраля 1899 г. День основания университета традиционно отмечался торжественным актом и студенческими гулянками по всему городу. В 1899 г. накануне 8 февраля в университете появилось объявление ректора В.И. Сергеевича, предупреждавшее студентов об ответственности за недозволенные выходки в торжественный день, которое было ими расценено как покушение на их свободу и угроза полицейскими преследованиями. Объявление было сорвано, а во время речи ректора на торжественном заседании была устроена заранее спланированная обструкция. После акта студенты начали спокойно, по одиночке и небольшими группами, расходиться из здания университета, но путь к ближайшему мосту через Неву им был прегражден полицейским кордоном, в результате чего образовалась давка, неразбериха, начали раздаваться протестующие выкрики, полиция применила против студентов нагайки, что нашло отражение в сложной по горячим следам событий и ставшей весьма популярной студенческой песне «Нагаечка». Часть студентов была арестована, было назначено расследование инцидента, но, как и ожидалось, никто из полицейских чинов не понес наказания, и студенческий протест вспыхнул с новой силой, захватывая другие учебные заведения Петербурга и перекинувшись в другие города России.

воположных политических убеждений»¹⁸. Однако и он в итоге вынужден был признать, что «настоящее движение не было, несомненно, вызвано никакими политическими партиями, но также несомненно, что оно возбуждено политическими причинами. Молодежь с болезненной чуткостью откликнулась на общее явление, которое называется административно-полицейским произволом и составляет язву нашего гражданского и политического строя...»¹⁹.

Чертков очень четко формулирует то главное, что придавало студенческим выступлениям политический характер: «Отрицая политический характер своего движения, студенчество ставит требования, направленные против некоторых “прерогатив” полиции. Последняя, можно даже думать, совершенно искренно считает эти прерогативы, т.е. полную фактическую бессудность свою, основным началом самодержавного строя». В том же духе рассуждает и ректор Сергеевич: вы сместили меня, а за мной стоит.. «Смысл этой аргументации ясен: протестуя против господина ректора, студенты идут против самого царя, и значит движение направлено против существующего строя»²⁰.

В своей статье «По поводу студенческого движения» Чертков формулирует то главное, что делает, казалось бы, корпоративное молодежное движение политическим: «При господствующем в России печальном общественном настроении нельзя ожидать никакого улучшения доселе удержавшегося дикого государственного строя, помимо двух необходимых условий: нужно, во-первых, чтобы люди, живущие под гнетом этого строя, перестали относиться равнодушно к своему положению — стали способны сознавать свое унижение, возмущаться и негодовать; и во-вторых, чтобы возмущались они не в одиночку и не исподтишка, а сообща и открыто. Если бы только осуществились эти два условия, то очень скоро воспоследовали бы и соответствующие изменения во всем внешнем строе общественной и государственной жизни.

И вот в сфере своих частных интересов русское студенчество и их товарищи других учебных заведений и показали всему обществу, что они обладают этими двумя основными условиями всякого общественного прогресса: у них оказалось достаточно чуткости, чтобы от глубины души возмутиться тому, что действительно возмутительно, и достаточно взаимной солидарности, чтобы сплотиться в неслыханном по единодушию, бесстрашию и грандиозным размерам протесте против того безобразного зла, с которым им пришлось лицом к лицу столкнуться при первых шагах своего вступления в сознательную жизнь»²¹.

Как уже отмечалось, сходки, как и другие коллективные действия, были запрещены, а потому за участие в этих «студенческих волнениях», или «беспорядках», арестовывали, отчисляли из университета, высылали на родину или в неуниверситетский город под гласный/негласный надзор полиции, да еще иногда и с волчьим билетом (эти формы репрессий могли применяться по отдельности или в разных комбинациях). Недоучившиеся студенты, лишённые возможности строить нормальную карьеру и к тому же озлобленные на пра-

¹⁸ Чертков В. Российское студенчество в освободительном движении. М., 1907. С. 18.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Там же. С. 19.

²¹ Там же. С. 53—54.

вительство, оказавшиеся на «жителейских бездорожьях», закономерно пополняли ряды оппозиционных и революционных организаций.

Если обратиться к биографиям участников оппозиционного царизму и революционного движения в России, чьи студенческие годы пришлись на последнее десятилетие XIX в. или начало XX в., мы увидим, что первое столкновение с режимом в лице полиции, первый арест или задержание и привод в полицейский участок для многих из них были связаны с участием в студенческой сходке или демонстрации. Выше уже цитировались воспоминания об участии в студенческом движении одного из лидеров партии социалистов-революционеров В.М. Чернова и видного максималиста Г.А. Нестроева. Видный большевик, философ и экономист А.А. Богданов впервые был арестован и выслан из Москвы по студенческому делу, во время учебы в Санкт-Петербургском университете пережил свой первый арест будущий террорист и писатель Б.В. Савинков...

Сплошной просмотр биографий участников революционного движения в России, собранных в 41 томе Словаря братьев Гранат²², показал, что участие в студенческом движении, вызванный этим арест или высылка из университетского города стали первым шагом в революцию для очень многих. Перечислим их с кратким указанием на место учебы и характер участия в движении (поскольку в это издание включены в основном автобиографии и авторизованные биографии, мы позволили себе прибегнуть к достаточно обширному цитированию). В данный список включены те, кто принял участие в студенческом движении еще до своего политического самоопределения, и чей первый арест или высылка стали последствием участия именно в студенческом движении.

Энциклопедия «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века»²³ позволяет проследить роль участия в студенческом движении в биографиях деятелей не только большевистского направления, но и других политических партий и организаций. Из этого издания мы приводим здесь сведения только о тех деятелях, биографии которых не вошли в вышеупомянутый Словарь или сведения об участии которых в студенческом движении не нашли отражения в этом Словаре.

Авксентьев Николай Дмитриевич стал студентом Московского университета в 1897 г., был председателем Союзного совета объединенных землячеств, одним из организаторов и руководителей студенческих антиправительственных выступлений в 1899 г. «В том же году исключен из университета “без права обратного поступления” и выслан в Пензу» (Политические партии России. С. 15).

Аджемов Михаил Сергеевич поступил в Московский университет в 1897 г., во время студенческих волнений 1899 г. высылался на родину, но университет все же закончил в 1903 г. (Политические партии России. С. 19).

²² См. переиздание: Деятели Союза советских социалистических республик и Октябрьской революции (автобиографии и биографии) // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. Репринтное изд. М., 1989. (Далее — Деятели СССР и Октябрьской революции).

²³ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. (Далее — Политические партии России).

Алексинский Григорий Алексеевич «был исключен из Московского университета за участие в студенческих волнениях 1899 г. и выслан из Москвы, но затем принят обратно. В 1901—1902 гг. вместе с И.Г. Церетели и др. был одним из руководителей движения московского студенчества. В феврале 1902 г. за 3 месяца до окончания курса арестован и подвергнут тюремному заключению на полгода, в июле освобожден с запрещением жительства в Москве» (Политические партии России. С. 29).

Аргунов Андрей Александрович, будучи студентом Московского университета, принимал участие в нелегальных студенческих кружках. За участие в студенческих беспорядках в 1890 г. высылался из Москвы (Политические партии России. С. 45).

Ауссем Отто Христианович в 1893 г. поступил в Московский университет, «откуда вскоре был исключен и выслан на родину за студенческие беспорядки, связанные с похоронами Александра III. Через год принят в киевский университет, но вскоре исключен и выслан под надзор в Белую Церковь после студенческой сходки, на которой председательствовал» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 790).

Базаров (наст. фам. Руднев) Владимир Александрович учился в Московском университете, «в 1895 г. привлечен к дознанию по делу Совета объединенных землячеств, в ноябре арестован и выслан на 1 год под надзор полиции в Тулу» (Политические партии России. С. 52).

Бах Алексей Николаевич, будучи студентом Киевского университета, «весной 1878 г. участвовал в студенческих беспорядках, арестован, в административном порядке выслан в Белозерск Новгородской губернии» (Политические партии России. С. 57).

Бердяев Николай Александрович учился в Киевском университете, «в 1897 г. за участие в студенческой демонстрации на несколько дней арестован» (Политические партии России. С. 65).

Богданов Петр Алексеевич в 1899 г. «поступил в Московское высшее техническое училище, с 1900 г. стал принимать ближайшее участие в студенческих общественных организациях (студенческая касса, нелегальная библиотека и т.д.); в феврале 1901—02 г. был арестован, приговорен сначала к ссылке в Якутскую область, что затем было заменено шестимесячным тюремным заключением, которое ... и отбывал в Вышневолоцкой тюрьме. По отбытии наказания снова поступил в Техническое училище, продолжая активную общественную работу, причем сошелся с социал-демократическими студенческими кружками» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 363).

Бонч-Осмоловский Анатолий Осипович учился в Петербургском университете, был одним из руководителей «студенческих беспорядков» 1878 г., в 1879 г. «арестован за участие в студенческих беспорядках, исключен из университета и выслан на родину» (Политические партии России. С. 83).

Брюханов Николай Павлович в 1898 г. «поступил на филологический факультет Московского университета. Примкнув к студенческим кружкам, весной 1899 г. за активное участие в студенческих беспорядках ... был административно выслан из Москвы на 2 года с запрещением проживания в университетских городах. В конце 1899 г. громадное большинство участников

студенческих беспорядков было амнистировано, и с начала 1900 г. ... вновь поступил в Московский университет. После новых студенческих беспорядков 1901 г., покинув московский университет, попал в Казань. Продолженная в Казани работа в марксистских студенческих кружках вначале вне прямой связи с партийной с.-д. организацией привела и не могла не привести, в конце концов, к установлению этой связи сначала через участие в сборах денег среди интеллигенции на политический Красный Крест, далее через технические услуги с.-д. организации к установлению и держанию связи с отдельными заводами и мастерскими через отдельных рабочих и, наконец, ранней весной 1903 г. ... к вступлению путем кооптации в состав казанского комитета РСДРП» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 369).

Варыньский Людвик Тадеуш в 1874—1875 гг. учился в Технологическом институте в Петербурге, «за участие в студенческих волнениях исключен из института и выслан под надзор полиции по месту жительства родителей» (Политические партии России. С. 105).

Веденяпин-Штегеман Михаил Александрович учился в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства, «в марте 1901 г. арестован за организацию студенческих волнений» (Политические партии России. С. 107).

Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич «принял революционное крещение в одной из многочисленных студенческих демонстраций, имевших место в Томске» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 385).

Винниченко Владимир Кириллович учился в Киевском университете, «весной 1902 г. за участие в студенческих волнениях был арестован и исключен из университета с лишением права поступления в высшие учебные заведения» (Политические партии России. С. 113).

Винокуров Александр Николаевич «поступил в Московский университет на медицинский факультет. С 1899 г. ... стал завязывать знакомства с радикальными студенческим кружками. ... 1889—1890 гг. были годами брожения всего студенчества, в том числе и московского. Весной 1890 г. вспыхнули студенческие “беспорядки”, в которых ... принял участие и вместе с другими демонстрантами попал сначала в “Бутырки”, затем, в числе других “избранных”, был выслан в Екатеринослав. Эти неудачно закончившиеся студенческие волнения явились переломным моментом в дальнейшей моей деятельности, так как опыт этих волнений показал, что для политической борьбы нужно выбирать другие пути» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 385—386).

Вноровский Борис Устинович был исключен со 2-го курса Московского университета «за участие в студенческих сходках» (Политические партии России. С. 118).

Волк-Карачевский Василий Васильевич, «будучи студентом Киевского университета, участвовал в марте 1897 г. в студенческих беспорядках по поводу самоубийства в Петербургской тюрьме курсистки Ветровой, был обыскан и задержан, однако через неделю был освобожден без привлечения к формальному дознанию» (Политические партии России. С. 122).

Волховский Феликс Вадимович с 1863 г. учился в Московском университете, «участник студенческого движения, в 1866 г. арестован как один из

руководителей малороссийского студенческого землячества» (Политические партии России. С. 124).

Вольский Владимир Казимирович учился в Московском университете, «за принадлежность к студенческой организации Союзный совет и связь с с.-д. «Рабочим союзом» арестован в ноябре 1897 г., в июне 1899 г. выслан под гласный надзор полиции на 1 год в Тамбов» (Политические партии России. С. 125).

Гедеоновский Александр Васильевич «в 1880 г. поступил в Демидовский лицей в Ярославле, где являлся инициатором создания студенческой читальни и нелегального кружка, ставившего своей целью организацию кассы взаимопомощи и чтение рефератов, главным образом по политэкономии. За участие в студенческих беспорядках осенью 1882 г. выслан в Рыбинск. В 1883 г. восстановился в лицее, организовал новый революционный кружок» (Политические партии России. С. 145).

Гендельман Михаил Яковлевич был исключен из Киевского университета за участие в студенческом движении и направлен для отбывания воинской повинности, в июне 1901 г. освобожден от продолжения службы, в сентябре вновь зачислен в Киевский университет, находился под негласным надзором полиции (Политические партии России. С. 147).

Гринько Григорий Федорович в 1909—1913 гг. учился в Московском и Харьковском университетах, из которых исключался за участие в студенческом движении (Политические партии России. С. 165).

Елизаров Марк Тимофеевич в 1892 г. поступил на математический факультет Петербургского университета, «вошел в самарское землячество, составлявшее часть Поволжского, и был его активным членом. Участвовал в кружке по изучению истории крестьянства, организованном этим землячеством». Впоследствии поступил в Московское инженерное училище, с третьего курса которого исключен и арестован в связи со студенческими волнениями 1901 г. и крахом социал-демократического комитета, которому он оказывал услуги (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 414).

Ерманский Осип Аркадьевич в начале 1888 г. был исключен из Новороссийского университета без права поступления за участие в студенческом движении (Политические партии России. С. 202).

Затонский Владимир Петрович в 1906 г. поступил в Киевский университет, где «состоял членом студенческой с.-д. организации и принимал участие во всех студенческих движениях того времени, за что два раза увольнялся из университета, один раз высылался на год из Киева и несколько раз сидел под арестом» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 792).

Иванов-Разумник Разумник Васильевич был арестован в марте 1901 г. за участие в студенческой демонстрации у Казанского собора, временно исключен из университета и выслан из Петербурга, вскоре восстановлен в университете, избран старостой курса, входил в состав общеуниверситетского «совета старост»; в феврале 1902 г. вновь арестован и исключен из университета «с правом обратного поступления не ранее января 1908 г.» и выслан в административном порядке в Симферополь (Политические партии России. С. 220).

Иорданский Николай Иванович в 1895 г. поступил в Петербургский университет, откуда был исключен «весной 1899 г. за руководство студенче-

скою политической забастовкою» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 422).

Каменев Лев Борисович поступил в Московский университет в 1901 г., участвовал в студенческом движении, входил в Союзный совет землячеств, в марте 1902 г. арестован во время студенческой демонстрации, исключен из университета и выслан под надзор полиции в Тифлис (Политические партии России. С. 237); поступив на юридический факультет Московского университета, «немедленно связывается с радикальными элементами студенчества, через несколько месяцев выбирается представителем своего курса в союзный совет землячеств, отстаивает политическую линию в студенческом движении, принимает участие в знаменитой сходке 8 февраля 1902 г., когда университет был осажден полицией. После арестов тогдашних руководителей московского студенческого движения (Церетели, Алексинский, Будилович и др.) К. вместе с группой товарищей организует второй Совет землячеств, который продолжает движение. По поручению Совета ездит в Петербург для установки связи в руководителями петербургского студенчества, пишет ряд прокламаций к студенчеству с яркой, политической окраской, с призывом объединить студенческие усилия с рабочим движением, и организует вместе с другими контр-демонстрацию рабочих и студентов на Тверском бульваре 13 марта, когда зубатовская организация звала рабочих к памятнику Александру II. Демонстрация была окружена полицией, К. арестован и посажен сперва в Бутырки, а затем в Таганку. После нескольких месяцев отсидки К. высылается на родину в Тифлис под надзор полиции без права обратного поступления в университет» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 426—427).

Карпович Петр Владимирович в 1896 г. исключен из Московского университета за участие в манифестации по случаю полугодовщины Ходынской катастрофы и выслан на родину, с 1898 г. студент Юрьевского университета, через год исключен за участие в студенческих волнениях и в «Союзном совете объединенных землячеств и организаций» (Политические партии России. С. 244).

Книжник-Ветров Иван Сергеевич в 1901 г. арестован по делу о тайных студенческих организациях в Киевском университете (Политические партии России. С. 254).

Колосов Евгений Евгеньевич, будучи вольнослушателем Петербургского университета, в марте 1897 г. был задержан полицией во время студенческой демонстрации по поводу самоубийства в Петропавловской крепости курсистки М.Ф. Ветровой, затем вновь арестован, освобожден под негласный надзор полиции (Политические партии России. С. 260).

Красиков Петр Ананьевич поступил в Петербургский университет в 1891 г., «университетская и общественная жизнь в Петербурге сразу настолько захватила К., что он перешел с математического факультета, куда он первоначально поступил, на юридический. Через сибирское землячество он входит в общестуденческую организацию, каким тогда было “Общество вспомоществования студентам”, и здесь сталкивается с наиболее прогрессивными представителями студенчества» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 456).

Красин Леонид Борисович в 1887 г. поступил в петербургский Технологический институт. «Боевое политическое крещение К. относится к 1890 г.,

когда за участие в студенческих беспорядка он подвергается кратковременной высылке из Петербурга. По возвращении К. вступает в октябре 1890 г. в пропагандистский кружок, который был одной из первых социал-демократических организаций России и который вел работу среди рабочих тогдашнего Петербурга. ...выслан из столицы в 1891 г. в связи с демонстрацией студенчества при похоронах писателя Шелгунова. Тогда же он был исключен из Технологического института, на этот раз уже без права поступления» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 460).

Крохмаль Виктор Николаевич в 1891 г. поступил в Киевский университет, участвовал в деятельности студенческих организаций, в феврале 1896 г. был арестован и привлечен к дознанию по делу «Союзного совета киевских студенческих организаций и землячеств», после 4-месячного тюремного заключения выслан под надзор полиции в Могилевскую губернию (Политические партии России. С. 284).

Курский Дмитрий Иванович учился на юридическом факультете Московского университета. «С первого же года принял участие в украинском землячестве, а затем в более широком студенческом движении, став впоследствии членом студенческого союзного совета ... В 1895 г. был первый раз арестован в связи с большой студенческой сходкой и просидел около месяца в Бутырской тюрьме вместе с 700 других студентов, чем значительно пополнил свое революционное образование» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 472).

Ларин Юрий с осени 1900 г. член, затем руководитель одесской студенческой организации (Политические партии России. С. 301).

Лев Черный (Турчанинов Павел Дмитриевич), будучи студентом Московского университета, в 1901 г. был одним из организаторов студенческих демонстраций против введения «Временных правил» об отдаче студентов в солдаты, решением Совета университета отчислен из него за «прикосновение к политическим делам и участие в беспорядках», сослан на 3 года в Рославль под гласный надзор полиции (Политические партии России. С. 682).

Ленин Владимир Ильич был исключен из Казанского университета в 1887 г. за участие в студенческой сходке и выслан под негласный надзор полиции в Кокушкино (Политические партии России. С. 309).

Лепешинский Пантелеймон Николаевич в 1886 г. поступил в Петербургский университет. «В университете примкнул к радикально настроенной молодежи, входил в конспиративный кружок (народовольческого типа), принимал активное участие в студенческих движениях (в 1887 и в 1890 г.). За участие в студенческой истории в 1890 г. был даже исключен из университета без права поступления в какие-либо учебные заведения» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 509).

Маклаков Василий Алексеевич поступил в Московский университет в 1887 г., активно участвовал в кружках саморазвития, один из создателей московского землячества, в 1890 г. во время студенческих беспорядков в связи с закрытием Петровской академии арестован, провел 5 суток в Бутырской тюрьме, осенью исключен из университета, затем вторично исключен без права поступления, возвращен благодаря хлопотам отца и поручительству попечителя учебного округа Капниста (Политические партии России. С. 335—336).

Мандельштам Михаил Львович во время учебы в Петербургском университете входил в нелегальный студенческий «Союз землячеств», участвовал в собраниях и демонстрациях, в т.ч. в панихиде по Н.А. Добролюбову (1866) (Политические партии России. С. 340).

Мартынов Александр Самойлович в 1886 г. был исключен из Петербургского университета и выслан на родину за участие в демонстрации, посвященной 25-летию смерти Н.А. Добролюбова (Политические партии России. С. 345).

Милюков Павел Николаевич учился в Московском университете с 1877 г., принимал участие в студенческом движении, принадлежал к его умеренному крылу, в 1881 г. был арестован и исключен из университета (с правом поступления на следующий год) за участие в студенческой сходке (Политические партии России. С. 363).

Мицкевич Сергей Иванович поступил в Московский университет в 1888 г. В своей автобиографии он отмечал, что «с осени 1889 г. в московской жизни стал заметен некоторый перелом в настроении... усилилось политическо-протестантское настроение среди студенчества, которое к весне вылилось в форму студенческих “беспорядков”. В марте 1890 г. собралась сходка на университетском дворе, выражался протест против университетского устава, были речи и на политические темы. Нас оцепили конные жандармы и погна-ли сначала в Манеж, а потом в Бутырскую тюрьму. Арестованных оказалось человек 500 с лишком. Дней через 10 нас рассортировали и выпустили: кого оставили в Москве, кого выслали на родину, кого в другие города. Я поехал в Нижний. В Нижнем тогда собралась масса высланных студентов не только из Москвы, но и из других городов. ... Высланная в Нижний публика устраивала часто вечеринки, на которых велись дебаты на общественные и политические темы» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 547—548).

Мстиславский Сергей Дмитриевич в 1899 г. был исключен из Петербургского университета за участие в студенческих беспорядках (Политические партии России. С. 373).

Набоков Владимир Дмитриевич во время обучения в Петербургском университете арестовывался за участие в студенческих волнениях (Политические партии России. С. 380).

Натансон Марк Андреевич впервые был арестован за участие в студенческих волнениях в марте 1869 г. во время учебы в Петербургской Медико-хирургической академии (Политические партии России. С. 383).

Нестроев Григорий Абрамович был исключен из Харьковского технологического университета в 1899 г. за участие в студенческих беспорядках (Политические партии России. С. 394).

Носарь Георгий Степанович в 1899 г. во время учебы в Петербургском университете за участие в студенческом движении был арестован и выслан на 3 года под гласный надзор полиции без права проживания в университетских городах и фабричных центрах (Политические партии России. С. 405).

Поссе Владимир Александрович, учась в Петербургском университете, был одним из зачинщиков студенческой демонстрации 17 ноября 1886 г. у Волкова кладбища в память Н.А. Добролюбова (Политические партии России. С. 476).

Пятаков Георгий Леонидович в 1910 г. за участие в студенческих беспорядках был арестован, исключен из Петербургского университета и выслан на родину (Политические партии России. С. 494).

Рейн Рафаил Абрамович был исключен из Рижского политехнического института в 1901 г. за участие в студенческом движении (Политические партии России. С. 507).

Розанов Владимир Николаевич в 1897 г. привлекался к дознанию по делу Московского студенческого союзного совета объединенных землячеств (Политические партии России. С. 514).

Руднев Вадим Викторович в 1899 г. был исключен из Московского университета за участие в студенческих волнениях (Политические партии России. С. 523).

Семашко Николай Александрович поступил в Московский университет в 1893 г. и сразу «с головой окунается в тогдашнюю столичную общественно-революционную жизнь студенчества и, наконец, входит в выборный нелегальный орган студенчества, так. наз. “Совет землячеств”. Этот совет был в то время центром московской жизни, где сосредотачивались и переплетались различные политические течения. ... В 1895 г. в связи с массовыми арестами в Москве, С. подвергается аресту и заключению в московскую тюрьму. ... После 3-месячного сидения С. был выслан на три года под гласный надзор полиции в Елец» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 661).

Слетов Степан Николаевич в 1895—1896 гг. был членом Союзного совета объединенных землячеств Московского университета, в ноябре 1896 г. арестован и привлечен к дознанию по делу Союзного совета и как один из организаторов студенческой демонстрации протеста в связи с Ходынской трагедией в административном порядке выслан на 3 года в Уфу (Политические партии России. С. 558).

Смидович Петр Гермогенович (одноклассник А.А. Богданова и В.А. Базарова) так написал в автобиографии о своей учебе в Московском университете: «Начались революционные группировки. Диспуты между марксистами и народниками. Мои первые выступления. Работа в союзе студенческих землячеств. Здесь были Чернов, Шингарев, Тесленко и уже к тому времени ряд марксистов, к которым примыкал и я. ... Научная работа была оборвана арестом в первой половине 1895 г. Был лишен навсегда права продолжать работу в русских ВУЗах и отправлен под надзор полиции в Тулу» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 674).

Сумгин Михаил Иванович в 1899 г. был задержан за участие в студенческой забастовке, исключен из Петербургского университета и выслан на родину (Политические партии России. С. 598).

Титов Александр Андреевич за участие в феврале—марте 1899 г. в студенческих волнениях был исключен из Московского университета и выслан на родину, состоял под негласным надзором полиции (Политические партии России. С. 607).

Устинов Алексей Михайлович был впервые арестован в 1902 г. во время учебы в Московском университете за участие в студенческом движении (Политические партии России. С. 650).

Фейт Андрей Юльевич, участь в Петербургском университете, участвовал в народовольческих студенческих кружках, в ноябре 1882 г. арестован за участие в студенческих беспорядках; в 1886—1887 гг. руководил кружком студентов в Военно-медицинской академии, был одним из организаторов и активных участников студенческих демонстраций 17 ноября 1886 г. по случаю 25-летия смерти Н.А. Добролюбова. В 1887 г. руководил революционной студенческой организацией «кадровиков» и студенческими выступлениями (Политические партии России. С. 656).

Франк Семен Людвигович, участь в Московском университете, играл активную роль в студенческих волнениях 1899 г., был арестован и выслан из Москвы на 2 года без права проживания в университетских городах (Политические партии России. С. 659).

Френкель Захарий Григорьевич, будучи студентом Московского университета, был арестован за участие в студенческой сходке, 2 месяца провел в Бутырской тюрьме, исключен из университета и выслан в Киевскую губернию под гласный надзор полиции (1890 г.) (Политические партии России. С. 660).

Хижняков Василий Васильевич в годы учебы в Военно-медицинской академии в Петербурге (1889—1894) был членом студенческого кружка, в котором читали революционную литературу, встречались с Н.К. Михайловским, Г.И. Успенским, О.В. Аптекманом, в 1891 г. был впервые арестован за участие в демонстрации на похоронах Н.В. Шелгунова (Политические партии России. С. 663).

Цертели Ираклий Георгиевич поступил в Московский университет в 1900 г., участвовал в студенческом движении, был избран председателем Исполнительного комитета объединения студенческих землячеств Москвы (Политические партии России. С. 669).

Чарнолуцкий Владимир Иванович во время учебы в Московском университете принимал деятельное участие в студенческом движении, входил в различные нелегальные студенческие организации, был одним из издателей студенческого журнала «Свободное слово», в 1887 г. был исключен из университета и выслан из Москвы как один из организаторов студенческих беспорядков (Политические партии России. С. 672).

Череванин Федор Андреевич был исключен из Петербургского университета за участие в студенческих волнениях (Политические партии России. С. 674).

Чернов Виктор Михайлович поступил в Московский университет в 1892 г., участвовал в студенческом движении, представлял университет на 2-м Московском студенческом съезде, был делегатом саратовского землячества в Союзном совете объединенных землячеств, один из организаторов и делегатов Всероссийского съезда студентов (Политические партии России. С. 676).

Чулков Георгий Иванович с момента поступления в 1899 г. в Московский университет участвовал в студенческом движении, в начале 1902 г. арестован и выслан в Якутию (Политические партии России. С. 687).

Чхеидзе Николай Семенович в 1887 г. поступил в Новороссийский университет, но вскоре был исключен за участие в студенческих волнениях, поступил в Харьковский ветеринарный институт, из которого в 1888 г. был также исключен (Политические партии России. С. 689).

Шаумян Степан Георгиевич в 1900 г. поступил в Рижский политехнический институт, «где примыкает к с.-д. студенческой организации, участвует на первом всероссийском съезде революционного студенчества. Скоро его исключают из политехникума за активное участие в студенческих беспорядках и высылают на Кавказ» (Деятели СССР и Октябрьской революции. С. 762).

Шраг Илья Людвигович за участие в студенческом движении был в 1869 г. отчислен из Петербургского университета без права обучения в других российских университетах, арестован и отправлен на родину (Политические партии России. С. 704).

Юрнев Петр Петрович в годы учебы в Институте инженеров путей сообщения (окончил в 1897 г.) участвовал в студенческом движении, входил в радикальные кружки (Политические партии России. С. 720).

Ярчук Валериан Иванович за участие в студенческой сходке в феврале 1902 г. был арестован и исключен из Московского университета, после 6-месячного тюремного заключения вновь поступил в университет, руководил с.-д. кружком в университете (Политические партии России. С. 722).

Подводя итог, обратимся к уже цитировавшейся выше статье В. Черткова. Подчеркивая общественно-политическое значение студенческого движения, Чертков сожалеет, что «студенческие волнения — самая тяжелая форма расплаты и для молодежи и для общества. Лучшая, наиболее энергичная и, пожалуй, наиболее честная часть юношества отбрасывается на житейские бездорожья. Ее чуткость, ее энтузиазм, способность к сильным душевным движениям или теряется для России или направляется на искание исключительно выходов нелегальных»²⁴.

---

²⁴ Чертков В. Российское студенчество в освободительном движении. С. 29—30.

Проблемы народного образования в программах и думских законопроектах либеральных партий

В последние десятилетия отечественная и зарубежная историография высшей школы дореволюционной России регулярно прирастала трудами доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института российской истории РАН А.Е. Иванова. В его фундаментальных исследованиях рассмотрен широкий и актуальный комплекс проблем высшего образования в Российской империи, что не может не вызвать (и, естественно, вызывает) восхищение. Поэтому, выбирая тему статьи для юбилейного сборника, меня терзали сомнения, могу ли я порадовать Анатолия Евгеньевича чем-то неведомым. Единственное, на что уповаю, это на неизменную снисходительность моего друга.

В либеральных моделях преобразования России вопросы народного образования (в самом широком понимании этого понятия) являлись одной из ключевых проблем, ибо их разработчики прекрасно осознавали, что только «при повышении умственного уровня народа и при распространении в его среде грамотности можно ожидать, что он достигнет и политической зрелости, и хозяйственного благосостояния»¹. Сложность ситуации для либеральных партий состояла в том, что решать проблему народного образования в России им предстояло в условиях системного кризиса, резкого противостояния идейно-политических сил, одновременно с множеством других застаревших и перезревших фундаментальных проблем жизнедеятельности и жизнеобеспечения страны.

Исходя из своих общетеоретических установок о предпочтительности эволюционного общественного развития, либералы настаивали на том, чтобы «нужды народного просвещения были выдвинуты в законодательных работах Думы на первый план и чтобы на удовлетворение этих нужд были ассигнованы самые широкие средства»².

Согласно либеральным программам предполагалось, что в России «в скорейшем времени» должно быть «осуществлено всеобщее начальное обучение», «увеличено число средних и высших учебных заведений», предоставлена свобода «частной и общественной инициативе в деле открытия и содержания учебных заведений». Так, конкретизируя это общее для них положение, партии октябристов, кадетов, демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов в своих программах подчеркивали, что начальное обучение должно стать всеобщим, бесплатным и обязательным, что стеснения к поступлению в государственную и общественную школу, связанные с полом, происхождением

¹ См.: Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX вв. М., 1995. С. 347.

² Там же.

и религией, должны быть отмены. Высшие учебные заведения должны быть организованы на началах широкой автономии и академической свободы³.

Исходя из объективно назревших потребностей общественного развития России, либералы настаивали на пересмотре программ обучения на всех ступенях образования в целях установления прямой преемственной связи «для облегчения перехода от низшей ступени к высшей». В конечном счете, такая «увязка» между ступенями школ позволяла приблизить их к реальным процессам и потребностям развития страны.

В наиболее разработанной программе кадетской партии красной нитью проходила мысль о необходимости организации народного просвещения на началах «демократизации и децентрализации», что на практике означало подключение к реализации этой актуальной задачи, прежде всего, представителей общественности. Сложность ситуации состояла в том, что перед либералами стояла задача одновременного решения двух взаимосвязанных проблем: с одной стороны, в коренном реформировании нуждались все государственные и общественные институты и структуры, а с другой стороны, в коренном преобразовании нуждалась вся система просвещения, которая уже давно не соответствовала вызовам и потребностям времени. Поэтому перестройка государственных и общественных институтов и структур должна была осуществляться одновременно с перестройкой системы просвещения. Это, в свою очередь, требовало наличия необходимых кадров, осознающих необходимость перемен и улавливающих вектор общемирового развития, и весьма значительных общегосударственных материальных ресурсов, которых явно было недостаточно.

Либералы считали актуальным предоставить обществу широкую инициативу «в открытии и организации учебных заведений всех типов и в области внешкольного просвещения»⁴. По их мнению, следовало увеличить число всех типов учебных заведений (низших, средних, высших). При этом начальное образование предполагалось всеобщим, обязательным и бесплатным. Его организация и контроль передавались органам местного самоуправления, в обязанность которых входила и организация помощи нуждающимся учащимся. Более того, на местное самоуправление возлагалась обязанность создания образовательных учреждений для взрослого населения, народных библиотек и народных университетов.

Одновременно расширялась компетенция местных общественных учреждений в отношении открытия и организации средних учебных заведений, причем им предоставлялось «широкое право в постановке учебно-воспитательного дела».

Что касается высших учебных заведений, то им предоставлялась полная автономия и свобода преподавания, уменьшалась плата за слушание лекций. На высшие учебные заведения возлагалась обязанность организации просветительской работы среди широких кругов населения. Важно подчеркнуть, что в программах либеральных партий речь шла и о широком развитии профессионального образования.

---

³ Там же. С. 333, 353, 361.

⁴ Там же. С. 333.

Как видим, в области народного просвещения либералы ставили решение комплексной задачи подготовки и воспитания высокообразованных и активных граждан, осознающих ответственность за судьбы своей страны.

Однако наличие разногласий по концептуальным идейно-политическим и тактическим проблемам не позволило думским либеральным фракциям найти общий язык при разработке законопроектов по народному образованию. В результате каждая из либеральных фракций предпочла вносить самостоятельные законопроекты. По моим подсчетам, в I—IV Думу либеральными фракциями было внесено более 40 законопроектов в области реформирования низшего, среднего и высшего образования. Лидерство по числу внесенных законопроектов по данной проблеме принадлежало октябристам (около 30). Среди этих законопроектов выделяю наиболее, на мой взгляд, важные: «Об отпуске из средств государственного казначейства 6 млн руб. на единовременные нужды начального образования» (29 января 1908 г.); «О допущении лиц женского пола к занятию должности инспектора начальных училищ» (11 декабря 1909 г.); «О реформе средней школы» (11 марта 1911 г.); «Об установлении ежегодного минимального увеличения отпусков на школьное строительство в размере 2 млн руб.» (15 ноября 1911 г.); «О реформе учительских институтов» (10 февраля 1912 г.); «О введении всеобщего обучения» (7 июня 1912 г.); «О введении всеобщего начального обучения» (5 декабря 1912 г.); «О реформе учительских институтов» (14 декабря 1912 г.); «Об учреждении четырехклассных гимназий и трехклассных реальных училищ» (26 февраля 1916 г.).

Основная мысль, которая красной нитью проходила через названные октябристские проекты, состояла в том, чтобы сформировать единую образовательную «цепочку», обеспечив тем самым преемственность между ступенями обучения — низшей, средней и высшей школы, что делало бы плавным переход учащихся из низшей школы в среднюю, а затем в высшую. Октябристы настаивали на щедром государственном финансировании строительства школ, максимально возможно приблизив их к местному населению, особенно в сельской местности, что позволило бы сократить количество учащихся в классах, обеспечить школы кадрами учителей, повысить их заработную плату. Одновременно в октябристских проектах шла речь о создании условий для подготовки кадров учителей и учительниц для начальной и средней школы, а также преподавательского состава для высшей школы. Женщины допускались к занятию должности инспекторов народных училищ и пользовались правами получения пенсии и единовременных пособий. Ставилась задача привлечь в училищные советы представителей местного общества по выборам уездных и губернских собраний и городских дум⁵.

По количеству внесенных в Думу законопроектов о реформе народного образования на порядок от октябристов отставали прогрессисты. Так, в IV Думу фракция прогрессистов внесла всего лишь два законопроекта: «О введении всеобщего обучения» (5 декабря 1912 г.); «О реформе средней школы» (6 февраля 1913 г.). Октябристский и прогрессистский варианты проектов различались друг от друга лишь объемом испрашиваемых у государства средств на финан-

⁵ Законодательство думских фракций, 1906—1917 гг. М., 2006. С. 158—169.

сирование образования, сроками перехода к всеобщему обучению и значительными отличиями по вопросу формирования преподавательских и попечительских советов и определения их функций. В отличие от октябристов, прогрессисты больше внимания уделяли необходимости привлечения представителей общественности к созданию частных учебных заведений разных типов. Так, например, в прогрессистском законопроекте «О реформе средней школы» речь шла о необходимости упразднения различий между классическими гимназиями и реальными училищами; о введении совместного обучения детей разных полов; унификации мужского и женского образования; создании таких учебных программ, которые должны были учитывать возрастные и психологические особенности учащихся. Согласно прогрессистскому проекту, педагогический совет, в котором участие принимали представители родителей, попечительного совета и органов местного управления, наделялся широкими полномочиями при разработке программы обучения и формирования расписания уроков. В свою очередь попечительный совет получал право контроля, а родители возможность самостоятельно организовывать различные комитеты⁶.

Еще дальше в демократизации народного образования шла фракция конституционно-демократической партии, которая внесла в III Думу «Проект положения о школах» (19 декабря 1908 г.), в 59 статьях которого подробнейшим образом изложены основные принципы организации народного образования в России. Согласно проекту, получение образования — неотъемлемое право каждого свободного человека, что уже само по себе предполагало отмену всех существующих административных стеснений в организации школьного образования. Школы разделялись на «содержимые»: 1) Министерством народного просвещения; 2) земскими учреждениями и городскими общественными управлениями и 3) прочими ведомствами, установлениями и частными лицами. По этим критериям школы подразделялись на министерские, общественные и частные (ст. 2). Причем министерские школы учреждались в законодательном порядке, общественные — по постановлениям губернских или уездных земских собраний и городских дум, а частные — в явочном порядке (ст. 3).

При таком подходе контрольные функции государства над общественными и частными школами (кроме промышленных, технических, коммерческих и сельскохозяйственных) передавались школьной инспекции, которая осуществляла контрольные функции за соблюдением правил, предписанных законом. Общее заведование общественными школами возлагалось на губернские земские учреждения, а в городах — на местные городские общественные управления (ст. 12) и осуществлялось через избранные ими училищные советы (ст. 13).

Государство должно было выделять на содержание общественных школ и возведение новых школьных зданий определенную сумму денежных средств. В проекте подробно фиксировались условия, которые должны были соблюдаться при исчислении предельной суммы пособия на содержание общественных школ: 1) одинаковая оплата труда для учителей разного пола; 2) на одного учителя приходилось не более 45 учащихся; 3) обучение становилось

⁶ Там же. С. 290—318.

бесплатным, а учащиеся, кроме того, бесплатно снабжались учебными пособиями; 4) учащиеся принимались в школу «без различия религии, национальности или сословного происхождения»; 5) преподавание могло вестись на родном языке, который определяется постановлением губернского земства. Вместе с тем в проекте особо подчеркивалось, что во всех школах должно быть сохранено преподавание русского языка (ст. 26).

Специальная глава в кадетском проекте посвящена частным школам. В ней подробно оговаривался круг лиц, кто не имел, или, наоборот, имел право содержать частные школы. В первом случае к ним относились лица, состоящие под опекой и попечительством; подвергшиеся по судебному приговору лишению и ограничению прав состояния (ст. 39). Кроме того, в пределах отдельных губерний право на открытие частных школ не имели лица, занимающие в данной губернии должности генерал-губернаторов, губернаторов и вице-губернаторов, градоначальников и их помощников, чинов полиции, земских начальников, а также лица, занимающие в губернии должности школьных директоров и инспекторов (ст. 40).

При явочном порядке открытия частных школ вмешательство власти допускалось лишь в том случае, если школа «учреждается с нарушением установленных законом требований», если преподавание приобретало безнравственный или угрожающий личной безопасности учеников, или прямо преступный характер. Виновные в нарушении этих правил подлежали аресту и передаче дела в судебные органы. В зависимости от степени вины суд мог либо ограничиться штрафом в размере 500 руб., либо, в случае отягчающей вины, приговорить к заключению в тюрьме на срок не свыше шести месяцев⁷.

Характерно, что ни один законопроект либеральных фракций по вопросам народного образования, включая и те, которые прошли полный цикл комиссионного обсуждения, в конечном счете, так и не стал законом. Тем не менее, их обсуждение в стенах Таврического дворца и в периодической печати способствовало росту внимания общественности к состоянию и перспективам народного образования в России. Озвучивая свою позицию по вопросам народного образования, либералы, несмотря на имевшиеся между ними разночтения, продемонстрировали свою приверженность к созданию условий и предпосылок для демократизации низшей, средней и высшей школы, свое понимание единства образовательного и воспитательного процесса. В совокупности предлагаемые либералами преобразования в области народного образования и просвещения должны были способствовать формированию свободной творческой личности, способной сознательно оценивать реальные явления и события, принимать самостоятельные решения.

Либеральные программы и думские законопроекты в области реформирования народного образования намечали конкретные пути и методы разрешения одной из коренных проблем — формирование в России гражданского общества и утверждение демократических государственных и общественных институтов.

---

⁷ Там же. С. 574—581.

Студенчество высших учебных заведений России в Первой мировой войне (к историографии Февральской революции 1917 г.)

Представляя историю Первой мировой войны, в ходе которой в России произошла Февральская буржуазно-демократическая революция, историки сегодня концентрируют внимание не на борьбе классов и партий, как в советские времена, а на состоянии пришедших в движение социальных страт, групп и слоев общества, в том числе — интеллигенции¹. Именно этот слой, включавший представителей высшей школы, народного образования, студенчества дореволюционной России, давно является предметом пристального внимания широко известного не только в нашей стране, но и за рубежом историка А.Е. Иванова.

Первые статьи А.Е. Иванова, отличавшиеся включением в 1970-е гг. (перед «перестройкой» в СССР) в разработку в разных ипостасях проблем истории дореволюционной высшей школы², можно поставить в один ряд с немногими другими работами отечественных ученых, как свидетельство бесперспективности тогда попыток удержать под контролем мыслительные усилия ученых так называемого «нового направления»³.

Результаты огромного исследовательского труда А.Е. Иванова, вложенные на сегодняшний день в издание семи только крупных монографий⁴, создали целую «обойму» аргументов, дополнивших и корректирующих в исторической науке представление об общественных функциях интеллигенции в России, о своеобразии российской государственной надстройки, об удивительном сплетении общественных сил в стране.

В канун 100-летия революции 1917 года в России исследования этого историка, создавшего особое направление в науке, представляют особую ценность

¹ См.: *Пушкарева И.М.* Российское общество в годы Первой мировой войны // *Российская история.* 2016. № 4.

² См.: *Иванов А.Е.* Университеты России в 1905 г. // *Исторические записки.* Т. 88. М., 1971; *Иванов А.Е.* Революционно-демократическое студенчество в революции 1905—1907 гг. // Там же. Т. 107. М., 1981; *Иванов А.Е.* Студенты университетов России накануне Первой российской революции // *Революционное движение демократической интеллигенции России в период империализма. Сборник научных трудов Института истории СССР.* М., 1984; *Иванов А.Е.* Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX — начала XX вв.: общественно-политический обмен // *История СССР.* 1990. № 5.

³ Россия XX век. Советская историография. М., 1996. С. 379.

⁴ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX в. М., 1991; *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX — начала XX в. Социально-историческая судьба. М., 1999; *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX в. Опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Иванов А.Е.* Мир российского студенчества. Конек XIX — начало XX века. Очерки. М., 2010; и др.

и тем, что, раскрывая состояние учащихся высших школ как социальной страты российского общества в годы Первой мировой войны и последовавших в ходе ее революций, они успешно реконструируют картину формирования студенческого демократического фронта борьбы против царизма.

Воздавая должное своим предшественникам (Л.К. Ерману, П.С. Гусятникову)⁵, вводя в научный оборот и анализируя новые источники, А.Е. Иванов всегда стремится красочно представить жизнь профессорско-преподавательской и студенческой корпораций. Динамичная картина их эволюции на фоне важнейших событий истории российского общества отличается стремлением автора раскрыть внутреннюю глубину причин демократической революции 1917 г. в России, уходящей корнями во времена до Первой мировой войны. На нее пришлось лишь завершающая стадия этого процесса, и она не обойдена вниманием историка, особенно в статье 2014 г.⁶, которая ставит специальной задачей реконструировать общий процесс военно-патриотической мобилизации ресурсов высшей школы в ходе этой войны. При этом (пока не специально, больше опосредованно) затрагивается и история студенчества, включая изменение его состава, участие в протестном движении на заключительном этапе освободительного движения.

А.Е. Иванов пишет сегодня о том, что историография этой значимой в хронологическом отношении темы только формируется, и особую важность приобретают связанные с ней ее отдельные проблемные разработки, на чем и остановимся.

Сразу заметим, что вряд ли можно согласиться с однофамилицей А.Е. Иванова И.В. Ивановой, что «с середины 50-х гг.» студенчеству в годы мировой войны было посвящено «значительное число работ». Тогда, конечно, в историях партии встречались упоминания об отдельных протестах студентов высшей школы в революциях начала XX в. Но из специально относящихся к теме, связанной с историей Первой мировой войны, можно назвать лишь только что процитированную статью самой И.В. Ивановой о реакции студентов на политику правительства в годы войны. В этой статье и вообще в историографии акцент делался тогда на антивоенных выступлениях студентов под влиянием общей обстановки в стране, на подпольной работе большевиков, которые «не забывали о студентах»⁷. Это отражено и в книге И.П. Лейберова о Февральской революции⁸.

Жизненная позиция студенчества, как деятельной части городского населения, стала привлекать внимание историков в конце 90-х гг., которые ори-

⁵ Имеются в виду: *Ерман Л.К.* Интеллигенция в Первой русской революции. М., 1966; *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение в России (1899—1907 гг.). М., 1971; и др. См.: *Иванов А.Е.* Университетская политика самодержавия накануне Первой русской революции. 1899—1904. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 33.

⁶ *Иванов А.Е.* Студенчество России ... С. 100—101, 170, 193—194, 226, 234, 264, 332; *Иванов А.Е.* Наука и высшая школа России в период Первой мировой войны // *Российская история.* 2014. № 5. С. 147—164.

⁷ *Иванова И.В.* Революционное движение студенчества в России и Министерство народного просвещения (1914—1917 гг.) // *Революционное движение демократической интеллигенции России в период империализма.* М., 1984. С. 96—97.

⁸ *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979.

ентировались на набирающую обороты концептуальную разработку основ российского либерального оппозиционного движения, на «открытие» в российской истории многопартийности⁹.

Появились новые работы, которые стали дополнять общую картину важной городской социальной страты, какой являлась тогда в России высшая школа, признанный «духовно-интеллектуальный потенциал прогресса страны». В их числе можно назвать в первую очередь тематические статьи петербургского историка Н.Г. Завадского об испытании войной российского студенчества, о политических партиях в студенческих корпорациях¹⁰, немецкой исследовательницы С. Морисси¹¹ об эволюции восприятия петербургскими студентами войны. М.Э. Кругляк высветила реакцию студентов Украины на события военного времени в России¹². Эти и некоторые другие проблемы были затронуты в главах книг и кандидатских диссертациях на материалах ряда провинциальных университетов¹³.

Итак, на сегодняшний день в историографии мы имеем следующее. В 1914—1916 учебных годах в России насчитывалось примерно 127—130 тыс. студентов в 65 государственных и 57 частных общественных заведениях. В многочисленных вузах и высших учебных заведениях на территории Украины обучалась четвертая часть (26,7 тыс.) всей российской студенческой корпорации¹⁴.

А.Е. Иванов пишет, что эпоха ускоренной социально-экономической, общественной и культурной модернизации страны «своеобразно запечатлелась в истории студенчества». Используя метафору Е.А. Евтушенко о роли поэта в обществе, А.Е. Иванов подчеркивает: «Студент России конца XIX — начала XX в. больше, чем студент»¹⁵, именно это определило его роль в едином общественном потоке, свалившем царский трон.

Ко времени войны студенчество становится заметной фигурой и на авансцене общественно-культурной жизни, и на политической арене. «В нем интегрировались силы протеста против политической системы самодержавия, который подспудно вызревал во всех слоях российского общества», «дух академического свободомыслия сообщал студенчеству импульс протеста политического». «Конфликт с властью сочетался со свойственной молодой интеллигенции способностью гибко адаптироваться к общероссийским процессам формирования гражданского общества»¹⁶.

⁹ Шелохаев В.В. На разные темы. М., 2016. С. 3—6 и др.

¹⁰ Завадский Н.Г. Испытание войной: российское студенчество и политические партии в 1914 — феврале 1917 г. СПб., 1999.

¹¹ Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: (Материалы Международного colloквиума). СПб., 1999. С. 288—303.

¹² Кругляк М.Э. Реакция студентов Российской империи на события Первой мировой войны в 1914—1917 гг. (на материалах Украины) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 109—125.

¹³ Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский университет (1909—1917). Саратов, 1999. С. 184; Карпачев М.Д. Воронежский университет. Вехи истории. 1918—2003. Воронеж, 2003. С. 15—81; Сизова А.Ю. Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Университет и город в России (начало XX века). М., 2009.

¹⁴ Кругляк М.Э. Реакция студентов Российской империи... С. 111; Иванова И.В. Революционное движение студенчества в России... С. 97.

¹⁵ Иванов А.Е. Студенческая корпорация... С. 389.

¹⁶ Там же. С. 390.

Внутренние качества, свойственные студенчеству, как молодым представителям общества, программировали активность, радикальные взгляды, выходившие нередко за границу либеральных. В результате в острых политических ситуациях рождались студенты-революционеры, тянувшиеся к таким же представителям других социальных групп из городских слоев и прежде всего в силу экономического положения — к рабочим.

Социальное происхождение студентов оказалось в центре внимания исследователей еще при обращении к истории революции 1905 г. Важным для характеристики социально-политического, революционного движения было то, что студенчество «по всем граням своего бытия — сословно-классовой, материально-бытовой, профессиональной, социально-психологической, культурной... рекрутировалось из всех сословий, составляющих структуру российского общества»¹⁷.

В начале XX в. свыше ¼ учащихся в университетах составляли представители привилегированных сословий. Но богатое аристократическое дворянство и сановники определяли своих детей, как правило, либо в военные, либо в закрытые учебные заведения. Жизнь вносила свои коррективы, снижая вообще удельный вес дворянско-чиновничьей части российского студенчества. Большинство в учебных заведениях высшей школы начали составлять дети средних и мелкопоместных дворян, рядовых чиновников. Росло число молодых людей из семей, причастных к предпринимательской деятельности, из буржуазных сословий общества — как того требовало само время. Материальное положение у многих студентов и до войны было далеко не блестящим, особенно у тех, кто приезжал в университетские города из провинции, жил в отрыве от семьи¹⁸. В войну этот фактор не исчез, в ходе ее через несколько месяцев он уже стал играть значительную роль, отражаясь в настроении студенческой корпорации.

Первый период войны совпадал с министерством либерального П.Н. Игнатъева (январь 1915 — декабрь 1916). Он еще только собирался вступать в права министра, а на его имя уже пришла записка, датированная октябрём 1914 г. В ней говорилось «об ухудшении материальной обеспеченности значительной части студенчества» высших учебных заведений, явившейся «отрицательной стороной академической жизни», затрагивающей «интересы общественно-государственного порядка». В записке говорилось, что в связи с вздорожанием жизни студенты приобщаются к разным видам физического труда, удлиняя срок пребывания в учебном заведении и, с другой стороны, сближаясь с пролетарскими слоями города¹⁹. Это было довольно точное предвидение будущей ситуации в высшей школе.

П.Н. Игнатъеву пришлось нелегко. Состав студентов в войну постоянно менялся, хотя нельзя сказать, что их число катастрофически падало; скорее, оно было изменчивым. В литературе обращено внимание на то, что в 1916 г. из Московского университета выбыло 5848 студентов, т.е. на 3640 больше, чем в 1915 г. Причиной была необеспеченность, заставлявшая студентов искать

¹⁷ Иванов А.Е. Студенчество России... С. 5.

¹⁸ Там же. С. 392.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 339. Л. 29—29 об.

заработок, чтобы продолжить занятия²⁰. Но это было не везде. В университеты стали принимать вольнослушателей с законченным средним образованием, расширили пресловутую процентную норму для евреев.

В украинском регионе после постановления Совета министров от 10 августа 1915 г. о приеме в студенты участников войны и их детей, независимо от национальности и вероисповедания, в высших учебных заведениях возросло число студентов других вероисповеданий, кроме православного²¹.

Предоставление Министерством просвещения в декабре 1914 г. льгот студентам, оказавшимся с первых дней войны добровольцами или сестрами милосердия, с 1916 г. увеличивало эту категорию и неправославных учащихся в университетах Юга России²². Общая атмосфера студенческой среды менялась в сторону усиления в ней демократии.

«Война с Германией стремительно и зримо ворвалась в жизнь страны, мгновенно вызвав защитную патриотическую реакцию общества», — пишет А.Е. Иванов²³. Он отметил роль Международного коллоквиума 1908 г. в Петербурге, подтвердившего растущий интерес к студенчеству в годы Первой мировой войны и в зарубежной литературе.

С. Морисси в статье сборника по материалам коллоквиума сообщила, что ею в Германии специально разрабатывается тема о повороте студенчества в России от патриотизма к радикализму, причем замечательно отработала комплекс большого конкретного материала, заключенного в российской периодике. В данной статье представлена ежедневная газета «Петербургский листок» с июля 1914 г. по сентябрь 1915 г. о городской жизни столицы, материалы студенческих изданий того времени. Эти источники указывают на огромный взрыв патриотизма в среде петербургского студенчества с первого дня объявления Россией войны. Он вылился в митинги перед посольствами Германии, Австрии, в манифестации на улицах столицы под пение российского гимна с портретами царя и т.д. Небольшие группы студентов, пытавшиеся выступить против войны, оказались в изоляции. Так было не только в столице, но и в Харькове, и в других университетских городах²⁴. И это не удивительно: «Общий клич довести войну до победного конца звучал почти во всех общественных организациях и съездах России», — приводит А.Е. Иванов слова В.М. Бехтерева на заседании Психоневрологического института 2 февраля 1915 г.²⁵

Подъем патриотизма отражал нагнетание в обществе международной напряженности перед войной в России под лозунгами объединенного славянства, в чем преуспели не только правые монархисты, но и видные представители либеральной университетской профессуры²⁶.

²⁰ *Иванова И.В.* Революционное движение студенчества в России... С. 103.

²¹ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начала XX в. ... С. 289; *Иванов А.Е.* Студенчество России ... С. 226.

²² *Кругляк М.Э.* Реакция студентов Российской империи... С. 115.

²³ *Иванов А.Е.* Наука и высшая школа... С. 148—149 и др.

²⁴ *Морисси С.* Между патриотизмом и радикализмом... С. 300—301.

²⁵ *Иванов А.Е.* Наука и высшая школа... С. 148.

²⁶ *Шелохаев В.В.* Первая мировая война в оценках российской либеральной интеллектуальной элиты // Россия в годы Первой мировой войны. 1914—1918. М., 2014. С. 163 и др.

Подъем патриотизма в студенческой среде в начале октября 1914 г. выразился в «горячих», как писалось в «Петербургском листке», откликах студентов в ходе призывов на военную службу. Он «привел в движение» до 3 тыс. студентов высших учебных заведений столицы. Около 30% студентов элитных высших заведений записалось в добровольцы, желая пройти школу краткосрочного обучения командному делу. В студенческих корпорациях шли сборы на «этапный госпиталь», в пользу Красного Креста. Отношение к войне «обострило идейную конфронтацию между патриотическим большинством и антивоенным меньшинством», еще до войны (добавим) «шедшим за большевиками и эсерами»²⁷.

Однако в кажущемся примирении политических сил, в излиянии патриотических чувств можно было заметить, пишет Морисси, радикализм иного характера. Наряду с криками «Ура!» государю императору и армии, исходившими от «ура-патриотов» черносотенного толка, в те дни среди студентов слышалась «Марсельеза», и под «гром аплодисментов» прозвучало и требование амнистии политзаключенным. Патриотические манифестации в поддержку правительства, в помощь жертвам войны и т.д. отражали также «различные политические пристрастия», противоречия внутри студенческих корпораций никуда не исчезли. В первые месяцы войны осенью 1914 г. смесь политических и патриотических течений дала о себе знать, заметила Морисси, «в ряде мелких выступлений»²⁸ на фоне записи в добровольцы, в отряды медицинской помощи и т.п. Характерно, подчеркивает М.Э. Кругляк, уделив внимание воспоминаниям, что провластные патриотические мотивы, заметные в первые недели войны вместе с массовым «добровольчеством», «основывалось на желании» этих студентов «быть вместе с народом»²⁹.

Не отставали от официальных средств массовой информации и призывы либеральной профессуры, что усиливало в студенческой среде вначале патриотизм, а впоследствии — либерально-оппозиционный радикализм. Пока же левый либерал П.Б. Струве призывал в «Биржевых ведомостях» 23 сентября 1914 г. «отдать свои силы служению войне»³⁰.

Но война разрушала академическую гармонию высшей школы, в том числе распространением в обществе германофобии, в чем не безгрешны были и либералы. В высшей школе возникли проблемы, связанные с еврейским студенчеством, призывом его на военную службу только в качестве низших чинов вместе с людьми, пользовавшимися репутацией неблагонадежных³¹. В протесты против этих решений правительства включились группы студентов независимо от вероисповедания, хотя и по разным мотивам.

Наращение общественно-политического движения в студенческих корпорациях происходило постепенно. Внутренние конфликты с властями по сугубо студенческим вопросам сменялись реакцией на реакционный курс правительства в целом. Начиная с 1914 г., ежегодно таким поводом становился запрет на верность студенческому обычаю отмечать годовщину смерти Льва Толсто-

²⁷ Там же. С. 149.

²⁸ Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом... С. 292.

²⁹ Кругляк М.Э. Реакция студентов Российской империи... С. 116.

³⁰ Биржевые ведомости. 1914. 23 сентября.

³¹ Иванов А.Е. Наука и высшая школа... С. 152, 158.

го. Но что любопытно (снова отметила М.Э. Кругляк), в конце ноября 1914 г. арест большевиков-членов Государственной думы в массе студентов был встречен скорее «со смесью» равнодушия и иронии. Скорее «скрытое недовольство» проявляли студенты старшекурсники, связанные принадлежностью к социал-демократии. Вместе с тем, «опираясь на идеалы демократии и защиты Отечества», значительное число студентов вело сбор средств не только для семей фронтовиков, но и для заключенных и ссыльных, находившихся в Сибири.

Последней вспышкой патриотизма студентов в Петрограде был их отклик на падение Перемышля в феврале 1915 г. Замечено, что вскоре поддержка студентами правительства стала «таять как дым» повсеместно, поскольку расчет общества на «политическую оттепель» в годы войны не оправдывался. Становилось очевидным, что выступая за победу в войне, студенты не оставляли «сохранения борьбы за идеалы демократии» и в этом отношении «находились в оппозиции к собственному правительству»³².

Военные поражения отрезвляли все общество. Имеющаяся литература отмечает главное в изменении положения студенчества в годы войны. Наборы в армию, на оборонные предприятия и общественные работы, вести с фронта об искалеченных товарищах, тяготы повседневного быта с каждым месяцем все более умеряли патриотический пыл студентов, «погружали в настроения житейского уныния и разочарованности». С осени 1915 г. студенческие мобилизации следовали одна за другой через каждые два-три месяца, обескровливая младшие курсы высших учебных заведений. К тому же снижалось финансирование высшей школы, что больно сказалось на малоимущих, бедных студентах³³.

Но Морисси показала, как «шаг за шагом растущий гражданский протест в студенчестве» был связан не столько с революционной агитацией (хотя, соглашается она, «нельзя отрицать и ее»), а как бы «изнутри» — против реакционных выходов местных властей и политики правительства. Студенческие корпорации обвиняли государство в «неумелом ведении войны, требуя от него предоставления гражданских прав народу». Стали все чаще в студенческой среде обсуждаться последствия войны, человеческие жертвы, а это влекло новые аресты в связи с революционными призывами студентов-радикалов старших курсов.

И.В. Иванова показала, что материал о «единичной» антивоенной работе большевиков среди студентов в Первую мировую войну не только в Петербурге, но и в других университетских городах — в Москве, Томске, Харькове, Юрьеве (Тарту) буквально «рассыпан» в литературе и источниках. Первое, что становилось заметным в источниках, — выпуск листовок организованными группами социалистически настроенных студентов в годовщину 9 января 1905 г., по поводу осуждения думской фракции большевиков, с призывами к протесту против смертной казни и по другим поводам³⁴.

Сегодня в литературе подчеркивается, что студенчество испытывало влияние разных политических партий и организаций — от социалистов до монар-

³² Кругляк М.Э. Реакция студентов Российской империи... С. 116, 289—291, 299—300.

³³ Иванов А.Е. Наука и высшая школа... С. 149, 158—159.

³⁴ Иванова И.В. Революционное движение студенчества в России... С. 100—102.

хистов, а на Украине и националистов разного толка³⁵. Радикализация социально-политического движения в стране (украинский национализм) затронул студентов Киевского, Харьковского, Новороссийского университетов. Но и М.Э. Кругляк, и С.А. Наумов, обратившись к горячей сегодня теме, считают, что в студенческой среде тех времен его нельзя преувеличивать. Не имея под собой серьезной политической и организационной подоплеки, националистические студенческие группировки здесь были «небольшими, нестойкими, мало выразительными», и до 1917 г. они «практически не оставляли долгого следа в общественно-политической жизни» студенческих корпораций³⁶.

Другое дело, что участвуя с 1915 г. в помощи фронту благотворительностью, студенческое движение в силу своей «мобилизованности» «приобретало характер открытого гражданского и политического» движения. Охранное отделение озабоченно наблюдало за этим процессом. Департамент полиции фиксировал в своих документах эволюцию настроения студентов «от патриотического к гражданскому» и «самоопределению», и не ошибался, справедливо считая это «наследием 1905 г.»³⁷.

В общественно-политической жизни студенческих корпораций в это время уже выкристаллизовывалась гражданская психология. Она-то в первую очередь и подтолкнула, и вывела большие группы студентов Петрограда в конце февраля 1917 г. на улицы города.

В докладах Департамента полиции отмечаются два течения: «общественно-политическое и чисто партийное», и важность его признания среди студентов. Морисси подметила, что в 1916 г. интересы студентов, членов революционных партий (их численность невелика), все чаще «оставались за стенами университетов (курсив мой. — И.П.) в агитации среди рабочих»³⁸.

М.Э. Кругляк, анализируя документы Департамента полиции, отмечает, что он не мог не видеть влияния радикальных партий, и прежде всего большевиков, на выступления студентов. Они выступали «за мир без аннексий и контрибуций и свержение существующего режима из-за роста цен и дефицита продовольствия», требовали политических свобод, введения 8-часового рабочего дня³⁹. Все это так. Но источниковедческий анализ сводных таблиц состава политических партий, проведенный в советские времена, позволяет дополнить и уточнить элементы связи студентов с революционной социал-демократией. Дополняют содержание этих связей опубликованные 600 листовок, исходившие от нее в годы войны до Февраля 1917 г. Часть из них обращена непосредственно к студентам⁴⁰. Такой же информационный материал проанализирован в новейшей историографии по другим партиям.

³⁵ *Завадский Н.Г.* Испытание войной: российское студенчество и политические партии... С. 6 и др.

³⁶ Там же. С. 120; *Наумов С.О.* Національне питання в українських молодіжних організаціях Харків (1914 — початок 1917 р) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. № 526 Історія. Вып. 33. Харків, 2001. С. 176—181.

³⁷ *Морисси С.* Между патриотизмом и радикализмом... С. 293—294.

³⁸ Там же. С. 294; ГА РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). Оп. 1915. Д. 59. Л. 11.

³⁹ *Кругляк М.Э.* Реакция студентов Российской империи... С. 118, 119.

⁴⁰ *Дажина И.М.* Большевистские листовки в России Первой мировой войны и Февральской революции. Опыт источниковедческого анализа сводной таблицы документов. М., 1981. С. 44, 56, 61, 90, 111, 537, 564 и др.

Нараставшее ускоренными темпами изменение отношения основной массы студенчества к войне переплеталось и было связано «с бурным историческим прошлым, с репрессивной политикой царского правительства и победами над ним в революцию 1905—1907 гг.»⁴¹. Противостояние студенчества и правительства было заметным и в канун войны. Тогда реакционный министр Л.А. Кассо (сентябрь 1910 г. — ноябрь 1914 г.) начал наступление на академическую автономию, которой университеты добились в 1905 г. В высших учебных заведениях страны, претендующей на модернизацию по европейскому образцу, частью повседневной жизни при малейшей угрозе «беспорядков» становилось обычным выдавливание либеральной профессуры, исключение студентов по политическим мотивам. В здания высших учебных заведений вводилась полиция, производившая аресты. По данным студенческой переписи 1912 г., в Петербурге левым партиям сочувствовало 66,7%, а правым — только 4,7% студентов.

В годы войны эта пропорция в общих чертах сохранялась, но на разных курсах по-разному. Претензии к правительству шли в большей степени от старшекурсников. В Петербурге они первыми подняли голос в защиту осужденных большевиков, членов фракции Государственной думы в 1915 г., протестовали против закрытия Вольного экономического общества, а также против полицейского насилия — обысков студентов и арестов.

Прогрессивной части студентов-старшекурсников в университетах противостояли «силы порядка» («академисты») — группы студентов, небольшие, но связанные в высших учебных заведениях с полицией. Например, в Петербургском университете в 1916 г. их общее число доходило примерно до 60 чел. Эти студенты видели гражданский долг в поддержке и преданности монархии, отличались антисемитизмом, были агрессивны, некоторые были в контакте с Союзом Михаила Архангела и другими черносотенными организациями. От подобных групп в Москве шли доносы в Петроград в Министерство просвещения: «Студенчество есть очень горячий материал... Многие пылкие головы мечтают о революции»⁴². Борьба шла во всех университетах между демократической частью студентов и «академистами». В феврале 1916 г. в этой борьбе представители 52 университетских демократических студенческих организаций приняли резолюцию, требующую равенства еврейских студентов в призыве на военную службу и тем самым уравнения в правах в университетской корпорации лиц еврейской национальности⁴³.

В 1916 г. в пропорциональном отношении рост политической активности студентов был не менее значительным, чем в рабочей среде, хотя проявлялся в более скромных масштабах и формах. Так же, как среди рабочих, нарастание антиправительственного и антивоенного движения студентов было связано с более заметным ухудшением их материального положения по сравнению с довоенным временем. Многие из студентов средних курсов вынуждены прерывать учебу и искать работу.

⁴¹ *Иванова И.В.* Революционное движение студенчества в России... С. 97; *Иванов А.Е.* Наука и высшая школа... С. 148.

⁴² *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971. С. 141.

⁴³ *Морисси С.* Между патриотизмом и радикализмом... С. 295—297.

Везде, но более всего в учебных заведениях в Петербурге в течение всего 1916 г. было заметно, как страдали занятия из-за учащавшихся конфликтов и более серьезных столкновений студентов с начальством учебных заведений, особенно если в них участвовали политически настроенные старшекурсники. В ряде случаев эти конфликты неожиданно переходили в более широкие выступления с открыто провозглашаемыми социальными и политическими требованиями.

В условиях ухудшавшегося экономического положения выступления студентов полицейские репрессии уже сдерживали с трудом. В частных беседах, которые в коридорах учебных заведений были подслушаны агентами охранки, студенты вспоминали демократические традиции, идеи, взгляды поколения, проходившего университетский курс обучения в 1905 г., говорили о забастовках. В конце октября 1916 г. 250 студентов под влияние агитации объявили забастовку в Петербургском университете в знак протеста против суда над кронштадскими матросами-большевиками, которым грозила смертная казнь. В ноябре 1916 г. в Казанском университете, где с начала года распространялись обращения к «демократическому студенчеству», полиция отмечала сходки, которые отличались «резкими речами в адрес государственного строя». В некоторых университетских городах более внушительно, чем в 1914 и 1915 гг., был отмечен день смерти Л.Н. Толстого. В Юрьеве в этот день студентами распространялась листовка «Учащаяся молодежь и война». В Харьковском университете в 1916 г. охранка, не будучи в состоянии пресечь студенческую манифестацию с пением «Марсельезы», «Дубинушки» и других революционных песен, зафиксировала антивоенные сходки с «приглашением рабочих»⁴⁴.

В течение ноября 1916 г., когда в моду стали входить публичные акции, в высших учебных заведениях почти открыто обсуждалась известная речь П.Н. Милюкова в Государственной думе с риторическим вопросом «Глупость или измена?»⁴⁵.

В течение 1916 г. возобновили работу студенческие кружки, кассы взаимопомощи, землячества, кооперативы. Здесь появлялись люди, призывавшие студентов «служению демократии». Не обошли эти организации активисты партий, в том числе секретарь Русского Бюро ЦК РСДРП большевик А.Г. Шляпников⁴⁶. В декабре в Петрограде листовкой «К революционному студенчеству» проявился «Объединенный комитет студенческих социал-демократических фракций вузов Петербурга».

За «увлечение студентов политикой», «студенческими беспорядками», которых серьезно побаивались «верхи», расплатился министр просвещения П.Н. Игнатьев. 28 декабря 1916 г. он был заменен попечителем Петроградского учебного округа реакционером Н.К. Кульчицким (декабрь 1916 — март 1917 г.). Полиция стала готовиться к захвату учебных заведений при малейшем признаке начала студенческих волнений. Весть об этом просочилась в

⁴⁴ Кругляк М.Э. Реакция студентов Российской империи... С. 110—111.

⁴⁵ Иванова И.В. Революционное движение студенчества в России... С. 102; Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом... С. 298.

⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 518. Л. 102.

общество, усилив политизацию студенчества, что еще больше осложнило общую обстановку в высшей школе.

Начало 1917 г. не оправдало ожиданий от «кадрового укрепления» Министерства просвещения. В годовщину 9 января 1905 г. Петроград охватила грандиозная забастовка рабочих. В ее организации приняли участие студенты многих учебных заведений. В Москве к этой дате студентами Коммерческого института была отпечатана прокламация комитета РСДРП. Она заканчивалась словами: «Конец войне и всем насилиям положит только революционное выступление рабочего класса под своим красным знаменем социализма»⁴⁷.

3 февраля 1917 г. в Министерстве просвещения получена депеша о стачке студентов в Саратове. 9 февраля 1917 г. в Харькове полиция разогнала сходку студентов-медиков, начавшуюся с вопроса о дороговизне и закончившуюся протестом против перерывов занятий Государственной думы. Резолюция сходки гласила: «Долой существующий режим и нынешнее правительство, да здравствует мир без аннексий и контрибуций!»⁴⁸. Повсюду во всех выступлениях студентов сквозила надежда на скорейшее окончание войны. Она становится содержанием общественно-политического движения студенческой молодежи в антивоенном и антиправительственном потоке общих требований российской демократии.

13 и 14 февраля 1917 г. — важные даты протестного движения в столице в связи с вопросом об открытии Государственной думы и второй годовщины суда над ее депутатами — большевиками. В историографии обычно забывалось, что в нем проявили себя не только рабочие. 14 февраля группы студентов Петербургского университета, Политехнического, Психоневрологического институтов, примкнув к демонстрациям и шествуя по Невскому проспекту, распевали революционные песни вместе с другими представителями городской демократии. В эти дни на периферии в забастовках протеста участвовали студенты Казанского, Новороссийского в Одессе, Харьковского университетов.

Характеризуя участников штурма самодержавия в Петрограде в феврале 1917 г., И.П. Лейберов подчеркнул поддержку рабочих студентами высших учебных заведений начиная со второго дня революции и в последовавшие дни до возникновения Временного комитета Государственной думы и Петроградского Совета рабочих депутатов. И.П. Лейберов особое внимание уделил анализу роли большевиков в привлечении студентов на демонстрации в феврале 1917 г. Он показал роль Русского бюро ЦК, Петербургского и районных комитетов РСДРП, партийных агентов в высших учебных заведениях столицы, сыгравших своей пропагандой и агитацией важную роль в эмоциональной взрывчатости массы студенчества и в поддержке им рабочего движения в ходе восстания⁴⁹.

24 февраля в числе первых представителей демократических слоев столицы рабочих поддержали студенты Петербургского университета и слушательницы Бестужевских высших женских курсов. Канцелярия министра внутренних

⁴⁷ Листовки Московской организации большевиков. 1914—1925 гг. М., 1954. С. 25.

⁴⁸ Кругляк М.Э. Реакция студентов Российской империи... С. 117. Иванова И.В. Революционное движение студенчества в России... С. 103.

⁴⁹ Лейберов И.П. На штурм самодержавия ... С. 140, 145, 168, 170, 175, 184, 196, 197, 205 и др.

дел сообщила министру просвещения, что в этот день в 4-ом часу студенты организовали демонстрацию, которую дважды разгоняли казаки, но студенты перегруппировались и продолжали идти по Большому проспекту на соединение с рабочими⁵⁰.

25 февраля в стачке приняли участие рабочие мастерских Петроградских учебных заведений при Технологическом институте и сами студенты-технологи, а также представители Политехнического института, среди которых «были студенты большевики В.М. Молотов и Н.Г. Толмачев» (Толмачев погиб днями позднее в столкновении с полицией). На Невском проспекте в разгоревшейся всеобщей стачке рабочих полиция отметила активность студентов Петроградского университета и Психоневрологического института. Эмоциональные группы студентов и курсисток были замечены в тот день в 8 уличных митингах, 9 демонстрациях и схватках с полицией и солдатами. Именно студенты распространяли в людском революционном потоке написанные собственноручно листовки: «Все на улицы! Поможем бастующим рабочим!».

В записке Департамента полиции говорилось: «В среде учащихся высших учебных заведений происходят сходки, руководящие ораторами. Учащиеся принимают участие в беспорядках на улицах. В целях пресечения подобных замыслов революционных элементов, предположительно сегодня в ночь провести до 200 арестов среди наиболее активных революционных деятелей и учащейся молодежи»⁵¹. Этот день окончился трагически. Получив приказ Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала С.С. Хабалова, войска начали рассеивать толпы демонстрантов. Улицы столицы оросились кровью. Были убиты сотни людей, и многие сотни ранены, в их числе были и студенты.

Трагические события не заставили народ отступить. 26 февраля схватки с полицией и войсковыми отрядами при участии боевиков из рабочих и студентов участились. В толпах революционного народа появились студенческие добровольные санитарные дружины, оказывавшие первую помощь раненым, доставлявшие их в госпитали и больницы⁵².

События в Петрограде получили немедленный отклик в стране, в том числе и первый — среди студентов высших учебных заведений Москвы, Киевского учебного округа. В Москве 28 февраля толпы студентов университета, оставив занятия, отправились на Воскресную площадь в здание Городской думы для участия в демонстрации. Везде «полисословная природа студенчества» растворялась в толпах демократической интеллигенции, как ее наиболее яркая часть «в связи со склонностью к массовым, единообразным по формам коллективным действиям»⁵³.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 741. Л. 163.

⁵¹ Цит. по: *Барштейн Е.К., Шалагинова Л.М.* Департамент полиции в плане петроградских большевиков в феврале 1917 г. // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 112.

⁵² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 741. Л. 91—92; *Стриевская С.И.* Участие бестужевок в революционном движении // Санкт-Петербургские Высшие женские (бестужевские) курсы (1878—1918 гг.). Л., 1965; Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 2. Л., 1968. С. 40 и др.; *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия... С. 184.

⁵³ *Иванов А.Е.* Студенчество России... С. 6.

Наращение в стране революционного взрыва было сложным, многоуровневым явлением с переплетением в нем множества экономических, социальных, культурных факторов. Как в фокусе они отражались в студенческом движении. А.А. Блок писал З.И. Гиппиус об отношении интеллигенции и студенчества как ее части к народным низам: «Нас разделил не только 1917 г., но даже 1905-ый...»⁵⁴. Выступление студенчества после первых месяцев войны отражали российскую изменившуюся жизнь и являлись частью общего социального кризиса. Число студентов, втянутых в политику, увеличивалось. В канун 1917 г. в студенческой среде уменьшалось число не только «академистов», но и монархистов.

В новейшей историографии российского студенчества в годы Первой мировой войны и его роли в революции 1917 г. подчеркивается вклад исторической науки в эту тему, и объединяющую роль в ней сыграли труды А.Е. Иванова. Как важный предмет для рассуждения и для понимания предпосылок 1917 г. в России, эта тема указывает на огромный пласт новых источников мало изученных архивных фондов, особенно в провинциальных университетских городах. А.Е. Иванов показал важность приобщения историков к анализу журналов и газет того времени — «Правительственного вестника», «Современного мира», «Школы и жизнь» и т.д. В советской историографии опубликованные источники традиционно уделяли внимание промышленным предприятиям и рабочим, их роли в годы войны и Февральской революции. Наступило время «вмонтировать» в эту общую картину прежде всего в Петрограде и Москве ситуацию в университетах, высших учебных заведениях, психологию и деятельность профессуры, российского студенчества.

Тема студенчества зеркально отражает состояние дореволюционного общества, о чем напоминает А.Е. Иванов со ссылкой на замечательных Н.И. Пирогова, В.М. Бехтерева, В.И. Вернадского. Со свойственной молодому поколению гибкостью студенчество легко адаптировалось к общественным процессам формирования гражданского общества, внося в них дух академического свободомыслия⁵⁵.

А.Е. Ивановым сформировано особое направление исследования дореволюционной высшей школы XIX — начала XX в. Оно требует далее специального подробного исследования многих тем этого историографического направления. Одна из них, например, начало отражения в сознании и поведении российских студентов влияния войны на культурный процесс, и др.

Подчеркнем и то, что относится к задаче данной статьи. В отличие от других групп интеллигенции, «привязанной своими материальными и статусными интересами к институтам государства и капиталистического предпринимательства», студенчество «ощущало себя относительно свободным от этих пут». Причиной тому, указывает А.Е. Иванов, «раскрепощенность его социального поведения, выражавшаяся в склонности к радикальному образу действий». Это в свою очередь способствовало усилению политического вли-

⁵⁴ Блок А. Собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 335.

⁵⁵ Иванов А.Е. Студенчество России... С. 5, 141, 158, 394; Иванов А.Е. Студенческая корпорация... С. 158, 199, 390; Иванов А.Е. Мир российского студенчества... С. 5—6.

яния связанных с прогрессивным студенчеством общественных слоев, на их отношении к государственной власти, к самодержавию, инициировала их на открытые действия в борьбе за демократию. А.Е. Ивановым высказана важная мысль о своеобразном сочетании «внутренней» общности студенчества с передовым промышленным пролетариатом. Студенчество также как рабочие, только не в производственной сфере, а «в качестве будущей профессиональной интеллигенции было генетически связано с капиталистическим укладом экономики, перспективами формирования буржуазных основ политического устройства государства российского»⁵⁶.

В годы Первой мировой войны студенты дореволюционной России познали глубже суть царского правительства, а многие — и свое место в общей политической борьбе за демократию, эффективные способы действий при разговорах с властью, в том числе заимствованные у рабочих. Подавляющее большинство студенчества, как и либеральные профессура, и преподаватели высшей школы, встретило Февральскую революцию с энтузиазмом. Самодержавию не удалось репрессивными мерами оградить университеты от экономических, социальных, политических процессов в российском обществе, а тем более, направить общественно-политическую активность студенчества в русло официальной идеологии, — таков итог кануна 1917 г.

К этому времени российское студенчество, исключая незначительную часть приверженцев царской монархии, уже обладало достаточно стойким чувством «кровной причастности» к своему народу, к пониманию необходимости кардинальных перемен в стране, большими темпами приращивало демократическое содержание и формы протестного движения. При всей неоднородности (либералы, социалисты-революционеры, социал-демократы и др.) студенчество встало в феврале 1917 г. на позиции слома самодержавия.

---

⁵⁶ *Иванов А.Е.* Студенчество России... С. 6—7, 391; *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация... С. 394.

Первые советские учебники истории для средней школы

Авторами первых советских учебников для средней школы, появившихся в начале 1920-х гг., были М.Н. Покровский, Н.А. Рожков и М.Н. Коваленский. Наиболее влиятельной фигурой среди них можно считать Покровского, если иметь в виду его место в советской иерархии. Этот историк и член РСДРП с 1905 г. занимал посты первого заместителя наркома просвещения РСФСР (1918—1932 гг.) и председателя Государственного ученого совета (с 1919 г.), руководившего осуществлением советской политики в области науки, искусства, образования. Книга Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», впервые вышедшая в 1920 г. и написанная как популярное издание, первоначально предназначалась не для школы, а для самостоятельного ознакомления с новой концепцией отечественной истории.

Н.А. Рожков же был для учителей истории самой авторитетной научной фигурой из числа тех ученых-гуманитариев, которые пошли на сотрудничество с советской властью. Но в начале 1920-х гг. он находился в политической опале: в 1923 г. был отправлен в ссылку в Псков, получив разрешение на местожительство в Москве только после смерти В.И. Ленина. Его «Учебник истории всеобщей и русской» в 4-х выпусках был издан в 1922 г. Материал о России в нем имелся, начиная со 2-го выпуска.

Известный историк-методист М.Н. Коваленский, преподаватель одной из московских гимназий, лишь немного захватил советское время: он умер в 1923 г. Его «Русская история» в 3-х частях представляла собой переиздание дореволюционного учебника 1912—1913 гг. Третья часть этого учебного пособия вышла в 1925 г. в переработке Е. Мороховца.

Все три учебника были включены в составленные Наркомпросом РСФСР списки рекомендованных школам пособий. Они предназначались для обучения по примерным программам 1920 г., согласно которым для школ II ступени цикл общественно-исторических дисциплин включал историю культуры (на нее отводилось полтора года), историю Запада и России (полгода), новейшую историю Запада и России (изучалась в течение года), историю социализма и экономическую историю (изучались в течение года)¹.

В методическом отношении учебники трех авторов существенно отличались друг от друга. «Русская история в самом сжатом очерке» Покровского была написана ярко, публицистично, политически заостренно, но совсем не как школьный учебник. «Учебник истории всеобщей и русской» Рожкова был научно выдержан-

¹ Примерные программы для школ II ступени. М., 1920. Подробно о программах см.: Бушник Л.П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961. С. 119—131; Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. — вторая половина 1930 гг.). М., 2010. С. 279—282.

ным, но довольно сухим и лаконичным. Он был рассчитан на изучение истории лабораторным методом, методом самостоятельной работы над источниками и литературой, предназначен для закрепления и повторения изученного материала и содержал основные факты и выводы. Противоположный подход характерен для Коваленского: учебник содержит не минимум, а максимум материала, включая предназначенные для самостоятельного изучения хрестоматийные материалы².

Не углубляясь в дидактическую тематику, рассмотрим содержательную сторону учебников, которая имела для того времени приоритетное значение. Главная задача, поставленная перед советской школой и перед историческим образованием, заключалась в формировании материалистического мировоззрения. И в этом отношении приходилось начинать с нуля, с поиска путей, с поиска авторов учебников. Не было тогда образцов и рецептов. Пользуясь образным примером, надо было привить марксизм на имеющийся тогда подвой, на тот фактический исторический материал, который содержался в дореволюционных учебниках. Нужен был свой, советский Иловайский.

Не ставя целью дать всесторонний обзор рассматриваемых учебников, остановимся только на некоторых аспектах их характеристики, позволяющих понять суть смены парадигмы исторического образования. В 1920 г., как отмечается в воспоминаниях академика Н.М. Дружинина, социологические построения М.Н. Покровского³ и Н.А. Рожкова составляли основу исторического образования⁴. В отличие от Покровского и Рожкова М.Н. Коваленский не оригинален в трактовке исторического развития России. Находясь под влиянием взглядов этих и других ведущих отечественных историков (В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова), он эклектичен и местами противоречив.

Сравним периодизацию исторического процесса и освещение социально-экономической истории в рассматриваемых учебниках. В 1920 г. в период становления советской исторической науки проблема периодизации исторического процесса являлась чрезвычайно актуальной. А. Большаков, один из соавторов Н. Рожкова, писал в 1927 г.: «Вопрос периодизации — чрезвычайно важный историографический вопрос. В результате периодизации выявляется и основная точка зрения историка на исторический процесс, и его методологические приемы и, наконец, возможность больших или меньших достижений в связи с намеченной целью. Периодизацию можно сравнить с диагнозом болезни. Лечение болезни только тогда может быть удачным, когда поставлен правильный диагноз болезни. В равной мере и верное понимание исторического процесса и продуктивное изучение истории возможно лишь при наличии надлежащей периодизации прошлого того или иного народа»⁵. Периодизация, добавим к процитированному тезису, определяется теми критериями, тем пониманием исторического процесса, которые дают ключ к его методологическому делению на структурированные части. Поскольку главным требованием к учебникам было

---

² О методических особенностях учебников Рожкова и Коваленского см.: *Волбуев О.В.* Школьные учебники начала XX века по русской истории: функциональность и типология // *Российская история.* 2014. № 1. С. 106—108.

³ Характеристику учебника Покровского см., напр.: *Фукс А.Н.* Школьные учебники... С. 326—350.

⁴ *Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка // *История СССР.* 1961. № 6. С. 149.

⁵ *Большаков А. Н.А.* Рожков как ученый // *Научный работник.* 1927. С. 160.

изложить прошлое с позиций материалистической трактовки, то периодизация тесно увязывается с приматом экономики в развитии общества. Это один освещаемый в статье аспект концептуальности учебного материала. Другим аспектом был оценочный угол зрения: таковым являлось представление о классовом содержании исторического процесса, о классовой борьбе как движущей силе истории. В данной статье указанные аспекты и определяют рамки историографического исследования, за границы которых автор не предполагает выходить.

Признание постулатов марксистского учения в то время отнюдь не означало единомыслия и наличия общей для всех образцовой модели исторического процесса. Уже в изложении фактического материала Киевской Руси отчетливо проявляются различия в акцентах. Для М. Покровского, в соответствии с его преувеличением роли торгового капитала в истории, Киевская Русь — это городская Русь X—XII вв., где господствует ростовщический капитал во главе с ростовщиком-князем: «Гнездом ростовщичества был княжеский двор: князь был первым спекулянт...». Покровский преувеличивает также развитие рабства в Древнерусском государстве, утверждая, что «тогдашние большие города жили работорговлей». Причины упадка древнерусских городов историк видит в перемене направления европейской торговли в связи с крестовыми походами и татаро-монгольскими завоеваниями. После нашествия Батые Русь стала «деревенской страной», а «боярин из ростовщика и торговца превращается в сельского хозяина»⁶.

Для Н.А. Рожкова в соответствии с его концепцией чередования критических и органических эпох (стадий) Киевская Русь с конца X до начала XIII в. переживает период феодальной революции. Главную роль в хозяйстве играет земледелие. «Внешняя торговля по-прежнему не затрагивала глубин народного хозяйства, скользила по его верхам... а торговля внутренняя совершалась почти только на местных небольших базарах...». Поэтому, утверждал историк, «первенствующее значение земледелия в образовании частной земельной собственности не подлежит сомнению»⁷.

М. Коваленский, вслед за Покровским, также преувеличивает значение торговли и рабства в Киевской Руси, но находит в ней, однако, и «зачатки феодализма». «Киевская Русь, — характеризует ее Коваленский, — состояла из множества городских волостей, вечевых республик, с городскими вечами во главе каждой волости, но за спиной городского веча всюду стояли ряды крупных собственников, владельцев крупных вотчин, — князей, бояр, монастырей, с их военными дружинами и зависимыми людьми; это были зародыши феодального строя»⁸. И все же феодализм в Киевской Руси не развился, так как «Киевская история оборвалась на полуслове, а Московская жизнь начиналась с начала»⁹. Коваленский соединяет, склеивает отдельные положения концепций Покровского и Рожкова, а общая рисуемая им картина близка теории городской Руси историка-классика В.О. Ключевского (также и представлениям об общинно-вечевом строе Древней Руси современного историка И.Я. Фроянова).

⁶ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1920. С. 31, 32, 34. (Далее — Покровский, 1920).

⁷ Рожков Н. Учебник истории всеобщей и русской. Вып. II. М., 1922. С. 80, 81.

⁸ Коваленский М. Русская история. Ч. I. М.; Пг., 1923. С. 79.

⁹ Там же. Ч. II. С. 220.

С XIII в., согласно Покровскому, Рожкову и Коваленскому, в России господствует феодализм. «Сущность этих порядков — разъясняет Покровский — заключается в том, что вся земля со всем ее населением находится во власти небольшого количества вооруженных людей, которые со своей вооруженной челядью господствуют над трудящимися классами»¹⁰. Характеристика феодализма упрощена и сведена к социально-экономическому пониманию. Рожков считал феодализм в России недоразвитым, в отличие от западноевропейского феодализма, а его расцвет относил к XIII — началу XIV в. Для русского феодализма, по его мнению, было характерно отсутствие прочного прикрепления крестьян к земле, развитой организации торговли (особенно местных рынков) и ремесла.

Наиболее интересны учебники в освещении истории начиная с XVI в. Со второй половины XVI в. до первой четверти XVIII в. Россия переживает, по Рожкову, период дворянской революции. Сама революция состоит из трех моментов (или этапов): царствования Ивана Грозного, Смутного времени и реформ Петра I. Под дворянской революцией историк подразумевает «переход власти из рук феодальной знати в руки дворянства, в руки, значит, более широкого круга общества, у которого землевладение также составляет основу экономического господства, но который этим землевладением пользуется не только для того, чтобы вести сельское хозяйство, и притом сельское хозяйство, рассчитанное на товарный сбыт, на денежное хозяйство другими словами, но в значительной мере применяет крепостной труд и к обрабатывающей промышленности, главным образом в области кустарного производства»¹¹. В результате дворянской революции в России побеждает торговый капитализм.

Довольно близки Рожкову в понимании переходного периода от феодализма к торговому капитализму Покровский и Коваленский. Для них уже в XVI в. главной силой в Русском государстве становится торговый капитал. В борьбе за власть, развернувшейся в России, «сильнейшим был возникающий и образующийся торговый капитал, который приобрел себе могущественнейшего союзника в лице жадного до денег и жадного до земли мелкого дворянства»¹². Коваленский, так же как и Покровский, считает: «всей хозяйственной жизнью страны задавала тон новая сила — торговый капитал»¹³.

Если Рожков рассматривает опричнину как первый момент (начало) дворянской революции, то Покровский пишет о том, что «в 1564 г. помещики вместе с богатым купечеством и произвели государственный переворот»¹⁴. «Смутное время» для Покровского это прежде всего крестьянская (народная) революция, плодами которой воспользовался торговый капитал: «В лице Минина и Пожарского одержал победу торговый капитал, для которого купцы были хозяевами, а помещики — первыми и ближайшими слугами»¹⁵. Кова-

¹⁰ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 29. (Далее — Покровский, 1933).

¹¹ Рожков Н. Методика преподавания истории и история XIX века. Пг., 1918. С. 60—61.

¹² Покровский, 1920. С. 57.

¹³ Коваленский М. Русская история. Ч. II. С. 84.

¹⁴ Покровский, 1920. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 80.

ленский также характеризует Смутное время как революцию в Московском государстве, в результате которой «торговый капитал торжествовал победу»¹⁶.

Согласны все три историка и в оценке реформ Петра Великого как завершающего этапа переходного периода от феодализма к торговому капитализму. Покровский полагал, что в ходе Северной войны окончательно сложился механизм самодержавного правления Романовых. Хозяйственной основой этого государственного механизма были, с одной стороны, крепостное имение, с другой, купеческий капитал. Вся государственная система обеспечивала первоначальное накопление капитала в крепостной России. Коваленский в свою очередь так оценивал первую четверть XVIII века: «эпоха Петра Великого — главным образом эпоха торжества торгового капитала, посадского класса, эпоха завоевания России этой буржуазией»¹⁷. У Покровского имеется довольно образная, доступная для учащихся характеристика торгового капитализма: «Торговый капитал не организовывал производство: он брал готовое. Крестьянин сеял и жал хлеб, рыбак ловил рыбу, охотник бил зверя, сапожник тачал сапоги, деревенские женщины ткали холст как умели и как научились от отцов и дедов, матерей и бабушек. Купец приходил и брал, потом он начал иногда давать сырье, чтобы вернее закабалить мелкого производителя»¹⁸. Если отбросить те или иные определения и частные оценки, то все три историка созвучно, в унисон характеризовали период торгового капитализма в России.

Ряд отличий наблюдается у авторов учебников в трактовке ими российской истории с 1725 г. до начала XX в. Для Н. Рожкова это период полного господства дворянства и старого порядка. Расцвет господства дворянства приходится на последние три четверти XVIII в. Царствования Александра I и Николая I являются временем разложения старого порядка. Верховная власть «имеет характер самодержавной монархии. Но эта монархия не есть личное самовластие, а дворянское самодержавие, т.е. монархическая власть, выражающая интересы дворянства»¹⁹. Согласно Покровскому, торговый капитализм продолжал развиваться весь период «и полного своего расцвета достиг как раз во второй половине XIX столетия»²⁰. Возникает вопрос о соотношении торгового и промышленного капитала как социально-экономических факторов. Покровский рассматривает это соотношение в плане борьбы торгового капитала с промышленным. Он пишет о коренном противоречии между торговым и промышленным капитализмом, видит в них только конкурентов и антагонистов. Исходя из этой позиции, Покровский, например, заявляет о промежуточном характере царствования Николая I, когда «промышленный капитализм уже был налицо и боролся за власть с торговым, но последний был настолько силен, что не шел ни на одну явную уступку, стараясь закупить своего соперника тайными поблажками»²¹.

Реформу 1861 г. Покровский рассматривает как своего рода компромисс между торговым и промышленным капитализмом. «Те победы, — утвержда-

¹⁶ Коваленский М. Русская история. Ч. II. С. 115.

¹⁷ Там же. С. 225.

¹⁸ Покровский, 1933. С. 73.

¹⁹ Рожков Н. Учебник истории... Вып. III. С. 76.

²⁰ Покровский, 1920. С. 106.

²¹ Там же. С. 133.

ет он, — которые одерживал промышленный капитал, были им одержаны в союзе с торговым: «освобождение» крестьян... в 1861 г. могло состояться только потому, что оно и торговому капиталу оказалось выгодно. А полной ликвидации чиновничьего государства русской промышленной буржуазии так и не удалось достигнуть, потому что торговому капиталу это государство не было нужно. И оно дожило до Февральской революции 1917 г. Политическое торжество промышленного капитализма только на 8 месяцев опередило пролетарскую революцию»²².

Весь период от Петра I до реформы 1861 г. М.Н. Коваленский характеризует как дворянский феодализм. В отличие от Покровского он считает, что «господствующее положение которое достигло в эпоху Петра Великого торговая буржуазия, оказалось очень непрочным»²³. Дворянство же в результате реформ обратило поместья в вотчины, а крестьян в холопы. Третья и последняя часть учебника Коваленского заканчивается реформами 1860—1870 гг. Развитие в России промышленного капитализма относится им только к началу XX в.

Время с 1725 по 1855 г., в оценке Н.А. Рожкова, это период господства земледельческого дворянства, в руках которого власть находилась целиком. Вторая часть этого временного периода с 1815 г. характеризуется как процесс разложения старого порядка. Главное направление развития идет в русле сближения с Западной Европой. Но крепостничество, которое историк образно определял как ядро каторжника, тянет Россию назад. Чем дальше заходит разложение старого порядка, тем больше нарастает сословно-дворянская самозащита от перемен.

Выделим общие черты всех трех авторов в понимании исторического процесса. Им присуще его трактовка в свете примата экономического фактора, но у каждого из авторов есть своя социологическая схема. У Рожкова — это модель чередования критических и органических периодов в истории. У Покровского — это всепроникаемость торгового капитализма в исторический процесс, и так вплоть до полного утверждения господства промышленного капитализма. У Коваленского больше эклектики в попытках соединить новые, марксистские взгляды с взглядами классиков российской историографии.

Однако для характеристики учебников недостаточно сравнить их только по линии освещения социально-экономического развития России. Необходимо также выяснить, как в них раскрываются вопросы классовых взаимоотношений и классовой борьбы.

Лейтмотивом «Русской истории в самом сжатом очерке» является раскрытие на конкретном материале русской истории, как признается сам М.Н. Покровский, марксистского положения о том, что «история двигается при помощи борьбы классов, классов угнетенных, эксплуатируемых, крестьян и рабочих, с классами, которые угнетают и эксплуатируют — с помещиками и буржуазией»²⁴. Соответствующим образом трактуется и государство — как аппарат насилия имущих над неимущими. Покровский не упускает случая,

---

²² Там же. С. 107.

²³ Коваленский М.Н. Русская история. Ч. III. М.; Л., 1925. С. 235.

²⁴ Покровский, 1920. С. 12.

чтобы описать те рычаги принуждения, которые принадлежат классам, держащим в своих руках государственную власть: политическую полицию от Приказа тайных дел до Третьего отделения, армию, бюрократические учреждения, судебные органы и имперское законодательство. Историк дает марксистскую классовую оценку роли религии, церкви и духовенства в русской истории. Ни в одном из учебников так страстно не обличались порядки и пороки самодержавия, крепостнического государства, либерализм русской буржуазии, классовая ограниченность мелкобуржуазного радикализма, как в «Русской истории в самом сжатом очерке».

М.Н. Покровский живописует представителей династии Романовых густой черной краской. Негативные портреты встраиваются в деградирующую линию династии: Николай I под конец опротивел даже тем, кто от него кормился; при Александре II «стали вешать так, как не вешал и Николай... только при Николае II Россия узнала, что на русском престоле может быть еще большее ничтожество, чем Александр III: раньше казалось, что ниже пасть династия “Романовых” уже не может». «Коронованному зверью» противопоставлялись портреты «замечательных русских заговорщиков» Пестеля и Желябова²⁵. Классовый взгляд на события и личности заводил Покровского за пределы исторической науки, в политическую публицистику.

М.Н. Коваленский признает важную роль классовой борьбы в истории, но не сводит все к ней, как Покровский. В учебнике Коваленского подробно рассказывается о народных движениях, но классовая борьба как таковая констатируется, но не преподносится как движущая сила истории.

В учебнике истории всеобщей и русской Н.А. Рожкова трактовка классовой структуры общества и социальной природы государства в основном та же, что и в его дореволюционных учебниках. Характеризуя классовый характер самодержавия, он формулирует: «Эта монархия не есть личное самовластие, а дворянское самодержавие, т.е. монархическая власть, выражающая интересы дворянства»²⁶. Деятельность исторических личностей представлена с позиций классовой борьбы, но без явного политического уклона, как у Покровского. И тем не менее «экономизм» и «эволюционизм» Рожкова приводили к тому, что в его учебниках отводилось классовой борьбе мало места. Так, о крупнейших народных восстаниях в России (под руководством Болотникова, Разина, Пугачева) речь идет вскользь, по одной-двум фразам о каждом. По сравнению с учебниками Коваленского и Покровского учебники Рожкова выдержаны по содержанию и манере изложения в академическом стиле.

Все три автора считали себя марксистами, но их «марксизмы» первой половины 1920-х гг. не очень похожи друг на друга и еще более не схожи с той универсализированной марксистской конструкцией российской истории, которую представляли советские учебники, начиная с учебника А.В. Шестакова.

---

²⁵ Покровский, 1933. С. 149, 152.

²⁶ Рожков Н. Учебник истории... Вып. III. С. 76.

Андреева Т.В., Соломонов В.А.

С.Н. Чернов и саратовское научное краеведение

В перечне много потрудившихся во славу отечественной исторической науки одно из почетных мест занимает видный российский ученый, стоявший у истоков советского декабриствоведения и научного краеведения, профессор Сергей Николаевич Чернов (1887—1941).

На сегодня мы имеем множество различных изданий, дающих ясное, хотя и далеко не исчерпывающее, представление о личности историка, его научно-педагогической и общественной деятельности¹.

Будучи коренным саратовцем, С.Н. Чернов с радостью воспринял известие об открывшемся на его родине историко-филологическом факультете и сразу же изъявил желание стать его полноправным членом. В сентябре 1917 г. он вернулся с этой целью в родной город и 21 октября направил в Совет историко-филологического факультета Саратовского университета прошение с просьбой о зачислении его приват-доцентом по кафедре русской истории. Через год, 27 ноября 1918 г. он был утвержден в звании профессора, оставаясь таковым вплоть до своего ухода из университета².

Саратовский период научно-исследовательской и педагогической деятельности ученого, длившийся одиннадцать лет (по 1 октября 1928 г.), был весьма интенсивным и многоплановым. В этом убеждает разнообразная тематика учебных курсов и семинарских занятий, которая С.Н. Черновым была положена в основу работы со студенческой аудиторией. В первом 1917/18 учебном году им прочитан курс лекций, отражавший научно-исследовательские интересы ученого дореволюционной поры. В последующие годы он читал спец-

¹ См.: *Порох И.В.* Некоторые вопросы истории общественного движения в России в первой половине XIX в. // Учен. зап. / СГУ. Т. 68. Саратов, 1960; *Дербов Л.А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983; *Воронихин А.В.* К 100-летию со дня рождения Сергея Николаевича Чернова // История СССР. 1988. № 3; Сергей Николаевич Чернов // Освободительное движение в России. Вып. 12: Вопросы истории освободительного движения в России XIX века. Саратов, 1989; *Миронов В.Г., Широкова В.В.* С.Н. Чернов в саратовском историческом краеведении // Российская провинция XVIII—XX веков: реалии культурной жизни. Кн. 2. Пенза, 1996; *Андреева Т.В.* Некоторые вопросы истории либерального движения в освещении С.Н. Чернова // Третьи мартовские чтения памяти С.В. Окуня. СПб., 1997; *Максимов Е.К.* К биографии Сергея Николаевича Чернова // Историк и историография. Саратов, 1999; *Сергеевко М.Е.* Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете // Деятели русской науки XIX—XX веков. Вып. 2. СПб., 2000; *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887—1941. Саратов, 2006; *Соломонов В.А., Шишкина Т.А. С.Ф.* Платонов и саратовское научное сообщество: (Из эпистолярного наследия ученого) // Историографический сборник. Вып. 23. Саратов, 2008; *Соломонов В.А.* 1928 год в судьбе профессора Сергея Николаевича Чернова: (к истории одного университетского конфликта) // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Сер. История. Международные отношения Т. 8. Вып. 1. 2008; и др.

² Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПб. ИИ РАН). Ф. 297 (С.Н. Валк). Оп. 1. Д. 249. Л. 8, 14.

курсы по исторической географии, методологии источниковедения и истории политических движений 1910—1920-х годов.

В это же время С.Н. Чернов стал «подлинным организатором и вдохновителем» саратовского научного краеведения³, уходящего своими корнями в бурную и весьма плодотворную деятельность Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). До 1917 г. ее научная репутация находилась на очень высоком уровне: «Собирание и сохранение памятников старины — вещественных и письменных — шло и развивалось вполне нормально, и деятели комиссии, основываясь на отзывах вполне компетентных учреждений, могли с уверенностью полагать, что они вполне добросовестно выполняют принятые на себя обязательства». Но происшедший «Февральский переворот выбил со всей Россией из налаженной колеи и архивную комиссию»⁴.

О том, какое психологическое воздействие оказала революционная стихия на общую политическую атмосферу в Саратове и настроения членов СУАК, в частности, свидетельствует письмо А.А. Гераклитова к С.Д. Соколову от 17 марта 1917 г. В нем он писал: «Великая русская революция, взволновавшая необъятное море российского государства, тем самым подняла из глубины массу всякой нечисти, грязи и мути. Теперь, как говорится, даже придорожная грязь приняла красный цвет. Был большой риск, что сумятица захватит и нас в общем течении... В первые дни наши принципалы так растерялись, что председатель (В.А. Павлов. — *авторы*) собственноручно тащил в укромный уголок бюст и портрет Столыпина, а Владимир Осипович (Жеребцов. — *авторы*), вообразив какой-то погром, спрятал и портрет государя и даже в[еликого] к[нязя] Константина Константиновича. В[ладимир] О[сипович] теперь заявляет, что он родился республиканцем и только по ошибке попа окрещен Владимиром. Наш председатель всячески открещивается от связей с Кульчицким и даже уверяет, что был под подозрением у жандармерии... Твой преемник по библиотеке — А.В. Колокольцев — сделался до такой степени красным, что около него пышет, как от печки... Кротков неожиданно попал в черносотенники, т.к. отказался идти с чиновниками казенной палаты под плакатом демократической республики...»⁵.

Из приведенного документа явствует, что общая политическая обстановка, сложившаяся в городе после свержения царизма, оказала достаточно сильное, но отнюдь не самое благотворное воздействие на деятельность СУАК. Во-первых, серьезно пострадал ее кадровый состав: из комиссии ушли наиболее деятельные и молодые сотрудники, нашедшие «себе работу, более отвечающую их потребности в общественной деятельности. В комиссии остались на первое время только те, для которых интересы этого учреждения дороже всего остального, но, конечно, таких нашлось немного». Во-вторых, резкое обострение экономического кризиса в стране подорвало материально-техниче-

³ Миронов В.Г., Широкова В.В. С.Н. Чернов в саратовском историческом краеведении... С. 321.

⁴ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Оп. 2. Д. 309. Л. 1—2 (Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1917 г.).

⁵ Там же. Д. 817. Л. 28—29 об. (Письмо А.А. Гераклитова С.Д. Соколову от 17 марта 1917 г.).

скую и хозяйственную базу Комиссии, и она лишилась всякой возможности реализовывать ранее намеченные издательские проекты.

Однако, «как ни тяжело было положение к[омис]сии в несчастный 1917 г., — подчеркивалось в ее годовом отчете, — все же она не замерла окончательно и по мере сил и возможности не только продолжала свою обычную деятельность, но и развила ее. Так, вместо угасшего в связи с переворотом музея имени П.А. Столыпина возник новый отдел по истории общественного движения; на смену выбывающим работникам — являются молодые, со свежими силами продолжающие прежнее дело. Открытие при университете историко-филологического факультета влило, дало новый, более научный оттенок — дальнейшему развитию к[омисс]ии». Члены ее правления лелеяли надежду на то, что СУАК, «если она сумеет удержать в своей среде тех сотрудников, которых счастливый случай послал ей в этом году, без сомнения победит временные затруднения и с честью выйдет из постигшего ее испытания на широкую и прямую дорогу»⁶.

С именем С.Н. Чернова неразрывно связана деятельность членов СУАК по спасению уничтожаемых повсюду культурных ценностей. Одной из злободневных задач, стоявших тогда перед сотрудниками Комиссии, стала широкая регистрация и охрана «частных собраний, как в усадьбах, так и городах, если этим собраниям грозит гибель». Особенную тревогу вызывали помещицы усадьбы, где были сосредоточены частные библиотеки, собрания фамильных бумаг, вотчинные делопроизводства крепостного времени. На территории Саратовской губернии под угрозой исчезновения оказались фамильные бумаги князя А.А. Васильчикова (Петровский уезд), вотчинный архив графов Шереметевых (Баланда), собрание масонских рукописей, книг и архив в имении графа А.Д. Нессельроде (Царевщина Вольского уезда), библиотеки в имениях княгини А.С. Голицыной (Петровский уезд) и князей Куракиных (Сердобский уезд)⁷.

«Спаси пока, что можно», — вот что заботило в первую очередь таких энтузиастов саратовского краеведения⁸, как С.Н. Чернов. Но и их самоотверженных усилий часто не хватало для того, чтобы «оказать реальную помощь в деле охраны архивов и библиотек в бывших помещичьих усадьбах. В течение года поступали заявления о расхищении или ожидающейся гибели помещичьих архивов и библиотек, как, например, в усадьбе Я.В. Ознобишина, в усадьбах Прозоровского и Голицына в Зубриловке, в имении... князей Куракиных и проч[их], но Архивная Комиссия не имела ни прав, ни средств, ни возможности предпринять что-либо»⁹.

Такие же «почти неразрешимые задачи по спасению от гибели архивов ликвидированных губернских учреждений, а также помещичьих и вообще частных библиотек» легли на плечи членов СУАК с приходом к власти большевиков: «Ни средств на перевозку, ни мест для склада грандиозного коли-

⁶ Там же. Д. 309. Л. 1—4 (Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1917 г.).

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 320. Л. 17 (Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1918 г.).

чества дел, выбрасываемых из б[ывших] губернских учреждений, — не было. Точно также и наличных сил Комиссии для осмотров, переговоров, приема, нагрузки и размещения — не хватало»¹⁰.

Ревнителей саратовской старины пугали не столько новые финансовые и хозяйственные трудности, сколько перемены, происшедшие в отношении местной власти к вопросам сохранения документального и культурного наследия. Если «во всех этих шагах своих Архивная комиссия встречала чрезвычайно благожелательное к себе и к своей работе отношение со стороны г[осподина] Комиссара Временного правительства в Саратове Д.А. Топуридзе и его ближайших помощников», то после Октябрьского переворота ситуация, по мнению С.Н. Чернова, кардинально изменилась. «Та связь с прошлым, — замечал он, — которую прежняя власть признавала, теперь оказалась оборванной, и архивы, как ее выражение, перестали быть важными для власти... Архив еще продолжает сохранять важность, когда он или его часть нужны для ликвидации какого-либо учреждения — т.е. на предмет учета всякого рода имущества и обязательств. По окончании ликвидации он теряет всякую важность, — и у комиссара по ликвидации учреждения быстро появляется соблазн продать ненужный архив... Случалось, что архив по самому своему составу казался нижним агентам власти опасным, и тогда они за благо почитали его уничтожить. В своих переговорах с членами Архивной Комиссии такие и им подобные агенты власти обычно ставили ультимативные требования, исполнение коих было явственным образом невозможно, — вроде того, чтобы разобрать и увезти архив размером около двух погонных верст в два или три дня»¹¹.

Позицию высшей губернской власти в этом вопросе С.Н. Чернов расценивал неоднозначно. Подчеркивая, с одной стороны, что «она всегда понимала значение архивов губернии для изучения в будущем ее истории и всякий ей ненужный архив считала важным сохранить от гибели», он в то же время оговаривался: «К сожалению, однако, губернская власть никогда не проявила своей благожелательности во всей полноте и власти»¹².

Но, несмотря на частое непонимание новой властью ценности архивов и важности их сохранения для последующих поколений россиян, Саратовской

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7798 (А.С. Николаев). Оп. 1. Д. 81. Л. 6 (Чернов С.Н. Записка о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии, представленная в Главное управление архивным делом. Петроград, 4—6 июня 1918 г.).

¹² Там же. Л. 6 об. Аналогичные суждения содержатся и в заметке С.Н. Чернова о деятельности Саратовского Общества истории, археологии и этнографии, написанной в 1921 г. специально для журнала «Наука и ее работники»: при «весьма неблагоприятных обстоятельствах к[омиссия] при разнообразном содействии родного университета все же нашла в себе силы для упорной работы по линии своей основной задачи — спасения всего того, что сможет стать для будущего исследователя историческим источником. Правда, здесь ей пришлось встретить противодействие и со стороны тех, кто, не веря в конечные итоги развития событий, по-прежнему упорно хотел все иметь у себя дома, не желая расставаться с семейной стариной... а потом и со стороны иных людей, которые, взяв власть в свои руки, или считали законченными счеты со старым миром не только на деле, но и по духу своей идеологии, или горячо боялись его возвращения — и по тому и другому одинаково были готовы к разрушению остатков старины, лаконически говорили про архивы “сжечь!” и бросали их на площадь под открытое небо и падающий снег...» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 376. Л. 2—2 об.).

ученой архивной комиссии удалось сделать очень многое. И заметную роль в этом сыграл именно С.Н. Чернов, который непосредственно участвовал в борьбе «с хищением архивов и спекуляцией на них». Благодаря его стараниям в январе 1918 г. «удалось вернуть с базара и принять у скупщиков архив Полицейского управления, проданный милицией», и поместить его на временное хранение в здании университета. В это же время С.Н. Черновым, а позже С.Д. Соколовым, велись «переговоры с анархистами, захватившими здание Биржи, о судьбе архивов б[ывших] военно-промышленного Комитета и Биржевого общества»; по его же предложению «принимались меры к приобретению протоколов культурно-просветительной секции Совдепа»¹³. А месяц спустя С.Н. Чернов, совместно с членами юридического факультета Саратовского университета, участвовал в спасении от гибели архива губернского правления, подлежавшего немедленной перевозке¹⁴.

В итоге, архивами оказались «завалены два дома Архивной комиссии, флигеля, подвалы, коридоры, даже зал музея, несколько помещений в разных частях города, отведенных при содействии Отдела народного образования». В общей сложности, как указывалось в «Записке» С.Н. Чернова, представленной в 1918 г. в Главное управление архивным делом, сотрудниками СУАК «архивов и книг было... перевезено не менее 230 возов. В настоящее время, — подчеркивалось далее, — к[омисс]ии предстоит принять... едва ли менее, чем вдвое более перевезенного, т.е. 460 возов. Количество их увеличится еще, если приведут к цели предпринятые к[омисс]ией шаги о передаче ей духовною властью архивов Вольского и Петровского духовных правлений. Их количество увеличилось бы еще, если бы удалось улучшить связь с уездами и вообще обслуживаемым к[омисс]ией краем и наладить спасение и охрану архивов на местах»¹⁵.

В дальнейшем историко-краеведческая деятельность С.Н. Чернова была тесно связана с работой Отдела истории общественного движения, образованного 5 октября 1917 г. на базе бывшего Музея памяти П.А. Столыпина и сбором исторических материалов при рукописном отделе библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии. Заведующим этим отделом тогда же был избран Г.Г. Сушкин, а его товарищами — университетские профессора С.Д. Соколов и С.Н. Чернов.

Верными помощниками отдела стали члены Архивной комиссии — С.И. Быстров, К.Я. Виноградов, Н.Д. Россов, Б.Ф. Воронков, А.А. Ге-

¹³ Там же. Д. 310. Л. 2 (Докладная записка о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за период с марта 1917 г. по 31 декабря 1918 г.); Д. 320. Л. 10—11 (Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1918 г.).

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7798 (А.С. Николаев). Оп. 1. Д. 81. Л. 7 (Чернов С.Н. Записка о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии, представленная в Главное управление архивным делом. Петроград, 4—6 июня 1918 года); Тельберг Г.Г. «Университет жил совершенно нормальной жизнью» / Публ. В. Осина // Источник. 1998. № 3 (34). С. 78—79.

¹⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 310. Л. 2 об. (Докладная записка о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за период с марта 1917 г. по 31 декабря 1918 г.); ГА РФ. Ф. Р-7798 (А.С. Николаев). Оп. 1. Д. 81. Л. 7 (Чернов С.Н. Записка о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии, представленная в Главное управление архивным делом. Петроград, 4—6 июня 1918 года).

раклитов, В.Н. Золотарев, А.А. Кротков, С.В. Линькова и другие. Заметное содействие в собирании материалов оказывали отделу также различные губернские общественные учреждения, партийные и иные организации, такие как: Губернский комиссариат (до октябрьского переворота), Земская управа, Совет крестьянских депутатов, Культурно-просветительная комиссия при военной секции Совета солдатских и рабочих депутатов, Союз земельных собственников, партии: Народной Свободы, Трудовой народно-социалистической, социалистов-революционеров, РСДРП, редакции газет: «Земля и Воля», «Известия Саратовского Совета солдатских и рабочих депутатов», «Пролетарий Поволжья», «Саратовский вестник» и другие. Но вскоре, со слов С.Н. Чернова, «политические и общественные работники и круги, внимание и силы которых с сентября были отданы выборам в Учредительное собрание, вихрем октябрьских и ноябрьских событий были отнесены еще далее от работы, на помощь их в которой рассчитывал отдел. А загнанная в подполье свободная речь не всегда доходила до отдела и тонула, не достигнув его...»¹⁶.

Действуя в стесненных и зависимых от разных обстоятельств условиях, СУАК все же смогла сохранить в глазах общественности свой научный статус и добиться его признания со стороны местных¹⁷ и центральных¹⁸ органов большевистской власти. Однако в своей практической деятельности она по-прежнему продолжала остро ощущать материально-финансовый голод и отсутствие в ее распоряжении необходимых площадей для хранения спасенных ею культурно-исторических ценностей.

Тогда С.Н. Чернов предложил правлению СУАК «войти в Совет с проектом создания Центрального архива Саратовского края»¹⁹. Летом 1918 г. он представил специально по этому поводу составленную записку, в которой детально изложил собственное видение проблемы. Согласившись с указанными в ней доводами, правление приступило к реализации заявленного проекта, который «в дальнейшем расширен был до мысли о создании Центрального архива Области Нижнего и Среднего Поволжья»²⁰. Вскоре были составлены и направлены для рассмотрения и утверждения в соответствующих губернских правительственных инстанциях смета и подробный доклад, раскрывавший важность и своевременность предлагаемого решения. «Причем, — замечал С.Н. Чернов, — исчисленная Комиссией смета в 63 т[ысячи] единовременно и 19 т[ысяч] ежегодно, с соответственным уменьшением первой цифры в зависимости от передачи Комиссии инвентаря ликвидированных архивов, не встретила возражений со стороны г[осподина] Комис-

¹⁶ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 309. Л. 28—30 (Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1917 г.).

¹⁷ Там же. Д. 325. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 320. Л. 8—9 (Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1918 г.).

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7798 (А.С. Николаев). Оп. 1. Д. 81. Л. 6 об. (Чернов С.Н. Записка о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии, представленная в Главное управление архивным делом. Петроград, 4—6 июня 1918 года).

²⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 320. Л. 12—13 (Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1918 г.).

сара, но и не осуществилась за неимением в распоряжении Совета нужных сумм»²¹.

В результате усилий всех заинтересованных лиц 4 июля 1918 г. в Саратове был создан Центральный губернский архив и учреждена должность уполномоченного Главного архивного управления. В его обязанности входило осуществление жесткого контроля над сохранностью и учетом ведомственных архивов не только в Саратове, но и в волостях и уездах губернии. Отныне работа по собиранию и концентрации исторических архивов, которой в течение многих десятков лет на общественных началах занималась исключительно Саратовская ученая архивная комиссия, целиком сосредотачивалась в государственном учреждении, имеющем для этого все необходимые юридические и финансовые условия²².

Успешно справившись с одной нелегкой задачей — созданием губархива, СУАК приступила к преодолению следующей, гораздо более трудоемкой проблемы — поиску новых организационных форм и правовых основ, в которых с учетом изменившейся ситуации могла бы строиться и развиваться ее собственная деятельность.

Встревоженный дальнейшей судьбой «милой старушки Архивки», пытавшейся сохранить свою самостоятельность как общественной краеведческой организации, С.Н. Чернов на общем собрании членов СУАК 30 октября 1919 г. озвучил идею о преобразовании комиссии в Общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ). Поддержанный единомышленниками, он незамедлительно приступил к разработке программных и уставных его положений, после чего потратил немало усилий на их утверждение в Главархиве и местной администрации²³. Отчет СУАК за 1919 г. заканчивался отнюдь не двусмысленно: «Саратовская архивная комиссия умерла! Да здравствует Саратовское об[щест]во истории, археологии и этнографии!»²⁴. Однако, как свидетельствуют архивные источники и труды саратовских краеведов, официальной датой создания ИСТАРХЭТ все же следует считать 21 июня 1920 г., когда Саратовским губисполкомом был рассмотрен и утвержден устав общества²⁵.

С организационной и финансовой стабилизацией жизнедеятельности Архивной комиссии, а после ее реорганизации и новой краеведческой структу-

²¹ ГА РФ. Ф. Р-7798 (А.С. Николаев). Оп. 1. Д. 81. Л. 6 об. (*Чернов С. Н.* Записка о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии, представленная в Главное управление архивным делом. Петроград, 4—6 июня 1918 года).

²² *Миронов В.Г., Широкова В.В.* С.Н. Чернов в саратовском историческом краеведении... С. 322; *Данилов В.Н.* «Золотое десятилетие» саратовского исторического краеведения (1920-е годы) // Поволжский край. Вып. 2. Саратов, 2000. С. 171; *Попкова Н.А.* Александр Александрович Гераклитов // *Гераклитов А.А.* Воспоминания. Саратов, 2004. С. 11.

²³ *Миронов В.Г., Широкова В.В.* С.Н. Чернов в саратовском историческом краеведении... С. 324; *Данилов В.Н.* «Золотое десятилетие»... С. 171; *Скиданов М.Е.* Краеведческое движение 1920-х гг. в Саратовской губернии как явление общественной и научной жизни региона: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 44.

²⁴ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 320. Л. 70 (Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1919 г.).

²⁵ Там же. Д. 435. Л. 1. См. также: *Миронов В.Г., Широкова В.В.* С.Н. Чернов в саратовском историческом краеведении... С. 324; *Данилов В.Н.* «Золотое десятилетие»... С. 171.

ры — ИСТАРХЭТ, связано и другое предложение С.Н. Чернова — создание в городе самостоятельного Института по изучению археологических, исторических и природно-географических особенностей Саратовского края. Озвученное на заседании правления СУАК 16 января 1919 г., оно встретило одобрение и на общем собрании ее членов 19 января того же года.

О роли в этом деле С.Н. Чернова свидетельствуют многие источники, в том числе и его частная переписка с А.А. Герасимовым. Так, сообщая в одном из писем к нему о визите в Саратов П.Л. Маштакова — члена Совета Российской академии истории материальной культуры (РАИМК), раскрывшего планы ее руководства «о создании органов на местах, полагая использовать для этой цели существующие там организации, и что в этом направлении определенно шли речи о нашей милой старушке Архивке, о которой он выразился, что “слава” ее “повсюду гремит”», Сергей Николаевич, как о чем-то давно уже решенном, писал: «Дело получает тогда такой вид: в Саратове создается губернское или областное Отделение Академии ист[ории] м[атериальной] к[ультуры], или — что, как я его понял, лучше, ибо будет больше самостоятельности — целый Институт ист[ории] м[атериальной] к[ультуры]. Это учреждение, материально обеспеченное с правами и авторитетом правительственного места, — нечто, значит, вроде Вашего Губархива. Фонды Общества переходят к нему и этим путем спасаются от всякой Виноградовщины или Баллодовщины (а, б[ыть] м[ожет], и Веретенниковщины). Он состоит из 3 отделов: Этнографии, Археологии и Исторической Географии и может иметь 3 особые комиссии: иконографическую, картографическую и нумизматическую, а я думаю и четвертую: библиографическую. Все работники — платные, с хорошими ставками. В каждом отделе и каждой к[омиссии] — один старший (в отделах, кажется, заведующий, в к[омиссиях] — председательствующий), остальные сотрудники: постоянные (ученые) и временные (научные), кажется по 1 каждого сорта. Как Вы видите, план такой широкий, что поглотит всю работу и всех активных... работников Общества». При этом, как полагал С.Н. Чернов, «Общество может продолжать существовать и рядом с новым учреждением (Отделением или Институтом), как чисто ученое Общество, слушающее доклады и издающее труды».

Для реализации этого плана необходимо было сформировать инициативную группу, которая бы представила в РАИМК «официальное заявление о необходимости образования здесь областного или губернского (с указанием на предпочтительность *областного*) Института и частное письмо председателю Академии с указанием на обстоятельства, по которым нельзя медлить с созданием Института (политика удушения Общества, проводимая К.Я. Виноградовым)»²⁶.

²⁶ В этом же письме к А.А. Герасимову С.Н. Чернов пояснял: «Виноградов медленно, но верно ведет свою политику удушения. Он стремится сейчас вывести из Общества всю археологическую работу и сосредоточить ее в Секции, сделав ее из органа административного органом и ученым. Относительно библиотеки он в порыве раздражения бросил уже какие-то слова о “помимо Общества”. Музей общественного движения он — к счастью, медленно — растаскивает. Часть членов Правления у него на службе; все ассигновки идут через него...» (Письмо С.Н. Чернова А.А. Герасимову [май 1920 г.] см.: Отдел рукописей и редких книг Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета (ОПРК ЗНБ СГУ). Личный фонд А.А. Герасимова).

По мнению автора письма в эту группу должны были войти как члены университетской коллегии А.А. Гераклитов, В.А. Павлов, В.А. Бутенко, Б.М. Соколов, Н.К. Пиксанов, Е.Н. Петров и С.В. Юшков, так и самой «Архивки» — А.А. Кротков, Б.В. Зайковский, П.Н. Шишкин, С.Д. Соколов, В.И. Оппокова, С.И. Быстров и М.В. Готовицкий. Сам же Сергей Николаевич, по приезде в Петроград, брался «лично за свой страх и риск» навести обо всем нужные справки, после чего ждать окончательного решения из Саратова: «Если оно будет за возбуждение дела, — сообщал Чернов, — я пойду дальше справок; если нет, не пойду»²⁷.

Имелись у С.Н. Чернова и собственные суждения касательно «вопроса о распределении портфелей» в будущем Институте. В письме к А.А. Гераклитову он замечал: «Я перекидывался по этому поводу несколькими соображениями с А.А. Кротковым, В.Ип. Оппоковой и П.Г. Любомировым. Чрезвычайно сожалею, что не могу потолковать обо всем этом с Вами... Речь шла в этой связи и об Н.Ф. Лаврове по части археологии и историко-географических трудов. Я не успел еще переговорить с В.Ип. [Оппоковой] и А.А. [Кротковым] относительно предложения П[авла] Г[ригорьевича] привлечь к работе в отдел Археологии отличного томского археолога Смолина, писавшего о скифах и копавшего Болгарию...». Ученым секретарем института «после долгих колебаний согласилась быть, если только какие-нибудь беды, которые ей грозят, не выреализируются в непреодолимое этому препятствие», В.И. Оппокова. Председателем же планируемого учреждения, по глубокому убеждению Сергея Николаевича, должен был стать непременно П.Г. Любомиров, принципиальным согласием которого ему удалось заручиться. Предвидя возможные вопросы или возражения против кандидатуры П.Г. Любомирова, Чернов убеждал старого друга: «Милый А[лександр] А[лександрович], отбросьте свое не доверительное к нему отношение и поверьте мне, что это очень хороший и честный человек; я знаю его с 1908 г., значит 12 лет, и должен сказать, что мало знаю таких, как он, хороших и честных людей. Бывает часто, что я ошибаюсь в людях, но ошибаться 12 лет сряду я не могу. Он сумеет отлично наладить отношения с внешнею властью и с Академией, достаточно авторитетен для нее, опытен, одарен большими научными и организаторскими дарованиями, способен увлекаться — и я думаю, что с головою уйдет в новое дело»²⁸.

Но, увы, предпринятые в этом направлении усилия так и не достигли желаемой цели. В письмах к С.Ф. Платонову той поры С.Н. Чернов с душевной болью сообщал: «Ужасная почтовая волокита привела к тому, что дело о преобразовании Архивки до сей поры не завершилось ничем. Наш делегат, проф[ессор] Б.М. Соколов, в конце этой недели выезжает в Москву, а оттуда в Петроград. А пока что мы существуем в старых формах, и я порою совершенно заматываюсь в них и от них». Так же ничем закончилась поездка в Петроград с поручением «хлопотать по делу о преобразовании нашего О[бщест]ва истории, археологии и этнографии (б[ывшей] Архивной Комиссии) в Институт Ака-

---

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

демии истории материальной культуры» и товарища председателя общества профессора С.В. Юшкова²⁹.

Отголоски Гражданской войны, неурожай 1920 и 1921 гг., вызвавшие голод, «принявший еще осенью небывалые формы, а к новому 1922 г. усилившийся до людоедства», эпидемия холеры — эти и многие другие, обрушившиеся на Поволжский регион несчастья, как отмечалось в отчете С.Н. Чернова, «чрезвычайно осложнили всякую работу в крае. Особенно тяжело они отразились на работе и самом существовании нашего Общества. Крестьянские восстания, голод и эпидемии весьма затруднили работу на местах, а иногда делали для отдельных пунктов края ее совершенно невозможной. Голод и эпидемии сделали то же и в городе». Перед правлением ИСТАРХЭТ со всей очевидностью вставал вопрос о физическом выживании его членов. В своем отчете за 1921 г. С.Н. Чернов писал: «Материальное положение многих работников Общества дошло до величайшей остроты. Старые члены Об[ществ]ва, много для него поработавшие в прошлые годы и продолжавшие в нем работать до конца, Гр[игорий] Гр[игорьевич] Дыбов и Ил[лиодор] Ив[анович] Кирштейн во второй половине года скончались на почве истощения от недоедания. Правление Об[ществ]ва с тревогою видело, к[а]к истощение медленным, но верным шагом подкрадывалось к ряду новых работников Об[ществ]ва из среды университетской молодежи, самоотверженно — часть в порядке службы, часть в порядке любительства — отдававшей Об[ществ]ву свежие силы. Да и сами члены Правления Об[ществ]ва оказались в весьма тяжелом положении. В июле месяце остро болел и был едва спасен от смерти виднейший работник Об[ществ]ва, заведующий его Этнографическим музеем и отделом, создатель его Музея Голода проф[ессор] Б.М. Соколов. Тяжелые квартирные и топливные условия безмерно ухудшали положение всех работников Об[ществ]ва, усиливая истощение их и обостряя его проявления. Самыми трудными были средние месяцы года; его начало и конец, благодаря правительственной поддержке, были легче»³⁰.

Выдвигая новые исследовательские задачи и иные методы их решения, члены общества много времени и сил посвящали тому, чтобы хоть как-то повлиять на ситуацию с уничтожением в регионе многочисленных культурных памятников прошлого. «Окопы гражданской войны, — подчеркивал С.Н. Чернов, — прорезали массу курганов и ряд городищ — и обнаженные кости погребений и различные предметы материальной культуры было можно обнаружить в обрезах этих окопов. Переход земли к крестьянам повлек за собою вскрытие многих курганов и распашку других. Вскрытие производилось, однако, не только крестьянами и не только в кладоискательских целях. Широкое распространение культурно-просветительной работы во многих местах приводило к вскрытию курганов в целях именно просветительных. Конечно, в большинстве случаев оно проводилось неумело и давало

²⁹ Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову от 21 декабря 1920 г. и 5 января 1921 г. // Деятели русской науки XIX—XX веков. Вып. 4. СПб., 2008. С. 564, 567.

³⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 373. Л. 10 (Отчет о деятельности Общества истории, археологии и этнографии за 1921 г.).

в научном отношении отрицательные результаты, ибо лица, бравшие на себя смелость вскрытия, обычно не обладали нужными к производству вскрытия сведениями»³¹.

Не менее остро стоял вопрос о сохранности архивных ценностей: «их по-прежнему продавали и жгли. Понимание их важности с громадным трудом давалось и населению, и местной власти. Теоретически признавая их важность, подкрепленную указаниями центра, она на практике, — с горечью писал С.Н. Чернов, — не дорожила ими и не принимала к их сохранению реальных мер». Кроме этого, быстро «изменялась географическая номенклатура — и не только по распоряжению органов власти, но и самим населением в поступательном ходе событий. Изменялся народный язык; изменялся весь уклад хозяйственной и правовой жизни народа. Отмирали старые обряды, обычаи, верования, старые произведения народной поэзии и народного изобразительного искусства». Отсюда возникала необходимость «торопиться спасти от гибели или хоть зарегистрировать для научных целей погибающие источники к познанию давнего и недавнего прошлого и отмечать те изменения, которые непрерывно происходили во всех сторонах народной жизни»³².

Возглавляя коллектив единомышленников, С.Н. Чернов не только расширил географию и увеличил масштаб краеведческой работы в Саратовском крае, но усилил ее исследовательское пространство. Именно он 10 сентября 1923 г. выступил с инициативой о преобразовании ИСТАРХЭТ в новое общество — Нижне-Волжское областное научное общество краеведения (НВОНОК) и одним из первых взялся за разработку его уставных положений. Однако утверждение документов растянулось на несколько лет. За то время, пока чиновники от науки рядились и гадали — утверждать устав НВОНОК или нет, само общество неоднократно подвергалось угрозе ликвидации. И лишь благодаря решительным действиям его председателя С.Н. Чернова, «который положил бесконечно много труда в центре, отстаивая существование Об[ществ]а, когда ему грозило закрытие НКВнутделом»³³, равно как и активной поддержке ЦБК и местных органов власти — губоно и агитпропотдела губкома ВКП (б), после долгих перипетий 21 сентября 1925 г. Нижне-Волжское областное научное общество краеведения было легализовано³⁴.

На учредительной конференции новым председателем НВОНОК, «за отказом от таковой должности бывш[его] председателя, проф[ессора] С.Н. Чернова»³⁵, был избран П.С. Рыков, успевший к тому времени сосредоточить в

³¹ Там же. Л. 10 об.—11.

³² Там же.

³³ Там же. Д. 516. Л. 20 об. (Протокол Губернского съезда представителей краеведческих ячеек Саратовской губернии и секций Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. 9 мая 1926 года).

³⁴ *Миронов В.Г., Широкова В.В.* С.Н. Чернов в саратовском историческом краеведении... С. 327—328; *Данилов В.Н.* «Золотое десятилетие»... С. 174; *Скиданов М.Е.* Краеведческое движение 1920-х гг. в Саратовской губернии... С. 46—51.

³⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 449. Л. 8 (Отчет Нижне-Волжского областного научного общества краеведения [1925 г.]).

своих руках практически все административные посты в саратовских краеведческих учреждениях и организациях.

Оставив пост председателя НВОНОК, С.Н. Чернов по-прежнему интересовался работой краеведческого общества и беспокоился за его судьбу. И в этом нас, прежде всего, убеждает эпистолярное наследие самого ученого, в частности, его переписка с А.А. Гераклитовым. Сообщая ему в одном из писем о впечатлении, которое произвело на него утверждение в московских инстанциях устава НВОНОК, Сергей Николаевич писал: «здесь скорее доминировало ощущение большого облегчения... Действительно, какая тяжесть свалилась с плеч! Теперь надо скорее и во что бы то ни стало осуществлять Устав; т.е. становиться, действительно, *Нижневолжским* Обществом и по объектам, и по субъектам изучения. Надо настойчиво толкаться в каждую дверь и не упустить ни одной возможности. Я бы полагал, — советовал далее ученый, — что было бы хорошо *выработать и напечатать* стройный план работ на ближайшее время, под который искать денег. Чтобы получить деньги, надо строить план с учетом потребностей учреждений и по их прямым заданиям. Надо при построении этого плана рассчитывать его на весь край. Но все это сделать можно, лишь прочно связавшись с местами, вобрав в себя ячейки мест и создав, где их нет, новые *свои*. Это то, что диктует жизнь и что надо делать, хочешь этого или не хочешь — все равно. Помогай Вам Бог!.. ежели бы Вы могли представить себе, как я соскучился и по Архивке, и по всех Вас!..»³⁶.

Богатый опыт краеведческой практической и научно-организационной работы нашел реальное воплощение в программных статьях С.Н. Чернова 1923—1928 гг.³⁷, некоторые из них не утратили своей актуальности и в наши дни³⁸. Основной задачей этого послереволюционного периода ученый считал борьбу за сохранение краеведческих организаций и в целом расширение движения по изучению родного края. Сергей Николаевич искренно и твердо верил в то, что именно в развитии широкой сети музеев и архивов, систематизации, всестороннем изучении и активной пропаганде сосредоточенной в их недрах информации заложена самая главная ценность страны — национальное самосознание ее граждан и их духовно-нравственное здоровье.

Являясь одним из родоначальников изучения освободительного движения в России, С.Н. Чернов активно и весьма плодотворно работал как над

³⁶ Письмо С.Н. Чернова А.А. Гераклитову от 7 ноября 1925 г. (ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Гераклитова).

³⁷ Чернов С.Н. Краеведение и архивное дело // Краеведение. 1923. № 1. С. 14—19 (переизд.: Отечество: Краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990. С. 217—222); Чернов С.Н. История и современность в работе краеведа // Первые шаги краеведа. Иваново-Вознесенск, 1926. С. 99—142; Чернов С.Н. О роли архивных материалов в музейной работе: [Тезисы доклада] // Саратов. обл. музейная конф., 12—15 октября 1926 г. Саратов, 1926. С. 23—24; Чернов С.Н. К вопросу о методах издания памятников революционной литературы // Каторга и ссылка. 1926. Кн. 6 (27). С. 238—243; Чернов С.Н. К вопросу о собирании и изучении географической номенклатуры: По поводу брошюры М.И. Смирнова «Наставление к изучению местной историко-географической номенклатуры» // Краеведение. 1928. № 9. С. 524—538.

³⁸ Романова С. О статье С.Н. Чернова «Краеведение и архивное дело» // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990. С. 222—224.

декабристской тематикой, так и над сбором и систематизацией архивных материалов, связанных с жизнью и деятельностью Н.Г. Чернышевского, и непосредственно участвовал в создании на саратовской земле мемориального Дома-музея его имени. В 1926 г. в местной газете он опубликовал статью «Н.Г. Чернышевский — учитель Саратовской гимназии»³⁹, а позже подготовил ряд интересных публикаций, посвященных анализу его политической публицистики и мемуарного творчества⁴⁰, считая эту проблематику одной из значимых и перспективных в своем творчестве⁴¹.

Занимаясь изучением такой харизматической фигуры, как Н.Г. Чернышевский, Сергей Николаевич подмечал в его личности непривычные для советских функционеров черточки. В конце 1925 г., приняв предложение Госиздата редактировать автобиографию Чернышевского и проработав всю осень и декабрь 1926 г. над составлением предисловия и примечания к ней, С.Н. Чернов в завершение своего труда вдруг узнает: «Госиздат потребовал его сильного сокращения; при сокращении должны были отмереть и места, где его ученые мужи усмотрели необыкновенный подход или неординарное решение: ведь никогда и нигде нельзя обнаружить “несоответствие”, а там, где надо кланяться и почитать, нельзя рассуждать и сомневаться»⁴².

Аналогичный казус произошел с ученым и при подготовке к печати статьи об изучении местной истории, вышедшей в сборнике «Первые шаги краеведа» (Ивано-Вознесенск, 1926) под названием «История и современность в работе краеведа». «Оказалось, — замечал по этому поводу Сергей Николаевич, — что я преступил границы дозволенного и меня “сокращали”. Но редакции показалось, что я преступил эти границы и в другом смысле — и меня правили. Потом некий господин давал о статье ученый отзыв — правильный указаниями на пробелы и глупый в требованиях. Посему.. мне пришлось снова над нею сидеть»⁴³.

Как бы ни был влюблен С.Н. Чернов в «милую старушку Архивку» и безгранично предан ее традициям и идеалам, главными сферами его творчества все же оставались — ученая деятельность и преподавательская работа. Отнимая много времени, они взамен давали больше в общении с молодой аудиторией, в совершенствовании и шлифовке исследовательских конструкций. При этом во второй половине 1920-х гг. усиление партийно-административ-

³⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 297 (С.Н. Валк). Оп. 1. Д. 250. Л. 6 (в сборнике *Чернышевская Н.М. Воспоминания о С.Н. Чернове*). Статья в том же году была опубликована: Н.Г. Чернышевский: Неизданные тексты, воспоминания, статьи. Саратов, 1926. С. 170—196; и вышла отдельным изданием (Вольск, 1924/25).

⁴⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 535. Л. 10—11 (Отчет Нижне-Волжского областного научного общества краеведения за 1928 г.). См. также: Список научных трудов Сергея Николаевича Чернова // *Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма*. Саратов, 1960. С. 410—415.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 8. Л. 43 об. (Curriculum vitae С.Н. Чернова. 8 декабря 1929 г.).

⁴² Письмо С.Н. Чернова С.Ф. Платонову от [16 мая] 1921 г. // *Чернов С.Н. Павел Пестель: Избранные статьи по истории декабризма*. СПб., 2004. С. 273—274. См. также: *Н.Г. Чернышевский*. Лит. наслед. Т. 1: Из автобиографии. Дневник 1848—1853 гг. / Вступ. ст. и примечания С.Н. Чернова. М.; Л., 1928.

⁴³ ОРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А.А. Гераклитова. Письмо С.Н. Чернова А.А. Гераклитову от 7 ноября 1925 г.

ного гнета и неблагоприятная атмосфера в Саратовском университете способствовали «повороту» С.Н. Чернова к научно-исследовательской работе, являвшейся убедительным подтверждением его профессионализма. Вероятно, этим «поворотом» можно объяснить тот факт, что именно во второй и последний саратовский период (1924—1928) ученым были созданы его основные, этапные труды, посвященные истории движения тайных обществ первой четверти XIX в. и ставшие «золотым фондом» отечественного декабристоведения.

II. Менталитет и идеология

К проблеме «Россия – Запад» в контексте исторического опыта и его идейного осмысления

Дискурс по означенной в заголовке проблеме пронизывает всю историю России, то на время затихая в пору кратких эпизодов социального умиротворения и самоутверждения в чувстве национальной полноценности, то вновь выплескиваясь наружу в переходные, поворотные моменты в исторической судьбе страны, когда в массовом сознании возникает убеждение, что «все у нас хуже, чем у других».

Это мироощущение — в принципе (без перекосов тотального отрицания) позитивное, побуждающее к настрою на нововведения, хорошо описано С.М. Соловьевым на примере эпохи накануне преобразований Петра Первого: «Экономическая и нравственная несостоятельность общества были созданы; народ, живой и крепкий, рвался из пеленок, в которых судьба держала его долее чем следовало. Вопрос о необходимости поворота на новый путь решен; новости являлись необходимо. Сравнение и тяжелый опыт произвели свое действие, раздали страшные слова: “У других лучше”, и не перестанут повторяться слова страшные, потому что они необходимо указывали на приближающееся время заимствований, учения, *время духовного ига* (курсив мой. — В.Ж.), хотя и облегченного политическую независимостью и могуществом, но все же тяжелого»¹.

Существует мнение, что «западничество» — в широком понимании этого социокультурного явления — возникло на Руси одновременно с оформлением государственности. Л.Н. Гумилев, например, связывал появление идей западничества с акта призвания варягов (IX в.), когда в обиход вошло понятие «гостомысл» (мыслящий как «гость», т.е. пришедший со стороны, с Запада). Придавая ему нарицательный смысл, понятие это можно воспринимать, по оценке Гумилева, как синоним более позднего термина «западник»².

Модно сегодня и мнение считать первым западником монаха Нестора — отца русской исторической науки. На том основании, что в «Повести временных лет» он, строго следуя византийской «Хронике Георгия Амартола» в перечислении деталей разделения земли между тремя сыновьями Ноя (Симом, Хамом, Иафетом) после всемирного потопа, при описании территорий, доставшихся третьему сыну, отходит от византийского первоисточника и дает свое собственное истолкование. В соответствии с этим истолкованием восточные славяне объединяются им с народами Запада. В «потомство Иафета»

¹ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII: История России с древнейших времен. Т. 13—14. М., 1991. С. 130—131.

² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 200—201.

летописцем включаются «варяги, шведы, норманны, готы, русь, англй, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, генуэзцы и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым»³.

Этот перечень мнений и истолкований можно продолжить, находя у отдельных историков (и не историков) аргументы в пользу появления западничества как социального течения и явления общественной мысли к XV, XVI, XVII и XVIII вв.⁴

Тем не менее, в устоявшемся, классическом понимании возникновение явления западничества в нашей стране принято относить к 1840-м годам, когда в обстановке созревшего кризиса крепостнической России западничество оформилось в идейное направление целого поколения «людей сороковых годов», утвердивших себя в полемике с оппонентами, получившими с их легкой руки прозвание «славянофилов».

Не останавливаясь на достаточно хорошо известном и исследованном в науке — исторической, философской, культурологической, политологической — споре славянофилов и западников, отметим лишь, что Россия была далеко не единственной страной, общественная мысль которой веками билась (и продолжает в значительной мере делать это сегодня) над проблемами в рамках парадигмы западничества и почвенничества. Сходные вопросы поиска своей идентификации волновали общественную мысль Болгарии, Венгрии, Польши, общее у которых с Россией было то, что все они волей исторических судеб были обречены на «догоняющий» тип развития. В шаржированном, до предела насыщенном «квасным патриотизмом» виде, выдаваемом за европеизм, они выявляют себя сегодня и в соседнем государстве, судорожно стремящемся убедить себя и других в том, что они «це Европа».

«Перестройка», кризис и крах советской системы и в этой связи наступление нового раунда в поисках Россией своего места в мире буквально «вытолкнули» данную проблему на авансцену не только мировоззренческого противостояния, но и острейшей идеологической и политической борьбы. Борьбы, которая в той или иной мере продолжается по сей день. При этом, как справедливо подчеркивает философ О.Ю. Малинова, в этом дискурсе «явно преобладают полярно противоположные образы и оценки. И хотя крайнее западничество, как и крайнее антизападничество, — явление сравнительно редкое, каждый из лагерей “заостряет” позиции оппонентов, фиксируя преимущественно негативные смыслы. Структура данного дискурса задана жесткой бинарной оппозицией, в рамках которой конструируются модели идентичности, основанные на зеркально противоположных образах Нас и Других»⁵.

Наглядным подтверждением именно такой ситуации может служить ход и результаты организованной еще в 2003 г. фондом «Либеральная миссия» дис-

³ Памятники литературы Древней Руси. Начало Русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978. С. 25.

⁴ Специально об этом см.: *Олейников Д.И.* Западничество // *Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия.* М., 2005. С. 163—164.

⁵ *Малинова О.Ю.* Западничество и антизападничество в России: поиски национальной идентичности в контексте «догоняющей модернизации» // *Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития.* М., 2007. С. 299.

куссии под знаковым названием «Западники и националисты: возможен ли диалог?». Организаторы дискуссии задались благой целью — представить в ее ходе «широкий спектр идеологических позиций — от православного фундаментализма до последовательного западничества».

В итоге собственно дискуссии не получилось. В том числе и потому, что стороны не услышали и не захотели вообще слушать друг друга. Странники приоритета западных ценностей, которые планировали и координировали дискуссию, а также задавали в ней тон, ограничились нравоучениями в адрес своих оппонентов с оттенками пренебрежения к их доводам. И это вопреки тому, что дискуссия планировалась, как заявил президент фонда Евгений Ясин, именно для того, чтобы продемонстрировать, что «диалог — органическая и неотъемлемая составляющая либерального дискурса, присущий именно ему способ публичного существования»⁶.

Доводы тех, кто не разделял взгляды последовательных западников, А.Л. Янов квалифицировал как мифы. При этом он выразил убеждение, что «каждый из этих мифов в отдельности не очень трудно опровергнуть, даже высмеять», а также изложил попутно «все преимущества, которые может принести воссоединение России с открытым миром Европы»⁷.

«Моя самоидентификация — европеист», — солидаризировался с Яновым А.А. Кара-Мурза, будучи убежденным в том, что «Россия — уже Европа и надо только вернуться к себе на родину»⁸. Все точки над *i* были расставлены В.А. Мау в ходе другой дискуссии, обсуждавшей в 2007 г. проблему «пути России»: «“Восток”, которому удается совершить модернизационный рывок, становится “Западом”. В противном случае *им не сойтись никогда*»⁹.

При этом, к сожалению, вне серьезной аргументации и корреляции с реальной действительностью остались главные вопросы: насколько «открытым» для России является сегодня «мир Европы» и ждут ли нас там? И, с другой стороны, надо ли вообще дискутировать на данную тему, если «Россия — уже Европа»?

События последнего времени, обострив отношения нашей страны с западным миром, дали на все эти благие претензии вполне ясные и недвусмысленные ответы.

Вступая в открытую конфронтацию друг с другом, современные «западники», с одной стороны, и «антизападники», с другой, обостряют (думаю, что намеренно) предмет дискуссии, представляя его в жестком, черно-белом свете: или — или; кто не с нами, тот против нас. На самом же деле корень проблемы — в нацеленности на консенсус с целью достижения — в идеале — цивилизационной и модернизационной идентичности такой сложнейшей этносоциальной системы, какой является Россия.

В данном контексте, а именно — в качестве своеобразного идейно-политического «полигона» в поиске страной своей цивилизационной и модерни-

⁶ Западники и националисты: возможен ли диалог?: Материалы дискуссии. М., 2003. С. 8.

⁷ Там же. С. 365, 372.

⁸ Там же. С. 374, 380.

⁹ Мау В.А. Преемственность и прерывистость модернизации российской экономики в эпохи революций // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М., 2007. С. 16.

зационной идентичности и правомерно рассматривать длительную, не исчерпавшую своего потенциала по сей день дискуссию западников и почвенников (или самобытников — по идентификации А.И. Кошелева, одного из лидеров славянофилов)¹⁰.

Упорное возвращение общественной мысли страны, как мы уже убедились выше, к обсуждению данной темы как «яблока раздора» на каждом новом повороте истории¹¹ — лишний аргумент, на мой взгляд, в пользу того, что исход этой дискуссии не следует прогнозировать на путях безоговорочного утверждения одной из противоборствующих концепций. Конструктивный ее потенциал способен будет выявить себя лишь в направлении поиска органического сочетания черт отечественного опыта и внешних заимствований.

А это ставит проблему *заимствований* в эпицентр данного противоборства. Не случайно два именно русских ученых — выдающиеся социологи XX столетия М.М. Ковалевский и П.А. Сорокин — уделили столь пристальное внимание теоретическому обоснованию данной проблемы.

Разрабатывая в полемике с французским социологом Г. Тардом проблему соотношения традиций и новаций, М.М. Ковалевский тщательно проанализировал «мировой опыт подражания» и — в противовес Тарду — пришел к выводу, что развитие общества не сводится к постоянному внешнему заимствованию народами друг у друга разнообразного опыта. Плодотворное *заимствование* (за исключением области науки и техники), по мысли Ковалевского, представляет собой не прямое подражание, а *приспособление* новшеств, что делает этот процесс «второстепенным *творчеством*» в русле саморазвития народа. Творчеством, лишь *вдохновляемым* иностранными образцами. К тому же последние «только в том случае пускают в стране корни, когда находят здесь благоприятную среду».

«Приспособление, — детализировал свои выводы ученый, — достигается не сразу и не благодаря изобретательности того или иного бюрократа или действующей при нем канцелярии. Оно является последствием постепенно проникающего сознания, что чужой кафтан сшит не по мерке, что надо его удлинить или укоротить, расшить в известных частях, укрепить в других. Все

¹⁰ Почвенничество — общественное и философско-литературное течение в России 1860—1870-х годов. Тесно связанные со славянофилами, почвенники были сторонниками идеологического синтеза с западниками, признавая правоту последних в ориентации на свободное развитие личности как основного источника творческого обновления жизни. См.: *Андреев А.Л.* Почвенничество // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энцикл. словарь. М., 2001. С. 300—303; *Шульгин В.Н.* Почвенничество // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 373—376.

¹¹ Концентрированное представление о масштабах, формах проявления, богатстве тонов и оттенков духовных, социальных, нравственно-этических исканий русской общественной мысли в указанном направлении способны дать следующие обобщающие труды: *Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия.* М., 2005; *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия.* М., 2009; *Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия.* М., 2010; *Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия.* М., 2010; *Революционная мысль в России XIX — начала XX века: Энциклопедия.* М., 2013. См. также: *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления.* М., 2011; *Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.).* М., 2015.

недостатки “неладно скроенного” сказываются “по мере носки”, и я не отчаиваюсь поэтому, что те заимствования, которые не привились в жизни или стесняют правильный ход ее, со временем не то что отпадут, а подвергнутся перестройке по указаниям самой жизни»¹².

Для такого тяжелого на подъем, инерционного социума, каким является Россия в силу особенностей ее исторической судьбы (медленно запрягаем, чтобы быстро ездить!), процесс приспособления к вторгающимся извне новациям проходит чаще всего болезненно. Не случайно С.М. Соловьев, как уже говорилось выше, охарактеризовал время адаптации масс к петровским преобразованиям как «время духовного ига». А причины того, что реформы Петра, несмотря на все трудности и издержки, были все же усвоены обществом, разъяснил нам В.О. Ключевский: «Петр взял из старой Руси государственные силы, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические средства... Результаты реформы были обращены более к будущему...»¹³.

Отдавая себе отчет в трудностях восприятия и «переваривания» Россией вторгающихся в ее жизнь извне новаций, М.М. Ковалевский, вместе с тем, не разделял максимализма сторонников «полной самобытности» России. «Когда нам говорят о том, что те или другие порядки не наши, что необходимо выработать самостоятельные, национальные, истинно русские, — писал он, — мы вправе ответить, что утверждать нечто подобное — значит идти против уроков мировой истории...»¹⁴.

Продолжая и развивая наработки своего учителя в исследовании проблемы соотношения традиций и новаций, П.А. Сорокин сформулировал известный *закон ментальной идентичности*, ставящий пределы идущим со стороны заимствованиям в виде способности и готовности массового сознания в конечном итоге адаптироваться к этим новациям, «переварить» их.

В свете этих давно уже установленных и многократно проверенных социальной практикой наблюдений, обобщений и выводов споры о том, становиться ли нашей стране Западом или оставаться Россией, носят в основе своей досужий характер. Существование этих споров трудно объяснить логикой научного поиска. Скорее всего, они диктуются далекими от установления истины соображениями и интересами, являясь, к тому же, отголоском не изжитой психологии общества, якобы обреченного на догоняющий тип развития.

На непременно присутствующий в ходе дискуссий на заданную тему вопрос, может ли исчезнуть то, что разделяет сегодня Россию и Запад, мне хотелось бы отреагировать следующим образом: эти различия не исчезнут, но со временем, с обретением нашей страной своей модернизационной идентичности и стратегии органического развития, могут стать для нас несущественными.

Россия уже является Западом сегодня и будет им завтра — в новых, пока еще не известных нам исторических условиях, но *лишь в той мере и в тех формах*, какие:

¹² Ковалевский М.М. Законодательные заимствования и приспособления // Вестник Европы. 1912. № 5. С. 49—50.

¹³ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 198.

¹⁴ Цит. по: Хайлова Н.Б. Максим Максимович Ковалевский // Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 16.

— *во-первых*, будут соответствовать реальным, а не умозраительным *потребностям* страны и *возможностям* воплощения этих потребностей в жизнь. При этом не надо сбрасывать со счетов и такой субъективный фактор, как степень осознания необходимости достижения этого соответствия нашей политической и предпринимательской элитой;

— *во-вторых*, будут скоординированы с массовой ментальностью граждан, с *нашей*, отечественной иерархией ценностей вкупе с отвечающим духу и требованиям этой ментальности внутренним наполнением данных ценностей.

В этой связи хочу представить рабочий вариант того, что я уже не раз озвучивал в ходе обсуждений «вживую», а также в печати. И что лично считаю возможным трактовать как формулу **национальной идеи**: «*Встать вровень с передовыми странами Запада, оставаясь при этом Россией*». Ее правомерно, на мой взгляд, рассматривать как выражение объективно сохранявшейся на протяжении веков вплоть до настоящего времени, хотя и принимавшей различные идеологические формы и конкретно-исторические черты, *ведущей целевой установки* российского исторического процесса. Поэтому есть все основания рассматривать данную формулу в виде организующего начала, «путеводной нити» в истолковании основного вектора в ходе познания опыта и уроков отечественного исторического процесса,

Что же касается **патриотизма**, известные суждения о котором сегодня всколыхнули общественность, то его, по моему мнению, важно рассматривать как важнейший *побудительный мотив и инструмент* реализации национальной идеи. К такому выводу меня привела, в частности, работа в составе авторского коллектива над коллективной монографией «Патриотизм и национализм как факторы российской истории. Конец XVIII в. — 1991 г.», которая вышла из печати в 2015 г.

И в заключение хочу присоединиться к тезису, неоднократно звучавшему в процессе бурных дискуссий, в ходе которых мы пытались и пытаемся вновь и вновь ответить на три коренных вопроса нашей национальной самоидентификации: «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда идем?».

Тезис этот следующий: «Россия — это не Запад и не Восток. Это — Россия!» Единственная и неповторимая. Как и все остальные ярко выраженные, адекватно познавшие свою идентичность и уверовавшие в нее национальные образования.

«Заблуждаются в вере и нечисто живут»: инокультурные представления в российской истории

В последние годы проблемы взаимовосприятия культур (проблемы имэджинологии), находящиеся на стыке истории, культурологии, социальной психологии изучаются все более активно. В частности, появились работы на материале российской истории, посвященные механизмам формирования, функционирования, динамике изменения инокультурных представлений и стереотипов. Актуальность этой проблематики, особенно в условиях ожесточенных дискуссий о месте России в современном мире, трудно переоценить.

Представления об иных этносах, странах, культурах — неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания, ибо именно эти представления позволяют судить о том, как данная нация видит свое место в мире, как она определяет отношение своей культуры к другим культурам, своей системы ценностей к системам ценностей иных народов. Эти представления, как правило, не только включают в себя те или иные мнения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. Они различаются по степени их достоверности и детализации, а также, иногда существенно, по эмоциональной окраске; складываются исторически и зависят от ряда факторов — от того, кто выступал их носителем («книжники», естественно, имели гораздо более детальные и достоверные представления о том или ином народе по сравнению со стереотипами, существовавшими в массовом сознании), а также от территориальной близости, длительности исторических связей с данным народом, характера этих связей и т.д.

Изучение истории взаимовосприятия сразу же выводит на очень важные исторические сюжеты. Например, рассматривая на конкретно-историческом материале восприятие мира российским обществом, начиная с раннего средневековья и кончая нашими днями, мы должны поставить и разрешить такие принципиальные вопросы, как проблема открытости/закрытости общества по отношению к внешнему миру; диалектика войны и мира, врага и союзника; эволюция самого общества, его представлений о мире и самом себе; наконец, его, если угодно, «культурное бессознательное» (здесь имеются в виду некие очень устойчивые, очень древние механизмы, существующие в любой культуре, которые этой культурой и ее носителями не отрефлектированы, но оказывают на нее сильное, порой определяющее влияние).

Или другой аспект — формирование образа России в мире. Это нас выводит и на дипломатию вообще, и на культурную дипломатию, и на специфику западноевропейской цивилизации, и на теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского.

Подобный подход к осмыслению отечественной истории в контексте мировой через призму противоречащих друг другу ментальностей и идентичностей позволяет вскрыть глубинные смыслы культуры, не очевидные для современников соответствующих событий и явлений, но выражающие своего рода историческое подсознание эпохи. Именно на пересечениях различных дискурсов, на границах культур, в процессе незавершенного диалога по самым принципиальным и заветным вопросам проявляются такие значения и оттенки исторического процесса, которые не могут быть выявлены исследователем в ином контексте.

Представления о внешнем мире, бытующие в общественном сознании, весьма разнообразны. Можно говорить о разных уровнях этих представлений, об их происхождении и специфике бытования, о содержании и эмоциональной окрашенности, и т.п.

Важность изучения инокультурных представлений давно уже признана и зарубежными, и российскими историками; необходимо отметить, что в России это направление исследований в последние два десятилетия развивается особенно динамично¹. Ряд обстоятельств делает это развитие особенно успешным: во-первых, от культурологических работ, декларирующих, на основе отдельных примеров, общие положения имэджинологии, российские исследователи перешли к конкретно-историческим исследованиям, основанным на обширной источниковой базе. В оборот вводятся, помимо многочисленных архивных документов, писем и дневников, новые виды источников — слухи, карикатуры, материалы устной истории и т.д. Наконец, пока, скорее, как исключение, появляются первые междисциплинарные проекты. Многие молодые исследователи изначально избирают это научное направление, о чем говорит целый ряд защищенных в последние годы по этой проблематике диссертаций². И тем не менее в российской историографии еще не утвердилась общепринятая терминология, продолжаются дискуссии и по основным понятиям, связанным с этим направлением³.

Задача данной статьи — предложить типологию инокультурных представлений и в самых общих чертах проследить их эволюцию в российском обществе.

На наш взгляд, первый уровень инокультурных представлений составляют стереотипы — упрощенные, устойчивые, эмоционально окрашенные представления о внешнем мире, основанные, как правило, не на личном, а на групповом опыте.

В истории международных отношений давно подмечено, что в кризисных ситуациях не только общественное мнение, но и позиция политических элит формируется прежде всего под воздействием давно усвоенных и достаточно примитивных стереотипов.

¹ Подробнее см.: *Голубев А.В.* Проблема взаимовосприятия культур: предварительные итоги и ближайшие перспективы изучения // *Историк и мир — мир историка в России и Центрально-Восточной Европе.* Будапешт, 2013. С. 20—28.

² См.: *Голубев А.В., Есаков В.Д.* Сорок лет Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН // *Труды Института российской истории.* Вып. 9. М., 2010. С. 504—520.

³ См.: *Казаква О.Ю.* Понятийный аппарат исследований инокультурных представлений // *Российская история.* 2010. № 5. С. 10—32.

Впервые понятие стереотипов использовал еще в 1922 г. У. Липпман, который определял их как упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов⁴.

Среди стереотипов выделяются стереотипы общения, поведения, восприятия. Понятно, что инокультурные представления включают в себя прежде всего стереотипы восприятия. Эти стереотипы различаются по содержанию и по специфике повлиявшей на их возникновение информации, но механизмы их формирования идентичны.

Наиболее распространенной категорией, которая традиционно упоминается в качестве основного типа инокультурных представлений, являются этнические (этнокультурные) стереотипы. «Этнокультурные стереотипы — это обобщенные представления о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Немецкая аккуратность, русский “авось”, китайские церемонии, африканский темперамент, вспыльчивость итальянцев, упрямство финнов, медлительность эстонцев, польская галантность — стереотипные представления о целом народе, которые распространяются на каждого его представителя»⁵.

Однако это понятие является односторонним, ибо подразумевает лишь представления об определенных чертах национального характера, обычаях, особенностях быта. Но есть еще представления о тех или иных государствах, которые составляют важную часть картины внешнего мира, есть представления о мировой культуре и т.д.

Помимо этнокультурных стереотипов существуют и другие виды стереотипов, связанных с восприятием иной культуры. Для традиционного общества наиболее характерными, помимо этнических, являются географические стереотипы.

Концепция географических стереотипов была сформулирована Д.Н. Замятиным (впрочем, он использовал менее удачный термин, а именно «образ»): «Географические образы — это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные геопространственные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географически выделенными территориями»⁶.

Однако если сам автор концепции подразумевает под географическими образами прежде всего «геопространственные представления», некоторые его последователи идут гораздо дальше. Как подчеркивает А.А. Василенко, «базовым для исследования является концепция географических образов», при этом «образ Германии понимается как определенная целостность ощущений и пространственных представлений, обусловленная знаниями о географии страны (природа, ландшафты, важнейшие реки и т.п.), а также представлениями о политическом устройстве страны, ее истории, культуре, быте, нравах и т.п.; причем разносторонние сведения о стране способствуют формированию устойчивого, целостного образа»⁷.

⁴ Липпман У. Общественное мнение. М., 2004. С. 95.

⁵ Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001. С. 108.

⁶ Замятин Д.Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003. С. 183.

⁷ Василенко А.А. Образ Германии в интеллектуальной среде России 30—40-х гг. XIX в.: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Омск, 2007. С. 18.

Однако столь расширительное толкование географических образов трудно признать удачным: представления о политике, истории, культуре, быте и т.д. далеко выходят за рамки географии; более того, чисто географические представления играют в образе страны явно второстепенную роль.

В процессе перехода от традиционного к индустриальному обществу географические и этнические стереотипы дополняются и частично вытесняются внешнеполитическими и культурными стереотипами, которые включают в себя, помимо прочего, представления о политике различных государств, их национальной истории, культуре, современной жизни.

Прежде всего на основе культурных стереотипов возникают так называемые образы, которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы⁸.

Таким образом «образ другого» как сложная, синтетическая категория является собой динамическую систему представлений и мнений, обладающую как стереотипными, так и дифференцированными чертами, как рациональными, так и эмоциональными компонентами. Соотношение и сочетание этих элементов зависит от степени рационализации/мифологизации сознания субъекта восприятия, его образованности, мировоззрения, личного опыта взаимодействия с другой культурой, влияния социального и культурного окружения.

* * *

Представления русских об иностранцах вообще трудно определить сколько-нибудь однозначно: они формировались в зависимости от исторической эпохи, от конкретной ситуации, от образовательного уровня и социального статуса носителей этих представлений. Что такое воспринимающее мир «российское общество» XIX в.? Это то, что мы иначе именуем «образованным классом». А «советское общество» в отношении к миру? Это практически все социальные слои и группы, от министров и академиков до пожилых колхозников, которых «беспокоил Гондурас».

Если речь идет о периоде до XX в., то для представителей придворной знати определяющее значение имел опыт общения с иностранцами, а часто и личные впечатления от поездок за рубеж, но основная масса населения получала информацию о внешнем мире в форме слухов и легенд. «В процессе многоэтапной устной передачи события не только обрастали вымышленными подробностями, но нередко и кардинально меняли свой характер — в зависимости от представлений, симпатий и чаяний той среды, в которой распространялись слухи», — отмечает современный исследователь⁹. Лишь в редких случаях носителями информации выступали очевидцы, чаще всего отставные солдаты.

---

⁸ О разнице между образами и стереотипами см.: *Егорова Е., Плешаков К.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // *Мировая экономика и международные отношения.* 1988. № 12. С. 19—33.

⁹ *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 209.

В памятниках древней русской литературы заметна приверженность летописца к категории «всеобщего», без экспрессивного различия «своего» или «чужого» этносов. Подобное явление получило название международного синкретизма культуры¹⁰. Русская земля мыслилась как часть вселенной, во всяком случае — как часть христианского мира. Эта мысль хорошо иллюстрируется в знаменитом «Хождении игумена Даниила», относящемся к XII в. В этом древнейшем русском описании паломничества в Святую землю постоянно ощущается представление автора о неразрывной связи Руси как целого с тогдашним религиозным центром мира. Но уже здесь проскальзывает пренебрежительное отношение к католическому духовенству¹¹. И уж совершенно негативные представления о католиках, которые «заблуждаются в вере и нечисто живут», отразились в «Слове» Феодосия Печерского (XI в.), обращенном к великому князю Изяславу¹².

Более того, в большинстве переводных эсхатологических произведений, распространенных в средневековой Руси, рай располагается на востоке, а ад, соответственно, на западе¹³.

По мнению видного историка русской церкви А.В. Карташева, причиной негативного отношения русских к Западу в целом и к католицизму в частности стало влияние Византии: под влиянием греков-митрополитов была принята крайняя форма осуждения всего латинского¹⁴. Думается, однако, что здесь действовали и иные, глубинные факторы.

Как отмечал культуролог И.Г. Яковенко, тенденции противостояния Западу в северо-восточной Руси были более заметны, чем в Киевской. Здесь реализуется один из трех вариантов исторического развития, избранных наследниками Киевской Руси. На юго-западе сложилась другая картина, на севере, в Новгороде, реализовался третий вариант. Исторические судьбы наследников Киева — специальная проблема; важно, что противостояние Западу не было единственно возможным вариантом развития событий. Новгородское государство и русские земли, вошедшие в Великое княжество Литовское, а позднее Речь Посполитую, демонстрируют другие модели отношения к Западу.

Реализованная Александром Невским стратегия союза с Ордой и противостояния Западу оказывается логичным и неизбежным продолжением утвердившейся на северо-востоке линии исторического развития. В противном случае противостояние Западу не закрепилось бы как устойчивая характеристика северо-восточной Руси.

В конкретной ситуации северо-восточного региона она представляла наиболее эффективную и перспективную стратегию построения государственности и утверждения цивилизации. В остальных регионах Киевской Руси, где сложилась другая мозаика факторов, развитие шло в направлении европейского феодализма. Там победили другие стратегии, но показательно, что мо-

¹⁰ Демин А.С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 36, 42.

¹¹ Памятники литературы Древней Руси, XII век. М., 1980. С. 107, 111.

¹² Там же. С. 615—619.

¹³ Демин А.С. Путешествие души по загробному миру (в древнерусской литературе) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 355—376.

¹⁴ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1993. С. 263—266.

дель, реализованная на северо-востоке, в конечном счете возобладала. В течение восьми веков она оказывалась наиболее эффективной с точки зрения сохранения государственности и конкурентной борьбы за пространства и ресурсы. И надо осознать, что противостояние Западу как органический момент входило в эту стратегию исторического развития.

Таким образом объяснения, которые сводят дело к тому, что неприятие Запада пришло на Русь из Византии, то есть оказывается чем-то внешним, случайным, представляются неубедительными.

Неприятие православными католического мира, при том, что для огромной массы населения оно было иррациональным, вело к мифологизации противника и принимало отталкивающие формы, не было ни случайным, ни бессмысленным. Показательно, что католики отвечали тем же, и в этом просматривается естественное отторжение исторической альтернативы¹⁵.

Отчуждение северо-восточной Руси от Запада особенно усилилось после татарского нашествия. В отличие от хазар, печенегов, половцев татары были восприняты как некий «бич божий», что отразилось в русских летописях. Борьба с Золотой Ордой и ее наследниками надолго определила курс русской истории. Отношения с соседними странами были прерваны. Лишь с середины XIV в. параллельно с освобождением от татарской зависимости начинается восстановление связей с Европой, прежде всего — с балканскими православными странами. Русская культура постепенно вновь включается в общеевропейские культурные процессы. Появляется, в частности, огромное количество новых переводов церковных и светских произведений.

В 1439 г. во Флоренции состоялся церковный собор, на котором была провозглашена уния восточной и западной христианских церквей. В соборе участвовал и русский митрополит Исидор, сторонник унии. Сохранились путевые записки русских участников собора, первые русские описания Западной Европы, дошедшие до нас. Для одного из них, принадлежавшего перу спутника суздальского епископа Авраамия, характерно полное отсутствие негативного отношения к «латинству», напротив, о культуре и жизни западных стран неизвестный суздалец пишет с большим уважением, искренне, хотя и немного наивно, восхищаясь ими¹⁶. Сам суздальский епископ оставил описание театрального представления, евангельских мистерий¹⁷. Авторы этих произведений были лишены религиозной узости и нетерпимости и с любознательностью всматривались в новый для них мир¹⁸.

Однако на Руси подписание Флорентийской унии вызвало резко отрицательную реакцию. Московское государство стремилось закрепить свою политическую независимость и, в отличие от Византии, ожидавшей турецкого нашествия, не испытывало неотложной необходимости в помощи Запада. Стремление католической церкви к прозелитизму вызвало естественную,

¹⁵ Подробнее см.: Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 13—15.

¹⁶ Памятники литературы Древней Руси, XIV — середина XV в. М., 1981. С. 471—489.

¹⁷ Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984. С. 334.

¹⁸ Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 42.

хотя, возможно, и преувеличенную реакцию отторжения. Исидор был низложен и бежал из России, а недоверие к Западу усилилось. Русская культура постепенно оказалась вновь отрезанной от Запада, но уже по идеологическим причинам.

После взятия турками в 1453 г. Константинополя, греческая православная церковь пришла в упадок. Москва явилась как бы духовной наследницей Византии, «Третьим Римом». Ее новая роль была закреплена и легендой о происхождении великих князей Владимирских от римского императора Августа, и династическим браком Ивана III с Софьей Палеолог, и избранием русского митрополита, преемника Исидора, без согласия Константинополя. С конца XV в. Россия рассматривала себя как единственную защитницу православия на Востоке и от «басурман», и от «латинян».

Негативную реакцию в России вызвали сообщения о распространении на Западе Реформации. Появление многочисленных ересей воспринималось как доказательство ничтожности католицизма как такового. Антипротестантская полемика заняла видное место в русской публицистике середины XVI в., в нее включился даже сам Иван IV. С другой стороны, существенную роль в культурной изоляции России играла и позиция Запада. Деятели католической церкви в свою очередь рассматривали православие как ересь, заслуживающую лишь искоренения. Эта позиция нашла яркое отражение в произведениях иезуита Антонио Поссевино. Он имел с Иоанном Грозным и русским духовенством несколько «бесед о вере», однако, как и следовало ожидать, равноправного диалога не было, да и не могло быть, а взаимное отторжение усилилось.

К этому времени, как пишет А. Шмеман, в России проявилась тенденция отказаться от византийского наследия в пользу своего, русского православия. «Национальное утверждение Руси совершалось против Византии, но с ним отвергалось и вселенское православное наследие», — подчеркивает он. А на увлечение Западом русских верхов церковь «ответила анафемами Западу за то, что он Запад»¹⁹.

В русском средневековом обществе интерес к внешнему миру и возможность получать хотя бы отрывочную информацию о нем существовали лишь среди небольшой части русской знати, преимущественно связанной с военными или посольскими функциями, немногих богатых купцов, занимающихся внешней торговлей («гости») и некоторых представителей высшего духовенства.

Для значительной части боярства, подавляющего большинства дворянства, духовенства и купечества, как и для всей массы посадского и деревенского населения, составлявшего свыше 90% населения страны, внешний мир оставался совершенно сказочной зоной, наполненной мифами и чудесами, и совершенно неинтересной с точки зрения повседневной жизни (за исключением военных конфликтов, напрямую захватывавших те или иные области страны).

Хотя постепенно московское общество вовлекается в более широкие контакты с неправославной Европой или, собственно, Западом, с самого начала это взаимодействие происходит сложно и свидетельствует о непростом, амби-

---

¹⁹ Шмеман А. Исторический путь православия. Париж, 1985. С. 367—368.

валентном отношении. С одной стороны, Москва жестко изолируется от Запада. Московское самодержавие стремилось к максимальному ограничению контактов с европейскими странами, что отмечали и западные наблюдатели, например Дж. Флетчер, который сообщает, что «бежать отсюда очень трудно, потому что граница охраняется чрезвычайно бдительно, а наказание... есть смертная казнь и конфискация всего имущества»²⁰.

С другой стороны, налицо специфический, но все же интерес. Царь принимает послов и купцов, беседует с ними. На высшем уровне российского государства налицо явный интерес к Западу, стремление разузнать о нем побольше, понять природу западноевропейской жизни, ориентироваться в ситуации.

Судить о том, как в интересующую нас эпоху воспринимали Запад народные массы, сложнее. Можно лишь предположить, что зафиксированные в XVIII—XIX вв. представления о «латине и люторе» относятся и к гораздо более ранним временам, а также суммировать замечания иностранных путешественников, в частности, об их общении с купцами, учитывая, что в допетровской Руси культура общества была достаточно целостной. В таком случае мы получим острое неприятие и демонизацию Запада и отмечаемое иностранцами наивное убеждение в безусловном превосходстве Москвы и московских порядков, непоколебимую уверенность в святости православия как единственно спасительной веры и пагубности любого «инославия».

В.О. Ключевский подчеркивает, что знания не только народных масс, но и московских бояр о политической ситуации в Европе были крайне скудными²¹. Постепенно, однако, ситуация менялась. Появлялось все больше сведений об отдаленных странах, расширялись контакты с Западом, смягчались строгости в отношении иноземных послов и «гостей». Попытка выведения династии Рюриковичей не просто от византийских императоров, а от язычника Октавиана Августа свидетельствовала о том, что Россия осознавала себя частью не только православного, а всего мира.

Экономическая и политическая логика развития Московского царства приводит правителей Москвы к проблеме выхода на Балтику. Москва ввязывается в Ливонскую войну, которая завершается глубочайшими потрясениями. Политическая элита московского общества сразу же делает выводы из итогов Ливонской войны и последующего развития событий. Уже Борис Годунов посылает русских молодых людей учиться на Запад, учит западной премудрости своего сына, а иностранцы с удивлением отмечают, что положение в Москве неожиданно стало меняться.

Однако Смута начала XVII в. вылилась в распад государства. Регенерация его стоила чудовищных сил, а сама эта эпоха перевернула сознание московского человека. Польский, то есть католический, гарнизон какое-то время стоял в Кремле. Московское царство оказалось поверженным. Все это стало огромным потрясением, в том числе и для московского изоляционизма. Оказалось, что Запад владеет некоторыми жизненно важными, необходимыми для русского общества знаниями, умениями и технологиями. А успешная

²⁰ См.: Проезжая по Московии: Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. С. 71—72.

²¹ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 46.

конкурентная борьба и само выживание государства зависит от усвоения достижений западной цивилизации. В результате с XVII в. Россия постепенно разворачивается лицом к Западу.

Вместе с тем в годы Смуты население России смогло лучше узнать своих западных соседей в обстоятельствах, которые отнюдь не способствовали установлению дружественных отношений между народами. Русских возмущали попытки введения польских обычаев при Лжедмитрии I, игнорирование и неуважение иностранцами православных обрядов, то есть в первую очередь недовольство вызывали не столько иностранцы сами по себе, сколько то, что они католики.

После начала широкой польско-шведской интервенции образ иностранцев трансформируется из врагов православной веры в завоевателей русской земли, грабителей²². Это отрицательное отношение к выходцам из Западной Европы в массовом сознании продолжало существовать еще почти целое столетие, и только при Петре начало мучительно изживаться.

Тем не менее XVII в. — время начала активного проникновения западного влияния, начиная с западных купцов, торгующих в российских городах и создающих конкуренцию местным купцам, строительства армии по европейскому образцу и заканчивая проникновением польской модели просвещения, носителями которой стали в первую очередь выходцы из недавно присоединенной Украины²³.

Переломным моментом явилась эпоха Петра. Сначала «Великое посольство», затем регулярная отправка представителей знатных родов для обучения в страны Европы, приток иностранных специалистов и изменения в быту, последовавшие в результате царских указов, сделали свое дело. По крайней мере среди высшего дворянства обычным стало знание языков, европейское платье и образ жизни. Именно отсюда началось то расслоение русской культуры, которое сохранялось вплоть до XX столетия.

Однако историческая логика вела не только к росту информированности высших слоев. Уже в XVII в., оставаясь опасным и враждебным, Запад перестает быть ненужным и неинтересным. Проходит несколько десятилетий, и Россия последовательно включается в процесс модернизации, что в данном случае означало в значительной мере вестернизацию.

Первая половина XIX в. — время могучего влияния Французской революции на страны Европы и Америки, на Россию. При этом Россия некоторое время претендовала на то, чтобы выступать в качестве «противоядия» этому влиянию. Для российской политической элиты Европа в конце XVIII — первой половине XIX в. оставалась источником смут и опасных революционных идей, в то время как самодержавная Россия представлялась островом стабильности²⁴. Вместе с тем наполеоновские войны, особенно война 1812 г. и после-

²² Подробнее см.: *Морозова Л.Е.* Образ «чужого» в эпоху Смутного времени начала XVII в. // *Россия и внешний мир: Диалог культур.* М., 1997. С. 28—39.

²³ См., например: *Богданов А.П.* Русь и Вселенная в период формирования имперской концепции (последняя четверть XVII в.) // Там же. С. 185—206.

²⁴ Подробнее см.: *Долгих Е.В.* Восприятие внешнего мира представителями административной элиты николаевского времени (М.А. Корф, Д.Н. Блудов) // Там же. С. 41—49.

довавший за ней заграничный поход русской армии, в значительной степени изменили восприятие странами и народами образа друг друга. Так, знакомство многих лучших представителей русского общества с жизнью Европы оказало заметное влияние на внутривнутриполитическое развитие страны, а героическая кампания 1812 г. резко повысила интерес к России как ее союзников, например, Великобритании, так и недавних противников, в частности Франции.

Западная Европа быстро шла по пути промышленного развития с соответствующими переменами в социальной и политической жизни. Россия в эпоху Александра I, и особенно в правление Николая I, лишь вступила в период длительного кризиса старого строя.

Верхи, то есть включившаяся в вестернизацию часть общества, должны были знать и понимать европейскую реальность. Поэтому, по мере сил и возможностей, шаг за шагом, мир образованного общества России продвигался в понимании и уточнении образа Запада.

Модернизация как переход от традиционного общества к индустриальному, помимо реформ политического строя, роста социальной мобильности, индустриализации, урбанизации, распространения образования, наконец, формирования гражданского общества, включает в себя также необратимые изменения в системе ценностей, в глубинных основах культуры. И, в частности, радикально меняются механизмы восприятия внешнего мира.

Обычно эти процессы происходят эволюционно: новые представления о мире формируются среди интеллектуальной и политической элиты, затем постепенно захватывают средние слои общества и, наконец, по мере распространения социальных реформ, введения всеобщего образования и т.п., распространяются на широкие массы населения.

В России этот процесс, однако, имел свою специфику. Его эволюционное развитие (как и процесс формирования гражданского общества в целом) было сильно заторможено и даже деформировано в силу целого ряда обстоятельств. В результате в начале XX в. происходят без преувеличения революционные изменения в этой области.

В течение XVIII—XIX столетий в народной культуре доминировали традиционные представления. Степень мифологизации представлений о внешнем мире напрямую зависела от отсутствия информации, что, в свою очередь, было связано не только с недостаточными возможностями ее получения, но зачастую и с отсутствием интереса. Неоднократно отмечалось, что крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения страны, «к истории других народов относятся равнодушно и не любят слушать про них чтение»²⁵. Это же относилось и к современным им внешнеполитическим сюжетам. Так, А.Н. Энгельгардт в своих известнейших «Письмах из деревни» в 70-е годы XIX в. писал: «Крестьяне, по крайней мере нашей местности, до крайности невежественны в вопросах религиозных, политических, экономических, юридических...». И далее он приводит ряд курьезных представлений, бытовавших среди крестьян, об Англии или Германии²⁶.

²⁵ Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С. 171.

²⁶ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887. М., 1960. С. 216.

Но даже в этих представлениях тем не менее прослеживаются определенные тенденции; например, «англичанка» выступает как правило в качестве враждебной для России силы. Здесь, очевидно, отразились внешнеполитические стереотипы, характерные для российской политической элиты тех времен, какими-то путями проникавшие и в народную массу.

В начале XX в. происходит постепенное вытеснение традиционных этнических стереотипов, отраженных прежде всего в фольклоре, стереотипами с ярко выраженной политической окраской или внешнеполитическими стереотипами. Другими словами, представления о немцах, англичанах, поляках, как фольклорных персонажах, в значительной степени сменяется представлениями о Германии, Великобритании, Польше как геополитической реальности. Именно эти представления господствовали в массовом сознании на протяжении всего межвоенного периода.

Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века. Сначала — проигранная русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть на место России в мире; революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В еще большей степени на массовое сознание повлияла Первая мировая война. Как писала газета «Московская копейка» 19 января 1915 г., «темный деревенский народ, как никто, интересуется войной, попавшая в деревню газета прочитывается и перечитывается по нескольку раз, зачитывается до дыр, до лохмотьев. Читают вдумчиво, разбирая внутренний смысл каждой строчки»²⁷. Именно в годы войны, как вспоминал впоследствии провинциальный издатель, тираж губернской газеты вырос с 7 до 10 тыс. экземпляров, причем впервые газету стали выписывать рабочие (хотя пока и немногие)²⁸.

В ходе войны Запад (расколовшийся на врагов и союзников) стал вызывать не просто интерес, но интерес в высокой степени эмоционально окрашенный. Наблюдатели последовательно зафиксировали невиданный всплеск антигерманских настроений, целенаправленное формирование образа врага в лице немцев и их союзников, а к концу войны — стихийные, но все же достаточно распространенные антисоюзнические и даже, хотя в гораздо меньшей степени, прогерманские настроения²⁹.

Однако мировая война, при всей своей масштабности, оказалась лишь прологом к гораздо более сильным социальным, политическим, культурным, и, разумеется, психологическим потрясениям — свержению монархии, возникновению Российской республики, большевистской революции, гражданской войне...

Уже в первые годы после революции была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов, преследующих чисто пропагандистские цели. Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемле-

²⁷ Цит. по: Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 102—103.

²⁸ Шафир Я. Газета и деревня. 2-е доп. изд. М.; Л., 1924. С. 19.

²⁹ Подробнее об этом см.: Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника... С. 123—173; Россия и Запад... С. 53—67.

мую часть официальной мифологии. В полном соответствии с механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми в первую очередь коммунистическим и рабочим движением, и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в представлении верующих.

И новый жизненный опыт, полученный российским обществом, и все расширяющаяся система официальной пропаганды вели к тому, что внешний мир, даже в отдаленных районах страны, в сельской «глубинке», на национальных окраинах, стал восприниматься как некая реальность, имеющая отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (в том числе для ведения крестьянского хозяйства, для уровня жизни рабочей семьи и т.д.). Порой еще не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности мира, частью которого являлась Советская Россия, перестало быть прерогативой лишь образованных слоев населения.

Мир — Запад прежде всего — представал как в качестве *источника* вполне реальной *угрозы* (угрозы военной, угрозы для установившегося политического строя), так и, напротив, в качестве *источника благоприятных изменений*. В последнем случае речь идет не только о противниках Советской власти, ждавших извне освобождения от власти большевиков, но и, в ряде случаев, о ее сторонниках. В их понимании Запад, например, мог предоставить техническую или продовольственную помощь, выступить союзником в войне против общего врага или просто путем давления на советское правительство добиться некоторой корректировки политики (ропуска колхозов, снятия хотя бы части ограничений с деятельности православной церкви).

Но, помимо этого, пропаганда формировала, а общественное сознание воспринимало иной образ Запада, который был ужасен, античеловечен и должен был одновременно служить мобилизующим фактором и контрастом, оттеняющим завоевания социализма. Это соответствовало особенностям мифологического сознания. По мнению культуролога И.Г. Яковенко, «в природе мифологического сознания лежит симметричная модель мира/антимира. В соответствии с нею, “иной” мир понимается как вывернутая наизнанку модель родной культуры»³⁰.

Вместе с тем Запад в целом, как подчеркивает Яковенко, «оказывался одним из стержневых концептов, с которым соотносилось, отталкиваясь от которого самоосознавалось, по отношению к которому структурировалось советское общество»³¹. Другими словами, Запад выступал в качестве своеобразного эталона — именно с его жизнью, бытом, культурой сравнивалось все происходившее в СССР, он же выступал и в качестве альтернативы, неважно, с позитивным или негативным наполнением.

В целом отличительной чертой массового сознания 1920-х годов явилась поляризация представлений о внешнем мире, сопоставимая с поляризацией внутрисоциальных позиций. Если для одних образ вчерашних союзников и Запада

³⁰ Россия и Запад... С. 34.

³¹ Там же. С. 302.

в целом — в соответствии с мифологией официальной — рисовался исключительно в мрачных тонах, то для других Запад представлял в виде зеркальной альтернативы всему происходящему в СССР, но уже с положительным знаком.

Вопрос о существовании в СССР 1930-х гг. общественного мнения — вопрос по меньшей мере дискуссионный. Правда, советское руководство, Сталин в частности, любило порой сослаться на него в ходе международных переговоров, но, тем не менее, правильнее было бы говорить не об общественном мнении, которое не могло сформироваться там, где не было условий для свободной дискуссии хотя бы в ограниченных рамках, а в лучшем случае об общественных настроениях. И все же советская общественность не могла не реагировать на происходящее в мире.

Одним из самых распространенных стереотипов было представление о «враждебном капиталистическом окружении». Постоянно фиксировались преувеличенные представления о масштабе революционных настроений, остроте социально-экономического кризиса в капиталистических странах³².

Вместе с тем прямые сравнения ситуации в СССР и на Западе далеко не всегда оказывались в пользу СССР.

Иногда выводы делались не столько на основании информации о внешнем мире, сколько исходя из внутренней ситуации. В конце 20-х — первой половине 30-х годов постоянно встречаются упоминания о вывозе хлеба за границу как причине продовольственных затруднений. При этом делался неожиданный, с точки зрения пропагандистов, вывод — раз наш хлеб вывозят на Запад, значит, там, в результате этого, хлеба в избытке.

В связи с принятием новой советской Конституции 1936 г. нередко раздавались высказывания о преимуществах советской жизни. Как заявила одна рядовая московская избирательница, «ни в одной стране нет таких выборов, как у нас в СССР. В капиталистических странах рабочие не участвуют в выборах, там выбирают и могут быть избраны только капиталисты, а рабочие же мучаются, работая день и ночь на капиталиста за ничтожную заработную плату. Мы, женщины, будем активно участвовать в выборах в Верховный Совет СССР, а там за рубежом женщины не имеют права выбирать и быть избранными»³³. Как бы отвечая ей, жители Калужского района в июле 1936 г. говорили: «От вставленных в Конституцию слов о свободе слова и печати веет красным словцом, за границей — например в Англии и Америке — действительно существует свобода печати, а у нас одна партия, она же правительство, остальные же ничто...»³⁴. Но, пожалуй, наиболее распространены (и достаточно обоснованы) были представления о Западе как о мире материального изобилия.

Таким образом, наряду с официальными стереотипами сохранялись противоположные им, но столь же упрощенные представления о Западе как о счастливом, богатом мире, где решены (или вскоре будут решены) все проблемы. Этот позитивный образ существовал в разных слоях общества.

³² Об этом писали, например, А. Жид и Л. Фейхтвангер. См.: Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 79—81, 172, 221 и др.

³³ Центральный архив общественных движений г. Москвы. Ф. 3. Оп. 50. Д. 15. Л. 60.

³⁴ Государственный архив Калужской области. Ф. 8. Оп. 3. Д. 26. Л. 92.

Подавляющее большинство населения страны принимало чисто пассивное участие в формировании внешнеполитических стереотипов — за ними, в сущности, оставалось лишь неосознанное право выбора между различными мифологемами. Одни из них прочно укоренялись в массовом сознании, другие не оказывали на него никакого (или почти никакого) воздействия. Значительная часть населения имела о внешнем мире лишь самое отдаленное представление. Нелишне напомнить, что к 1939 г. грамотных в стране было 81,2%, лиц со средним образованием — 7,8%, с высшим — 0,6%³⁵. Вместе с тем многие источники отмечали даже в самых глухих деревнях реальный, хотя зачастую неудовлетворенный, интерес к международным событиям.

Необходимо отметить, что на данном этапе речь может идти лишь об основных тенденциях в формировании внешнеполитических стереотипов. Если в США уже в 1935 г., в Великобритании в 1937 г., во Франции — в 1939 г. начали работу институты Гэллапа, проводившие регулярные опросы общественного мнения, в том числе и по вопросам внешней политики, в СССР ничего подобного не было. Сводки о настроениях, составленные ОГПУ или партийными органами, представляли собой достаточно случайные выборки, не дающие сколько-нибудь убедительной статистики, да и объективность их порой вызывает сомнения. Тем не менее можно прийти к выводу, что в сознании советского общества 1920—1930-х гг. складывалась неадекватная в целом картина внешнего мира, в первую очередь Запада.

К концу 1930-х годов большинство населения в той или иной степени восприняло стереотипы официальной пропаганды. Вместе с тем то, что устоявшиеся пропагандистские клише регулярно использовались в публичных выступлениях или в письмах, еще не означало, что все население в них верило; напротив, в частных разговорах зачастую встречались высказывания и оценки, прямо противоположные официальным, причем это относится практически ко всем социальным группам. Пожалуй, только среди молодежи степень доверия к советской пропаганде была заметно выше. Свидетельств тому более чем достаточно, в том числе в материалах «Гарвардского проекта». Из них следует, что советская молодежь была настроена к сталинскому режиму гораздо более лояльно, чем представители старших поколений. Вместе с тем именно молодежь в числе главных претензий к режиму называла, наравне с террором, то, что он «обманывал их, давая им неверное представление о жизни на Западе»³⁶. Разумеется, речь шла о той части советской молодежи, которая в силу различных обстоятельств сама оказалась за границей и могла оценить достоверность советской пропаганды.

Говоря об обществе в целом, необходимо подчеркнуть, что пропаганда служила только лишь *основным материалом* для формирования массовых стереотипов, которые порой упрощали ее положения и оценки до неузнаваемости, порой искажали, а иногда формировались просто «от противного». Растущая изоляция общества, все в большей степени сопровождавшаяся ростом подозрительности и шпиономании, сокращала возможности получения объектив-

³⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 39, 49.

³⁶ Козин Е. «Гарвардский проект». М., 2003. С. 127.

ной информации. И все же Запад оставался многоликим, причем его разные, иногда прямо противоположные, ипостаси сосуществовали не только в общественном сознании, но и в сознании отдельных людей.

Вторая мировая война многое изменила в представлениях о внешнем мире. «Идея мира» (выраженная в массовом сознании устойчивой поговоркой «лишь бы не было войны») на несколько десятилетий стала для народов СССР, прежде всего русского народа, чем-то вроде национальной идеи.

Далее, сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции, особенно среди представителей интеллигенции, расценивалось как начало нового этапа взаимоотношений СССР и ведущих стран мира. Впрочем, позитивных изменений ожидала не только интеллигенция. Подобные настроения существовали и в городах, и в деревне.

Оставили след не только межсоюзнические отношения, сопровождавшиеся изменениями в пропаганде, а в ряде случаев — личными контактами советских граждан с союзниками, но и личные впечатления от увиденного в Европе в 1944—1945 гг., которые резко контрастировали с советской действительностью и весьма разнились от удручающих картин западной жизни, тиражируемых официальной пропагандой. Не впервые в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям в массовом сознании.

В первые послевоенные годы советское руководство активно пыталось свести к минимуму последствия знакомства многих советских людей с повседневной жизнью Запада (отсюда — идеологические кампании конца 40-х — начала 50-х гг., в том числе «борьба с космополитизмом»). Но такие меры давали лишь ограниченный и временный эффект.

В течение следующего этапа, с конца 1950-х по 1985 г., в СССР постепенно рушились преграды в области международного общения, происходило неформальное налаживание контактов советских граждан с иностранцами, создавалась атмосфера доверия, ширилось количество неформальных общественных организаций. Другими словами, возникали элементы гражданского общества. Это, а также появление альтернативных источников информации о западном мире, привело к постепенной эрозии устоявшихся внешнеполитических стереотипов. Как уже отмечалось, именно в это время они в значительной мере (хотя, конечно, далеко не полностью) вытесняются инокультурными стереотипами. Теперь, например, Италия вызывала ассоциации не столько с Муссолини и фашизмом, сколько с Феллини и Данте, Англия — не с Чемберленом или Черчиллем, а с Шекспиром, футболом и «Битлз», и т.д. Конечно, здесь сыграло свою роль и повышение уровня массового образования в СССР, но не только.

Происходит почти незаметный, но постоянный по своей динамике процесс открытия советского общества внешнему миру. Нарастает количество фильмов, книг, разнообразных выставок; все больше советских людей выезжает за рубеж в туристические поездки, в командировки, все больше проникает, с одной стороны, реальная информация о жизни на Западе, а с другой — представление 30-х годов о Западе как об антимире, где все «не так», где все не по-человечески и все страшно, сменяется обратным мифом: этот Запад для

значительной части населения уже предстает сказочным миром, где все не просто по-иному, но и намного лучше, чем у нас.

И вместе с тем опасения войны, сформированные в первую очередь памятью о Великой Отечественной, продолжали доминировать в массовом сознании. В эту эпоху трудно найти следы предвоенных иллюзий или особые разногласия относительно предполагаемого противника. В качестве такового рассматривались США, НАТО, Запад в целом; сама же гипотетическая война почти однозначно воспринималась как катастрофа.

По сравнению с довоенными представлениями заметно снизилась роль Великобритании; место главного противника прочно и надолго заняли США, на втором месте — благодаря как усилиям пропаганды, так и массовой памятью о войне — оказалась ФРГ; далее следовали страны НАТО в целом.

С 1985 г. начинается сложный, противоречивый, но довольно быстрый, и, как тогда казалось, необратимый процесс ликвидации стереотипов «холодной войны» как на Западе, так и в СССР. Столь же противоречивым являлось становление новых внешнеполитических приоритетов в мире, которое определило более трезвый, хотя и не лишенный предубеждений, взгляд Запада и России друг на друга в связи с попытками установить баланс глобальных и национальных интересов.

«Минусы» сменяются «плюсами»; появляется новое почти повсеместное определение «цивилизованные страны», из числа которых СССР, а затем и Россия, автоматически исключались. От Запада ждали кредитов, инвестиций, гуманитарной помощи, и в результате — резкого повышения уровня жизни.

Близкое знакомство с реальным Западом, а, главное, результаты перестройки и последовавших за ней реформ привели к тому, что инверсия произошла еще раз, и вновь возродились традиционные стереотипы, демонизирующие Запад, порой отдающие средневековьем, и мало свойственные даже позднему советскому обществу.

Особенно наглядно эти изменения получили отражение в отношении к США, главной и единственной ныне супердержаве, своего рода олицетворению Запада и одновременно традиционному «потенциальному противнику» последних десятилетий.

Однако внимательное изучение многочисленных социологических опросов 1990—2000-х годов приводит к неожиданному выводу.

Вышеупомянутая ретроградная инверсия избирательна и непрочна; более того, она скрывает вполне реальный, хотя далеко не всегда осознаваемый, процесс восприятия западной системы ценностей, продолжающий сходные процессы советской эпохи в гораздо более благоприятной для этого внешней среде. Можно сказать с большой долей уверенности, что она затрагивает прежде всего внешнеполитические стереотипы; однако одновременно идет процесс формирования инокультурных стереотипов, а личный опыт знакомства с внешним миром способствует их превращению в образы.

При этом, говоря о восприятии Запада в России, обычно упускают из виду, что речь идет о нескольких десятках государств. В России существуют негативные представления относительно США (прежде всего это результат холодной войны), Великобритании как традиционного соперника России, Герма-

нии как противника в двух мировых войнах, Польши в силу исторического наследия... Но трудно представить себе, скажем, антидатские или антииспанские стереотипы. Большинство европейских стран или та же Канада вызывают либо симпатию, либо просто безразличны россиянам. Зато можно без преувеличения сказать, что практически в любой западной стране не просто существуют, но достаточно распространены и прочно укоренены стереотипы антиросийские, унаследованные от времен Московии, которую считали варварской, Российской империи, которую в Европе побаивались, или Советского Союза.

Отсутствие всеохватывающей пропаганды, многообразие источников информации, а главное, возможность реальных контактов и просто смена поколений ведут к тому, что процесс размывания старых стереотипов ускоряется, Запад в значительной степени теряет свою «мифологическую составляющую», по крайней мере, в глазах значительной части российского общества.

И, вместе с тем, вышесказанное отнюдь не отменяет определенных закономерностей, связанных с особенностями восприятия «Иного», со стереотипизацией как массового, так и индивидуального сознания.

Так, если говорить о сознании отдельного человека, вопрос о том, в какой степени возможно освободиться от стереотипов, остается открытым. Если речь идет об преодолении всех стереотипов как формы мышления, то это, конечно, невозможно. С другой стороны, в отдельных узких (профессиональных) сферах деятельности их влияние может быть сведено к минимуму. Что касается массового сознания, тут можно говорить лишь о преобладании на данном этапе тех или иных тенденций.

Очевидно, однако, что процесс формирования, эволюции, воспроизводства стереотипов и возникновения образов в российском обществе является постоянным, и представления об «Ином», по крайней мере в исторически обозримой перспективе, будут оставаться столь же сложными, противоречивыми и разнохарактерными.

От гераклов к богатырям: конвенции показа русского прошлого¹

Русский XIX в. стал временем рождения национального воображения, а это потребовало от современников заключения соглашений относительно показа и видения «своего» прошлого. О том, что они не оставались неизменными, свидетельствуют признания зрителей в непонимании или в несогласии с увиденными образами. Их наличие побуждает исследователей выявлять причины нежелания зрителей и художников соблюдать прежний договор.

В этом отношении особый интерес представляет время заключения первых художественных соглашений такого рода, период осознания потребности в национальных символах, то есть последняя треть XVIII — первая треть XIX в. С одной стороны, достигнутые тогда довольно зыбкие конвенции стали основой для более устойчивых договоров, определявших видение российского прошлого в XIX в. и даже XX в. А с другой стороны, создатели и участники первичных соглашений стали жертвой критики выросшего на их плечах и на их опыте следующего поколения национально мыслящих соотечественников. Именно поэтому зрители николаевского времени недоумевали: неужели на исторических полотнах А.П. Лосенко, Г.И. Угрюмова, А.Е. Егорова, В.К. Сазонова, а также в скульптурных композициях М.И. Козловского, И.А. Кашенкова, И.И. Воротилова и других изображена Русь и Московия, а не Греция и Рим? Такое же непонимание возникало у них при просмотре гравюр на исторические сюжеты: неужели и впрямь древнерусские князья были так похожи на средневековых западных королей, а русские богатыри на субтильных странствующих рыцарей с копьями? Тогда почему современные художники изображают их иначе?

Судя по дошедшим до нас отзывам, недоверие к свидетельствам картин и гравюр «старых мастеров» (как стали называть художников рубежа XVIII—XIX вв.) зрители стали выражать начиная с 1830-х годов. В это время эстетическую ценность обрели протоколно сделанные копии натуры или слепки реальности. Об одном из популярных в то время графиков К. Гампельне художественный критик Николай Врангель писал: он «с механической точностью, сухо и угловато зарисовывал своих современников... Словно с дагерротипов глядят эти глаза и стоят в окаменелых позах люди всех возрастов и положений»². Пройдя через школу документального видения, россияне перестали верить фантазиям «старых» художников.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100». В англоязычной версии и в иной редакции результаты исследования были опубликованы: *Vishlenkova E. Picturing the Russian National Past in the Early 19th Century // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2012. Bd. 60, H. 4. S. 489—509.*

² *Врангель Н. Иностранцы XIX века в России // Старые годы. 1912. Июль—сентябрь. С. 22.*

Но современники им верили. В этом удостоверяют рассуждения художественного критика того времени В.И. Григоровича. Он даже назвал Лосенко основателем русской художественной школы. И сделал это несмотря на то, что персонажи картины «Владимир и Рогнеда» (их позы и костюм) скопированы художником с гипсовых статуй античных богов и героев. И в полотнах Угрюмова³ Григоровича не смущали художественные реплики. Он легко относился к тому, что картину «Испытание силы Яна Усмыря» автор создавал с использованием откровенно нерусских натурщиков. «Смотря на него (богатыря. — Е.В.), видишь,— признавался Григорович,— что художник учился с Геркулеса Фарнезского. Для модели он употребил татарина Юзея, который имел удивительную маскулатуру, и который, по совету Угрюмова, был принят в Академию натурщиком»⁴. Видимо, тогда национальное самолюбие не страдало от понимания рукотворной природы визуальной «русскости». Тот же Григорович считал, что симбиоз античности и азиатскости художнику вполне удался: «фигуры нарисованы правильно, характеры верны, выражение естественно»⁵.

Спустя сто лет, другого историка искусства Александра Бенуа поразит возможность такого восприятия исторических образов. В начале XX в. художники добились иллюзии «прозрачного стекла» между настоящим и прошлым, ощущения физического присутствия зрителя в истории, аутентичности исторических костюмов. Появлению каждого художественного полотна предшествовали многолетние изыскания в архивах, чтение летописей, изучение научной литературы, реконструкция контекста, тщательный подбор музейных предметов и костюмов для копирования. Но это будет позже, и такой подход к созданию образа указывает на изменения в договоре о правилах видения, а также о репрезентациях русскости и соотносённости ее знаков с символами всемирной и священной историй.

В данной статье анализируется не проблема достоверности художественного образа, а готовность или неготовность зрителей увидеть в фантазии художника историческую реальность и признать ее как «свою», как «русскую».

Намерения сторон

У изобразительных образов российского прошлого были заказчики, творцы и потребители. Их вкусы и интересы влияли на национальное воображение художников и на характер зрительской рецепции их творений. Примечательно, что в исследуемое время они не были элитарной закрытой группой, а представляли собой довольно широкие социальные слои.

Желания людей власти. Появление символических образов империи, а также производство значений, которые они несли, было предметом присталь-

³ Автор картин «Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немецкими рыцарями» (1793), «Испытание силы Яна Усмаря» (1796—1797), «Взятие Казани войсками Ивана Грозного 2 октября 1552 года» и «Избрание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 года» (1797—1799).

⁴ Григорович В.И. Сведения о Григории Ивановиче Угрюмове и его произведениях // Журнал изящных искусств. 1823. Ч. 1. № 1. С. 65.

⁵ Там же.

ного внимания монарха и его приближенных. Императорский двор определял «высокий вкус», поощрял проведение конкурсов в Академии художеств, был заказчиком и ценителем художественных произведений (икон, картин, скульптурных памятников, монет и медалей, проектов публичных сооружений).

Стремление обрести статус лидера «политичной нации» (то есть рационально описанной и участвующей в принятии мировых судьбоносных решений), добиться высокого места на цивилизационной шкале породило желание правящего дома получить художественную версию имперской истории. Заказанные Академии художеств исторические темы (такие, как «Победа Петра над турками» — 1763, «Рюрик, Синеус и Трувор» — 1766, «Крещение святой Ольги» — 1768) были ориентированы на то, чтобы связать прошлое русской государственности с мировой и шире священной историей. Для выражения замысла заказчика в то время использовались «литературные программы» — вербальные описания персонажей исторической сцены и ее значения. Например, в 1811 г. программа звучала так: «Царь Иоанн Васильевич отдает принесенную ему воинами воду истаивающему от жажды простому воину, коего сам напоивает». А в 1813 г. Академия хотела получить от конкурсантов такое визуальное послание: «Верность Богу и государю русских граждан, которые, будучи расстреливаемы в Москве в 1812 году, шли к смерти с твердым и благородным духом, не соглашаясь исполнить повеление Наполеоново».

Впрочем, сменяющие друг друга монархи, а также члены Академии художеств не имели единого списка героев и событий для репрезентации положительной традиции. Например, Екатерина II хотела показать примеры ратных подвигов по защите земли русской и православия, а ее сын Павел I мечтал увидеть завоевательные походы русских монархов. Назначение художника виделось в том, чтобы максимально точно передать артикулированные заказчиком значения визуальными средствами.

Поощряя развитие художеств, правящая власть рассчитывала на благодарность служителей искусств и возлагала надежду на их участие в позитивной репрезентации империи. Неслучайно в документах, регулирующих деятельность Академии художеств, от педагогов и воспитанников требовалась «государственная польза». Поэтому при каждом удобном случае академики заверяли правительство в своей преданности интересам империи, а с начала XIX в. все чаще говорили о стремлении содействовать славе русского народа.

Инструментальные возможности творцов. Однако в те времена у российских художников были ограниченные инструментальные возможности для показа культурных преимуществ России и изображения народа.

В российской Академии начинающий рисовальщик получал специфический взгляд на окружающий мир. Преподавателей, как правило, мало интересовала его исходная культура: эстетические вкусы или привычка видеть. Более того, они считали, что художественная культура их учеников не является культурой как таковой, требует искоренения или исправления. Систематическое обучение имело целью изменить видение («поставить глаз») учащегося и приучить его к *правильному* изображению («поставить руку»).

Этого педагоги добивались посредством многолетнего принуждения учеников копировать «антики» и «образцы» произведения античного и но-

вовременного искусства. Таким путем «глаза Живописцев, — объяснял А. Иванов, — привыкают удобно к тем краскам, каковыя обыкновенно они (создатели шедевров. — *Е.В.*) употребляют, и к манеру, который они переняли от Мастеров своих; так что после сия привычки они видят натуру не такую, какова она есть в самой вещи, но такую, как они привыкли ее писать и расцвечивать»⁶. Такую эстетику историки искусства называют условным термином «канон идеальной формы».

Видимо, данная методика обучения была эффективной. Судя по признаниям воспитанников, даже в натурном классе они ощущали, как между ними и натурщиком «как бы невидимо и постоянно помещался всегда древний Антиной или Геркулес»⁷. Привыкших к условным изображениям художника Угрюмова и ценителя его картин Григоровича не могло смутить то обстоятельство, что русский богатырь на картине «Испытание силы Яна Усмыря» стоит в позе античной статуи и имеет мускулатуру натурщика-татарина.

Нормы профессионального видения и критерии оценки художественного произведения долгое время формулировались в устной форме и передавались от учителя к ученику, и лишь в конце XVIII в. они были изложены в учебниках. Имеются в виду письма немецкого живописца Дона Антонио Рафаэла Менгса в переводе Н.И. Ахвердова (1786), оригинальный трактат французского художника И. Виена «Диссертация о влиянии анатомии в скульптуру и живопись» (1789), а также учебники преподавателей Российской Академии художеств А.М. Иванова (1789), П.П. Чекалевского (1792) и И.Ф. Урванова (1793).

Первое, что обращает внимание, — от художника не ждали показа реальности, а от исторического полотна достоверности. «Ежели я пожелаю научиться истории, — наставлял учеников А. Иванов, — то не стану в рассуждении сего советоваться с живописцем, который не иначе как по случаю историк»⁸. В этом отношении российские педагоги исповедовали довольно архаичные цеховые нормы. В то время во Франции, Нидерландах, Италии и немецких землях господствовали неоклассицистские идеи И.И. Винкельмана (1717—1768), призывавшего художников «окунуть кисть в интеллект» и сделать картины источниками знания.

В России же назначение художественного образа виделось в том, чтобы развлекать зрителя. И поскольку прошлое человечества представлялось универсальным, то показ его локальных версий осуществлялся посредством смены костюма персонажей (то есть фрагментов одежды, украшений, оружия и бытовых вещей, используемых «для означения обычаев, времен и мест»⁹).

Соединение в России начала XIX в. разных художественных принципов привело к двум разнонаправленным тенденциям в показе прошлого: стремлению к иллюзорности и к символизму. Иллюзорность требовала перенастройки зрительской оптики. Зрителю предстояло привыкнуть к расслоению пространства на планы; уменьшению размеров тел, яркости тонов и отчетливости

⁶ [Иванов А.М.] Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев, и примечание о портретах. СПб., 1789. С. 189.

⁷ Рамазанов Н. Материалы для истории художеств в России. Кн. 1. М., 1863. С. 117.

⁸ [Иванов А.М.] Понятие о современном живописце ... С. 43.

⁹ Там же. С. 130.

фигур по мере удаления тел на расстояние; к сходимости зрительных лучей и живописного пространства в точку в центре рамы и сюжета.

Тенденция к символизму изображаемой реальности, характерная для эстетики Просвещения и классицизма¹⁰, была более привычна для воспитанного на иконах российского зрителя. Светская нравственная живопись продолжала борьбу с человеческими пороками. Изысканности рококо в ней был противопоставлен идеал рациональной красоты, нуждающийся в четкости контура и единстве композиции. В классицистском каноне прошлое помещалось в библейский или античный контексты, а современность отвергалась как искажение и затемнение «золотого века» человечества.

Этот комплекс идей был закодирован в устойчивые универсальные символы. Их правильное прочтение и понимание обеспечивали специально издаваемые словари графической символики. Как правило, для визуализации исторических фантазий российские рисовальщики использовали альбом «Символы и эмблематы» (первое амстердамское издание Генриха Ветштейна, 1705)¹¹. Он состоял из 840 гравированных на меди изображений с объяснительным текстом на восьми языках. Во вводных статьях к переизданиям 1788 г. и 1811 г. Н.М. Албодик разъяснял россиянам, как следует пользоваться западными символами и изображать такие отвлеченные понятия, как вера, слава, смелость и прочие.

Кроме этих двух тенденций и соответствующих им технологий изображения прошлого, в XIX в. пришло смутное желание аутентичности. В контраст выпущенной в царствование Екатерины I графической версии генеалогии царствующего рода, где великие князья древней Руси предстали условными типажам из европейских хроник¹², чувствительный к такой подмене и ратующий за позитивный показ национальной оригинальности М.В. Ломоносов предложил Академии наук скопировать аутентичные изображения русских правителей. В 1760 г. он направил в академическую канцелярию записку «О посылке в древние столичные государственные и владетельных князей города для собирания российской иконологии бывших в России государей»¹³. Исполнителям проекта предстояло сделать копии с церковных и монастырских фресок, а также рукописных книг. Они, по мнению Ломоносова, послужат документальными источниками для национальной истории. Однако Академия наук не заинтересовалась этой инициативой, сочтя ее неважной, а стремление Ломоносова к натурализации истории — неэстетичным.

Отношение к аутентичности изменилось буквально через несколько лет после воцарения Екатерины II. Во времена ее правления западные венценосцы уверенно говорили о французской культуре, испанском темпераменте и британской сдержанности, позиционировали себя представителями единого западного мира и одновременно выразителями национальных интересов. При отсутствии у жителей России чувства имперской солидарности и общего

¹⁰ *Арасс Д.* Художественный мир Просвещения // Мир Просвещения: Исторический словарь. М., 2003. С. 195.

¹¹ *Кузьминский К.С.* Русская реалистическая иллюстрация XVIII и XIX вв. М., 1937. С. 21.

¹² *Die Zarin und Die Teufel.* Europäische Russlandbilder aus Vier Jahrhunderten. Stuttgart, 2004.

¹³ *Модзалевский Л.Б.* Рукописи Ломоносова в АН СССР // Труды Архива АН. Вып. 3. Л., 1937. С. 145. Описание № 414.

прошлого Екатерине II было трудно апеллировать к подобным ценностям¹⁴. Стремление императрицы легитимировать себя через «русскость» и «православность», а также желание российских элит опереться на собственную культурную традицию породили альянс между ними и стимулировали совместный поиск позитивных свидетельств национальной оригинальности.

В придворной жизни это проявилось в появлении «русского платья», русских игр и пьес, склоненных на «русский лад». Набор реквизитов для театральных инсценировок такого рода создал художник Ж.-Б. Лепренс. Его жанровые зарисовки и костюмы использовались аристократией в качестве справочника для переодевания и погружения в «русскость». Наряду с современными русскими типажам французский график предложил зрителям исторические типажы, в частности образы стрельцов¹⁵. Естественно, что прибывший в Россию в 1758 г. Лепренс не мог видеть стрельцов. Вероятно, данные персонажи были созданы в результате копирования костюмов и оружия, хранящихся в Оружейной палате. И если это так, то в других условиях и для других целей, им был реализован ломоносовский принцип исторической документальности образа.

Желания заказчиков. С конца XVIII в. активными участниками в деле заключения визуальных соглашений, а иногда и прямыми заказчиками художественной продукции стали представители более низких, чем столичная аристократия, социальных слоев: губернские чиновники, издатели журналов, купцы — любители старины, уездные помещики, университетские преподаватели и академические воспитанники. В это время их интерес к искусству стал следствием поиска зримых признаков национальной идентичности и общего «своего» прошлого.

Углубляющаяся европеизация, адаптация понятий патриотизма, гражданственности и других конструктов просветительского проекта стимулировала переоценку российскими интеллектуалами своей отстраненности от простонародной культуры. Если в первой половине XVIII столетия отход от нее был позитивным знаком, то на исходе столетия удаленность от низовой культуры стала осознаваться как искажение, отступление от естественного развития и даже как национальное предательство¹⁶. Тогда же познание прошлого стало считаться неотъемлемой частью любви к Отечеству. И в качестве такового оно вышло из монополии государственных ведомств, обрело форму общественной инициативы. Находками местных любителей истории, пересказывающих легенды, сказания и обнаруженные в монастырских архивах письменные тексты, наполнились страницы столичных изданий. Примером такой активности в провинции является «Общество для исторических исследований», которое создали в Архангельске служащие местной торговой палаты В.В. Крестинин и В.А. Фомин¹⁷.

¹⁴ Вишленкова Е.А., Фомина Л.В. Идеи о «чистых» и «смешанных русских» в отечественной публицистике 1760-х годов // Диалог со временем. 2010. № 30. С. 141—156.

¹⁵ *Le Prince J.B. Oeuvres, contenant plusde 160 planches representant divers costumes et habillements des peuples du Nord.* Paris, 1782.

¹⁶ Пример тому: Письмо к Издателю // Русский Вестник. 1808. № 1. С. 69.

¹⁷ Куратов А.А. Крестинин Василий Васильевич // Поморская энциклопедия. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск, 2001. С. 206—207.

Крупные и мелкие чиновники, духовные особы, «любители наук» собирали летописи, записывали пословицы, издавали сборники песен и сказок¹⁸. Благодаря им Россия включилась в общеевропейский процесс «открытия фольклора», который сопровождал эру романтического национализма¹⁹. Один из идеологов этого движения, веймарский философ И.Г. Гердер, уверял единомышленников, что всеобщая история состоит из жизней различных наций, ранний период которых отражен в песенном и устном творчестве сельских жителей²⁰.

Усвоение этих идей привело к признанию культурной значимости русского фольклора в рамках «высокой» культуры. Этапы этого можно проследить по намерениям издателей. Так, если в 1780 г. В. Левшин публиковал сказки лишь для их сохранения и в подражание французам и немцам, а в 1792 г. М. Попов издал «Русскую эрату» как источник знаний о древних русских людях, то в 1805 г. В. Львов видел в народных песнях ключ к пониманию национального характера, дающий доступ к самой сердцевине «русскости»²¹. А уже в 1809 г. В. Измайлов призвал соотечественников участвовать в сотворении устного народного творчества²². Откликнувшиеся на этот призыв любители «старины» экстрагировали положительную традицию («русскую историю») из материала собранных фольклорных коллекций.

В начале XIX в. русское прошлое излагалось аллегорически — как подтверждение конкретным историческим опытом некой вневременной морали. Исходя из этого, его изложение структурировалось как сборник морально-басенных рассказов и иллюстраций к ним. Такой текст не вызывал дискомфорта у современников. Его критиковали ретроспективно, из другой интеллектуальной ситуации. «Карамзин, — разоблачал литературные опыты молодого писателя Г.А. Гуковский, — написал свою поэмку “Илья Муромец” по Ариосто и другим произведениям европейской и русской европеизированной традиции и совсем не по былинам. Его Илья, молодой рыцарь, изящный, нежный, второй Ринальд, не имеет ничего общего с “деревенщиной” из села Карачарова»²³.

Современники Карамзина этого явно не замечали. Их волновало другое — предоставленная им возможность узнать и принять свое прошлое, преодолеть чувство культурной вторичности. «Мы среди блеска просвещения нами приобретенного, — признавался в 1804 г. В. Измайлов, — можем без стыда заглянуть под мрачную сень древности, скрывающую наших добрых предков, и у

¹⁸ Степанский А.Д. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 204—208.

¹⁹ Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. New York, 1978; Cocchiara G. The History of Folklore in Europe. Philadelphia, 1981; The Invention of Tradition. Cambridge, 1992.

²⁰ Herder J.G. Ideen zur Philosophie d.r. Geschichte der Menschheit. Riga und Leipzig, 1784—1787. Th. I—III.; Herder J.G. Zwei Preisschriften. I. Über den Ursprung der Sprache. 2. Ursachen des gesunkenen Geschmacks bei den verschiednen Völkern, da er geblühet. Berlin, 1789; Herder J.G., Liebeskind A.J. Palmblätter. Erlesene morgenländische Erzählungen für die Jugend. Neue Auff. Durchgesehen v. J.A. Krummancher. Berlin, Gotha, Jena, 1788—1816. Bd. I—IV.

²¹ Цит по: Knight N. From Entertainment to Artifact (неопубликованная рукопись).

²² О Русских пословицах (Второе письмо Старожилова) // Русский Вестник. 1809. № 8 (Август). С. 184—185.

²³ Гуковский Г.А. Карамзин // История русской литературы: в 10 т. Т. 5: Литература первой половины XIX века. Ч. 1. М., 1941. С. 74.

них научиться народному духу, патриотической гордости, домашним добродетелям и первому физическому воспитанию»²⁴.

Появившееся в это время требование избегать волюнтаристских интерпретаций древнерусских былин и летописей родилось, с одной стороны, в результате их публикации и приобщения к ним широкого читателя; а с другой стороны, вследствие наделения фольклора статусом прямого и достоверного свидетельства.

В те годы радикально настроенные патриоты стали настаивать на прерогативе россиян писать свое прошлое: «Не зная о правоте, о твердости душ наших предков, — доказывал издатель “Русского вестника”, — не хотя или не умея видеть основательности, здравомыслия и прочих похвальных их дел: могли ли иноплеменники судить о Русской старине»²⁵. Само «русское прошлое» стало осмысляться как объект заботы, который и познать можно лишь изнутри, и использовать надо для внутренних нужд²⁶. В связи с этим изменилось отношение к историческим сочинениям иностранцев о России. В отличие от XVIII в., их суждения стали воспринимать не как приговор, а как вызов²⁷.

Таков общий контекст, в котором формулировались социальные заказы на художественные версии национального и государственного прошлого. Проследить стадии их оформления позволяют периодические издания того времени. При их прочтении удастся выделить несколько требований к показу русского прошлого. Так, часть писателей разделяли мнение Шарля Батто, что объектом искусства должно быть только возвышенное и прекрасное²⁸. И поскольку античность считалась золотым веком искусства, то русское прошлое должны были представлять идеальные античные типы.

А русские поклонники Ж.-Ж. Руссо призывали художников изображать жизнь и людей простыми и не испорченными цивилизацией, выражать через тело (то есть форму) их внутреннее достоинство и присущее благородство души (то есть свойства)²⁹. Достойными кисти художника они признавали не только идеальные антики. Это убеждение легитимировало использование художниками сюжетов из русских былин и летописей, а также тел местных натурщиков.

Но поскольку разновременные интеллектуальные веяния пришли в Россию одновременно, среди местных интеллектуалов оказались и те, кто пытался совместить канон идеальной формы и руссоискую эстетику с утверждающейся установкой на проверку всего опытным путем. Это породило противоречивое желание иметь дидактически ориентированные изображения, основанные на литературных сюжетах и образах, но построенные на научных знаниях линейной перспективы и длительных наблюдениях. Чтобы

²⁴ О русском старинном воспитании // Патриот: Журнал воспитания. М., 1804. Т. 2, апрель. С. 4—5.

²⁵ О Русских пословицах // Русский Вестник. 1811. № 7. С. 19.

²⁶ О Русских пословицах (Второе письмо Старожилова) // Там же. С. 191.

²⁷ Там же. С. 193.

²⁸ О подражании // Сочинения студентов Санкт-Петербургского Педагогического Института по части Эстетики. СПб., 1806. С. 31.

²⁹ О простосердечном // Там же. С. 205.

художник смог, с одной стороны, улучшать жизнь, а с другой — изображать ее правдоподобно, ему следовало найти «приятные и грациозные» типажи и сделать их «гармоничными» (то есть поправить «натуру», обогатив ее индивидуальными свойствами)³⁰. Откликаясь на это пожелание, мастера и воспитанники класса исторической живописи в Академии художеств рисовали местных натурщиков, превращая на листе их тела в античных гераклов.

Литературные заказы на художественное прошлое. Изучение литературных программ для художников убеждает в том, что сформулировать желание и видение коллективного прошлого россиянам было непросто. Сначала история России представлялась античным «храмом», наполненным образами местных богов — русскими героями с антиклизированными телами. К такой форме прошлого российский читатель был подготовлен чтением западных трактатов. Один из них, «Храм всеобщего Баснословия, или Баснословная история о богах египетских, греческих, латинских и других народов», переведенный с латинского языка сначала И. Виноградовым, а затем П. Рейпольским, выдержал несколько переизданий³¹. Более узкий круг интеллектуалов читал французский «Храм благочестия или избранные черты из житий святых и деяния добродетельных мужей и жен, прославившихся в христианстве»³².

Павел Львов создал русскую версию легендария — «Храм российских Ироев от времен Гостомысла до царствования Романовых»³³. Фрагменты из него автор начал печатать еще в 1801 г. Тогда в журнале «Иппокрена» (ч. XI московского издания) он изложил описание памятников «Российских Ироев Осмагонадесять века» Якову Долгорукому (Долгорукову), Александру Суворову, а также Дмитрию Пожарскому. А в 1802 г. в «Новостях русской литературы» Львов опубликовал описания памятников графу Румянцеву-Задунайскому, князю Григорию Потемкину-Таврическому и Михаилу Ломоносову. В ландшафте российских столиц все они появились позже, но задолго до их материализации образы отечественных героев стали насаждаться в воображение современников. В версии Львова Отечество было сакральным объектом, требующим поклонения и защиты. Соответственно, русские герои виделись гераклами, курциями и атлетами, охраняющими божество.

В отличие от Львова, А.А. Писарев призывал художников воплощать национальный подвиг не в аллегорических фигурах, а изображать натуралистические тела соотечественников³⁴. И поскольку это требовало изучения письменных свидетельств, его «программа» включала выдержки из летописей и исторических сочинений. Радикально отступив от инструкций Академии художеств и ссылаясь на Винкельмана, Писарев уверял, что в идеале «надобно,

³⁰ Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М., 2004. С. 154.

³¹ Помей Ф.А. Храм всеобщего Баснословия, или Баснословная история о богах египетских, греческих, латинских и других народов. Ч. 1—3. М., 1785; То же. Ч. 1—3. М., 1808.

³² Его русский перевод был сделан в 1822 году: Храм благочестия или избранные черты из житий святых и деяния добродетельных мужей и жен, прославившихся в христианстве. Ч. 1—2. СПб., 1822.

³³ Львов П.Ю. Храм славы российских Ироев, от времен Гостомысла до царствования Романовых. СПб., 1803.

³⁴ Писарев А.А. Предметы для художников, избранные из Российской истории, Славенского Баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе. Ч. 1. СПб., 1807. С. 6.

чтобы зритель не по Истории узнавал содержание художественного произведения (то есть разгадал идею художника посредством ассоциаций. — *Е.В.*); но чтобы оное само напоминало ему историческое событие»³⁵.

Идея храма возникла в кругу членов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств³⁶. Оно было создано группой молодых интеллектуалов в 1801 г., получило утверждение императора в 1803 г., а прекратило свою деятельность в 1826 г. Многие писатели и ученые Александровской эпохи, в том числе из провинциальных городов, являлись членами этого Общества или были тесно связаны с ним. Молодых художников привел в него кружок «остенистов», созданный А.Х. Востоковым — будущим основателем славяноведения³⁷. Примечательно, что многие участники Общества впоследствии обрели славу отцов русской исторической живописи, пейзажа, карикатуры и скульптуры, то есть прославились национальными художественными проектами. Среди них Г.И. Угрюмов, Е.М. Корнеев, И.И. Терещенев, И.А. Иванов, С.И. Гальберг, Ф.Ф. Репнин³⁸.

Итак, интеллектуальные объединения и изданные ими литературные программы выражали желание увидеть участие России в культуре/цивилизации, а ее историческое бытование представить фрагментом всеобщей истории. При этом само прошлое заказчики видели нерасчлененным на периоды гомогенным временем, в котором сосуществовали разновременные события и слабо связанные между собой герои.

Символы русскости

Акцентирование «русской темы» нуждалось в новом языке описания. Его разработка привела к изменениям прежних конвенций о символах и стимулировала зрительскую рефлексию над предложенными художниками признаками национальной идентичности.

Эта работа проявилась уже в творчестве А.П. Лосенко. Создавая картину «Владимир и Рогнеда» (1770), академик весьма вольно интерпретировал сюжет летописного рассказа. Согласно письменному свидетельству, новгородский князь Владимир просил руки дочери полоцкого князя Рогволода, но, получив отказ, напал на Полоцк, убил отца и братьев Рогнеды и силой взял ее в жены. Художник же изобразил Владимира не вероломным завоевателем, а человеком цивилизованным, раскаявшимся в грехах. Зритель рассматривал антиклизированные персонажи, но получал удовольствие явно не от них. Смелость мастера и радость его почитателей связаны с тем, что впервые в светской живописи русское прошлое стало объектом искусства («возвышенным») и тем самым уравниво в правах с библейской и всемирной историей.

Процесс деформации классицистического канона элементами национального романтизма занял в России длительный период времени. Отказ от по-

³⁵ Там же. С. 11.

³⁶ *Базанов В.Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949.

³⁷ *Орлов В.* Русские просветители 1790—1800-х гг. М., 1953. С. 229.

³⁸ *Каганович А. И.И. Терещенев.* М., 1956. С. 10, 132.

ставленного взгляда и руки требовал интеллектуальных усилий. Они были сделаны главой исторического класса в Академии Г.И. Угрюмовым. В 1793 г. по заказу Екатерины II он написал полотно «Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немецкими рыцарями». Многофигурная композиция была выполнена в традициях классицизма, но с большим вниманием к деталям и костюму псковских жителей. Это вызвало одобрение любителей национальной старины. А вот введение в классическую композицию (где каждый персонаж, поза и жест имеют свои значения) необычной группы (старуха с ребенком на руках, девушка и женщина в венце) зрители тогда не поняли. Однако вскоре подобный прием использовал ученик Угрюмова, Е.М. Корнеев. Он вставил в свою реплику с гравюры А. Аткинсона «Русская свадьба» крестьянку-раскольницу, стоящую на коленях³⁹.

С помощью этнографических (татары, евреи, японцы) и социальных (молочница, извозчик, крестьянин) образов Угрюмов и его ученики создавали «свою» культуру. А образ крестьянки-раскольницы был использован Корнеевым для устранения разрыва русской культуры на до- и постпетровские времена, для связи русской истории с фольклорными свидетельствами. В результате достигнутого в пространстве визуального договора, крестьяне стали важным кодом в национальной оптике. Именно с ними художники, а потом и литераторы стали сопрягать русскую народность (этничность). Воспроизведение нового знака, его использование в разных контекстах помогало зрителю понять его значение.

Следующую историческую картину — «Испытание силы Яна Усмаря» (другое название «В присутствии великого князя Владимира Российский воин сын кожевника оказывает силу свою над разъяренным быком») — Угрюмов создал на основе летописного сказания о киевском кожемяке. Согласно сохранившемуся тексту, Ян вызвался продемонстрировать перед князем Владимиром свою силу, чтобы получить право сразиться с печенегами и вступить в единоборство с их силачом. По условиям схватки он должен был остановить на бегу разъяренного быка. Художник изобразил Усмаря не в одежде ремесленника, а с пурпурной драпировкой ткани на полуобнаженном теле. Угрюмов явно гипертрофировал физическую силу русского ремесленника. «В богатыре виден человек необыкновенный, сильный, — одобрительно писал об этом художественном приеме В.И. Григорович, — поставление его и сочинение всей картины имеют много достоинств»⁴⁰. Видимо, к 1820-м гг. физическая сила как визуальный код русскости была одобрена участниками визуальных соглашений.

Принятию этой конвенции содействовала популярность в России руссоистской мечты о не испорченном цивилизацией человеке. Опираясь на нее, формирующие национальный дискурс публицисты доказывали, что в допетровские времена все русские люди были красивыми (то есть правильными). «В старину... едва ли не каждая молодая женщина, — свидетельствовал тот же Измайлов, — была красавицей: ибо юность и красота, требующие полного раз-

³⁹ Подробнее об этом см: Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011. С. 150—151.

⁴⁰ Григорович В.И. Сведения о Григории Ивановиче Угрюмове... С. 65.

вития для совершенства их цвета, зрели на свободе и распускались во время со всею силою природы. Так и мужчины были гораздо статнее и красивее»⁴¹.

Физически развитое, сильное тело представлялось свойством русского народа и следствием русской культуры. Отступление от нее делало российских дворян субтильными и тщедушными: «*Видимое* различие между Русскими одного времени и Русскими другого есть, без сомнения, действие воспитания»⁴². К этой версии прошлого тяготели люди разных мировоззренческих установок. Н.М. Карамзин, А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, П.А. Ширинский-Шихматов, каждый по-своему, но все вместе разоблачали негативные последствия французского культурного влияния на русских людей и призывали художников показывать идеальное прошлое⁴³. Вот почему с таким восторгом и ностальгией современники смотрели на киевского витязя Яна Усыря, несмотря на его античные одежды.

Договор о русском костюме тогда еще не был достигнут. Для изображения исторических персонажей российские художники пользовались иллюстрированным справочником Н.-Кс. Вильмена «Собрание изображений гражданских и военных костюмов древних народов»⁴⁴. Выполняя художественный заказ Павла I — «Взятие Казани войсками Ивана Грозного 2 октября 1552 года» и «Призвание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 года» (1797—1799), Угрюмов одел антикизированных героев русского прошлого в условные костюмы. Каталог древнерусских костюмов вышел только в 1832 г.⁴⁵ в результате выполнения заказа правительства на описание бытовой истории, реконструкцию образцов древних одежд, украшений, орнаментов, книжных миниатюр и буквиз, фресок и живописи⁴⁶.

Герои государственные и национальные

В предверии предстоящей войны с Наполеоном национальная солидарность стала делом государственной важности. Это обеспечило альянс интересов государства и патриотов. Идеи «народного духа» и «народного характера» виделись теми скрепами, которые могли обеспечить мобилизацию и защиту России. Способность художественного образа апеллировать к эмоциям и воображению оказывалась в этом деле решающей.

⁴¹ О русском старинном воспитании // Патриот: журнал воспитания. М., 1804. Т. 2, апрель. С. 11.

⁴² Там же. С. 7.

⁴³ Российской борьбе с галломанией посвящена обширная историография. Обзор исследовательских подходов см: *Алтишуллер М.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007.

⁴⁴ *Willemin N.-X.* Choix de costumes civils et militaires des peuples de l'antiquité, de leurs instruments de musique, leurs meubles, etc. Т. I—II. Paris: L'imprimerie de Pierre Plassan, 1798—1802.

⁴⁵ *Оленин А.Н.* Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Траяна и русских до нашествия татар. СПб., 1832.

⁴⁶ *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986; *Жабрева А.Э.* «Страстный любитель точности в костюмах»: Штрихи к творческому портрету А.Н. Оленина // Российская национальная библиотека и отечественная художественная культура. Вып. 2. СПб., 2002. С. 127—135.

В связи с этим президент Академии художеств А.С. Строганов советовал педагогам давать конкурсные темы не из библейской истории, а из истории русского государства. «Для прославления отечественных достопамятных мужей и происшествий, — гласит протокол 1802 г., — найдены наипаче достойными произведения искусства, скульптуры князя Пожарского, Кузьмы Минина, Филарета Никитича, князя Меншикова, князя Голицына, князя Долгорукова; для живописи: крещение Владимира, побоище Мамаево, пришествие Рюрика, свержение ига татарского, опыт любви к отечеству Петра Великого под Прутом»⁴⁷.

Такая инициатива государственного учреждения вызвала одобрение патристически настроенных интеллектуалов. «Мы приблизились в исторических воспоминаниях своих к бедственным временам России, — написал Н.М. Карамзин Строганову, — и если живописец положит кисть, то ваятель возьмет резец свой, чтобы сохранить память русского геройства в несчастиях, которые более всего открывают силу в характере людей и народов»⁴⁸.

В 1805 г. академический совет предложил на конкурс программу «Дмитрий Донской на Куликовом поле». В то время театральными и литературными произведениями «освободитель Руси от монгольского нашествия» был возведен в категорию метафоры. Задача для молодых художников была сформулирована следующим образом: «Представить Великого Князя Дмитрия Донского, когда, по одержанию победы над Мамаем, оставшиеся князья русские и прочие воины находят его в роще при последнем почти издыхании». Больших золотых медалей на конкурсе были удостоены скульптурные композиции И.А. Кашенкова и И.И. Воротилова.

Другой конвенционной фигурой национального и государственного прошлого стал князь Александр Невский. Занимавшийся этим вопросом Ф.Б. Шенк отмечал, что до конца XVIII в. в российском сознании сосуществовали два его образа: первый — святой чудотворец и монах, второй — прославленный князь и великий предок царской семьи. В начале XIX столетия к ним добавился третий образ. Александр Невский превратился в исторического деятеля, который не только защищал русское государство от захватчиков, но и оборонял русскую народность и православную веру⁴⁹. Этот альянс интересов воплотил в скульптуре С.С. Пименов. Его Александр Невский установлен в Казанском соборе Петербурга.

Аналогичный образец героизма, проявленного одновременно в отношении национальных и государственных интересов, был показан в образах Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского. В 1804 г. скульптор И.П. Мартос приступил к работе над моделью такого памятника. Соединенные в единой композиции, защитники России от польских наемных войск были представлены символом внесоциального союза единомыслителей в деле спасения Отечества. Для его создания Мартос соединил классицистические образцы мужества (меч, скопированный с колонны Траяна) с фольклорными знаками

⁴⁷ Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Ч. 1. СПб., 1864. С. 434.

⁴⁸ Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 112—113.

⁴⁹ Шенк Ф.Б. Русский герой или фантом?: Заметки к истории почитания Александра Невского // Родина. 2003. № 12. С. 92—93.

славянской героики (шишак, воспроизведенный по хранящемуся в Оружейной палате шлему⁵⁰).

В сочетании универсального и локального, которое создали художники конца XVIII в., Мартос привнес новшества. Во-первых, он уравнивал значимость античного и этнического начал⁵¹, и, во-вторых, римскими качествами у него отличалась не внешность, а дух русских героев. Быстро изменить прежнюю конвенцию ему удалось благодаря появившимся литературным описаниям и интерпретациям символических значений памятника и массовому (по меркам того времени) воспроизводству его образа. Реплики с него появлялись в журнальных гравюрах, на набивных тканях, в декоре каминных часов и канделябров. В 1808 г. аналог памятнику Минину и Пожарскому предполагалось установить в Нижнем Новгороде⁵².

Только после того, как российский зритель принял значение новых художественных символов, смог их распознавать без дублирования античными знаками, творцы визуального прошлого начали отказываться от использования классицистической символики. В 1808 г. вернувшийся из Италии В.И. Демут-Малиновский создал статую святого Андрея для Казанского собора в опоре на новые художественные конвенции. Спустя столетие Игорь Грабарь одобрительно и одновременно снисходительно написал об этом произведении: «Святой Демута [смотрит] добродушным русским крестьянином. Понятно, что это тип только относительно русский, как русским кажется стиль Карамзина, или патриотические картины Шебуева»⁵³.

Итак, в начале XIX в. альянс интересов государства и патриотов содействовал монументализации прошлого России. Материализуя тела героев национальной и государственной истории, власть вводила прошлое в настоящее время империи. Расставленные в пространстве российских городов, эти символы историзировали их жизнь⁵⁴.

Русская художественная школа

Зрительская рецепция художественных образов и когнитивный статус визуального языка изменились после появления многотомной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и обсуждения национального прошлого на страницах послевоенной публицистики.

Отзывы современников о выставках Академии наук убеждают в том, что в 1820-е годы от исторического живописца стали требовать научных знаний

⁵⁰ Отлитый Мартосом шишак был копией шлема, изготовленного мастером Никитой Давыдовым, который, как тогда считали, носил сам Александр Невский. См: *Файбисович В.М.* Наполеоновская эпоха и стиль империи // Под знаком орла. Искусство ампира. СПб., 1999. С. 27.

⁵¹ В этом я согласна с наблюдениями В.М. Файбисовича: *Файбисович В.М.* Трофей русского ампира. Оружие средневековой Руси в памятниках александровского классицизма. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6109.php>

⁵² Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств. Ч. 1. С. 171.

⁵³ *Грабарь И.* История русского искусства. Т. V: Скульптура. М., 1914. С. 247.

⁵⁴ *Еремеева С.А.* Каменные гости: монументальные памятники коммеморации // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 501—502.

и иллюстраций. Оценивая картину О.А. Кипренского «Дмитрий Донской по одержанию победы над Мамаем», В.И. Григорович хвалил в ней все, что касалось правил рисунка⁵⁵. Его критика связана с научной достоверностью: «Великий Князь изображен гораздо старше, чем был он в это время. Ему было не более тридцати одного года. Изобразив Дмитрия раненым, художник следовал Никоновской летописи. В Ростовской сказано: доспех его весь избит бьяше, но на теле его не быст язвы. Карамзин в Истории Государства Российского соглашается с последнею»⁵⁶. В отличие от патриотически настроенных соотечественников довоенной поры, в деле познания русской истории Григорович отдавал приоритет текстам.

Послевоенный всплеск патриотических эмоций в среде российских культурных элит породил стремление сделать Россию не только объектом, но и субъектом мирового искусства. С конца 1810-х годов на журнальных страницах появляются рассуждения о специфическом русском видении красоты и о необходимости учета этой специфики живописцами. Публицисты утверждали, что ориентация художников на вкус более широкого, чем монархи и академики, потребителя, а в идеале — на местную культурную традицию создаст национальную школу живописи. Она казалась необходимой для доказательств культурной состоятельности России.

Согласие властей с важностью такой школы оправдывало вмешательство любителей искусства в производство художественных образов. Академия художеств восприняла это как покушение на ее монополию. В 1820-е годы острая полемика на эту тему публиковалась на страницах журналов «Отечественные записки» и «Журнал изящных искусств». В ходе нее были обоснованы два альтернативных видения «русской художественной школы» и сформулированы новые конвенции показа национального прошлого.

Издатель «Отечественных записок» П.П. Свиньин писал от имени Академии наук и защищал ее привилегии⁵⁷. Он утверждал наличие сокровищницы мирового искусства, которая создана автоматизмом визуального удовольствия⁵⁸. И раз это так, то российские художники исторической живописи должны руководствоваться универсальными нормами, а не изобретать свою особенность. Собственную роль Свиньин видел в том, чтобы приобщать профанных зрителей к «классике». С этой целью он описывал академические выставки и частные коллекции. Для причисления обнаруженных в них творений русских мастеров к мировой сокровищнице ему не были важны тематика или стилистика художественного исполнения. «Русская школа» виделась Свиньину как сумма произведений местных художников. В 1829 г. он опубликовал собранный им «Русский музей». На тот момент Свиньин собрал 82 произведения 41 художника. Руководствуясь идеями Дж. Вазари о логике развития

⁵⁵ Григорович В. О выставке произведений в Императорской Академии художеств // Журнал изящных искусств. 1825. Ч. 2. № 1. С. 64.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Свиньин П.П. Открытие Академии художеств и чрезвычайное оной собрание // Отечественные записки. 1820. Ч. 4. № 6. С. 271.

⁵⁸ [Свиньин П.П.] Выставка в Императорской Академии художеств // Отечественные записки. 1827. Ч. 32. № 90. С. 130.

искусства, он представил на страницах своего журнала русскую художественную традицию как цепь биографических рассказов.

Свиньину не удалось утвердить за этим собранием статус национальной классики. С точки зрения имперских амбиций, ее состав был скудным и неубедительным. Значительную часть составлявших ее имен сейчас трудно найти даже в специальных справочных изданиях, а не то что обнаружить среди классиков. Неудача объясняется тем, что в проекте Свиньина не были определены принципы «русскости» и ее границы⁵⁹. Утверждая высокий цивилизационный статус России, Свиньин соотносил понятие «русское» с границами подданства и включал в понятие «искусство» даже бытовые изделия. В результате, концептуализировать собранные им художественные артефакты оказалось невозможно.

Оппонент Свиньина, издатель «Журнала изящных искусств» В.И. Григорович, отстаивал иную версию «школы»⁶⁰. Свое право на оценку художественных произведений он легитимировал знаниями, а не принадлежностью к академической корпорации⁶¹. Более того, Григорович настаивал на праве любого зрителя судить об искусстве. Коммерческий спрос, по его мнению, всегда был лучшим критерием художественного качества⁶².

Он убеждал читателей, что для расцвета искусств в отдельной стране не нужна длительная традиция⁶³, и, следовательно, русские художники могут претендовать на школу, не имея классики. Для этого им надо лишь сформулировать собственные правила художественного производства и следовать им. Соучастие Григоровича в их разработке заключалось в том, что он мог не только оценить готовое, но и разъяснить живописцам, *что и как* им делать для того, чтобы быть особыми в художественном мире.

Характерно, что первым условием реализации задуманного проекта стало соглашение о языке. Для создания национального дискурса издателю была нужна конвенция о нормах видения, а также категории для перевода визуальных образов в вербальные. Григорович разъяснял читателям каждое понятие, каждый используемый термин, объяснял, что и почему будет почитаться красивым, прекрасным или безобразным, что есть «изображение» и в чем его отличие от «подражания»⁶⁴, какие правила неукоснительны для художника, а какие «подлежат произволу»⁶⁵. Посредством такого словаря он перенастраивал «глаз и руку» молодых художников⁶⁶.

Разбор картин и скульптур критик начинал с анализа техники и стилистики письма (лепки, резьбы), стараясь концептуализировать «русскость» на

⁵⁹ Вишленкова Е.А. Виртуальный «музей» Павла Свиньина — забытая сокровищница русского искусства // История и историческая память. Вып. 3. Саратов, 2011. С. 108—120.

⁶⁰ Эрст С.Р. «Журнал изящных искусств». 1823—1825. СПб., 1913. С. 5.

⁶¹ Григорович В.И. Ответ Издателя // Журнал изящных искусств. 1823. Ч. 1. № 4. С. 345.

⁶² [Григорович В.И.] О выставке произведений... С. 40.

⁶³ [Григорович В.И.] Науки и искусства // Журнал изящных искусств. 1823. Ч. 1. С. 1.

⁶⁴ Там же. С. 7.

⁶⁵ [Григорович В.И.] Обычаи, обряды и костюмы древних и новых народов // Журнал изящных искусств. 1823. Ч. 1. № 1. С. 27.

⁶⁶ [Григорович В.И.]. О состоянии художеств в России // Северные Цветы: альманах на 1826 г. СПб., 1827. С. 25.

этом уровне⁶⁷. Сравнивая произведения соотечественников с шедеврами западноевропейских школ, он показывал тождественность русских работ и их позитивные отличия от других школ. Экстрагируя таким образом «русский стиль», Григорович добивался от читателей его положительной оценки.

На страницах «Журнала изящных искусств» критик развернул обсуждение образов национального прошлого. Полотно О.А. Кипренского «Дмитрий Донской по одержанию победы над Мамаем» он хвалил за документальность деталей и предлагал считать правдивость критерием качества художественного образа. То, что это предложением было принято, свидетельствуют решения начинающих художников исторической живописи поступать на службу в Оружейную палату и изучать там аутентичные предметы старины⁶⁸. В конце 1820-х гг. изучение материальных и письменных источников стало обязательным требованием к историческому живописцу.

Национальный проект Григоровича расколол корпорацию российских художников на две части. Одна часть стала обвинять издателя в разращении эстетических вкусов читателей и угрожать его изданию⁶⁹. А молодые и не имеющие признания художники объединились вокруг «Журнала». Большую помощь им Григорович смог оказывать тогда, когда занял пост секретаря Общества поощрения художников (в дальнейшем — ОПХ)⁷⁰. Эта организация занималась сбором благотворительных средств, содержала пенсионеров в России и за границей, курировала их занятия, выплачивала стипендии нуждающимся воспитанникам Академии, поддерживала частные школы Р.А. Ступина и А.Г. Венецианова, организовывала выставки. Кроме того, Общество выполняло посреднические функции. К нему обращались заказчики, ищущие исполнителей, и художники, нуждающиеся в заказах⁷¹.

Благодаря этому, Общество могло диктовать правила художественного производства и заказывать тематику. Комментируя картину В.К. Сазонова «Дмитрий Донской, найденный в лесу после победы его над Мамаем», секретарь ОПХ заявил, что сюжеты из русского прошлого должны быть близки «сердцу всякого Россиянина по предмету»⁷². А в 1824 г. среди первостепенных задач Общество назвало «издание знаменитых происшествий и деяний из отечественной истории, коего целию есть желание представить соотечественникам ряд картин изображающих события, упрочившие военную, гражданскую и народную славу России, события для всех Россиян равно любопытные, рав-

⁶⁷ Григорович В.И. Новые произведения художников // Журнал изящных искусств. 1823. Ч. 1. № 4. С. 335.

⁶⁸ Пример тому см.: Рамазанов Н. Материалы для истории художеств в России. Кн. 1. М., 1863. С. 34.

⁶⁹ Их позиция была выражена в анонимных письмах к Григоровичу: [Художник Н...] Письмо к издателю // Журнал изящных искусств. 1823. Ч. 1. № 4. С. 341; [Художник О...] Письмо к издателю // Журнал изящных искусств. 1823. Ч. 1. № 6. С. 521—525.

⁷⁰ Турчин В.С. Александр I и неоклассицизм в России: стиль империи или империя как стиль. М., 2001. С. 209.

⁷¹ Отчет Общества поощрения художников, читанный в Собрании онога 27 февраля 1824 г. членом-казначеем Общества // Журнал изящных искусств. 1823. № 6. С. 505 (журнал выходил с опозданием, поэтому последние книжки за 1823 г. публиковались в течение 1824 года).

⁷² [Григорович В.И.] О выставке произведений... С. 54.

но драгоценные»⁷³. Произведения на такие сюжеты ОПХ выкупало охотнее других⁷⁴, работа над ними поощрялась, краски, полотна, рамы предоставлялись художникам бесплатно.

Поддержанные ОПХ национально ориентированные в своем творчестве художники были объявлены Григоровичем создателями русской школы. Благодаря его рецензиям и аналитическим статьям их работы стали известны читателям, на них появился спрос, они выросли в цене, их копировали, а их создатели попадали в разряд классиков⁷⁵.

Успешность русской школы Григорович ставил в зависимость от местной визуальной культуры, сформированной опытом наблюдений. Критик попытался сформулировать ее специфику. В том, что «русское искусство» — довольно позднее дитя, он видел результат слабого развития в России национального сознания. До 1812 г. художественное производство здесь поддерживалось лишь утилитарными потребностями императорского двора, и только война с Францией создала ситуацию, когда «русское, отечественное получило цену в глазах даже любителей иноземного»⁷⁶. Послевоенные настроения соотечественников освободили художников от стилистической и тематической зависимости от Запада. В этих обстоятельствах стало возможным появление оригинальных (не копийных и не подражательных) произведений, в том числе на темы русского прошлого. К 1825 г. россияне сделали столь крупные шаги на пути к обретению национального достоинства, что «дожили уже до того счастливого времени, когда можем без стыда и говорить по Руски и думать по Руски и любить тех немногих Русских, которые красят и славят нашу великую и прекрасную Россию», — констатировал он⁷⁷.

Григоровичу хотелось предъявить соотечественникам богатую традицию, но поскольку историю русской живописи он сопрягал с историей народа, а не государства, то ее запутанный генезис и отсутствие соответствующих научных изысканий не позволили ему создать из разрозненных явлений континуитет. У славян (то есть предков этнических русских), как считал Григорович, художеств не существовало: их рисунки он оценивал как «уродливые»⁷⁸. Что касается древних русичей, то критик предполагал, что у них были оригинальные произведения⁷⁹, однако имевшиеся в 1820-е годы сведения об иконописном искусстве русского Средневековья не позволяли строить на них традицию. За это Григорович винил отечественных интеллектуалов: «У нас очень немного ревностных изыскателей древности»⁸⁰, нет профессионалов, посвящающих себя поиску, сохранению, популяризации и изучению русских икон, — сожалел он.

⁷³ Отчет Комитета Общества поощрения художников за 1824 год, представленный Обществу в полном собрании онаго 5 мая сего 1825 г. // Журнал изящных искусств. 1825. Ч. 3. № 3. С. 59.

⁷⁴ Действия Общества поощрения художеств // Отечественные записки. 1822. Ч. 10. № 25. С. 284.

⁷⁵ [Григорович В.И.] О выставке произведений... С. 46.

⁷⁶ [Григорович В.И.] О состоянии художеств... С. 6.

⁷⁷ Там же. С. 26.

⁷⁸ Там же. С. 5.

⁷⁹ [Григорович В.И.] О картинах, известных под именем Каппониановых // Журнал изящных искусств. 1823. Ч. 1. № 1. С. 54, 60.

⁸⁰ [Григорович В.И.] О состоянии художеств... С. 5—6.

В итоге историю «русского искусства» в том смысле, какое данному понятию придавал Григорович, он мог растянуть лишь на столетие. «Пусть охотники до старины соглашаются с похвалами, приписываемыми каким-то Рублевым, Ильиным, Васильевым и прочим живописцам, жившим гораздо прежде времен царствования Петра, — резюмировал он свои изыскания, — я сим похвалам мало доверяю»⁸¹. Да и в отношении века минувшего у Григоровича было мало оптимизма. Среди немногих известных ему художников XVIII столетия, как считал он, не было человека, которого можно было бы поставить в пример современникам⁸². Григорович назвал Лосенко и Угрюмова отцами русской школы за то, что они ввели в искусство темы русского прошлого и натурные зарисовки русских людей.

Итак, анализ значений образов русского прошлого позволяет уловить момент зарождения национального воображения, причем увидеть это не только в образах, которые представляются нам «русскими» сейчас, но и в образах, которые сейчас таковыми не признаются. Так, появление в исторической живописи русифицированных гераклов и русских «костюмов» (изображения этнических типажей) позволяет отнести начало русскоцентричного восприятия России к более ранним временам, чем это возможно на основе анализа письменных текстов⁸³, то есть к последней трети XVIII столетия.

То обстоятельство, что в деле порождения национальной идентичности визуальный образ оказался ведущим по отношению к тексту, объясняется его статусом в культуре малограмотной страны. Современники полагали, что рисунок может быть понят даже неискушенным в искусствах или мыслящим на другом «наречии» зрителем. К тому же, достичь графической грамотности, то есть научить потребителей более или менее одинаково прочитывать визуальные знаки, представлялось делом более легким, нежели обучить их русской грамоте и иностранным языкам. В этих условиях изображение представлялось более удобным средством для порождения национальной солидарности, нежели текст.

Составителями и участниками заключенных тогда художественных соглашений были не только образованные элиты, но представители различных социальных групп — от правящей власти до неграмотного обывателя, рассматривающего картинку. В условиях отсутствия единой версии национального прошлого Академия художеств, императорский двор, живописцы, театральные постановщики, декораторы и зрители имели возможность индивидуального исторического творчества. Их намерения и интересы породили столкновение разных политик памяти, которые повлияли на историческое воображение современников.

⁸¹ Там же. С. 9.

⁸² Там же. С. 9.

⁸³ Например: *Hosking G.* Russia: People and Empire. Cambridge, 1997; *Russian Nationalism: Past and Present.* New York, 1998; *Tolz V.* Russia. London, 2001; *Hudson H.* An Unimaginable Community: The Failure of Nationalism in Russia during the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // *Russian History.* 1999. Vol. 26. № 3. P. 299—314; *Янов А.Л.* Россия против России: Очерки истории русского национализма, 1825—1921. Новосибирск, 1999; *Гудков Л., Дубин Б.* Своеобразие русского национализма: Почему в нем отсутствует мобилизующее, модернизационное начало // *Pro et Contra.* 2005. Т. 9. № 2; *Reinhard W.* Power Elites and the Growth of State Power // *Power Elites and State Building.* Oxford, 1996.

Анализ художественных произведений, созданных в период с 1770-х по 1820-е годы, позволяет проследить изменения в сознании современников. За это время оно сместилось с представления о русском прошлом как о локальной версии всеобщей истории к центрическому видению русского народа в качестве принимающей исторические решения нации.

В 1820-е годы новые художественные конвенции были сформулированы в искусствоведческих журналах. Критики требовали от произведений «русской школы» «красоты» (соблюдения западных конвенций изображения), «правдивости» (аутентичности исторических и этнических атрибутов), «живописности» (использования натуральных зарисовок) и «естественности» (учета оптических искажений, порожденных физиологией человеческого глаза). Эти требования повлекли за собой смену визуальных символов «русскости». Фольклорные богатыри выместили гераклов, а шишаки и кольчуги — туники.

Изменение знаков, а также использование в оценке художественных произведений нового канона сделали устаревшими образы русского прошлого, созданные художниками конца XVIII в. и начала XIX в. Именно поэтому возникло их непонимание и отторжение.

Забывтые страницы отечественной культуры XIX в.

Общественно-политический подъем 50—60-х гг. XIX в., осознание обществом, его разными социальными слоями необходимости отмены крепостного права и проведения буржуазных реформ сопровождалось развитием культуры. Очевидно, что темы народности и демократизма трактовались по-разному представителями монархических, либеральных и революционно-демократических взглядов. Для революционно-демократической идеологии тема народа была выражена формулой «все для народа и руками самого народа» и означала его освобождение, раскрепощение, просвещение и культурное развитие. Это направление общественной мысли имело в России широкое распространение и захватило представителей многих интеллигентских профессий.

Решающий вклад в культурное развитие эпохи внесло творчество выдающихся деятелей культуры: писателей И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Д.И. Писарева; революционеров-демократов Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова; композиторов «Могучей кучки», художников-передвижников, просветителей и педагогов К.Д. Ушинского, Н.И. Пирогова и многих других. Но этим не исчерпывается культурное наследие этого времени, которое в значительной мере развивалось и трудом менее заметных и не менее типичных ее деятелей. К их числу относятся шестидесятники сестра и брат, писательница и переводчица Елена Ивановна Бларамберг-Апрелева и композитор Павел Иванович Бларамберг.

Их творческая, культурно-просветительская деятельность отразила характерные черты того времени, внесла свою лепту в развитие передовой литературы и музыки и не стала еще предметом самостоятельного изучения. В данной работе предпринята попытка восполнить этот пробел.

Елена Ивановна и Павел Иванович Бларамберги воспитывались в образованной семье, хранившей гуманистические идеалы и традиции просветителей времен Великой Французской революции. Их отец И.Ф. Бларамберг, уроженец французской Фландрии, астроном, математик, геодезист, географ, исследователь Средней Азии, дослужился до генерал-лейтенанта и работал в последние годы жизни директором Военно-топографского депо при Министерстве путей сообщений. Мать Елена Павловна Мавро-Михайли происходила из старинного греческого рода, знала иностранные языки и отличалась свободолобивыми взглядами. Частыми гостями в их семье бывали Т.Г. Шевченко, ссыльные поляки (в период жительства в Оренбурге), известные педагоги В.П. Острогорский, Ю.И. Семашко.

Эпоха общественного подъема 60-х гг. совпала с периодом юности Бларамбергов и становления их мировоззрения. Полностью окупившись в идейную жизнь и революционно-просветительскую деятельность, они по праву считали себя истинными шестидесятниками.

Печатные и архивные источники довольно полно раскрывают этот этап их деятельности. Он связан с работой воскресных школ, возникавших в 60-х гг. как центры культурного и политического просвещения народа.

Сампсоньевская воскресная школа в Петербурге, в числе преподавателей которой значился Павел Бларамберг, была организована на средства сподвижника Чернышевского А.А. Слепцова и являлась очагом революционно-пропагандистской деятельности среди рабочих. В число учителей школы входили известные шестидесятники братья С.А. и Н.А. Ольхины, А.А. Мордвинов, А.И. Кочетов, А.П. Норонович, П.В. Апрельев — будущий муж Е.И. Бларамберг¹.

Рабочие, привлеченные к следствию по «Делу воскресников», свидетельствовали, что в Сампсоньевской школе распространялись революционные прокламации: «Что нужно народу?» — первый программный документ «Земли и воли» 60-х гг., написанный Огаревым, в котором главными задачами провозглашались политическое освобождение России от гнета самодержавия и крепостничества и социальное раскрепощение крестьянских масс; прокламация «Что нужно войску?» («Что надо делать войску?»), также написанная Огаревым и призывавшая солдат не бить поляка и мужика, так как они ведут справедливую борьбу за землю и волю; «Колокол», отдельные произведения Герцена и т.д. По показанию одного из учителей школы К.А. Крапивина, в школе распространялся список иностранных слов, употребляемых в широко известной в то время прокламации «Молодая Россия», названный следственной комиссией «революционным словарем». В нем содержалось разъяснение таких понятий, как «революционная программа», «революция», «революционный период», «антагонизм», «деспотизм», «политические права», «конституция», «либерал» и т.п.²

Методы преподавания и формы пропагандистской деятельности, очевидно, были тщательно разработаны А.А. Слепцовым, организатором этой школы, талантливым педагогом и автором знаменитых «Педагогических бесед», в соответствии с культурным уровнем и профессиональными интересами рабочих — учащихся школ³.

При школе в декабре 1861 г. была создана читальня, возглавляемая А.И. Кочетовым. Этой читальней широко пользовались рабочие Выборгского района.

Современники свидетельствовали, что Бларамберги не только преподавали в воскресных школах, но и организовали свою школу, которая, однако, просуществовала недолго⁴.

¹ См.: *Черных В.А.* Земледелец Александр Мордвинов (Из архивных разысканий) // Освободительное движение в России. Вып. 3. Саратов, 1973. С. 45—50; *Вандалковская М.Г.* Стихотворение шестидесятника П.В. Апрельева «Памяти товарищей XXIV курса» // Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М., 1988. С. 220—221.

² *Лемке М.К.* Дело воскресников // Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПб., 1908. С. 401—438.

³ *Бушканец Е.Г.* Из истории литературной группы «Земли и воли». А.А. Слепцов в «Современнике» // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1963; *Черных В.А.* Земледелец Александр Мордвинов... С. 47.

⁴ См.: Русские ведомости. 1863—1913. М., 1913. С. 12; *Серова В.* Бларамберг П.И. // Русская музыкальная газета. 1894. № 10.

Крестьянские выступления, широкая антиправительственная пропаганда, распространение прокламаций вызвали решительное наступление реакции. Запрещение «Современника» и «Русского слова», арест Н.Г. Чернышевского и Н.А. Серно-Соловьевича, закрытие воскресных школ, в том числе Сампсоньевской, были следствием правительственного террора. Однако революционно-просветительская работа, которую вели шестидесятники среди народа, не была прекращена. Так, в преемственной связи с читальней Сампсоньевской воскресной школы находилась читальня на Гороховой улице, основанная в 1864 г. революционером Нароновичем и насчитывавшая 2000 книг. Средства на ее учреждение были даны семействами Ольхиных, Штоффа, Нароновичей, а также Бларамбергов.

В числе дежуривших в читальне на абонементе значился (кроме Ольхиных, Штоффа, Арсеньева, Корушева) и Павел Бларамберг. Кассой в этой читальне ведала Елена Бларамберг. Она же являлась распорядительницей лотереи в пользу читальни как способа получения средств для ее ведения⁵. Читальня, по свидетельству А.А. Мордвинова, была открыта для преимущественно небогатых читателей, за чтение книг взималась дешевая плата. Полицейские власти, в том числе и III Отделение, вплоть до министра внутренних дел Валуева, пристально следили за ее деятельностью.

С очевидностью прослеживаются связи Елены и Павла Бларамбергов со многими активными революционерами-шестидесятниками, участниками «Земли и воли», членами кружка Александровского лицея XXIV выпуска, т.е. выпуска 1860 г., среди которых находились близкий друг А.А. Слепцова Мордвинов, член первой слепцовой пятерки; П.В. Апрельев, по свидетельству М.Н. Слепцовой, также член слепцовой пятерки вместе с Кочетовым; С.С. Рымаренко — член «Земли и воли», руководитель всей революционно-пропагандистской работы в воскресных школах; А.П. Наронович — организатор Сампсоньевской воскресной школы, и другие.

После самоликвидации «Земли и воли» в 1864 г. и спада общественного движения просветительская деятельность шестидесятников с ее революционной направленностью значительно заглохла. Но многие из них сохранили верность и преданность идеям 60-х годов. Их революционно-просветительская работа продолжалась главным образом в области литературы, искусства.

Е.И. Бларамберг-Апрелева стала известной писательницей и переводчицей. В утверждении ее профессионального мастерства большую роль сыграл И.С. Тургенев. Апрельева познакомилась с Тургеневым в 1871 г. в Петербурге, будучи близкой приятельницей А. Эритт-Виардо, дочери П. Виардо. Летом 1877 г. по приглашению Тургенева Апрельева гостила в Спасском. Сохранилось 13 писем Тургенева к Апрельевой и два письма Апрельевой к Тургеневу, относящихся к 70-м годам. В произведениях Апрельевой (речь идет о ее романе «Без вины виноватые») Тургенев видел «плод ума наблюдательного, начитанного и теплого, правдивого сердца»⁶.

⁵ Рудницкая Е.Л. Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975. С. 84; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 303. Л. 110.

⁶ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. Т. XI. М.; Л., 1966. С. 114.

Стремясь помочь начинающей писательнице, Тургенев обращался к издателям, писателям. В письме к И.П. Золотницкому от 29 августа (10 сентября) 1875 г. он писал: «...Е. Бларамберг.. хорошая моя знакомая — и я принимаю в ней искреннее участие. Она талантлива, умна, образованна и трудолюбива; обстоятельства принуждают ее жить собственным трудом...»⁷. По словам Апрелевой, рекомендательные письма Тургенева ввели ее в круг писателей и способствовали тесному знакомству с Писемским.

Апрелева стала близким человеком Писемскому, он делился с ней своими замыслами, семейными невзгодами, радовался, что его произведения, в частности роман «Масоны», ей нравились, ценил ее писательское и переводческое дарование⁸. В доме Писемского Апрелева встречалась с П.И. Мельниковым-Печерским, А.И. Кошелевым, А.Н. Веселовским, Д.И. Писаревым, М.М. Ковалевским, И.И. Янжулом.

Поддержка Тургенева и Писемского сыграла большую роль в литературной жизни Апрелевой. Впоследствии, в 1905 г., она опубликовала воспоминания о Тургеневе и Писемском, а также перевела с немецкого статью Ю. Шмидта «Тургенев и Писемский» и напечатала ее в газете А.А. Гатцука⁹.

Знакомство с Н.В. Шелгуновым, начавшееся, вероятно, еще в 60-е гг., также сыграло большую роль в становлении писательской деятельности Апрелевой. С Шелгуновым ее связывали общность демократических убеждений, симпатия, теплые дружеские отношения. Участие в журнале «Дело» Шелгунова характеризует уже зрелый период творчества Апрелевой. «Более из дружбы к Николаю Васильевичу, — вспоминала она, — чем из сочувствия к журналу, в то время непопулярному, благодаря неумелой деятельности предшествующего редактора, заполнявшего его рыночными шаблонно-тенденциозными произведениями, я поместила в “Деле” в январе 1880—1881 года четыре эскиза “Вечер”, “Ручей”, “Ночь” и “Чижин”, весной того же года — повесть “Васюта”, и в 1884 году первую часть романа “Руфина Каздоева”»¹⁰.

Свои первые литературные произведения, пропагандирующие идеи народного образования и раскрепощение женщины, Апрелева помещала в журналах «Семья и школа», «Вестник Европы», «Журнал Министерства народного просвещения». В 70-е гг. она активно сотрудничала в «Русских ведомостях», «Слове», «Неделе».

Герои произведений Апрелевой — образованные и состоятельные люди, не скованные условностями своего круга, воспитанные на идеях Чернышевского и Добролюбова и проповедующие принципы равенства и освобождения личности от духовного и материального гнета. Герой повести «Чижин», например, «скорбел душой при виде человеческого горя и русского горя, в особенности» и постоянно думал о том, что сделать, «чтобы на Руси было лучше

⁷ Там же. С. 120.

⁸ Писемский А.Ф. Письма. М., 1936. С. 27, 333—334, 369, 370, 387, 405, 417, 423, 432, 514.

⁹ Ардов-Апрелева. Из воспоминаний об И.С. Тургеневе // Русские ведомости. 1904. 4, 15, 18, 22, 25 янв.; Ардов-Апрелева. У Алексея Феофиловича Писемского // Там же. 1905. 10, 14 апр.; Ардов-Апрелева. Тургенев и Писемский // Газета А.А. Гатцука. 1875. 25 окт., 8 нояб.

¹⁰ Ардов Е.И. Автобиография // Русские ведомости. 1863—1913. М., 1913. С. 12—14. (Е. Ардов — псевдоним Е.И. Апрелевой).

жить, и мысль эта, как неугасимый огонь, жила в нем, и он болел душой, разгорался весь, когда в мечтах представлял себе будущее счастье русское»¹¹.

В романе «Руфина Каздоева» группа молодых людей все силы отдает подпольной революционной деятельности, созданию Коммуны, организованной по типу ассоциаций в книге Чернышевского «Что делать?». «Работа кипела, число товарищей все увеличивалось, — рассказывает в романе революционер Ловагин, — а желанная цель казалась так близко...», однако революционные организации были разгромлены, и «мы лишились наших лучших товарищей»¹².

Как политическое завещание будущим борцам за освобождение России от крепостничества и самодержавия звучат слова старого революционера Евлампиева: «Немного Вас осталось. Придет уже на смену Вам другое поколение... Как святыню, как лучший божий дар храните вы память о тех юных днях, когда огонь горел в сердцах, когда вслед за пламенной речью рождалось дело, и дружно, и бодро вы все рвались вперед!»¹³

Роман «Руфина Каздоева» был данью особого уважения и памяти шестидесятым годам и являлся в значительной степени автобиографией писательницы. Характерно, что публиковать роман отдельной книгой Апрелевой помогали все те же шестидесятники, ее брат Павел Бларамберг, а также Сергей Ольхин, работающий в типографии Н.А. Лебедева.

Один из рецензентов этой книги справедливо отмечал, что «от всей книги веет сравнительно недавним прошлым, когда слова, идеи, принципы, убеждения не были только красивой “оснасткой”, а входили в действительный, настоящий обиход русского общества... В современной литературе, — было написано далее в этой рецензии, — это исключительное явление, памятник одной из самых значительных эпох в истории русского общества»¹⁴.

Брата Елены, Павла Бларамберга, современники называли одним из лучших представителей общественного ренессанса 60-х гг.¹⁵ После активной революционно-просветительской деятельности в 60-е гг. в воскресных школах П. Бларамберг работал в Морском министерстве, в Центральном статистическом комитете при Министерстве внутренних дел, принимал участие в переписи населения, занимался редакторской работой в «Русских ведомостях». С конца 50-х гг. начинается деятельность Бларамберга как композитора и просветителя-музыковеда. Он не получил специального музыкального образования, прослыл композитором-самоучкой, но по отзывам современников, много преуспел в овладении национальными традициями русской культуры.

Еще в период учебы в Александровском лицее П. Бларамберг организовал струнный оркестр и дирижировал им. В это же время им была написана опера «Поход Святослава на печенегов». Уроки гармонии Бларамберг брал у знаменитого профессора А.А. Герке, затем обучался музыке у Балакирева, которому,

¹¹ Ардов Е.И. Эскизы. М., 1893. С. 76.

¹² Ардов Е.И. Руфина Каздоева. СПб., 1892. С. 248—249.

¹³ Там же. С. 634.

¹⁴ Русские ведомости. 1892. 13 апреля.

¹⁵ Щетинин Б.А. Идеалист-шестидесятник (Памяти П.Н. Бларамберга) // Исторический вестник. 1907. № 6. С. 939; Биографии композиторов с IV—XX век. М., 1904. С. 556.

по собственному призванию, был обязан развитию своего музыкального вкуса¹⁶. В музыкальном творчестве Бларамберга заметно было влияние «Могучей кучки», видевшей цель своей деятельности в патриотическом служении народу и пропаганде освободительных идей. Реализм и народность являлись основными лозунгами этого демократического объединения. В понятие «народность» это содружество композиторов вкладывало не только представление о необходимости сохранения национальных традиций в музыкальном творчестве, но и необходимость воспитания музыкальной культуры в народе. С Бородиным, Римским-Корсаковым, Мусоргским, Кюи Бларамберга связывали общность идейных позиций в подходе к музыкальной культуре, отношение к национальной музыке, к русской песне.

Особенно тесными у Бларамберга были контакты с Н.А. Римским-Корсаковым. В 50-е гг. Римский-Корсаков, как он вспоминал об этом, встречался с Бларамбергом в балакиревском кружке, а «впоследствии сошелся близко»¹⁷. Во время частых поездок в Москву в 70—80-е гг. Римский-Корсаков постоянно находился в обществе Бларамберга и С.Н. Кругликова, известного педагога и музыкального критика, профессора Московского филармонического общества, в котором преподавал и Бларамберг. В письмах к жене Римский-Корсаков характеризовал Бларамберга «единственным умным и музыкальным человеком», считал, что «у него есть талант и очень хорошее намерение», что он «обладает хорошим вкусом», но не имеет никакой школы и что «это его обезоруживает»¹⁸.

В доме Бларамберга происходили известные «бларамберговские четверги», где собирались музыканты и художники. Здесь бывали И. Репин, В.С. Серова, композитор и музыкальный критик, мать художника В.А. Серова. Римский-Корсаков также был частым участником этих встреч. На этих вечерах Римский-Корсаков слушал отрывки из оперы Бларамберга «Демон» в вокальном исполнении жены Бларамберга, известной певицы, ученицы по вокалу Эррит-Виардо, драматической актрисы Мины Карловны Врангель (Черновой). В письме от 5 и 6 июня 1881 г. Римский-Корсаков писал жене: «Все время провел, не выходя из квартиры Бларамберга... Павел Иванович показывал мне свой хор с оркестром “на Волге” из русских песен; есть места красивые, но есть и не совсем чистые. Затем сыграл два последние действия “Скомороха” (первое он показывал нам в Питере); много остроумного, забавного, иногда и красивого...» В этот же вечер Римский-Корсаков «сыграл и спел» у Бларамберга всю «Снегурочку»¹⁹.

П. Бларамберг создавал свои монументальные музыкальные произведения (оперы и симфонические поэмы) в русле национальных традиций. Демократизм убеждений композитора определял и выбор сюжета для музыкальных произведений. Не случайно Бларамберг постоянно обращался к творчеству А.Н. Островского; он написал музыку к его драмам «Гроза» и «Воевода», опе-

¹⁶ Памяти П.И. Бларамберга // Русская музыкальная газета. 1907. 15—22 июля.

¹⁷ *Римский-Корсаков Н.А.* Летопись моей музыкальной жизни // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1955. С. 110.

¹⁸ *Римский-Корсаков Н.А.* Музыкальное наследство. Т. II. М., 1967. С. 24, 27, 29.

¹⁹ Там же. С. 33.

ру «Скоморох» на сюжет пьесы «Комик XVII столетия». Эта опера была поставлена в Большом театре и имела успех. Либретто оперы было написано самим Бларамбергом, пользовавшимся в процессе работы замечаниями Островского. Опера была завершена после смерти драматурга и посвящена его памяти.

Пьеса Островского, основанная на глубоком изучении исторических источников (летописей, «Домостроя», исследований Н.С. Тихонравова о русском театре и И.Е. Забелина о домашнем быте русских царей в XVI—XVII ст.), сохранила и в сценарии свою документальность при освещении русского быта XVIII в. и истории скоморохов как представителей русского театрального искусства. «Жизненный и своеобразный комизм “Скомороха”... — писал об опере музыковед Ю.Д. Энгель, — органически связан с общей картиной эпохи, страны, нравов. Композитор в “Скоморохе” сумел и в лирических, и в комических эпизодах слиться с поэтом, текст которого подвергся лишь малым изменениям»²⁰. По мнению музыкальной критики, опера «Скоморох» вслед за «Майской ночью» Римского-Корсакова, «Черевичками» Чайковского и «Сыном мандарина» Кюи развивала традиции русской комической оперы²¹. По словам Энгеля, знакомство с оперой вызвало «самые сочувственные отзывы П.И. Чайковского»²².

Опера «Мария Бургундская», написанная Бларамбергом по пьесе В. Гюго «Мария Тюдор», проникнута глубокой социальной направленностью. В ней противопоставлены два враждебных мира: угнетатели и угнетенные. С одной стороны — кровожадная правительница и временщик, с другой — трудящийся народ. Представитель народа Гильберт — носитель нравственного начала и выразитель активного протеста против социального угнетения. Демократические тенденции оперы были отмечены цензурным комитетом; королева была заменена на герцогиню, а палач — на инквизитора²³.

Интерес к теме народа, к его освободительной борьбе нашел отражение в опере «Тушинцы», написанной на сюжет драматической хроники А.Н. Островского «Тушино». Эта опера отличалась особым мастерством в использовании народных песен, их органичным вплетением в ткань музыкального произведения.

Бларамбергу особенно удавались в операх массовые, хоровые сцены. Наиболее выразительными были хор «Острою секирою» из оперы «Тушинцы» и массовые представления в опере «Скоморох». В этом Бларамберг следовал традиции Мусоргского.

Народность музыкального творчества Бларамберга ярко проявилась в симфонической поэме «Волга», которая впервые была исполнена только после смерти

²⁰ Энгель Ю.Д. П.И. Бларамберг // Известия общества музыкальных собраний. О музыке и музыкантах. 1908. № 3/4. С. 12.

²¹ Энгель Ю. «Скоморох» Бларамберга // Русские ведомости. 1908. 1 окт.; *Кашкин Н.* «Скоморох» П.И. Бларамберга // Русское слово. 1908. 20 окт.; Музыкальное обозрение // Музыкальный труженик. 1908. 15 окт. С. 11; *Курдюмов Ю.* П.И. Бларамберг // Русская музыкальная газета. 1897. № 5/6. Май—июнь. С. 875.

²² Энгель Ю. П.И. Бларамберг. С. 12; *Серова В.* Павел Иванович Бларамберг // Русская музыкальная газета. 1894. № 10. С. 195. Вместе с тем следует отметить, что известны и неодобрительные отзывы Чайковского о творчестве Бларамберга. См.: *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. Т. XVI. М., 1963. С. 42, 190.

²³ *Осовский А.В.* П.И. Бларамберг // Слово. 1907. 21 марта.

автора в 1908 г. на вечере, посвященном его памяти. По свидетельству В. Серовой «Волга» Бларамберга, проникнутая русской народной песней «Эх, ухнем!», чрезвычайно напоминала картину Репина «Бурлаки на Волге». «Pendant к картине Репина “Бурлаки”, — как удачно отмечал другой современник, — означал олицетворяющий реализм музыкальных мечтаний истого шестидесятника»²⁴.

Произведения Бларамберга, — писала В. Серова, — «характерные памятники искусства, выразители пережитых народных страданий и бедствий... Бларамберговские хоры суть выразители этих памятников, и “Волга” занимает между ними почетное место»²⁵.

Бларамбергом были написаны также уже упоминавшаяся опера «Демон», готовившаяся к постановке при помощи художника В.А. Серова, опера-идиллия «Волна», одноактная опера «Девушка-русалка», симфониетта «Фантазмагория», симфоническая поэма «Умиравший гладиатор», музыкальная картинка для соло, женского хора и оркестра «Стрекозы» на текст А.К. Толстого, многочисленные романсы. Последним произведением Бларамберга была симфоническая поэма «Мечты», написанная на текст стихотворений в прозе Тургенева «Как хороши, как свежи были розы» и «Лазурное царство». Музыка к этим стихотворениям критики называли «истинной поэзией», «лучшим из всего написанного композитором»²⁶. Гражданственность творчества Бларамберга проявлялась и в его романсах. В 90-е гг. цензурой были запрещены его романсы «Голодная» и «Соленая», написанные на тексты песен из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?»²⁷.

Музыкальное творчество Бларамберга не ограничивалось его композиторской деятельностью. Он вел большую музыкально-просветительскую, педагогическую работу, являлся автором ряда статей по истории музыки. Выступая против идеи об изолированности русского музыкального искусства от Запада, он признавал наличие общих музыкальных основ во всемирной музыкальной культуре, отстаивал идею о взаимовлиянии разных культур и их обогащении. Вместе с тем он настойчиво проводил мысль о национальных традициях русской музыкальной культуры. Отмечая общий подъем общественной жизни в конце 50-х — начале 60-х гг., Бларамберг признавал мощное развитие русской музыкальной культуры именно с этого времени, ярким выразителем которого была деятельность «Могучей кучки». Традиции Глинки, композиторы «Могучей кучки», по мысли Бларамберга, вносили в искусство черты национально-го характера: народный темперамент, безысходную тоску, неудержимую удаль.

Бларамберг активно пропагандировал русскую народную песню. «Богатство и разнообразие песен былинных, обрядовых, лирических, плясовых и пр., — писал он, — просто изумительны»²⁸. По его мнению, именно песни придали русской музыке своеобразный, национальный характер. Бларамберг

²⁴ Музыкальное обозрение // Музыкальный труженик. 1907. 1 мая. С. 9.

²⁵ Серова В. Чета Бларамбергов // Там же. 1915. № 1. С. 69.

²⁶ Музыкальное обозрение // Там же. 1907. 1 мая. С. 9.

²⁷ Бларамберг П.И. Цензура в музыке: (Из личных воспоминаний) // В защиту слова. Т. 1. СПб., 1905. С. 249—250.

²⁸ Бларамберг П.И. Русская народная песня и ее влияние на музыку // Музыкальный труженик. 1909. № 5. С. 3 (статья была опубликована после смерти композитора).

неоднократно призывал к необходимости записывать народные песни: Они укрепят, — писал он, — фундамент русской музыки, которая выросла из русской песни и, вдохновленная ею, явилась ныне перед лицом всего образованного мира, как новая многообещающая школа, как синтез народного творчества и современного музыкального искусства²⁹.

В 80—90-е гг. Бларамберг большое внимание уделял преподаванию музыки в качестве учителя композиции, а затем профессора Музыкального училища Московского филармонического общества. Самым талантливым его учеником был известный композитор В.С. Калинников.

Для культурно-просветительской деятельности Бларамберга знаменателен эпизод, связанный с намерением издавать в России собрание сочинений А.И. Герцена. Будучи в 1869 г. делегатом VII Международного статистического конгресса в Гааге, Бларамберг вместе со своей женой М.К. Врангель приезжал к Огареву для переговоров об издании сочинений Герцена³⁰. Договоренность была достигнута. Однако реализовать этот замысел не удалось.

Жену Бларамберга М.К. Врангель отличали демократические убеждения. В 70-е гг. она примыкала к народничеству, занималась распространением просвещения в среде народа, отдавала крупные суммы из своих гонораров на строительство народных читален³¹.

После смерти композитора в 1907 г. по его завещанию предполагалось построить в одной из деревень имения Бларамберга Хоровой дом, предназначенный для народно-просветительских целей.

В 1915 г. Римский-Корсаков при активном участии музыковедов А.В. Оссовского и Ю.Д. Энгеля начал издавать журнал «Музыкальный современник». В предисловии к его первому номеру Римский-Корсаков писал, что истинное развитие русского музыкального искусства связано не только с творческими достижениями, но и с ростом общей музыкальной культуры, воспитанием художественного вкуса и эстетической мысли.

Иллюстрацией к этому положению явилась публикация в этом же номере журнала статьи о П.И. Бларамберге, символизирующем своим творчеством идею распространения национальных традиций русского музыкального искусства.

Музыкальное и литературное творчество брата и сестры Бларамбергов, проникнутое глубоким демократизмом, отразило характерные черты эпохи общественного подъема конца 50 — начала 60-х гг. XIX в. и внесло свой вклад в развитие русской культуры.

²⁹ *Бларамберг П.И.* Русская народная песня и ее влияние на музыку // Там же. № 6. С. 10.

³⁰ *Лемке М.К.* Полн. собр. соч. А.И. Герцена. Т. XXI. 1922. С. 298.

³¹ *Серова В.* Чета Бларамбергов. С. 59—61.

Филиппова Т.А.

«Гаремные страсти»: Образ Турции в русской сатирической журналистике начала XX в.

Поверим на слово Эдварду Саиду, известнейшему исследователю западных культурно-исторических представлений о Востоке, когда он утверждает, что для европейского мужчины *восточная женщина* была и остается «поводом и возможностью помечтать»¹. «Почему до сих пор кажется, что Восток манит не только плодородием, но и сексуальным посулом (и угрозой), неустанной чувственностью, безграничным желанием? — риторически вопрошает Саид и сам же поясняет (точнее — обличает). — Если Восток служил оправданием ориенталисту в его пренебрежении к современным народам Востока, то скрытый ориентализм потворствовал также и своеобразной (если не сказать возмутительной) мужской концепции мира»².

Эта традиция во многом была заложена в путевых заметках и мемуарах европейских путешественников и литераторов: женщины Востока обычно оказывались в них «порождением мужских фантазий о силе»³. Противоречивая смесь волнующих стереотипов и скабрёзных клише воспроизводила мифы о пылкой ненасытности обитательниц гаремов... Под «Востоком», разумеется, понимался не историко-географический субъект отношений с «Западом», а лишь обобщенный культурный дискурс, неподатливый объект западного освоения.

Исследователь этой темы Эндрю Уэткарофт, автор монографии со знаковым названием «Неверные: история конфликта между Христианством и Исламом», упоминает о широко распространенном стереотипе нравственной ущербности Востока (в данном случае — турецко-османского) как о само собой разумеющемся обстоятельстве его восприятия Западом. «В пьесах, новеллах и поэмах на протяжении всего XVIII и начала XIX веков мусульманский мир, обычно изображаемый как мир турок, стал своего рода ключевой точкой для изображения разнузданной страсти или изощренной жестокости»⁴. В подобной трактовке «сексуальные излишества и извращения занимали место дикости и варварства»⁵, становясь синонимичными им с точки зрения культурно-антропологического восприятия Востока Западом.

Своего «восточного соблазна» и мифологизации темы не избежало и русское общество, несмотря на то, что имело, как говорится, «под боком» свой «собственный» Восток, деловито осваиваемый Империей отнюдь не в романтических тонах. Интерес к «внешнему» Востоку, проявлявшийся и в моде на пу-

¹ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 293.

² Там же. С. 319.

³ Там же. С. 318.

⁴ Wheatcroft A. Infidels: A History of the Conflict between Christendom and Islam. L., 2004. P. 238.

⁵ Ibid. P. 276.

тешества в экзотические страны⁶, и во внимании к восточным традициям на расстоянии, стремительно приблизил тему, сделав ее «своей», внутренней сферой творческой реализации. Вне зависимости от того, восторгался ли автор очередной ориентальной «инаковостью» или возмущался ею. Не удивительно, что в этом аспекте Турция — не только традиционный противник, но и не менее традиционный символ «Востока» для России — находилась в центре внимания российского общества, становясь идейным, культурным, медийным продуктом противоречивых интерпретаций и трактовок.

Главное противоречие в восприятии восточной женщины (мусульманки) — как в России, так и на Западе — состояло в бытовании представлений о ее особом эротизме в сочетании с версией о забитости и безгласности. Меж тем, хорошо известный в России XIX в. путешественник и писатель Жерар де Нерваль отмечал на опыте своих восточных путешествий, что «все происходит здесь гораздо проще, чем это рисуется извращенному воображению европейцев. Количество жен у турок подчинено идее продолжения рода... Турецкое население очень ослабло в результате войн в прошлом веке»⁷.

Сюжетным центром многочисленных европейских интерпретаций темы становился, как правило, гарем, институт, сконцентрировавший (и для христианского Запада в целом, и для православной России в частности) наиболее явные признаки инаковости восточной (мусульманской) семейной жизни и общественного устройства в целом. Турецкий исследователь не без основания констатирует, что именно гарем был одним из «самых загадочных явлений в оттоманской культуре — от стран, лежащих далеко на востоке, до земель далеко на западе», неизменно оказываясь «предметом интереса как мужчин, так и женщин»⁸. Предписания Корана в сочетании с повседневной практикой основанного на шариате османского общества создали сложную систему семейно-брачных отношений, в которых строго регламентированное многоженство мотивировалось древними историческими и социокультурными традициями, а также актуальными задачами выживания социума на определенных стадиях его развития. Эти обстоятельства, очевидные для профессиональных исследователей мусульманского Востока, не слишком учитывались в ходе становления обыденного восприятия Западом этого социального феномена⁹. Само же явление неизменно будоражило воображение обывателя, обрастая волнующими мифами о всепоглощающей сексуальности нравов гарема и — одновременно — о строгости наказания за нарушение правил поведения в нем.

Однако наиболее критическим для западного восприятия этой традиции был факт религиозного санкционирования данного явления. По другому поводу, но в русле сходной исследовательской траектории, С.С. Аверинцев комментирует ситуацию психологического неприятия инокультурной и иноконфес-

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Эрдоган С.Н. В «Дом радости» ведет единственная дверь // Родина. 1997. № 5/6. С. 53.

⁹ Избранный круг женщин (*кадын*) со статусом — социальным, но не юридическим — *жен султана* был всегда немногочислен. (См.: Davis F. The Ottoman Lady: A Social History from 1718 to 1918. N.-Y.; L., 1986. P. 2). Количество *жен* с этим статусом колебалось от четырех до восьми. См.: d'Ohsson I. M. Tableau général de l'Empire ottoman. Paris, 1824. Vol. VII. P. 65.

сиональной специфики подобных нравов христианским Западом: «Западная традиция скорее допускала отсутствие стыдливости в материях плотских, чем духовных; скорее “Декамерон”, чем тантризм»¹⁰.

Впрочем, обладавшие культурной интуицией путешественники отмечали не только социальную обусловленность институционализации многоженства, но и особую этику в отношениях полов, присущую миру исламской цивилизации. «Достаточно сказать, что отношения мусульман к своим женам, вопреки сладостным картинам, созданным нашими писателями восемнадцатого века, полны достоинства и даже целомудрия», — писал Ж. де Нерваль¹¹.

Опора на османские источники и ряд западных свидетельств также позволяет по-иному взглянуть на специфику проблемы, поскольку, «несмотря на все строгости в отношении секса, неожиданно выясняется, что в социальном поведении османов существовало достаточно терпимости, смягчавшей строгие предписания ислама. Возможно, толерантность пришла из дворца, со двора султанов, которые, будучи пресыщены всеми чувственными удовольствиями, могли держать свои блящие очи открытыми лишь наполовину»¹².

Этот ракурс темы высвечивает историческую значимость главного — султанского — гарема, едва ли не важнейшего из «министерств» при дворе османского правителя, института, на долгие годы ставшего излюбленным объектом русской журнальной сатиры на тему Турции. Конечно же, реальный султанский гарем, этот «многоярусный мир, где уживались все пороки и добродетели», гарем, как «цивилизационный системообразующий фактор по крайней мере регионального уровня»¹³, был весьма далеким прототипом того карикатурного воплощения похоти, каковым он предстал на страницах отечественных сатирических изданий¹⁴.

Тем интереснее постараться выяснить, что именно в этом экзотическом институте забавляло и возмущало русских сатириков, давая повод для создания многочисленных критических клише в трактовке образа Турции на закате Османов. Важно отследить, как социокультурные образы из сферы интимной жизни осман превращались в инструменты сатирической критики Турции и ее политического режима на очередном витке модернизации, связанном с приходом к власти младотурецкой партии «Единения и Прогресса» и с началом фундаментального реформирования государственного уклада Османской империи в результате революции 1908—1909 гг.

Большинство наиболее популярных русских сатирических изданий начала XX в. («Сатирикон», «Шут», «Осколки») отдали дань «гаремным» сюжетам в своих карикатурах, фельетонах, стихах и анекдотах, посвященных внутренним

¹⁰ *Аверинцев С.С.* Западно-восточные размышления, или о несходстве сходного // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 39.

¹¹ *Нерваль Ж. де.* Путешествие на Восток. М., 1986. С. 414.

¹² *Клуг Дж.* История гарема в культурах народов мира. Смоленск, 2004. С. 89—90.

¹³ Автор уточняет: «Одна из причин стабильности османской династии, несокрушимой на протяжении 700-летнего периода, заключалась в планомерном отборе лучшего женского типа в почти планетарном поиске красивых девушек в жены султанам»: *Челеби С.* Когда гарем бывал доволен // Родина. 1997. № 5/6. С. 47.

¹⁴ *Клуг Дж.* История гарема... С. 73.

проблемам Турции и отношениям ее с Россией и другими соседями. Одним из первых откликов лидера отечественной сатирической журналистики, журнала «Сатирикон», на младотурецкую революцию 1908—1909 гг. стала карикатура именно на гаремную тему. В одном из майских номеров видим, как опечаленный султан тоскливо смотрит вслед своему гарему, покидающему султанский дворец. Самодовольные, нагруженные вещами одалиски с торжествующим злорадством удаляются, оставляя позади и султана, и свое прежнее пристанище. Подпись под картинкой поясняет: «Младотурки потребовали от султана распускания гарема». Неутешный султан горько сетует на жизнь, комментируя происходящее: «Европеец, потерявши одну жену, горько плачет! Что же делать мне, потерявшему сразу триста жен!!!»¹⁵

В разных вариациях этот сюжет кочует из номера в номер в сатирических изданиях, всплывая и позднее, вплоть до Первой мировой войны. Причем гаремная тема сопрягается с самыми актуальными для османской ситуации сюжетами — кризисом правительственных структур, политическим курсом младотурецкой партии, одиночеством традиционной власти перед лицом надвигающихся перемен. Так, в «Сатириконе» читаем стихотворную реплику под названием «В Турции», простодушно обыгрывающую двойное значение слова *диван*, пришедшего из турецкого языка в русский:

Бродит понуро султан, весь содрогаясь от страха,
Тяжко вздыхает: «яман!», молит он жарко Аллаха.
С ним приуныл и гарем (место, кейфуют где турки):
В нем не играют совсем гурии с евнухом в жмурки.
Что ж так печален султан, что же так гурий кручинит?..
Весь развалился диван... Немец — и тот не починит!¹⁶

Примечательно, что в связи с *гаремно-диванной* темой здесь возникает образ *немца*. Ему (как символу политической «маскулинности») позднее предстоит стать частым персонажем сатирических публикаций на турецкую тему.

Образы гарема и одалисок в контексте европеизации «по-османски» подхватывает журнал «Шут», в частушечном стиле информируя читателя об уже не слишком свежей и совсем не достоверной новости с берегов Босфора:

Конец пришел гарему, — султан рехнулся, знать, —
И будут одалисок уж фрейлинами звать!
А евнухи, за штатом, чтоб время не терять,
Меняльные конторы уж стали открывать!¹⁷

Однако настоящим лидером продвижения гаремной темы как мотива сатирической трактовки ситуации в Османской империи в последнее десятилетие ее существования выступает журнал «Осколки». Причем бурный всплеск

¹⁵ Сатирикон. 1908. № 19. Обложка.

¹⁶ Там же. № 30. С. 3.

¹⁷ Шут. 1908. № 44. С. 8.

соответствующих сюжетов и образов приходится на период Балканских войн (1911—1913 гг.), сублимируя тематику военных проблем в иронично-эротические насмешки над уже свергнутым Абдул Хамидом II.

Псевдоэлегия «Осколков» в одном из апрельских номеров так и называется: «Низложенный повелитель в своем гареме». Между строк автор назидательно поясняет недогадливому читателю, что одалиски — это вовсе не то, что европейские кокетки, поскольку они «чисты телом» и «принадлежат только одному своему господину и больше никакому другому мужчине»¹⁸. Чем же занимается опальный правитель со своими одалисками? (Вопрос, как вскоре поймем, оказывается отнюдь риторическим.) Он горько жалуется им на свое положение, отклоняя ласки всех прелестниц, кроме одной: «Снисходительно, но все-таки он принимает ее ласки, утопая в них, и целует ее... Но это, конечно, продолжается тоже не долго, — не без ехидства комментирует автор, — скоро он остывает и к ласкам, становясь хоть и мягче душою, но стараясь быть еще более разочарованным»¹⁹. Можно предположить, что автор, скрывшийся под ерническим псевдонимом «Шахерезад», всем настроем своего фельетона саркастически противопоставляет расслабленное поведение «низложенного повелителя» и его гаремные «горести» реальным, жгучим проблемам Турции, фатально теряющей свои позиции на Балканах и все больше вязнувшей во внутренних проблемах...

Лицемерие в вопросах веры и традиции становится в русской сатире популярным объектом остроумия в адрес младотурецкого режима, декларирующего свои западнические устремления, но консервирующего на деле прежние нравы и нормы. Женская же тема по-прежнему предоставляет наиболее выигрышные поводы для того, чтобы в ироническом ключе осветить «европеизацию» Османской империи. Так, «Осколки» исправно муссируют тему турецкого брака, не слишком поддающегося вестернизации.

В одном из сатирических рассказов прогрессивный юноша Мустафа, до брака либерально настроенный в отношении поведения и одежды женщин, после женитьбы запрещает молодой жене показать лицо даже его ближайшему другу. Более того, выгоняет приятеля из своего дома за то, что тот напоминает ему о его прежних свободолобивых воззрениях на супружество²⁰. А в другом фельетоне модный литератор прозападного толка горюет оттого, что у него нет средств завести собственный гарем, ибо откуда еще можно взять вдохновение для создания новых, передовых литературных произведений?²¹

Очевидно, что женская тема служила отечественным сатирикам инструментом критики ситуации, при которой османская элита, по словам исследователя Н. Киреева, «в своем большинстве не видела необходимости замены религиозных правовых основ существования государства, общества и личности на светские»²². Эта же тема работала как способ разоблачения коррозии

¹⁸ Осколки. 1912. № 20. С. 5.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. 1913. № 4. С. 4.

²¹ Там же. 1912. № 52. С. 5.

²² Киреев Н. Проблемы утверждения в Турции светской модели общества // От Москвы до Стамбула. М., 2003. С. 214.

самих реформ, непродуманности их замысла и противоречивости в деле их осуществления.

Характерно, что именно чувство растерянности — вплоть до отчаяния — нагнеталось в изображении женской «ипостаси» Турции по мере того, как даже не слишком глубоким аналитикам из отечественных сатирических изданий становилась яснее турецкая послереволюционная реальность. Ни низложение абдулхамидовского режима, ни расширение прав парламента не способны эффективно разрешить давно назревшие проблемы османского государства и общества. Нерешенность социальных проблем в масштабах империи, обострение национального вопроса, превращение полиции и жандармерии в основу младотурецкой диктатуры, ужесточение отношения к прессе²³ — все эти отличительные особенности эпохи младотурецкого правления не ускользнули от внимания русских сатириков, вылившись в потоки карикатур, стихов, фельетонов.

По мере ослабления геополитического положения Турции в регионе и усиления активности западных держав при дележе ее территорий наиболее популярным и тиражируемым становится иной сюжет. В нем сатирики на разные лады развивают уже знакомую нам тему «сексуального» доминирования Запада в отношениях с окончательно потерявшей свой былой блеск твердыней Османов.

Визуально комментируя якобы полученную телеграмму с сообщением о том, что «один немецкий предприниматель пригласил для гастрольных поездок по Германии султанских жен и одалисок, оставшихся после низложения Абдул-Гамида за штатом», художник А. Юнгер на обложке майского номера «Сатирикона» изображает невозможно расплывшихся и не слишком привлекательных гурий. Они неумело исполняют перед Вильгельмом II танец живота на сцене европейского варьете. В уста германского императора автор вкладывает саркастическую реплику: «О, черт возьми! Теперь я начинаю жалеть вдвое больше моего бедного друга Абдул-Гамида»²⁴.

Сюжет карикатуры навеян недавними событиями в Стамбуле, окончательно определившими расклад сил между младотурками и противостоящими им консервативными силами, поднявшими мятеж против правления партии «Единение и прогресс» в апреле 1909 г. Энергичные действия сторонников младотурок, завершившиеся жестким подавлением мятежа, решили ситуацию в их пользу. В итоге к концу месяца на совместном заседании палаты депутатов и сената Абдул Хамид II был низложен и лишен сана халифа, а его место на престоле османов занял «не обладавший никакими дарованиями и неспособный управлять государством» Мехмед V²⁵.

Последовавшие преобразования младотурков наиболее реакционных и архаических проявлений абдул-хамидовской эпохи весьма заинтриговали российских журналистов-сатириков, особенно — дальнейшая судьба султанского гарема. Сокращение расходов на содержание этого дорогостоящего институ-

---

²³ Там же. С. 243—244.

²⁴ Сатирикон. 1909. № 20.

²⁵ Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. М., 1990. С. 242.

та, конфискация личных средств низложенного султана в пользу государства и решение превратить султанский дворец Йылдыз в музей часто воспринимались как конец института гарема²⁶. На деле же произошло лишь радикальное сокращение численности его обитательниц. Многие из них были успешно выданы замуж²⁷ или же избрали иную судьбу. И уж, разумеется, они не были вынуждены выступать с танцами в европейских кафешантанах²⁸. Однако сама интерпретация темы (ирония по поводу финала султанских утех в сочетании с критикой немецкого манипулирования турецкими проблемами) оказалась юмористически столь выигрышной, что прочно и надолго заняла свое место на страницах сатирических изданий.

Германский фактор в «эротическом» аспекте трактовки турецкой темы точно отразил политическую злобу дня. Формат отношений Германии с Турцией и в самом деле отличался от характера отношений последней с другими европейскими державами. И если страны Антанты по-прежнему разрабатывали планы раздела Османской империи на сферы влияния, то Германия старалась сохранить целостность Турции, чтобы в нераздельном виде получить этот «почетный приз» в ходе финансово-экономического и военно-политического проникновения. В этой связи становится понятным и тот факт, что после свержения Абдул Хамида в итоге младотурецкой революции германский кайзер, не раз демонстрировавший личные симпатии к султану и его режиму, вынужден был наладить столь же покровительственные отношения с младотурецкими властями²⁹.

Присутствие германских военных советников в высшем командовании турецкой армии, масштабное железнодорожное строительство на Ближнем Востоке, участие немецкого капитала в экономике Турции — все эти инструменты геостратегического проникновения Германии наглядно отразились в «женских» сюжетах русской сатиры на турецкую тему. Несколько истошившаяся под влиянием событий Балканских войн «гаремная» тема снова возвращается на страницы сатирических изданий весной 1913 г. «Сатирикон» наглядно обыгрывает финансовый крах турецких властей из-за растущей зависимости от денежных займов у Австро-Венгрии. На карикатуре перепуганная одалиска отшатывается от своего повелителя, в образе которого угадывается грузный султан Мехмед V:

«— Милая! У меня столько огорчений — утешь меня, разденься, сбрось эти покровы...

— О, повелитель! Я бы сделала это, но боюсь, что все, что я сниму, ты заложешь австрийцам!..»³⁰.

²⁶ О судьбах султанского гарема см., к примеру: *Akgündüz, Ahmet*. Osmanlı'daharem. İstanbul, 2000; *Казиев Ш.М.* Повседневная жизнь восточного гарема. М., 2006.

²⁷ Окончательная ликвидация этого явления как института произошла лишь в эпоху преобразований, связанных с именем Кемаля Ататюрка.

²⁸ Ноэль Барбер рассказывает о строго регламентированной процедуре возвращения обитательниц султанского гарема их родственникам, прибывавшим в Стамбул из разных местностей (*Barber N.* Lords of the Golden Horn. L., 1976. P. 192). Сходные сведения находим в работе: *Крутые А.Л.* Гарем: царство под чадрой. М., 2000. С. 168.

²⁹ См.: *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг. М., 1960.

³⁰ Сатирикон. 1913. № 18. С. 9.

Апофеозом темы служит обложечная карикатура последнего номера «Сатирикона» за 1913 г. под названием «Святочный роман на Босфоре». Здесь все полно прозрачных намеков — и жалкого вида елка с венчающим ее полумесяцем (вместо рождественской звезды), и могучая фигура германского кайзера с саблей наперевес, и лукаво-покорное лицо Турции, в образе услужливой одалиски приникшей к усатому, бравому немецкому «кавалеру». Рисунок сопровождают многозначительные слова хитрой и одновременно жалкой прелестницы:

«Все мои картонажи я уже раздарила... А тебе, милый. Я подарю... себя!»³¹.

Распад Балканского союза, случившийся не без деятельного участия Австро-Венгрии и Германии, развеял надежды России на создание консолидированной силы, способной и ослабить Турцию, и предотвратить усиление позиций Габсбургов и Гогенцоллернов в регионе. Этот огорчительный для России исторический момент, сыгравший свою роль в приближении Первой мировой войны и предопределивший позицию Турции в ее ходе, запечатлен карикатуристом в описанном выше рисунке. Империя на Босфоре, волей-неволей вынужденная раздавать соседям свои территории в качестве вынужденных «подарков», с лицемерным энтузиазмом вручала свое стремительно худеющее «тело» в крепкие руки германского империализма.

Тревожный контекст экспансии европейских держав (и более всего — Германии) в Турции драматизировал «женскую» тему в материалах российских сатириков. Он придавал восприятию западного (*ориенталистского*, «*мужского*») доминирования в восточном пространстве острокритический характер. Запад в лице Германии и Австрии осуждался за продуманную агрессию в регионе, а Турция — за политическое безрассудство.

В своих журнальных воплощениях образ «восточной женщины» — султанской одалиски, аллегии Турции — предстает как жертва европеизации и внутренних неурядиц, как объект вынужденных перемен, внешней алчности, собственной недалекости и *западного соблазна*, легко переходящего в откровенное политическое насилие. «Восток» и «Запад» меняются местами в «ролевых играх» нового века. На место романтическому *восточному соблазну*, этому давнему конструкту европейской ориенталистской мысли, приходит *соблазн западный* — рациональный, жесткий, потребительский...

Похоже, лишь женская хитрость и восточное обаяние служат защитой, да и то слабой, этой многоликой «*турчанке*» перед лицом железной поступи XX в. С пониманием, не без доли сочувствия отобразили отечественные сатирики *женскую* (страдательную) ипостась турецких проблем в эпоху модернизации, запоздавшей не только в державе Османов.

---

³¹ Там же. № 52. Обложка.

Экспертное сообщество экономистов в условиях общенационального кризиса 1914–1916 гг.¹

В замысел настоящей статьи входит рассмотрение деятельности российских экономистов преимущественно в научных ассоциациях военного периода. Автор планирует исследовать вопросы о содержании и ходе военной мобилизации экономической науки, о переориентации исследований ученых-экономистов на нужды военного производства и военной промышленности, налаживании новых научных связей внутри профессионального экономического сообщества, а также новых взаимоотношений ученых-экономистов и государственной власти.

Проблема состояния экспертного сообщества экономистов в годы Первой мировой войны находится в русле такого направления исторических исследований, как история профессий. Направление выделилось в исторической науке в 1990-е гг.² Сегодня оно достаточно влиятельно и в России³, наряду с такими, как история понятий, женская история, изучение фронта и др. Выбор данной проблемы в сборник, приуроченный к юбилею главного научного сотрудника Института российской истории РАН А.Е. Иванова, обусловлен не только ее научной актуальностью, но и близостью тематике научных исследований самого Анатолия Евгеньевича. Проблема связана с историей высшей школы и «ученого сословия» в предреволюционной России.

В новых исторических исследованиях складывание профессий трактуется в контексте формирования среднего класса, понимаемого уже не как средние слои торгово-промышленной буржуазии, но как сообщество профессионалов. Внимание исследователей обращено преимущественно к изучению профессий учителей, инженеров, врачей, фельдшеров, адвокатов. Отмечается, что импульс к созданию профессий заложен Великими реформами, а важными элементами для самоидентификации специалистов явились высшее профессиональное образование, специальные печатные издания, профессио-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

² *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca, 1992; *Russia's missing middle class. The Professions in Russian History.* Armonk, New York, London, 1996; *Pomeranz W.* Profession or Estate? The Case of the Russian Pre-Revolutionary "Advokatura" // *The Slavonic and East European Review.* Vol. 77. No. 2 (April 1999). P. 240–268; Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 38–45, 217–269.

³ См., напр.: *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века.* М., 2007; *Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX века.* М., 2011; *Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX — начале XX века.* М., 2013.

нальные ассоциации профессионалов и др.⁴ В качестве «спутника» профессионализации называется также этос российской интеллигенции, включавший в себя потребность в общественном служении и стремление к просвещению народа.

В своей статье мы планируем рассмотреть процессы, затронувшие сообщество ученых-экономистов в период общенационального кризиса, коим стала для России Первая мировая война. Речь пойдет о влиянии событий 1914 г. на экономическую профессию, о реакции экономистов на войну, о востребованности государством и рынком экспертных функций представителей экономической профессии. Важные вопросы, возникающие в этой связи: способствовали ли хозяйственные трудности периода Войны развитию профессиональной группы экономистов и как трактовали экономисты актуальные экономические реформы.

Избранная нами проблема касается взаимодействия формирующегося гражданского общества и власти, так как экономисты объединялись в экономические организации и тесно взаимодействовали с властными структурами. Профессионалы-экономисты работали в изучаемый период в таких ассоциациях, как Вольное экономическое общество (ВЭО, 1765⁵), Московское общество сельского хозяйства (МОСХ, 1818), Общество имени А.И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете (ОИЧ, 1911) и др. ВЭО являлось старейшим научным обществом, занимавшимся рационализацией сельского хозяйства, развитием агрономии и агротехники. МОСХ являло собой крупнейшее объединение землевладельцев второй столицы со времен Александра. ОИЧ, и в особенности существовавшее при нем статистическое отделение, становится в годы войны центром обсуждения насущных хозяйственных вопросов. Объединяя представителей различных областей экономического знания — техников, статистиков, ученых-аграрников, агрономов, они способствовали мобилизации профессионалов на решение поставленных войной задач.

Экономическое сообщество в начале XX столетия было далеко неоднородным. По данным, приведенным В.Р. Лейкиной-Свирской, так называемая группа «деятелей экономической помощи населению» включала в себя инженеров и техников, а также статистиков, агрономов, ветеринаров⁶.

Многие профессора-экономисты, о которых пойдет речь далее, были тесно связаны с Петербургским политехническим институтом — многофункциональным учебным заведением, организованным в 1899 г. при поддержке министра финансов С.Ю. Витте. Законопроект об основании политехникума в Петербурге проведен Витте через Государственный совет еще в 1898 г.⁷ В стенах этого уникального высшего учебного заведения технического профиля обосновался коллектив блестящих экономистов.

---

⁴ *Balzer H.* The Problem of Professions in Imperial Russia // *Between Tsar and People: the Search for a Public Identity in Tsarist Russia.* Princeton, N.J., 1991. P. 343—366.

⁵ Здесь и далее указаны годы основания организаций.

⁶ *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 39—49.

⁷ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 61.

Проблема устройства тыла в повестке дня Вольного экономического общества

Наиболее заметные усилия российских экономистов-общественников были сконцентрированы на проблемах устройства тыла. Обширная сфера деятельности включала в себя борьбу с дезорганизацией хозяйственной жизни, противодействие безработице, инфляции, падению уровня жизни, усилия по замещению импортных товаров российскими. Тыл призван был сыграть важную роль в мобилизации ресурсов страны и в перестройке жизни. Устройством тыла, ощущавшего нехватку продовольствия, товаров потребления, их дороговизну, занимались организации экономического профиля.

Еще в первый месяц войны на заседании ВЭО была поставлена проблема устройства тыла и его лидеры постановили вести работу в этом направлении. Основную проблему тыла члены ВЭО видели в наличии тенденций к экономической дезорганизации страны, а задачу общества — в том, чтобы противостоять им. Следуя терминологии общества, оно выступало инициатором работы общественной мысли над экономическими вопросами. В представленной ВЭО в августе 1914 г. правительству записке общественные деятели предлагали бороться с хозяйственной разрухой посредством самоорганизации общественности, консолидировавшейся в добровольных обществах и в органах местного самоуправления. То же настроение наблюдалось и у членов МОСХ. Так, задача общественности в войне была сформулирована как осуществление напряженной работы по мобилизации народного хозяйства в согласии с правительством. Идея единения общества и власти в достижении победы прозвучала тогда из уст представителей власти. В частности, чиновник Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) Н.С. Ленин говорил в ВЭО о неспособности своего ведомства обеспечить армию продовольствием без содействия общества⁸.

В августе 1914 г. членом ВЭО статистиком Д.И. Рихтером, автором статей по экономике и статистике для Словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и инициатором создания статистической комиссии при ВЭО, была озвучена программа хозяйственного устройства. Она включала широкий круг направлений работы, начиная от урегулирования путей сообщения и приспособления тарифов железнодорожных перевозок к потребностям товарообмена, заканчивая организацией помощи сельскому населению, страдавшему от войны и неурожаев. Планировалось привлечь к делу хозяйственного устройства общественные организации, в особенности кооперативы, что позволяло наладить поставки в армию, минуя имевших личные выгоды посредников, организовать снабжение городов продуктами питания и предметами первой необходимости. ВЭО предлагало правительству поддерживать экономические организации путем их кредитования, предоставления им большей свободы действий и объединения их под эгидой авторитетного центра. На роль центра планировался создававшийся в те дни в Москве Всероссийский земский союз (ВЗС).

⁸ *Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 2014. С. 141—142, 163.*

Предполагалось, что ВЭС поставит перед собой задачу поддержки народного хозяйства и вступит в тесную связь с кооперативами и иными организациями⁹. Таким образом, лидером мобилизационных мероприятий в тылу призвана была стать общественность.

Созданную ВЭО комиссию для борьбы с дезорганизацией экономики возглавил либеральный экономист А.С. Посников — специалист по политической экономии и статистике, декан экономического отделения Петербургского политехнического института, член Государственной думы четвертого созыва и ряда ее комиссий (бюджетной, финансовой, по дороговизне). В комиссию вошли А.И. Шингарев, князь Д.И. Шаховской, П.Б. Струве, Н.В. Некрасов, А.М. Рыкачев, а также социалисты А.Ф. Керенский, князь В.Л. Геловани. Большинство членов комиссии выступало сторонниками обновления государственного строя на принципах либеральных реформ.

Важным пунктом повестки дня заседаний ВЭО первого военного полугодия была финансовая политика государства после ликвидации статьи бюджетных поступлений от казенной продажи вина. Министр финансов П.Л. Барк в октябре 1916 г. признался: у правительства ушло два года на компенсацию потерь¹⁰.

Специализировавшиеся на финансовых вопросах члены ВЭО поддержали отказ правительства от «пьяного» бюджета. Так, либеральный экономист Б.Д. Бруцкус, сторонник свободного рынка и фермерского хозяйства, проанализировал воздействие ликвидации винокурения на сельское хозяйство и пришел к выводу, что данная мера не будет иметь пагубных последствий, в особенности, для крестьянского хозяйства¹¹.

Член Общества имени А.И. Чупрова политехник А.К. Витт исследовал проблему на примере ткацкой промышленности Центрального района России. В проведенной Виттом анкете использованы материалы 11 прядильных фабрик с более чем 50 тыс. рабочими. Результаты исследования, представленные в феврале 1915 г., показали, что хотя на предприятиях ткацкой промышленности с началом Войны число мужчин сократилось за счет женщин и подростков, трезвый образ жизни способствовал повышению производительности труда¹².

В то же время экономисты ВЭО понимали, что отмена казенной монополии в условиях войны чревата бюджетным дефицитом. Ввиду этого ими были рассмотрены различные слагаемые финансового благополучия страны, такие как бюджет, бумажное денежное обращение, налоги и займы. Обсуждался вопрос о возможности покрытия бюджетной недостачи за счет введения государственных монополий на потребительские товары: табак, сахар, чай и др. Докладчиками выступали искушенные в вопросах финансов думец А.И. Шингарев, а также экономисты-профессора М.В. Бернацкий и

⁹ Вольное экономическое общество // Русские ведомости. 1914. 4 авг.

¹⁰ Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 88, 90.

¹¹ Отчет о действиях Императорского Вольного экономического общества за 1914 год. Пг., 1915. С. 5.

¹² Годичное собрание Чупровского общества // Русские ведомости. 1915. 25 февр.

М.И. Фридман. Все трое имели либеральные взгляды. Бернацкий и Фридман работали на экономическом отделении Петербургского политехнического института. Бернацкий являлся профессором политической экономии, а Фридман — профессором финансового права, ведущим специалистом в косвенных налогах на предметы потребления. Шингарев и Фридман высказывались за установление государством фискальных монополий в ряде отраслей народного хозяйства для покрытия военных расходов¹³.

В заседании 5 сентября 1914 г. экономистами ВЭО обсуждался вопрос налогообложения и введения государственного чрезвычайного военного сбора (займа). По словам экономиста Б.Б. Веселовского, работавшего в советский период в Госплане СССР, для решения вопроса о проведении новых налогов следовало созвать законодательные учреждения, а также установить законодательно сроки, на которые данный налог устанавливался. Отмечая существенное напряжение, которое могла испытать страна в условиях продолжительной войны, Веселовский признавал настоящий момент неудобным для проведения финансовых реформ по широкой программе: такую программу намечал Шингарев. «Правительственный проект, — говорил он, — пошел, несомненно, по линии наименьшего сопротивления, и, приняв план механического повышения всех существующих налоговых ставок, пощадил те группы населения, которые всегда умеют лучше отстаивать свои интересы. Но при проведении в настоящий момент финансовых преобразований по определенному плану возникает опасение, что они будут страдать крупными недостатками, которые будут требовать исправлений впоследствии, тем более что у нас мероприятия временного характера часто превращаются в постоянные институты». Веселовский ратовал за введение прогрессивно-подходного налога и увеличение наследственных пошлин, он выступал сторонником расширения и реорганизации системы государственного хозяйства в связи с ослаблением косвенного обложения.

Экономист П.Б. Струве, также причастный к Петербургскому политехническому институту и преподававший там политическую экономию с 1906 по 1917 г., напротив, присоединился к точке зрения профессора Фридмана о необходимости установления единовременного чрезвычайного налога. Выполнение плана налогообложения, вместе с тем, представлялось ему несколько иным. Прогрессивно-подходный налог, проект которого находился в Государственной думе, Струве признал несоответствующим потребностям государства в настоящий момент: «Он может пригодиться для спасения души, но не для спасения государственного казначейства. Представляя огромную ценность с воспитательной точки зрения, чрезвычайный военный налог даст и наибольшие финансовые результаты».

Фридман, а также примкнувший к нему молодой, но уже известный экономист В.Н. Твердохлебов, занимавшийся исследованиями государственного кредита, налогообложения, мировых и местных финансов, отстаивали ранее высказанные соображения. «Большие доходы в стране бедной, — говорил Фридман, — можно получить только при помощи комбинации поиму-

¹³ Туманова А.С. Общественные организации России... С. 144.

шественно-подоходного налога с подушным, о которой говорил Струве. На подушный налог нападают потому, что он затрагивает интересы неимущих классов, но, раз нужно получить такие крупные суммы, как миллиард, то обложение неимущего населения становится неизбежным. Необходимо прибегнуть и к займам».

«Военное время — не время бессмысленной суматохи, и теперь требуется проводить реформы по строго намеченным планам», — резюмировал А.И. Шингарев. — Речь идет не только о покрытии расходов на войну, Россия переживает момент социального реформаторства». Шингарев настаивал на необходимости введения подоходного налога. Он говорил, что если даже допустить, что он даст только около 15 млн руб., то это будет ценным приобретением, не только для спасения души, как выразился Струве, но и для государственного казначейства. Шингарев высказал согласие с тем, что финансовые реформы могут быть проведены только с одобрения законодательных учреждений. Последнее предложение было принято собранием единогласно, а также создана комиссия для более подробной разработки указанных вопросов¹⁴.

Наблюдавший за ходом «финансовых прений» в ВЭО публицист Д.В. Философов обобщил их суть в Вольном экономическом обществе следующим образом: «все речи специалистов сводились к одному: как лучше при теперешних обстоятельствах устроить наши финансы... Я слушал внимательно эти разговоры, и порой мне казалось, что я сижу не в ВЭО, а в Государственной думе, что все эти слушатели — не типичные русские интеллигенты-радикалы, а трезвые, реальные политики. Можно ли себе представить, чтобы десять лет назад наши интеллигенты серьезно обсуждали целесообразность табачной, сахарной, чайной и других фискальных монополий? Человек, выступивший с такой темой, подвергся бы заушениям. А теперь и фискальные монополии не отвергаются...»¹⁵.

Очевидно, что экспертное сообщество экономистов действовало в унисон с государством, предвосхищая его финансовые проекты и определяя их содержание. В начале ноября 1914 г. Министерством финансов была завершена разработка проекта государственного военного сбора. Также были подготовлены проекты подоходного налога и налога с лиц, освобожденных от воинской повинности¹⁶. Как указывает историк экономической политики Т.М. Китанина, в начале войны на внутреннем рынке были реализованы два долгосрочных государственных займа по 50 млн руб. каждый, билеты государственного казначейства на 360 млн руб., краткосрочные обязательства государственного казначейства на 70 млн руб.¹⁷

Разработка финансовых вопросов была главным, но не единственным направлением деятельности экономистов начального периода войны. Интерес деятелей ВЭО к насущным хозяйственным нуждам страны был тесно переплетен с работой по «сохранению культурных ценностей». Они занимались сбором книг для рассылки по лазаретам и госпиталям (к сентябрю 1914 г.

¹⁴ В Вольном экономическом обществе // Русские ведомости. 1914. 5 сент. С. 4.

¹⁵ Философов Д. Устроение // Русское слово. 1915. 14 (27) янв.

¹⁶ Государственный военный сбор // Русские ведомости. 1914. 5 нояб. С. 5.

¹⁷ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914—1917 гг.: экономика и экономическая политика. СПб., 2016. С. 93.

было собрано в общей сложности около 130 тыс. томов), поддержкой беженцев (в Вильно и Могилеве открыты столовые для детей беженцев, в Вильно функционировал приют для детей беженцев)¹⁸.

Организовывались сборы пожертвований в пользу населения, находящегося на территории военных действий: Царства Польского, Закавказья и др. Причем все мероприятия ВЭО проводились на подлинно демократических основаниях. Так, в октябре 1914 г. руководители ВЭО обратились к гражданам России с призывом о налаживании помощи организованной, длительной и основанной на привлечении местных общественных сил, чтобы «прийти на помощь нашим братьям в Польше и сопредельных с нею местностях без различия национальностей и вероисповеданий». Конкретные размер и виды помощи должны были зависеть от притока пожертвований¹⁹.

Организация Вольным экономическим обществом лазаретов была примером общественной инициативы. Отдельным кроватям и палатам, которые содержались на средства отдельных благотворителей, присваивались имена жертвователей. Планируя обеспечение лазаретов и госпиталей медикаментами, в которых ощущался большой недостаток, активисты ВЭО попутно решали задачу освобождения фармацевтической промышленности страны от германской зависимости. Было решено войти в контакт с существующими российскими аптекарскими фирмами и химическими лабораториями для заготовки медикаментов, ранее доставлявшихся из Германии²⁰.

Во всех проектах и начинаниях Вольного экономического общества той поры оно играло роль своеобразного общественного контролера действий органов власти и местного самоуправления. К примеру, когда появилось известие о сокращении в земских бюджетах расходов на культурные нужды в связи с войной, лидеры Общества обратились ко всем земским собраниям с призывом сохранять культурные ценности в стране и не сокращать бюджетов на народную школу и народное здравие. В составленной Обществом докладной записке главному управляющему землеустройством и земледелием А.В. Кривошеину указывалось на нежелательность сокращения ассигнований и пособий земству на культурные нужды. Примечательно, что ключевым направлением своей работы деятели ВЭО считали так называемую «научно-критическую деятельность» по разработке финансовых, общественно-экономических и других вопросов, которые настойчиво выдвигаются на очередь жизнью. Причем пути их разрешения планировались не только на военный период, но и на послевоенное время²¹.

Между тем в начале 1915 г. работавшим в ВЭО экономистам пришлось переориентироваться на другие институции, поскольку 30 января 1915 г. распоряжением главного начальника Петроградского военного округа П.П. фон Зальца деятельность Вольного экономического общества на период действия в столице военного положения была приостановлена. Это не означало пол-

¹⁸ Вольное экономическое общество // Русские ведомости. 1914. 9 сент.

¹⁹ Воззвание Вольного экономического общества // Там же. 10 окт. С. 3.

²⁰ Вольное экономическое общество // Там же. 9 сент.

²¹ В Вольном экономическом обществе // Там же. 5 нояб. С. 3.

ного закрытия ВЭО; продолжали функционировать отдельные его подразделения: Совет, Лазаретный отдел, Почвенная комиссия, Комиссия по распространению сельскохозяйственных знаний. В то же время ликвидированы такие направления, как рассылка книг, сборы пожертвований, издание «Известий ВЭО» и др.²² Вольному экономическому обществу, развернувшему активную работу по устройению тылового хозяйства, сбору пожертвований на нужды фронта и призрению раненых инкриминировалась рассылка раненым запрещенной литературы. До 150-летнего юбилея ВЭО оставалось всего полгода²³.

Гонения на ВЭО начались еще в ноябре 1914 г. Тревожными симптомами стали осенние циркуляры министра внутренних дел Н.А. Маклакова: от 30 сентября и 28 ноября 1914 г., требовавшие от губернаторов тщательной проверки рассылаемой ВЭО литературы, а также ноябрьское распоряжение Департамента полиции органам политического сыска об установлении наблюдения за библиотечками ВЭО²⁴. В конце ноября последовал и запрос в ВЭО чиновников Главного управления землеустройства и земледелия об основаниях, на которых существуют учреждения Общества: лазареты, справочное бюро и др.²⁵

В 1915—1916 гг. Советом ВЭО предпринята серия шагов, направленных на снятие довлевшей над ним кары. Переговоры велись общественниками с командующим Петроградским военным округом генералом П.А. Фроловым и командующим 6-й армией генерал-адъютантом Н.В. Рузским (весна—лето 1915 г.), с главноуправляющими землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным, а с сентября 1916 г. с А.А. Бобринским, с министром внутренних дел А.А. Хвостовым (осень 1916 г.). Но все было безрезультатно.

Функционируя лишь в треть силы, ВЭО продолжало держать руку на пульсе экономической жизни России. Сознвая остроту стоявших перед страной экономических задач, Совет ВЭО обращался весной 1916 г. к известным общественным организациям (ВЗС, ВСГ, МОСХ, РТО) с предложением о создании при них экономических совещаний для системной работы над народнохозяйственными вопросами. В ноябре 1916 г. в условиях нараставшей дезорганизации народного хозяйства, Совет ВЭО обратился к председателю Государственной думы М.В. Родзянко с призывом к скорейшей выработке плана урегулирования экономической жизни страны. Разработку экономического курса активисты ВЭО связывали уже не со старым режимом, а с новой властью, которой предстояло сформироваться, по их словам, с опорой на «живые (т.е. общественные) силы страны»²⁶.

Только в феврале 1917 г. деятельность ВЭО явочным порядком возобновилась. Так, 4 февраля общественники собрались на заседание общего собрания для обсуждения докладов Г.А. Ландау и Д.И. Рихтера, посвященных вопросу

²² Более подробно о приостановлении деятельности ВЭО см.: *Туманова А.С.* Заочный юбилей: Из истории противостояния и сотрудничества Вольного экономического общества и власти в годы Первой мировой войны // *Российская история*. 2014. № 5. С. 164—183.

²³ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 5; ГА РФ. Ф. 102. ДП 00. 1914. Д. 320. Л. 61; 1915. Д. 320. Л. 5—5 об.

²⁴ ГА РФ. Ф. 102. ДП 00. 1914. Д. 320. Л. 2, 24—24 об., 30.

²⁵ В Вольном экономическом обществе // *Русские ведомости*. 1914. 26 нояб. С. 4.

²⁶ *Русское слово*. 1916. 4, 16 апр.

самоопределения народностей России. 6 апреля 1917 г. на заседании ВЭО обсуждался доклад Б.Д. Бруцкуса по аграрному вопросу и проект организации при ВЭО Лиги аграрных реформ, призванной стать межпартийным объединением экономистов-аграрников и идейно-практическим центром по подготовке земельной реформы²⁷. В апреле 1917 г. при ВЭО было создано Петроградское отделение Лиги аграрных реформ.

Таким образом, объединявшее ведущих экономистов Вольное экономическое общество приступило к выработке программы экономической политики, нацеленной на устроение тыла. Элементами этой политики были мониторинг финансово-экономической жизни, экономическая мобилизация, финансовая реформа, борьба с безработицей, помощь местностям, страдавшим от войны, помощь жертвам войны. Следуя формулировке самого Общества, оно выступало инициатором «работы общественной мысли над экономическими вопросами».

Проблемы устроения крестьянского хозяйства глазами экономистов-аграрников

Московское общество сельского хозяйства сконцентрировало свои усилия на устроении крестьянского хозяйства. Уже в первый месяц войны активисты МОСХ предрекали, что война ослабит российскую экономику и ухудшит состояние крестьянского хозяйства. По мнению видного либерала и деятеля кооперативного движения Дмитрия Шаховского, наиболее уязвимой являлась денежная часть крестьянского бюджета, поскольку война ведет к нарушению связи между производителем и потребителем. «Война создала четыре “нет” народнохозяйственной жизни: нет экспорта, нет импорта, кредита и транспорта», — говорил он²⁸.

Преодоление экономической разрухи Шаховской связывал с консолидацией усилий государства и общества. По его мнению, государственной власти следовало сосредоточиться на борьбе с внешним врагом, доверив устройство народнохозяйственной жизни обществу в лице Земского союза, кооперативов и добровольных ассоциаций. Большое значение в выведении народного хозяйства России из грозившей ему катастрофы Шаховской придавал «младшему брату земства» — кооперации, рассматривая ее как посредника в организации поставок продовольствия и фуража для армии и критикуя правительство за то, что оно игнорировало кооперативы и возлагало поставки на ГУЗИЗ²⁹.

МОСХ была поставлена задача мобилизации агрономов на помощь крестьянскому хозяйству и организации сбыта крестьянских продуктов. Весной 1915 г. МОСХ выступило с инициативой расширить преподавание агрономической науки в университетах. Полемика велась по вопросу о том, где

²⁷ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 26—27.

²⁸ Шаховской Д.И. Мобилизация хозяйства // Речь. 1914. 30 июля.

²⁹ Крестьянское хозяйство, война и агрономия // Русские ведомости. 1914. 16 авг.; Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской: Путь русского либерала. М., 2008. С. 217, 220; Воронкова И.Е. Д.И. Шаховской. Жизнь, отданная людям. М., 2007. С. 77, 82.

следует преподавать соответствующие курсы: на агрономических отделениях физико-математических факультетов либо же на самостоятельных агрономических факультетах университетов. В ней участвовали видные ученые-аграрники и профессора-естественники. Профессор-экономист и член кадетской партии А.А. Кауфман, к примеру, высказался за развитие специальных агрономических школ и оказался в меньшинстве³⁰. Экономист-аграрник А.В. Чамянов настаивал на существенной роли в подготовке агрономов внешкольной агрономической практики, которую следовало проходить, по его мнению, в существующих общественно-агрономических организациях³¹.

Осенью 1915 г. руководство МОСХ признало актуальной народнохозяйственной задачей мобилизацию общественности в сфере сельскохозяйственного машиностроения. Мобилизация выразилась в организации МОСХ выставки сельхозмашин отечественного производства в октябре—ноябре 1915 г., показавшей имевшиеся запасы сельскохозяйственной техники. Ее организацией решалась также задача ослабления зависимости российского земледелия от импорта техники германского и австрийского производства³².

На октябрьском совещании по проблемам сельскохозяйственного машиностроения 1915 г. прозвучало предложение к земским и общественным прокатным пунктам предоставлять населению, в особенности семьям призванных на войну, машины и оборудование на льготных условиях. Было предложено также покупать машины с целью коллективного их использования, организовывать самопомощь населению по выполнению сельскохозяйственных работ в хозяйствах, оставшихся без работников. Ряд высказанных на совещании предложений предвосхитили отдельные мероприятия советской власти периода Гражданской войны, «военного коммунизма» и нэпа.

Ведущим направлением экспертной деятельности экономистов МОСХ военного времени было изучение влияния войны на народное хозяйство. В наибольшей степени экспертов МОСХ беспокоило сокращение посевов сельскохозяйственной продукции. Летом 1916 г. недосев полей приобрел угрожающий характер. В феврале 1916 г. земский деятель Д.Н. Жбанков и ученый-экономист С.Л. Маслов, основываясь на ситуации 1915 г., предсказали, что сокращение посевов принимает в России характер народного бедствия, подрывая производительные силы страны и являясь угрозой благосостоянию народа. Масловым была предложена организация централизованного учета свободной рабочей силы и планомерная ее мобилизация в районы наибольшего сокращения посевов. Для этого планировалось использовать бюро труда, профессиональные союзы, привлекать к полевым работам пленных, военнообязанных, беженцев, свободных нижних чинов, устранить препятствия для использования труда иностранных подданных³³.

Проблема нехватки в сельском хозяйстве рабочих рук занимала и правительство. Так, еще в августе 1915 г. ситуация с уборкой урожая была призна-

³⁰ Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная столица России: Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818—1929 гг.). М., 2012. С. 261—262.

³¹ Годичное собрание агрономов // Русские ведомости. 1914. 23 нояб.

³² Туманова А.С. Общественные организации России... С. 107—108.

³³ Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная столица России... С. 304—306.

на главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным катастрофической. В заседании Совета министров 18 августа он объяснял «обессиление деревни» наборами в армию или, по выражению Кривошеина, «реквизициями населения России для пополнения бездельничающих в тылу гарнизонов». К наиболее пострадавшим регионам относился Дальний Восток, где хлеб уродился великолепный, но оставался в поле. С подачи Кривошеина Совет министров отступил от прежней политики и признал возможным использование на полевых работах «желтого труда»³⁴.

Кадровый состав Общества во время войны пополнялся как либералами, так и социалистами. В 1916 г. в МОСХ наблюдалось усиление влияния социалистических идей, выражавшихся в предложениях введения всеобщего учета и контроля над производством и распределением, преодоления хаотичности и стихийности, присущих рыночно-капиталистической системе ведения хозяйства, усиления организованности. К началу 1917 г. связанная с аграрной наукой и производством интеллигенция, объединявшаяся вокруг МОСХ, приходит к выводу, что главным препятствием на пути усовершенствования и рационализации производственных отношений являлся самодержавно-бюрократический строй³⁵.

Итак, в годы Войны специалистов МОСХ занимал широкий спектр вопросов. Это были проблемы функционирования российского сельского хозяйства и сельскохозяйственного машиностроения, перспективы преодоления их зависимости от импорта иностранной науки и техники. Аграрная наука все более тесно увязывалась с практикой, чутко реагируя на нужды времени и выявляя причины нехватки сельскохозяйственных машин и оборудования, недосева полей, кризиса продовольствия, ратуя за привлечение наемной рабочей силы и поддержку сельских хозяев губерний, занятых неприятелем и др. В ряде вопросов МОСХ тесно контактировало с ГУЗИЗ. Совместно с правительственными и земскими учреждениями им были предприняты меры по адаптации сельского хозяйства к войне, по устройению крестьянского хозяйства, по развитию агрономии и кооперации. Общественники участвовали в работе правительственных органов по перестройке сельского хозяйства, а правительственные чиновники доверяли прогнозам общественников и поддерживали многие их предложения. Однако по мере радикализации российской общественности в 1915 и 1916 гг. позиция МОСХ становилась все более оппозиционной правительственным мероприятиям в социальной сфере.

Общественная экспертиза вопросов дороговизны

Общество имени А.И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете приобрело в годы войны статус научного центра по изучению дороговизны. Дороговизна возникла как на почве нехватки продовольствия, так и ввиду затруднений с доставкой грузов по железным дорогам.

³⁴ *Яхонтов А.* Тяжелые дни: (Секретные заседания Совета министров 16 июля—2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. М., 1993. С. 79.

³⁵ *Куреньшев А.А.* Сельскохозяйственная столица России... С. 296.

К весне 1915 г. она достигла существенных размеров: главные предметы потребления — мука, хлеб, масло, молоко, крупы, дрова — возросли в цене на 50—60% по сравнению с довоенным временем. В апреле 1915 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков потребовал от руководителей местных администраций «обратить самое серьезное внимание на причины вздорожания предметов первой необходимости и... не допускать спекуляции ими...»³⁶. Начиная с весны 1916 г. Департамент полиции составлял помесечные сводки сведений о беспорядках и волнениях на почве дороговизны, придав тем самым продовольственному вопросу государственное значение³⁷.

Инициаторами проведения работ по исследованию дороговизны стали ВСГ и ВЗС. Когда возник спрос на экспертов в данной сфере, то ими выступили чупровцы. Им надлежало ознакомиться с проявлениями дороговизны и выработать меры борьбы с ней. Весной 1915 г. экономистами-чупровцами составлена предварительная программа действий, включавшая в себя регистрацию явлений, обуславливавших дороговизну, научное их освещение, а также экспертизу мер борьбы с ней. Исследование дороговизны общественники планировали осуществлять системно, с учетом факторов, ее сопровождавших: объемом производства продуктов потребления, условия транспортных перевозок, состояние торговых и банковских операций, денежного обращения, посевных площадей. Дороговизна изучалась повсеместно, уделялось особое внимание обеим столицам как крупным потребительским центрам. Для исследования дороговизны решено привлечь специалистов разных областей экономического знания. В работе участвовали Н.И. Астров, А.А. Мануйлов, С.Н. Прокопович, А.В. Чаянов, В.Г. Громан и другие видные экономисты и статистики³⁸.

Разработанная при участии чупровцев программа исследований дороговизны была обоснована в докладе ученого-экономиста А.А. Мануйлова. Она была разбита на три блока вопросов, связанных с изучением проявлений дороговизны, ее причин и следствий, а также практических мер борьбы с ней. Мануйлов отмечал, что явление дороговизны представляет исключительный научный интерес, однако ее крайняя острота отодвигает теоретические вопросы на задний план и требует скорейшего практического рассмотрения. В докладе статистика В.Г. Громана намечены приемы проведения статистического исследования дороговизны. Итогом обсуждения было признание исследований явлений дороговизны и мероприятий по борьбе с ней неотложной общественной потребностью, а также решение проводить их силами ВЗС, ВСГ и научных обществ³⁹.

На мартовских совещаниях 1915 г. при Обществе имени А.И. Чупрова обсуждалось также влияние войны на состояние крестьянского хозяйства. Аграрник А.В. Чаянов говорил о неравномерности этого влияния, о том, что война усиливала одни стороны крестьянского хозяйства и ослабляла другие. Была выработана программа изучения данного вопроса, к сбору сведений

³⁶ ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 130. Л. 3—3 об., 86.

³⁷ Там же. Л. 135—138, 188, 207—208 об.

³⁸ Там же. Ф. 102. ДП 00. 1915. Д. 104. Л. 43—50 об.

³⁹ Выработка общего плана работ по изучению современной дороговизны. М., 1915. С. 8—13; Совещание статистиков при Чупровском обществе // Русское слово. 1915. 29 марта.

приглашались земские статистические бюро. Работы решено было проводить под руководством Общества Чупрова с составлением данных по губерниям и империи в целом⁴⁰.

В марте 1915 г. Чупровским обществом начаты работы по прогнозированию предстоящего урожая хлебов в России. Официальная статистика этим вопросом не занималась, а земская освещала его недостаточно. Планировались также работы по статистике народного образования. Визитной карточкой мартовских совещаний статистиков при Обществе имени Чупрова была критика экономических мероприятий правительства. Она раздавалась в ходе обсуждавшихся там вопросов о размерах предстоящего урожая и запасов хлебов, об обеспечении армии продуктами и фуражом, о неудовлетворительном финансовом положении земских служащих. Разговоры о недостатке внимания официальных структур к народному хозяйству сопровождались заявлениями о необходимости объединения усилий общественности: научных и кооперативных организаций, ВЗС и ВСГ⁴¹.

Призывы статистиков к консолидации общественности на решение экономических вопросов вызывали раздражение правительства. Начальник Московского охранного отделения доносил в Департамент полиции, что «об истинном идейном основании совещания» позволяли судить речи С.Н. Прокоповича, В.Г. Громана и С.С. Жилкина на прощальном обеде участников. В них содержались призывы к улучшению положения земских тружеников: объединению работ по земской статистике, проектированию общеимперской пенсионной кассы для земцев, от которой до профессионального объединения земских работников пролегал, по мнению начальника московской «охранки», всего шаг. Преступный мотив усматривал начальник Московского охранного отделения и в резолюциях совещаний об объединении усилий земских статистиков в изучении дороговизны, урожая, влияния войны на крестьянское хозяйство. Консолидируя силы земских служащих, а также давая в их руки общероссийскую статистику, статистики и экономисты, по словам полицейского чиновника, работали на аграрную революцию, способствуя устранению разногласий в аграрном вопросе между народниками и марксистами. Действия чупровцев, по мнению правительства, были демонстрацией «бессилия... мероприятий официальных сфер» и доказательством значимости их оппонентов — Городского и Земского союзов⁴².

В объединении действий научных обществ и учреждений местного самоуправления, пусть даже в целях разрешения значимой для воюющего государства задачи стабилизации народного хозяйства, правительственные чиновники видели оппозиционный настрой. Становятся понятными предпринятые правительством шаги по созданию весной—летом 1915 г. на правах высших государственных учреждений для руководства экономической жизнью России особых совещаний по обороне, по обеспечению топливом путей сообщения, по перевозкам и по продовольственному делу. Особые совещания были

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. ДП 00. 1915. Д. 104. Л. 43 об.—44; Русские ведомости. 1915. 27 марта.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. ДП 00. 1915. Д. 104. Л. 45—50.

⁴² Там же. Л. 51—52.

призваны показать преимущества решения хозяйственных вопросов бюрократией, хотя и в союзе с общественностью, но при руководящей роли первой⁴³. Наряду с представителями правительственных инстанций совещания включали в себя сотрудников ВЗС и ВСГ, законодательных учреждений.

Ревность официальных структур к действиям статистиков обуславливалась осознанием ими большого значения общественных статистических работ. Нельзя не согласиться с тем, что статистики из Чупровского общества получили весной 1915 г. общественное признание важности своих исследований⁴⁴. Как констатирует В.М. Шевырин, вопрос о мерах борьбы с дороговизной, занявший центральное место в работе Особого совещания по продовольствию, решался в направлении, на котором настаивали представители обоих Союзов и ряда научных обществ: установления твердых оптовых и розничных цен, а также такс как важных звеньев плана урегулирования снабжения⁴⁵.

Таким образом, правительство, несмотря на все свое недоверие к общественности, уже весной 1915 г. следовало в фарватере предложенных общественниками мероприятий по борьбе с дороговизной. Как объяснял ситуацию летом 1915 г. начальник Московского охранного отделения А.П. Мартынов, «вопросы таксирования цен, урегулирования рынков и вообще дороговизна продуктов потребления» обсуждались населением так же напряженно, как и «недостаточно внимательная и заботливая» позиция в данных вопросах властей⁴⁶.

Статистики-чупровцы критиковали допускаемые особыми совещаниями фальсификации в освещении социально-экономических явлений, оставаясь при этом открытыми к конструктивному сотрудничеству с властью. В 1916 г. помыслы статистиков были сосредоточены на идее создания в России единого органа по проведению статистических работ ввиду подготовки к проведению общеимперской сельскохозяйственной переписи⁴⁷. Идея переписи высказывалась статистиками еще в 1915 г. на совещании статистиков при ВСГ в ноябре 1915 г., а также на московском статистическом совещании по продовольствию в декабре 1915 г., организованном уполномоченным по продовольствию в Московской губернии. Идеологом переписи выступила Комиссия по вопросам земской статистики при Обществе имени Чупрова⁴⁸.

Статистики М.И. Богомазов, В.Г. Громан и А.И. Поплавский раскритиковали на декабрьском совещании 1915 г. план продовольственных перевозок, предложенный Особым совещанием по продовольствию. По их мнению, данный план не мог именоваться планом продовольственной кампании, поскольку страдал односторонностью. Он учитывал только закупки, привязывая к ним транспорт. Статистики предложили совещанию руководствоваться их

⁴³ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне... С. 132—136.

⁴⁴ Тропов И.А. К вопросу о восприятии власти российской интеллигенцией накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: история и психология. СПб., 1999. С. 87.

⁴⁵ Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914—1917): Аналитический обзор. М., 2003. С. 70—71.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 130. Л. 24 об.

⁴⁷ Тропов И.А. К вопросу о восприятии власти... С. 88.

⁴⁸ Общество имени А.И. Чупрова. Комиссия по изучению современной дороговизны // Агрономический журнал. Издание Харьковского общества сельского хозяйства. 1915. Вып. 5. С. 130.

планом, который учитывал не только закупки и их транспортировку, но и последующее распределение продуктов. Итогом обсуждения стала резолюция о незамедлительном переходе к переписи населения, посевных площадей, запасов продовольствия и скота на основаниях, указанных статистиками в ноябре 1915 г. К выработке предварительного плана перевозок планировалось приступить немедленно. Отмечалось, что к использованию приемов статистического исследования для разрешения грозной продовольственной проблемы ученые-общественники призывали неоднократно⁴⁹.

Запланированную всероссийскую сельскохозяйственную перепись статистики признавали «грандиозным общегосударственным начинанием», способным учесть все сельскохозяйственные ресурсы Российской империи, включая запасы продуктов питания, количество посевов и скота, численность сельскохозяйственного населения. Чупровцы рассматривали перепись неотъемлемым элементом построения продовольственного плана снабжения армии и населения продуктами первой необходимости. Отсутствием такого плана они объясняли хаос, царивший в продовольственном деле. Однако правительство согласилось с этой идеей только весной 1916 г., ассигновав на проведение переписи 3 млн руб. Постановление о проведении всероссийской сельскохозяйственной переписи было вынесено Особым совещанием по продовольствию 19 марта, а уже 15 апреля в помещении экономического отдела ВСГ собрался съезд статистиков. Сюда съехалось около 200 человек и ключевую роль здесь играли статистики из чупровского общества⁵⁰.

В.Г. Громаном предложен план организации переписи, одобренный съездом. Он настаивал на том, чтобы организационное руководство было возложено на комиссию опытных активных работников, избранных съездом и признанных ВСГ и ВЗС. Планировалось создание общеимперского органа переписи в составе представителей правительственных, муниципальных учреждений и общественных организаций при непосредственном участии ученых — экономистов и статистиков. Дискуссионным явился для съезда вопрос о переписи запасов продовольствия. По мнению ряда экономистов (профессор А.А. Кауфман, В.Г. Громан, С.С. Жилкин), ее не следовало осуществлять, поскольку она могла побудить население скрывать свои запасы. Перепись запасов, как полагали специалисты, вообще была трудно осуществимой, поскольку пришлось бы принимать во внимание и урожай, и потребление, и покупку, и продажу, и даже уплату священникам за требы натурой и пр. Их оппоненты, напротив, настаивали на проведении переписи запасов для планирования продовольственной политики. Однако первая точка зрения возобладала, и съезд принял решение подсчитывать только население и скот. Было решено организовать десятидневные курсы при высших учебных заведениях для подготовки кадров статистиков для осуществления переписи⁵¹. Подготовка сельскохозяйственной переписи являлась основополагающим делом для статистиков-чупровцев в 1916 г.

⁴⁹ Статистическое совещание по продовольствию // Русские ведомости. 1915. 30 дек.

⁵⁰ Съезд статистиков // Там же. 1916. 16 апр.

⁵¹ Съезд статистиков // Там же. 18—20 апр.

* * *

Таким образом, участие в военной мобилизации способствовало сплочению представителей профессионального сообщества экономистов вокруг вывода России из общенационального кризиса, а также усилению его влияния на решение актуальных народнохозяйственных вопросов. Крупнейшие научные сообщества экономистов заметно расширили сферу деятельности за счет новых направлений работы (борьба с дороговизной продуктов питания, с недосевом полей, нехваткой рабочих рук и техники и др.), а также структур и институтов для решения социально-экономических вопросов (отделов по преодолению безработицы, совещаний по продовольствию и дороговизне и др.). Работавшие в них специалисты — экономисты, статистики, ученые-агрономы и др., расширяли проблематику исследований, способствовали развитию отечественной науки и техники, повышению их престижа и конкурентоспособности. В то же время они все больше отдавали приоритет прикладному знанию, ориентированному на потребности военного времени, стремились приспособить научное знание к делу мобилизации ресурсов страны и обороны страны. Очевидно, что роль ученых-экономистов в решении народнохозяйственных вопросов существенно возросла, крепили связи науки с промышленностью.

Отношения интеллектуалов и государства носили, вместе с тем, неоднозначный характер. Поначалу сплотившиеся вокруг власти ученые вскоре стали критиковать экономическую и техническую политику правительства, а также высказывать надежды на либерализацию политического строя. Участвуя в мобилизации, общественность, как писал либеральный политик В.А. Маклаков, стремилась не только быть полезной стране, но и «воочию показать преимущество “общественной” работы над “бюрократической”»⁵².

Недостатки существовавшей модели государственного управления, с одной стороны, и нежелание государства учитывать растущий авторитет и влияние российских ученых в деле устройства тыла приводили к разрушению декларативной концепции единства власти и общественности начального периода войны. Власть стремилась к мобилизации, однако она и препятствовала ей своими действиями и подозрением научной общественности, рассматривая ее не как союзника, а как конкурента. Свидетельством тому было приостановление целого ряда инициатив экономистов Вольного экономического общества, подозрительность к статистикам из Общества имени А.И. Чупрова и т.д. Активная общественная позиция ученой элиты нередко заслоняла для правительства их преисполненную патриотизма научную и практическую деятельность.

---

⁵² *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России: (воспоминания современника). Париж, 1936. С. 130—131.

Булдаков В.П.

1914 г.: война, Россия, студенчество

Анатолий Евгеньевич Иванов давно признан на Западе дуайеном историографии русских университетов и высшего образования XIX — начала XX в. Считается, что его уровень владения документальным материалом не имеет аналогов в мировой историографии¹. Лично мне фигура «Толяна» — так я привык его мысленно называть! — не кажется столь монументальной. В каждом «аксакале» от науки сидит не только «ученый-собираатель», но и «студент-провокаатор». И черты такого «хулиганства» особенно заметны у незаурядных исследователей.

Примечательно, что, изучая университетскую жизнь, А. Иванов обращает внимание не только на «степени и звания», но и на парадоксы и страсти *студенческой* жизни. А студенчество, как известно, всегда считалось барометром общественных настроений. В его поведении можно разглядеть черты будущего всей страны. Особенно в критические моменты истории.

Не секрет, что недавняя коммеморация начала Первой мировой войны выявила настырное желание нашей «патриотической» литературы выдать противоречивые эмоции 1914 г. за неизменное стремление всего народа к единению вокруг престола. Западная историография усомнилась в устойчивости подобной тенденции на примере своих стран: тогдашние патриотические эмоции были мимолетными и противоречивыми². А. Иванов давно высказался на этот счет. «Война не принесла внутреннего мира политически расколотому русскому студенчеству», — писал он. Иначе не могло и быть.

Любовь к родине не следует путать с верностью высокому начальству. 13 октября 1914 г. на митинге в Петербургском политехникуме один из студентов заявил: «Я бы вступил в бельгийскую армию, во французскую, но в ряды русской армии вступать считаю невозможным, так как русская армия защищает свое правительство, которое в прошлом достаточно показало себя и даже арестует... готовых сражаться за родину». Возник феномен перверсии больших ожиданий: революция и война в возбужденном сознании словно поменялись местами. «...Мы пойдем, но нашим гимном будет “Марсельеза”», — писали в своей листовке студенты-эсеры 10 октября 1914 г. Осудив попытки студентов-академистов толкнуть молодежь «на дорогу рабского патриотизма и угодничества», левое юношество призывало своих товарищей оставаться верными «заветам старого студенчества и возвысить свой голос за честь и достоинство родины»³.

¹ History of Universities. Vol. XX. No. 2. Oxford, 2007. P. 229.

² См.: State, Society, and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge (MA), 1997. P. 225; Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge (MA), 2006. P. 76—83, 92—97; 99—101; Ferguson N. The Pity of War. L., 1998. P. 177; Ziemann B. War Experiences in Rural Germany. 1914—1923. Oxford, N.Y., 2007. P. 19—23.

³ Иванов А. Студенты в окопах // Родина. 1993. № 8/9. С. 150, 151.

Конечно, патриотическая эйфория сказывалась и в студенческой среде, включая крайних интернационалистов: сторонникам Ленина одно время даже не подавали руки⁴. Но с чем было связано это явление? Попытаюсь показать это на материалах перлюстрации (с помощью которой российская власть пыталась выявить грозящие ей опасности). Частично к этому материалу добавлены дневники наставников студенчества: они позволяют скорректировать представления об эмоциональных всплесках того времени.

Разумеется, в рамках данной статьи воссоздать объемную и вполне адекватную картину столь зыбкого явления вряд ли возможно. Речь пойдет преимущественно о событиях одного лишь 1914 г. Именно этот период был временем наибольшей растерянности общества в целом, студенчества в особенности. Надеюсь, что данные наброски помогут Иванову со временем сочинить, как всегда, нечто более серьезное.

* * *

Войну ждали. Причем поначалу на нее больше надеялись, нежели боялись⁵. Порывы любви к историческому отечеству зачастую являются производным от страхов перед неведомым будущим и тупиками личной судьбы. «Ура, наконец-то я получил назначение, — писал немецкий студент-юрист незадолго до своей гибели в сражении на Марне. — Мы победим! Да и не может быть иначе при столь могущественной воле к победе. Дорогие мои, гордитесь тем, что вы живете в такое время и являетесь представителями такого народа»⁶. Так думали и чувствовали тогда многие представители нового поколения. К сожалению, даже профессиональные исследователи зачастую не замечают подобных парадоксов общественного воображения, порожденных критическими обстоятельствами. Сказывается склонность к упрощенному истолкованию «неожиданных» явлений. А этим, как известно, охотно пользуется власть, готовая использовать общественные страхи в своих собственных интересах.

Разумеется, тут сказывалось влияние патриотической пропаганды. 17 июля 1914 г. в Кузнецком уезде Саратовской губернии толпа, узнав о мобилизации, устроила патриотическую манифестацию с пением гимна и криками «Ура!», «Да здравствует Россия и Сербия!». Примечательно, что манифестацию возглавили бывший студент Г. Виноградов и член театрального кружка А. Докучаев. Все это выглядит по-своему символично. 20 июля состоялась новая манифестация, собравшиеся кричали «Да здравствует Россия, Сербия и Франция!». В общем, набралось до 400 человек, пели гимн и «Спаси, Господи, люди твоя», кричали «Да здравствует Николай II!». Возглавлял процессию все тот же Виноградов⁷. Однако происходило и нечто противоположное. В Царицыне мобилизация обернулась беспорядками — также не без участия студентов. Некая Вера писала 1 августа 1914 г.: «Во время мобилизации у нас

⁴ *Островитянов К.В.* Думы о прошлом. М., 1967. С. 88.

⁵ См.: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015. С. 10, 28, 65—66, 176.

⁶ Цит. по: *Руткевич А.М.* Идеи 1914 года. М., 2012. С. 19.

⁷ *Посадский А.В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 49—50.

был большой скандал... Бабы из-за своих мужей избили кого-то из полиции... Был отдан приказ солдатам стрелять и в результате чуть ли не 80 чел. раненых, 20 убитых. Убит студент Гончаров, гимназистка какая-то...»⁸.

Вера в интернационализм и социализм перед лицом национальной угрозы не могла не пошатнуться. «Я рад, что арестовали социал-демократов, — писал 19 ноября 1914 г. неустановленный петроградец. — Они идиоты. Хвастаются тем, что из всех с.д. Европы они глупее всех... Говорят.. что только они истинные патриоты. Наши же с.д. настоящие предатели»⁹. Другие студенты, напротив, возмущались арестом социал-демократических депутатов Государственной думы. 12 ноября в столичном университете даже состоялась однодневная забастовка протеста в связи с этим, полиция произвела аресты¹⁰.

Интернационалистские установки подчас понимались более чем своеобразно. Так, некоторые студенты готовы были поверить, что «Вильгельм несет свободу, а Россия ее уничтожает» (идеи такого рода признавались студентами «несвоевременными и бестолковыми») ¹¹. Были и такие, кто призывал «сдаваться немцам, потому что они культурны»¹². В Одессе возникли проблемы особого рода. Как сообщал неустановленный автор 23 ноября 1914 г., бойкот немецкого языка школьники превращают в «патриотическую демонстрацию». А на берегу моря, «по указанию гулявших студентов, арестованы двое, осмелившиеся вслух разговаривать по-немецки»¹³. Вряд ли подобное верноподданство могло принести здоровые плоды. «Ложно понятый патриотизм нравственно искалечил не одних только студентов», — писали из той же Одессы¹⁴.

Со временем в определенных, причем противоположных, политических кругах сложилось довольно однозначное представление о «реакционности» студенчества. «Десятки тысяч рабочих и сотни тысяч горожан... были совершенно выбиты из колеи и покорно шли на призывные пункты... Настроение создалось угрюмо сдержанное и подавленное, и только на Невском бесновались “патриоты”... Учащаяся молодежь в своем подавляющем большинстве ударились в шовинизм и патриотизм», — утверждал задним числом большевистский автор¹⁵. «Сейчас студенты смешались с толпой погромщиков», — сходным образом уверял автор либерального толка¹⁶. Строго говоря, такого в принципе не могло быть, но именно так могли увидеть события наблюдатели

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1121 (письмо было направлено Б.П. Дудову в Москву).

⁹ Там же. Л. 1899 (письмо направлялось студенту В.А. Фурсу в Москву).

¹⁰ Там же. Д. 979. Л. 71 (письмо Ф.И. Седенко из Петрограда от 17 ноября 1914 г. В.М. Гамбургу в Одессу).

¹¹ Там же. Д. 999. Л. 1829 (письмо студента Зарубина из Москвы от 10 ноября 1914 г. П.П. Любимову в Казанский университет).

¹² С такими заявлениями в сентябре 1914 г. выступал некий Захария (Шакро) Леванович Хибирбеков, бывший студент. См.: Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 20.

¹³ Там же. Д. 1000. Л. 1027 (письмо адресовано ученику 1-й гимназии И.Е. Заблудовскому в Москву).

¹⁴ Там же. Д. 1001. Л. 2080 (письмо А. Мельникова от 16 декабря 1914 г. В.И. Мельникову в Копорье Ярославской губ.).

¹⁵ *Арский В.* В Петрограде во время войны (Из воспоминаний) // Красная летопись. 1923. № 7. С. 75—76.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2202 (письмо Э. Левонтина из Рязани от 22 октября 1914 г. кн. Е.Н. Трубецкому в Москву).

определенного политического настроения. Люди склонны «спрямлять» хаотичную действительность, к восприятию которой они не готовы.

Как известно, мобилизация обернулась в России целой серией пьяных бунтов¹⁷. Весьма нервно вели себя и студенты. «Испуг неожиданности» проявлял себя по-разному. «Мне кажется, события застали врасплох, — признавался 15 августа 1914 г. один из революционных пропагандистов в письме эсеру В.В. Ангарскому в Париж. — Газеты о военных операциях нещадно лгут, о внутренней жизни ни единого слова». При этом он отмечал «индифферентизм среди студенчества»¹⁸. Но кое-кого «квасной патриотизм» раздражал. Некий Е.Б. писал во Францию: «Я себя тут чувствую самым мерзостным образом, вся Россия представляется такой дрянью, что и думать страшно... Наше так называемое общество (либеральное), затем “барометр общественного настроения” — студенты — это прямо черт знает что такое. Все общество охвачено каким-то гипнозом. Патриотическая манифестация студентов с коленопреклонением на площади Зимнего дворца, на той самой площади, где было 9-е января... От этих фактов прямо руки опускаются...»¹⁹. Некоторые задним числом утрировали происходящее, обвиняя во всем официальную пропаганду. «Проповедь победы бушевала, поднимаясь для ослепленного безумства, опускаясь до грубой лжи, и ложь переходила в издевательство над здравым смыслом, — так писал со временем один нижний чин. — Захлебываясь умиленным восторгом, беззастенчивый журналист посвящал длиннейшую статью, как “молодой, самый нежный цвет нашей доблестной армии рвется в бой, горя желанием исполнить свой долг перед родиной”»²⁰. Впрочем, некоторые профессора замечали иное: «На студентах война отразилась мало... Не идут по доброй воле на войну, а силой их пока не берут»²¹. Встречались и такие отзывы: «Сколько я не спрашивал студентов, переживали ли они подъем патриотического чувства, все говорят, что нет. Был только страх, как бы опять не разгромили наших, а подъема не было...»²². В верхах патриотическими манифестациями студентов восхищались; между тем левые политики в искренности юношеских чувств сомневались²³. «Правительство боится, чтобы студенчество под флагом помощи раненым не сплотилось и потом не представило бы организованную интеллигентную массу, — писал 16 сентября некий Борис из Петрограда. — Уже здесь чинят препятствия к самостоятельной помощи студентов»²⁴. Сомнительно, что правительство, опасаящееся неумеренного патриотизма своих верноподданных, может рассчитывать на успех в войне.

Разумеется, студенческая германофобия подпитывалась соответствующей пропагандой. Пресса взалел писала о насилиях над русскими туристами и

¹⁷ См.: Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 16, 19—21, 37—38, 40—41.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 77.

¹⁹ Там же. Д. 978. Л. 43.

²⁰ Падучев В. Записки нижнего чина. 1916 год // Падучев В. Записки нижнего чина. 1916 год; Оськин Д. Записки прапорщика. М., 2014. С. 30—31.

²¹ Савин А. Н. Университетские дела. Дневник, 1908—1917. М.; СПб., 2015. С. 345.

²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 994. Л. 1370.

²³ Там же. Д. 996. Л. 1588, 1589.

²⁴ Там же. Д. 995. Л. 1461 (письмо адресовано киевскому студенту С.Ш. Калустову).

учащимися, которых война застала в Германии. Сообщалось, к примеру, что студент Б., обучавшийся в берлинском университете и имевший ранее множество приятелей среди студентов-немцев, в момент объявления войны получил от своих «друзей» плевки в лицо. А немецкий шущман нанес ему 14 ран по голове²⁵. И подобных сообщений было множество.

Иной раз воинственность студенчества определяла застарелая этнофобия. 9 августа 1914 г. студенту Б. Назарянцу в Киев некий соплеменник из Баку сообщил, что на границе с Турцией сконцентрировалась масса русских войск, «среди них громадное число армян и грузин», которые «рвутся в бой», хотя свести «старые счеты с турками». Он считал, что каждый армянин, «как бы он ни был против войны, все же с удовольствием пойдет сейчас драться». Правда, он опасался последствий собственного патриотизма: «Семья остается одна, лошадей забирают»²⁶. Аналогичным образом некий Гурген из Харькова 24 октября 1914 г. сообщил: «У нас среди студентов сильное течение поехать в армию». Впрочем, этот член партии Дашнакцутюн тут же добавлял, что по его мнению, «быть воином не так важно»²⁷. В другом письме отмечалось, что «кавказцы почти все ушли добровольцами против турок»²⁸. Впрочем, в тогдашней обстановке готовность выдать желаемое за действительное была весьма велика.

Не могла не сказаться подогреваемая прессой шпиономания, не говоря уже об образе «внутреннего врага». Так было по всей Европе. «Мобилизация французских войск проходит, по-моему, с замечательной точностью и в большом порядке... — сообщал некий русский студент из Монпелье. — В день объявления войны кричали, что через несколько дней будут в Берлине. Но, наравне с этим энтузиазмом, грубые инстинкты населения дали себя знать в такой грубой форме, о которой и говорить больно. Всякого, кого только могли принять за немца, толпа готова была убить на месте, ибо в ее глазах всякий немец военный шпион»²⁹. Порой германофобия принимала причудливые формы. Так, во Франции считали, что места скопления проституток являются центрами германского шпионажа, а гомосексуализм — символ декадентского вырождения нации, от которого следует избавиться, ибо такой внутренний враг хуже немца³⁰. В Австро-Венгрии, по свидетельству Стефана Цвейга царил разгул шовинизма: «Студенты-бурши в университете поочередно избивали то евреев, то славян, то католиков»³¹. Газеты воюющих стран пестрели сообщениями, словно составленными по одному трафарету: немецкая (французская и пр.) медсестра перерезает горло раненому пленному противнику. Все это так или иначе сказывалось на общественной психике.

²⁵ Война. 1914. № 1. С. 10.

²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1201.

²⁷ Там же. Д. 978. Л. 59 (письмо адресовано в Москву студенту В. Тер-Теросянцу в Коммерческий институт).

²⁸ Там же. Д. 998. Л. 1738 (письмо И. Лаппо из Юрьева от 30 октября 1914 г. адресовано В.Г. Дружинину в Петроград).

²⁹ Там же. Д. 992. Л. 1122 (письмо от 1 августа 1914 г. направлено И.К. Белоцерковскому в Кишинев).

³⁰ *Le Naour J.-Y. The Great War between Degeneration and Regeneration // Uncovered Fields. Perspectives in First World War Studies. Leiden; Boston, 2004. P. 185, 187.*

³¹ *Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М., 2004. С. 59.*

Новый импульс получил антисемитизм. «Откроешь газету, так смотреть про-тивно... — писал некий Саша из Петрограда. — Голос улицы, голос толпы, невежественной и некультурной толпы, гонявшейся за сильными ощущениями, толпы, которая уже познала запах крови. Правды не ищи, а ложь до того сшита белыми нитками, что нудно подчас делается... И порою думаешь, кто же сражается? Наша армия, или эти презренные репортеры? Кто командует? Наши генералы, или всякого рода корреспонденты? Кто страдает, кто оплакивает жертвы?.. Родина, народ, семьи... или эти еврейчики, эти шустрые ремесленники печати, которые склоняют и спрягают слово “Великая Русь”... Если бы патриотизм их был естественен, то все можно было бы понять. Патриотизм великоросса понятен... Но патриотизм еврея, битого и сейчас избиваемого еврея — кто же всему этому поверит?»³² Другой настроенный черносотенно студент писал 19 октября 1914 г. из Харькова: «Вы отлично знаете о весьма неприглядном положении дел в нашем университете и о влиянии жидовском в нашем храме науки. Профессура наша играет им в руки». Этот «истинный» патриот, со своей стороны, публично заявлял, что «враги у России всегда были и будут», причем «первый и злейший ее враг — это проклятый жид...». Характерно, что после таких речей на студенческой сходке его сразу же объявили «провокатором и шпионом». Он, впрочем, не успокоился, намереваясь издать «разоблачительную брошюру». В другом письме сей «патриот» возмущался тем, что «наши жида от имени всего студенчества» осмелились отправить царю верноподданническую телеграмму³³.

В некоторых случаях уже в 1914 г. этнофобия оборачивалась против власти. Петроградец Володя 22 октября 1914 г. уверял киевского студента И.А. Вышемирского, что рука об руку «идут и правительство, и лакейство, и польские наемники»³⁴. Многие студенты никак не могли определиться с «врагами» и «друзьями». Вероятно, так было и в обществе в целом: официозам не верили, свою «веру» подрастеряли.

После того, как 17 сентября 1914 г. были отменены отсрочки от военной службы для студентов, Петроградский политехникум в 1915—1916 гг. отправил в армию 1615 студентов; Институт инженеров путей сообщения в 1915 г. 400 человек; Московский коммерческий институт в 1916 г. 1800³⁵. Похоже, часть студентов горела искренними патриотическими чувствами. 10 октября 1914 г. в университетских городах по случаю скорой отправки в армию студенты, свидетельствовал профессор А.Н. Савин, «ходят толпами с портретом Государя, поют “Боже царя храни”, останавливаются перед домами местных начальствующих лиц и союзных дипломатических представителей с просьбой послать патриотические телеграммы, перед военными памятниками становятся на колени и поют “Вечная память”». В ответ «местные сановники выходят, горячо благодарят за патриотические чувства и обещают немедленно послать

³² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1550 (письмо адресовано «студенту-механику А.А. Ковалевскому» в Харьковский технологический институт).

³³ Там же. Д. 997. Л. 1657—1657 об.; Д. 978. Л. 65 (письма были адресованы студенту Е.Л. Беляеву в Киев).

³⁴ Там же. Д. 997. Л. 1675.

³⁵ Борщукова Е.Д. Общественное мнение населения Российской империи о Первой мировой войне и защите отечества. СПб., 2012. С. 28—29.

телеграммы». Складывался определенный ритуал. Впрочем, Савин подмечал характерный нюанс: «Монополия портрета и гимна отбита у дубровинцев и пуришкевичествующих студентами, в которых многие по старой, но и в старину фальшивой привычке, все еще видят кто революционеров, кто “либералов-идеалистов”... Я радуюсь всему, что хоть в некоторой степени способствует русскому освобождению от немцев, которых, кстати сказать, я очень высоко ставлю, несмотря на всю их противность. *Fiatvoluntastua*»³⁶. Впрочем, даже те корреспонденты, которые сообщали, что «среди студентов настроение патриотическое», признавались, что сами они к патриотическим манифестациям относятся критически, каритативные акции, вроде сборов «солдатикам на табак», вызывают у них отрицательные эмоции. А, по слухам, одного политехника-академиста даже «избили за верноподданническую телеграмму»³⁷.

На этом фоне проявил себя своеобразный «милитаристский» снобизм. Новоиспеченные офицеры из студентов, приехав на побывку, иной раз заявляли: «Черт ее знает, что у вас в тылу делается... Вот на фронте, все как один. Да у нас каждый солдат душу отшибет, если ему скажут, что мы не побьем немцев. Тогда для чего было столько жертв...»³⁸. Впрочем, после знакомства с окопной жизнью военный энтузиазм обычно выветривался. Так, некий М. Вебер из Одессы сообщал 22 октября 1914 г. студенту А.А. Веберу в Киев: «Совсем напрасно тебе хочется быть среди воюющих». У раненых офицеров, которые «шли на войну с большим энтузиазмом», сообщал он, «теперь точно вымерло в душе». Причину он видел в том, что на фронте «несправедливостей масса, людей не жалеют совершенно, часто посылают на бесцельную верную смерть»³⁹.

Разумеется, сказывался фактор ресентимента — подавленной в прошлом агрессивности⁴⁰. Так, московский студент уверял казанского студента, что «отдельные личности» идут на войну «с охотой», ибо «лучше умереть героем, чем прозябать»⁴¹. Подобная воинственность подчас проявляла себя неожиданно. «В Москве при явном попустительстве полиции разгромили несколько немецких магазинов, побили очень много оконных стекол, — свидетельствовал все тот же А.Н. Савин. — По слухам среди погромщиков были не только гимназисты, но и студенты. Правда, очень многие студенческие организации поспешили газетно отмежеваться от погромщиков»⁴². Информация об участии студентов в беспорядках выглядит противоречивой⁴³. Скорее всего,

³⁶ Да сбудется воля твоя (лат.). Савин А.Н. Университетские дела. С. 347—348.

³⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1653.

³⁸ Падучев В. Записки нижнего чина... С. 30.

³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 68.

⁴⁰ Первым заговорил об этом феномене Ф. Ницше, затем пытался уточнить М. Шелер. См.: Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 69.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999. Л. 1828 (письмо Зарубина от 10 ноября 1914 г. П.П. Любимову).

⁴² Савин А.Н. Университетские дела. С. 348.

⁴³ Некоторые москвичи осуждали участие студентов в беспорядках (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 78; Д. 979. Л. 69; Д. 997. Л. 1629), другие их «не замечали» (Там же. Д. 997. Л. 1624, 1647), зато видели в случившемся следствие «кричащего патриотизма», который «ужасно действует на нервы и делает жизнь невыносимой» (Там же. Л. 1616). Скорее всего, слух был связан с тем, что «одновременно с началом погромов происходила большая студенческая манифестация, что дало повод распустить сплетню, будто студенты принимали участие в погроме» (Там же. Л. 1621).

именно таких действий от возбужденных студентов ожидали — потому и ползали соответствующие слухи. Во всяком случае, ни в разгроме немецкого посольства 22 июля 1914 г. в Петрограде, ни в 1915 г. в знаменитом немецком погроме в Москве студенты не были специально отмечены⁴⁴.

Довольно обстоятельное, хотя и наивное описание студенческих настроений оставил в письмах на имя А.М. Бондаренко в земскую амбулаторию в Марьиной роще В.Я. Пчелкин из Петрограда. 9 октября он возмущался тем, как оппозиционное в прошлом университетское студенчество «манifestировало на Невском». Для него это было «слишком тяжелое зрелище»: пели «Боже, царя храни!», раздавали свечки. 15 октября он сообщал, что «призыв студенчества в войска вызвал возбуждение», причем в первых рядах оказались «академисты». Прозвучал, однако, свист и оглушительный крик «долой» по их адресу. Появилась также «прокламация университетской группы эсеров, из которой ясно видно, что вопреки распространенному мнению, далеко не все студенчество охвачено патриотической эпидемией». Пчелкин уверял, что «социалистически мыслящее студенчество остается верным себе... твердо помнит заветы своих предшественников». Ему казалось, что на войну оно идет «не с радостью, как это всюду говорят и пишут, а просто повинувшись роковому ходу событий». Более того, согласно эсеровской листовке, оно готово либо умереть с пением «Марсельезы», либо «вернутся живыми во главе полков солдат» — естественно, для свержения правительства. 18 октября Пчелкин сообщал о появлении в университете «обращения трудовой группы к студенчеству», в котором говорилось «о верности прежним заветам и лозунгам». А 27 ноября по поводу смерти ненавистного министра просвещения Л.А. Кассо он писал, что «кончился еще один кошмар русской жизни, длившийся целых четыре года», признаваясь при этом, что «даже свежеразрытая могила не утешит во мне мстительного чувства»⁴⁵.

Стоит заметить, что Кассо ненавидели столь сильно, что одной из причин его смерти называли последствия избиения его своими же соотечественниками, застрявшими в начале войны в Германии⁴⁶. Готов был поверить в это и Пчелкин, мечтавший, чтобы этого «изверга» настигла «рука мстителя»⁴⁷. На деле 49-летний Кассо умер от рака. Что касается Пчелкина, то поток его «антиправительственных» писем скоро прекратился — скорее всего, не по его вине.

Как бы то ни было, некоторые студенты уже в 1914 г. пытались противостоять обычным для того времени шапкозакидательским порывам. «Патриотические» безобразия осуждались. Некий Е.Д. из Москвы писал 29 октября 1914 г. кадету В.А. Жардецкому в Омск, что «студенты и курсистки выглядят неприглядно — цепляют ленты национальных цветов, бьют стекла немецких магазинов». Он отмечал также, что студенты устраивали манифестации перед памятником Столыпину в Киеве, а в Москве «один наш туляк, бывший с.р.

⁴⁴ См.: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. С. 282—283, 287—291.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 13, 37, 48; Д. 979. Л. 79.

⁴⁶ Об этом писал, в частности, студент Новороссийского университета П. Федоренко 16 сентября 1914 г. земскому врачу Е.И. Руденко в Полтавскую губернию. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 66.

⁴⁷ Там же. Д. 978. Л. 48 об.

сам нес портрет царя». Свой патриотизм тот новоиспеченный «патриот» якобы объяснял просто: «Время такое». «Это какое-то рабство времени... шовинизм невежества», — заключал автор письма⁴⁸. А некий Геннадий сообщал из столицы о «возмутительных» и «непростительных» настроениях у студентов, поющих, как и все, «Боже, Царя» и «Спаси Господи...». Он утешал себя тем, что «в массе же студенты, хотя и отважно идут в действующую армию, но идя, остаются эрами, деками и т.д. и, свернув шею кайзеру, свернут ее и дяде Коле» (Николаю II. — В.Б.). Он отмечал, что даже в ходе патриотических манифестаций среди студентов раздавались свистки, порой они пели «Вы жертвою пали...», требовали амнистии для политзаключенных. И все же, полагал он, «надо признаться, есть еще холопство даже у студентов»⁴⁹. Словно в ответ из Харькова сообщали, что среди студентов «опять намечается революционное брожение». Автор этого письма возмущался: «Ну, как не поймут эти господа, что они поддаются и идут на провокацию немцев». Ему казалось, что студенты менее дальновидны, чем крестьяне, и горожане, и рабочие, с восторгом встречавшие императора. «Дело благомыслящего студенчества... не дать омрачить столь торжественный момент единения нашего Государя со своим народом, — утверждал он. — Только при таком условии мы сможем сбросить ненавистное немецкое иго»⁵⁰. Очевидно, война спутала привычные ценности и символы.

Вряд ли тогдашний «патриотизм» простых людей многого стоил. Что касается студентов, то их настроения были наименее устойчивыми. Так было по всей Европе. Перед бешенством шовинизма — «заразной кровавой яростью», по словам Р. Роллана — «никто не устоял»⁵¹. Но пока сравнительно со своими европейскими братьями российские студенты вели себя сдержанно. Известный историк П.Г. Виноградов, вернувшись из Англии, сообщал, что «из Оксфорда ушло в армию больше двух третей студентов»⁵². Впечатляли и сообщения о патриотизме буршей. В России, напротив, шумели, говорили о «расколе» в студенческой среде, обвиняя «академиков», сохраняющих свое влияние⁵³. Некий неуставленный автор сообщал из Петрограда: «У нас разделилось студенчество на две партии: одна требует амнистии и против войны, другая против них идет. Вчера такие горячие споры были, просто ужас... В такую минуту, по-моему, только подлецы могут говорить о требовании от правительства амнистии. А в университете, я слышал, будто бы еще более резкое разделение студентов. Что-то будет!»⁵⁴ В письме от имени петроградской «трудовой группы», адресованном известному деятелю Союза городов кадету Н.В. Тесленко в Москву, сообщалось, что 10 октября студенты университета вынесли резолюцию о необходимости широкой амнистии политическим заключенным. Делался вывод, что,

⁴⁸ Там же. Д. 998. Л. 1728.

⁴⁹ Там же. Л. 34 (письмо А.М. Васильеву в Харьков от 13 октября 1914 г.).

⁵⁰ Там же. Д. 1000. Л. 1947 (письмо из Сум от 25 ноября 1914 г. адресовано Н.М. Петрищеву в Москву).

⁵¹ Роллан Р. Виновники и жертвы войны. М., 1917. С. 7.

⁵² Савин А.Н. Университетские дела. С. 355.

⁵³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 44.

⁵⁴ Там же. Л. 46 (письмо от 14 октября 1914 г., подписанное «Шидун», предназначалось студенту Н.И. Морозову из Москвы).

несмотря на попытки, «исходящие из кругов академистов, толкнуть на дорогу рабского патриотизма и угодничества», они «остались верными заветам старого студенчества»⁵⁵. В Харькове тоже была небольшая манифестация, организованная технологами и ветеринарами. В ходе ее дело дошло до драки: «избили одного академика». Сообщали также, что «особенно взволновала студенчество речь архиепископа Антония (Храповицкого), который сказал, что видно студенчество уже образумилось и стало на истинный путь, и пожелал, чтобы студенчество всегда шло рука об руку с правительством»⁵⁶. Как видно, такая установка не соответствовала превалировавшим студенческим настроениям. Что касается избиения «академиста», то возможно, как отмечалось в другом письме, это был представитель «Союза Русского народа» Бялый, который вздумал записывать речи «антиправительственных» ораторов. Поскольку он отказался показать свои записи, «все набросились на него и стали дубасить»⁵⁷.

Разумеется, в некоторых случаях студенты своим показным патриотизмом пытались опровергнуть ходячее общественное представление о самих себе. До войны образ внутреннего врага ассоциировался с либералами и революционерами, студентами и евреями. Об этом знали. Отсюда и соответствующие манифестации.

Как бы то ни было, к концу года многим казалось, что волна казенного патриотизма схлынула. «Шовинизм и панславизм, которых можно было опасаться, и которые появились в самом начале военных действий, не выдержали быстро сгустившейся атмосферы и лопнули, не успев раздуться, — уверял неизвестный автор из Харькова. — Отношение серьезное и вдумчивое наблюдается во всех слоях населения, причем не только сознаются задачи настоящего момента, но еще более значительную роль отводят событиям, которые должны будут наступить после окончания войны... Что лучше всего иллюстрирует мою мысль, это факт отсутствия патриотических манифестаций, несмотря на небывалую популярность, которую пользуется эта война. Несколько попыток организовать их при помощи наемной публики и уличных мальчишек кончились так скандально, что их пришлось запретить. И это во всех провинциальных городах... В учебных заведениях... был целый ряд сходов... можно быть уверенным, что учащиеся больше не примут участие в подобных манифестациях»⁵⁸. В других письмах сообщалось, что в столичных вузах «осень прошла очень бурно», было много сходов, «торжествовали союзники (вероятно, имелись в виду черносотенцы. — *В.Б.*), но появились и оппоненты»⁵⁹.

Впрочем, далеко не все студенты были настроены агрессивно. Из писем видно, что у столичных медиков был целый ряд кружков (эсеры, социал-де-

⁵⁵ Там же. Л. 67.

⁵⁶ Там же. Л. 35 (письмо не установленного автора от 15 октября 1914 г. К.Г. Гельбах в Петроград).

⁵⁷ Там же. Д. 979. Л. 3 (письмо от 7 ноября 1914 г. было адресовано П.П. Гриневу в Петроград). Такая же версия событий излагалась и в письме некой Люси из Харькова от 1 ноября 1914 г. студенту А.С. Синявскому в московский сельхозинститут. См.: Там же. Д. 998. Л. 1758.

⁵⁸ Там же. Д. 980. Л. 20 (письмо от 19 декабря 1914 г. было адресовано М.А. Дмитриеву, бывшему студенту Московского технического училища, в Лондон).

⁵⁹ Там же. Л. 10 (так писала некая Вега из Москвы 12 декабря 1914 г. известному большевику А.Я. Аросеву в Чердынь Пермской губернии).

мократы, сионисты, толстовцы) и объединений (литературные и драматические)⁶⁰. Писали также о деятельности «Петроградского студенческого христианского кружка», о том, что в Москве среди студентов «заметно возрос интерес к религии»⁶¹. Между прочим, сообщали, что «в юбилей Толстого в Коммерческом институте и на Высших медицинских курсах были небольшие волнения»: обсуждалась смертная казнь военного времени, причем «студенты действовали серьезно и чересчур смело»⁶².

Вечером в январе 1915 г. в Москве в университетской столовой с примечательным названием «Трезвая Татьяна» состоялась студенческая вечеринка — вроде бы по случаю Татьянинного дня. Затем толпа в 300—400 человек двинулась по улицам с пением «русской революционной марсельезы и “Вихри враждебные веют над нами”». У памятника Пушкину студенты пропели «вечную память ему и Толстому, а заодно и градоначальнику А.А. Адрианову и с криками “долой Адрианова” двинулись по Тверскому бульвару». Шествие продолжалось до 4—5 ночи, встречные присоединялись к нему, «произносились очень и очень горячие революционные речи, покрываемые ураганами аплодисментов». Полиция делала вид, что ничего не видит и не слышит. В газетах на следующий день в прессе уклончиво сообщалось, что русское студенчество умеет веселиться и без спиртных напитков⁶³.

Разумеется, за появившимися со временем антивоенными и пацифистскими настроениями могло скрываться заурядное шкурничество. «Я уже не верю в благополучный исход войны и боюсь, что скоро... начнется повторение 1905 года, — писал неустановленный автор (А.К.) из Харькова 7 ноября 1916 г. профессору М.П. Чубинскому в Петроград. — В последнее время начал просыпаться “сознательный” товарищ. Впрочем, даже нечто худшее: протестант-студент, укрывающийся от воинской повинности всеми правдами и неправдами, кричащий: “Долой войну”...»⁶⁴. Но наиболее ощутимым к концу 1916 г. стало тотальное разочарование в происходящем. «Как реагирует студенчество на последние события в стране? — задавался вопросом неустановленный корреспондент и отвечал. — По Петрограду ходит очень много стишков, карикатур и т.п. изображений нашей милой действительности в большинстве случаев порнографического характера. Какие-то темные силы пропагандируют студенчество, разбрасывают грязные прокламации... Штюрмериада, Протопоповиада и пр. “ады” действуют на публику угнетающе, но что делать? Выступать на активный путь нельзя, так как это было бы игрой в руки Германии. Вообще человечество зашло в какой-то мрачный тупик, где слышен запах крови и разлагающихся трупов»⁶⁵.

⁶⁰ Там же. Д. 978. Л. 58 (письмо Ф.Т. Гринбаума от 17 октября 1914 г. адресовалось А. Фефербойму в Одессу).

⁶¹ Там же. Д. 979. Л. 6 (письмо С. Ланевского из Москвы от 7 ноября 1914 г. П.Н. Николаи в Петроград).

⁶² Там же. Д. 980. Л. 21 (письмо А.И. Бояршинова из Киева от 17 декабря 1914 г. священнику И. Бояршинову в Соликамск Пермской губ.).

⁶³ Там же. Д. 1003. Л. 74 (письмо из Москвы от 26 января 1915 г., подписанное «Владимир Б.», было адресовано студенту П.А. Сироткину в Варшаву).

⁶⁴ Там же. Д. 1059. Л. 947.

⁶⁵ Там же. Д. 1065. Л. 1527 (письмо предназначалось студенту В.С. Макову из Москвы).

В таких условиях трудно было ожидать от молодых людей ясности мыслей и целеустремленности поступков. Зато возможно было спонтанное недовольство по тому или иному поводу. К 1917 г. это стало вполне очевидно. «Произошли студенческие беспорядки... — возмущенно писали из Киева. — Студенты, готовящиеся в школе прапорщиков, заявили, что не желают посещать школу, если евреям не дадут равноправия». Неустановленный автор письма, названный перлюстратором «Ирод», уверял, что «киевские жида» называют нового министра просвещения графа П.Н. Игнатьева «нашим министром». В связи с этим у него возникло характерное настроение: «Руки опускаются при таких фактах. Могут ли быть такая страна и такой народ могучими и победителями? Нет, мы обречены на гибель»⁶⁶. Однако противостоять антивоенной тенденции было некому.

Уже в конце 1914 г. некоторые пытались анализировать тогдашнюю психосоциальную ситуацию. «Духовная физиономия студенчества последних лет... стала непохожею на ту, какую мы привыкли видеть в недавние... времена... — писал 16 декабря А.И. Мельников из Одессы В.И. Мельникову в Копорье Ярославской губернии. — Причины... кроются гораздо глубже, нежели в обстоятельствах военного времени... Среди современного студенчества несомненно существуют группы идеалистически настроенных, не утеревших надежды в лучшее будущее... Придут дни, когда люди очнутся от безумия, в которое вовлекли их война... Ложно понятый патриотизм нравственно искалечил не только одних студентов... Нынешняя война низвела человека с пьедестала высшего существа в природе на степень какого-то загадочного сфинкса, черты которого кажутся странными и непонятными. В психике человечества вскрылось великое множество темных, необъяснимых элементов, присутствия которых мы не подозревали. И трудно сказать, что нас еще ожидает впереди... Большинство догм, на которых базируется духовная жизнь человечества, слишком несовершенны, голословны и неубедительны...»⁶⁷.

Вероятно, проще было бы сказать, что вся европейская цивилизация забрела в тупик, выход из которого неясен. Однако людям не свойственно признаваться в собственных ошибках. А потому все умозрительные доктрины оказываются неустойчивыми: они то и дело опрокидываются, подобно не оправдавшим ожиданий идолам. В России это стало заметно уже в 1914 г.

---

⁶⁶ Там же. Д. 1066. Л. 1640 (письмо от 12 декабря 1916 г. было адресовано Н.К. Воликовской в Елизаветград).

⁶⁷ Там же. Д. 980. Л. 27.

Розенталь И.С.

К вопросу о прогрессе: большевизм и прогрессизм

Прошло две сотни лет с тех пор, как Н.М. Карамзин авторитетно объяснил современникам, что есть народное просвещение и есть нечто противоположное — народное затемнение. Эту истину не раз заставляли вспоминать коллизии российской истории.

Труды Анатолия Евгеньевича Иванова всегда меня восхищали. Такой без преувеличения гимн культуре и просвещению способен написать только большой историк. Убедая читателя анализом гигантского объема фактов. Вызывая из прошлого множество лиц, образующих своими помыслами, поступками и многоголосьем живую ткань истории — студентов, профессоров и преподавателей, тех, наконец, правительственных деятелей, кто так или иначе влиял на характер высшей школы. Кстати, одним из героев преподносимого к его юбилею очерка является любимый исторический персонаж Анатолия Евгеньевича, отставной министр народного просвещения граф И.И. Толстой. С его именем связаны планы радикальной демократизации высшего образования.

* * *

Как правило, нет единства мнений относительно того, что в мотивах деятельности людей, в преследуемых ими целях можно считать заведомо несбыточным, а что осуществимым. Эти мнения и по прошествии продолжительного времени могут оставаться идеологически окрашенными. Однозначно ли в таком случае само понимание прогресса, во имя которого совершались более или менее масштабные деяния? Как влияли на их результаты, условно говоря, утопизм и реализм?

В.И. Ленин видел в том, что из России были «изгнаны» помещики и капиталисты, главный и притом, безусловно, позитивный итог пятилетнего пребывания большевиков у власти. Большевики победили «в основном», и тем самым, утверждал он в январе 1923 г., революционным путем созданы предпосылки необходимой для движения к социализму цивилизованности. Уровень цивилизованности, достигнутый Россией к 1917 г., был для этого недостаточен («беспорное положение», по словам Ленина), а к 1923 г. этот уровень стал еще ниже, страна, по его признанию, была отброшена назад¹.

Большевики, ознакомившиеся первыми со статьей Ленина «О нашей революции», выделяли ее из ряда других, продиктованных им в конце жизни. Они считали, что «в этом растаптывании так называемых “объективных предпосылок”, в смелости не считаться с ними, в этом призыве к творящей воле, решающему и всеопределяющему фактору» — «весь Ленин»². Это не совсем

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378—382.

² Валентинов Н. Суть большевизма в изображении Ю. Пятакова // Новый журнал. 1958. № 52. С. 148—149.

так. Продолжая привычно клеймить «героев Второго Интернационала», сам по себе фактор «объективных предпосылок» прогресса Ленин не отрицал, но из них полностью изымались «помещики и капиталисты», их деятельность, — без какой-либо дифференциации, но вместе с «буржуазной» интеллигенцией, с приобретениями той культуры в широком смысле, носителями которой они являлись. Они лишились собственности, власти, права голоса, возможности полного самовыражения, в значительной мере была разрушена старая система организации социума — «иначе вообще не могут делаться революции».

Но если у настоящих революционеров, какими были для Ленина только его последователи, приоритет всегда за тактикой — сначала ввязаться «в серьезный бой», «а там уже видно будет», — то не столь очевидна вторая часть ленинской мысли или, точнее, схемы. Явилось ли именно «изгнание», то есть разрушение по преимуществу, залогом прогресса и восхождения на более высокую ступень цивилизационного развития, чем та, с которой Россия стартовала в 1917 г. в неясное — по меньшей мере — будущее? Ответ на этот вопрос предполагает, в частности, обращение к исходно альтернативному истолкованию прогресса и цивилизованности, включая разные оттенки тех представлений о настоящем и будущем России, какие имелись до 1917 г. у современников, но не единомышленников Ленина³. Между прочим и у тех, кто демонстративно избрал понятие «прогресс» своим знаменем, — у прогрессистов, оформившихся в политическую партию в 1912 г. Об этой не главной в досоветском политическом спектре либеральной партии написано в последние десятилетия не так уж мало, в том числе о ряде ярких деятелей центристского направления, об их идеях (работы прежде всего Н.Б. Хайловой⁴).

Напомним характерный для историографической ситуации 90-х годов прошлого столетия эпизод освоения фактического материала и освобождения от постулатов, не обеспеченных фактами. Приложения, помещенные в конец монографии В.Н. Селецкого о прогрессизме, опрокидывали своей конкретикой тезис, по инерции приводимый в основном тексте книги: образование партии прогрессистов знаменательно прежде всего тем, что обнаружило желание русской буржуазии создать настоящую, однородно буржуазную по составу партию «либерального капитала»⁵. Но прямолинейно «классовый» подход упрощает все оригинальное. Из приводимых в приложении данных о составе руководящей верхушки партии видно, что предприниматели составляли половину членов московского отделения ее ЦК, а среди членов петербургского отделения их было всего лишь трое. В составе фракции прогрессистов в IV Государственной думе был один фабрикант — А.И. Коновалов. Среди членов

³ Об эволюции соответствующих философских представлений в либерализме см.: Багдасарян В.Э. Прогресс // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 765—767.

⁴ Хайлова Н.Б. Революция 1905—1907 гг. в судьбе либерала-центриста князя В.М. Голицына: по страницам дневника // Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства. М., 2016; Хайлова Н.Б. Клуб независимых // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века... С. 411—412.

⁵ Селецкий В.Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996. С. 349—353. Ср.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 244—245.

фракции мы находим крупных землевладельцев из дворян и, наряду с ними, крестьян, мещан, священников.

Имелись, стало быть, в этой внешне пестрой компании и «изгнанные» позже помещики и капиталисты. Два члена ЦК прогрессистов, о взглядах которых пойдет далее речь, сходны тем, что оба принадлежали к титулованной аристократии, но типичными аристократами не были, — граф Иван Иванович Толстой и князь Владимир Михайлович Голицын. О высоком их общественном и нравственном авторитете свидетельствовало избрание обоих (в разное время, причем Голицын избран трижды) главами столичного городского самоуправления, петербургского и московского. Состояли они и на государственной службе, более продолжительный срок Голицын, но ощущали себя, прежде всего, общественными деятелями и деятелями культуры.

Этим сходство не исчерпывается, хотя и различий достаточно, они нашли выражение, в частности, в особенностях их дневников. Дневник Толстого, более «деловой», первый раз опубликован из-за недостатка средств с сокращениями, но в 2010 г. переиздан уже целиком под редакцией Б.В. Ананьича. Многотомная рукопись Голицына, насыщенная размышлениями по чрезвычайно широкому кругу вопросов, трудна для полной публикации, но также привлекает в последнее время внимание исследователей, хотя, несомненно, обещает еще многое (Голицын думал, что его дневник — «точное и верное изображение внутренней жизни» — имеет цену только для него самого, но с этим нельзя согласиться)⁶.

О сущности прогресса как всеобщей тенденции Голицын высказался на страницах дневника задолго до оформления партии прогрессистов, 28 мая 1904 г., подчеркнув, что его суждение едва ли не общепризнанно: «Лишь предрубежденные или близорукие люди могут отрицать прогресс в человечестве, его движение вперед, его улучшение». Это не только успехи знаний и техники, не только улучшение условий жизни, но также «правовая и нравственная сторона ее», так как «бесчисленные уродства» прошлого «навсегда отошли в область забвения, уничтожены под благотворным влиянием просвещения». Главное тому доказательство — то, что принципы 1789 г. «легли в основу современных государств всего мира. Права личности, равенство перед законом и проч. — это все такие истины, которые ничем не поколеблешь...» Отсюда повышенный интерес Голицына к истории умственной жизни и просвещения. Войны, разбои, придворные интриги его нисколько не привлекают. Он

⁶ Неполную библиографию сочинений Толстого и Голицына и посвященных им исследований см.: Российский либерализм середины XVIII — начала XX века... С. 187, 947. См. также: *Голицын В.М.* Дневник 1917—1918 годов. М., 2007; *Толстой И.И.* Дневник. В 2 т. СПб., 2010. 2 т.; *Ананьич Б.В.* И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007; *Ананьич Б.В.* И.И. Толстой и С.Ю. Вите в Совете министров (ноябрь 1905 — апрель 1906) // Труды Объединенного научного Совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2006. СПб., 2007; *Розенталь И.* Прогрессист Голицын и его дневник // Россия XXI. 2007. № 4. С. 118—137; *Кошкидько В.Г.* Московский городской голова князь В.М. Голицын // Ярославский педагогический вестник. Т. 1. Гуманитарные науки. 2012. № 2; Деятели либерального движения в России. Середина XVIII в. — 1917 г. Справочник и электронная база данных. М., 2012; *Нестеров И.П.* Московский городской голова князь Владимир Михайлович Голицын (1897—1905): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

различает в истории борьбу, одушевленную идеалами прогресса, и борьбу разрушительную⁷.

Возвращаясь в 1908 г. к мысли о неодолимости нового — «прошлое [было] всегда в конце концов побеждено» — Голицын ссылается на опыт истории, на здравый смысл и психологию человека. Целью человечества должно быть «созидание будущего, а не воскрешение прошлого» уже потому, что это важно не для мертвых, а для ныне живущих людей и для работы с ними⁸, — мысль, не потерявшая актуальности, что не удивительно в свете исторического опыта России, советского и несоветского, с причудливым переплетением обещаний «светлого будущего» и исторических мифов, превращаемых в «национальную идею». Правда, вопрос о пропагандистской эксплуатации прошлого перед Толстым и Голицыным еще не стоит, в начале 1900-х гг. этот метод властвования еще в зародыше, неразвиты и нужные для этого средства воздействия.

В России «предвзятый традиционализм», «преклонение перед старым порядком», «приверженность к самобытному» носит, как представляется Голицыну, своекорыстный характер и скрывает заботу о себе, о своих выгодах, о своем покое. В этом сказывается и национальный эгоизм, слепая гордость, «так охотно откалывающая узко-народное от общечеловеческого», которого «в нас мало»⁹.

Политическим идеалом Голицын и Толстой считают конституционную монархию, противоположную, по их представлению, существующей в России бюрократической системе. Об этом Толстой нашел нужным прямо сказать императору в 1905 г. при своем назначении министром народного просвещения в правительстве Витте: «Бюрократический режим совершенно непригоден для России... Россия им загублена». Тот правопорядок, что сохраняется в России, по его оценке (так же, как всех других либералов), — «азиатский». Но в 1905 г. Толстой, подобно многим, преисполнен оптимизма. Благодаря Манифесту 17 октября, записывает он, Россия «одним росчерком пера» превратилась в правовое государство и в конституционную монархию. В 1910 г. ему приходится признать этот вывод поспешным: «обещания так и остались пустыми обещаниями без серьезного намерения исполнить хоть одно из них», оптимист он лишь в отношении отдаленного будущего. И Голицыну вместе с гласными городской думы день 17 октября представлялся «великим днем» лишь в тот момент¹⁰.

Ближайшая цель, таким образом, отдалялась, и вопрос о путях ее достижения приобретал все большее значение. Позже, после того, как в феврале 1917 г. монархия пала, и страна фактически стала республикой, исторический путь, пройденный Россией ранее начиная с декабристов, представлялся Голицыну «последовательным и строго логичным процессом». Он снова примкнул бы к сторонникам лишь такой монархии, которая бы прочно гарантировала правовой строй, но не монархии «прежнего вида», не способной к трансформации¹¹.

⁷ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 75. Т. 25. Л. 24, 221; Т. 26. Л. 49 об., 298.

⁸ Там же. Т. 25. Л. 303.

⁹ Там же. Т. 26. Л. 71—72 об., 74 — 74 об., 369 — 369 об.

¹⁰ Там же. Л. 58, 59.

¹¹ Голицын В.М. Дневник 1917—1918 годов. С. 118—119.

Дослужившийся до чина тайного советника и должности московского губернатора (в 1887—1891 гг.), Голицын осознал себя конституционалистом не сразу. Это произошло после того, как он был выбран в 1897 г. московским городским головой. Он пишет о себе, что в сравнительно короткое время перестал быть убежденным носителем административной власти, консерватором, и стал беспощадным противником этой власти, «которой у нас более прилично наименование произвола». Впрочем, замечает он позже, в России понятие «конституционализм» нуждается в конкретизации, пока оно «довольно смутное и теоретическое» (то есть абстрактное)¹². Против не критических заимствований европейских институтов высказывался и Толстой. По его убеждению, «чистый парламентаризм на английский или французский образец», со сменой министров по нескольку раз в год, — не для России, это не устранило бы крайней централизации управления и всевластия бюрократии.

И тот и другой видят «единственный путь к прогрессу, к обеспечению благоустройства и порядка, к достижению политической и гражданской законности» в децентрализации и самоопределении общин, городов, профессий, в расширении полномочий и демократизации земств, в распространении самоуправления на всю Россию. Между тем, отмечает Голицын, правительство «боится общества и потому держит его в дремоте», и даже многим общественным деятелям еще чужд «принцип самоопределения общественных единиц». По Толстому, в области государственного устройства реализация этого принципа, включая автономию Польши, будет граничить с федеративным строем¹³.

Несмотря на связи с правящей элитой и включенностью в дворянскую среду (а может быть, как раз благодаря этим связям и доскональному знанию этой среды), Голицын и Толстой видели в сословном строе и привилегированном положении дворянства институты отжившие. Голицын откровенно признается, что испытывает к дворянству как таковому враждебное чувство, — «даром, что принадлежу к нему». Не только вследствие убежденности в равенстве людей перед религией, законом и правосудием, но также из-за бросавшейся в глаза, начиная с наблюдений за дворянскими выборами 1873 г., «исключительной заботливости» дворян о своих сословных привилегиях и преимуществах при полном непонимании своей роли — «государственной, общественной и землевладельческой».

Еще более Голицын непримирим, когда едко характеризует хорошо знакомые ему типы, воспитанные «в смрадной атмосфере Петербурга, при дворе, в салонах, в военной службе», представители которых воображают, что им «сам Бог велел править Россией, быть ее хозяином», а «Россия призвана им служить», — сановников, военных, «обворовывающих свои команды», «петербургских женщин», претендующих на политическую роль, и «очень распространенный тип», сочетающий в себе «афериста, царедворца, хама, вельможи и чуть не хулигана». Крайне низко оценивая культурный уровень и пригодность бюрократии к делу как следствие своеобразной негативной селекции вместо

¹² НИОР РГБ. Ф. 75. Т. 25. Л. 18—18 об.

¹³ Толстой И.И. Дневник. 1906—1916. СПб., 1997. С. 30; НИОР РГБ. Ф. 75. Т. 30. Л. 9, 447 об., 492 об.

целенаправленной подготовки управленцев и воспитания в них чувства долга, Голицын не отделяет бюрократию от носителей высшей власти, которых знал вблизи: Александр III, согласно его оценке, — «тупой эгоист», Николай II — «бесхарактерный мистик, не знающий, что делать и куда идти», в противоположность «светлому образу Александра II», сумевшего пойти «навстречу желаниям и стремлениям народа», «его время — высшее воплощение царства»; для молодого Голицына было счастьем видеть Александра II и его сподвижников¹⁴.

Во всех рассуждениях Голицына и Толстого о государственном переустройстве России аксиоматично допускалось, что в массовом сознании существует та же иерархия целей и предпочтений и что необходимое просвещение народа не отменяет тождества его чаяний и прогресса в либеральном понимании. Что это не вполне так, стало сознаваться, можно сказать, с запозданием. Но стремление учесть специфически российские реалии все же было.

В рассматриваемых дневниках отразилось, наряду с отторжением традиционных институтов, характерное для прогрессизма скептическое отношение к некоторым чертам «нового строя» — к непродолжительной еще многопартийности, к практике партийной деятельности и взаимоотношений между партиями, к устойчиво конфронтационному характеру политической культуры. Критика (например, со стороны Милюкова: прогрессисты-де боятся партийности как огня) долго на них не производила впечатления¹⁵. Толстой и Голицын разделяли и развивали взгляды М.М. Ковалевского и В.О. Ключевского, которые еще в 1905—1906 гг. сочли партийное размежевание преждевременным. Оно, шаблонно копируя зарубежные образцы, разъединяет общество, сословное деление которого устарело, а классы, способные выдвинуть собственных своих представителей, еще не сложились¹⁶.

Толстой и Голицын понимают, что «пререкания, полемика и конкуренция... способствуют прогрессу, общему движению», они наблюдают это на Западе, не избежав при этом его идеализации. Но их разочаровывает политическое движение в России, отчасти легализованное после манифеста 17 октября, оно «свелось к простой партийной борьбе, затормозило жизнь... эта жизнь как бы попятилась назад». Так обстоит дело и с прессой, публикуемые статьи и брошюры, пишет Голицын, «отравлены партийными полемиками», в то время как ни одна партия пока «не проявила себя работоспособной, пригодной к созидательному труду». Поэтому он вне партий, по той же причине он в числе основателей в январе 1906 г. внепартийного Клуба независимых в Москве, его избирают президентом клуба, который вместе с газетой «при клубе» должен явиться «ядром политического центра»¹⁷.

¹⁴ Розенталь И. Прогрессист Голицын... С. 127—130; НИОР РГБ. Т. 25. Л. 132, 220 об.; Т. 26. Л. 83, 357 об.

¹⁵ См. об особенностях прогрессизма (либерального центризма) как течения и о типе центриста-политика: Хайлова Н.Б. Революция 1905—1907 гг. в судьбе либерала-центриста князя В.М. Голицына... С. 71—72 и др.

¹⁶ Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 351, 355. См. также: Розенталь И.С. Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М., 2015. С. 23—33.

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 75. Т. 26. Л. 94. О Клубе независимых см.: Хайлова Н.Б. Клуб независимых... С. 411—412.

По аналогичному, хотя и более позднему, мнению Толстого, ненависть оппозиционных партий друг к другу и, в частности, нетерпимость кадетской печати к инакомыслящим превратились в единственный козырь Столыпина. С другой стороны, он называет «анекдотом» то определение своих взглядов и министерской деятельности 1905—1906 гг., какое дал им П.Н. Дурново: Толстой-де был в правительстве Витте представителем кадетской партии самых крайних воззрений. Не отвергая если не всех, то многих кадетских принципов, Толстой не одобряет политическую платформу кадетской партии, которая, по его оценке, «сведется скоро к двум словам “ненависть к правительству”». В 1906—1907 гг. ближе ему мирнообновленцы, он сотрудничает в газете «Страна» Ковалевского и готов проголосовать за октябриста Милютину. Но «ни за что» не голосовал бы за кадетов Гессена и Набокова, вероятно, имея в виду, помимо газетной их деятельности, знаменитую фразу, произнесенную Набоковым в I Думе, проявление эйфории, в которой пребывали в то время все кадеты: «Исполнительная власть да покорится власти законодательной!». Возможно, подразумевается и Выборгское воззвание, которое Набоков подписал и защищал на суде над депутатами-«подписантами».

Имеет смысл отметить, что ретроспективно в этом пункте Голицын «радикальнее» Толстого: «Если бы послушались» тогда I-й Думы «и пошли по указанному ею пути, мы не видели того, что теперь происходит». Причем «многие из “наших” предвидели, к чему приведет безумный режим, так преступно проявившийся по отношению к I-й Думе», — так думает он после свержения этого режима в феврале 1917 г. Но до его падения и Голицын склонен был возлагать долю ответственности на ошибки «общества», которое впало в самообольщение, «вместо того, чтобы взять то, что само лезло в руки»¹⁸. С точки зрения Голицына, и правительство, и общество виной тому, что его идеал — конституция с общим избирательным правом — не может осуществиться. Правительство в страхе за свою безопасность не в состоянии провести преобразования, которые обеспечили бы самосохранение монархии, а с другой стороны, этому препятствуют «безумства и уродства крайних» и общая нетерпимость в лагере оппозиции — отсутствие уважения к своим противникам, «двойной стандарт» во всем¹⁹.

Толстому долго еще будет казаться, что взамен всех издержек партийности возможна «реальная политика», в том числе думские выборы, на основе не политических платформ, а доверия к личным качествам, честности и опытности. Однако все это не сработало, когда он сам баллотировался в III Думу. Вероятно, эта личная неудача в дальнейшем подтолкнула его к признанию необходимости единомышленникам-прогрессистам, наконец, оформиться в отдельную партию, но с теми же согласительными, посредническими целями²⁰.

Уникальной для своего времени страницей в истории российской ответственности явилась деятельность созданного Толстым «Кружка равноправия и братства». Задуманный весной 1905 г. как своего рода постоянная дискусси-

¹⁸ Голицын В.М. Дневник 1917—1918 годов. С. 125; НИОР РГБ. Ф. 75. Т. 25. Л. 288. О пике кадетской оппозиционности см.: Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

¹⁹ См. подробнее: Розенталь И. Прогрессист Голицын... С. 131—134.

²⁰ Толстой И.И. Дневник... С. 54, 29; Ананьич Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество... С. 84.

онная площадка, где обсуждалось бы положение «инородцев» в России хотя бы с академической точки зрения, участники кружка пошли затем дальше, выступив в мае 1907 г. с программой преобразований в этой и не только этой сфере (автор «программной записки» скорей всего сам Толстой). Она предлагала свое понимание «единого Отечества — России». Необходимость полного равноправия всех ее народов обосновывалось как соображениями справедливости, которая должна быть воплощением «человеческой правды», отражающей «всемирную, божественную Истину», так и интересами Отечества.

Одобренный в кружке документ призывал всех, кто разделяет такое понимание Отечества, работать во имя России «словом, письмом, делом» — «в обществе, в школе, в законодательных учреждениях, в торговом мире, в управлении, в судах». Используя «на пользу общую» умственные и культурные силы всех народностей, населяющих Россию, при условии неприкосновенности личности, ума, совести, языка. Необходимо умение уравнивать различные и часто противоречивые стремления, чтобы этические начала постепенно вошли в нравы и облагородили неизбежную борьбу частных интересов, вытеснив человеконенавистнические инстинкты. Члены кружка критиковали в печати националистическую политику правительства и распространение «заразы русского национализма», предлагая таким образом ей практическую альтернативу.

Сам Толстой постоянно следовал этим принципам, особенно в выступлениях против антисемитизма, но уход из кружка ряда деятелей, которые предпочли выполнению принятой кружком программы карьеру на государственной службе, обнаружил снова зыбкость установки Толстого на беспартийность и личные качества. Рассчитывая на постепенность осуществления идеалов кружка, независимо от изменений в государственном строе и вообще не затрагивая этот вопрос, Толстой допускал возможность сотрудничества лиц любых политических убеждений, от крайне правых — сторонников неограниченной монархии до крайне левых — сторонников «пролетарской республики»²¹. Последних, понятно, не нашлось. Но и первые, которых было и вначале немного, не могли удержаться в кружке антистольпинской ориентации.

Тем не менее, поиски равнодействующей разнородных интересов не прекращались. В политическом преломлении идеи Толстого получили развитие в форме ряда объединительно-координационных начинаний прогрессистов в Думе и вне ее, в том числе в инициативах А.И. Коновалова накануне и в период Первой мировой войны, вплоть до образования Прогрессивного блока. Эти сюжеты, их смысл и результаты детально изучались²².

Критика прогрессистами Столыпина, который в их глазах не был крупным государственным деятелем, объясняется между прочим применением идеально-нравственных критериев к оценке жизненности его планов, а также тем, что не все из происходивших перемен попадали в поле зрения обоих наблю-

²¹ Толстой И.И. Дневник... С. 120—121; Ананьич Б.В., Толстая Л.И. И.И. Толстой и «Кружок равноправия и братства» // Освободительное движение в России. Вып. 15. Саратов, 1992.

²² См.: Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905—1914 гг. М., 2004. Гл. 6; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014; и др.

дателей. Политика Столыпина неприемлема для них потому, что тот избрал главным средством «успокоения» репрессии, а альфой и омегой его политики остался крайний национализм. Правительство, считает Толстой, подготавливает, не сознавая того, новую революцию, накапливая элементы недовольства и ненависти. И уже после гибели Столыпина Толстой утверждает, что за 5 лет управления Россией он довел ее почти до того же положения, в каком она была до 1905 г. Голицын также видит лишь «безумную реакцию», «гниение» государства — «Россия пятится назад».

Толстой записывает и слова Витте: узкий национализм и преследование инородцев — «капитальнейшая ошибка, долженствующая привести к роковым последствиям». Вместе с тем он согласен с Витте и в том, что против такой ошибочной политики «никаких средств нет», так как во главе «узкого русского национализма» «сам государь»²³. Позднейшей параллелью этой части дневника Толстого явились записи Голицына в 1917 г., когда угроза распада России стала близка к реальности, и Голицын расценил это как «Божий перст, то есть правосудное возмездие за то, что она выросла путем захвата, завоеваний, насилий над другими народностями, имевшими такое же право на самостоятельное бытие... И вот настает час расплаты», — так же как «во внутренней нашей смуте нельзя не видеть подобного же возмездия за порчу народа, за вековое угнетение его»²⁴.

Фиксируя и учитывая в дневнике мнения современников, в том числе о Столыпине, в своих выводах Толстой самостоятелен. Согласие с Витте в критике Столыпина не помешало ему заметить, что и Витте, находясь у власти, бессознательно «готовил» развернувшееся в 1905 г. рабочее движение — видимо, тем, что до 1905 г. вообще отрицал наличие в России рабочего вопроса, требующего государственного вмешательства²⁵. Голицын, который в 1905 г. непосредственно столкнулся с рабочим движением в Москве, размышляет и о социализме. Еще раньше он пишет, что социализму принадлежит будущее, но это пока идеи о социальной справедливости, не вылившиеся в конкретные формы и тем не менее, на его взгляд, реальные. Пока, замечает он, трудно сказать, что общего между современными утопиями и конечным воплощением социализма. О социалистах он, видимо, мало что знает, по его мнению, они не разработали удовлетворительно такие важные для рабочих проблемы, как страхование, обеспечение в старости и по болезни и другие, но все же продвинулись дальше либералов-благотворителей. Воззрения социалистов радикального толка Голицына не интересуют²⁶. Но такой деятельный прогрессист, как Коновалов, решился

²³ Толстой И.И. Дневник... С. 277, 301, 374. О Николае II и Столыпине см.: Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011. С. 378—380 и др.

²⁴ Голицын В.М. Дневник 1917—1918 годов. С. 124—125.

²⁵ Толстой И.И. Дневник... С. 312. В 1895 г. министр финансов Витте в специальном циркуляре внушал фабричным инспекторам, что в российской промышленности «преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочими», это выражается «в заботливости фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечении и сохранении лада и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях», «в основе таких отношений лежит закон нравственный и христианские чувства» (Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 4. Ч. 1. М., 1963. С. 824).

²⁶ См.: Розенталь И. Прогрессист Голицын... С. 134—136.

на установление контактов не только с меньшевиками, но и большевиками. После событий 1905 г. ему ясно, что давление на правительство под лозунгом «защиты конституции» невозможно без участия рабочих.

Мировоззрение Голицына, Толстого, их единомышленников, таким образом, это не просто основанная на знании истории убежденность в прогрессивном развитии человечества. Как видно из всего сказанного, свойственный им реализм мышления проявился в первую очередь в ясном понимании значения для России начала XX в. такого фактора, обеспечивающего прогресс, как консолидация общества. Они в то же время отчетливо видели если не все, то многие разъединяющие общество дезинтеграционные явления и процессы, старые и новые.

Не случайно со страниц обоих дневников не сходит тема, унаследованная от предыдущего столетия, — как понимать патриотизм? Обоим авторам антипатичен «мелочный патриотизм», любовь к родине в «пошлом ее проявлении», «в пустых словах о силе, мощи или превосходстве». Размышляя о подлинном и мнимом патриотизме, Голицын спрашивает: «Кто больше патриот — кто любит Россию, или тот, кто ее ненавидит в том виде, в какой ее теперь привели, и желал бы видеть в другом». «Олицетворение “святой Руси” в попе, офицере и батюшке-царе» (вольный пересказ Уваровской формулы) возбуждает в Голицыне негодование. То же противопоставление находим у Толстого. «И эта шваль осмеливается называть себя патриотами!» — восклицает он, имея в виду «презренных борзописцев» из правых газет²⁷.

Уже в самом начале войны с Японией Голицын среди тех, для кого «благополучие России дороже загадочной Манчжурии и отвлеченной чести», он видит, что «геройства много, а разума мало». Поэтому он противник тех, кто считает, что для достижения полной победы «нельзя жалеть никаких жертв». По мере военных неудач в нем растет ненависть к войне, он мечтает о времени, когда война вообще отойдет в область предания. На рубеже веков эта мечта не казалась стопроцентно иллюзорной, поскольку реальную как будто основу для нее создавала прошедшая в 1899 г. 1-я Гагская конференция — попытка «положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупреждать угрожающие всему миру несчастья». Это, по мнению Голицына, не утопия, ненависть к милитаризму распространяется повсюду, отмечает он. Но надежды на близость в тот момент гармонии в международных отношениях не подтвердились, мало кто предвидел Первую мировую войну и никто — Вторую.

В 1904 г. Голицын уверен (и он не ошибался) в том, что его взгляд на войну с Японией соответствует настроению большинства населения: « $\frac{9}{10}$ России вовсе не понимают цели войны». Он не одобряет эту войну и тех, кто ее спровоцировал, и не сомневается, что война вызовет переворот, «крутую и беспощадную перемену нашего строя». Уроки истории говорят, что «побеждает тот, у кого дома все в порядке». Каков бы ни был исход войны, она покажет «слабость и негодность чиновничьего организма»²⁸. Точно так же уже после окончания войны резкость высказываний Толстого в адрес авторов

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 75. Т. 25. Л. 264; Т. 26. Л. 11, 14 об., 21; Т. 30. Л. 492.

²⁸ Там же. Т. 25. Л. 22 об., 50 об., 70, 122 об., 125 об., 174, 209, 217 об., 291 об.; Т. 26. Л. 353 об. и др.

«Нового времени» вызывалась между прочим проповедью на страницах этой газеты реваншизма. Журналист А. Столыпин, обругав только что образовавшееся «Общество Мира», пишет, что России «следует стремиться не к миру, а к войне, чтобы отомстить за поражение, даже с риском снова быть побитой» (декабрь 1909 г.)²⁹. Крайне правые именовали конвенции о законах и обычаях войны «жидо-масонскими», несмотря на инициативную роль в созыве Гаагской конференции русского правительства³⁰.

В период Первой мировой войны Голицын оставался «разумно убежденным» пацифистом, война, пишет он в 1917 г., — это длящийся уже три года «кошмарный позор». Он продолжал наивно надеяться на то, что и все политики, мыслители и монархи, осознав, в каком противоречии с разумом, человечностью и христианством находится война, позаботятся о том, чтобы эта война была последней в истории христианского мира. Но и в 1917 г. он, по-видимому, надеялся в большей мере на рост, вследствие всего, что принесла война, числа инстинктивно бессознательных пацифистов. К числу их он относил «наш пролетариат и все вообще низшие классы»³¹, однако в должной мере не считаясь с тем, насколько взрывоопасным становится соединение в один узел стремления прекратить войну и решить, наконец, замороженные правительством не менее насущные социальные вопросы. Нельзя сказать, что Голицын и Толстой обходят их в дневниковых записях. Но, как у всех либералов, у них не было того, что составило в обстановке войны преимущество ультрареволюционеров, — как выразился философ Ф.А. Степун, «внутреннего понимания зудящего “невтерпеж” и окончательного “сокрушай”»³².

Деление Голицыным российского общества на «воинствующих» и «мирных» оказалось неполным. В начале 1900-х гг. либералам и в том числе будущим прогрессистам еще не приходила в голову мысль о возможности появления в скором времени «третьей силы», тех, кто сделает ставку на использование бедствий войны «как можно лучше» для ускорения революции, перерастающей в гражданскую войну. Провозгласив в 1914 г. этот лозунг, в 1917 г. Ленин призывал не верить тем, кто «запугивает» гражданской войной, так как никакие «потoki крови» в гражданской войне будто бы не сравнятся с «морями крови», пролитыми во время летнего наступления русской армии³³. На самом деле потери убитыми и ранеными в этой попытке Временного правительства и командования переломить ситуацию на русском фронте составили 140 тыс. человек, тогда как за время гражданской войны население России сократилось на 11—15 млн (в годы Первой мировой войны безвозвратные потери России составили 3—4 млн человек)³⁴.

²⁹ Толстой И.И. Дневник... С. 281. См. также: Общество Мира в Москве = (Societe de la Paix de Moscou). Вып. 1. 1909—1910 гг. М., 1911; Истягин Л.Г. Звездный час российского пацифизма // Россия XXI. 2004. № 1. С. 62—93.

³⁰ Переписка и другие документы правых (1911 год) // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 139.

³¹ Голицын В.М. Дневник 1917—1918 годов. С. 20, 115.

³² Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 231.

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 314—328.

³⁴ Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII—XX вв. СПб.; М., 1998. С. 359, 360; Население России в XX веке. Т. 1. 1900—1939. М., 2000. С. 94—95, 139.

В своей апологии революции Ленин, не пытаясь охватить все катастрофические последствия для России двух войн — мировой и гражданской, пренебрег и этим показателем регресса, не намекнув хотя бы на число в реальности погибших, ни тем более эмигрировавших из страны и изгнанных против своей воли. В его построениях было больше приверженности доктрине, чем способности оценить все имевшиеся и утраченные возможности развития страны и в первую очередь ее человеческий потенциал. Если не все из «изгнанных», то большая часть могла бы так или иначе работать, говоря словами Толстого, «на общую пользу», и дело не только в разном понимании пользы. Правы поэтому те из современных биографов Ленина, кто констатирует несовместимость большевизма с человеческим измерением истории, которое кое-кто пытался впоследствии отыскать в его последних работах. Ленин-политик всегда «отвергал конкретного человека ради абстрактного целого»³⁵.

При всех различиях между Лениным и его наследниками эта коренная черта большевизма проявилась не только в ленинских оценках глубины падения страны и в изображении им грядущего прогресса. После Ленина — в модернизации по-сталински, неотъемлемой частью которой явилось разрушение экономики и культуры, голод, террор и возрождение рабства, в прикрытии их псевдомарксистским тезисом о непрерывном обострении классовой борьбы.

Исчезновение в 1917 г. партии прогрессистов подтвердило, что центристская тенденция в развитии общественности представляла собой явление прежде всего социокультурное и ценностное, не имевшее шансов быть понятым и найти какой-то отклик в условиях крайней поляризации общества. Уже по этой причине значение размышлений Голицына, относящихся к преддверию Октябрьского переворота и к советскому времени (Толстой умер в 1916 г.), не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. Определяя меру их соответствия реалиям и тенденциям общественного развития, нужно, кроме того, учитывать, насколько сузились возможности Голицына получать информацию о происходившем, хотя многое до него, престарелого «лишенца», доходило. Во всяком случае, эти мысли заслуживают внимания, в сопоставлении с мнениями других наблюдателей — младших современников Голицына, таких, как Ю.В. Готье, В.А. Маклаков, В.И. Вернадский, чьи высказывания стали доступны в последние десятилетия.

Даже в 1917 г. Голицын продолжает размышлять о прогрессе. Как биолог он допускает, что прогресс присущ не только человеку, его развитию, но совершается во всей природе. Есть среди записей этого времени самокритичные замечания о неадекватности прежних оценок, признание ошибок, какие были «общими всем, коллективными», хотя их «всегда больно и обидно сознавать». Он склонен думать, что действительные потребности и цели жизни заслонялись «мелочами, суетностями» (к нему это относилось меньше всего). 22 июля 1917 г. он записал: «Нельзя не посетовать на то, как все мы поголовно были слепы по отношению к нашему строю, к царствовавшему у нас режиму — с одной стороны, и к народному самосознанию и к движению народного духа — с другой. Как иначе объяснить, как не ослеплением, то, что все случившееся у

³⁵ *Карьер д'Анкос Э. Ленин. М., 2002. С. 334—335.*

нас за эти пять месяцев явилось даже для лучших людей полным сюрпризом». Было много ложного, продолжает он, в распространенных прежде уверениях, будто народ «не дорос до понимания потребностей времени и своих собственных». Теперь народ показал, «что вырос, но совсем в другом направлении, для нас неожиданным», очевидно, не в направлении к правовому, конституционному строю. И 25 ноября: «Однако как все мы идеализировали наш народ: крестьянина, солдата, рабочего, а как себя теперь он показывает!»³⁶

Последующие почти 15 лет жизни при новой власти не убедили Голицына в том, что энергию разрушения можно хотя бы частично перенаправить в созидательное русло. Советский режим, писал он в январе 1932 г., «является величиной отрицательной... им ничего не создано взамен разрушенного», этот режим «не обладает созидательными способностями». Больше того, он предсказывал в более или менее близком будущем распад государства и захват значительной части его территории государствами-соседями³⁷. Подобных предсказаний хватало и в русской эмиграции, наряду с попытками понять, почему они не сбываются и что лежит в основе долговечности режима.

Что ж, сам Голицын отрицал возможность конкретного предвидения. Вряд ли тех, кто не пережил последующих десятилетий советской истории, удовлетворила бы поэтическая формула поколения «оттепели»: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Старые прогрессисты были гуманистами, постепеновцами и часто пессимистами, но их представление о прогрессе не предполагало эпитетов и оговорок.

---

³⁶ Голицын В.М. Дневник 1917—1918 годов. С. 22—23, 31, 125, 133, 313.

³⁷ Там же. С. 355—356.

100-летний юбилей выступления декабристов и русская эмиграция

Русское Зарубежье широко отметило 100-летний юбилей выступления декабристов. Так, в «Пражском Доме» на торжественном заседании выступили историк А.А. Кизеветтер и редактор эсеровского журнала «Воля России» Марк Слоним. Не остались в стороне от юбилея даже монархические группировки. По инициативе Союза Преображенского полка в Сорбонне состоялось заседание в честь 100-летия восшествия на престол императора Николая I. В выступлениях военного историка С.Н. Вильчковского и князя Ф.Н. Касаткина-Ростовского день 14 декабря 1825 г. отмечался как день «законной победы» монархической власти над «бунтовщиками». П.Б. Струве охарактеризовал участников заседания как «людей долга, чести и преданности государям и любви к Отечеству», собравшихся, чтобы «чувствовать победу законного порядка над революционным насилием»¹.

Наиболее знаковым стало заседание Русского Академического союза, посвященного знаменательной дате, проведенное 27 декабря 1925 г. под председательством П.Н. Милюкова в амфитеатре «Ришелье» в Сорбонне. Редакция журнала «Голос минувшего на чужой стороне» перепечатала все выступления, в их числе были доклады М.А. Алданова («Памяти декабристов»), С.П. Мельгунова («Идеализм и реализм декабристов»), П.Н. Милюкова («Роль декабристов в связи поколений»), А.А. Кизеветтера («Спорные вопросы в истории декабристов») и В.А. Мякотина «Декабристы в их преобразовательных планах»². Заседание открыл французский историк-славист Альфонс Олар, заявивший, что «французское общество было более подготовлено к восприятию революционных идей в 1789 году, нежели общество русское — в начале XIX столетия. Решающую в этом роль сыграло отсутствие в России средней буржуазии... Движение, поднятое декабристами, не удалось; но оно оставило глубокий след в развитии русских идей»³.

Эту мысль поддержал писатель и философ М.А. Алданов, заявивший, что движение декабристов было вызвано «сильнейшим влиянием французских освободительных идей» и именно здесь следует «искать один из главных источников декабрьской революции». Одну из причин поражения он видел в «темноте народных масс и в ошибках вождей».

Алданов поставил вопрос: в чем же заключается ценность революций вообще и выступления декабристов в частности? По его мнению, это зависит от трех обстоятельств: что они *разрушают*, что они *создают* и от той легенды,

¹ Возрождение. 1925. 28 дек.

² См.: Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2 (XV). С. 43—45, 47—62, 69—85, 87—101, 103—111. (Далее — ГМ на ЧС).

³ Олар А. Русское влияние в изучении Французской революции // ГМ на ЧС. 1926. № I (XIV). С. 7.

которую они после себя оставили. Он утверждал, что декабристы «ничего не разрушили и ничего не создали». Главное, что они сделали заключается именно в их «легенде», оставшейся в русском сознании⁴.

С.П. Мельгунов в статье «Легенда о декабристах», напротив, писал, что декабристы — это «целая эпоха русской культуры, а не только неудачный для своего времени политический акт»⁵. Апологию движения декабристов он начал еще в 1907 г. в статье «Декабристы перед лицом современной критики»⁶. Он решительно возражал против попыток низвести декабристов с того «пьедестала общественного преклонения», на который «возвело их благодарное потомство»⁷.

В юбилейной статье Мельгунов констатировал, что декабристы «были окружены... нимбом поклонения со стороны русской интеллигенции. Причина подобного отношения кроется не только в магической притягательности политических и социальных идей 14 декабря 1825 года, ставших краеугольным камнем общественной мысли России XIX века», но «самом нравственном облике» обреченной на гибель «передовой когорты», по определению А.И. Герцена, «выступившей на заре русского освободительного движения». При всех различиях в них было нечто общее, что дает возможность говорить об особом психологическом типе, именуемом «декабрист».

Давая характеристики ведущим деятелям движения, Мельгунов констатирует, что среди них были республиканцы и монархисты, сторонники военного переворота и медленного поступательного движения, объединенные любовью к Родине, которая превратила их в граждан⁸.

Изучение политических и общественных идей декабристов для Мельгунова представляло глубокий интерес, ибо ими определен тот предел, «до которого доходила общественная мысль на заре своего рождения в России». По его убеждению, ошибочным было стремление некоторых исследователей классифицировать декабристов по социальным группировкам, в зависимости от проектов государственного строительства. Революция и гражданская война внесли существенную корректировку во взгляды Мельгунова. Он уже не считал возможным «делать из декабристов защитников определенных социальных интересов» и «искать в их методах оттенки демократических и исторических воззрений». Поступать так, полагал он, это значит «не понимать того духа, который обвеял в декабрьские дни 1825 года и им предшествовавшие прообраз внеклассовой русской интеллигенции». Декабристы были вне классов, ибо стремление к свободе является «всеобщим».

Мельгунов, тем не менее, не считал возможным солидаризироваться с теми, кто, «исходя из пафоса декабристов», говорил об их «беспочвенной мечтательности», их «оторванности от реального бытия», также, что декабристы вдохновлялись больше литературными образцами и отвлеченными понятиями добра и зла добродетели, свободы и равенства, заимствованными из лозунгов Великой Французской революции. Не следует искать в декабристах

⁴ ГМ на ЧС. 1926. № 2 (XV). С. 43—44.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ См.: Русские ведомости. 1907. 14 дек.

⁷ Там же.

⁸ ГМ на ЧС. 1926. № 2 (XV). С. 70.

воплощения «античной гражданственности и добродетели». Нельзя, подобно В.О. Ключевскому, характеризовать декабристов как «отвлеченных идеалистов», или только как «романтиков революции». Не следует рассматривать декабристов, вслед за Л.Н. Толстым, как «иностранцев в русской жизни». И совершенно прав Мельгунов, когда говорит, что не уместно обольщаться «внешней формой революционной романтики», ибо декабристы свой революционный пафос, облаченный в несколько искусственную и повышенную форму, «черпали преимущественно из русской жизни»⁹. Это очень важный вывод. Именно российская действительность того времени и явились той средой, которая и сформировала мировоззрение декабристов, подтверждением чего и являются показания самих деятелей движения.

Разбирая тезис приоритетности западного влияния на формирование мировоззрения декабристов, Мельгунов пишет: «дух времени», а именно революции в Италии, Испании, Португалии и Греции, непосредственное знакомство с культурой и бытом Западной Европы, — «все это для декабристов не источник отвлеченного свободомыслия, а своего рода метод научного анализа и сравнительной критики, претворяемый естественным рассудком». Опыт западноевропейской революционной мысли и практики был преломлен ими через российскую действительность. Таким образом, «события, современниками которых были декабристы, могли подкреплять» надежды «на возможность реального осуществления их замыслов». По мнению историка, часто «неотчетливость политической линии, недостаточная конкретизация плана» могли «свидетельствовать лишь о том, что декабристы пытались прислушаться к биению жизни»¹⁰.

Мельгунов всегда оставался политиком. Он искал параллели между современностью и событиями столетней давности. В опыте прошлого Мельгунов искал ответ на происходившие события. Так, декабристы были современниками великих событий, а их убеждения «оплодотворялись» идеями Великой Французской революции, «дыхание которой — плодотворное, и разлагающее — достигает и наших дней». Мельгунов полагал, что все декабристы, за исключением Пестеля, боялись появления «своего» Наполеона. Многие ими было воспринято, многое пугало, ибо декабристы, «обращая свой взор к прошлому, ощущали, как бы непосредственно, все то отрицательное, что несло с собой массовое движение, массовая психология с ее почти неизбежным пышным цветом демагогии»¹¹.

Мельгунов внес существенный корректив в тезис об «оторванности от народа». Он уточняет, что декабристы боялись «черни», что отнюдь не является синонимом понятия «народ», ибо «народ» и «толпа» — это нечто разное, а потому и нельзя подменять и одно другим.

Характеризуя день 14 декабря 1825 г., Мельгунов пишет, что это было «вынужденное выступление», нежели планомерно задуманный и осуществленный заговор». Междущарствие «давало повод для общественного заявления о необходимости уступок со стороны самодержавия». В итоге это до некоторой

⁹ Там же. С. 69—71.

¹⁰ Там же. С. 74—75.

¹¹ Там же. С. 77.

степени и предопределило характер этой своеобразной «стоячей» революции¹², так как декабристы стремились избежать лишних жертв.

Декабристы выступили «для свободы» и «никакие силы в мире не уничтожат закрепленного за ними ореола основоположников той политической свободы, которая была и до сих пор остается неосуществившейся мечтой народолюбивой русской интеллигенции»¹³.

Говоря о следственных материалах, которые якобы заставили «померкнуть» «нимб геройства» декабристов, Мельгунов отрицает точку зрения тех исследователей, которые склонны были оценивать поведение декабристов на следствии как факт предательства. Он справедливо утверждает, что подобный подход не является научным, ибо не учитывает историческую конкретику тех лет. Мельгунов видит в этом подходе стремление «привнесения современных требований в отдаленное прошлое», а для того, чтобы судить, «надо проникнуться психологией тех, кого мы судим». Поведение декабристов на следствии объяснялось многими моментами: здесь и роль императора Николая I, как следователя, «с виртуозностью актера» игравшего «на струнах подсудимых», здесь и «благородство» подсудимых, откровенность которых «казалась не личным спасением, а спасением других, последним актом служения России и русскому народу». Вот почему и «становится больно не за их откровенность, а за их обнаженные души перед человеком, который их не только ненавидел всю жизнь, но всю жизнь мелко мстил»¹⁴. Здесь Мельгунов полностью солидарен с выводами и наблюдениями, сделанными в свое время П.Е. Щеголевым¹⁵.

В этой связи Мельгунов делает вывод, что «революционная традиция создавалась в значительной степени на почве органической отрешенности русской интеллигенции от государственной власти во второй половине XIX столетия», чего «не было в дни следствия над декабристами в психологии подсудимых»¹⁶. Свое эссе Мельгунов заканчивает строчками из стихотворения «первого декабриста» В.Ф. Раевского: «Любовь ли петь, где льется кровь // Где кат с насмешкой и улыбкой // Терзает нас кровавой пыткой...», адресуя их в адрес советской власти и делает категорический вывод — не может правительство насильников объявлять себя наследниками декабристов¹⁷.

В это же время данной теме Мельгунов посвятил ряд очерков¹⁸.

Не обошел своим вниманием Мельгунов и вышедшую в СССР литературу, посвященную знаменательной дате. Так, в рецензии на книгу Г.И. Чулкова «Мятежники 1825 года» (М., 1925) он оспорил основной тезис автора о решающем влиянии масонства на идеологию и поступки декабристов. По мнению Мельгунова, следует говорить «очень осторожно» о связях, которые могли

---

¹² Там же. С. 79.

¹³ Там же. С. 81—82.

¹⁴ Там же. С. 82—83.

¹⁵ См.: *Щеголев П.Е.* Император Николай I — тюремщик декабристов // *Щеголев П.Е.* Декабристы. М.; Л., 1926. С. 261—276.

¹⁶ ГМ на ЧС. 1926. № 2 (XV). С. 82.

¹⁷ Там же. С. 85.

¹⁸ См.: *Мельгунов С.П.* Легенда о декабристах // Там же. С. 46; *Мельгунов С.П.* Трагедия одиночества декабристов // Там же. С. 68; *Мельгунов С.П.* К характеристике декабристов // Там же. С. 86.

иметь деятели декабристского движения с радикальными ложами масонских орденов Западной Европы. Чулков, основываясь на том, что многие декабристы, в том числе все руководители, были членами масонских лож, полагал, что отрицать эту связь «просто наивно»¹⁹.

С критикой основных положений советской исторической науки по данной проблеме и своим собственным пониманием вклада декабристов выступил А.А. Кизеветтер²⁰. Он отметил, что официальная наука в СССР смягчила «свои прежние выходки против декабристов». И если раньше декабристов клеймили «заядлыми лицемерами» и даже «эксплуаторами», то теперь налицо стремление представить их чуть ли не «большевиками приготовительного класса»²¹. Но декабристы в отличие от большевиков не руководствовались идеями классовой борьбы. Главным для них было достижение общенационального блага.

«Марксистскому» подходу в историографии противостоит «охранительное» направление, которому свойственна идеализация того старого порядка, против которого как раз и выступили декабристы. Эти историки пытались представить декабристов «духовными предтечами и предками тех самых большевиков», которые «с пеной у рта поносят декабристов, как дворянских волчат в овечьей шкуре»²². Касается Кизеветтер и гипотезы «охранительного» направления — что если бы декабристы победили, могла бы Россия впасть «в бездну разрухи подобной большевистской?» Но все дело как раз в том, что они не победили, а страна после победы Октября развала не миновала. Так в чем же дело? По-видимому, в том, как замечает Кизеветтер, разрухи можно было бы избежать, «если бы преобразование старого строя не запоздало бы на 100 лет». Кроме того, он вообще считает подобную постановку вопроса некорректной, ибо сравнивались события, происходившие со столетним промежутком, а это «совершенно неудовлетворительный прием при познании исторических событий минувших времен».

Поведение декабристов на следствии Кизеветтер не склонен объяснять проявлением «слабого духа» — декабристы, чувствуя свою обреченность, использовали следствие как стремление показать правительству и лично императору Николаю I, что «это движение было легкой небольшой вспышкой и случайно составившейся кучки», но проистекало «из серьезных общих оснований, из глубоких недугов политического организма России». Противоречит утверждению о «недостойном» поведении декабристов на следствии и тот факт, что лидеры движения и, в частности, Пестель, брали на себя всю ответственность, что, несомненно, свидетельствует об их личном мужестве.

Историки-марксисты трактовали декабристов как представителей дворянского или буржуазного направлений. По утверждению Кизеветтера, анализ программных документов движения декабристов показывает несостоятельность узкоклассового подхода, когда апологеты «марксистского» подхода, к дворянскому направлению относят, например, Никиту Муравьева, а к буржуазному — Павла Пестеля. Но, как при этом замечает Кизеветтер, в обоих

¹⁹ См.: ГМ на ЧС. 1926. № 2 (XV). С. 299—302.

²⁰ *Кизеветтер А.А.* Спорные вопросы в истории декабристов // Там же. С. 103—111.

²¹ Там же. С. 103.

²² Там же. С. 110.

случаях проявляется натяжка. Так, анализируя «Конституцию Никиты Муравьева», историк отмечает в ней предостережение против вмешательства государства в экономику, а также высокий денежный избирательный ценз. Пестель, автор «Русской Правды», наоборот, настаивал на участии государства в экономике страны и отрицал цензовые ограничения.

Кизеветтер пишет, что программные документы декабристов раскрыли с определенной «полнотой те разнообразные течения, из которых слагалось и на которые расчленилась идеология декабристов». И, тем не менее, споры продолжаются и, как замечает Кизеветтер, в их основе кроются мотивы, которые не имеют никакого отношения «к делу исторической критики», а являются порождением «кипения нам современных политических страстей»²³.

В итоге наметились два противоположных, но «одинаково тенденциозных подхода» к анализу этой проблемы. С одной стороны, это «большевистские историки и твердокаменные толкователи марксистской догмы», которые пытаются доказать, что «декабристы были политическими фарисеями и лицемерами», что их политический радикализм «висел у них лишь на кончике языка и что на самом деле они прикрывали своими радикальными фразами эксплуататорские вождедения узко сословного эгоизма»²⁴.

Разбирая статью М.Н. Покровского и К.Н. Левина в «Истории России XIX века»²⁵, Кизеветтер характеризует ее как «большевистский памфлет», направленный на развенчание декабристов. Позиция авторов является «вульгаризаторской», смысл ее заключается в том, что раз декабристы являются представителями класса дворян-землевладельцев, то их радикализм не что иное, «как радикализм с камнем за пазухой»²⁶. Такой «классовый» подход противоречил очевидным фактам. Утверждая подобное, эти историки замалчивали, что декабристы требовали уничтожения сословий и сословных привилегий, что они стояли за отмену крепостного права и т.д. Таким образом, заданность исключала объективный анализ и зачастую приводила к казусным выводам. Так, Пестель с его «Русской Правдой» не укладывался в эту схему и был объявлен «нехарактерным для идеологии декабристов»²⁷.

По мнению Кизеветтера, все эти разнообразные толкования проистекают из одного факта — «из упорного нежелания признать то непреложное обстоятельство, что декабристы в полете своей политической мысли вышли за пределы сословных и классовых предубеждений», что они «шагнули вперед за пределы сословно-дворянских стремлений того времени»²⁸. Автор призывал исследователей подходить к изучению этой многоплановой темы спокойно, беспристрастно, не обращая никакого внимания на то, что скажет та или иная «политическая княгиня Марья Алексеевна»²⁹.

---

²³ Там же. С. 109.

²⁴ Там же. С. 104.

²⁵ См.: *Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т. I. СПб., 1907. С. 67—137.*

²⁶ *Кизеветтер А.А. Спорные вопросы...* С. 104.

²⁷ Там же. С. 105.

²⁸ Там же. С. 107.

²⁹ Там же. С. 111.

Следует заметить, что последовавшие рецензии особо отмечали статью Кизеветтера, которая явилась «достойной отповедью большевистским хулителям», видящих в декабристах лишь «защитников дворянских вождений»³⁰.

Весьма интересные наблюдения относительно истории декабризма высказал Кизеветтер в своей обстоятельной рецензии на книгу историка К. Валишевского об Александре Первом³¹. Кизеветтер отмечает ненаучный подход польского историка, который стремится «отыскать ключ к объяснению всего хода нашей исторической жизни за последние сто с четвертью лет и к уразумению причин стрясающейся теперь над Россией большевистской катастрофы»³². Подобный подход дал возможность Валишевскому утверждать, что вся духовная жизнь русского общества была пронизана стихией большевизма, что большевизм изначально был присущ России. Концепцию Валишевского Кизеветтер объявляет «тенденциозной стилизацией». Аргументация историков этого направления строится, как правило, на «модернизации исторического прошлого», что является следствием влияния политической ситуации, сложившейся в стране после 1917 г. Кизеветтер указывал на опасность интерпретации идеологии декабристов как большевизма, особенно в условиях приближающегося 100-летнего юбилея. Для людей, указывает рецензент, «не вникающих подробно в существо исторических явлений, эта аналогия может показаться соблазнительной»³³. Видеть в декабристах предшественников большевиков можно только при полном извращении «исторической перспективы». Кизеветтер не разделял оценок Валишевского программных документов декабристов. Он не согласен с утверждением последнего относительно «консерватизма» «Конституции Никиты Муравьева». «Если Муравьев иначе строил систему государственных учреждений, нежели Пестель, республиканской форме правления предпочитал монархию, ограничивал участие граждан в выборах имущественным цензом, противился аграрной реформе, то все же он был слишком далек от политического консерватизма»³⁴.

С обстоятельным докладом «Роль декабристов в связи поколений»³⁵ на юбилейном заседании в Сорбонне выступил П.Н. Милюков. Милюков характеризует само выступление 14 декабря 1825 г. как «случайную черту», а «декабристов в целом как специфически местное русское движение», которое не переросло в «радикальное и революционное». Декабристы были «случайными революционерами», «последними военными заговорщиками», и в то же время они «стали первыми идейными революционерами»³⁶. Налицо определенная непоследовательность.

Интересна попытка историка проследить в 1925 г. характер двух юбилеев — 200-летия со дня кончины императора Петра I и 100-летия выступления декабристов. При всей их внешней несопоставимости он, тем не менее, пытается

³⁰ Дни. 1926. 25 апр.

³¹ На чужой стороне. 1925. Кн. XIII. С. 228—244. (Далее — НЧС).

³² Там же. С. 229.

³³ Там же. С. 241.

³⁴ Там же. С. 239.

³⁵ ГМ на ЧС. 1926. № 2 (XV). С. 47—67.

³⁶ Там же. С. 55, 58, 61, 64.

нащупать «глубокую внутреннюю связь»³⁷. В первом случае, в российскую действительность было внесено «насильственное европейское начало», когда страна еще никак не была подготовлена к его восприятию. Во втором — реформаторы выступили тогда, когда предполагали, что страна уже в достаточной степени подготовлена к восприятию «широких планов политического и социального преобразования». По расчету декабристов эта реформа должна была связать «европейские начала с органическим внутренним процессом развития России». Но случилось так, что на этот раз сама центральная власть воспротивилась этой «внутренней европеизации, и в этом противостоянии власть оказалась намного сильнее и организованнее реформаторов». Как полагает Милюков, власти удалось только отклонить план коренной реформы, «с громадным риском для его мирного проведения». Этот план вновь возник в 1917 г., проводимый в жизнь «ценой величайшей катастрофы». Такова связь между Петром I, декабристами и современной русской революцией. И далее, развивая эту мысль, Милюков говорит, что «только политическое воспитание в стремлении к одной национальной цели может обеспечить ее достижение»³⁸. Таким образом, идея реформирования слагалась, по мысли Милюкова, в течение 200 лет.

Говоря о той последовательности, которая формировала «интеллигентскую традицию», Милюков ее начало относит к «непосредственным предшественникам» — Н.И. Новикову, А.Н. Радищеву, подхваченную затем А.И. Герценом. Для него несомненно и то, что на формирование политических взглядов будущих декабристов повлияло и их участие в заграничных походах 1813—1814 гг. Эта схема дает возможность создать «достаточное представление о месте декабристов в цепи поколений русской интеллигенции». Со всей определенностью можно говорить о воссоздании Милюковым формирующегося, так называемого «первого, дворянского» этапа «русской революционности».

Декабристы разбудили русское общество — «Аннибалова клятва» А.И. Герцена и Н.П. Огарева, кружок братьев Критских, общество Николая Сунгурова, «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева, петрашевцы, возникновение двух течений, западников и славянофилов, — примеры начавшегося оформления общественного движения в стране.

Революционная идея стала достоянием 60—70-х гг. Основное ее проявление — сближение с народными массами, и, таким образом, для новой революционной идеи создается новая «социальная основа»³⁹. По мнению Милюкова, эпоха реформ 60—70-х гг. явилась первым серьезным осуществлением планов декабристов⁴⁰.

Самодержавие не сумело воспользоваться отсрочкой, данной ему казнью декабристов, что в результате и привело к трагедии 1917 г. По мнению Милюкова, для декабристов революция была «не целью, а методом», — при этом весьма неприятным и нежелательным, ибо они «предпочитали путь сотрудничества с народным представительством, и не их вина и дальнейших поколений, что путь тот оказался прегражденным».

---

³⁷ Там же. С. 41.

³⁸ Там же. С. 47—48.

³⁹ ГМ на ЧС. 1926. № 2 (XV). С. 61.

⁴⁰ Там же. С. 59.

Из всех идей декабристов осуществленной оказалась лишь идея социальная, или идея «свободы и гражданского права», т.е. отмена крепостного права. Но, как справедливо замечает Милюков, реформа 1861 г. была осуществлена далеко не полно и, прежде всего, оставалось неравноправие в сословиях. А отсюда и вывод, что аграрная реформа сделалась центральным стержнем Октября 1917 г.⁴¹

Сравнивая основные программные документы декабристов, Милюков приходит к выводу, что «в сущности большой разницы между ними не было», а в земской реформе 1864 г. он видел осуществление идеи декабристов — федеративности.

Идеи декабристов, по его мнению, были «ни чисто подражательными, ни мертворожденными, ни утопическими». Эти идеи были отвергнуты политической властью, но их вновь была вынуждена поставить «русская жизнь». В заключение Милюков пишет, что «только теперь мы можем вполне почувствовать... ту живую связь, которая соединяет декабристов с нами через головы ряда поколений, не ставивших их задач так реально, как они поставлены именно в наше время». Огонь, зажженный декабристами, «горел неугасимо» и «не погас и в наши дни тяжелых испытаний в русских сердцах»⁴². Как видим по целому ряду положений, Милюков солидаризировался с теми, которые стали основными постулатами и советской исторической науки.

С обстоятельным докладом выступил известный историк и общественный деятель В.А. Мякотин⁴³. Понимание Мякотиним истории движения декабристов, их программных документов полностью лежит в традициях русского либерализма. Он начал свое выступление с тезиса, который прозвучал во всех предшествующих докладах — отрицание классового подхода в освещении истории движения декабристов. Так кем же были эти люди, какое место они занимали в общественной жизни тех лет, и во имя чего они подняли восстание? По его утверждению, общепризнанного ответа нет до сих пор, хотя он признает, что публикация после 1905 г. новых архивных документов существенно прояснила этот вопрос⁴⁴.

Говоря о различных подходах в оценке движения декабристов, Мякотин отвергает «вульгаризаторский» подход тех историков, которые, «подавшись увлечению идеями экономического материализма в их марксистском истолковании», склонны рассматривать это движение как продиктованное «определенными классовыми интересами»⁴⁵. Этот вульгаризаторский подход, пишет Мякотин, стал в нынешних обстоятельствах Советской России выражением официальной точки зрения, согласно которой декабристы представлены революционерами во имя интересов определенных классов — дворянства и буржуазии. Тем не менее, Мякотин не отрицает в некоторых пунктах «Конституции Никиты Муравьева» «определенной классовой тенденции» — дворянской. Он объясняет наличие этой тенденции не только классовыми интересами дворян-

---

⁴¹ Там же. С. 62.

⁴² Там же. С. 67.

⁴³ См.: *Мякотин В.А.* Декабристы в их преобразовательных планах // Там же. С. 87—101.

⁴⁴ Там же. С. 88.

⁴⁵ Там же.

ства, но, «соображением о большей подготовленности его к государственным делам», «как наиболее образованного класса тогдашней России»⁴⁶. Пестель, по его мнению, был наиболее последовательным в своих преобразовательных планах, что и нашло свое отражение в его «Русской Правде».

Мякотин прав, когда утверждает, что действительной первой организацией декабристов стал «Союз Спасения» (с 1817 г. — «Общество истинных и верных сынов Отечества»). Автор констатирует, что была определена цель — уничтожение самодержавия, введение «представительного правления», конституции и ликвидация крепостного права, причем не было ясности, какими средствами достичь этой цели. Автор почему-то не разбирает проектов «Союза Благоденствия», ограничившись лишь упоминанием событий 1820 г., когда на совещании Союза целью общества стала республика, когда Павлу Пестелю и Никите Муравьеву было поручено приступить к разработке программных документов тайного общества.

Автор ничего не говорит о тех разногласиях в рядах «Союза Благоденствия», которые вспыхнули после упомянутого совещания в Петербурге в конце 1820 г. и январского совещания 1821 г. в Москве, когда было объявлено о прекращении деятельности «Союза Благоденствия». С этим были не согласны деятели Тульчинской управы во главе с Пестелем, и в марте 1821 г. было объявлено о создании Южного общества. Не говорит Мякотин и о том, что в 1822 г. было образовано Северное общество.

Мякотин справедливо отмечает большой радикализм Южного общества, хотя сторонники этого направления были и в Северном обществе, и не все члены Южного общества разделяли взгляды Пестеля. Говоря о конституционном проекте Никиты Муравьева, автор признает, что ему присуща определенная классовая (дворянская) тенденция, особенно при решении крестьянского вопроса, но делает оговорку, что это характерно не для всех членов Северного общества. Выделение крестьянам всего лишь 2 десятины земли никак не решало крестьянский вопрос, помещичье землевладение остается нетронутым. В вопросе государственного правления Никита Муравьев не пошел дальше создания ограниченной монархии по типу английской.

Более последователен в этом смысле Пестель, «Русская Правда» которого провозглашала решительное уничтожение крепостного права, установление в стране республиканского правления и равенство всех граждан перед законом.

Присущая Северному обществу большая ограниченность в решении вопросов социально-политического характера дала историкам возможность позже утверждать, что оно явилось родоначальником российского либерализма, в то время, как Южное — стало провозвестником революционности.

Идеи Южного общества были близки, как показал автор, и членам возникшего в 1823 г. «Общества соединенных славян», объединившегося летом 1823 г. с южанами. В программных документах общества, в «Клятвенном обещании» и «Правилах», составленными братьями Андреем и Петром Борисовыми, выдвигались требования бороться против крепостничества и всякого деспотизма, за создание славянской федерации из 10 государств: России,

---

⁴⁶ Там же. С. 93.

Польши, Богемии, Сербии, Далмации, Кроации (Хорватии), а также Венгрии, Валахии и Молдавии (венгров, румын и молдаван причисляли к славянам). Провозглашалось всеобщее гражданское право при республиканском правлении.

В итоге Мякотин приходит к выводу, что представлять декабристов выразителями определенных классовых интересов, «в корне неверно». Будучи дворянами по своему происхождению, декабристы в то же время не были «дворянами в своих стремлениях» и ни в какой мере не являлись выразителями «дворянской идеологии и защитниками дворянских интересов». Еще в меньшей мере они являлись представителями и защитниками интересов буржуазии, которая еще только нарождалась в России. Да, декабристы добивались уничтожения крепостного права, стремились уничтожить самовластие, установить в стране политическую свободу и бессловное общество, привить на русской почве «уважение к человеку вообще», но это отнюдь не было выражением защиты интересов дворянства или буржуазии.

По его убеждению, декабристы были выразителями интересов всего русского народа как такового. Свою историю они вписали «в историю русской интеллигенции». Декабристы, «выйдя из рядов дворянского сословия, «стали бессловными интеллигентами своей эпохи, борцами за свободу русского народа, за право человека и гражданина, за право народных масс на человеческое существование, и это место обязана закрепить за ними в памяти потомков беспристрастная история»⁴⁷.

Анализ статей Алданова, Милюкова, Мельгунова, Кизеветтера и Мякотина показывает, что в историографии декабризма, наряду с «марксистским» и «охранительным», оформляется и третье направление — «либеральное», в котором четко прослеживается несомненное стремление представлять себя идейными наследниками декабристов. Вполне понятно, что приверженцы каждого из политических направлений брали на вооружение лишь те стороны политического наследия декабризма, которые были, как им казалось, идейно ближе, в результате чего и создавалось впечатление преемственности их партийных программ. По-видимому, это сходство было не случайным и объяснить его можно лишь общедемократическим содержанием программных требований декабристов.

Историки-эмигранты настаивали на необходимости соблюдать принцип историзма в оценке движения декабристов, что, по их мнению, отсутствовало в советской исторической науке. На самом деле либеральная историография не учитывала специфику истории России, которая состояла в том, что задачи буржуазно-демократического преобразования страны, выдвинутые ее освободительным движением, опережали реальные условия их осуществления. В этом в сущности и заключалась трагедия первых борцов за свободу России.

---

⁴⁷ Там же. С. 101.

Илизаров Б.С.

«Хлебом» единым... Ал.Н. Толстой и его повесть «Хлеб (оборона Царицына)». 1937 г.

Сейчас только в общих чертах известна одна из самых сомнительных страниц в творческой биографии Ал.Н. Толстого, связанная с повестью «Хлеб (оборона Царицына)», откровенно фальсифицирующая историю Гражданской войны и роль в ней И.В. Сталина. Читать книгу скучно, настолько она плоха. Сам Толстой еще при жизни признал ее литературную ничтожность. Однако в наше время многое начинает проясняться и в связи с этим одиозным произведением, и в связи с реалиями сталинской биографии периода Гражданской войны, и становлением сталинизма.

В январе 1930 г. Сталин написал письмо Горькому в ответ на его предложение провести ряд мероприятий, способствующих воспитанию молодежи в революционном, оптимистичном духе. Сталин поддержал его предложения, в том числе: «издать ряд популярных сборников о “Гражданской войне” с привлечением к делу А. Толстого и других художников пера»¹. Горький, вернувшийся в СССР гораздо позже Толстого, постоянно проявлял инициативы, которые Сталин поддерживал, но так ловко, что они всегда играли ему на руку. В этом смысле Горький находился со Сталиным в тандеме.

Надо иметь в виду, что за десятилетие между 1920 и 1930 г. вышло значительное количество исторических и документальных публикаций о революции и Гражданской войне в СССР. Почти все известные деятели эпохи приняли в этих изданиях участие; активно работали в исторических и архивных комиссиях и организациях. В большинстве своем они были достаточно объективны по отношению ко всем участникам революционных событий ленинского круга. Конечно, контрреволюция, как проигравшая сторона, представлялась в карикатурном или уничижительном виде. Добиваясь единоличной власти, Сталин теперь уже своих политических врагов, т.е. бывших соратников-революционеров, представлял подобным образом, сводя успехи Октября и Гражданской войны к собственной руководящей роли. После 1929—1930 гг. Сталин, используя различные идеологические и пропагандистские рычаги и расширяя репрессии, взял под контроль не только факты своей биографии, но и трактовку начального этапа советской истории, столь важного для его бывших соратников и его самого. В своей предсмертной книге о Сталине Лев Троцкий зафиксировал этот поворот: «С 1929 г. начинается пересмотр истории, и убираются люди из исторических комиссий», — писал он².

Когда Горький обратился (разумеется, после согласования со Сталиным) к участникам Гражданской войны с предложением собирать архивные материа-

¹ Сталин И.В. Собр. соч. Т. 12. С. 174.

² Грей Я., Троцкий Л. Сталин. М., 1995. С. 323.

лы и воспоминания, то ЦК ВКП (б) немедленно поддержал его. В 1931 г. была создана Главная редакция «Истории Гражданской войны в СССР», куда на первых порах, помимо М. Горького, вошли И. Сталин, В. Молотов, С. Киров, К. Ворошилов, А. Жданов, А. Бубнов, Я. Гамарник. В последующие несколько лет часть из них была уничтожена (Гамарник покончил с собой). М.Н. Покровский, который все 1920-е гг. оказывал услуги Сталину в борьбе с Троцким на историческом фронте, впал в немилость. Он успел умереть в апреле 1932 г., но посмертной травли и «разоблачений» не избежал.

Тем же решением ЦК создал Секретариат Главной редакции, которой поручил издать 10—15 томов истории Гражданской войны. Первый том: «Подготовка Великой пролетарской революции: (от начала войны до начала октября 1917 г.)» вышел в 1935 г., тиражом 300 тыс. экз. в роскошном полиграфическом исполнении. Потом он неоднократно переиздавался, но скромнее. Сейчас это издание находится в архиве-библиотеке Сталина³, а в фондах других отделов ЦК ВКП (б) хранится еще с два десятка промежуточных и подготовительных вариантов этого и других томов⁴.

Секретариат Главной редакции «Истории Гражданской войны» возглавил историк школы М.Н. Покровского И.И. Минц, всю Гражданскую войну комиссаривший в одной из конных армий. Сталин считал себя автором идеи формирования больших кавалерийских соединений, а потому благоволил ко всем бывшим конармейцам «из буденновских войск». Будущий советский академик от истории Минц, по признанию самого Толстого, стал главным консультантом во время его работы над повестью «Хлеб». По его же свидетельству, вторым консультантом (в зависимости от того, с какого бока считать) стал нарком обороны и бывший командир царицынских отрядов К.Е. Ворошилов. В те годы Минц (и его молодые помощники: Е.Н. Городецкий, Э.Б. Генкина, Г. Костомаров, Н. Трусова, Р. Кроль — всего 26 человек⁵), контролировал поиск и анализ архивных документов о революции и Гражданской войне⁶. Он же был главным транслятором сталинской интерпретации этих событий⁷.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 78.

⁴ В 1942 г. вышел второй том, остальные вышли после смерти Сталина.

⁵ *Минц И.И.* Изучение истории великой пролетарской революции и Гражданской войны // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 157—163.

⁶ Едва успели расстрелять Н.И. Бухарина, как «секретариат главной редакции» поспешил издать сборник, в котором, как сообщалось в одном из исторических журналов, «новые документы раскрывают подлую, предательскую работу Бухарина и Муралова в бытность их членами Военно-революционного комитета. Документы свидетельствуют о том, что Бухарин и его приспешники много приложили усилий для того, чтобы добиться поражения московского пролетариата». См.: В секретариате главной редакции «Истории Гражданской войны» [Электронный ресурс] // Военно-исторический журнал. 1940. № 5. С. 151—153. URL: <http://www.retropressa.ru/cat/zhurnaly/voenno-istoricheskij-zhurnal-5-za-1940-god>

⁷ На заре «перестройки» Ю.Н. Афанасьев писал: «И.И. Минц не только точно выбрал, казалось бы, одну из наиболее важных тем, но и умел изменять подходы к ее изучению на протяжении своей долгой научной карьеры в соответствии с малейшими колебаниями партийных оценок по данной проблеме. Он входил в авторский коллектив “Истории Гражданской войны”, принимал участие в подготовке “Краткого курса истории ВКП (б)”, был членом авторского коллектива “Истории КПСС” под редакцией Б.Н. Пономарева (ее назначение — дать новую антисталинскую версию истории партии). Словом, трудно найти в советской историо-

Не вызывает сомнения, что тему повести «Хлеб (оборона Царицына)», круг главных героев и консультантов (цензоров) определил сам вождь; недаром он так мучил Толстого с книгой «Восемнадцатый год» (1927 г.), входившей в эпопею «Хождение по мукам». В первом варианте романа «Восемнадцатый год» был эпизод, когда на заседании ЦК большевиков, обсуждавших проблему «похабного» Брестского мира, некто «с голым черепом», возглавляющий Президиум, т.е. Ленин, перекидывается записками с соседом (поблескивавшим пенсне), очень похожим на Троцкого. Без дополнительных объяснений становилось понятно, что они сообщники и доверительно относятся друг к другу, как это и было на самом деле. Кроме того, в романе «Восемнадцатый год» Толстой сознательно, или так ему подсказывал материал, не уделил особенного внимания одному из многочисленных эпизодов Гражданской войны, — так называемой «обороне Царицына» и участию Сталина в этих событиях. А именно в этом эпизоде Сталин первый раз в жизни проявил свои полководческие способности. Но в стане красных тогда было сформировано не менее 22 армий, да и Царицынский фронт никак не считался решающим. Катастрофы ждали на Восточном, колчаковском направлении. Пока Толстой писал и издавал роман, Троцкий еще боролся со Сталиным в СССР (выслан в 1929 г.). Даже после этого, рокового года он для многих оставался героем Гражданской войны номер один, которого невозможно вычеркнуть из истории и механически заменить другим персонажем. «Нужно было очень долго и настойчиво раскачивать качели истории, — вспоминал Троцкий в эмиграции, чтобы поднять Сталина на высоту героя царицынской эпопеи»⁸. Создается впечатление, что в 1927 г. у писателя, не затронувшего в новом романе царицынский эпизод, не хватило политического чутья. Зато в следующих переизданиях, Толстой все черты Троцкого (пенсне и др.) переписал на ярко выраженные сталинские. Теперь с Лениным общался записками человек «с черными усами, со стоящими волосами». Писатель вычистил и другие политически сомнительные места, даже пессимистические интонации и пассажи заменил на бодряческие. И все же, с Царицынским фронтом произошла заминка.

Дело в том, что Толстой, написав «Восемнадцатый год», вполне логично предполагал перейти к 1919 г. и к последующим годам революции. В начале 1934 г. он закончил вторую книгу о Петре I и, по своей устоявшейся привычке сразу переходить к новым темам, решил переключиться на третью книгу ро-

---

графии труды историка, которые в такой степени соответствовали бы “требованиям партийности”. И тем не менее на одном из этапов своей жизни, в 1949 г., он оказался в числе историков, попавших в разряд неблагонадежных — “историков-космополитов”... За время существования советского режима сформировалось нечто вроде общности — власть и историки пришли к некоторому обоюдному соглашению: власть стремилась все подчинить себе, а историки хотели во всем подчиняться власти» (*Афанасьев Ю.* Феномен советской историографии. URL: http://www.yuri-afanasiev.ru/articles/book_2000_19_t3_fenomenist.htm). После смерти Сталина Минц вернул и даже усилил свое влияние на революционную тематику. Мой покойный учитель Е.А. Луцкий рассказывал, что Минц в конце 1960-х гг., работая над трехтомной, тысячестраничной монографией «История Великого Октября», без всякого стеснения затребовал от ряда историков тексты неопубликованных работ и включил их в книгу, в которой он значился единственным автором.

⁸ *Троцкий Л.* Сталин. Кн. 2, т. 2—3. М., 2011. С. 85.

мана «Хождение по мукам». Когда и как у Сталина созрела мысль использовать именно Толстого для перелицовки истории Гражданской войны, не ясно до сих пор. Но не последнюю роль сыграли и те обстоятельства, что напрямую фальсифицировать совсем еще недавнюю историю было непросто, так как несмотря на начавшиеся массовые репрессии, живых участников и свидетелей революции и Гражданской войны было еще достаточно. Этот вопрос необходимо было «дорабатывать», что и делалось до 1937—1938 гг. и позже. Одновременно началось массовое уничтожение мемуарной и научной литературы, документальных публикаций. Варварский процесс стирания памяти шел путем выдиранья титульных листов или замазывания тушью и чернилами имен и портретов «врагов народа» в книгах и учебниках, организации при каждой большой библиотеке и архиве «спецхранов». До сих пор книги с такими следами или штампами: «проверено», встречаются в современных библиотеках и букинистических магазинах. Людей и события вычеркивали не только из жизни, но и из социальной памяти. Параллельно со всем этим, сталинским идеологам необходимо было подготовить новую версию событий и, широко распространив, внедрить ее в сознание людей. Для решения последней задачи мало было Минца с его редакцией многотомной «Истории Гражданской войны в СССР». Мало было исследования молодого доктора исторических наук Э.Б. Генкиной «Оборона Царицына в 1918 г.». Мало было одноименного двухсерийного фильма, законченного в годы войны (1942 г.) Необходимы были талантливые и популярные писатели, например, Алексей Николаевич Толстой.

В поисках будущего автора большую роль сыграл Горький. Толстой постоянно находился с ним «на связи», что видно из их переписки. Они занимались массой общих дел, да и московские усадьбы в центре Москвы были рядом. Горький вел себя по отношению к Толстому, как старший коллега. Когда Толстой в 1928 г. решил взяться за третий том «Хождения по мукам», он по совету Горького отложил работу. Затем уже в 1931 г. Горький опять рекомендовал коллеге не торопиться, потому что начинается централизованный сбор материалов о Гражданской войне⁹. Значит, Горький был в курсе замыслов не только Толстого, но и Сталина. Но и определиться с автором было еще недостаточно. Кто-то сообразил, что в канун 15-летнего юбилея освобождения Царицына от белогвардейцев (сам Сталин или кто-то из его окружения?), не за горами и двадцатилетний юбилей Октября (1937 г.), а за ним последует не менее значимый юбилей: начало личной военной карьеры вождя (1918 г., Царицын). С исторической точки зрения последняя дата и сам по себе эпизод были сомнительны, но Сталин все успешнее учился изощренно манипулировать событиями, именами, прошлым.

Сталин в царицынскую историю оказался замешан случайно, — после революции только у него, единственного члена большевистского ЦК, а затем Политбюро не было постоянного серьезного занятия и должности ни в правительстве, ни в партии, ни в советах, ни в войсках. В качестве члена правительства первого состава (октябрь 1917 г.) он был назначен народным комис-

⁹ Толстой Ал. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. С. 714—715.

саром по делам национальностей, которому в условиях начала Гражданской войны нечем было заниматься. Поэтому Ленин использовал его в качестве добросовестного наблюдателя и контролера высокого ранга. Недаром после Гражданской войны он был назначен главой единого партийно-государственного органа ЦКК-РКИ. А Сталин был человеком деятельным и амбициозным, поэтому недолюбливал свою первую должность, и, видимо, очень завидовал коллегам по партийному руководству, в недавнем прошлом абсолютным дилетантам во всем, а ныне успешно проявлявших себя в государственных, дипломатических и военных делах. Особенно завидовал «чужаку» Троцкому, занявшему второе после Ленина положение в государстве, одновременно более высокое положение, чем Сталин в партии, и — самую высокую должность в армии. Но здесь судьба и Сталину, наконец-то, дала шанс прославиться.

В начале лета 1918 г. Совнарком и ВЦИК направили его во главе вооруженной экспедиции для «сбора» хлеба (реквизиции), голодающему пролетариату двух столиц, остающихся подконтрольными большевикам. Похожие поручения давались многим. Например, после Сталина в 1919 г. за хлебом отправили на Украину Л. Каменева. Управлять государством не умели, производить ничего не могли тоже, первое время на подконтрольных большевикам территориях царил хаос и неразбериха, а экспроприировать научились еще до революции. К лету 1918 г. плодородный район между нижним Поволжьем и Северным Кавказом не успели разорить Гражданской войной. Но когда Сталин прибыл в мирный центр края Царицын, как в самое удобное место для концентрации хлебных поборов, белогвардейские отряды генерала П.Н. Краснова и донского казачества предприняли попытку захватить город. Сталин понял, что наступил его звездный час и, как многие в те времена, сначала по собственной инициативе, а затем и с благословения Троцкого и Ленина, взял на себя командование красными отрядами, возглавлявшимися бывшими офицерами, назначенными главой Реввоенсовета Троцким. Он лично направил Сталину это назначение, о чем через много лет, очень откровенно и явно сожалая, писал: «самочинно взятые на себя Сталиным функции руководителя всех военных сил фронта получают подтверждение Москвы». Несмотря на всю неприязнь Троцкого к Сталину, телеграмма Реввоенсовета республики, носящая помету, что она отправлена по согласию с Лениным, возлагает на Сталина следующие задачи: «Навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное комплектование, изгнав всех неповинующихся»¹⁰. С этого начался первый опыт самостоятельного и практически бесконтрольного сталинского управления обширным краем.

Через 11 лет, в 1929 г. к пятидесятилетию нового вождя был выпущен юбилейный сборник. Один из очерков написал ближайший сподвижник и участник царицынских событий Клим Ворошилов. Он первым процитировал в советской печати распоряжение Троцкого. Но вот как Ворошилов живописует город до и после прибытия Сталина: «Физиономия Царицына в короткий срок стала совершенно неузнаваема. Город, в котором еще недавно в садах греме-

¹⁰ *Троцкий Л.* Сталин. Кн. 2, т. 2—3. С. 96.

ла музыка, где сбежавшая буржуазия вместе с белым офицерством открыто толпами бродила по улицам, превращается в красный военный лагерь, где строжайший порядок и воинская дисциплина господствовали надо всем»¹¹.

Ворошилов без тени смущения разболтал о причинах такой разительной перемены, процитировав другого очевидца событий, полковника Носовича, перешедшего, после «мероприятий» Сталина, на сторону белых: «К тому времени в Царицыне вообще атмосфера сгустилась, царицынская чрезвычайка работала полным темпом, не проходило дня без того, что бы в самых, казалось, надежных и потайных местах не открывались бы различные заговоры. Все тюрьмы города переполнились... Главным двигателем и главным вершителем всего с 20 июля оказался Сталин». Цитируя статью Носовича, Ворошилов описывает реакцию Сталина, после того как ЧК задержала некоего инженера Алексева по подозрению в том, что он привез деньги сторонникам созыва Учредительного собрания. «Резолюция Сталина, — с восторгом цитирует Ворошилов полковника Носовича, — была короткая: “Расстрелять”. Инженер Алексеев, его два сына (! — *Б.И.*), а вместе с ними значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, а частью лишь по подозрению в соучастии в ней, были схвачены чрезвычайкой и немедленно, без всякого суда, расстреляны». Но в юбилейной брошюре есть комментарии и самого Ворошилова: «Чтобы обеспечить реорганизацию красных сил на фронте, нужно было железной, беспощадной метлой прочистить тыл. Реввоенсовет во главе с т. Сталиным создает специальную Чека и возлагает на нее обязанность очистить Царицын от контрреволюции»¹².

Не следует путать упоминаемый выше Реввоенсовет Царицынской армии с Реввоенсоветом Республики, куда Сталин после Царицынской, Польской и других провальных кампаний был допущен Троцким только в 1921 г., т.е. фактически после окончания Гражданской войны. «Прочистка тыла» в Царицыне заключалась в отстранении и расстреле направленных Реввоенсоветом Республики бывших офицеров и других военспецов. Массовые расстрелы и репрессии продолжались во все время пребывания Сталина в городе. Позже, в 1939 г., когда уже сложилась царицынская легенда, он с гордостью писал в «биографии» о своих невиданных подвигах в городе, который бесстыдно переименовал в 1925 г. в Сталинград¹³. Царицын первый достоверный эпизод бессудных жестоких казней, проведенных по инициативе и распоряжению Иосифа Джугашвили. Подлинное количество жертв никогда не будет известно.

Действия Сталина и Ворошилова путали карты военно-политического руководства Республики (т.е. Ленина и Троцкого), которое стремилось привлечь на свою сторону офицерские кадры для квалифицированной борьбы с белыми, проведя реорганизацию полупартизанской Красной армии в армию регулярную. Троцкий потребовал отстранить Сталина и Ворошилова от командо-

¹¹ *Ворошилов К.* Сталин и Красная армия // Сталин: Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. М.: Л., 1929. С. 66.

¹² Там же. С. 62, 64, 65.

¹³ См.: Иосиф Виссарионович Сталин: (Краткая биография) // Правда. 1939. 20 дек. С. 3; Иосиф Виссарионович Сталин: (краткая биография). М., 1946. С. 30—31.

вания царицынской X армией, а Ленин якобы осудил Сталина за расстрелы. Поскольку это была драка между своими, о ней мало кто узнал. Кроме того, эти события совпали с более грозными делами: с левозсеровским мятежом (июль) и с покушением на Ленина Ф. Каплан (август 1918 г.). По распоряжению Ленина во второй половине ноября 1918 г. Сталин окончательно был отозван в Москву. Именно с Царицынского эпизода началась почти открытая вражда двух «выдающихся» членов Политбюро (так выразился Ленин в своем завещании). В 1919 г. город был сдан большевиками и только через год вновь взят, без участия Сталина. Из литературы известно только то, что за несколько месяцев боев с участием Сталина красные потеряли до 30 тысяч убитыми. Истинные потери мирного населения никогда не будут известны.

Такова канва событий, получившая патетическое название «Оборона Царицына». На самом деле это была первая и очень сильная пощечина, полученная, как думал будущий генералиссимус, лично от Председателя Реввоенсовета республики Троцкого. Но в 1934 г., в том самом, в котором Толстому было поручено написать новый роман или заново переписать «Восемнадцатый год», Сталин попытался вернуть эту символическую пощечину, по-хозяйски перелицевав историю в точном соответствии с изречением «будут последние первыми, и первые последними».

* * *

В нескольких интервью, в письмах-воспоминаниях того времени Толстой делился своими творческими поисками и муками. Он писал, что приступил к работе над новой темой в конце 1934 г., поскольку в январе 1935 г. страна собиралась широко отмечать 15-летний юбилей освобождения Царицына от белых. «Красный граф» 17 мая 1935 г. в газете «Советское искусство» даже опубликовал принятые на себя обязательства: к 20-летию Октября написать новый роман, посвященный обороне Царицына. Сначала он несколько раз пытался «вернуться» к пройденной теме и дополнить несколькими страницами или вставной главой новую книгу «Девятнадцатый год» (позже получит название «Хмурое утро»), но ничего из этого не получалось или, возможно, такой поворот не устраивал «хозяина»? А получалась неувязка и ерунда: 1918 год уже весь описан во второй книге, царицынские события происходили летом—осенью, т.е. в середине года, их масштаб не был сопоставим с другими событиями этого времени, происходившими в стране. Но то, что для большинства было второстепенным в 1925—1927 гг., теперь, в 1934 г., необходимо было сделать поворотным пунктом истории Гражданской войны. Сверх того, несведущие в художественном творчестве «заказчики» и «контролеры» стали требовать невозможного: от Толстого ждали имитации исторической достоверности, но не художественными средствами, что еще можно было понять, а средствами, симулирующими историческую науку. Сталин, Ворошилов и, возможно, Минц требовали нечто вроде «социалистического реализма» применительно к роману на историческую тему: все описать в стиле документалистики, но без документов и без творческой фантазии. Толстой очень скоро понял, что с этой задачей он так просто не справится. Ему пришлось согласиться с тем, что легче написать новую книгу, состыковав ее с предыдущими

двумя, переведя всю напряженную проблематику Гражданской войны в подобие череды серий художественных фильмов с кинокадрами, имитирующими кинохронику. За несколько лет до этого, известный кинорежиссер Сергей Эйзенштейн снял в стиле псевдокинохроники фильм «Октябрь», воспроизводя события 1917 г. Сталин лично проследил за тем, чтобы Троцкий не попал в этот фильм в качестве одного из героев.

Толстой размахнулся вначале очень широко — наметил для третьей части «Хождения по мукам» четыре новые книги: «Оборона Царицына». «Республика в опасности», «План Сталина», «Начало побед». От «хождения по мукам» мало чего должно было остаться, зато явственно зазвучали фанфары и литавры. Писатель предполагал, что все закончит к 1936 г.¹⁴ Но и из этого плана тоже ничего не вышло. На эпохальный роман его не хватило; видимо, не нужна была подобная «многосерийка» и Сталину. С большим трудом и «скрипом» Толстой написал небольшую повесть, примерно в 250 страниц. Через десять лет, в 1943 г. он вспоминал о своих терзаниях: «Начал я вторую книгу “Сестры”. — *Б.И.*) в 1927 году и кончил ее через полтора года. И лишь гораздо позже я понял, что в описание событий вкралась одна историческая ошибка. Печатные материалы, которыми я пользовался, **умалчивали** о борьбе за Царицын, настолько **умалчивали** (выделено мной. — *Б.И.*), что при изучении истории 18-го года значение Царицына от меня ускользнуло. Только впоследствии, через несколько лет, я начал видеть и понимать основную и главную роль в борьбе 1918—1919 годов, в борьбе революции с контрреволюцией — капитальную роль обороны Царицына. Что было делать? Роман был уже написан и напечатан. Вставить в него главы о Царицыне не представлялось возможным. Нужно было все писать заново. Но без повести о Царицыне, об обороне Царицына невозможно было продолжать дальнейшего течения трилогии. Поэтому мне пришлось прибегнуть к особой форме — написать параллельно с “Восемнадцатым годом” повесть под названием “Хлеб”, описывающую поход ворошиловской армии и обороны Царицына Сталиным. В связи с этим работу над третьим томом “Хмурое утро” я начал лишь в 1939 году»¹⁵.

Обратим внимание на многозначительную фразу о том, что, оказывается, печатные материалы о героической эпопее коварным образом «умалчивали» и только через некоторое время автор «прозрел». Это был любимый рефрен исполнителей воли Сталина, действующих на историческом «фронте», да и его самого. Все крупные чиновники от науки и культуры того времени, историки Виппер, Бахрушин, И. Смирнов, Нечкина, писатели Толстой, Костылев, Соловьев и др. будут без тени смущения заявлять о неких темных силах, сознательно уничтоживших в древности документы о невероятной прозорливости и доброжелательности царя Ивана IV или о право-левых врагах-троцкистах-бухаринцах, скрывших информацию о подвигах Сталина в Гражданской войне. А что делать, если документов никогда не было, их нет в природе вообще? Выход был найден: еще плотнее закрыли доступ в архивы во избежание непредвиденных нежелательных утечек и стали целенаправленно до-

¹⁴ Толстой А. Собр. соч. Т. 6. С. 719.

¹⁵ Толстой А.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 377.

бываться нужных воспоминаний от очевидцев. Очевидец — очень древний и бесценный источник знаний о прошлом, но это живой человек, а поэтому может «лгать как очевидец». С этим недостатком воспоминаний историческая критика давно научилась справляться. Но в сталинские времена было создано целое «направление»: сбор информации от реальных участников событий, которые внезапно начинали «вспоминать» не бывшие, но очень важные факты и делать оценки, из которых в свою очередь историки, писатели и другие творческие работники широкими мазками создавали «исторические» полотна. Как информировал Минц, к 1942 г. только в Главной редакции «Истории Гражданской войны в СССР» скопилось свыше 5000 «мемуаров»¹⁶. Фальсификация истории было делом хлопотным, трудозатратным, но позволяла творить новую биографию заказчику, да что там, биографию — новую историю партии, страны, всемирную историю. И все выглядело очень правдоподобно. Упорно не желающих вспоминать или забывать, тем более неверующих в новое прочтение прошлого, уничтожали¹⁷.

В документальном фонде Толстого сохранилась часть материалов, которые с осени 1934 г. стали поступать к нему из редакции «Истории Гражданской войны в СССР». Удивительное дело, но вначале посылали документы и печатные издания инициативно, т.е. не по просьбе самого Толстого и не он определял тематику и круг требуемых исторических источников. Все это определял Минц и его команда. В одном из последних писем Горькому Толстой писал о себе осенью 1935 г., что за работу «взялся с трудом, с самопринуждением, но сейчас увлечен так, что дым идет из головы. Минц снабжает меня материалами. Трудность написания романа в количестве материала...»¹⁸. Большая часть материалов, присланных из редакции и хранящихся сейчас в архиве Толстого, это машинописные воспоминания участников Гражданской войны, исторические справки о них и автобиографии. Другую группу документов составляют копии приказов, распоряжений, инструкций, воззваний, летопись событий 1918—1919 гг., списки численного состава войск. Есть даже белогвардейские листовки, показания пленных, карты, схемы и, конечно, тексты статей и выступлений Сталина, Ленина, подборки вырезок из газет. Писатель мог пользоваться и несколькими историческими исследованиями¹⁹. Подавля-

¹⁶ Минц И.И. Изучение истории... С. 158.

¹⁷ «Жертвами террора стали крупные ученые: создатель и первый руководитель Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов, автор работ о Н.Г. Чернышевском и М.А. Бакунине Ю.М. Стеглов, директор историко-партийного Института красной профессуры В.Г. Кнорин, директор Института истории АН СССР, ответственный редактор журнала «Историк-марксист», специалист по Великой французской революции академик Н.М. Лукин, директор библиотеки имени В.И. Ленина В.И. Невский, первый декан исторического факультета МГУ Г.С. Фридлянд, президент Академии наук Белоруссии П.О. Горин, член-кор. Академии наук Белоруссии С.А. Пионтковский, бывший директор Историко-археографического института АН СССР, член-кор. АН СССР С.Г. Томсинский, директор Института истории партии Ленинградского обкома ВКП (б) О.А. Лидак, научный сотрудник Института истории АН СССР Н.Н. Ваняг и многие другие. В ходе репрессий были уничтожены многие из тех, кто начал разработку новой советской историографии». См.: Поляков Ю.А. Историография истории СССР. Эпоха социализма. М., 1982.

¹⁸ Толстой Ал. Собр. соч. Т. 6. С. 718.

¹⁹ Там же. С. 715.

ющая часть материалов имеет отношение не столько к истории Гражданской войны в целом или хотя бы к Южному фронту, а исключительно к обороне Царицына в период 1918—1919 гг. Никогда раньше, до работы над повестью «Хлеб» писатель не имел в своем распоряжении такого количества исторических документов о революции, да и не нужны они ему были. Роман «Сестры» задумывался за рубежом скорее как роман-воспоминание, роман-рефлексия интеллигента о грозных и мрачных событиях, надвинувшихся на старый и благополучный мир. Тогда Толстой писал, как очевидец. Достаточно было записных книжек, собственных корреспонденций в белогвардейские газеты и подшивок старой периодики. Когда он взялся писать вторую книгу, то был вынужден всерьез следить за политической ситуацией, находясь внутри страны. Он все еще писал, опираясь на свою память и чувства. Правда, уже тогда использовал подлинные речи Ленина и некоторые стенограммы съездов. Роман стал скучнее и фальшивее. Очевидцем событий 1918 г. в Царицыне со стороны красных он быть не мог, так как был хотя и близко, но по ту сторону фронта. Значит, надо было работать с документами, с историческими источниками. Но он никогда не был и не мог быть историком, даже тогда, когда работал над романом о Петре I, от которого пришел в искренний восторг сам академик и лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Бунин. Люди несведущие в ремесле историка (среди них есть и те, кто считает себя частью сообщества), главное различие между творчеством художника-романиста и научным творчеством историка видят в полете фантазии и в выстраивании фабулы, — в первом случае, и в строгом следовании документам и фактам, — во втором. Но это совсем не так, и Толстой знал, что это не так. Приступая к повести «Оборона Царицына», он убеждал сам себя: «Время начать изучать революцию, — художнику стать историком и мыслителем»²⁰. Очень точная связка: историк — это мыслитель (не путать с философом). Но одно дело понимать, другое — мочь. Толстой всегда был и оставался литератором, пишущим на исторические темы.

Во время работы над повестью основные установки и живописные детали были получены от красных командиров, сознательно оберегаемых Сталиным от расстрелов на протяжении всей своей жизни. Об этой стороне сталинской природы мало кто писал, но ради «дела» Сталин мог держать под рукой нужного человека годами, назначать на высокие должности, однако без всякой для того гарантии, что жизнь дарована навсегда. Весной 1935 г. была устроена встреча Толстого с Ворошиловым, который «рассказал ряд захватывающих эпизодов из обороны Царицына»²¹. Таких встреч было несколько. В ходе работы над темой Толстой встречался и с другими героями событий — С. Буденным (несколько раз), с О. Городовиковым, с Я. Щаденко. Это все были верные и ценнейшие сталинские очевидцы, много лет писавшие раболопные послания Сталину и доносы: Щаденко — на многих (лежат в архиве вождя), Буденный «стучал» на Бабея. Именно этих очевидцев, как всегда остро, охарактеризовал Троцкий: «когда подул попутный исторический ветер, царицын-

²⁰ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 296.

²¹ Там же. С. 509.

цы помогли Сталину устанавливать паруса»²². Впрочем, Троцкий, как бывший верховный комиссар и командир Красной армии, до конца ценил в каждом из них «военного самородка». Цитируя раз за разом признанного врага Сталина, боюсь прослыть троцкистом, но от кого, скажите, можно узнать голую правду, как не от врага? Не об этом ли гласит вековая мудрость? А в конце жизни «хозяина» Ворошилов все же потерял его доверие; Буденный, по слухам, не раз бывал под ударом. Однако все «царицынцы», кроме бывших царских генералов и офицеров, служивших верой и правдой красным, его пережили.

Создается впечатление, что во время работы над повестью Толстой находился не только под давлением секретариата Главной редакции «Истории Гражданской войны», но и через кого-то из партийных чиновников, под присмотром самого Сталина. С начала тридцатых годов и до смерти Толстой не раз встречался с вождем. Последний, конечно, понимал, что для большего реализма писателю нужна живая «натура». Я не литературовед и могу ошибаться, но и специалисты, да и сам автор еще при жизни признал, что повесть «Хлеб» вышла неудачной. Даже такому крупному мастеру, каким был Толстой, пристальное внимание, контроль и неумный диктат людей, ничего не понимавших в творчестве, а главное, лишенных творческого начала даже в тех областях, которыми занимались сами, делало писателя бессильным (о полководческих способностях Ворошилова и говорить нечего, а Сталин был способен только на одно — творить зло, к чему бы ни прикасался). Во-первых, писать было не о чем: ничтожный эпизод хлебозаготовок, прорыв отступавшего партизанского отряда Ворошилова с Дона на Волгу, эпизоды партизанской войны, растянувшейся на четыре месяца, — написать об этом целый роман было архитрудно. Но, как известно, большому таланту совсем не обязательно описывать события огромной исторической значимости. Большой талант способен справиться даже с микродвижениями человеческой души, придав им вселенское значение. Для этого нужно было фантазировать, искусно сплетая вымысел с подлинными фактами, что Толстой уже делал в романе «Петр I». Но во время работы над «Хлебом» жесткие ограничения на фантазию накладывал профессор Минц (по существу, Сталин), давила масса разрозненных, уводящих в стороны, документов и, конечно, страх ответственности. Под их воздействием произведение грозило превратиться в примитивно сконструированное, вялое «бытописание» по примеру повести Горького «Мать». Совершенно сковывало писателя и то, что главными героями были живые люди, да не просто люди, какие-то там «бывшие дантоны», а нынешние владыки земли советской, которые одним щелчком отправляли в тартарары не менее мощные таланты. Надо было понравиться новым владыкам своим заказным произведением.

В повести «Хлеб» три главных ослепительно положительных героя, они же три исторических лица: гигант Сталин, чуть поменьше — Ворошилов, еще поменьше — Ленин, и два литературных образа людей из «народа»: Иван Гора и отважная, очень юная Агриппина. Им противопоставлены карлики: злобный, брызжущий ядом Троцкий, тряпочный дурачок Бухарин и еще какие-то ми-

²² Троцкий Л. Сталин. Кн. 2, т. 2—3. С. 139.

кроскопические враги, предатели, либералы, буржуазные политиканы, демократы. Белые офицеры и казаки — безлики. Главная «идея» книги, которую Толстой проводил от начала и до конца: Сталин, это Ленин не только сегодня, но и тогда, в Царицыне, в 1918 г. Другая идея: мы говорим Ленин, подразумеваем Сталин и наоборот. Еще одна идея: народ, партия, Сталин — едины. Сталин беспощаден к врагам, милостив к рабочим и крестьянам. У Толстого Сталин бог, не бог, но что-то приближающееся к божественному истукану. Толстой был одним из тех, кто волей, а иногда, неволей, вошел в число жрецов новой религии сталинизма: «В религии сталинизма Сталин занимает место Бога со всеми его атрибутами. Но это не христианский Бог, который растворяется в Троице... Это скорее Аллах — нет бога кроме Бога, — который наполняет вселенную своей бесконечностью. Он средоточие, в котором все соединяется. Он господин телесный и духовный мира, творец и правитель. Он всемогущ, премудр и предобр, милосерден. Его решения незыблемы. У него 99 имен»²³. В этом ерническом речитативе Троцкого, атеиста и радикального революционера, слышны отголоски Ветхого и Нового Заветов, Корана, Апокалипсиса, а, в целом, констатация сатанизма, заполнившего глубинные полости российского бытия тридцатых годов. Совсем из других далей ему ужаснулся и Михаил Булгаков, обдумывая первые наброски романа «Мастера и Маргарита».

Повесть «Хлеб» насыщена пропагандистскими наработками периода становления сталинизма. Вот как Толстой описывает тандем того времени: в кабинет «вошел человек, с темными стоячими волосами, и молча сел около Ленина. Руки он стиснул на коленях — тоже, должно быть, прозяб под широкой черной блузой. Нижние веки его блестящих глаз были приподняты, как у того, кто глядится вдаль. Тень от усов падала на рот ... Лоб его (Ленина. — *Б.И.*) собрался морщинами, скулы покраснели от сдержанного возбуждения. Он повторил: — События крупнее и важнее не было в истории человечества... Сталин глядел ему в глаза, — казалось, оба они читали мысли друг друга. Распустив морщины, Ленин перелистал исписанные листочки: — Вторая точка зрения: не мир, но революционная война!.. Гм!.. гм!.. Это — наши “левые”... — Он лукаво взглянул на Сталина. — “Левые” отчаянно размахивают картонным мечом, как взбесившиеся буржуа... Сталин коротко, твердо кивнул, не спуская с Владимира Ильича блестящих глаз»²⁴. Такое впечатление, что толстовский Сталин исключительно из сострадания держит рядом с собой недоумка Ленина.

А вот словесные портреты Бухарина и Троцкого: «Сотни полторы рабочих слушали светловолосого, маленького, с веселым розовым лицом человека, горячо размахивающего руками. Он был в черной, перепоясанной ремнем, суконной рубаше. Ворот расстегнут на тонкой интеллигентской шее, зрачки светлых круглых глаз воровски метались по лицам слушателей: — ...Вся наша задача — сберечь для мира чистоту революции. Октябрьскую революцию нельзя рассматривать как “вещь в себе”, как вещь, которая самостоятельно

²³ *Грей Я., Троцкий Л.* Сталин. С. 316—317.

²⁴ *Толстой Ал.* Собр. соч. Т. 6. С. 433.

может расти и развиваться... Если наша революция станет на путь такого развития, мы неминуемо начнем перерождаться, мы не сбережем нашу чистоту, мы скатимся головой вниз, в мелкобуржуазное болото, к мещанским интересам российской деревни, в объятия к мужичку.. Быстрой гримасой он хотел изобразить вековечного российского мужичка и даже схватился за невидимую бородавку». Речь «схоласта с воровскими глазами» Бухарина, произнесенная в 1918 г., прозвучала под пером Толстого так, как ее хотел услышать Сталин в 1937 г. Когда вышла повесть, Бухарин еще был жив. Толстой ерничал по адресу человека, обреченного на близкую смерть, и он знал, что тот обречен, но еще лучше знал об этом Сталин.

Портрет Троцкого:

«Председатель советской делегации, с волчьим лбом, татарскими усиками, черной — узким клинышком — бородкой, визитке, боком к столу, подняв плечи супрематическим жестом, — похожий на актера, загримированного под дьявола... Так Троцкий нарушил директиву Ленина и Сталина, совершил величайшее предательство: советская Россия, не готовая к сопротивлению, вместо мира и передышки получила немедленную войну. Россия была отдана на растерзание»²⁵. Не думаю, что Толстой начисто забыл о том, кому он был обязан возвращением на родину? Актером Сталин обозвал Троцкого еще в начальные годы борьбы, злостное искажение действий Троцкого принадлежит ему же. Дьяволом с рогами, хвостом и в лапсердаке изображали Троцкого во время Гражданской войны в белой печати, в той самой с которой Толстой сотрудничал; остальное принадлежит автору.

* * *

В архиве Сталина лежит корректурный экземпляр отдельного издания повести. В его руки он мог попасть в первой половине 1937 г., так как на титульном листе указано, что это вторая (надо думать, окончательная) корректура повести, публикацию которой готовит ленинградское отделение издательства «Художественная литература». Выход повести символически завершал роковой для страны 1937 г. и давал старт царицынскому юбилейному 1938 г., а за ними шел 1939 г., год шестидесятилетнего юбилея вождя. Сталин прочитал повесть заранее, в корректуре: все, что касалось его особы, он в обязательном порядке цензурировал сам, тем более что это было заказное произведение. Читал он ее внимательно, придирчиво, как профессиональный редактор, с синим карандашом в руке. Замечаний сделал немного. Всегда очень внимательно следил за изложением политических позиций, особенно своей и Ленина, несмотря на то, что здесь они были героями художественного произведения, а не политического трактата. Поэтому в двух местах подчеркнул и поставил знаки вопроса там, где излагалась позиция руководителя партии и государства по вопросу о строительстве социализма в одной стране и Брестском мире²⁶. По привычке отметил неудачный оборот автора, который написал, что «Ленин со всей энер-

²⁵ Там же. С. 429, 441, 442.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Ед. хр. 352. С. 22, 32 (Алексей Толстой. Хлеб. Повесть. Л., 1937. 2-я корректура).

гией начал организовывать обороноспособность республики». Сталин правит: «оборону». Отметил галочкой описание штабного вагона Троцкого. Толстой не мог видеть штаб Предреввоенсовета Республики своими глазами, писал со слов очевидцев, возможно, Ворошилова или Минца. Не исключено — Сталина привлекло описание «чисто одетых» военных и царившего вокруг порядка, наведенного набранными Троцким бывшими офицерами²⁷. Видно, что Сталин прочитал повесть всю до конца, поскольку на последних страницах сделал еще два замечания, имеющих отношение к собственным деяниям. Замечания не существенны, но показывают, какое значение придавал герой Царицына даже мелким неточностям, могущим посеять сомнения в достоверности всей конструкции. Например, Толстой пишет, что Сталин отправился на оружейный завод «Баррикады». На полях Сталин гневно отмечает: «Никаких “Баррикад” тогда не было». Действительно, подобное название могло появиться только после Гражданской войны. Отчеркнул Сталин и то место в речи Сталина, где герой, выступая перед рабочими, заявляет, что революции срочно нужны «бронепоезда, броневики и пушки», а из контекста становится ясно, что это завод, на котором производят и ремонтируют винтовки²⁸.

Повесть «Хлеб. Оборона Царицына» вышла в журнальном варианте в конце 1937 г. Автор не мог не знать, что своей повестью он поет осанну истинному автору всего того, что народ окрестил «ежовщиной». В 1938 г. подряд вышло четыре отдельных издания «Хлеба», в 1941 г. еще одно, затем, переиздания внезапно прекратились. После смерти Толстого (февраль 1945 г.), с 1947 по 1951 г., т.е. до смерти Сталина (март 1953 г.), вышло еще пять отдельных изданий значительными тиражами. Как горделиво сообщал Толстой в своей последней автобиографии, — повесть вышла почти на всех языках мира, тиражом большим, чем роман «Петр I». Он, правда, не добавил, что на иностранных языках ее тиражировали, скорее всего, в советских издательствах или же за рубежом, но на советские деньги.

Затем начинаются странности: Сталин прочитал повесть в корректуре, т.е. предварительно; она ему явно пришлась по душе, несмотря на несколько колких замечаний. Книга вышла при жизни Сталина и выходит до сих пор, но почему-то со всеми теми огрехами, которые отметил первый читатель и истинный ее герой. Значит, за большими делами он позабыл о них или не придавал фактическим неточностям особого значения? Главное было сделано — слава первого полководца Гражданской войны была завоевана трудами известного писателя. Им же осмеяны и оплеваны подлинные герои социалистической революции. Повесть получила многочисленные положительные рецензии, хотя некоторые критики добродушно отмечали некоторую сухость стиля.

Сталину повесть «Хлеб» и услужливая расторопность Толстого понравились так, что автор после смерти Горького получил высшую писательскую должность руководителя Союза писателей СССР. Толстой действительно был выдающимся литератором и исполнительным человеком, но как чиновник и организатор Сталина не устроил, и менее чем через три года вождь заменил

---

²⁷ Там же. Л. 49.

²⁸ Там же. С. 250, 251.

его на А.А. Фадеева. В начале войны, будучи в эвакуации, в Ташкенте Толстой интриговал против Фадеева, ушедшего в очередной длительный запой, но должность секретаря ССП больше не получил. Тем не менее, «Хлеб» продолжал приносить урожай. Писатель был избран в Верховный Совет СССР по Старорусскому избирательному округу Ленинградской области в декабре 1937 г. В 1939 г. вместе со Сталиным был избран в Академию наук СССР. В конце тридцатых годов Толстой стал одним из ведущих сановных аллилуйщиков, за полтора года до отечественной войны сформулировавший знаменитый лозунг: «За Родину! За Сталина!». Так была озаглавлена его юбилейная статья, приуроченная к шестидесятилетию вождя, опубликованная 25 декабря 1939 г. в «Правде». Со сдержанным восторгом Толстой живописал «с натуры»: «У него нет особых требований или особых привычек. Он всегда одет в полувоенный, просторный, удобный костюм, курит тот же табак, что мы с вами. Но для тех, для кого он мыслит и работает, он хочет побольше всего и получше, что бы вкусы и требования росли у нас вместе с культурой и материальным благосостоянием. Он всегда весел, остроумен и вежлив». Так подобострастный лозунг сформулированный писателем в мирное время, стал в годы войны тем идеологическим «гвоздем», на котором держалась вся советская пропаганда. Толстой же позаимствовал стиль и интонацию другого сталинского аллилуйщика и дорого обошедшегося для советской казны литератора, француза Анри Барбюса. Тот, за кругленькую сумму, перед смертью успел издать в 1936 г. толстую книгу восторгов и любований. Но сама по себе юбилейная толстовская статья в «Правде» говорила всем о невероятно высоком государственном статусе писателя и полном удовлетворении руководства страны его деятельностью. В течение этой же юбилейной сталинской недели на девяти полосах все той же «Правды» была опубликована «Краткая биография» Иосифа Виссарионовича Сталина, в которой небольшое, но важное место занимал эпизод «Обороны Царицына», написанного в духе Секретариата Главной редакции Истории Гражданской войны и повести Толстого. Источник, как и герой, всех трех произведений один: «Хозяйничанье капиталистов и помещиков довело страну до катастрофы. Рабочие столиц получали не более восьмушки фунта хлеба в день. Республика была отрезана от украинского и сибирского хлеба. Оставалась только одна область, откуда можно было добыть хлеб, — юго-восток, Поволжье и Северный Кавказ, дорога от которых лежала по Волге через Царицын. Спасти революцию можно было только добыв хлеб. Ленин обратился к петроградским рабочим с призывом организовать поход в деревню в помощь крестьянской бедноте против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов. Сталин был командирован Центральным Комитетом партии на юг в качестве облеченного чрезвычайными правами общего руководителя продовольственного дела на юге России. 6 июня 1918 года Сталин с отрядом рабочих прибыл в Царицын. Соединение в одном лице прозорливости политического вождя и таланта полководца позволило Сталину разгадать роль Царицына, как место главного удара со стороны контрреволюции. Взятие Царицына отрезало бы Республику от последних хлебных ресурсов, от бакинской нефти, позволяя белым объединить донскую контрреволюцию с Колчаком и чехословацкой контрреволюцией и общим фронтом идти на Мо-

скву. Надо было во что бы то ни стало удержать в руках Советской власти Царицын. Очистив железной рукой город от белогвардейских заговорщиков, добыв и послав голодающей столице значительное количество продовольствия, Сталин целиком занялся обороной Царицына. Беспощадно ломая сопротивление контрреволюционных специалистов, присланных и поддерживаемых Троцким, Сталин быстрыми и решительными мерами реорганизовал разрозненные отряды. Ускорил прибытие из Донбасса частей Ворошилова, ставших ядром вновь сформированной X армии. Железная воля и гениальная прозорливость Сталина отстояли Царицын, не дали белым прорваться на Москву»²⁹. Весь раздел, слово в слово был перепечатан в отдельном издании «Краткой биографии» уже генералиссимуса, вышедшем в 1946 г.³⁰

* * *

В первое время после выхода повести Толстой свое произведение оценивал очень высоко: «В этом романе говорится о самом главном, что есть в мире, — не раз, как заклинание повторял автор, — о философии нашей революции, о больших людях нашей революции, об организации беспримерно победоносной борьбы, о великом оптимизме нашей революции, о том, как в огне боев создавался характер советского человека. Чтобы показать смысл революции, я решил взять самых больших людей, самых великих наших современников. Ленин, Сталин, Ворошилов стоят в центре моего романа»³¹. Один из лучших современных биографов Толстого А. Варламов опубликовал письмо писателя Ромену Роллану, дав очень точные характеристики автору и его только что опубликованной повести. Толстой: «вальяжно отписывал Ромену Роллану, с чьей женой Майей Кудашевой и по совместительству агентом НКВД когда-то в одной компании веселился в Коктебеле: “В романе мало отрицательных персонажей. Мне больше не хочется писать ни о ничтожестве маленьких душ, ни о человеческой мерзости, мне не хочется изображать из моего искусства зеркало, подносимое к физиономии подлеца. Зачем обращать свой взгляд на огромные груды мусора, устилающего путь, по которому шествует человеческий гений? Зачем разглядывать в увеличительное стекло его подметки? У искусства — другие, более высокие и необозримые, восхитительные и величественные задачи: формирование новой человеческой души. Я старался сделать свой роман занимательным, — таким, чтобы его начать читать в полночь и кончить под утро и опять вновь перечитать. Занимательность, по-моему, — это композиция, пластичность и правдивость”». «Тут что ни слово — то ложь» — замечает критик. «И уж точно невозможно начать читать “Хлеб” в полночь, кончить читать под утро и снова перечитывать. Про правдивость лучше и вовсе не говорить. Но опять-таки, значит ли это, что Толстой, когда писал “Хлеб”, хохотал? Едва ли. У каждого запасливого писателя имелась

²⁹ Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография) // Правда. 1939. 20 декабря. С. 3.

³⁰ Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография). С. 30—31.

³¹ Толстой А.Н. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 200.

своя “охранная грамота”. Толстовской стала повесть “Хлеб” Она же “Оборона Царицына”»³².

Я не исключаю, что это письмо Толстой написал с расчетом на то, что его перехватят и сообщат «куда нужно». Наверное, жить под присмотром неусыпного «ока государева» тяжелейшая ноша! Но так жил не только он, а весь советский народ, всю советскую эпоху. И, казалось бы, на вершине успеха «охранная грамота» под заглавием «Хлеб», неожиданно быстро начала терять свою силу. О повести почти перестали говорить, что не могло произойти без «отмашки» сверху. После очередного прижизненного переиздания книги накануне войны, в 1941 г., оценки произведения стали меняться. Когда кинорежиссеры брата Васильевы перед самой войной приступили к съемкам фильма «Оборона Царицына» (вышел на экраны в 1942 г.), Толстого не пригласили в сценаристы, хотя сюжет фильма был близок к повести «Хлеб». В конце 1942 г. Толстой в своей краткой автобиографии уже писал: «“Хлеб” был закончен осенью 1937 года. Я слышал много упреков по поводу этой повести: в основном они сводились к тому, что она суха и “деловита”. В оправдание могу сказать одно: “Хлеб” был попыткой обработки точного исторического материала художественными средствами; отсюда несомненная связанность фантазии. Но, быть может, когда-нибудь кому-нибудь такая попытка пригодится. Я отстаиваю право писателя на опыт и на ошибки, с ним связанные. К писательскому опыту нужно относиться с уважением, — без дерзаний нет искусства»³³. В мае 1943 г., выступая в Союзе писателей, Толстой, опять вынужденно признался коллегам: «Таким образом, возникла сухая и слабая повесть “Хлеб”, здесь была дана чисто историческая эпоха»³⁴.

Создается впечатление, что он подсознательно раз за разом давал знать своим читателям и критикам об испытанном давлении со стороны. Но я хочу обратить внимание на то, что будущие поколения читателей никогда не принимают во внимание ссылки на вмешательство посторонних сил в процессы творчества. Наиболее честные и самостоятельные современники сразу же не принимают подлога, лжи и фальсификации, чем бы они ни мотивировались. Я уже отмечал: Толстой «замахнулся» на то, на что он не был способен (и никто другой не смог бы этого сделать). Он пытался написать произведение, в котором не бывшее стало бы бывшим³⁵. В соответствии с заданием он пытался одним лишь словом сотворить новую реальность, причем так, чтобы она полностью вытеснила действительную реальность и вошла вместо нее в память будущих поколений. К середине XX в. магия слова достигла такой силы, так воздействовала на умы и души людей, что имеющие власть диктаторы и тотальные режимы стали с его помощью конструировать не только лжепророков и лжерелигии (идеологии), но и новую реальность. Подлог прошлого наиболее полно и детально был проведен в сталинском СССР, тогда как стараниями последующих вождей «прошлое» только слегка обновлялось и под-

³² Варламов А. Красный шут: Биографическое повествование об Алексее Толстом. М., 2012. Гл. 15.

³³ Толстой Ал. Собр. соч. Т. 1. С. 61.

³⁴ Цит. по: Шербина В. А.Н. Толстой. М., 1956. С. 314.

³⁵ Троцкий писал о Сталине: «Во всяком случае он явно делал все, чтобы замести следы и сделать бывшее как бы не бывшим» // Троцкий Л. Сталин. Кн. 2, т. 2—3. С. 113.

правлялось. «Хлеб» показал, что для фальсификации истории могут успешно служить и неудачные произведения, главное, чтобы они приемлемо имитировали подлинность и достоверность не бывшего. Для этих целей могла служить даже грубая имитация под исторический источник и исторический факт, навязывающие требуемый ракурс взгляда на прошлое. Художественные произведения типа «Обороны Царицына», (а их стало появляться множество и разных жанров) пока не давали необходимого эффекта.

* * *

Заканчивая рассказ о повести «Хлеб», не могу не привести выдержки из анонимного письма читательницы, направленного в числе нескольких сотен других писем депутату Верховного совета СССР А.Н. Толстому в 1937 г.:

«Алексей Толстой! Сегодня я сняла со стены ваш портрет и разорвала его в клочья. Самое горькое на земле — разочарование. Самое тяжелое — потеря друга. И то и другое я испытала сегодня. Еще вчера я, если можно так выразиться, преклонялась перед вами. Я ставила вас выше М. Горького, считала Вас самым большим и честным художником... Вы казались мне тем инструментом, который никогда, ни в каких условиях не может издавать фальшивую ноту. И вдруг я услышала вместо прекрасной мелодии захлебывающийся от восторга визг разжиревшей свиньи, услышавшей плеск помоев в своем корыте... Я говорю о вашем романе “Хлеб”, содержание которого я прочла в “Лит. Газете”. Мне стало стыдно, горько и очень, очень больно. Ведь вы очень наблюдательный, умный, чуткий человек с огромным сердцем, вы, написавший “Гадюку”, “Любовь”, “Хождение по мукам”, “Морозную ночь”, вы так умевший передать всю “милую тяжесть любви”, проникший в тайное тайных человеческой души и с опытностью мастера разбирающийся в сложной механике Жизни... И вдруг вы вступили в свору завывающих с пеной у рта подхалимов, двурушников, разбивающих лоб от усердия кликуш... Неужели вы не видите объективной действительности? Где ваша орлиная зоркость? Андре Жид за два месяца пребывания в СССР сумел разглядеть то, чего не увидели вы, живущий здесь постоянно. Как не стыдно вам присоединяться к хору, вопящему, что “у нас светлая, радостная, счастливая жизнь, данная нам любимым Сталиным”. Неужели вы не чувствуете всей духоты атмосферы, в которой задыхается 170 000 000 советских людей? Неужели вы не видите буквальной нищеты во всем Союзе? Или вы оторвались от подлинной жизни? По всей стране волной разлилась реакция. Лучшие люди, преданные ленинской идее, честные и неподкупные, сидят за решетками, их арестовывают тысячами, расстреливают, они не в силах перенести грандиозную Подлость, торжествующую по всей стране, сами уходят из жизни, кончают самоубийством...

История... Как ее извращают! В угоду необъятному честолюбию Сталина подтасовываются исторические факты. И вы тоже приложили свою тонкую руку, тоже стали заправским подпевалой. Ведь в “Хлебе” вы протаскиваете утверждение, что революция победила лишь благодаря Сталину. У вас даже Ленин учится у Сталина... Ведь это прием шулера. Это подлость высшей марки!

Произвол и насилие оставляют кровавые следы на советской земле. Диктатура пролетариата превратилась в диктаторство Сталина. Страх — вот

доминирующее чувство, которым охвачены граждане СССР. А вы этого не видите? Ваши глаза затянuty жирком личного благополучия, или вы живете в башне из слоновой кости?.. Смотрите, какая комедия — эти выборы в Верховный Совет... Ведь в них никто не верит. Будут избраны люди, угодные ЦК ВКП (б). Назначенство, а не выборы, ведь это же факт... Партия ушла от массы, она превратилась в диктаторскую партию. Сейчас честные люди не идут в партию. Идут в нее лишь карьеристы и люди беспринципные, аморальные...

Как вы не замечаете, что сверкающая идея Ленина заменена судорожными усилиями Сталина удержать власть. Где тот великолепный пафос, что в Октябре двинул миллионы на смертельную битву? Под зловонным дыханием Сталина и вот таких подпевал, как вы, вековая идея социализма завяла, как полевой цветок в потных руках мерзавца! И вы, инженер души человеческой, трусливо вывернулись наизнанку и мы увидели неприглядные внутренности продажного борзописца.

Вы, увидя вакантное место, освободившееся после смерти М. Горького, чтобы его занять, распластались в пыли, на брюхе поползли, расшибая лоб перед Сталиным, запев ему хвалебные гимны. Где же ваша беспристрастность? Где честность художника? Идите в народ, как Гарун аль Рашид и послушайте чутким ухом. И вы услышите проклятия и неприязнь по адресу Сталина. Вот где настоящая правда!

Или, может, вас прикормили? Обласкали, пригрели, дескать, Алеша, напиши про Сталина. И Алеша написал. О, какой глгучий стыд!

Оглянитесь кругом и вы увидите, что небо над страной готовит бурю. Народ не потерпит глумления над собой, над идеей социализма, он ударит по зарвавшейся, обнаглевшей кучке деспотов. Уже сейчас, как рокот дальнего грома, доносятся отовсюду отголоски брожения в массах. Сталин это слышит. Он знает, что недолго ему еще царствовать. И с ним началась истерика. Он не чувствует под собой почву. Массовый террор — ведь это доказательство слабости.

Наступит время, и ветер истории сбросит вас с пьедестала, как литературную проститутку. Знайте, что уже сейчас, когда люди прочтут ваш “Хлеб”, они увидят, что ошиблись в вас и испытают разочарование и горечь, какие испытываю сейчас я.

Я вас как художника искренне любила. Сейчас я не менее искренне ненавижу. Ненавижу, как друга, который оказался предателем...

Неизвестная.

Ноябрь 1937 г.»³⁶

Письмо не раз цитировалось в постперестроечное время. Оно написано человеком, хорошо знакомым с творчеством писателя и близко наблюдающим за его эволюцией. Мне кажется, что автор письма не женщина, а мужчина. Он не очень молод, неплохо ориентируется в истории большевизма и сталинизма. Скорее всего, он оппозиционер, но не обязательно троцкист или бухаринец. Как и многие в то время массово арестовываемые и расстреливаемые ленинцы, он искренне считал Сталина могильщиком удивительной пролетарской революции, а Толстого — литературным подручником могильщика.

³⁶ «Что же с нами делают?..»: Письма к А.Н. Толстому — депутату Верховного Совета СССР // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 521—523.

Отличился писатель и в совсем низкопробном жанре. В этот предвоенный период Троицкий, доживая последние дни, и, возможно, листая свежие советские газеты с юбилейными материалами, вспомнил о своем давнем протееже: «Крупнейший писатель Алексей Толстой, который носит имя одного из могущественных и независимых писателей страны, этот Алексей Толстой говорит о Сталине:

Ты, ясное солнце народов,
Беззакатное солнце современности.
И больше, чем солнце, ибо в солнце нет мудрости...

Надо прямо сказать: эта поэзия переходит в хрюканье»³⁷.

И в те же самые предвоенные годы Толстым была написана любимая многими до глубокой старости сказка «Золотой ключик, или приключения Буратино», новые главы романов «Петр I», «Хождение по мукам» и много другой первоклассной литературы. А все потому, что писатель до последнего дня умудрялся находить небольшие островки творческой свободы, территория которых год за годом сокращалась даже для него.

---

³⁷ Троицкий Л. Сталин. Кн. 2, т. 2—3. С. 161.

III. Политическая элита и культура

Условия создания и сфера полномочий Приказа Казанского дворца

История Приказа Казанского дворца, одного из центральных органов управления России во второй половине XVI — начале XVIII в., имеющего ведомственно-областную компетенцию, до сих пор изучена недостаточно. До Великой Октябрьской социалистической революции частично рассматривались отдельные стороны деятельности этого приказа. В советской исторической науке этому вопросу внимание стало уделяться лишь с конца 50-х годов (труды А.А. Зимина, С.О. Шмидта, А.И. Леонтьева, А.В. Чернова, Н.В. Устюгова, Н.Ф. Демидовой и ряда других исследователей, в том числе автора данной статьи).

Причины слабой разработки истории приказа заключаются прежде всего в отсутствии единого комплекса источников. Архив Приказа Казанского дворца (или просто Казанского дворца, как его часто называли), в ведении которого находилась вся территория Поволжско-Приуральского региона, к большому сожалению, не сохранился как единое собрание. Многочисленные пожары уничтожили большую часть документов, хранящихся как в центральных, так и в местных правительственных учреждениях. Так, во время сильного пожара в Москве в 1626 г. пострадали здания нескольких приказов, во время грандиозного пожара в 1701 г. полностью сгорело здание Приказа Казанского дворца вместе с его уникальным архивом, крупный пожар 1737 г. затронул значительную часть дел Вотчинного архива (бывшего Поместного приказа) и т.д.¹

Уже в начале XVIII в. должностные приказные лица нередко вынуждены были делать беспомощные приписки об отсутствии нужных документов. Так, например, в одной из грамот Казанского дворца свияжскому воеводе в 1701 г. констатировалось: «В Приказе Казанского дворца поместные и вотчинные дела, и писцовые, и отказные, и отдельные книги всех низовых городов, которые ведомы в Приказе Казанского дворца, *згорели*. А которых дел и книг малое число осталось, и те не разобраны, выписать не из чего»².

После ликвидации в начале XVIII в. дворцовых приказов все сохранившиеся дела были переданы в архив Приказа Большого дворца, но пожар 1737 г. практически довершил уничтожение материалов Казанского дворца, вместе с которыми сгорела и значительная часть дел приказа Большого дворца, ведавшего в Поволжье и Приуралье дворцовыми селами. Поэтому не удивительно, что из архивных материалов Приказа Казанского дворца случайно сохранились лишь отдельные документы, оказавшиеся в фондах других государственных

¹ См.: Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 6—7.

² РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ по Свияжску). № 46/11504. Курсив наш. — И.Е.

ных учреждений того времени. Так, например, из документов о подавлении Крестьянской войны под предводительством Степана Разина уцелела переписка Приказа Казанского дворца с одним из руководителей правительственных войск воеводой князем Ю.А. Долгоруковым. Дело в том, что после назначения Долгорукого в 1674 г. воеводой Белгородского полка все дела о его службе были переданы из Приказа Казанского дворца в Разрядный приказ, который ведал Белгородским полком³.

В результате о существовании многих документов, относящихся к истории Поволжья и Приуралья XVI—XVII вв., мы можем только догадываться. Отсутствие документов заставляет по крупицам выискивать их остатки, случайно или закономерно отложившиеся в фондах различных учреждений XVII в., которые находятся ныне в Центральном государственном архиве древних актов. Одним из ярких примеров является обнаружение чувашским историком В.В. Дмитриевым группы наказов казанским воеводам, отложившихся среди документов, не имеющих никакого отношения к архиву Приказа Казанского дворца⁴.

Все это, естественно, затрудняет изучение деятельности Приказа Казанского дворца и является причиной отсутствия специальных работ, а также — достаточно полных исторических экскурсов в исследованиях общего характера.

Итог дооктябрьского периода истории изучения Приказа Казанского дворца был весьма неутешительным. Никто из историков не рискнул всерьез взяться за этот материал, не обеспеченный достаточным количеством надежных источников. Не был выяснен даже вопрос о времени и условиях образования приказа. Так, И.И. Вернер в 1907 г. говорил, что Казанский дворец образовался «скоро» после присоединения Казани, но точного времени не указал⁵, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечалось, что впервые Казанский дворец как учреждение встречается лишь в 1599 г., а Казанская изба, из которой возник Приказ Казанского дворца, — «в последние годы царствования Ивана IV»⁶, т.е. не позднее 1584 г.

Советская историческая наука за первые 40 лет своего развития практически не интересовалась этим сюжетом, и лишь за последнюю четверть века были сделаны заметные шаги в привлечении внимания исследователей к истории одного из крупнейших и важнейших в системе государственных учреждений России XVI—XVII вв. Расширен круг источников, выявлена история зарождения приказа и становления его административно-политического статуса, определены основные функции и полномочия, а также структура соподчиненности его с вышестоящими и нижестоящими государственными учреждениями и органами.

Однако в целом история Приказа Казанского дворца, вопросы о его структуре, штатах, степени компетенции и сфере деятельности, как и политическом значении в создании централизованного Российского государства и становления элементов абсолютизма в стране, а также особенности в управлении отдельных

³ См.: Ермолаев И.П. Среднее Поволжье... С. 7.

⁴ См.: Дмитриев В.Д. «Царские» указы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. Вып. 3. Чебоксары, 1974. С. 284—419.

⁵ Вернер И.И. О времени и причинах образования московских приказов. М., 1907. С. 34.

⁶ Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1894. Т. 13. П/т. 26. С. 902.

подчиненных ему территорий с учетом национально-этнического состава их населения по-прежнему остаются недостаточно выясненными в науке. Плохая сохранность источников значительно мешает этому, но Приказ Казанского дворца заслуживает того, чтобы стать предметом изучения, и время требует этого.

На данном этапе изучения автор не преследует целей ответить на все поставленные вопросы, т.е. не делает попытки определить основные этапы развития приказа, выяснить динамику его внутренней структуры и штатов, а также особенности в управлении отдельными подчиненными ему территориями с учетом национально-этнического состава их населения. В настоящее время не может быть еще представлена вся история этого приказа. Поэтому задача статьи ограничивается общей постановкой вопроса об условиях и времени создания изучаемого учреждения, а также выявления основных элементов сферы деятельности приказа как в территориальном отношении, так и его административных полномочиях.

В процессе работы пришлось начинать с попытки восстановления в какой-то степени остатков архива приказа. Это было сделано путем фронтального просмотра опубликованных сборников документов и описей ряда фондов РГАДА, в которых с наибольшей долей вероятности могли находиться исходные бумаги Приказа Казанского дворца.

Уже на первом этапе поисков оказалось возможным несколько расширить круг известных источников. Результатом этих изысканий явился выпущенный С.М. Каштановым хронологический перечень документов в границах Казанского и Свияжского уездов середины XVII в.⁷ В дальнейшем эта работа была продолжена главным образом по линии постепенного расширения рамок объекта исследования до всего региона Поволжья и Приуралья. Это позволило в некоторой степени реконструировать часть исчезнувшего фонда Приказа Казанского дворца⁸.

Выявление и анализ источников еще далеко не закончены, но уже сейчас можно говорить о том, что сохранившаяся (очень небольшая, отрывочная и часто случайная) часть документов все же позволяет продолжать изучение основных этапов развития Приказа Казанского дворца, его структуры, функций, состава и штатов (в отношении штатного состава большую роль имеют исследования Н.Ф. Демидовой⁹).

---

⁷ *Каштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 1—3 // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 302—376; Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 129—200; Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 197—253; *Каштанов С.М.* К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х гг. XVI в. (жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.) // Ученые записки / Казанский пединститут. Вып. 184. 1978. С. 132—142.

⁸ Попыткой собрать воедино часть сохранившегося корпуса источников, связанных с историей Приказа Казанского дворца, явилось издание: *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI — XVII вв.: (Хронологический перечень документов). Казань, 1980. Было учтено 1704 документа. В дальнейшем под руководством И.П. Ермолаева продолжалась работа по расширению его объема, все материалы отложились в фондах отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского (Казанский университет).

⁹ См.: *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700): Биографический справочник. М., 2011.

Одним из спорных до недавнего времени вопросов было время конкретного создания Приказа Казанского дворца. Диапазон предлагаемых ответов включал всю вторую половину XVI в. Проведенное исследование этого вопроса привело автора данной статьи к выводу, что в 50-е и начале 60-х годов XVI в. (после падения Казани в процессе завоевания Казанского ханства) оформленного центрального органа по управлению Поволжьем еще не существовало¹⁰. Да и большой необходимости в нем тогда еще не было. В этот период край был окраиной России, в которой по существу сохранялась военная обстановка. Поэтому здесь решались в основном военные вопросы, задачи упрочения российской власти и укрепления военных органов. Этим занимались Разрядный и Посольский приказы. Во всяком случае есть основания предполагать, что должностные приказные люди, ведавшие делами Казанского края в 50-е и начале 60-х годов были связаны по своему служебному положению именно с этими приказами¹¹. Первые бесспорные свидетельства существования «Казанской избы» — прообраза будущего Приказа Казанского дворца — встречаются в документах, относящихся к началу — середине 60-х годов XVI в.¹²

Думается, что первое из известных и определенно датированных упоминаний Казанского приказа относится к началу 60-х годов XVI в. А.А. Зимин и С.О. Шмидт довольно убедительно относили время образования Казанской избы в конце 50-х — началу 60-х годов XVI в. (не позднее февраля 1561 г.), т.е. ко времени завершения серии восстаний в Среднем Поволжье¹³. Это полностью согласуется с точкой зрения известного специалиста по истории государственных учреждений России профессора Н.П. Ерошкина о времени учреждения первого территориального приказа в 60-е годы XVI в.¹⁴

О постоянном функционировании Приказа Казанского дворца применительно к середине 60-х годов XVI в. и последующего времени говорят уже многие документы¹⁵. В это время одновременно встречаются различные названия приказа: Казанский дворец, Казанский и Мещерский дворец, Казанский и Нижегородский дворец, Приказ Казанского дворца. Все эти названия

¹⁰ *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье... С. 53. В.И. Буганов отмечал, что «сохранились данные о том, что городами и местностями, взятыми до 1577 г., ведали... приказы Разрядный, Казанского и Мещерского дворца, и, возможно, Посольский» (*Буганов В.И.* О Городовом приказе в России // Вопросы истории. 1962. № 10. С. 213). Правда, В.И. Буганов здесь наряду с Разрядным и Посольским приказами упоминает и Казанский, но не нужно забывать, что он берет большой промежуток времени (до 1577 г.), в течение которого произошло оформление Приказа Казанского дворца.

¹¹ См.: *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье... С. 54—55.

¹² См.: *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 38—39.

¹³ См.: Государственный архив России XVI столетия: Опись реконструкции. Т. 1. М., 1978. С. 71; Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 32. См. также: Акты Археографической экспедиции. Т. 1. СПб., 1836. С. 346. № 289.

¹⁴ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008. С. 48.

¹⁵ См.: *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье... С. 56—57. Особенно обращая внимание на издание: *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 76.

были равнозначными и обозначали одно и то же учреждение, которое существовало на протяжении всего XVII века¹⁶.

Таким образом, время и условия создания Приказа Казанского дворца связаны с вхождением в состав Московского государства одного из крупнейших осколков распавшейся Золотоордынской державы — Казанского ханства. По стечению исторических обстоятельств этот процесс принял военный характер¹⁷.

Общеизвестно, что Приказ Казанского дворца ведал территорией так называемых «понизовых городов», т.е. уездов, расположенных в Волжском бассейне ниже Нижнего Новгорода и в Приуралье. Кроме того, в его ведомство входили «мещерские города» в районе р. Оки, а одно время (до 1637 г.) — вся Западная Сибирь. По нашим подсчетам, в середине XVII в. вся территория, находившаяся в компетенции приказа, включала примерно 773,2 тыс. квадратных километров, в том числе на долю Среднего Поволжья приходилось не менее 332,2 тысяч квадратных километров, т.е. более 41% всей территории Приказа Казанского дворца.

Первоначально Приказ Казанского дворца управлял всеми землями бывших ханств Казанского и Астраханского. По мере присоединения к России новых земель сначала в Поволжье и на Урале, а затем в Западной и Центральной Сибири, территория, находившаяся в ведении Приказа Казанского дворца, постоянно расширялась и в конце концов стала трудно управляемой. В 1637 г. был создан специальный Сибирский приказ, который и стал весть всей Сибирью, а в дальнейшем управление некоторыми городами Нижнего Поволжья частично было передано Посольскому приказу¹⁸. Но основная часть Поволжья и Приуралья постоянно и почти полностью управлялась из Приказа Казанского дворца.

Формирование подведомственной приказу территории можно проследить по разрядным книгам, основная часть которых опубликована при активном участии В.И. Буганова. Правда, надо сказать, что сведения в разрядных книгах до второго десятилетия XVII в. (начала царствования Михаила Федоровича) далеко не полны и непостоянны. В некоторые годы упоминаются лишь отдельные города, куда посылались воеводы, за ряд лет сведений о назначении воевод вообще нет.

По мере создания новых крепостей и поселений в Поволжье в каждую из них назначался воевода или приказной человек (голова, городской приказчик, приказчик), и они включались в состав «Казанского» или «Астраханского царства», как условно и по традиции продолжали в официальных документах называть Среднее и Нижнее Поволжье во второй половине XVI и начале

---

¹⁶ Подробнее о времени и условиях создания Приказа Казанского дворца см.: *Ермолаев И.П.* Государственное управление Средним Поволжьем во второй половине XVI—XVII вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1982.

¹⁷ О причинах и условиях этого крупнейшего события на территории Евразии см.: *Ермолаев И.П.* Становление российского самодержавия: Истоки и условия его формирования. Взгляд на проблему. Казань, 2004.

¹⁸ См.: *Преображенский А.А.* Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири (конец XVI — середина XVII в.) // Вопросы истории. 1981. № 10. С. 89.

XVII в.¹⁹ Сведения о назначении воевод в эти города появляются со следующих годов: Свияжск — с 1551 г., Казань и Васильсурск — с 1552 г., Чебоксары — с 1555 г., Астрахань, Курмыш и Алатырь — с 1564 г. (где-то в это время, в конце 50-х и начале 60-х годов, видимо, и был образован Приказ Казанского дворца как самостоятельное государственное учреждение), Тетюши — с 1571 г., Кокшайск — с 1574 г., Лаишев, Арск и Арзамас — с 1576 г. (причем Арзамас лишь иногда упоминали среди городов, подведомственных Приказу Казанского дворца, обычно он входил в число городов Новгородской чети), Алатырь — с 1583 г., Царевококшайск, Санчурск (Царевосанчурск) и Козьмодемьянск — с 1586 г., Самара, Уфа и Царицын — с 1587 г., Терки (Терский городок) — с 1589 г., Саратов и Цивильск — с 1590 г., Уржум, Яранск, Ядрин и Кадом — с 1594 г., Яик — с 1595 г. (собственно, Яик в составе Приказа Казанского дворца упоминается лишь два года), Койса — с 1597 г., Малмыж и Оса — с 1601 г.²⁰

Все эти города, расположенные в бассейне Волги и ее притоков ниже Нижнего Новгорода, стали называться «понизовыми», как и вся область — «Низ». Еще С.Ф. Платонов отмечал, что «под именем “низа” или “понизовых городов” слыли, во-первых, города, находившиеся на территории покоренного в 1552 г. Казанского царства, на обоих берегах Средней Волги и по правому берегу Нижней Камы и Вятки, и, во-вторых, города, поставленные на Нижней Волге, начиная от Самары, и на Каспийском побережье»²¹. Твердо установленного перечня «понизовых» городов не существует, но граница распространения областей, включаемых в понятие «понизовые», весьма устойчива²².

По существу в течение второй половины XVI в. район поволжских городов, которыми ведал Приказ Казанского дворца, оформился полностью. В XVII в. произошло некоторое увеличение числа городов (Черный Яр, Симбирск, Саранск, Пенза, Сызрань и ряд других городов и острожков по засечным чертам и укрепленным линиям), но никакого изменения в границах территории ведомства Приказа Казанского дворца по Поволжско-Приуральскому региону не наблюдается. Не совсем постоянными и определенными были лишь гра-

¹⁹ См.: *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 486, 510.

²⁰ О составе городов в Среднем Поволжье XVI в. см.: *Зимин А.А.* Состав русских городов XVI в. // Исторические записки. Т. 52. 1955. С. 344; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. С. 467—507. Определить территорию полномочий Приказа Казанского дворца автору помогли доброжелательные и бескорыстные консультации и советы профессора Я.Е. Водарского, светлой памяти которого низкий поклон.

²¹ *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 78.

²² См.: Книги разрядные. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 722; Т. 2. СПб., 1855. Стб. 821; Русская историческая библиотека. Т. 10. С. 7, 311—313; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 3. СПб., 1884. Стб. 151—155 (№ 313); Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 5. Отд. 1. С. 363; Отд. 2. С. 13. (Далее — Описание МАМЮ); *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 15—21; *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 547—548; *Борисов В.Л.* Некоторые данные для истории городов Казанского края в XVII в. Казань, 1900. С. 3—11; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории смуты... С. 79; *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVI века. Т. 1. Вып. 2. Киев, 1919. С. 52—65, 66—69.

ницы ведомства Приказа Казанского дворца и Сибирского приказа. Так, например, образованный в середине XVII в. Кунгурский уезд находился временно в ведении Приказа Казанского дворца, хотя в целом как сибирский он управлялся из Сибирского приказа²³.

Приказ Казанского дворца функционировал до проведения первой областной реформы Петра I и прекратил свое существование после создания Казанской губернии (1708 г.), которая включила в себя всю территорию, ранее подведомственную этому приказу.

Особенностью этого государственного учреждения было то, что он обладал значительной автономией в решении всех без исключения вопросов на подведомственной ему территории и почти не имел непосредственных административных сношений с другими центральными ведомствами России (частичное исключение составляют Разрядный и Поместный приказы, а также Большой дворец).

Позволю обратить внимание на несколько аспектов организационной структуры и функциональных полномочий рассматриваемого приказа.

Первый вопрос — административно-территориальное деление в крае.

Территория бывшего Казанского ханства, присоединенная к России под названием «Казанского царства», или «Казанской земли», почти сразу же была разделена на несколько уездов, которые позднее (по мере создания новых политических центров) разделялись на новые уезды. Уезды, в свою очередь, делились на более мелкие части, из которых наиболее распространенными были «дороги», а также «волости» и «станы». Во второй половине XVI и начале XVII в. в Среднем Поволжье сложились основы административно-территориальных понятий и единиц, которые получили свое развитие и завершение в XVII и XVIII вв.

В XVII в. территориально-административное деление Среднего Поволжья значительно детализировалось и усовершенствовалось прежде всего в области формирования уездов. Территория Среднего Поволжья, особенно в его южной, степной части, в XVII в. активно осваивалась и вводилась в хозяйственный оборот. Этот процесс в основном был завершен в середине века, хотя во второй половине столетия продолжалось строительство новых городов и укрепленных линий, увеличивалась территория, освоенная земледелием. Так, например, если в конце XVI в. в Среднем Поволжье существовало не менее 15 уездов, то к середине XVII в. их стало не менее 22. Такие же процессы протекали в других частях подведомственной Приказу Казанского дворца территории: Нижнем Поволжье, Приуралье, «Мещерском» крае.

Поволжско-Приуральский регион дает богатый материал для выводов и некоторых общих принципах и местных особенностях территориально-административного деления России XVI—XVII вв. Здесь одинаково проявлялись как характерные черты общероссийских традиций территориального деления, так и черты, присущие вновь присоединенным, преимущественно нерусским областям с их своеобразием административных понятий.

Можно предположить, что различие в терминологии в определенной степени отражает национальный характер областей и их сословно-феодалную

---

²³ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 129, 335—336.

принадлежность. Вероятно, что в местах исконного расселения нерусских народов, сохранивших в XVI—XVII вв. в основном традиционный состав населения, продолжали также традиционно применяться привычные административные понятия («дороги»). Название «станы» и «волости» являлись характерными для территорий преимущественно с русским населением. Не случайно, что эти названия в основном фигурируют в тех областях Среднего Поволжья, где особенно густо было русское население (западная и северо-западная части). Эти названия проникают иногда и в центральные районы Казанского края, до середины XVI в. почти не имевшие русского населения: так, Уржумский уезд состоял только из волостей, а в Казанском уезде «дороги» перемежались (часто чересполосно) с «волостями».

С 80-х годов XVI в. появилось понятие «пригородный» уезд (т.е. уезд внутри уезда: в Казанском — Тетюшский, Лаишевский). Обращает на себя внимание, что «пригородные уезды» вторгаются в территориальное расположение «дорог», сокращают их территорию и являются показателем распространения здесь русского населения. Мне кажется целесообразным поставить вопрос о возможности сопоставления понятия «пригородных» уездов Казанского уезда с внутриуездными станами (т.е. что Тетюшский уезд, Лаишевский и другие внутренние вкрапления в территорию Казанского уезда одинаково могли бы быть названы Тетюшским станом, Лаишевским станом и т.д.). Но на данном этапе исследований этот тезис является не более чем гипотезой.

Наконец, нельзя пройти мимо наблюдения, сделанного Я.Е. Водарским, о том, что в России станы отличались от волостей тем, что «обычно поселения владельческих крестьян объединялись в станы, а поселения черносошных крестьян — в волости»²⁴. Есть основания предполагать, что материал Поволжско-Приуральского края подтверждает этот вывод.

Обращает на себя внимание также то, что в Поволжье (особенно в его южной части) некоторые города в XVI—XVII вв. обычно вообще не имели своих фиксированных уездов. В Среднем Поволжье (за исключением, кажется, одного Васильурска) таких городов не было.

Таковы мои наблюдения в области чисто территориальных вопросов ведомства Приказа Казанского дворца. Перехожу теперь ко второму вопросу — об управленческой сфере этого специфического в истории России XVII в. государственного учреждения.

Компетенция приказа была своеобразной и весьма широкой. Этот государственный орган управления был не просто областным приказом, подобно четям, а приказом особого характера, который являлся центральным учреждением по управлению практически почти всеми сторонами жизни Поволжья и Приуралья. С самого начала он становится территориальным органом, в то время, как большинство других приказов были ведомственными, а немногочисленные территориальные органы, как правило, не обладали всей полнотой власти на подведомственной им территории. Приказ Казанского

²⁴ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 139.

дворца, напротив, имел очень большую степень власти по многообразному кругу вопросов управления.

Уникальной по сравнению с другими центральными органами управления была «национальная» специфика этого государственного учреждения. Приказ ведал территорией со значительным и разнообразным коренным нерусским населением, где основной задачей царского правительства было не только русифицировать и христианизировать край, но и формировать общую, так сказать, «национальную» (в общегосударственном масштабе) политику России. По характеристике, данной Н.Ф. Демидовой, «Приказ Казанского дворца осуществлял административное, финансовое и судебное управление подведомственной ему территории, ведал натуральными сборами с нерусского населения, контролировал составление ясачных книг»²⁵.

Ни один из других областных приказов, кроме Сибирского, по полноте своей компетенции не мог сравниться с Казанским. Приказ имел в определенной степени даже некоторые права внешнеполитических отношений. По свидетельству подьячего Посольского приказа Григория Котошихина (60-е годы XVII в.), этот приказ ведал «войским делом и опасением от турецкой и персической границы и от калмыков и башкирцев»²⁶, т.е. осуществлял оборону части юго-восточных границ и проводил (наверняка совместно с Посольским приказом) дипломатические переговоры о торговых и иных отношениях со своими соседями.

Третий вопрос рассмотрения — роль Приказа Казанского дворца в военно-политической сфере управления.

Одной из особенностей управления Поволжьем и Приуральем, как и Сибирью, было то, что все понизовые города, входившие в административном отношении в ведомство Приказа Казанского дворца, здесь же в основном ведались и в военном отношении²⁷. Понизовые города составляли один разряд — Казанский, подчинявшийся Приказу Казанского дворца. Следовательно, воеводы, командовавшие полками Казанского разряда, получали распоряжения Разрядного приказа не непосредственно от него, а через Разрядный стол Приказа Казанского дворца, куда должны были направлять и все свои донесения. На основании имеющихся документов трудно решить, насколько всеобщим было это положение, но для некоторых периодов XVII столетия это, несомненно, было правилом²⁸.

Комплектование полков, входивших в Казанский разряд, происходило исключительно за счет служилых людей понизовых городов (мы не берем во внимание экстремальные обстоятельства, когда правительство вынуждено было направлять в Поволжье служилых людей из других районов страны — так, например, происходило во время Крестьянской войны под предводи-

²⁵ Демидова Н.Ф. Приказ Казанского дворца // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968. С. 560.

²⁶ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 92.

²⁷ См.: Рожественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 326—327.

²⁸ Шумаков С.А. К истории московских приказов // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. Т. 28. Вып. 6. Ярославль, 1911. С. 536; РГАДА. Ф. 281. № 45/11503.

тельством Разина). Некоторым исключением из этого правила было лишь то, что часть поволжских городов должна была иногда посылать служилых людей в другие полки (не Казанского разряда).

Таким образом, служилые люди в XVII в., как правило, ведались Приказом Казанского дворца, который по требованию Разрядного приказа подавал сведения о численности вооруженных сил Поволжья и Приуралья²⁹. Однако управление этими полками (во всяком случае в мирное время) обычно производилось Приказом Казанского дворца. Правда, полковые воеводы по-прежнему назначались в Разрядном приказе³⁰.

Трудно назвать время, когда Разрядный приказ передал Казанскому дворцу организаторские функции в военных вопросах, да есть и некоторые сомнения в полной «независимости» Приказа Казанского дворца от контроля в военных вопросах со стороны Разрядного приказа. Однако о значительной роли Приказа Казанского дворца в формировании армейских (ратных) полков говорят многие факты³¹.

Напряженная военно-политическая обстановка в России привела в 1680 г. к попытке реорганизовать управление военными силами и сконцентрировать его только в специализированных учреждениях — Разрядном приказе и ряде других. В связи с этим указом от 12 ноября 1780 г. Казанский разряд Приказа Казанского дворца был ликвидирован, а все его дела по служилым людям «старой полковой службы» (вместе с подьячими, ведавшими эти дела) были переданы в Разрядный приказ, в котором был учрежден особый Казанский стол³². Но уже через полгода, в июне 1681 г. полномочия «Казанского разряда» как отдела Приказа Казанского дворца были восстановлены. «Казанский разряд» в составе Приказа Казанского дворца существовал и в последующее время. С.А. Шумаков отмечал наличие Разрядного стола в этом приказе еще в 1690/91 г.³³

Таким образом, Приказ Казанского дворца имел особые (по сравнению с другими государственными учреждениями) полномочия. Несколько особое положение, по сравнению с другими территориями, входившими в состав России XVI в., было и в отношении ведомства Приказа Казанского дворца «приборными» служилыми людьми, особенно стрелецкими отрядами.

²⁹ См., например, перечневую роспись 1650/51 г.: РГАДА. Ф. 210 (Белгородский стол). Столб. 327/1. Л. 77—105.

³⁰ См., например, назначение Разрядным приказом в октябре 1663 г. в Казань товарищем воеводы князя Г.С. Куракина, стольника князя А. Лобанова-Ростовского, с дьяком «для полевых дел и для походов» (Там же. Ф. 210. Столб. 520/III. Л. 378—379, 1068).

³¹ Так, известно, что в 1655/56 г. «городовые дворяне, иноземцы и казанские и свияжские мурзы и татары» находились в полку князя Я.К. Черкасского (см.: Описание МАМЮ. Кн. 11. С. 421—422. № 1078), в 1659/60 упоминается полк князя Г.А. Козловского, в который входили «дети боярские низовых городов и арзамасские, алатырские и свияжские мурзы и татары» (см.: Там же. С. 156. № 310). В 1660 г. голова московских стрельцов Г. Астафьев производил запись в рейтары в районе понизовых городов. Эта работа проводилась под контролем Приказа Казанского дворца, куда поступила роспись, составленная Астафьевым, и откуда ее направили в Разряд «для ведома» (см.: Акты Московского государства. Т. 3. СПб., 1901. С. 152. № 170/4).

³² См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. СПб., 1830. С. 283—285. № 844.

³³ Шумаков С.А. К истории московских приказов. С. 536; см. также: РГАДА. Ф. 281. № 45/11503.

Формирование стрелецких отрядов («приказов») обычно шло за счет посадских людей и частичного использования лично свободного сельского населения. Отличительной особенностью процедуры комплектования стрелецких полков в Поволжье было привлечение в них в основном крестьянского населения (в крае преобладало государственное крестьянство; нерусское ясачное население, как правило, к стрелецкой службе не допускалось). Оно осуществлялось дьяками Приказа Казанского дворца, а не Стрелецкого приказа, как обычно. Однако назначение на должность стрелецкого головы (начальника) было, по-видимому, прерогативой Разряда, хотя нередко происходило опять-таки в Приказе Казанского дворца. Несмотря на определенные колебания, центральная власть на протяжении всего XVII в. не отказалась от этого, и лишь к концу века установила строгий контроль над назначением стрелецких голов. При назначении стрелецкие головы получали наказ, который мог выдаваться Приказом Казанского дворца, но мог, по распоряжению приказа, даваться и городовыми воеводами.

Среди полномочий Приказа Казанского дворца и местного воеводского управления в Поволжье одно из важнейших мест занимала забота о поместном и денежном обеспечении верхней прослойки служилых людей — дворян и детей боярских, а также «приборного» служилого населения: стрельцов, городских казаков, служилых татар, служилых новокрещенов и т.д. Следует отметить, что если в большинстве городов России все поместные дела находились в руках исключительно Поместного приказа, то в Поволжье наблюдаются некоторые исключения и из этого правила. Есть предположения, что Поместный стол Приказа Казанского дворца имел право производить «испомещение» и самостоятельно, а в 1702 г. в ведомство приказа официально были переданы все дела, которые касались поместий, лежавших в подведомственных ему областях. С.А. Шумаков доказал, что в 1690/91 г. в составе Приказа Казанского дворца существовал особый Поместный стол.

Таким образом, социально-политическая компетенция местных государственных учреждений была достаточно высокой и почти полностью находилась в ведении Приказа Казанского дворца. Разрядный и Поместный приказы, по-видимому, действовали на территории, подведомственной Приказу Казанского дворца, через этот приказ, а не самостоятельно. Вместе с тем Поволжско-Приуральские уезды не имели какой-то особой, принципиально отличной от других районов страны разрядной и поместной организации.

Наконец, возникает еще один вопрос — соотношение общегосударственных и дворцовых функций приказа. Обратим внимание на то, что по характеру создания рассматриваемый приказ был именно дворцовым.

Вспомним что классификация российских приказов, принятая в современной науке, разделяет их на «общие» (государственные) и дворцовые; из государственных выделяются приказы, ведавшие вопросами внешней политики, и приказы с внутривластной компетенцией; среди внутривластных — общегосударственные (административные, финансовые и судебные) и территориальные. Приказ Казанского дворца, относясь к территориальным учреждениям, был по существу в то же время дворцовым и при этом в определенной степени обладал одновременно правами почти всех остальных.

Дворцовое хозяйство было одним из важных объектов управления в Среднем Поволжье. Обычно управление дворцовыми селами и городами находилось в компетенции Приказа Большого дворца, откуда отдавались распоряжения воеводам дворцовых городов и приказным людям (чаще всего приказчикам) сел. Но Поволжско-Приуральский край и в этом отношении имел отличительные особенности. Управление здесь было более централизовано и систематизировано, чем во многих других областях Российского государства.

Все дворцовые села и волости понизовых городов подчинялись в основном местным городовым воеводам, а, следовательно, Приказу Казанского дворца. Приказчики дворцовых сел, назначаемые нередко Приказом Казанского дворца, или, по его предписанию, самими казанскими воеводами (как чаще всего и было), формально подчинялись двум приказам — Казанскому и Большого дворца³⁴, а фактически — непосредственно воеводам соответствующих городов Поволжско-Приуральского края.

По документам не видно, чтобы Приказ Большого дворца активно и постоянно вмешивался в непосредственное управление многочисленными дворцовыми селами края, хотя известно, что некоторые указания приказчикам дворцовых сел, в частности, о проведении переписи населения, шли из Большого дворца. Однако вместе с тем известно, что здесь даже сборы (денежные и натуральные) с крестьян и бобылей дворцовых сел шли обычно не в Приказ Большого дворца, а в казну соответствовавшего местного центра (Казани, Свияжска и других крупных городов Поволжья), откуда расходовались воеводами по предписанию центральной власти, отдаваемому опять-таки через Приказ Казанского дворца. Эти средства шли, с одной стороны, на содержание управленческого аппарата и служилых людей, с другой — отправлялись в другие города и уезды по памятям из Приказа Казанского дворца.

Характерно, что в составе Приказа Казанского дворца находился Денежный стол, который и контролировал, по-видимому, финансовую сторону деятельности местных учреждений. По распоряжению правительства направлялись деньги и за пределы района понизовых городов. Например, по отписке Казанского дворца казанские воеводы в 1632 г. передали верхотурскому воеводе сначала 1500 рублей «на подмогу» крестьянам, переселенным из Верхотурского уезда в Томский, а затем еще 20 453 рублей «на жалованье» служилым людям (правда, надо иметь в виду, что эти операции производились внутри Приказа Казанского дворца, ибо в 1632 г. территория Сибири входила в состав ведомства этого приказа).

О большой сфере административной компетенции Приказа Казанского дворца очень четко говорит наказ казанскому воеводе от 1637 г.: «Буде учнут присылать в Казань... грамоты из розных приказов, а послушных грамот из Приказа Казанского дворца о том не будет, и по тем грамотам... без послушных грамот... дел делать не велено»³⁵.

³⁴ См.: *Ермолаев И.П., Липаков Е.В.* Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI — первой четверти XVII века (по материалам дозорных и переписных книг) // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 12, 22—23.

³⁵ *Димитриев В.Д.* «Царские» наказы казанским воеводам XVII в. // История и культура Чувашской АССР. Вып. 3. Чебоксары, 1974. С. 284—419.

Таким образом, управление территорией Поволжья и Приуралья осуществлялось преимущественно через Приказ Казанского дворца. Отдельные приказы, включая частично даже Разрядный и Поместный, должны были проводить свои мероприятия через Казанский дворец. Вместе с тем нельзя утверждать, что Приказ Казанского дворца был полностью автономным центральным учреждением, подчинявшимся исключительно Боярской думе и царю. Наиболее крупные по значению приказы (Поместный, Разрядный, Большой дворец и, по-видимому, некоторые другие) имели право направлять в отдельных случаях своих должностных лиц, главным образом, сыщиков, которые в определенной степени оказывались неким подобием контролирующего органа за действиями местных управленческих учреждений и самого Приказа Казанского дворца как центрального учреждения. Большую роль, практически не связанную с деятельностью Приказа Казанского дворца, играли и писцы во время общероссийских переписей.

Я остановился лишь на самых общих вопросах территориально-административной сферы деятельности Приказа Казанского дворца. Подводить итоги исследования пока рано, ибо отсутствие более или менее полного комплекта документов по истории Приказа Казанского дворца значительно тормозит ход исследования темы.

Non solum armis (несколько замечаний о роде Румянцевых)

Дворянское сословие не напрасно называли служилым. Оно не только было обязано или вынуждено, но и умело ревностно и преданно служить: вере, царю, отечеству. Даже, может быть, не всегда вере (ведь на русской службе было много иноверцев). Но всегда — отечеству. Конечно, знающий историю возразит, что в обширной переписке подданных с царями XVIII в., т.е. тогда, когда формировалась и претворялась в жизнь эта идеологическая триада, всегда на первом плане декларируется примат служения дворянина лично государю. И это так. Но не будем забывать, что то была эпоха абсолютной монархии, которая по определению подразумевала отношения монарха и подданного как господина и раба. А уж суть этих отношений закреплялась общественно-принятым договором. Другая сторона этого явления состояла в том, что император олицетворял собой государство, и потому, подчеркивая личную преданность царю, дворянин не только подразумевал, но и прямо говорил: «Вашего Величества и Отечества покорный слуга». Эта формула в разных вариациях и словосочетаниях закреплялась и в официальных актах. В пору консолидации русского дворянства это ярко выразилось в девизах гербов, ставших важнейшим элементом публичного самовыражения дворянского самосознания. Графы Игнатьевы, например, полностью повторили официальный принцип: «Вере, царю, Отечеству». У Воронцовых девиз звучал: «Semper immota Fides» (Вечно непоколебимая верность); у Адлербергов: «Fede et Fides» (Вера и верность). Зотовы и Барклай-де-Толли выражали: «Верность и терпение». Все лейб-компанейцы были «За верность и ревность». Но даже в тех случаях, когда в девизах отсутствовали эти «формулярные» слова, характеризовавшие сложившиеся взаимоотношения как принцип служения (наверное, наиболее прямолинейно это выразили ранее в Европе принцы Уэльские: «За службу»), другие выражения лишь подчеркивали способ или даже образ этого служения. «Acta non verba» (Дела не слова) гласил девиз Демидовых; «Labore» (Трудом) заявляли Канкрины — и это прямо говорило об их фамильном происхождении и занятиях. А вот Дибичи-Забалканские были за то, что «Suum Cuique» (Всякому свое), Завадовские радовались, что «Fieri praestat Quam Nasci» (Лучше быть пожалованным, чем родиться), а А.А. Аракчеев был откровенно «Без лести предан».

И надо заметить, что эти краткие изречения порой с удивительной точностью отразили жизненные коллизии отдельных представителей или даже целых поколений тех или иных дворянских родов. Что в общем-то не случайно. Ведь составление «Общего гербовника дворянских родов всероссийской империи» началось в конце XVIII в. К тому времени многие дворянские фамилии прошли серьезный жизненный путь и сумели выразить себя в той или

иной области и, главное, в том или ином качестве. И потому девизная характеристика носила не случайный, а вполне осознанный выбор.

На гербе графов Румянцевых было выгравировано: «Non solum armis» (Не только оружием). Нельзя с уверенностью сказать, когда появился этот девиз — к тому ли времени, когда определились штатские наклонности братьев Николая и Сергея Румянцевых; или к тому времени, когда их дед, Александр Иванович, получил графский титул за заключение в 1743 г. Абоского мирного договора со Швецией, присоединившего к России часть Финляндии по реке Кюмене.

Но главное, он в полной мере отражает как деятельность рода Румянцевых в целом, так и каждого его представителя. Для XVIII в. вполне обычным было совмещение военной и гражданской службы. И среди Румянцевых были лица, сочетавшие полководческие, дипломатические, чиновничьи таланты. Но были и те, кто посвятил себя сугубо штатской деятельности. Оправдывая девиз рода, и те, и другие проявили себя по самому высшему счету. Один из самых известных историков-археографов XIX в. П.И. Бартенов очень образно выразился по этому поводу: «Графы Румянцевы одушевлялись мыслию плодотворную и до наших дней не утратившею обязательной силы своей, мыслию о том, что прославленная успехами воинскими Россия должна стремиться к таковым же успехам в области самопознания и гражданского совершенствования»¹. Забегая вперед скажу, что Румянцевы с последовательностью венценосных особ осуществляли свое служение Родине.

Выделяя отдельных представителей рода, нельзя забывать, что любая биография это всего лишь часть истории семьи, рода, без которой любое биографическое исследование обречено быть лишь перечислением известных или неизвестных фактов из жизни того или иного лица, т.е. простым анкетным, или точнее энциклопедическим перечнем. Поставленные в систему внутрипоколенных взаимоотношений эти факты обретают причинно-следственные связи. В этом суть историко-генеалогического, генеалогически-биографического подхода, который использует автор. По меркам многих русских дворянских фамилий, насчитывающих, как например Голицыны, Шереметевы и другие, несколько десятков поколений, Румянцевы в генеалогическом отношении скудны по вертикали, хотя и относились к довольно древнему роду. Если верить легенде, предком рода был нижегородский боярин Василий Румянец. С.Б. Веселовский в очерке о роде князя Д.И. Галицкого, рассказывая о духовной грамоте 1433 г. Василия Васильевича Галицкого на вотчину в Дмитрове, писанной его братом Иваном Васильевичем, говорит, что последний не имел сыновей, «а его дочь вышла замуж за местного некрупного вотчинника Василия Ивановича Румянцева»². Идет ли здесь речь о Василии Румянце, возможно, получившем «за службу» вотчину в Подмосковье, неизвестно, хотя по времени эти лица могли совпадать. Да и С.Б. Веселовский склонен

---

¹ Автобиография графа С.П. Румянцева // Русский архив. 1869. М., 1870. С. 840.

² *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 420.

был их отождествлять³. Так вот, этот самый Василий Румянец в 1391 г. «оказал знатные услуги» сыну Дмитрия Донского великому князю Василию Дмитриевичу в завоевании Нижнего Новгорода. А потомки его служили московскому престолу «в знатных чинах и жалованы были вотчинами»⁴. Кто они и сколько их было — известно мало (и об этом позже). Некоторые биографы государственного канцлера Николая Петровича Румянцева полагали, что его дед, Александр Иванович являлся правнуком легендарного боярина⁵. Но это невероятно. Если исходить из генеалогического постулата, отпускающего на воспроизводящее поколение 25—30 лет, легко подсчитать, что с 1391 г., когда упоминается Василий Румянец, до 1680 г., когда родился Александр Иванович, прошли жизни 9—10 поколений. Синодик церкви села Чеберчино⁶, алатырской родовой вотчины Румянцевых в Симбирской (ранее Нижегородской) губернии, содержит имена трех с половиной десятков мужских имен этой фамилии⁷. Более или менее известными из них в XVII — начале XVIII в. были Иван Никитич, находившийся на службе Алексея Михайловича и погибший в русско-польскую войну 1654—1667 гг., и его сын Иван, который в своей служебной карьере добился к 1722 г. лишь чина майора и «руководителя канцелярии строений в Выборге»⁸. Именно он служил царю Алексею Михайловичу с 1663 г., а затем царям Иоанну и Петру и мог быть, по свидетельству князя А.Б. Лобанова-Ростовского, тем костромским помещиком, который за труды, понесенные в Крымском походе 1689 г., а также за службы его отца Ивана Никитича был пожалован стольником. Этот упомянутый Иван Иванович мог иметь дочь Анну, вступившую в брак с Иваном Александровичем Еремеевым, на дочери которого Наталье в 1734 г. женился Семен Иванович Мордвинов (отец известного Николая Семеновича Мордвинова), а также сына Федора, поступившего в Преображенский полк вместе с ниженазванным Никитой Ивановичем и дослужившегося до чина капитан-лейтенанта (ум. 1729)⁹. Но достоверно известно, что у него было два сына, Александр и Никита Ивановичи, родившиеся соответственно в 1680 г. и 1688 г. Неясно, кто была их мать, но в любом случае она принадлежала к дворянскому сословию,

³ *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 154, 261, 273.

⁴ Общий гербовник дворянских родов всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 3. СПб., 1799. С. 4—4 об.

⁵ [Тереженко А.] Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Ч. II. Канцлеры. СПб., 1837. С. 227.

⁶ Екатерина Михайловна Румянцева (урожденная Голицына), жена Петра Александровича Румянцева-Задунайского, пишет «Чебарчино». Ныне это селение в Дубенском районе Мордовской автономной республики. Село известно по «Книге письма и меры», т.е. генеральной переписи Алатырского уезда 1624—1626 гг., когда оно принадлежало «Львовым крестьянам Плещеева» из рода алатырских воевод. Петр I пожаловал Чеберчино А.И. Румянцеву вместе с селами Голодяевка (ныне Красное, 2 км от Чеберчино) и Явлейка. Кроме того, Румянцевым принадлежали здесь село Петровка, названное в честь Петра Александровича, и село Николаевка, названное в честь Николая Петровича (см.: *Инжеватов И.К.* Топонимика Дубенского района Мордовской АССР // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. С. 210—217).

⁷ Там же. С. 273.

⁸ *Соловьева Т.А.* Румянцевский особняк на Английской набережной. СПб., 1996. С. 21; Сборник РИО. Т. 69. С. 753, 756; Т. 94. С. 347, 758; Т. 104. С. 223.

⁹ *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 2. СПб., 1895. С. 186.

поскольку дворянин не мог жениться на представительнице низшего сословия, не потеряв для детей дворянского звания. А у стольников времен Алексея Михайловича в жены выбирались боярские дочери.

Младший из них, **Никита Иванович** (03.04.1688—06.09.1752), всю жизнь прослужил в военной и дипломатической службе, но как бы в тени своего старшего брата. Он был на восемь лет моложе Александра и по служебной лестнице шел по его стопам. Как и он, Никита по обычаю того времени, подобно большинству их сверстников, провел юность в имении, попросту в деревне, в кругу семьи, обучаясь грамоте и Закону Божьему у местного дьячка и вращаясь в сфере сельской жизни того времени. С достижением совершеннолетия в 1707 г. он был определен солдатом на службу в лейб-гвардии Преображенский полк, который в это время был в составе армии, действовавшей против Карла XII. Тут нужно отметить, что гвардия петровского времени имела совсем иной характер по сравнению с тем, какой она приобрела при Екатерине II. Петровские гвардейские полки имеют тройное назначение: политическое (опора царской власти при проведении реформ), воспитательное (подготовка офицеров для армии, показания примера армейским полкам в боях и экзерцициях) и, наконец, собственно боевое, как тактические единицы. Уже при ближайших преемниках Петра это последнее назначение отходит на второй план — в походах Миниха участвует лишь половина гвардии, по батальону на полк. Обстоятельства воцарения Елизаветы отнюдь не способствовали упрочению дисциплины в гвардии. Своеволие лейб-компанцев передалось и в прочие части, взбунтовавшиеся было в Финляндии в шведскую кампанию 1742 г. После этого гвардия не участвовала в Семилетней войне, а из войн Екатерины II приняла участие лишь в шведской, тоже в половинном составе. Ее назначением осталось охранение престола и подготовка офицеров для армии.

Эти последние — недоросли из дворян — писались в гвардию в раннем детстве, зачастую от рождения. Указ о вольностях дворянских избавлял их от личной явки на службу по достижении юношеских лет, и добрая половина дворян, записанных в гвардию при Екатерине, лишь «числилась» в строю, а на самом деле благополучно проживала в своих поместьях. Производство их в унтер-офицерское звание и первый офицерский чин шло заочно, «за выслугу лет», и очень многие «уходили в отставку», так и не увидев ни разу своего полка. Те же, кто являлся в полки, несли легкую и приятную службу. Живя в столице, они все свое время посвящали светским развлечениям и в свои части заглядывали лишь изредка, для проформы. Когда им приходила очередь заступать в караулы, слуги несли их ружья и амуницию. Службу за них отправляли гвардейские солдаты, взятые по набору (сдаточные) и служившие безо всяких поблажек¹⁰.

В марте 1707 г. полк двинулся к Киеву, по пути осадив и взяв крепость Быховец, и около Кейдан стал на зимние квартиры. 27 сентября 1708 г. Петр I с Преображенским полком нанес поражение Левенгаупту при Лесной. 15 февраля 1709 г. по приказу Голицына полк после штурма выбил шведов из Рашевки, понеся зна-

¹⁰ Керсновский А.А. История Русской армии [Электронный ресурс]. Ч. 1. Гл. IV. С. 146. URL: <http://militera.lib.ru>

чительные потери. Отсюда полк двинулся к Полтаве, которую уже осаждал Карл XII, и принял участие в знаменитом сражении, после которого вскоре был направлен в Москву, куда прибыл 13 декабря и принял участие в празднествах в честь Полтавской битвы, длившихся до нового года. По их случаю Никита Иванович Румянцев был произведен в прапорщики. В следующем году Преображенский полк был направлен для осады Выборга и по пути прапорщику Н.И. Румянцеву было поручено продать купленный в Новгороде провиант, а деньги доставить в Петербург. Выполнив задание, он отплыл на судах из Петербурга к Выборгу, который сдался без штурма, и Преображенский полк вступил в него 14 июля 1710 г. Предполагалось затем отправить войска в Лифляндию, но из-за свирепствовавшей там чумы Преображенский полк остановился в Луге и в конце октября прибыл в Петербург для участия в торжествах по случаю бракосочетания племянницы Петра I — Анны Иоанновны с герцогом Курляндским 31-го октября 1710 г. Следующим важным для Н.И. Румянцева событием было его участие вместе с Преображенским полком в Прутском походе 1711 г., когда в сражении при Фальчи он был ранен. Неудачный Прутский поход, как известно, окончился 12 июля 1711 г. миром, а Н.И. Румянцев произведен в подпоручики. Вместе с полком он направлен к Эльбину в польскую Пруссию, где главнокомандующим был царевич Алексей. После сдачи Штеттина военные действия в Голштинии прекратились и войска возвратились в Россию. Далее служба занесла Н.И. Румянцева с Преображенским полком в Финляндию в 1714 г., а в 1716 г. в Данию. Крупным событием в военной судьбе Н.И. Румянцева стал Персидский поход 1722—1723 гг., когда русская армия и флотилия (22 тыс. человек) во главе с Петром I вторглись в прикаспийские владения Ирана с целью обеспечения торговых связей России с восточными странами, оказания помощи закавказским народам в освобождении от иранского господства и воспрепятствования турецкой экспансии в Закавказье. В составе Преображенского полка он находился под началом своего старшего брата Александра Ивановича Румянцева. Дойдя до Нижнего Новгорода, отряд на судах спустился до Астрахани, а затем берегом Каспия с боями дошел до Дербента, который сдался русским войскам 23 августа. В декабре был взят Решт. Из-за недостатка провианта Петр I отказался от дальнейшего движения к Баку, который был взят лишь в июле 1723 г. Успехи русских войск и начавшаяся третья ирано-турецкая война 1723—1746 гг. вынудили иранское правительство 12 сентября 1723 г. заключить Петербургский договор, по которому к России отошли Дербент, Баку и провинции Ширван, Гилян, Мазендеран и Астрабад. Но это будет позже. А тогда в декабре 1722 г., оставив гарнизоны в занятых местах, Петр вернулся с преображенцами и семеновцами в Царицын, а оттуда сухим путем 18 декабря 1722 г. в Москву, где праздновался новый год и торжественное коронование Екатерины. После чего царь с гвардейцами вернулся в Петербург. В наступившее мирное время Н.И. Румянцев, уже в чине капитан-поручика, получил приказание заняться расчисткою порогов на Волхове, соединяющем озеро Ильмень с Ладожским. Из представленных им отчетов видно, что в 1725 и 1726 гг. вычищено было, «по правую сторону от берега, по реке в длину 530 сажен в разных местах, в ширину реки на 20 сажен и в глубину выломано на 1,5 фута». Он имел иногда до 30 000 рабочих в месяц. 12 июня 1727 г. Н.И. Румянцев от чистки порогов был освобожден и ему предписано сдать остаточные

деньги в Камер-коллегию, а инструменты и припасы — Ладожскому коменданту. Продолжая службу в Преображенском полку, Н.И. Румянцев указом Императрицы Анны Иоанновны от 6-го августа 1731 г. был пожалован в полковники с определением в Рижский гарнизон и пребывал в городе Риге до 1737 г., будучи командирован в 1735 г. с полком для прикрытия Лифляндских границ и содержания кордонов на Польской границе, во время войны с Польшей. Затем, с началом войны с Турцией (1735—1739) в 1737 г. Н.И. Румянцев был определен к главной армии в Днепровскую экспедицию, в Санкт-Петербургский пехотный полк, и находился по старшинству в бригадирской должности. В этом звании он совершил поход (Днепровский) 1737 г. к Очакову, находясь в составе дивизии, которой командовал его брат, и по занятию этой крепости 2-го июня возвратился вскоре в Киевскую губернию. Затем в 1738 г. он участвовал в походе генерал-фельдмаршала графа Б.К. Миниха (который командовал войсками в Крыму и Бессарабии во время войны) для занятия Белгородской и Буджакских орд, по ту сторону Днепра, а также Молдавии и Валахии. Поход этот был неудачен, но Миних стал готовиться к новому наступлению с целью занять Хотин и по обстоятельствам действовать против Очакова и Кинбурна. В чине бригадира Н.И. Румянцев участвовал в походе, также под начальством своего брата. 19 августа 1739 г. Хотин сдался, но этому предшествовала битва при Ставучанах, в которой турецкие войска оказали сильнейшее давление на Бутырский и Санкт-Петербургский пехотные полки, которыми в то время командовал Н.И. Румянцев, произведенный 14 февраля 1740 г. в генерал-майоры. В том же году 2-го марта он был назначен и сенатором и вскоре принял участие в рассмотрении дела кабинет-министра Артемия Волынского и подписал смертный его приговор 23-го июня 1740 г. В следующем, 1741 г. он получил особое почетное поручение — был отправлен для приема на границе и сопровождения в столицу турецкого посла, так как, по условиям Белградского мира 1739 г., договаривавшиеся державы (Австрия, Россия и Турция) должны были обменяться торжественными посольствами. На этом основании Россия в 1740 г. отправила, в качестве своего посла, в Константинополь генерал-аншефа Александра Ивановича Румянцева, которого торжественно встретил на границе особый турецкий уполномоченный; Турция же в свою очередь послала в Петербург своего посла Эминя-Магмета пашу, которого принять на границе и препроводить в столицу было предписано сенатору Николаю Ивановичу Румянцеву. Это поручение было не из легких: предстояло не только условиться о месте и времени размена послов, но соблюдать равенство в трактаменте послов с обеих сторон, причем Н.И. Румянцев должен был стараться выдавать послу так называемый таин, т.е. поденное пропитание послу и всей его свите в натуре, а не деньгами; «если же посол принимать их не будет, то объявить со всею учтивостью, что дается по требованию». Румянцеву была дана при этом особая инструкция из Кабинета Министров 16-го июля 1740 г., которою ему приказывалось ехать с всевозможным поспешением на самую границу для приема турецкого посла, условиться заранее о прибытии к месту размена послов, дабы не было спору о времени размена, а также о всех лицах долженствующих быть при размене, и о церемониале самого размена. Ему предписывалось взять в Киеве конвой из хорошо одетых драгун и казаков в таком числе, какое будет иметь и турецкий посол, получить деньги, необходимые на покупку съестных припасов и питья. Ему же

поручалось распорядиться подготовкою от Петербурга до г. Севска хороших дворов для остановки посла со свитою, а также заготовкою на этих станах всякого провианта, фуража, дров, свечей и прочих жизненных потребностей. При этом предусматривалось, что турецкий посол мог потребовать некоторые предметы (сахар, кофе, корицу, шафран, имбирь, пшено) в таком количестве, что невозможно было бы достать в пути. На этот случай Румянцеву разрешалось закупить их в Москве или Петербурге по дорогой цене и хорошего качества и везти с собою, а чай зеленый и черный, в количестве по два пуда каждого, получить в Москве из Сибирского Приказа. В отношениях с послом Н.И. Румянцеву предписывалось поступать сообразно сведениям, получаемым от брата А.И. Румянцева и по его же примеру. А в случае неполучения уведомления, пользоваться советом киевского губернатора. Ему дозволялось предоставить турецкому послу жить в Киеве, сколько он пожелает, а при назначении им дня отъезда доставить потребные ему и свите подводы, а также купить послу коляски и телеги, если это потребуется, и назначить конвой такой же, какой дан русскому послу. На пути из Киева до Москвы и Петербурга он не должен был торопить посла, останавливать против воли его; все это представлялось на волю посла. Румянцев обязан был вести себя с величайшею учтивостью, но смотреть за тем, чтобы не было беспорядков и обид русским подданным от лиц свиты посла, если же таковые будут, то докладывать об этом послу. Н.И. Румянцеву на расходы по посольству дано было 20 000 руб. и ему лично 1500 руб. на экипаж и прочие потребности; ежели сверх того будут издержки, то предоставлялось ему получить деньги в Москве. Отправившись из Петербурга в конце июля, Румянцев 1 августа доносил из Калуги о плохом состоянии мостов по перспективной дороге из Петербурга в Москву и от Москвы по Киевскому тракту и о необходимости их починить, по некоторым из них посольству невозможно будет проехать. Прибыв в Киев, он 13 августа сообщал, что застал там брата А.И. Румянцева и узнал от него, что турецкий посол поехал уже из Адрианополя на Бендеры к Очакову, намерен переправиться чрез Днепр и, следуя крымскою стороною, прибудет к Конским водам, где начинается новая граница между обоими державами. Этим маршрутом турецкого посла изменялось первоначальное предположение осуществить размен послов в Василькове, которое не могло состояться из-за нестыковки границ. Вместе с тем нашему послу предстояло ехать в столицу Османской империи необитаемыми степями, вместо того, чтобы иметь удобный путь через польские владения. Поэтому Н.И. Румянцев, получив в Киеве 1500 конных гренадер и драгун с литаврщиками, трубачами и музыкантами, 2000 казаков и 6 полковых пушек, двинулся в августе в Переволочную и Усть-Самару, а затем далее и, условившись заранее с подъезжавшим турецким послом, совершил 17 октября, при речке Великий Канар, впадающей в Буг, размен послов по согласованному церемониалу, после которого русский посол — А.И. Румянцев, направился в Стамбул (Константинополь), а Н.И. Румянцев с послом Османской империи Эминь-Мегмет пашою двинулся обратно к Переволочной и прибыл 3 ноября к Мишурнорожской крепости. По дороге на Глухов он получил известие о кончине императрицы Анны Иоанновны, о чем и объявил послу. Найдя необходимым довести об этом до сведения султана, турецкий посол потребовал от Румянцева для этого новые подводы, которые и были ему предоставлены. Продвигаясь не быстро по 25—30 верст в

сутки, Румянцев с послом прибыл 30 ноября в Севск, где узнал об учреждении регенства, и только 1 января 1741 г. Румянцев прибыл в Москву. Лишь 4 января состоялся торжественный въезд в Москву посольства. Прибывшее посольство разместилось близ Донского монастыря, у Калужских ворот, заняв до 50 домов, но сам посол был помещен в доме баронов Строгановых. Он ожидал теперь из Стамбула новых кредитивных грамот на имя новой правительницы, чтобы ехать в Петербург, продолжая вести неприятные объяснения с Н.И. Румянцевым об условиях содержания. Эти объяснения вызвали очень натянутые отношения между ним и послом, которые еще более обострились задержкой в карантине из-за чумы курьера, ехавшего от султана к послу с бумагами. Посол заявил, что ничего не будет брать от Румянцева — ни денег, ни провизии и все будет покупать на свои деньги, о чем и написал в Петербург, требуя его смены. Это требование в Петербурге уважили. Кабинет и раньше был недоволен скудостью информации Румянцева о поведении и склонности посла, о контактах и переписке с Портой. «Нам о всем этом надо знать, — писал Кабинет, — и для того, наиприлежнейшее и всяким образом проведая, нам доносить имеете». Получив жалобу посла, Кабинет указом от 24-го января 1741 г. отстранил Н.И. Румянцева от почетной, но хлопотной должности, назначив вместо него генерал-майора и вице-губернатора Москвы графа Брюса, которому и надлежало сдать инструкцию, деньги и всю переписку по приему посольства. Однако, чтобы посол не считал, что Румянцев удален по его жалобам, в указе к генералу и обер-гофмейстеру графу Салтыкову предписано, чтобы он поручил Румянцеву в Москве на время какую-либо не унижающую его комиссию, дабы она не выглядела сатисфакцией послу. А если в Москве нет места, то велено Салтыкову определить Румянцева в Сенатскую контору. При этом Румянцеву указывалось, что ему «потребно быть с Брюсом у турецкого посла и о своей смене и определении к другим делам (не упоминая отнюдь того, что по его требованию от него отлучается), с надлежащим почтением объявить и от него с пристойною учтивостью отпуск взять». Румянцев не замедлил 2 февраля 1741 г. донести о точном исполнении всего предписанного ему указом 24 января, приложив подробный экстракт из его журнала. В Москве Н.И. Румянцев оставался недолго. 9 июля 1742 г. он был назначен в Пернов для командования драгунскими и пехотными полками, а в 1743—1751 гг. он проходил воинскую службу в Смоленске, Лифляндии, Эстляндии и в Санкт-Петербурге. 23 апреля 1752 г. он был уволен от службы за старостью и болезнями и, проживая в Москве, скончался 6-го сентября того же 1752 г. Румянцев был погребен в Златоустовском монастыре, при соборе св. Иоанна Златоуста, прожив, как усматривается из надгробной надписи, 64 года, 5 месяцев и 3 дня. Никита Иванович был женат на княжне Марии Васильевне Мещерской (бывшей в первом браке за Милославским) и имел от нее дочь Анну, которая родилась 11-го февраля 1730 г. 8 октября 1749 г. она вступила в брак, с Александром Александровичем Нарышкиным (позднее обер-шенк и сенатор). Великая княгиня Екатерина Алексеевна (будущая императрица) должна была, по приказанию императрицы Елизаветы, убраться к венцу невесту, племянницу состоявшей при ней гофмейстерины графини Марьи Андреевны Румянцевой. Само бракосочетание совершалось в Москве, в Анненгофской дворцовой церкви, в присутствии Петра Федоровича и его супруги Екатерины Алексеевны, которыми новобрачные были препровождены в

дом статс-дамы Нарышкиной, через всю Москву в Немецкую слободу, куда при- была также императрица Елизавета Петровна со всем двором. Молодой А.А. Нарышкин вскоре был назначен гофмейстером их высочеств, и это доста- вило еще большую возможность великой княгине близко узнать Анну Ники- тичну, коротко сойтись с нею и сделаться ее другом по уму и отличным ее ка- чествам. По словам Екатерины II, брак Нарышкиной имел не более последствий, чем ее собственный: «Сходство положений моего и Нарышки- ной много способствовало установлению дружеской между нами связи, кото- рая долго нас соединяла». Она очень любила Нарышкину, и когда последняя была больна, то Екатерина, не смея без позволения выходить, переодевалась в мужское платье и в сопровождении Л.А. Нарышкина ходила навещать боль- ную после ужина с великим князем. У Нарышкиной она встретилась с Поня- товским. Нарышкина была очень добрая и сострадательная особа; она в числе немногих принимала у себя внебрачных детей. В торжественный день миропо- мазания и бракосочетания великой княгини Натальи Алексеевны (супруги Павла Петровича) 15 сентября 1773 г. Нарышкина была пожалована в статс-да- мы, а 20 марта 1787 г. награждена орденом Св. Екатерины, присланном ей им- ператрицею из Киева. Император Павел I пожаловал ее, 12 ноября 1796 г., гоф- мейстериною императорского двора. Она скончалась 2-го февраля 1820 г., почти 90 лет, пережив своего супруга на 25 лет, и погребена в Александро-Нев- ской Лавре в Петербурге. Детей она не имела и оставила свое достояние своим племянникам — графам Николаю и Сергею Румянцевым, из которых первый был очень к ней привязан¹¹.

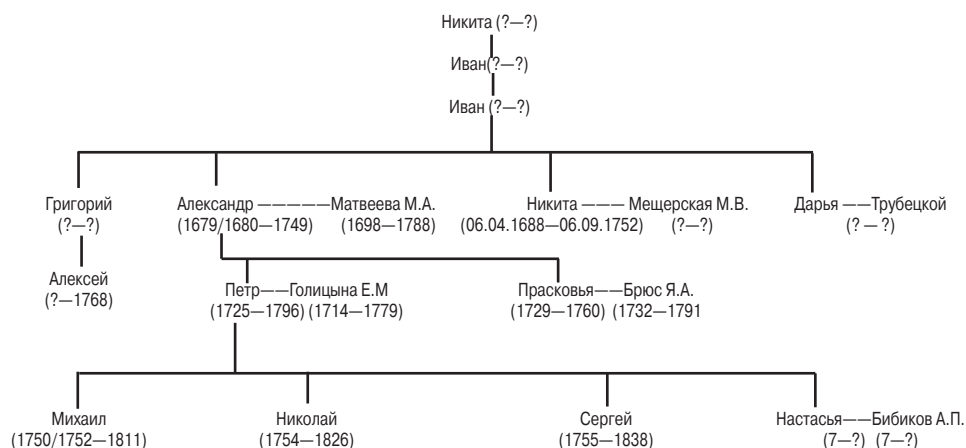
Александр Иванович Румянцев, будучи приближенным Петра I, с начала XVIII в. участвовал в главнейших кампаниях Северной войны, выполнил ряд сложнейших дипломатических и, как бы мы теперь сказали, разведыватель- ных поручений, за которые лет на десять далеко опередил отца в чинах и зва- ниях.

Именно он, а не его генеалогические линии и связи его предков, сыграли решающую роль в возвышении рода в XVIII в. И судьбоносным стало знаком- ство Александра Ивановича Румянцева с Петром I. Его карьера это типичный взлет хундорного потомка нижегородского боярина в начале столетия, когда в горниле петровских преобразований формировалось новое военное сосло- вие, именовавшееся шляхетством или дворянством, «считавшее, — по вы- ражению В.О. Ключевского,— своею обязанностью оборонять отечество от внешних врагов»¹².

¹¹ Общий гербовник... Ч. 3; Ч. 9; *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воевод- ского управления Московского государства XVII столетия, СПб., 1902; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 2; *Селифонтов Н.Н.* Родословная Селифонтовых и Румянцевых, для друзей, СПб., 1890; РГВИА. Ф. 489. Оп. 8. Кн. 384; *Чичерин А.К.* История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683—1883. Т. 1. СПб., 1883. С. 242 и др.; Т. IV. СПб., 1888. С. 180; Рус- ская старина. 1870. Т. 2. С. 476; 1895. Т. 84. С. 95; *Байов А.К.* Русская армия в царствование им- ператрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736—1739 гг. Т. 1 Прил.; Т. 2. Прим. II. Прил. СПб., 1906; Сб. РИО. СПб., 1898. Т. 104; СПб., 1899. Т. 106; СПб., 1902. Т. 114; Петер- бургские Ведомости. 1749. № 83. С. 662; Список военных генералов со времен Петра I до Ека- терины II. СПб., 1809. С. 45, 53, 72; *Майков П.* Румянцев Никита Иванович // РБС. Т. 17.

¹² *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 65.

Генеалогическая таблица новой династии Румянцевых на удивление невелика:

Сам Александр Иванович, его сын Петр и три внука: Михаил, Николай и Сергей (и внучка Настасья). Всего три поколения, но они стоили десятков поколений иных титулованных фамилий, став подлинной славой России. К этому семейному клану надо отнести брата Александра Ивановича, Никиту Ивановича (впоследствии генерала и сенатора¹³) с дочерью Анной¹⁴, и две их сестры, Прасковью и Дарью.

Не очень понятно положение Григория с сыном Алексеем. Когда в 1768 г. скончался Алексей Григорьевич, возник вопрос о наследстве. Екатерина Михайловна писала мужу П.А. Румянцеву на театр военных действий первой русско-турецкой войны в письме от 11 мая 1768 г. из Москвы: «Алексей Григорьевич наш Румянцов умер и после него наследство приходит тебе, а сколько его никто не знает, а думать надо, что слишком 200 душ... Покойного Алексея Григорьевича жена поехала к тебе в Глухов¹⁵. Я бы советовала ей дать ее часть, что придет, а остальные самим взять во владение и необходимо надобно будет туда кого послать для описывания деревень, ведь теперь на ее сказки уверяемся, а по описи везде и скот и хлеб есть, да мне кажется, что она еще в таких летах, что и замуж пойдет, и в письме своем не пишешь об ее части, что ей принадлежит, к одному ли месту выделить, где она захочет, может и лучшую деревню возьмем, мы здесь ничего не знаем, нету ли какого офицера тамошнего бы помещика, так бы послать осмотреть и описать, так бы хоть из того можно узнать было бы, что есть, чего нет»¹⁶. Тема этого наследства звучит в переписке Екатерины Михайловны и Петра Александровича по октябрь 1768 г. 28 июня она сообщает, что получила от него верющие письма и

¹³ Соловьева Т.А. Румянцевский особняк... С. 21.

¹⁴ Русский архив. М., 1869. С. 845

¹⁵ В Глухове располагалась ставка П.А. Румянцева — командующего русской армией и президента Малороссийской коллегии.

¹⁶ Письма графини Е.М. Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому. 1762—1779. СПб., 1888. С. 100—102.

челобитные по делу о наследстве Алексея Григорьевича¹⁷. 15 августа, характеризуя вдову («я ее знаю какова»), говорит о необходимости послать некоего Баранова (возможно, собственного управляющего) описать деревни¹⁸, а уже 5 октября пишет: «Я послала Баранова в Вологду и писала к Марии Васильевне (т.е. вдове Алексея Григорьевича. — А.А.), чтобы она дозволила ему все деревни описать и что в которой хлеба, скота; она ко мне писала, прежде требовала, что мужики ее не слушают и оброку не платят, и что бы хлеб излишний распродать... Я намерена велеть продать, чтобы заложенную деревню в банке в четырех стах рублях выкупить... Указ об отказе еще все не выправился в прииске дач. А мне сказывают, что хотя и не отказаны, а во владение мы можем вступить, да и это сомнительно показалось, что она ко мне пишет, что по милости твоей ей все препоручено...»¹⁹. И, наконец, последнее известие о наследстве от 18 октября: «Баранов поехал на Вологду.. А невестушка наша вздумала, что ты ей полную власть дал, и слышу чудеса об ней. Да теперь он там, так чаю, ей неприятно, что и указ об отказе скоро пошлют. Я думаю, все откажут за тебя, а она пускай приедет часть свою просить»²⁰.

Приведенные выдержки из писем Екатерины Михайловны, может быть, несколько длинноваты, но зато, во-первых, очень ярко характеризуют хозяйственный дух Румянцевых, а, во-вторых, вносят ясность в родственные связи клана. Алексей Григорьевич умер бездетным. Коль скоро встал вопрос о прямом наследовании его вологодского имения Петром Александровичем, следовательно, речь может идти скорее всего о братских отношениях. Ведь и Екатерина Михайловна называет Марию Васильевну «невестушка наша», что только подтверждает уровень родства: невесткой называли замужнюю женщину по отношению к родным ее мужа — братьям, сестрам, женам братьев и мужьям сестер.

Но было бы несправедливо сводить историю династии лишь к прямому родству по восходящей или нисходящей линиям. Разумеется, судьба была благосклонна к трем поколениям. Но сами по себе они могли и не стать тем, чем стали. Определяющую роль в судьбе Румянцевых сыграла генеалогия по горизонтали, или, если быть точным, связи по свойству. И ведь не случайно в свое время царица Елизавета Петровна, святая Петру Александровичу Марью Артемьевну Волынскую (которую он, увы, отвергнет), напомним ему о крови по свойству. Но об этом позже. Сейчас отметим, что в жизни Румянцевых матриониальные союзы стали своего рода катализатором, а ферментами (примами) выступили женщины, потому что благодаря их бракам и бракам с ними сложилось необыкновенное объединение выдающихся родов, следствием чего явилось ускоряющее воздействие на жизнь всех без исключения членов румянцевского семейства.

Взглянем еще раз на генеалогическую схему. Сестры Александра Ивановича были замужем: Прасковья — за Я.А. Брюсом (Екатерина Михайловна назы-

---

¹⁷ Там же. С. 106.

¹⁸ Там же. С. 111.

¹⁹ Там же. С. 113—114.

²⁰ Там же. С. 117.

вала ее «Брюсша»), Дарья — за одним из Трубецких (хотя влияние этого рода напрямую не прослеживается). Его племянница Анна Никитична была женой А.А. Нарышкина. Сам он был женат на внучке знаменитого русского дипломата Артамона Матвеева, М.А. Матвеевой, а его сын Петр сочетался браком с Е.М. Голицыной. Итак, Голицыны, Нарышкины, Брюсы, Матвеевы. Из них самые древние Голицыны — из Гедиминовичей. Нарышкины — происхождением дворяне XVI в. Брюсы, хотя и тянули свою генеалогию от древнего шотландского рода, представители которого занимали шотландский престол в XIV в., но лишь в 1647 г. Яков Брюс приехал в Россию на русскую службу, став командиром полка регулярных войск²¹. Происхождение предков А.С. Матвеева темно и с разными вариациями: крестьянское, дьяческое, литовское, поповское. «Известно только, что отец Артамона Сергеевича Матвеева был послом еще в царствование Михаила при двух азиатских дворах: константинопольском, Магомета IV, и персидском, шаха Абасса II». По его возвращении царь Михаил за оказанные услуги в июле 1638 г. повелел «13-летнего сына его Артамона записать в действительную службу, или, как тогда говорили: в житье»²².

Эти фамилии различны по происхождению, но одинаково знамениты и влиятельны в XVIII в. И все благодаря одному обстоятельству: близости к дому Романовых и прежде всего самому тесному сотрудничеству с Петром I.

Наталья Кирилловна Нарышкина была второй женой царя Алексея Михайловича и матерью Петра Алексеевича, а ее брат Лев Кириллович в самые первые годы его царствования возглавлял Посольский приказ.

Дед Якова Александровича Брюса, Роман Вилимович, наравне со своим знаменитым братом Яковом Вилимовичем, состоял в потешной команде Петра I, в чине капитана командовал ротой Преображенского полка, принимал участие в Азовских походах, осаде Нарвы, взятии Нотебурга и, самое основное, был одним из главных лиц в закладке Петербурга, служил его первым обер-комендантом, строил Петропавловскую крепость, заменял А.Д. Меншикова в отъездах на посту петербургского генерал-губернатора.

Жена П.А. Румянцева, Екатерина Михайловна, была дочерью одного из ближайших сподвижников Петра I, крупнейшего военачальника, генерал-фельдмаршала М.М. Голицына.

И, наконец, жена А.И. Румянцева, Марья Андреевна была дочерью видного сподвижника Петра I, знаменитого посла в Гааге и Вене, президента Морской Академии и Юстиц-коллегии Андрея Артамоновича Матвеева и внучкой уже упомянутого Артамона Сергеевича Матвеева, приближенного царя Алексея Михайловича, крупнейшего руководителя русской дипломатии в XVIII в. Девизом его были слова: «одне только дела прославляют человека». Николай Петрович Румянцев высоко почитал своего прапрадеда, мысля себя его преемником во внешней политике России, и единственному из предков (кроме отца) поставил памятник в виде четырехугольного храма с надписью: «в

²¹ Отечественная история с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 549, 297.

²² [Тереженко А.] Опыт обозрения жизни... Ч. 1. Словники, управлявшие иностранными делами до управления канцлеров. СПб., 1837. С. 71—72; Око всей великой России. М., 1989. С. 215.

1682 году мая 15, в смутное время от бунтовщиков убит шестидесятилетний страдалец боярин Артамон Сергеевич Матвеев; три дня прибыл в царственном граде Москве, освобожден из под стражи, из заточения Пустозерского»²³. Газеты сообщали по этому поводу, что на месте, где стоял дом боярина Матвеева в приходе церкви Св. Николая чудотворца в Столпах между Мясницкой и Покровской, был раньше поставлен «небольшой храм под сводом. На том же месте через 139 лет его правнук (праправнук. — А.А.). Н.П. Румянцев поставил памятник в 1821 г.»²⁴.

Рядовой дворянский мемуарист XVIII в. В.А. Нащокин, из числа недорослей, призванных Петром I для обучения в петербургской школе и дослужившийся за 30 лет службы в лейб-гвардии Измайловском полку до чина генерал-поручика и гвардии майора, в своих записках или журнале «Какие случаи достопамятные, в которых годах что происходило» записал под 4 марта 1749 г. главное, по его мнению, событие в стране: «поутру скончался в Москве генерал-аншеф, сенатор, лейб-гвардии Преображенского полку подполковник и кавалер орденов Св. Андрея Первозванного и Александра Невского, граф Александр Иванович Румянцов, который служил сначала в Преображенском полку с 1704 г., из дворян небогатых, кинешемский помещик, произошел из солдатства всеми нижними чинами. Погребен в Москве в Златоустовском монастыре с великим церемониалом»²⁵. Но до этого торжественно-траурного акта пройдет жизнь не одного поколения.

---

²³ Автобиография графа С.П. Румянцева... С. 841.

²⁴ Терещенко А. Опыт обозрения жизни... С. 112. 248.

²⁵ Отечественные записки на 1821 г. Ч. VIII. С. 366; Вслед подвигам Петровым. Век XVIII. М., 1988. С. 359.

Коронационная комиссия 1801 г.

Коронационные комиссии, как разновидность государственных комиссий императорской России, уже привлекали внимание исследователей. Так, М.В. Бабич, впервые на монографическом уровне изучившая государственные комиссии начала XVIII в. («пограничные», «церемониальные», «лифляндские и эстляндские» и др.), дала характеристику первой коронационной комиссии 1724 г. Анализируя ее деятельность, автор пришла к выводу, что комиссия обладала законосовещательными функциями (участвовала в создании манифеста и церемониала, легшего в основу всех последующих коронаций), «неоговоренными каким-либо специальным актом чисто распорядительными полномочиями и обязанностями, которые сегодня назвали бы организацией производства необходимых “вещей”»¹. В дальнейшем, с 1730-х годов, создание церемониальных комиссий для проведения коронации новых русских монархов в первопрестольной столице Москве (равно как и комиссий «печальных» для погребения лиц монаршего дома) стало в России обычаем, подкрепляемым соответствующими манифестами и указами.

Отдельные факты, касающиеся деятельности этих временных государственных учреждений (в основном указание на глав комиссий), затрагивались во многих трудах, посвященных русским имперским коронациям². Однако в целом их история специального внимания исследователей не привлекала. Не освещенной в литературе является и деятельность коронационной комиссии Александра I, которой посвящена данная статья.

Характер восшествия на престол Александра I, сопровождавшийся мартовским переворотом и спешными, менее чем в две недели, похоронами убитого отца-императора (Павел I был погребен 23 марта), обусловили стремление быстро, не откладывая на дальний срок провести и коронацию нового монарха. Совершение коронации и таинства миропомазания в московском Успенском соборе должны были в глазах подданных «оправдать» пребывание на троне нового монарха, так как означали получение на это божественной санкции свыше.

20 мая 1801 г. император издал манифест о проведении коронации (его готовил, как и манифест о восшествии на престол, М.М. Сперанский) и в тот же день подписал два указа о создании коронационной комиссии и ее деятельности.

Манифест сообщал подданным о предстоящей коронации, намечая время ее проведения на сентябрь текущего года. В указе, адресованном Сенату, верховным маршалом коронации и ответственным за ее проведение назначался

¹ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 123–124.

² См., напр.: Огаркова Н.А. Церемонии, празднества, музыка русского двора. СПб., 2004. С. 25, 27, 192; Слюнькова И.Н. Проекты оформления коронационных торжеств в России XIX века. М., 2013. С. 21–22, 24, 112; Амелехина С.А. Церемониал коронации в Российской империи // Российская история. 2014. № 1. С. 76–78, 81–82.

действительный тайный советник, князь Николай Борисович Юсупов, верховным церемониймейстером граф Юрий Александрович Головкин, членами комиссии — действительный тайный советник Петр Степанович Валуев и тайный советник Николай Матвеевич Карадыкин. Кроме них, в тот же день 20 мая отдельным распоряжением Александр I повелел включить в комиссию тайного советника, князя Ивана Петровича Тюфякина. Об этих решениях сообщил Юсупову статс-секретарь, действительный тайный советник Дмитрий Прокофьевич Трошинский, через которого в дальнейшем комиссия вела сношения с монархом по поводу проведения торжества³.

Все лица, назначенные в комиссию, не были случайными, так как имели нужный опыт подготовки коронации Павла I. Всего четыре года назад, в 1797 г., князь Юсупов также являлся главой коронационной комиссии, а Карадыкин и исполнявший должность обер-церемониймейстера Валуев ее членами. Князь И.П. Тюфякин, ведавший московскими дворцами и садами, формально не причисленный к членам павловской комиссии, активно участвовал в подготовке торжества в Москве. Что касается нового лица — графа Головкина, то он был включен в комиссию как исполняющий должность обер-церемониймейстера двора.

Немаловажное значение в выборе персон для коронационной комиссии играл и их высокий социальный статус. Прежде всего, это касалось главы комиссии, принадлежавшего к одному из самых известных родов империи. Положение и знатность Юсупова позволяли ему на равных сноситься с первыми лицами центральных государственных учреждений, требуя от них присылки нужных служителей и выполнения различных поручений. Разумеется, обязательным условием данных назначений были свойственные всем членам комиссии отличные управленческие способности и навыки организации церемоний самого высокого уровня. И действительно, князь Юсупов являлся успешным президентом Мануфактур-коллегии, сенатором и главой императорской Театральной дирекции, граф Головкин был павловским обер-церемониймейстером (с января 1800 г.), сохранившим должность при Александре I, Карадыкин — опытным членом Кабинета его императорского величества, служившим в нем еще со времен Екатерины Великой. Валуев, оставив должность обер-церемониймейстера, являлся начальствующим над Кремлевской экспедицией, что было важно для проведения в Москве различных строительных и художественных работ.

Указанные качества — управленческий опыт и знания всего, что требовалось для проведения грандиозного церемониального действия, безусловно, являлись залогом успешного выполнения высочайшего поручения. Однако не стоит сбрасывать со счетов и политическую подоплеку назначений. Как и большая часть русской элиты, члены комиссии однозначно приняли в перевороте 11 марта сторону цесаревича Александра Павловича, а Юсупов, Головкин и Карадыкин уже на деле продемонстрировали свою лояльность в качестве членов только что завершившей работу печальной комиссии по погребению Павла I.

Второй указ от 20 мая, адресованный самой комиссии, касался ее деятельности. В нем император повелевал «исчислить» и получить от государственного казначея

³ ПСЗ-I. Т. 26. СПб., 1830. № 19877; РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1427. Л. 2 об.—3, 4, 5, 7—8 об.; Ф. 473. Оп. 1. Д. 166. Л. 2, 3.

нужные для коронации суммы, выбрать находящихся на государственной службе архитекторов и художников (имелись в виду петербургские «артисты») и, отправившись в Москву, открыть деятельность нового временного учреждения. Нужных для работы комиссии чиновников Юсупову было указано набрать в Москве (хотя делалось это и в Петербурге) и при этом опираться на содействие военного губернатора первопрестольной, генерала-фельдмаршала графа И.П. Салтыкова⁴.

Хотя подготовка коронации формально началась законодательными актами 20 мая, в действительности она шла уже с начала этого месяца. Еще 3 мая обер-церемониймейстер граф Ю.А. Головкин, в будущем член комиссии, в письме от статс-секретаря Д.П. Трошинского получил высочайшее повеление немедленно заняться составлением церемониала коронации и после его окончания подать монарху на рассмотрение. При этом к проекту церемонии ему следовало приложить описания коронаций бабки и отца-императора — Екатерины II и Павла I⁵, что делало эти две коронации ориентиром для работы обер-церемониймейстера. Однако у Александра, с неприязнью относившегося к участию в публичных торжествах, было свое видение предстоящей церемонии. Поэтому в бумагах Головкина сохранились две записки (одна в двух списках — без высочайших резолюций и с ними) с вопросами к императору о форме предстоящего празднества и резолюциями монарха.

В «Записке для доклада» в шести пунктах-вопросах Головкин уточнял волю императора относительно ряда деталей коронации, а именно: выбора московских дворцов — подъездного и для проживания вне Кремля, маршрута коронационного въезда, участия в торжествах малолетних Романовых, приглашения дипломатов, проведения публичного выезда из Кремля, места «народных столов» и разбрасывания жетонов — в Кремле или вне его. Резолюции императора на этом докладе показывают, что император собирался, прибыв в Москву и отменив коронационный въезд, проследовать «прямою дорогою» в Слободской дворец, да еще минуя улицы с триумфальными арками, а также возвратиться из Кремля в Слободскую резиденцию без пышных церемоний⁶. Второй документ, «Записка отмены в нынешнем церемониале против прежних торжеств коронования», также указывает на желание сократить церемониал. По высочайшему указанию, в его пяти пунктах оговаривались: отмена приезда императора в Петровский подъездной дворец с последующими поздравлениями, полная отмена публичного въезда со всеми приветствиями у триумфальных ворот, сокращение времени публичных поздравительных аудиенций до трех дней, упразднение шествия под балдахином, и, наконец, ненадевание монархом регалий во время поздравительных аудиенций в Кремле⁷.

Вероятно, это радикальное упрощение традиционного церемониала вызвало возражения в ближайшем окружении монарха и обсуждалось с ним. Александра, видимо, убедили в том, что для внешней легитимности власти необходимо терпеть и участвовать в церемониях в их традиционной форме. Кто и

⁴ Там же. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1427. Л. 4—4 об.; Ф. 473. Оп. 1. Д. 166. Л. 3—3 об.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 167. Л. 2—2 об.; Д. 166. Л. 7—7 об.

⁷ Там же. Д. 167. Л. 3 об.

какие доводы представил Александру I — его друзья по Негласному комитету, члены императорской фамилии или иные лица из окружения — неизвестно, но из составленного в итоге Головкиным и подтвержденного Александром церемониала следует, что многие свои решения монарх отменил. Все необходимые главные церемонии были включены в торжество, хотя стремление сократить их проступало практически в каждой его части и, прежде всего, во второстепенных действиях. К началу июня церемониал был готов, утвержден и разослан высшим чинам империи для исполнения⁸.

На практике в кратком виде коронационные торжества 1801 г. выглядели следующим образом. 31 августа император и императрица выехали в Москву на коронацию и прибыли туда вместе с цесаревичем Константином Павловичем 5 сентября. 7 сентября в первопрестольную приехали вдовствующая императрица Мария Федоровна и остальные члены правящего дома. 8 сентября, проведя только один день в полном составе в подъездном Петровском дворце, императорская фамилия переехала в свою резиденцию в Немецкой слободе, совершив пышный коронационный въезд.

Это мероприятие представляло собой пятичасовое шествие по улицам Москвы от Петровского дворца по Тверской улице, через Красную площадь, Кремль (с высочайшим посещением его соборов), а далее по Никольской, Мясницкой и Новой Басманной в Немецкую слободу до Слободского дворца. Двигалась колонна по празднично украшенным улицам и площадям под колокольный звон, пушечные выстрелы и восторженные приветствия толп народа.

Кортеж имел 19 групп участников, являвших собой императорскую фамилию, знатное дворянство, императорский двор, ближайшее чиновное окружение императора, а также почетную охрану из частей Конной гвардии и кавалергардов. В центре кортежа верхом ехал его величество Александр I с двумя ассистентами — цесаревичем Константином Павловичем и принцем Карлом Мекленбургским. За ним в дорогих каретах, запряженных восьмерками лошадей с богатой ливреей, вдовствующая и правящая императрицы и великие княжны. Всего, помимо частей гвардии, в шествии участвовало более 500 чинов и ливрейных служителей и более 80 раззолоченных карет.

У семи триумфальных арок высоких гостей приветствовали делегации от купечества, дворянства, духовенства и московских чинов. Играла музыка, подносились хлеб-соль, звучали поздравительные речи. Вечером город был иллюминирован.

9, 10 и 11 сентября богато декорированная группа с секретарями Сената, герольдами, церемониймейстерами и другими чинами, в сопровождении двух эскадронов Конной гвардии делала объявление о коронации на площадях и улицах Москвы. Особым образом церемониймейстерами приглашались на коронацию прибывшие в Москву дипломаты⁹. 13 числа императорская фамилия без особой пышности совершила переезд из Слободского дворца в Кремль.

⁸ Там же. Д. 166. Л. 8—31; Д. 469. Оп. 2. Д. 1427. Л. 11—32 об.; Чин действия, каким образом совершилось коронование императора Александра I по церковному чиноположению. [М., 1801].

⁹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 166. Л. 12—12 об., 16, 19, 20, 32 об.—33; Ф. 469. Оп. 2. Д. 1428. Л. 121.

15 сентября, в главный день коронации, утром под колокольный звон и пушечные салюты среди толп зрителей с дворцового Красного крыльца в Успенской собор прошло многочисленное, насчитывавшее 46 групп участников, шествие коронуемой четы под императорским балдахином. В храме состоялись: обряд возложения корон и регалий на государя и его императрицу-супругу, таинства миропомазания и причащения, а также другие церемониальные действия — чтение символа веры, поздравление коронованного государя, пушечный салют и пр. Затем императорская чета, шествуя под балдахином, посетила Архангельский и Благовещенский соборы. В Грановитой палате Кремлевского дворца состоялись объявление и раздача «милостей», коронационный пир, а вечером в Кремле и в городе была зажжена праздничная иллюминация.

Все эти действия имели созданную строго по церемониалу особую декорированную среду, включавшую праздничное убранство площадей, храмов и дворцовых помещений, подготовленные к церемониям символические предметы — регалии, одежды участников, императорские балдахины, троны и пр. Особым был и состав участников и зрителей церемоний, представлявших высшие слои общества, государственные учреждения и дипломатический корпус. Только в Успенском соборе по прикидке комиссии, кроме лиц, находящихся при церемониальных должностях, общая численность зрителей обо-его пола составила 461 персону¹⁰.

В следующие два дня, 16 и 17 сентября, в Кремлевском дворце их величества приняли поздравление от военных, духовных лиц, чинов первых четырех классов, а затем от депутатов от дворянства, купечества и национальных делегаций российских губерний. В эти дни был дан обед духовным особам и лицам 1—3 классов и бал для дворянства в Грановитой палате. 18 сентября высочайшая фамилия покинула Кремль.

Завершили празднества увеселения и народные угощения на Сокольничей горе и бал-маскарад для дворянства и купечества, данный 22 сентября в Слободском дворце. Иллюминация горела в Москве 15—17, 19, 21 и 22 сентября.

После того, как праздничная неделя была завершена, в оставшееся до отъезда время императорская фамилия посещала театральные спектакли и балы, ездила в монастыри. В эти дни она дала обед депутатам от губерний и 13 октября устроила прощальный маскарад для дворянства и купечества. 15 октября императорская чета выехала из Москвы и 9 числа благополучно прибыла в петербургский Зимний дворец.

Таким образом, коронационные мероприятия, начавшиеся 31 августа, заняли 50 дней, и все происходившее в этот отрезок времени было организовано и подготовлено князем Юсуповым и его товарищами, определявшими действия сотен людей, распорядившимися многотысячными суммами и в довершение всего активно участвовавшими в самих церемониях.

Из чего же конкретно складывалась деятельность комиссии, и как она сама была организована?

Некоторые предварительные действия комиссия начала осуществлять уже в Петербурге сразу после указов от 20 мая. Тогда члены комиссии во главе с

---

¹⁰ Там же. Ф. 473. Оп. 1. Д. 166. Л. 114—115.

князем Н.Б. Юсуповым отправили в Москву призванных ими для службы чиновников, придворных архитекторов и художников, составили предварительные сметы торжества и получили по ним часть денег от государственного казначея барона А.И. Васильева. В начале июня от обер-церемониймейстера графа Ю.А. Головкина официально был запрошен и получен подтвержденный императором церемониал коронации¹¹.

В конце месяца члены комиссии переехали в Москву, где 28 июня князь Н.Б. Юсупов, Н.М. Карадыкин и князь И.П. Тюфякин провели свое первое совещание в доме присутственных мест в Кремле (ранее здесь помещалась коронационная комиссия 1797 г.). Граф Ю.А. Головкин и П.С. Валуев присоединились к своим товарищам позже. Официально же первое собрание, оформленное протоколом и отправлением всеподданнейшего рапорта императору об открытии заседаний, прошло 1 июля¹². В дальнейшем комиссия также неоднократно докладывала императору о своих действиях.

Практически сразу члены комиссии начали формировать состав подчиненных канцелярских и прочих чинов, наметили 25 объектов для «украшений», для которых в срочном порядке набирали команду архитекторов, художников и мастеровых, занялись наймом квартиры с помещением-мастерской для петербургских «артистов» (дом купца П. Хрящева), затребовали для организации закупок купцов от московского магистрата у московского коменданта генерала-майора И.Х. Гессе Никольскую башню Кремля под склад своих материалов¹³ и т.д.

Занимаясь многочисленными делами по подготовке шествий, аудиенций, обедов, маскарадов и прочего, с 1 июля по 15 октября комиссия провела 79 заседаний, которые были оформлены в особые протоколы, и еще одно заседание, 4 октября, оформленное протоколом без номера. Комиссия собиралась практически ежедневно. Исключение составили 15 дней, на которые приходились православные праздники и день самой коронации 15 сентября. До этого основного дня коронавания по вопросам подготовки торжества комиссия собиралась 63 раза, после его проведения, закрывая свои дела, — 18 раз.

3 октября его величеству был отправлен рапорт о расходах из выделенной на коронацию суммы, о возвращении тронов, балдахин и драгоценных тканей на постоянное хранение в Оружейную и Мастерскую палаты и именной список чиновников комиссии, которые все служили «с ревностью, усердием и со всевозможною расторопностью». В заключение рапорта комиссия испрашивала повеления о собственном упразднении¹⁴.

15 октября на последнем заседании верховный маршал князь Н.Б. Юсупов объявил указ Александра I на имя князя от 11 октября. В нем монарх изъявлял комиссии «совершенную... признательность за хозяйственное сбережение казны», объявлял о пожаловании чинами и медалями ее чиновников, выда-

¹¹ Там же. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1427. Л. 9; Д. 1428. Л. 3.

¹² Там же. Л. 1, 199. В делах комиссии есть две даты начала ее работы — 28 июня, когда в Москве прошло собрание членов комиссии, которое, вероятно, не считалось по форме ее заседанием, и 1 июля, когда было проведено заседание, которое сама комиссия считала началом своей работы, и с даты которого начинала реестр своих исходящих бумаг.

¹³ Там же. Д. 1428. Л. 3—4; Д. 1427. Л. 190.

¹⁴ Там же. Д. 1428. Л. 412—412 об.

че награждения канцелярским служащим из сохранных средств в размере шести тысяч руб. И в завершение выразил благодарность некоторым чинам персонально за бесплатные услуги и материалы, а остальным по росписям назначал «воздаяние» — «каждому по мере трудов их». В заключение указа император повелевал окончить все обязанности комиссии, отправить финансовые отчеты, отпустить чинов и комиссию сию закрыть¹⁵.

С этого дня и до начала ноября члены комиссии, не проводя заседаний, выдавали ордера о плате по подрядам и за поставки материалов, аттестаты и проездные документы чиновникам, раздавали медали «за служение во время коронации» (например, 19-ти причисленным к комиссии лицам — Олсуфьеву, графу Толстому, Грибоедову, Пушкиным и др.) Наконец, 6 ноября в Экспедицию для свидетельствования государственных счетов была отправлена ведомость о приходе и расходе денег комиссии¹⁶, после чего ее действия были прекращены.

Названные члены комиссии, пять человек во главе с князем Н.Б. Юсуповым, являлись основным организационным центром подготовки коронации. Однако состав лиц, в ней участвовавших, был значительно шире.

Ключевые решения по ряду вопросов церемониала, финансирования и организации коронации принимал сам император Александр I. Как главное действующее лицо, император вместе со взрослыми членами своей фамилии участвовал в проведении церемоний. С целью лучшего уяснения церемониальных ролей для его величества и императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны комиссия специально составила три выписки из церемониала¹⁷. Докладами императору по коронационным делам ведали статс-секретари, и прежде всего — Д.П. Трошинский, постоянно поддерживавший переписку с Юсуповым.

Сообразуясь с волей императора, запросы комиссии выполняли главы государственных учреждений и регионов, например, московский военный губернатор, московский комендант, казначей государственного Ассигнационного банка, глава Мастерской и Оружейной палаты, московский полицмейстер, губернаторы, первые лица двора и другие высокие персоны. Так, комиссия запрашивала у них списки чинов для формирования групп участников шествий, церемоний, праздничных застолий и прочих массовых мероприятий и в итоге получила реестры членов Государственного совета (17 человек), присутственных мест в Москве (они представляли государственный аппарат в шествии под балдахин), московских сенаторов (19 человек), военных и статских чинов первых двух классов (156), придворных чинов 2—3 классов и камергеров (65 персон), фрейлин, статс-дам и камер-фрейлин (27 и 18 дам), список дипломатического корпуса (21 человек). От предводителя московского дворянства А.Г. Петрово-Соловова ею были получены два списка знатного дворянства — участников для следования в особой колонне при коронационном въезде и в шествии под балдахин в день коронации (35 и 72 человека), от московского губернатора — списки купцов для встречи императора

¹⁵ Там же. Л. 179—180 об., 183.

¹⁶ Там же. Л. 473, 488 об.—489.

¹⁷ Там же. Ф. 473. Оп. 1. Д. 167. Л. 20 об.—23 об., 35.

у Красных ворот, российских и иностранных купцов для шествия под балдахином (соответственно, 55 человек, 25 и 10), от обер-прокурора Синода т.с. Д.И. Хвостова список духовенства (12 человек), составленный митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Амвросием¹⁸, и др.

Особых усилий комиссии потребовала организация предусмотренных церемониалом колонн дворянских и купеческих делегатов от губерний. В 1801 г. в формирование этих делегаций был заложен новый принцип. В Москву вызывали по три депутата от дворянства и по два от купечества каждой российской губернии, «кроме Сибирской и прочих отдаленных» (ограничение было сделано из-за длительного времени присылки делегатов). В результате, комиссия вела обширную переписку с главами 39 губерний от Эстляндской до Астраханской, получая от них списки имен избранных делегатов. Помимо них, в Москву прибыли представители войск Донского (атаман с депутатами) и Черноморского (кошевой с депутатами) и не предусмотренные церемониалом делегаты войск Уральского (полковник и майор), Чугуевского (генерал-майор) и Ставропольского калмыцкого войска (полковник и ротный хорунжий), присоединенные к шествию после доклада императору и его личного решения¹⁹.

Кроме этого, от Астраханской губернии, административно включавшей национальные общества, были направлены к коронации депутаты «от армян, от татар под названием бухарского, гилянского, нагрыжанского дворов, от Юртовских, от Индейцов, от калмык родов Торгоутова и Шохоутова, от горских народов Андреевских, Аксаевских и Костюковских, Большой и Малой кабарды». Всего 21 депутат и владелец, которых сопровождали пять приставов и переводчиков, не считая узденей, заусанг и лиц для услуг. Все прибывшие депутаты являлись в комиссию, а затем приглашались ею для участия в церемониях, обедах и представлениях. Об этом комиссия извещала власти на местах. Отдельно комиссия занималась приглашением на торжество грузинских царей и калмыцкого наместника²⁰.

Особой заботы комиссии требовал выбор лиц для назначения в отдельные должности, при котором следовало строго учитывать ранги и старшинство чинов. Это касалось, например, лиц, несших государственные регалии — императорские корону, скипетр, державу, знамя, меч и другие, а также их ассистентов и лиц, поддерживавших балдахин. Список таких персон, составленный комиссией, включал 138 человек²¹.

Определившись с составом участников церемоний, комиссия распределяла их места в шествиях, в соборе, за столами, составляя особые расписания. Например, ею было подготовлено «Расписание мест в Успенском соборе, где кому стоять» и «Распоряжение кортежа для шествия в Успенский собор» с определением места сбора каждой группы перед общим построением. Особые извещения о назначениях и наставления комиссия делала персонально каждому чиновнику, бывшему среди ассистентов при высочайших особах и

¹⁸ Там же. Д. 166. Л. 37—54 об., 59, 60—60 об., 78—78 об., 80—80 об., 81, 93—94, 103; Д. 167. Л. 11.

¹⁹ Там же. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1427. Л. 461—461 об.; Ф. 473. Оп. 1. Д. 166. Л. 63—63 об.; Д. 167. Л. 74 об.—75.

²⁰ Там же. Л. 72—73; Ф. 469. Оп. 2. Д. 1428. Л. 409—410 об.; Ф. 473. Оп. 1. Д. 167. Л. 33, 35 об.

²¹ Там же. Д. 166. Л. 110—113.

несших регалии. Сообщения нужным чинам делались о местах объявлений о коронации, о порядке и содержании тостов, пушечной пальбе при них²² и о множестве других церемониальных «мелочах». Занималась комиссия также получением и раздачей памятных медалей и жетонов. Например, приняв от медальера Лебрехта 271 золотую и серебряную медаль и 10 жетонов, комиссия раздавала их депутатам от дворянства, купечества, нерегулярных войск и разных народов, прибывшим в Москву²³.

Для успешной подготовки торжества и выполнения многочисленных работ члены комиссии сформировали обширный круг лиц, находившихся у них в непосредственном подчинении. Эти чиновники, статские и воинские чины, канцелярские служители и специалисты по требованию комиссии прикомандировывались к ней временно из целого ряда учреждений, среди которых были Сенат, Синод, Комиссия о составлении законов, Вотчинный департамент, Ревизион-коллегия, Берг-контора, Московское отделение Государственного ассигнационного банка, Остаточное московское казначейство, Московская контора городовых строений, Главная соляная контора, Департамент уделов, Московский надворный и земский суды, Московская полиция, Московский университет, Московский почтамт и т.д. Кроме этого, комиссия привлекла на службу огромное количество чинов, находившихся в отставке или «не у дел». Общая численность этих лиц по списку «всех чинов, бывших при комиссии о коронации по всем частям» достигала 290 человек²⁴.

Особую группу среди них составляли канцелярские чины, служившие в канцелярии комиссии. Как и в 1797 г., во главе их стоял правитель канцелярии статский советник Попов, казначеем, принимавшим и выдававшим деньги, являлся надворный советник Митрофанов, секретарем и «у хранения дел» служил коллежский асессор Минин, экзекутором — коллежский асессор Толченнов. При письменных делах комиссии состояли 59 лиц в чинах от коллежского асессора и 6 титулярных советников до студента Московского университета и 15 канцеляристов. Среди этих канцелярских служителей находилась команда переводчиков и юнкеров, присланных к письменным делам из Московского архива Коллегии иностранных дел (переводчики граф Мусин-Пушкин, Аршеневской, Новосильцев, Блудов, Ефимович, Калачов и два князя Багратионовы, юнкеры князь Волконской, князь Грузинский, Новосильцев, Лазарев)²⁵.

Важной «частью» в комиссии были чины, занимавшиеся церемониальной стороной торжеств. Помимо обер-церемониймейстера графа Головкина, в нее входили его подчиненные по церемониальной части секретарь надворный советник В.Д. Камынин и переводчик титулярный советник М.И. Киселевский. К церемониальной работе, с подачи Головкина, были привлечены секретарь ордена Св. Георгия Победоносца коллежский советник А.С. Ахлопков и секретарь Коммерц-коллегии А. Доброславский²⁶. Также в церемониальную команду входили представители разных учреждений — статский советник А.М. Пол-

²² Там же. Л. 114—115, 116—116 об.; Д. 167. Л. 24—25 об., 29 — 31 об.; Д. 166. Л. 34 об.—35, 97, 167.

²³ Там же. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1428. Л. 159.

²⁴ См.: Там же. Ф. 473. Оп. 1. Д. 166. Л. 157—164 об.

²⁵ Там же. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1428. Л. 189 об., 190, 419 об.—420; Ф. 473. Оп. 1. Д. 166. Л. 161, 162 об.

²⁶ Там же. Д. 167. Л. 8.

торацкий, надворный советник Ф. Кондырев, отставной прапорщик граф Толстой, губернский секретарь С. Симонов, коллежские регистраторы Л. Тихонов и Е. Фомин и канцелярист Ф. Харьков. В одном из списков также указан губернский секретарь А. Спирцов. То есть всего подготовкой церемоний занималось 12—13 человек. Как чины церемониального подразделения комиссии в ее список были также внесены назначенные в церемонию обер-церемониймейстерами сенатор, тайные советники князь Щербатов и князь Трубецкой, а от Придворной конторы — камергеры граф Толстой и Ланской²⁷.

Что касается временно определенных для «употребления при совершении коронации» церемониймейстерами придворных церемониймейстеров князя А.В. Радзивилла и О.О. Мезоннева, то они, как и назначенные герольдами (д.с.с. Грушевский и колл.сов. Хвостов), их «проводитель» (генерал граф С.С. Апраксин) и форшнейдер коронационного пира (гофмейстер князь Кольцов-Масальской), в постоянный состав комиссии, т.е. в указанные 290 человек, не входили²⁸.

Еще одной «частью» коронационной комиссия являлись чины, откомандированные от Оружейной и Мастерской палаты. Руководил ими действительный тайный советник Кожин, которому подчинялось девять служителей палаты в чинах от коллежского советника до канцеляриста (колл. сов. И. Залуский и др.)²⁹.

В числе 25 объектов, намеченных комиссией для приведения их в порядок, декорирования, починки или строительных работ, были: Грановитая палата, Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы, семь триумфальных ворот — двое Никольских (в башне Кремля и на Никольской улице), Воскресенские, первые и вторые Тверские (Тверские и Триумфальные), Мясницкие и Красные (8-е, Спасские ворота в башне Кремля, появились в делах комиссии позже), семь иллюминаций (в Слободском дворце, на Кремлевской стене, Ивановской колокольни, в Кремлевском дворце, Грановитой палаты, у Спаса за золотой решеткой и на Москва-реке), три амфитеатра для зрителей (при Ивановской колокольне, на Соборной площади, по улицам), мосты для торжественного шествия в Кремле, носильный балдахин к этому шествию, «столы для народа» и место «встречи» у Иверской часовни.

Подготовкой названных мест к церемониям непосредственно занимались две «части» комиссии. Во-первых, обеспечивавшая их художественную сторону команда из 23 архитекторов, архитектурных помощников, живописцев и скульпторов. Ее участники осматривали имеющиеся строения и предметы, составляли сметы и проекты предполагаемых работ, а затем выполняли живописные, скульптурные и иные художественные работы по украшению триумфальных ворот, помещений дворцов и соборов, площади для народного обеда в Сокольниках и декораций иллюминаций³⁰.

²⁷ Там же. Л. 8, 42 об.; Д. 166. Л. 163 об.—164; Ф. 469. Оп. 2. Д. 1427. Л. 41.

²⁸ Там же. Ф. 473. Оп. 1. Д. 166. Л. 36.

²⁹ Там же. Л. 164—164 об.

³⁰ Проекты оформления триумфальных ворот 1801 г., иллюминации, народного обеда в Сокольниках, см.: Произведения Пьетро ди Готтардо Гонзага из московских собраний. 250 лет. М., 2001. С. XXXI—XLII; *Слюнькова И.Н.* Проекты оформления... С. 112—115, 178—179,

Во главе «художественной» команды стояли архитекторы надворные советники И.В. Еготов, служивший при военном госпитале, и Е.Т. Соколов, числившийся при Конторе городских строений. Рядом с ними работали архитекторы, имевшие чин коллежского асессора, — Пеич (находился «не у дел») и Жуков, служивший при Конторе городских строений, коллежский секретарь Михайлов («не у дел») и архитектор Руджио, отозванный от петербургской Комиссии строения Казанской церкви; архитектурные помощники — губернские секретари Конторы городских строений Баженов и Иванов, и там же служившие губернские регистраторы Тюрин, Шеин, Обитаев и Мячков. Не состояли в классах архитектурские помощники: Агафонов, Соколов (2-й), Бове («Бова»), откомандированный от строения московского театра, и Пейч 2-й, находящийся «не у дел». Наконец, к художественным работам был привлечен «каменный мастер» Жилярди («Жилярда»), служивший при московской Комиссии городского строения.

Главным по части живописной («где надлежало быть живописи, рисунки сочинял и росписывал, на воротах и по иллюминациям») был мастер живописи «артист» П. Гонзаго, служивший при петербургском театре, которому помогали художники титулярный советник Фихтнер, Амадей и Бевани. Из Петербурга же прибыли «статуйный мастер» Тиболт и скульптор и мастер-резчик Нашон³¹.

Вторую «часть», ведавшую непосредственным руководством работ в названных объектах, а также отдельными мероприятиями и некоторыми службами, составляли 133 прикомандированных к комиссии военных и статских чина, называемых чиновниками при расходных должностях³². Так, за доставку в Москву из Петербурга регалий (корон, употребленных при погребении Павла I) отвечал тайный советник Ходнев.

36 человек ведали подготовкой к церемониям Кремля. Работы при Грановитой палате возглавляли бригадир Кашкин, статский советник князь Трубецкой, надворный советник Брянченинов и штабс-капитан Кошелев. При Успенском соборе несли службу бригадиры Мельгунов и Киселев с четырьмя товарищами разных чинов, при Благовещенском соборе — генерал-майор Пашков с пятью помощниками, при Архангельском соборе — д.с.с. Хитров также с пятью чинами. В церкви Спаса за золотой решеткой работами ведали бригадир Дурасов и статский советник Татищев. По пять человек отвечали за убранство балдахинов и тронов и строение мостов под красным сукном (главные — надворные советники Камаров и Иванов). Кроме этого, два чина отвечали вне Кремля за подготовку к встрече у Иверской часовни (прокурор Синода Наумов и статский советник Козлов).

Внушительное количество чинов — 49 человек — были ответственными за приготовление для въезда триумфальных арок. Главными смотрителями всех восьми ворот были назначены бригадир Наркиз Хитров и статский советник Бенкендорф. А далее конкретные лица, имевшие от четырех до шести товарищей, назначались к отдельным воротам. За подготовку декораций Николь-

233—243. По данным, имеющимся в литературе, проект народного угощения разработал архитектор В.П. Стасов, не входивший в список комиссии. См.: Памятники архитектуры Москвы: Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII в. М., 1998. С. 286—287.

³¹ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 167. Л. 157—157 об.; Ф. 469. Оп. 2. Д. 1428. Л. 417 об.—418.

³² Там же. Л. 413—418.

ских ворот Кремля отвечал коллежский асессор Жуков, за Никольские ворота у Владимирской — коллежский асессор Карнович, за Воскресенские — надворный советник Петелин, Тверские — надворный советник Арбузов, Триумфальные — отставной полковник Поливанов, Мясницкие — надворный советник Лазарев, Красные — статский советник князь Одоевский, Спасские ворота — коллежский советник Шетнев³³.

Эти ответственные лица подавали сметы, рекомендовали исполнителей отдельных работ, принимали материалы, следили за выполнением контрактов и в итоге рапортовали комиссии о готовности своих объектов.

Аналогичным образом 13 человек отвечали за строительство амфитеатров для зрителей. У Ивана Великого это был статский советник Поляков с пятью чинами, на площади в Кремле — коллежский советник Лазаревич также с пятью помощниками. Строение амфитеатров по улицам, как и устройство «трактамента для народа», было поручено московскому обер-полицмейстеру Павлу Никитичу Каверину, привлечшему к этому делу целую команду своих подчиненных. По его поручению отставной полковник Салтыков с 10 московскими чинами (они также были в дальнейшем включены в список комиссии) успешно подготовил в Сокольниках «народное» угощение со столами на 30 тысяч человек и буфетами-фонтанами в виде греческого и итальянского храмов, египетской пирамиды и китайской пагоды. Трапезу дополняли увеселения в виде каруселей, 60 качелей, площадки для «валтижора», театров и прочего³⁴.

Большой организационной работы требовало устройство иллюминации. Ею в комиссии занимались 34 чина. Несколько праздничных дней были освещены колокольня Ивана Великого, на которой была установлена светящаяся корона с лучами (отвечал за работы бригадир князь Несвицкий с шестью товарищами), Кремлевский дворец и соборы (д.с.с. Барков и шесть чинов), стены Кремля, разделенные на «дистанции» между семью чинами (отвечали за иллюминацию надворный советник Брыкин, майор Лаухин, гвардии поручик Апухтин и др.). Вне Кремля были устроены потешные огни на Москва-реке и в Слободском дворце (ответственные полковник граф Толстой и коллежский советник Приклонский с 11 товарищами)³⁵. При подготовке иллюминаций ответственным чинам требовалось не только провести строительные и декоративные работы, закупить строительные материалы, площадки, стаканчики и горшки для огней и пр. Также им следовало найти и подрядить нужное количество рабочих людей, зажигающих и вовремя гасивших огни, и контролировать само проведение иллюминации.

Непосредственно к части чиновников при расходных должностях примыкала группа из шести «купчин», выбранных московским купечеством для оценки «доброты» товаров, их «верной меры, весу, счота и умеренности в ценах». Это были купцы рядов — суконного, суровского, москательного, лесного, железного и золотокружевного (Козма Михайлов и др.). В добавок к ним 15 июля от городского правления были присланы еще два «исправных ме-

³³ Там же. Л. 414—415 об.

³⁴ Там же. Л. 421—421 об.; Д. 1427. Л. 356—364.

³⁵ Там же. Д. 1428. Л. 415 об.—416 об.

ряльщика из торгующих в холщевом ряду»³⁶. Смотрителем над купцами был определен, как и четыре года назад, титулярный советник Силин.

Кроме этого, в комиссии служили «при хранении» три губернских секретаря от полиции (Багалдин, Тайшев и Попов), при разъездах два унтер-офицера, при верховном маршале два курьера и два курьера-почтальона при верховном церемониймейстере. Для караула при помещениях комиссии, кладовой и прочих местах по приказу генерала-фельдмаршала графа И.П. Салтыкова ежедневно в комиссию выставлялись 12 рядовых с унтер-офицером. Наконец, для сохранения чистоты в Грановитой палате из команды московских дворцов, по указу гофмейстера князя Масальского, камер-фурьер Граве распорядился выделить «хорошего поведения» лакея Вас. Борисова и истопника Антона Шубина³⁷.

В реестр лиц, относящихся к комиссии, были вписаны и те персоны, которые взялись, «усердствуя службе его величества», бесплатно оказать какие-либо услуги, но взамен просили вписать их в штат комиссии. Таковыми являлись поставивший алое сукно в Успенский собор надворный советник Мещанинов, бургермейстер П. Хрящев, дом которого первоначально предполагалось нанять за 225 руб. в месяц, четыре содержателя питейных сборов, бесплатно поставившие вино для народного трапезанта (коллежский советник Рюмин, надворные советники Кусовников, Малшин, капитан Семенов), коллежский секретарь Карлызеев, чистивший «своими людьми без платы» серебряные оклады, лампы и паникадила в соборах Кремля³⁸.

Члены комиссии и 290 человек, к ней причисленных, не являлись всеми лицами, задействованными при подготовке коронации. Так, на своих рабочих местах готовили торжество десятки служителей двора среднего и низшего звена (служители камер-фурьерской должности, кухни, конюшни и др.). Не входили в комиссию и лица, поставившие строительные и иные материалы, ткани (бархат, глазет, штоф, шелка, золотные материалы — позументы и пр.) и др.³⁹ Также не считались служащими при комиссии и нанятые для работ за деньги лица различного социального статуса — купцы, служащие, мастеровые, экономические и крепостные крестьяне, которые часто брались выполнять своими материалами и людьми.

Например, по заключенным комиссией договорам золотошвей из мастерской Московского воспитательного дома вышивали гербы и «вензоловое имя» вдовствующей императрицы для балдахинов, геральдических платьев и трона. Парикмахерский мастер Лабутин чистил и красил «плюмажные букеты» на трон, балдахин и шляпы герольдов, надзирательский помощник Оружейной палаты Жуков подцвечивал шафраном бахрамы, кисти и гасы золотые соборного балдахина и обивал трон бархатом и позументом, мастер Абакумов золотил трон, орлов, скипетры, поручни, балясины и пр., слесарь Гурон делал к балдахину петли, кресты и винты с гайками, мастер обойного цеха С. Селезнев обивал и украшал носильный балдахин, а серебряного цеха мастер Дьяков

³⁶ Там же. Л. 418 об.; Д. 1427. Л. 166.

³⁷ Там же. Д. 1428. Л. 420 об.; Д. 1427. Л. 126, 274 а, 279.

³⁸ Там же. Л. 128; Ф. 473. Оп. 1. Д. 166. Л. 158, 159, 160—160 об., 163; Ф. 469. Оп. 2. Д. 1428. Л. 53—53 об.

³⁹ Там же. Д. 1431, 1432, 1434, 1435.

серебрил к нему штанги, купец Никита Соколов чистил горностаевый мех у трона в Грановитой палате⁴⁰, и т.д.

Множество работ по контрактам велось у триумфальных ворот, для которых нанимались лепной мастер Жилков, обойного цеха мастер Ф. Спешнев, купчина Кузьмин (он строил глобус к Мясницким воротам), живописец Скотий (расписывал Тверские, Мясницкие и Красные ворота) и другие мастера. Живописную работу при подготовке коронации также выполняли живописцы, дворовые люди Журавлев, «расписывавший иллюминацию» при Слободском дворце, и И. Щедринский⁴¹.

При иллюминации по контрактам плотничные работы выполнял крестьянин Н. Андреев, дворовый человек графа Литты Пикулин золотил корону на Ивановскую колокольню, кузнец Иванов готовил к укреплению короны, нижней иллюминации и гирлянд винты, железные полосы и пр. Фонари разных мер, стеклянные и глиняные стаканчики и плошки поставляли к иллюминации московские купцы К. Колосов, Я. Поляков и И. Меньшой, крепостной Гавр. Данилов и шесть крестьян Гжельской волости (Данилов, Федоров и др.). С крестьянами же заключались договора на наливку салом плошек и шкаликов и на освещение Кремля и Ивановской колокольни. Так, по одному из договоров два крестьянина подрядились освещать Ивановскую колокольню — звезду, арки, фигуры по всем ярусам, корону, перья и крест, и обещали привлечь для этого 168 человек⁴² и др.

При завершении деятельности комиссия, подводя итог своим многочисленным финансовым операциям, зафиксированных в специальной книге прихода и расхода денег за июль — октябрь 1801 г., представила императору краткий отчет о полученных и израсходованных денежных суммах⁴³. Из него следовало, что помимо 120 тысяч руб., полученных на коронацию от остаточных казначейств Санкт-Петербурга и Москвы, комиссия выручила за проданные после торжества более ненужные разные вещи 7276 руб. 3 ¼ коп. и еще из Кабинета на награду бывших при комиссии курьеров и унтер-офицеров — 450 руб. Таким образом, приход составил 127 726 руб. 3 ¼ коп.

Из этих средств было потрачено на торжество и на награды комиссии из остаточных и кабинетских денег — 127 467 руб. 85 ½ коп. Самыми крупными тратами, по убывающей, были следующие. Триумфальные ворота обошлись казне в 39 283 руб. 30 ½ коп.; иллюминация — 33 688 руб. 74 ¾ коп.; народное угощение на Сокольническом поле — 18 255 руб. 35 коп.; обустройство кремлевских соборов, Грановитой палаты, платье герольдов и певчих — 10 066 руб. 69 ½ коп. Остальные расходы, например, на носильные балдахины, амфитеатры и мосты на Соборной площади, маскарадный зал в Слободском дворце, были существенно меньше — от одной до нескольких тысяч рублей.

Таким образом, комиссия, не использовав полностью отпущенные на коронацию по указу императора 140 тыс. руб., уложились в фактически полученную ею сумму, да еще при закрытии дел отправила в Московское казна-

⁴⁰ Там же. Д. 1427. Л. 196; Д. 1428. Л. 30, 49, 80, 150 об., 154 об., 158 об.

⁴¹ Там же. Л. 15, 30, 53, 65, 66, 129 об., 158 об., 163, 166 об.

⁴² Там же. Л. 60—61, 81, 110, 118, 164.

⁴³ Там же. Л. 488 об.—489.

чейство оставшиеся за расходом 258 руб. 17¼ коп. В этих расходах не учтены 10 тыс. руб., потраченных московским купечеством на устройство триумфальной арки и стоимость материалов и услуг, предоставленных «из верноподданнейшего усердия» бесплатно от москвичей: алого сукна, дома для художников и пр.⁴⁴

Одним из завершающих мероприятий коронации, показывающим положительную оценку деятельности коронационной комиссии и участников церемоний, было щедрое награждение их Александром I. В 1801 г. наградные драгоценные вещи от его величества — перстни, табакерки и часы — были отправлены для раздачи обер-церемониймейстеру Головкину, медали — князю Юсупову, который поручил их раздачу секретарю Штыкову⁴⁵.

Драгоценные подарки от императора получило 21 лицо, «употребленное к разным должностям». Восемь перстней были присланы лицам, назначенным в процессию обер-церемониймейстерами (князьям Щербатову и Трубецкому) и церемониймейстерами (Ланскому, Толстому и др.), и как особое поощрение перстень получил мастер живописи «артист» П. Гонзаго. Шесть табакерок и шесть часов получили архитекторы, архитектурные помощники и живописцы.

Чинам, находившимся при комиссии и при церемониальных должностях, были милостиво пожалованы медали из драгоценных металлов четырех сортов с надписью «За служение во время коронации». Ими наградили 193 человека. Причем 57 золотых медалей 2-го «сорта» получили несшие балдахин генерал-лейтенанты, действительные тайные, статские советники. 30 золотых медалей 3-го «сорта» были пожалованы бригадирам, статским советникам и прокурору Синодальной канторы. Серебряных медалей 1-го «сорта» было роздано 47 чинам от полковников до надворных советников, 2-го «сорта» — 59 чинам от майоров до подпоручиков.

Повышение в чинах получили 144 человека. 54 из них от капитанов до переводчиков Коллегии иностранных дел были пожалованы в чин коллежского асессора, 31 человек от отставных прапорщиков до губернских секретарей в титулярные советники. Четыре юнкера Иностранной коллегии получили чины переводчиков этой коллегии. 28 человек в чинах от подпоручика до комиссаров 14 класса были пожалованы в губернские секретари. Наконец, 27 человек, начиная со студента Московского университета, стали коллежскими регистраторами.

Таким образом, кроме членов самой коронационной комиссии, получивших ордена и прочие награды, а также особ духовных, по росписям, подписанным Д.П. Трощинским, наградами были отмечены 258 человек⁴⁶, готовивших и проводивших торжества. Очевидно, что недолгая служба в коронационной комиссии, щедро награждаемая самим императором, была делом выгодным и престижным.

---

⁴⁴ Там же. Л. 412, 76, 82 об., 108, 418 об.—419.

⁴⁵ Там же. Д. 1427. Л. 114 об.

⁴⁶ Там же. Д. 1428. Л. 184—190 об.

Элита московского дворянства и ее роль в формировании публичной сферы*

Начиная с 1989 г., когда на английском языке вышел перевод монографии (1962 г.) германского социолога и философа Юргена Хабермаса¹, важное место в процессе перехода от традиционного к современному обществу стали отводить формированию публичной сферы. Появление этой работы стимулировало многих исследователей, среди которых важный вклад в осмыслении публичной сферы внесла Нэнси Фрэзер, дополнившая буржуазную публичную сферу Хабермаса концепцией множественных публичных сфер, конкурирующих между собой².

Процесс формирования публичной сферы в России оказался весьма продолжительным по времени и был самым теснейшим образом связан с историей дворянского сословия. Можно выделить три основных этапа этого процесса. Первый этап был связан с появлением предпосылок для складывания публичной, точнее, квазипубличной сферы. Коммуникация в дворянской публичной сфере выстраивалась преимущественно на межличностной основе — “facetoface”». Именно это, а также сословный характер дворянской публичной сферы и дает основание отнести ее к категории квазипубличной сферы. Введение этой сферы (квазипубличной или добуржуазной), наряду с утвердившейся в литературе «постбуржуазной» публичной сферой, позволяет локализовать процесс формирования буржуазной публичной сферы, о котором писал Хабермас.

Выделение дворянской публичной сферы представляется особенно актуально для истории России. Генезис категории «дворянская публичная сфера» проистекает из современных научных представлений о множественности конкурирующих между собой публичных сфер. Данная категория позволяет не растягивать искусственно хронологические рамки этапа возникновения и развития предпосылок для формирования публичной буржуазной сферы, которые уходят своими корнями еще к изобретению книгопечатания, но локализовать процесс появления собственно буржуазной публичной сферы, отделив ее и от дворянской публичной сферы, и от «постбуржуазной». В России этот процесс был искусственно прерван Октябрьской революцией 1917 г. Дворянская публичная сфера позволяет точнее описать процесс возникновения предпосылок и формирования буржуазной публичной сферы в конкретно-

* Статья написана в рамках гранта РГНФ № 15-01-00325 «Российское благородное собрание в контексте формирования публичной сферы в России».

¹ *Habermas J. Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge (Mass.), 1989.*

² *Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy [Электронный ресурс] // Social Text. 1990. No. 25/26. P. 56—80. URL: <http://www.jstor.org/stable/466240>*

исторических условиях дореформенной России, где дворянство доминировало до эпохи великих реформ и преобладало в политической и культурной сферах до рубежа XIX—XX вв.

Появление предпосылок для формирования публичной сферы было невозможно без освобождения дворянства от обязательной службы государству. Благодаря манифесту Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г., основные положения которого были подтверждены свергнувшей его с трона Екатериной II, создаются условия для повседневного общения дворян, которые не носили характера родственных или служебных связей, что вело к постепенному складыванию локальных дворянских сообществ. Этот вялотекущий процесс приобрел некоторое ускорение после губернской реформы 1775 г. и Жалованной грамоты дворянству 1785 г. Благодаря этим двум законодательным актам произошло юридическое оформление губернских дворянских корпораций, регулярные собрания которых стали проводится не реже чем раз в 3 года. Второй этап процесса — это время появления квазипубличного общественного пространства существовавшего в повседневной жизни административных центров — столиц, некоторых губернских и портовых городов. Известный американский историк-русист Марк Раев справедливо полагал, что благодаря освобождению дворянства от обязательной службы в провинции сложились локальные сообщества и шел процесс формирования гражданского общества, которое быстро развивалось в годы правления Александра I³. Однако не следует упрощать реальную ситуацию с процессом формирования локальных сообществ и институтов гражданского общества. Уровень социокультурного развития регионов Российской империи имел слишком сильные отличия. В некоторых губерниях публичные библиотеки появились уже в конце XVIII в., в большинстве других — в начале 1830-х гг., в третьих — лишь в конце 1850-х — начале 1860-х гг. Местные газеты и журналы, театральная и концертная жизнь, центры повседневной социальности — благородные собрания и клубы также асинхронно возникали в русской провинции.

В столичной Московской губернии культурная жизнь концентрировалась в самой Москве и отчасти была рассеяна по усадьбам крупнейших помещиков, которым уездные города составляли очень слабую конкуренцию. И это было глубоко закономерно, ибо Москва стала культурным центром всей российской провинции, во всяком случае, той ее части, которая звалась Великороссией. Наряду с публичными развлечениями, вход в которые был доступен всем желающим по купленным билетам, Москва была столицей сословного досуга для дворянства империи. Вот эти-то центры досуга московского дворянства и стали местом возникновения и точкой роста публичной сферы. Что же это были за центры? Да все те же институты социальности — клубы, собрания, мasonicкие ложи, добровольные ученые, просветительские и благотворительные общества, литературные салоны и некоторые другие объединения, в которых возникало и гражданское общество. Но число сословных институтов, в которых происходил генезис пространства дворянской публичной сферы, было

³ *Raef M. Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old regime. N.Y., 1984. P. 129.*

меньше. Некоторые институты гражданского или протогражданского общества не играли заметной роли в формировании дворянской публичной сферы, так как они не имели сословного характера или их деятельность была закрыта от посторонних глаз и ушей, как, например, масонских лож, а отчасти также литературных и общественно-политических салонов.

Во многом уникальную роль в формировании публичной дворянской сферы сыграло Российское (до конца 1810 г. Московское) благородное собрание. Какова была цель его учреждения? По мнению первого историографа Российского благородного собрания (РБС) А.П. Барсукова, оно «с самого основания своего стало средоточием беззаветного московского веселия»⁴. С этим утверждением трудно спорить, однако это односторонний подход к объяснению причин появления РБС. Достаточно обратиться к биографии отцов-основателей собрания. Учреждение Московского благородного собрания произошло в 1783 г. по инициативе двух ярких представителей элиты московского общества: главного попечителя Опекунского совета сенатора Михаила Федоровича Соймонова (1730—1804) и князя Алексея Борисовича Голицына (1732—1792).

Полагаю, необходимо уточнить, что понимается в статье под «элитой». На рубеже 80—90-х гг. XVIII в. в Москве проживало около 8600 дворян обо-его пола⁵. Какую часть из них следует отнести к элите? Вопрос весьма непростой — единого общепризнанного определения элиты в научном сообществе нет. Позволю себе опустить анализ точек зрения социологов, философов, политологов, культурологов и историков на данную проблему. Теории элит заслуживают отдельного исследования и заняли бы неоправданно много места в статье, посвященной другим сюжетам. Рассмотрим проблему не научного определения элиты, но понимания того, кто в нее входил, по мнению, современников. Констатируем, что сам термин «элита» поздний и в рассматриваемую эпоху не использовался. Современники, по данным Корпуса русского языка, предпочитали говорить о «знати», реже о «вельможах», еще реже о «сановниках» и об «аристократии». Официальный дискурс строился не по принципу родовитости, который имел значение лишь в родословных дворянских книгах, но в соответствии с петровской Табелью о рангах. Именно чин давал право приезда к монаршему двору, именно особы генеральского звания и даже члены их семей удостоивались особого учета. Этот «генералитет», впрочем, составлял незначительную по численности верхушку пирамиды московского дворянства. Так, в 1775 г. в Москве насчитывалось всего 47 жен, вдов и незамужних дочерей лиц, принадлежавших к 5-ти высшим классам Табели о рангах⁶. Вместе с тем, образ жизни этого немногочисленного слоя дворянства производил огромное впечатление на современников, среди которых были и писатели, поэты, художники. Поэтому, как справедливо писал

⁴ Барсуков А. Российское благородное собрание в Москве по сохранившимся архивным документам. М., 1886. С. 5.

⁵ Гастев М.С. Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. Ч. 1. М., 1841. С. 264.

⁶ Ведомость о находящихся в Москве первых пяти классов женска пола персонах в 1775 году // Русская старина. 1873. Т. 8. С. 94—97.

историк А. Мартин о влиянии литературных образов, созданных талантом А.С. Грибоедова и Л.Н. Толстого: «В имперской Москве и по сей день порой видят город, населенный главным образом этими немногочисленными людьми, а все прочие ее обитатели при этом сливаются в смутную однородную массу»⁷. Разумеется, элита московского дворянства включала в себя и богатых представителей знати, по разным причинам рано вышедшим в отставку и не дослужившимся до генеральских чинов. Наконец, в эпоху Просвещения к элите следует отнести и наиболее выдающихся деятелей культуры: писателей, архитекторов, художников, профессоров университетов. И все же, чин, знатность рода и даже выдающиеся таланты — это не единственные критерии принадлежности человека к дворянской элите. Огромную роль играла близость ко двору, поэтому камергеры и статс-дамы были, пожалуй, более заметны в обществе, чем бригадиры и статские советники. Даже спустя полвека после смерти Екатерины II, задумавшей большой модернизационный проект превращения Москвы в просвещенный метрополис, образованный и консервативно настроенный автор записки «О состоянии чинов в России» писал: «Известно, что у нас независимо от рода, от богатства и даже от дарований, гражданское значение всех и каждого зависит от степени, которая определяется по усмотрению высшей власти, что без этой степени, никто не пользуется вполне выгодами, предоставленными им знатностью рода или огромным состоянием, или даже дарами ума и талантами»⁸. Было бы ошибкой вслед за автором данного утверждения считать, что Карамзин остался бы «скромным писателем, если б взор монарший не поставил его в общественном мнении на равную степень с вельможами». Вероятно, для мировосприятия придворного общества это верная оценка, но для интеллигентного читателя Карамзин стал властителем дум задолго до получения статуса официального историографа. Но замечание в части использования «вполне выгод» — справедливо, ибо именно внимание монарха широко открывало перед литераторами, композиторами, художниками и другими деятелями искусства доступ в закрома государственного казначейства.

Сенатор М.Ф. Соймонов и князь А.Б. Голицын принадлежали к одному поколению московской элиты. Соймонов родился в семье первого российского гидрографа, будущего губернатора Сибири, сенатора и действительного тайного советника Ф.И. Соймонова. К 1783 г. Михаил Федорович Соймонов прошел длинный жизненный путь: обучался наукам в Академии Наук в Петербурге и в артиллерийском училище в Москве. Под руководством отца участвовал в научном освоении Сибири, занимаясь геодезическими, гидрографическими и картографическими работами. Соймонов стал основателем первого в России высшего технического училища, готовившего горных офицеров, служил президентом Берг-коллегии и главным директором Департамента горных и монетных дел. В 1771 г. был награжден орденом Св. Анны. Этот орден в то время имел одну степень и не входил в систему официальных

⁷ Мартин А. Просвещенный метрополис: Создание имперской Москвы, 1762—1855. М., 2015. С. 192.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 39. Л. 256 об.

наград, но жаловался по личному усмотрению российских монархов. В 1776—1777 гг. совершил длительное путешествие по странам Западной Европы.

Князь Алексей Борисович Голицын родился в семье адмирала Б.В. Голицына и внучки первого московского губернатора боярина Т.Н. Стрешнева — Е.И. Стрешневой. Получил солидное домашнее образование, которое продолжил за границей. Служил в армии с 1750 г., неоднократно участвовал в боевых действиях. За заслуги в русско-турецкой войне 1768—1769 гг. был произведен в чин генерал-майора и награжден орденом Св. Георгия 4 класса. Выйдя в отставку, он довольно долго жил за границей, где в Швейцарии познакомился с французским философом-мистиком Л.К. Сен-Мартеном. Вступив в масонскую ложу Голицын стал одним из ревностных адептов мартинистов⁹. А в декабре 1785 г. при баллотировании московского уездного предводителя дворянства он занял второе место, но из-за отказа от должности графа Н.П. Шереметева, утвержден предводителем¹⁰.

Таким образом, оба отца-основателя РБС были в 1783 г. зрелыми людьми, перешагнувшими порог пятидесятилетия, с серьезными научными и духовными интересами. Они меньше всего похожи на легкомысленных весельчаков, любителей танцев, карт и продолжительных застолий. Поэтому более обоснованным представляется подход современного исследователя Ю.М. Овсянникова, который отметил, что создание клубов свидетельствовало о серьезных намерениях, наступивших в обществе, и интересе к «осмысленной общественной жизни». Образованной части общества клубы открывали возможность «непосредственного общения без чинов и званий». «В их тиши можно было безбоязненно высказывать свои взгляды, выслушать собеседника, обменяться мнениями. Тем самым клубы как бы приняли на себя роль центров рождения интеллигенции»¹¹.

Для понимания места РБС среди других учреждений, возникавших в 70—80-х гг. XIX в., следует указать на важную гендерную черту этого заведения. В связи с тем, что архив РБС сгорел в 1812 г. приходится опираться на сведения из дневников и записок, чтобы реконструировать особенности внутреннего устройства собрания. Наиболее ценным в этом контексте являются сведения из записок Франсиско де Миранда, будущего героя войны испанских колоний Южной Америки за независимость. Просвещенный креол, побывавший в РБС в мае 1787 г., записал: «Мне говорили, что в этом клубе числятся 2 тысячи членов (мужчины платят 20 рублей, женщины — 10), из коих 1600 — женщины. По другим сведениям мужчин 600, но в любом случае их гораздо меньше»¹². Таким образом, члены «клуба» (мужчины, женщины, незамужние девушки) были равны в своих правах — все они платили взносы, которые и составляли финансовую основу собрания. Весьма вероятно, что РБС стал первым в России клубным заведением, в котором женщины были полноправными членами, а не гостями на балах и концертах.

⁹ Лонгинов М.Н. Новиков и Московские мартинисты. М., 1867. С. 159—160.

¹⁰ ЦГАМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 95; Д. 166. Л. 116—116 об.

¹¹ Овсянников Ю.М. Три века Санкт-Петербурга: История. Культура. Быт. М., 1997. С. 109.

¹² Миранда Франсиско де. Путешествие по Российской Империи. М., 2001. С. 181.

Казалось бы, такое равноправие было явлением, обусловленным социальными реалиями «бабьего царства», однако другие дворянские или бессловные клубные общества и собрания придерживались иного подхода. Да и в РБС все же не было равноправия членов. Дамы лишь платили членские взносы, но не имели права голоса — они не избирали и не избирались в коллективный орган управления РБС — совет старшин, а также не участвовали в обсуждении вопросов устава, функционирования и повседневной жизнедеятельности клуба.

Обращение к конкретно-историческому материалу г. Москвы позволило установить, что до конца 1850-х гг., когда начинается развитие буржуазной публичной сферы, существовало удивительно мало центров, которые играли заметную роль в дворянской публичной сфере: Российское благородное собрание, дворянский и московский английский клубы. Причем в старейшем клубном учреждении Москвы — английском клубе никаких сословных ограничений в уставах вплоть до 1907 г. не существовало. Однако устав уставом, а есть и неписанные традиции. В соответствии с этими традициями старого московского барства, которое и составляло элиту московского дворянства, сословное начало в нем доминировало и имело несомненное преобладание, более того, именно Московский английский клуб (МАК) считался современниками самым аристократическим заведением.

Общественное мнение формировалось безапелляционно в английском клубе, как утверждали современники¹³, а РБС было коммуникационной площадкой для обкатки некоторых идей лидерами общественного мнения, группировавшихся в английском клубе. Еще важнее была другая функция РБС — служить ретранслятором общественного мнения на все московское образованное («благородное») общество и провинциальное российское дворянство. Характерно, что петербургские чиновники, включая III Отделение, в царствование Николая I, когда хотели узнать «общее мнение» москвичей по актуальным вопросам внутренней и внешней политики, засылали своих агентов для его выяснения не в РБС или в дворянский клуб, а в МАК. Их интересовало мнение московской элиты из первоисточника, а не через промежуточные каналы коммуникации. Между двумя этими центрами, в одном из которых общественное мнение формировалось, а в другом — ретранслировалось, делая его достоянием широких слоев дворянского сословия, существовала прямая коммуникация. Каналы трансляции общественного мнения из МАК в РБС были как непосредственные, когда многие члены английского клуба одновременно были и членами, а порой и старшинами РБС, так и опосредованными через родственные и дружеские связи.

Распределение функций в процессе складывания дворянской публичной сферы между МАК и РБС не было застывшим и неподвижным. До Отечественной войны 1812 г. ведущая партия в этом дуэте, несомненно, принадлежала английскому клубу — именно клубу, а не его членам, большинство из которых было и членами благородного собрания. Хотя списки членов Рос-

¹³ См.: *Розенталь И.С.* И вот общественное мнение!: Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XX вв. М., 2007.

сийского благородного собрания сгорели в огне московского пожара 1812 г., но сопоставление списков членов МАК и РБС после 1812 г. свидетельствует, что представители московской элиты за редким исключением входили в оба этих заведения. Интеллектуальное доминирование английского клуба определялось, прежде всего, его задачами, направленными на всестороннее удовлетворение культурных запросов «англичан». Члены клуба, многие из которых владели иностранными языками (преобладающим был французский), имели возможность оперативно знакомиться с французской, немецкой и английской прессой, из которой черпали новые идеи и темы для дискуссий. Привлекательность интеллектуальных бесед в клубе обеспечивалась также правильной организацией внутреннего пространства. Так, в гостиной комнате были запрещены любые игры, и члены обсуждали актуальные вопросы внутренней и внешней политики, хотя это и воспрещалось уставом клуба. Формально под запретом находились «все запрещенные рассуждения и разговоры, касательно до разности вер или относящихся до правительств, начальств и начальствующих, также и все сатирические изречения, пустые городские известия и в обиду частные особы, обществу возбраняются»¹⁴, как утверждалось в «Обряде» клуба, копия которого хранится в деле «О переводе Английского клуба в Москве в дом князя Ю.В. Долгорукова», начатом в декабре 1790 г. В «газетной» полагалось лишь читать свежие газеты и журналы, а громкие разговоры воспрещались. В РБС же главное внимание уделялось организации досуга для всех взрослых членов семьи — балам, маскарадам, музыкальным концертам и выступлениям чтецов-декламаторов. Разумеется, РБС также имело свою библиотеку, которая должна была учитывать интересы как мужской, так и дамской публики. Кроме того, РБС никогда не располагало помещениями, где мужчины были бы избавлены от необходимости поддерживать светское общение с дамами и девицами. Прежде всего, это обстоятельство и вело к тому, что время от времени среди членов-мужчин обсуждалась идея создания специального клуба («отделения»), куда бы вход женщинам был воспрещен. Дважды эту идею пытались реализовать, но без особого успеха.

Серьезная попытка воплотить ее в жизнь была предпринята после Отечественной войны 1812 г. Однако тогда первоочередной задачей было восстановление здания собрания, основательно разрушенного в ходе пожара. Уже 7 января 1813 г. на первом заседании после освобождения Москвы от войск Наполеона старшины наметили комплекс первоочередных мер по восстановлению здания РБС. Эти меры характеризуются девизом: немедленное восстановление и строжайшая экономия, предусматривавшая почти полное сокращение штатов служащих собрания. Показательна в этом отношении запись журнала: в связи с тем, что планы здания не сохранились, поручить сделать новые «искусному, но дешевому архитектору»¹⁵. До 1812 г., когда старшины не скупались на траты, лишь бы только обеспечить собрание всем самым лучшим в Москве, такое решение было невозможным. Оно свидетельствует, что старшины хорошо понимали всю сложность положения, в котором оказалось РБС.

---

¹⁴ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 355. Л. 6.

¹⁵ Там же. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об.

Однако предпринятых старшинами мер оказалось все же недостаточно. Необходимо было выработать стратегию восстановления РБС и придания ему прежнего блеска. Кроме того, старшины, дорожа общественным мнением столичного дворянства, хотели, чтобы предлагаемые ими меры были одобрены гласно и публично. Поэтому старшины объявили о совещании 16 июля 1813 г., в среду, в 12 часу утра всех членов и даже желавших вступить в собрание «для совета о приведении сего собрания в возможный порядок». Согласно журнальной записи, старшины: князь Николай Борисович Юсупов, Петр Степанович Валуев, Степан Степанович Апраксин, князь Николай Алексеевич Волконской и члены: князь Александр Михайлович Урусов, Алексей Алексеевич Тучков, Александр Александрович Волков, Егор Александрович Дурасов, Михаил Федорович Бестужев и Николай Александрович Корсаков, «имея рассуждение, положили: “по неимению в доме благородного собрания суммы на отделку оногo, означенный дом заложить в сохранную казну”»¹⁶. Тогда же старшины обратились и за финансовой поддержкой к императрице Марии Федоровне, известной своей благотворительностью.

Середина лета — не лучшее время для проведения собрания — дворянство разъехалось по своим имениям, а некоторые еще не вернулись в Москву из эвакуации. Поэтому в заседании, которое определило дальнейшую судьбу РБС, приняло участие так мало его членов. Кто же были эти люди?

Князь Николай Борисович Юсупов (1750—1831) принадлежал к одному из богатейших родов, действительный тайный советник, успевший к этому времени послужить дипломатом, директором императорских театров, директором Эрмитажа, министром департамента уделов, а также дважды исполнить обязанности верховного маршала при высочайших коронациях Павла I и Александра I. Позже он и в третий раз стал верховным маршалом во время коронационного церемониала Николая I. Кроме того, Юсупов был крупным коллекционером, оказавшим заметное влияние на развитие русского искусства, именно при нем усадьба Архангельское стала классическим образцом дворцово-паркового искусства.

Петр Степанович Валуев (1743—1814), происходил из старинного, хотя и небогатого дворянского рода, сын генерал-майора С.М. Валуева, действительный тайный советник, сенатор, главноначальствующий Кремлевской экспедицией и Оружейной палатой, археолог, человек во многом сформировавший современный вид Кремля.

Степан Степанович Апраксин (1757—1827), сын фельдмаршала С.Ф. Апраксина, крестник императрицы Елизаветы Петровны, генерал от кавалерии, Смоленский военный губернатор в 1803 г., участник трех русско-турецких войн, Кавказской войны, польской кампании 1794 г. Владелец роскошной усадьбы Ольгово (Льгово). Славился своим гостеприимством. Известный мемуарист С.П. Жихарев писал о нем: «Богат-пребогат, фамилия не только знатная, но и заслуженная, дом как полная чаша; своя музыка, свой театр, свои актеры, любит жить на большую ногу, приветлив и радушен — гуляй, Москва!»¹⁷.

¹⁶ Там же. Л. 9—9 об.

¹⁷ Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 164.

Князь Николай Алексеевич Волконской (1757—1834), сын генерал-майора А.Н. Волконского, происходил из известного рода Волконских, которые вели родословную от князя Михаила Всеволодовича Черниговского, генерал-лейтенант.

Князь Александр Михайлович Урусов (1766—1853) принадлежал к потомкам правителя Ногайской орды, служил в лейб-гвардии Преображенском полку, в 1799 г. вышел в отставку с производством в генерал-майоры, переименован в действительные статские советники в 1803 г., имел опыт строительно-реставрационных работ как присутствующий в Экспедиции кремлевского строения, член комиссии по постройке храма Христа Спасителя.

Алексей Алексеевич Тучков (1766—1853) — из старинного дворянского рода, внесенного в Бархатную книгу, сын генерал-поручика, сенатора А.В. Тучкова, генерал-майор, участник русско-шведской войны 1788—1790 гг. и подавления конфедератов в Польше в 1792—1794 гг. Принял активное участие в формировании московского ополчения во время Отечественной войны 1812 г. В 1808—1820 гг. служил предводителем дворянства Звенигородского уезда. Кроме того, был членом попечительского совета Московского императорского университета, коллекционировал живопись.

Александр Александрович Волков (1779—1833), из дворянского рода Волковых, сын Александра Андреевича Волкова — действительного статского советника, герольдмейстера, драматурга и Екатерины Даниловны, урожденной Канишевой. В Аустерлицком сражении был ранен и попал в плен, в 1806 г. награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». В 1806 г. произведен в полковники и назначен московским полицмейстером. Обучался в частном пансионе в Санкт-Петербурге вместе с А.Х. Бенкендорфом, знакомство с которым помогло ему стать начальником 2-го округа Отдельного корпуса жандармов, благодаря службе в котором ему было присвоено в 1828 г. звание генерал-лейтенанта.

Егор Александрович Дурасов (1781—1855), из рода дворян Дурасовых. Воспитывался в Пажеском корпусе, участвовал в наполеоновских войнах, с 1808 г. московский полицмейстер, с 1811 г. в чине полковника, с 1813 г. перешел на гражданскую службу с чином статского советника. В октябре 1813 г. был назначен московским вице-губернатором, а в 1817 г. — гражданским губернатором.

Михаил Федорович Бестужев — не вполне понятно, о ком идет речь. Вероятно, это Михаил Федорович Бестужев-Рюмин (1770—1834), происходивший из старинного дворянского рода, коллежский советник.

Николай Александрович Корсаков (1762—1833) — представитель известного дворянского рода, обер-кригс-комиссар, в отставке с 1802 г. по болезни. Выпускник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса.

Таким образом, все пришедшие для обсуждения вопросов восстановления РБС были людьми не случайными, трое из них относились к титулованной знати, да и оставшиеся принадлежали к родовитому дворянству, все были людьми послужившими отечеству и добившиеся на службе высоких чинов — не ниже VI класса.

Еще более показательны выборы 24 февраля 1814 г., на которых были избраны старшинами РБС князь А.М. Урусов, Ю.В. Долгоруков, С.М. Голицын и А.М. Лунин¹⁸.

¹⁸ ЦГАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 25 об.

Краткую справку о князе Александре Михайловиче Урусове я привел выше.

Князь Юрий Владимирович Долгоруков (1740—1830), генерал-аншеф, сын генерал-поручика В.П. Долгорукова и княжны Е.В. Хилковой. Участвовал в Семилетней войне и двух русско-турецких войнах. В 1796—1797 гг. московский военный генерал-губернатор (главнокомандующий). С 1799 г. в отставке. Награжден орденами Св. Георгия 3-й степени, Св. Анны, Св. апостола Андрея Первозванного, Св. Владимира 1-й степени, командор ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Масон, мемуарист.

Князь Сергей Михайлович Голицын (1774—1859), сын генерал-поручика М.М. Голицына и старшей дочери барона А.Г. Строгонова — Анны, унаследовавшей огромное состояние. Был почетным опекуном Воспитательного дома, Московского опекунского совета и членом попечительского совета при московском училище Св. Екатерины, управляющим Александровским училищем и главным директором Голицынской больницы.

Единственный из четырех избранных старшин, не имевший титула, — Александр Михайлович Лунин (1745—1816) был старшим сыном тайного советника Михаила Лунина и его жены Анны — дочери санкт-петербургского генерал-губернатора И.И. Неплюева. Участвовал в боевых действиях в Польше в 1772 г., в следственной комиссии по делу Пугачева. В 1783 г. стал мастером стула московской «шотландской» ложи, которую возглавлял Ю.В. Долгоруков¹⁹. В 1784—1792 гг. правитель Полоцкого наместничества. Вышел в отставку в 1792 г. в чине генерал-поручика. Член, затем директор Вольного экономического общества, председатель московского Опекунского совета, управляющий Вдовьим домом, сенатор, мемуарист.

Эти выборы показывают, что члены РБС были убеждены в деловых способностях представителей дворянской элиты, имевших и связи, в том числе родственные, и при дворе, и с первыми лицами московских властей. За редким исключением, все они обладали и высоким чином. Состав участников совещания членов РБС 16 июля 1813 г. свидетельствует, что московское дворянство обоснованно доверяло своей корпоративной элите. Именно ее представители и приняли активное участие в выработке стратегии восстановления здания собрания и приведения РБС в центр общественного досуга господствующего сословия. В дальнейшем их связи при дворе и личное знакомство с членами императорской семьи помогли решить задачу возвращения былой привлекательности РБС с наименьшими затратами, вплоть до прощения по высочайшему повелению огромных по тем временам долгов.

Война 1812 г., нанеся значительнейший урон зданию РБС, парадоксальным образом дала заметный импульс к формированию дворянской публичной сферы. Начало этому процессу положила Великая французская революция и наполеоновские войны, когда вопросы внешней политики, состояния русской армии, формирования ополчения и ход боевых действий, в которых участвовала Россия, а, значит и члены многих семей московского дворянства, широко обсуждались в обществе. С конца 1813 г. РБС, вынужденное арендовать за 8 тыс. руб. в год второй этаж дома графа Аркадия Ивановича Моркова

¹⁹ Серков А.И. Русское масонство, 1731—2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 497.

на Никитской, стало центром общественных обсуждений актуальных вопросов внутренней и внешней политики. О причинах роста роли РБС в формировании публичной сферы верно говорилось в объявлении старшин от 17 декабря 1813 г.: «Сверх того, соображаясь с нынешним *малолюдством в Москве* против прошедших годов, по каковой причине *и домов для больших собраний против прежнего гораздо менее*, то и представляется обоего пола членам право приезжать по их произволу для препровождения времени в наемный дом Благородного собрания, так как то было при первоначальном оного основании каждодневно (курсив мой. — А.К.)»²⁰. Таким образом, благодаря последствиям войны произошло смещение акцентов в сфере социальности: от общения в частных домах московской знати к общению в публичных местах, при одновременной концентрации его в немногих центрах, среди которых ведущую роль стало играть РБС. К этому следует добавить гендерный аспект: женщины стали больше интересоваться вопросами, которые раньше были прерогативой мужского общения. Московский английский клуб, членами которого были лишь мужчины, по этой причине должен был уступать РБС, в котором расширилась социальная база потребителей, а отчасти и генераторов общественного мнения.

Констатацией интереса дам к общественной жизни страны и Москвы, а также их возросшей роли в жизнедеятельности собрания стало учреждение института директрис РБС. «1815 года апреля 20 дня во время бала при съехавшихся на оной господах старшинах и членах распечатан ящик и прочтены записки о выборе директрис, на коем и выбрано 12 по большинству голосов».

7 из 12 избранных директрис были из титулованных фамилий, да и другие дамы принадлежали к элите московского дворянства. Фактически все они были тесно связаны родственными и приятельскими узами. Проиллюстрирую это утверждение краткими биографическими данными о родственных связях этих дам. После фамилии указано количество поданных за них голосов.

1. Катерина Владимировна Апраксина [48] (1770—1854) — дочь князя В.Б. Голицына и графини Н.П. Чернышевой, сестра генерала от кавалерии и будущего московского военного генерал-губернатора Д.В. Голицына, жена генерала от кавалерии С.С. Апраксина.

2. Княгиня Варвара Юрьевна Горчакова [41] (1778—1828) — дочь генерал-аншефа, князя Ю.В. Долгорукова и графини Е.А. Бутурлиной, жена генерала от инфантерии, князя А.И. Горчакова, с которым она «разъехалась».

3. Маргарита Александровна Волкова [39] (1762—1820) — дочь А.Р. Кошелева и А.Е. Еремеевой, жена генерал-поручика, сенатора А.А. Волкова.

4. Княгиня Софья Павловна Оболенская [38] (1785—1860) — дочь генерал-поручика князя П.С. Гагарина и Т.И. Плещеевой, жена действительного статского советника, князя А.П. Оболенского.

5. Графиня Марья Алексеевна Толстая [37] (1772—1826), дочь генерал-майора, московского уездного предводителя дворянства, одного из учредителей Московского благородного собрания (РБС) князя А.Б. Голицына и княжны А.Г. Грузинской, жена генерала от инфантерии, графа П.А. Толстого.

²⁰ Барсуков А. Российское благородное собрание в Москве. М., 1886. С. 16.

6. Княгиня Наталья Николаевна Голицына [37] (1764?—1837), дочь тайного советника, графа Н.А. Головина и А.С. Лопухиной, жена бригадира, князя Я.А. Голицына.

7. Варвара Александровна Баранова [34] (1768—1838), дочь бригадира А.И. Болтина и княжны Е.Ф. Голицыной, жена тайного советника Н.И. Баранова, в 1804—1806 гг. московского гражданского губернатора.

8. Дарья Александровна Валуева [33] (1752—1836), дочь статского советника А.Р. Кошелева и А.Е. Еремеевой, жена действительного тайного советника, главноуправляющего Кремлевской экспедиции П.С. Валуева, сестра М.А. Волковой.

9. Марья Ивановна Корсакова (Римская-Корсакова) [26] (1765—1832), дочь камергера И.Г. Наумова и княжны В.А. Голицыной, жена камергера А.Я. Римского-Корсакова.

10. Графиня Анна Родионовна Чернышева [24] (1744—1830), дочь генерал-майора Р.К. Веделя и А.Б. Пассек, жена фельдмаршала З.Г. Чернышева, московского главнокомандующего.

11. Княгиня Наталья Сергеевна Трубецкая [19] (1776—1852), дочь князя С.В. Мещерского и А.И. Кушелевой, жена надворного советника, председателя дворянства Дмитровского уезда князя И.Н. Трубецкого.

12. Княгиня Варвара Федоровна Вяземская [15]²¹.

В феврале 1814 г. старшины собрания объявили, что со второй недели поста и до Страстной «за неимением в Москве знатных виртуозов, имеют быть по вечерам во время беседы обоего пола членов и посетителей, вокальная или инструментальная музыка, какую собрать будет возможно»²². А.П. Барсуков ошибочно предположил, что это было «совсем новым развлечением»²³. Однако ежедневные беседы по вечерам — явление не новое, а возрожденное. Февральское объявление старшин продолжило линию, выработанную старшинами собрания в конце 1813 г. К сожалению, Барсуков не обратил внимания на заключительную часть фразы из объявления старшин от 17 декабря 1813 г.: «как то *было при первоначальном оною основании* каждодневно» (курсив мой. — А.К.). А именно эта часть фразы позволяет сделать несложное умозаключение о том, что основатели собрания М.Ф. Соймонов и князь А.Б. Голицын считали повседневный свободный обмен мнениями между его членами одной из главных задач учреждаемого общества. Очевидно и другое — со временем в РБС произошел отказ от практики ежедневных вечерних «бесед», а возобладала ориентация на устройство досугово-развлекательных занятий: танцы, легкая музыка, карты.

Последствия войны, в частности, сокращение гастролей европейских музыкальных знаменитостей, изменило баланс повседневного досуга московского дворянства. Привычка к общению сохранилась, но вследствие неблагоприятных обстоятельств, члены РБС были вынуждены больше разговаривать и «беседовать» друг с другом, чем слушать «знатных виртуозов».

²¹ ЦГАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 14. Л. 28.

²² Там же. Д. 7. Л. 24.

²³ Барсуков А. Российское благородное собрание... С. 16.

В частности, об этом свидетельствуют данные о количестве посетителей на различных мероприятиях в РБС в 1814 г. Так, 24 февраля для беседы съехалось 233 персоны и 17 посетителей — не членов клуба. 3 марта, соответственно, 173 персоны и 12 посетителей. 10 марта для вечерней беседы прибыло 208 персон и 9 посетителей. Для сравнения, когда 17 марта состоялся редкий в то время в Москве концерт с участием известных исполнителей (мадам Маркетти, г. Верни, г. Морини), публики было даже меньше — 188 персон и 15 посетителей²⁴. Да и на балах собиралось не всегда больше гостей: 31 марта 1814 г. — 319 персон и 23 посетителя, 7 апреля — 275 персон и 22 посетителя, 14 апреля — 194 персоны и 11 посетителей²⁵. Таким образом, вечерние съезды для бесед пользовались среди московских дворян определенной популярностью, сопоставимой с событиями традиционной культурной и увеселительной деятельности РБС.

Для понимания процессов формирования и функционирования дворянской публичной сферы перемены, происшедшие в повседневном досуговом общении московского дворянства, имели отнюдь не второстепенный характер. Старшины собрания выразили общий тренд московской элиты на изменение характера повседневной коммуникации дворянства от приватного к публичному. О том, что это была устойчивая тенденция, а не продиктованное неблагоприятными внешними обстоятельствами вынужденное событие, свидетельствует стремление старшин и некоторых неформальных лидеров московского общества учредить мужской клуб (отделение) при РБС. Инициировали создание «Особого отделения» генерал-лейтенант И.В. Чертков, тайный советник, сенатор князь М.Д. Цицианов, тайный советник, сенатор Д.Б. Мертваго и дипломат, московский почт-директор, действительный статский советник К.Я. Булгаков. О том, что именно они стали основателями Особого отделения — мужского клуба при РБС, свидетельствует запись в журнале о первом его заседании: «1819 года мая 20 дня, собравшиеся у Ивана Васильевича Черткова приступили к исполнению возложенного на нас от гг. членов поручения, следующим образом: рассматриваны планы и сметы от князя Михайла Дмитриевича Цицианова предъявленные, нашли их совершенно хорошими...»²⁶. Речь шла о пристройке к зданию РБС новых помещений, где и должен был разместиться новый клуб. Под протоколом стоят подписи всех четырех участников заседания. Их особая роль в создании клуба подтверждается и журналом от 31 мая 1819 г. «Члены благородного Российского собрания, согласившиеся составить отделение для ежедневных посещений, собравшись в доме благородного собрания, выслушав сочиненные учредительными оною правила, и изъявив согласие приступили к болотированию в члены отделения...». Первыми баллотировали учредителей: И.В. Черткова, князя М.Д. Цицианова, Д.Б. Мертваго, К.Я. Булгакова, «потом баллотировали внесших денежные суммы заимообразно»: графа А.П. Торماسова, князя Н.Б. Юсупова, П.Х. Оболянинова, С.С. Апраксина, А.С. Кологривова, графа

²⁴ ЦГАМ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 26 об., 27, 28, 28 об.

²⁵ Там же. Л. 31, 32 об., 34.

²⁶ Там же. Д. 28. Л. 2—3.

И.П. Кутайсова, графа В.Г. Орлова, князя С.М. Голицына, князя М.П. Голицына, графа П.И. Апраксина и других²⁷.

Итак, несомненно, инициаторами и активными участниками в создании Особого отделения РБС выступили представители дворянской элиты Москвы. Но в чем же была причина создания нового исключительно сословного дворянского мужского клуба? Прямых указаний в источниках мне не удалось обнаружить, но, полагаю, мотивы, которыми руководствовались учредители, можно реконструировать с высокой степенью вероятности. Во-первых, это не было объединение рядовых дворян, которые не могли попасть в члены МАК. Все они — учредители и лица, внесшие заимообразно средства на устройство Особого отделения, — были членами МАК. Во-вторых, инициаторов, очевидно, что-то не устраивало в уставе МАК. Если учесть восторженные отзывы современников об этом клубе, им не нравилось лишь одно — бессловный характер этого заведения. Среди членов которого, согласно «Алфавиту членам на 1817-й год», было несколько русских и иностранных купцов, а также незнатных дворян и чиновников невысокого ранга²⁸. В-третьих, членами РБС становились по положению все потомственные дворяне, которые уплатили членский взнос. Присутствие в едином публичном пространстве РБС малообразованной публике в лице провинциальных дворян и бедных московских дворян едва ли радовало столичную знать. Именно с целью отсеять нежелательную публику «правила» учреждаемого клуба установили социальные фильтры: обязательное баллотирование вступающих членов, ограничение числа членов 300 персонами и высокий вступительный взнос в размере 150 руб. Наконец, создание элитарного мужского клуба позволяло обособиться от дам и девиц — членов РБС. Все эти меры должны были обеспечить Особому отделению элитарный характер и создать условия для повседневного общения избранного дворянского мужского общества.

---

²⁷ Там же. Л. 12 об.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 12. Л. 1—28.

Закон и законники в самодержавной России

«Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих», — гласила 47-я статья Основных законов, как будто незыблемо установившая верховенство закона в государственной жизни страны. Проблема была в том, что эта формула не отвечала на элементарный вопрос: что такое закон. Большинство правоведов полагало, что закон в России — это воля государя. У этой точки зрения был весьма авторитетный оппонент — известный юрист Н.М. Коркунов (1853—1904). Он доказывал, что для того, чтобы проект стал законом, императорского решения недостаточно. Подлинный закон должен был пройти еще обсуждение в Государственном совете. Все правовые нормы, утверждаемые императором без обсуждения в высшем законосовещательном учреждении, следовало без особых колебаний отнести к указам¹. Причем ссылаясь на ст. 55 Основных законов, утверждал, что даже допускалось издание «дополнений к существующим законам и без Высочайшей подписи». Ведь ст. 54 требовала подписи государя только новых законов. Иными словами, отдельные поправки и дополнения к действовавшему законодательству вовсе не нуждались в автографе императора. Согласно наблюдениям Коркунова, практика вполне согласовывалась с этими нормами². Такая точка зрения была достаточно популярной. С ней соглашались даже оппоненты Коркунова. Например, А.Д. Градовский (1841—1889), который писал, что Государственный совет был «признан действительным средоточием законодательной деятельности»³.

Эта дискуссия профессоров права носила отнюдь не академический характер. Во-первых, пытаясь определить критерии, отличавшие закон от указа, отечественные юристы решали немаловажный вопрос: какие нормы должны были войти в постоянно пополнявшийся Свод законов Российской империи. Неразрешенность этой проблемы приводила к тому, что российское право загромождалось бесконечными законодательными актами, посвященными, например, отдельным акционерным обществам. Во-вторых, правоведы в индизнаказательной форме ставили вопрос о юридических пределах самодержавной власти. Если действительно закон в обязательном порядке должен был быть обсужден в Государственном совете, значит, император и его министры при всем желании не могли обойти это высшее законосовещательное учреждение и должны были считаться с позицией его членов.

Это ограничение имели в виду отнюдь не только ученые-юристы, но и государственные мужи, уверенные, что в России к концу XIX в. установился стро-

¹ Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 340.

² Там же. С. 339—340.

³ Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 8. СПб., 1903. С. 215.

гий порядок законотворчества, который никто не мог нарушать, в том числе и император. Собственно этого и добивался М.М. Сперанский в начале XIX в.⁴ К концу столетия многим видным сановникам хотелось бы верить, что Россия хотя бы приближалась к этому идеалу. В повседневной практике его приходилось отстаивать, обрекая себя на бесплодную борьбу. В ноябре 1883 г. видные члены Государственного совета Э.Т. Баранов, Н.Х. Бунге, Д.М. Сольский нападали на морского министра И.А. Шестакова за то, что он добился увеличения сметы своего ведомства, получив одобрение царя, без обсуждения этого вопроса в Департаменте экономии Государственного совета⁵. В апреле 1885 г. в Департаменте законов Э.В. Фриш вышел с представлением, в котором ставился вопрос о порядке издания Свода и Полного собрания законов. Его смысл сводился к тому, что все возникавшие вопросы Фриш собирался решать в ходе докладов у императора, с чем члены Государственного совета никак не могли согласиться. Среди них был и К.П. Победоносцев, который настаивал, чтобы все, вызывавшее сомнения у кодификаторов, первоначально вносились в Совет⁶. В действительности таких случаев было довольно много.

Представления о незыблемости закона в России вступали в противоречие с мифом о самодержавии, способном творить «правовые чудеса», не укладывавшиеся в голове у заскорузлых юристов. Царь-де своей волей мог нарушать прежде незыблемые правила. Близкий ко двору, влиятельный и информированный князь В.П. Мещерский защищал эту точку зрения, последовательно отстаивая несовместимость понятий «самодержавие» и бюрократическая «законность»⁷. Сам царь верил в этот миф (впрочем, не отказываясь от идеи законности), а среди чиновничества публично оспаривать его не было принято. Председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич убеждал молодого императора Николая II, что он вправе подписать любой указ. А.А. Половцову оставалось только возмущаться: «Да где же тогда разница между монархическим и деспотическим азиатским правительством, разница, заключающаяся в том, что первое соблюдает, а второе когда угодно нарушает существующие в стране законы. Проповедовать такое учение государю, значит, вести его на путь императора Павла»⁸.

Эта теория имела практическое применение. Император обладал правом издавать законы, касавшиеся частных случаев, которые шли вразрез с общими правилами. Это могли быть уставы акционерных обществ или временные правила, фактически действовавшие десятилетиями. В любой губернии, уезде, городе и даже частной компании могли быть отменены нормы, применявшиеся по всей России. Некоторые сановники даже полагали, что сама идея общероссийского законодательства противоречила концепции самодержавия. Впрочем, следует иметь в виду, что и в этом случае император, принимая решение, не совещавшись с Государственным советом, был поставлен в жесткие рамки. Все

⁴ Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 118.

⁵ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 161.

⁶ Там же. С. 337.

⁷ Половцов А.А. Дневник. 1893—1909. СПб., 2014. С. 358; См. также: Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в.: Энциклопедия. М., 2010. С. 298.

⁸ Половцов А.А. Дневник. 1893—1909. С. 192.

эти правовые акты — уставы или временные положения — принимались ведь не единолично царем, а после обсуждения в Комитете министров.

Мысль об уже торжествующем верховенстве закона в самодержавной России не выдерживала столкновения ни с жизнью, ни с теорией. Как впоследствии писал правовед М.И. Ганфман, в России до 1905 г. не было деления на учреждения законодательные и административные. Одни и те же органы власти творили право и его осуществляли. В такой путанице участвовали все центральные учреждения. И это создавало благоприятную почву для произвола⁹.

В таких условиях даже процесс законотворчества сложно было формализовать, а, следовательно, подчинить его закону. Никто не сомневался, что законодательная инициатива фактически концентрировалась в руках министров. Причем до царствования Александра II они (наряду с Синодом и Сенатом) имели право прямой законодательной инициативы, т.е. непосредственно входили в Государственный совет со своими проектами¹⁰. В 1857 г. ситуация в корне изменилась. 4 мая 1857 г. Александр II на докладной записке государственного секретаря наложил резолюцию относительно одного из дел, внесенного министром внутренних дел на рассмотрение Государственного совета: «Министру внутренних дел не следовало входить с подобным представлением об отмене действующего закона прямо в Государственный совет, не испросив предварительно моего на то разрешения, что и принять впредь к руководству по всем министерствам и главным управлениям. Совет не предлагает, а должен рассматривать проекты новых законов, которые по моему приказанию представляются на рассмотрение»¹¹. Иными словами, готовились законопроекты министрами, а формально вносились царем¹².

Прецеденты говорили об одном, буква законов — о другом. Правоведам оставалось упорядочить этот хаос. Рассуждая о законе и законности, отечественные юристы создали своего рода утопию, которая, тем не менее, обретала вполне реальные очертания и на протяжении второй половины XIX в. постепенно материализовывалась. С 1830-х гг. закон в России — это не только высокая идея, это еще конкретные правовые акты, собранные в Своде законов усилиями II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и лично М.М. Сперанского. Раньше законы, действовавшие в России, были разбросаны по многим изданиям. О некоторых из них можно было догадываться. Использовать их в суде, канцелярии, повседневной жизни было просто невозможно. Издание Свода законов радикально изменило многое в жизни империи. Конечно, оно упорядочило процесс управления и судопроизводства. С его изданием в России возникло полноценное юридическое образование, а это, в свою очередь, способствовало еще большей профессионализации бюрократии¹³. Однако

⁹ Ганфман М. Законодательство // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб., 1912. С. 50.

¹⁰ Корф С.А. Инициатива закона в русском праве // Право. 1902. № 12. 17 марта. Стб. 588.

¹¹ Там же. Стб. 589.

¹² Кроме того, право законодательной инициативы было предоставлено Правительствующему Сенату. См.: Каминка А.И. Законодательный почин Правительствующего Сената // Там же. № 15. 7 апр. Стб. 767—768.

¹³ Уортман Р.С. Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2006. С. 108—116.

в данном случае важнее другое. Благодаря Своду законов в России начала складываться отлаженная законотворческая процедура. Ведь теперь издание новых законов подразумевало их включение в существовавшую правовую систему: нужно было исправить имевшиеся законы и одновременно приноровить к действовавшим нормам обсуждавшийся проект.

Это определяло логику законодателя, которого обычно чрезвычайно смущала кропотливая работа по переделке Свода законов. Она приучала чиновников к житейскому «консерватизму»: их опыт подсказывал, что не следует торопиться с изменениями, которые чреваты большими заботами. Как говорил государственный секретарь А.А. Половцов императрице Марии Федоровне 11 июля 1884 г., «будучи консерватором, я предпочитаю такой способ постепенного законодательства, развивающегося по мере того, как созревают вопросы, сооружению законодательных монументов с большими притязаниями, которые скорее льстят тщеславию законодателя, чем удовлетворяют реальные и неясные потребности страны»¹⁴.

Со Сводом законов законодательствовать стало и проще, и сложнее. Этот корпус текстов позволял ориентироваться в правовом пространстве империи. Однако Свод законов следовало хорошо знать. Его издание позволило окончательно прочертить демаркационную линию, отделившую бюрократов-профессионалов, владевших юридической техникой, и прожектеров-мечтателей. В прошлом всесильный граф П.А. Шувалов в 1883 г. категорически отказывается от должностей в Государственном совете, прекрасно понимая, что он окажется в плену у «записных юристов», с которыми он просто не сможет спорить¹⁵. И сам император отступал, когда ему напоминали о необходимости особых юридических знаний для принятия законодательных решений. «Юридическое дело есть такое же специальное дело, как дело артиллерийское, архитектурное, кораблестроительное», — соглашался с царем А.А. Половцов¹⁶.

Юридическое образование в России было структурировано в соответствии с группировкой правовых актов в Своде законов. Этот корпус документов был своего рода упорядоченной вселенной отечественных правоведов. От него отталкивались в своих размышлениях, ему боялись противоречить. Чтобы не нарушить единство здания Свода законов, следовало скорее редактировать имевшиеся нормы, нежели писать новые. Как говорили современники, один из наиболее влиятельных членов Государственного совета Д.М. Сольский, обсуждая тот или иной документ, прежде всего вспоминал предыдущие бумаги, логически предшествовавшие его составлению¹⁷.

Конечно, из этого не следовало, что сам Свод законов и составлявшие его акты были верхом совершенства. Многими отмечались их недостатки: порой нормы повторялись в разных томах, в ряде случаев отсутствовала должная систематизация законодательства. Для правоведов было несбыточной мечтой — вернуться к кодификаторской работе, переделать Свод законов.

¹⁴ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 265.

¹⁵ Там же. С. 137—138.

¹⁶ Там же. С. 257.

¹⁷ Там же. Т. 2. С. 139.

Изредка в пользу этого подавался голос (так, в 1883 г. эту идею высказывал Э.В. Фриш¹⁸), однако большинство государственных служащих отбрасывало саму мысль об этой титанической работе.

Русская бюрократическая вселенная возникла в 1830-е гг. вместе со Сводом законов, и чиновничество держалось за него как за основу своего бытия. Оно уверовало в безусловную значимость всего того, что могло найти в этом корпусе текстов. Представители русской юридической мысли, среди которых были и видные государственные деятели, жили в правовом зазеркалье. Его отцом-основателем был М.М. Сперанский. Именно с него, по словам философа и публициста Г.П. Федотова, началась новая Россия: «В XIX веке реформа была проведена так бережно, что дворянство сперва и не заметило ее последствий. Дворянство сохранило все командные посты в новой организации и думало, что система управления не изменилась. В известном смысле, конечно, бюрократия была “инобытием” дворянства: новой, упорядоченной формой его службы. Но дух системы изменился радикально: ее создатель, Сперанский, стоит на пороге новой, бюрократической России, глубоко отличной от России XVIII века. Пусть Петр составил табель о рангах, — только Сперанскому удалось положить табель о рангах в основу политической структуры России... Попович Сперанский положил конец... дворянскому раздолью. Он действительно сумел всю Россию уловить, уложить в тончайшую сеть табели о рангах, дисциплинировал, заставил работать новый правящий класс. Служба уравнивала дворянина с разночинцем. Россия знала мужиков, умиравших членами Государственного Совета. Привилегии дворянина сохранились и здесь. Его подъем по четырнадцати классическим ступеням лестницы напоминал иногда взлет балерины; разночинец вползал с упорством и медленностью улитки. Но не дворянин, а разночинец сообщал свой дух системе»¹⁹.

---

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 126—127.

¹⁹ Федотов Г.П. Избранные труды. М., 2010. С. 131—132.

Кадровая политика министра внутренних дел В.К. Плеве

Один из ярких представителей высшей бюрократии рубежа XIX—XX столетий Вячеслав Константинович Плеве входит в число наиболее знаковых фигур последних пореформенных десятилетий. Расцвет В.К. Плеве как государственного деятеля пришелся на период, ставший для российского самодержавия временем непростого политического выбора и разработки крупных реформаторских начинаний. Реалии тех лет знаменовались сложными отношениями между консервативным и либеральным течениями в правительстве, лоббированием политических решений, а также острой, бескомпромиссной полемикой представителей бюрократической элиты. Тогда, на фоне ослабления авторитета императора Николая II особую значимость приобрело личное участие высших сановников в определении политики российского самодержавия. Особенности характера, активность в разработке законодательства, формирование вертикальных и горизонтальных связей обеспечивали таким фигурам не только успешную карьеру и собственный политический вес, но также влияние на главу государства.

Немногочисленные исследования, специально посвященные жизни В.К. Плеве¹, историография пореформенной России, а также свидетельства современников единодушно отмечают, что ему принадлежала одна из ключевых ролей в правительственной политике, а его решения повлияли на судьбу страны в многолетней перспективе². В общих и специальных работах, посвященных этой эпохе, взгляды и деятельность В.К. Плеве традиционно рассматриваются в контексте его полемики с С.Ю. Витте. Такой подход обусловлен значительным вниманием советской историографии к мемуарам последнего, посвятившего своим отношениям с В.К. Плеве немало страниц. Между тем, в настоящее время этого явно недостаточно для оценки деятельности В.К. Плеве как крупной государственной фигуры.

В связи с этим целесообразно обратить внимание на механизмы, которые использовал В.К. Плеве для укрепления своего влияния, а также при формировании и реализации собственных политических задач. Это определяло перспективы и действенность его политики и, в конечном счете, его личное влияние на правительственный курс. Думается, что в числе решающих инструментов такого влияния были кадровые ресурсы. Этот административный рычаг традици-

¹ *Симонова М.С.* Плеве // Российские консерваторы. М., 1997. С. 287—322; *Иванов А.Е.* В.К. Плеве — министр внутренних дел (1902—1904 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; *Judge E.H. Plehve: Repression and Reform in Imperial Russia. 1902—1904.* Syracuse, N.-Y., 1983.

² Из комплексных исследований, анализирующих личное участие В.К. Плеве в определении правительственного курса, следует выделить: *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987; *Власть и реформы: от самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 438—454; и др.

онно приобретал особенное значение именно в условиях российского самодержавного строя, где институт патроната, личные связи и кулуарная подготовка политических решений имели глубокие корни. В какой степени кадровое окружение В.К. Плеве определяло его деятельность и в какой мере первое служило опорой действиям этого сановника — предмет, имеющий самостоятельный научный интерес. Он позволяет определить, насколько сильны были механизмы его воздействия на политику монарха, а также расширяет представления о карьерных лифтах имперской системы управления.

В.К. Плеве, заняв в 1902 г. министерское кресло, уже имел собственные взгляды на состояние и перспективы внутри- и внешнеполитического развития страны. Они были основаны на значительном опыте руководства крупными звеньями государственной машины и богатой практике решения значительных проблем управления, будь то аграрно-крестьянский вопрос, борьба с антиправительственными элементами или иные, не менее важные сюжеты. К началу XX в. состояние административной системы Российской империи характеризовалось нарастающим разрывом между позицией центрального руководства и возможностями ее реализации на местах. По меткому замечанию одного мемуариста, «в это время центральная власть уже говорила с местными деятелями на разных языках»³. Поэтому в ряду первоочередных задач В.К. Плеве при формировании собственной команды подчиненных стал выбор сотрудников, готовых обеспечивать не только ведомственную консолидацию внутри Министерства внутренних дел (МВД), но и координировать исполнение правительственных решений на региональном уровне.

Известно, что В.К. Плеве, проходя постепенно один за другим разные ступени бюрократической иерархии на пути к политическим вершинам⁴, приобрел большой личный опыт, который сформировал у него довольно ясные представления о служебных качествах руководящего звена МВД. По свидетельству одного из его ближайших соратников — В.И. Гурко, В.К. Плеве с исключительным вниманием относился к кадровым вопросам, будь то руководство Государственной канцелярией или МВД. Вспоминая В.К. Плеве на посту государственного секретаря, Гурко замечал, что «каким-то непонятным способом он был хорошо осведомлен о личных качествах и способностях почти всех чинов канцелярии». Став главой МВД, «какими-то таинственными путями знавший биографии большинства служащих в министерстве»⁵, он сумел сохранить прежнюю кадровую практику. В.К. Плеве понимал, насколько значимы персонально для него, как нового министра, опытные руководители и сотрудники. Во многом именно поэтому В.К. Плеве оставил на своих постах прежних товарищей министра — А.С. Стишинского, П.Н. Дурново и Н.А. Зиновьева, которые были ему не просто хорошо знакомы, но и в определенной степени могли считаться «его людьми». В разное время с каждым из них у В.К. Плеве установились лично-служебные отношения.

---

³ Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 145.

⁴ См.: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1902—1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 575—578.

⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 123, 175.

Так, Александр Семенович Стишинский хорошо зарекомендовал себя в качестве заместителя В.К. Плеве в бытность последнего государственным секретарем. Он был известен своими крайне реакционными взглядами. Такой человек был незаменим для генерирования консервативных идей. А.С. Стишинский имел значительный опыт руководства разработкой крестьянского вопроса, который в то время был одним из основных в повестке дня работы правительства. В.К. Плеве знал скрупулезность и добросовестность Стишинского, а также «природную непоколебимую приверженность ко всему существующему», что исключало появление радикальных вариантов решений по крестьянскому вопросу⁶. В течение всего периода руководства МВД В.К. Плеве, тот оставался его надежным помощником, представляя консервативное крыло министерской элиты.

Другой товарищ министра Николай Алексеевич Зиновьев был администратором, имевшим значительный опыт службы как в центральном аппарате МВД, так и на местах. Сослуживцам по МВД он запомнился как «человек страстный, настойчивый, весьма раздражительный и резкий, к тому же непреклонный спорщик»⁷. До этого он руководил хозяйственным департаментом МВД, еще ранее занимал губернаторские посты в Сувалкской, Петроковской, Тульской и Могилевской губерниях. В.К. Плеве нашел в нем замечательного организатора ревизий в своем ведомстве⁸. Под руководством Н.А. Зиновьева были успешно проведены ревизии органов общественного управления в Санкт-Петербурге, Москве, Вятской и Курской губерний.

Наконец, третьим заместителем В.К. Плеве на министерском посту был Петр Николаевич Дурново, который занимал это место с 1900 г. В свое время он был преемником В.К. Плеве на посту директора Департамента полиции и продолжил его начинания в области политического сыска. В качестве товарища министра, П.Н. Дурново был фактически устранен от влияния на серьезные политические дела министерства, преимущественно занимаясь почтово-телеграфной отраслью, однако «ни честолюбие, ни самолюбие Дурново, конечно, не были удовлетворены присвоенным ему Плеве положением»⁹. Впрочем, абстрагирование от участия в решении политических вопросов позволило П.Н. Дурново привнести в свой образ некоторый ореол либеральности. Известно, что он даже интриговал против В.К. Плеве, поддерживая связи с С.Ю. Витте¹⁰. Учитывая трудоспособность и административный опыт П.Н. Дурново, сохранение за ним поста товарища министра было для В.К. Плеве определенной гарантией на случай обострения общественной ситуации. Ему был крайне необходим помощник, от которого можно было ожидать готовности к радикальным действиям. Отметим, что В.К. Плеве не ошибся в достоинствах своего подчиненного, которые проявились впоследствии при подавлении беспорядков в годы Первой русской революции.

Товарищем министра в ранге командира Отдельного корпуса жандармов при вступлении В.К. Плеве в руководство МВД оставался и Петр Дмитриевич

---

⁶ Там же. С. 192—193.

⁷ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 133.

⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 228.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ Там же. С. 224; Толстой И.И. Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 223—224.

Святополк-Мирский, который вскоре попросил отставку, выражая несогласие с планами нового министра. Однако В.К. Плеве, рационально учитывая служебные качества П.Д. Святополк-Мирского, в сентябре 1902 г. перевел его на пост виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора.

По свидетельству современников и сослуживцев, подбирая сотрудников на ответственные должности, В.К. Плеве стремился руководствоваться «исключительно степенью их соответствия порученному им делу, и полезных сотрудников умел ценить и дорожил ими»¹¹. Многие руководители подразделений МВД, компетентность которых не вызывала сомнения, продолжали оставаться на занимаемых должностях. Так, при В.К. Плеве продолжили службу Н.А. Тройницкий — бессменный председатель Центрального статистического комитета МВД (ЦСК) с 1884 г. Он был не только опытный администратор, в том числе с губернаторским опытом службы, но и признанный авторитет в мировой статистической науке. В.К. Плеве был убежден, что руководящие посты в отраслевых административных структурах МВД должны занимать лица, компетентные в предмете управления, имеющие профессиональный авторитет и связи. Поэтому после назначения Н.А. Тройницкого сенатором, с 1904 г. ЦСК возглавил другой видный отечественный статистик А.М. Золотарев. Во главе Медицинского департамента МВД находился известный ученый фармаколог и анестезиолог В.К. фон Анреп. После упразднения данной министерской структуры, в марте 1904 г. он возглавил Управление главного врачебного инспектора. Начальником Главного управления по делам печати был известный правовед и общественный деятель Н.А. Зверев. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД с 1894 г. до своего назначения членом Государственного совета в мае 1904 г. продолжал возглавлять А.Н. Мосолов, также зарекомендовавший себя опытным руководителем.

Планируя реорганизацию МВД и создание в нем структуры управления трудовыми отношениями, В.К. Плеве обсуждал вопрос привлечения к руководству им известного экономиста и статистика И.И. Янжула¹². Стоит отметить, что Плеве постоянно пользовался консультациями Янжула, через которого привлек к работе в Центральном статистическом комитете МВД известного статистика, публициста и специалиста по охране труда А.В. Погожева.

С назначением В.К. Плеве министром внутренних дел ряд его подчиненных по Государственной канцелярии последовали за ним в новое ведомство. Кроме А.С. Стишинского в их числе были В.И. Гурко и Д.Н. Любимов. Владимир Иосифович Гурко на протяжении многих лет являлся одним из ближайших соратников В.К. Плеве. До своего перехода в МВД он был замечен В.К. Плеве по службе в Департаменте государственной экономики Государственного совета. В 1902—1903 гг. В.И. Гурко возглавлял одно из ключевых подразделений МВД — Земский отдел. На этом посту он зарекомендовал себя представителем новой генерации бюрократов, которые со вниманием относились к многолетнему опыту разработки крестьянского вопроса, но стремились к новациям, которые диктовались потребностями пореформенной эпохи. Не

¹¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 134.

¹² Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. М., 2006. С. 311—312.

случайно, что при непосредственном участии В.И. Гурко МВД существенно продвинулось в подготовке нового аграрного законодательства, ставшего впоследствии основой для правительственной политики П.А. Столыпина¹³.

Другой соратник В.К. Плеве — Дмитрий Николаевич Любимов познакомился с ним во время службы в канцелярии Государственного совета, где с 1896 г. служил его помощником. После назначения В.К. Плеве главой МВД он стал директором министерской канцелярии. «Несомненно, талантливый, обладающий бойким, даже блестящим пером, умеющий схватить на лету мысль начальства и необычайно быстро и ярко изложить ее на бумаге, снабдив такими доводами, которые и в голову не приходили автору развиваемой им мысли, он был, несомненно, драгоценным канцелярским сотрудником», — говорили о его полезных качествах сослуживцы¹⁴. Д.Н. Любимов был один из лично наиболее преданных министру сотрудников. Считая себя благодарным В.К. Плеве за свою карьеру, после гибели последнего, Д.Н. Любимов, не смущаясь новой атмосферой министерства при П.Д. Святополк-Мирском, подготовил и издал памятную брошюру о своем бывшем шефе¹⁵. В дальнейшем, находясь в эмиграции, он продолжал выступать с публикациями о жизни В.К. Плеве и его деятельности¹⁶.

Среди тех, кто получил при В.К. Плеве новое назначение, был Александр Васильевич Кривошеин, который в мае 1902 г. стал и. о. председателя Переселенческого управления МВД. Современники полагали, что он был дружен с единственным сыном В.К. Плеве — Николаем, служившим в этом управлении, что могло повлиять на его оставление при МВД и повышение¹⁷.

Политические задачи, определившие выбор В.К. Плеве в качестве главы внутриведомственного управления, требовали проведения жесткого курса на стабилизацию политической обстановки в условиях непрекращавшейся череды террористических актов в отношении высокопоставленных чиновников, нагнетавшимся социальным напряжением и активизацией леволиберального лагеря. В известной степени репутация В.К. Плеве как жесткого администратора и его подбор кадров для своего окружения должны были обеспечивать эффективность управления.

Вместе с тем Плеве понимал, что в сложившейся ситуации руководство страной немислимо без контактов с общественностью и учетом ее мнения по ключевым вопросам внутреннего развития. Поэтому он со вниманием относился к администраторам-государственникам либерального склада, дипломатические способности которых как нельзя лучше находили проявление во взаимоотношениях с органами общественного управления. Например, в их числе был бывший председатель херсонской земской управы Сергей Николаевич Гербель, которого В.К. Плеве в апреле 1902 г. пригласил возглавить только

¹³ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990. С. 87.

¹⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 234.

¹⁵ Памяти Вячеслава Константиновича Плеве. СПб., 1904.

¹⁶ См.: Любимов Д.Н. Вероисповедание и происхождение В.К. Плеве // Возрождение. 1930. 4 авг.; Любимов Д.Н. «В конце века минувшего». Заграничные поручения // Возрождение. 1936. 26 февр.; 2 марта; 4 марта; и др.

¹⁷ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 238.

что созданное Главное управление по делам местного хозяйства. До этого, в 1902—1904 гг. он занимал посты харьковского вице-, а затем губернатора, которые, как считалось в бюрократических кругах, были одними из престижных должностей регионального уровня. Их обладатели, как правило, делали впоследствии хорошую карьеру¹⁸. По мнению современников, С.Н. Гербель был интересен В.К. Плеве как «лицо, могущее сделаться постоянным посредником между ним и земскими кругами»¹⁹.

Несомненным знатоком общественных реалий был и Борис Владимирович Штюмер, которого В.К. Плеве в августе 1902 г. назначил на одну из ключевых должностей ведомства — пост директора Департамента общих дел МВД. В 1892—1894 гг. он проявил свои дипломатические способности в качестве председателя тверской губернской земской управы. Кроме того, занимая последовательно должности новгородского, а затем ярославского губернаторов, Б.В. Штюмер также сумел наладить отношения с губернской общественностью²⁰. Не имевшие подобного опыта службы мемуаристы язвительно замечали, что Б.В. Штюмер был человек «ловкий в общении с людьми, знавший, где и кого следовало поприжать, где и кого приласкать, мастер инсценировать парадные встречи и проводы»²¹.

Своего рода демократизм В.К. Плеве проявлялся и в умении привлекать на службу людей самостоятельных взглядов, способных не соглашаться и даже возражать ему. К таким фигурам, несомненно, относился Виктор Вильгельмович Валь, назначенный в сентябре 1902 г. командиром Отдельного корпуса жандармов и товарищем министра. На тот момент В.В. Валь имел колоссальный управленческий опыт и был одним из наиболее искушенных старожилов в бюрократических кругах. Современники отмечали независимость взглядов и сложность характера генерала, имевшего почти тридцатилетний опыт губернаторской службы в разных регионах²². В.К. Плеве сумел увидеть в нем «точного и исполнительного подчиненного, могущего иногда в душе не соглашаться с полученными им распоряжениями, но не допускавшего и мысли извращать их смысл в порядке их осуществления»²³.

Другим опытным чиновником МВД был Сергей Ефимович Крыжановский. С 1901 г. он занимал пост вице-директора Хозяйственного департамента МВД и имел репутацию грамотного юриста, умевшего оперативно работать с законопроектами. С.Е. Крыжановского, считавшего В.К. Плеве «одной из самых отталкивающих личностей, с которыми приходилось сталкиваться»²⁴, связывали со своим принципалом непростые отношения. Его мемуары полны нелицеприятных характеристик В.К. Плеве и его окружения. Тем не менее, С.Е. Крыжановский стал для главы МВД деятельным сотрудником. В 1903 г.

¹⁸ Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX — начала XX вв.). Орел, 2011. С. 136.

¹⁹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 228.

²⁰ Там же. С. 230—231.

²¹ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора... С. 134.

²² Минаков А.С. Губернаторский корпус... С. 139.

²³ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 237.

²⁴ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, б.г. С. 23.

он в буквальном смысле выручил В.К. Плеве, когда после принятия нового положения об общественном управлении Санкт-Петербургом из-за нехватки средств стала буксовать его реформа городского управления столицей. С.Е. Крыжановский в кратчайшие сроки разработал новое Городское положение и исключил опасность обвинения своего шефа в прожектерстве²⁵.

Вновь учреждаемые структурные подразделения министерства доверялись также проверенным и опытным администраторам. В июне 1902 г. Николай Львович Мордвинов с поста директора канцелярии министра внутренних дел был перемещен на должность руководителя вновь учрежденной канцелярии министра внутренних дел по делам дворянства.

Понимая важность привлечения компетентных специалистов, В.К. Плеве сознательно шел на назначение лиц, исповедовавших относительно либеральные взгляды. Между тем не все подобные кандидатуры В.К. Плеве в полной мере оправдали его ожидания. Например, в ряду фигур приближенных В.К. Плеве в первые месяцы своего руководства министерством был прокурор Харьковской судебной палаты Алексей Александрович Лопухин, с 1902 г. — директор Департамента полиции МВД. А.А. Лопухин пользовался репутацией либерала. Современники считали, что тем самым В.К. Плеве делал реверанс в сторону общественности²⁶. А.А. Лопухин несомненно очаровал В.К. Плеве во время поездки последнего по районам беспорядков в Харьковской и Полтавской губерниях. На фоне бездействия губернской администрации в Полтаве, именно А.А. Лопухин высказал идеи по совершенствованию работы госаппарата²⁷.

В свою очередь, через А.А. Лопухина В.К. Плеве познакомился с начальником Московского охранного отделения Сергеем Васильевичем Зубатовым, который сумел завоевать симпатии министра и получил назначение руководителем Особого отдела Департамента полиции. А.А. Лопухин и С.В. Зубатов исповедовали методы социальной профилактики выступлений в среде рабочих, противопоставляя их репрессивным мероприятиям²⁸. В контексте своей борьбы с С.Ю. Витте В.К. Плеве несомненно импонировала позиция С.В. Зубатова, который считал необходимым подчинение института фабричной инспекции МВД²⁹. С.В. Зубатов изложил В.К. Плеве свои взгляды на борьбу с революционным движением, переводя его в экономическую плоскость, лишив политического подтекста. Несомненно, приближение С.В. Зубатова отражало давнее стремление В.К. Плеве найти вариант разрешения рабочего вопроса, однако время заставило его разочароваться в этом шаге. По его собственному признанию, «преждевременно было вызывать такое движение среди русских рабочих»³⁰.

По мнению очевидцев, выдвигание А.А. Лопухина приносило В.К. Плеве немало хлопот: «влияние Лопухина не раз смягчало и вводило в законные

²⁵ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора... С. 133.

²⁶ Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции. Т. XV. Берлин, 1924. С. 156.

²⁷ Бельгард А.В. Воспоминания. С. 436—437.

²⁸ Зубатов С.В. Письмо в «Вестник Европы» // Вестник Европы. 1906. Т. II (март). С. 432—436; Бельгард А.В. Воспоминания. С. 436—437.

²⁹ Спиридович А.И. При царском режиме. С. 152.

³⁰ Погожев А.В. Из воспоминаний о В.К. фон Плеве // Вестник Европы. 1911. № 7. С. 268.

рамки железную волю и диктаторские замашки министра, который, считая директора департамента либералом, все же продолжал его уважать и нередко ему уступал»³¹. Известно, что А.А. Лопухин был причастен к провокационному инициированию обсуждения в 1903 г. в Государственном совете «революционной ситуации» в стране, заставив В.К. Плеве оправдываться перед членами законосовещательного органа³². Лопухин, обязанный министру своей полицейской карьерой, также вынужденно терпел его жесткость, дав волю критике в адрес Плеве после смерти последнего³³. В целом большинство современников единодушно: провальное руководство А.А. Лопухиным политическим сыском стоило В.К. Плеве, в конце концов, жизни³⁴.

Будучи министром внутренних дел, В.К. Плеве держал в своих руках и нити руководства губернаторскими кадрами, принимая участие, в том числе, и в обсуждении кандидатур на генерал-губернаторские должности³⁵. Кадровые решения по губернаторам принимались преимущественно по личным впечатлениям о деятельности того или иного кандидата. При этом он активно консультировался по этим вопросам с опытными администраторами (например, московским губернатором А.Г. Булыгиным)³⁶.

Буквально с первых дней руководства министерством кадровыми решениями В.К. Плеве старался влиять на ситуации в регионах. Не случайно поездка по местам крестьянских выступлений в Полтавской и Харьковской губерниях принесла ему первые после вступления на министерский пост впечатления о реальности. Пытаясь понять причины беспорядков, В.К. Плеве «еще более проникся убеждением в полной несостоятельности местного административного аппарата, требующего полной и коренной реорганизации»³⁷. По результатам поездки последовали и соответствующие кадровые решения. Харьковский губернатор И.М. Оболенский, которого В.К. Плеве отметил, как грамотного администратора во время крестьянских беспорядков 1902 г., получил перевод в центральный аппарат МВД, а потом назначен генерал-губернатором в Великое княжество Финляндское. И.М. Оболенский стал для В.К. Плеве одним из авторитетных руководителей на местах. Он постоянно привлекался к обсуждению законопроектов по местному управлению и был, по мнению современников, «послушным орудием в руках Плеве»³⁸.

Следует отметить, что В.К. Плеве отошел от традиционного порядка не значать губернаторами землевладельцев той же губернии. Данный принцип был нарушен в отношении П.А. Столыпина, который именно при В.К. Плеве сделал свою губернаторскую карьеру, выдвинувшую его на первые роли в пра-

³¹ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 405.

³² Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 123–124.

³³ [Крыжановский С.Е.] Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 56.

³⁴ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора... С. 125.

³⁵ Куропаткин А.Н. Дневник А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. Т. II. С. 32. Запись 17 февраля 1903 г.

³⁶ Урусов С.Д. Записки... С. 320.

³⁷ Бельгард А.В. Воспоминания. С. 436.

³⁸ Путилов А.С. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 135.

вительстве. В 1902 г. он был назначен Гродненским, а в 1903 г. Саратовским губернатором. В подобной ситуации в 1902 г. Тамбовским губернатором был назначен В.Ф. фон дер Лауниц.

Размышляя о кандидатуре губернатора Бессарабской губернии, В.К. Плеве в 1903 г. остановил свой выбор на С.Д. Урусове, который сможет нормализовать обстановку, учитывая остроту еврейского вопроса в данном регионе. Видимо, держа в уме перспективного администратора-дипломата, имеющего общественный авторитет, он позволил ему набраться профильного опыта, отправив С.Д. Урусова в 1902 г. на должность Тамбовского вице-губернатора. «Я вам не даю ни советов, ни указаний. Вы совершенно самостоятельны, но за то и ответственны... Поступайте, как знаете, лишь бы результаты получились хорошие. Одно скажу вам на прощание: пожалуйста, поменьше речей и поменьше сентиментального юдофильства», — напутствовал С.Д. Урусова В.К. Плеве перед его отъездом в Кишинев. Вспоминая впоследствии наставления министра, С.Д. Урусов поражался его пронизательности: «действительно... мне пришлось в Кишиневе говорить немало речей, и я уехал оттуда с прочной репутацией юдофила»³⁹.

Наряду с этим, В.К. Плеве был вынужден давать ход кадровым решениям, рожденным под влиянием чьей-либо протекции. Еще в свою бытность прокурором Петербургской судебной палаты, он активно посещал известный салон супругов Богданович, где познакомился с нравами столичной бюрократии⁴⁰. Важным местом генерирования закулисных решений был и кружок князя В.П. Мещерского, который на рубеже XIX—XX вв. стал одним из центров столичной общественной жизни. В.К. Плеве хорошо знал хозяина этого великосветского собрания и периодически бывал его гостем. В.К. Плеве прекрасно помнил, что В.П. Мещерский в свое время активно поддерживал его назначение главой МВД⁴¹. Последний, используя знакомство со столь влиятельными сановником, нередко ходатайствовал перед ним о содействии в карьере своих протеже. Например, в ответ на просьбу В.П. Мещерского получил свои назначения Д.И. Засядко — вначале место управляющего казенной палатой Радомской губернии, а затем должность председателя Тверской губернской земской управы⁴². Подобным образом получали должности некоторые «духовные сыновья» князя, например, Н.Ф. Бурдуков. Он стал членом Тарифного комитета Министерства финансов от МВД⁴³.

В.К. Плеве, будучи самостоятельной фигурой, поддерживал с В.П. Мещерским дружеские отношения скорее демонстративно. В.П. Мещерский явно раздражал В.К. Плеве своим вмешательством во внутреннюю (особенно кадровую) политику. Думается, что реальное отношение к Мещерскому

³⁹ Урусов С.Д. Записки... С. 349; см. также: Заварзин П.П. Работа тайной полиции // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 441.

⁴⁰ Симонова М.С. Плеве. С. 295.

⁴¹ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981. С. 60; см. также: Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1: Рассказы в стенографической записи, кн. 1. СПб., 2003. С. 269.

⁴² Леонов М.М. Салон В.П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX—XX вв. Самара, 2009. С. 148.

⁴³ Витте С.Ю. Из архива С.Ю. Витте... С. 269—270.

В.К. Плеве красноречиво выразил в разговоре с В.Г. Глазовым, занявшим при поддержке Плеве пост министра народного просвещения: «Мещерский, как человек, собственно говоря, дрянь... но к его голосу, как выразителю известной партии общества необходимо прислушиваться»⁴⁴. В дальнейшем В.П. Мещерский активно поддерживал С.Ю. Витте в его борьбе с В.К. Плеве, что привело к окончательному разрыву между ними⁴⁵. Впрочем, союз бывших заговорщиков оказался недолговечным. С потерей С.Ю. Витте политического веса, В.П. Мещерский отвернулся и от него, обернув разрыв в публицистические декорации на страницах своего «Гражданина»⁴⁶.

При назначении губернаторов В.К. Плеве приходилось считаться и с мнением великого князя Сергея Александровича⁴⁷, с подачи которого в 1902 г. были назначены близкие ему Н.Н. Гордеев — Курским губернатором, а К.А. Балясный — Орловским.

Недолгое нахождение В.К. Плеве у руля крупнейшего из ведомств империи определило судьбу многих лиц его ближайшего окружения. Множество администраторов, выдвинувшихся при В.К. Плеве, сумели стать заметными фигурами в высших бюрократических кругах. Неудивительно, что после скоропостижной кончины своего патрона большинство из них не только не потерялись в извилистых коридорах власти, но и были востребованы другим руководством. Например, Б.В. Штюрмер дошел до самых высот государственного олимпа — министерских постов внутренних и иностранных дел и председателя Совета министров. П.Н. Дурново в 1905—1906 гг. занимал пост министра внутренних дел. А.В. Кривошеин продолжил возглавлять Переселенческое управление, заняв в 1908 г. пост главноуправляющего землеустройством и земледелием. В.И. Гурко как один из ведущих специалистов по крестьянскому вопросу служил товарищем у министров внутренних дел П.Н. Дурново и П.А. Столыпина. Д.Н. Любимов продолжил возглавлять канцелярию министра внутренних дел при преемниках В.К. Плеве вплоть до П.А. Столыпина, потом был назначен Виленским губернатором, а далее сенатором. А.С. Стишинский после смерти В.К. Плеве вошел в состав Государственного совета. Назначенный В.К. Плеве Эстляндским губернатором А.В. Бельгард в 1905 г. стал начальником Главного управления по делам печати и др.

Наконец, именно В.К. Плеве сумел оценить управленческие способности П.А. Столыпина, доверив ему ответственные губернаторские посты, на которых проявился его характер крупного государственного деятеля. Благодаря В.К. Плеве, П.А. Столыпин получил великолепный опыт знакомства с разными управленческими ситуациями в регионах, расширил и укрепил связи в столичных кругах и, наконец, стал знаком императору. Все это определило начало его последующей блестящей карьеры, повлиявшей на судьбу страны.

Несмотря на большую ответственность, соразмерную высоте министерского поста, В.К. Плеве смотрел на запас штатов для замещения вакансий в цент-

⁴⁴ Два разговора (из дневников В.Г. Глазова) // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 216.

⁴⁵ *Леонов М.М.* Салон В.П. Мещерского... С. 204—205.

⁴⁶ Там же. С. 207—208.

⁴⁷ *Муратов Н.П.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 26. Л. 248.

ральном аппарате МВД и губернаторском корпусе чрезвычайно широко. Он не боялся экспериментировать с кандидатурами и допускал риск импровизации как в отношении ретроградов, так и откровенных либералов. В целом можно выделить несколько групп кандидатур, которые виделась В.К. Плеве кадровым резервом для высших постов МВД. Прежде всего, это были лично преданные и проверенные чиновники, профессиональные и личные качества которых он знал. Как правило, в их числе были бывшие сослуживцы В.К. Плеве по Государственному совету и МВД, например, А.С. Стишинский или Д.Н. Любимов. К другой группе принадлежали специалисты-профессионалы, необходимые для решения конкретных управленческих задач, а также организационной или аналитической работы. К ним принадлежали В.И. Гурко и С.Е. Крыжановский. В отдельную группу стоит выделить чиновников либеральных взглядов, например, А.А. Лопухина или С.Д. Урусова, приглашение которых было определенным риском во имя решения серьезных административных проблем. Наконец, как опытный столичный бюрократ, В.К. Плеве был вынужден учитывать мнения влиятельных ходатаев о кандидатах на различные должности. Дипломатично стремясь к сохранению хороших отношений, он не спешил раздаривать ответственные посты, а старался пристраивать их на маловлиятельные, но формально «значимые» места. К таковым, например, относились должности членов Совета министра внутренних дел или чиновников особых поручений⁴⁸.

Летом 1903 г., находясь в зените власти, В.К. Плеве признавался генералу-публицисту А.А. Кирееву: «Всякое правительство, а тем более отдельные лица, в состав его входящие, нуждаются для успеха их дела в общественном ободрении и содействии, но то и другое не приходят по простому призыву, на широко вещательной программе основанному. Общество пойдет только за авторитетом, покоящимся на силе, знании и труде. Искусство управления состоит в умении приобрести этот авторитет»⁴⁹. По всей видимости, В.К. Плеве, подбирая свою управленческую команду, готовился к длительной реформаторской работе. Его планы должны были реализовываться как убежденные защитники государственных устоев, так и кадры, знакомые с интересами общественности. При этом, формируя состав своего ведомства, он руководствовался не только соображениями государственной целесообразности, но и личными качествами кандидатов, невзирая на их политические симпатии.

Анализ кадровой политики В.К. Плеве на посту министра подчеркивает масштаб и глубину взглядов этого выдающегося государственного деятеля. Он вошел в историю как один из приверженцев кадровой дипломатии, которая столь часто связывается с работой правительства в годы Первой русской и Февральской революций, но на самом деле была в арсенале самодержавия гораздо раньше. Ее потенциал открывал варианты поступательного развития России по пути реформ и модернизации политической и социально-экономической жизни и долгожданные надежды на подлинный диалог власти и общества.

---

⁴⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 134.

⁴⁹ Письмо В.К. Плеве к А.А. Кирееву, [31 августа 1903 г.] / [сообщил Е.В. Тарле] // Красный архив. 1926. № 5 (18). С. 203. (Из записной книжки архивиста).

Этнические элиты о формах федеративного устройства России (1917–1929 гг.)

Представления о государственном устройстве евразийского геополитического пространства — бывшей Российской империи складывались по мере развития политической ситуации и под ее воздействием. Они, конечно, многократно обсуждались участниками политического процесса. Федеративное устройство среди прочих форм, несмотря на то, что являлось сложным, многогранным и подвижным, оказалось активно обсуждаемым.

Мало кто обращает внимание на то, что большой толчок к осмыслению этой проблемы дало земское движение, в котором этнические элиты принимали участие. Ряд видных государственных деятелей видели «единственный путь к прогрессу, к обеспечению благоустройства и порядка, к достижению политической и гражданской законности» в децентрализации и самоопределении общин, городов, профессий, в расширении полномочий и демократизации земств, в распространении самоуправления на всю Россию. Между тем, бывший московский голова князь В.М. Голицын считал, что правительство «боится общества и потому держит его в дремоте», и даже многим общественным деятелям еще чужд «принцип самоопределения общественных единиц». По мнению одного из министров народного просвещения либерала И.И. Толстого, в области государственного устройства реализация этого принципа, включая автономию Польши, будет граничить с федеративным строем¹.

Действительно, программы общероссийских политических партий скупой раскрывали свое видение будущих форм федеративного устройства. Большинство из них скороговоркой констатировали чаще позитивное, чем негативное отношение к федерации как таковой, не вдаваясь в важные детали относительно того, а как собственно она будет выглядеть? При позитивном отношении не уточнялось, какие части бывшей империи вступят в договорные отношения? Всегда ли центральная власть будет (и должна ли) договаривающимся субъектом, если да, то с кем и о чем? Более или менее внятно высказался летом 1917 г. III съезд ПСР, назвав «*пределы этнографического расселения народностей*» «**формами** федеративной демократической республики».

Федералистские взгляды отдельных политиков (М. Грушевского, А.-З. Валидова, А. Букейханова и др.), конечно, анализировались². Сами политики были основными акторами процесса. Но никогда не анализировалась *сово-*

¹ Подробнее см. статью И.С. Розенталя в настоящем сборнике.

² *Королев Г.* Идея черноморской федерации Михаила Грушевского (1918 г.). URL: <http://belhist.ru/2012/11/gennadij-korolev-ideja-chernomorskoj-federacii/>; *Гильманова В.Н.* История национально-государственного строительства в Башкортостане сквозь призму воспоминаний А.-З. Валиди // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6 (297). История. Вып. 54. С. 49—52; *Аманжолова Д.А.* Казахское общество в 1-й четверти XX века: проблемы этноидентификации. URL: <http://www.kyrgyz.ru/?page=300>

купность государственно-правовых воззрений представителей этнических элит на федерализм. Попытаемся выявить мотивы, этапы развития воззрений, а также какие этнические территории, в представлениях элит, могли бы и хотели (!) организовать в желаемый субъект федерации и с кем? Мы вряд ли сможем освободиться от груза первичной эмпиричности, в которой несть числа любопытным деталям, не приближающим к пониманию целого. Но интересное заключается в осмыслении того, каким образом в стране соотносились и соотносятся между собой этнос и модернизируемое пространство былого имперского общежития.

Рассмотрим вначале мотивы, побуждающие этнические элиты к выбору федеративной формы устройства государства. Сам по себе такой идейно-политический выбор — сложная иллюстрация тенденций исторического развития общества XIX — начала XX в. Например, башкирский лидер А.-З. Валидов федерализм воспринимал, во-первых, как идеал государственного устройства России, во-вторых, как протест против национальной и социальной несправедливости. **Социалистические идеи разделяли многие федералисты: белорусская партия социалистов-федералистов** (входили И.Я. Варонко, А.И. Цвикиевич и др.), *грузинские социалисты-федералисты* (А. Джорджадзе, Г. Ласхишвили, Г. Деканозишвили), *украинская партия социалистов-федералистов (есефы)*, оформившаяся в июне 1917 г., *якутский трудовой союз федералистов* и др. *Эстонские* и литовские федералисты, опираясь на синтез идей социализма и национализма, подчеркивали необходимость придерживаться сочетания принципов автономизма и федерализма в преобразовании государственного устройства.

В начале 1919 г. в статье «Годовщина украинской независимости» М. Грушевский писал: «провозглашение самостоятельности хотя отрезает всякие претензии к Украине представителями старой и новой России, тем более не побрезгует идеей федерации Украинской Республики с другими республиками, с которыми ей будет по дороге»³. Бывшему главе Украинской Центральной Рады М. Грушевскому федерализм, как и борьба за образование *социалистической федерации*, казался способом возвращения к политической жизни. В 1919 г. **Белорусская партия социалистов-федералистов, напротив**, не признала создание БССР и *Литовско-Белорусской ССР*. Выступила и против превращения белорусских земель в территорию части польского государства.

Касаясь перспектив *социалистических* идей, Валидов выделил три магистральных пути их эволюции в будущем: национал-социализм, большевизм и христианско-социалистическое движение. Первые два он характеризовал как «ложные направления». Валидов считал: практическую значимость для тюркских народов социалистические идеи приобретут тогда, когда взяв «за основу демократию и эволюционное развитие, сумеют соединиться с национальной идеей и исламскими ценностями»⁴. Попытку большевиков радикальными методами «внедрить» социализм в России Валидов считал глубоко ошибочной: многие положения марксистской теории не соответствуют реа-

³ ЦДГАК. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 185. Л. 8 об.; Королев Г. Идея черноморской федерации...

⁴ Тоган З.В. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных тюрков за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 181.

лиям жизни нерусских народов России. Затрагивая взаимосвязь принципов социализма и федерализма, Валидов в «Воспоминаниях» отмечал, что социализм — это «демократическая федерация, объединяющая в масштабе всей России национально-государственные образования, возникающие на основе учета своеобразия каждой нации».

В трактовке типологии государства многие федералисты, как и Валидов, — сторонники цивилизационного подхода. Основными критериями разделения государств на типы считались духовные, исторические, культурные признаки (наука, нравственность, право, религия). В федеративной форме государственного устройства он видел обеспечение социальной и политической лояльности новых поколений, разрешение кризисных аспектов политического управления.

Модель государства предусматривала создание в России *многонационального федеративного светского государства, построенного на широкой демократической основе*. Залог устойчивого политического и социального развития Валидов, например, видел в реализации блока «мусульманских наций», которым свойственно чувство коллективной ответственности. Оно зависит от культурного уровня народа, традиций, обычаев, менталитета, от взаимодействия с разными языками, каналами, дискурсами и контекстами.

Общий исторический процесс борьбы за свою независимость на западе — поляков, украинцев, белорусов, литовцев, на востоке — тюркских народов, их общая история определялись отсутствием серьезных конфликтов; языковой, часто и религиозной близостью. При этом каждый из народов жил на своей этнической территории; национальные кордоны были незначительными.

На выбор федералистских конструкций влияли интернациональные тенденции, воплотившиеся в реакции на динамическую смену политической карты не только Восточной Европы, но и Османской империи. Особенно плодотворной для усвоения идей федерализма оказалась практика обучения студентов из России в зарубежных университетах (европейских и восточных), знакомство с современными теориями государства и права.

Не стоит умалять роль личностного фактора, эмоциональности, амбиций политиков, карьерных соображений для понимания причин внимания к федералистской идее, даже негативных личных жизненных обстоятельств. Причиной изменения российской ориентации М. Грушевского на восточно-европейскую или черноморскую называют разрушение красными войсками его дома в Киеве в январе 1918 г. Это отражено Грушевским в названии статьи «Конец московской ориентации». Он писал: «25 января, во время бомбардировки Киева, большевики подпальными снарядами расстреляли дом, где я жил, — наш семейный дом, построенный десять лет назад за деньги, оставленные отцом»⁵. Утрата доверия башкирским лидером Валидовым к сохранению данных ему гарантий прав автономной республики послужило основой

⁵ *Грушевський М.* Хто такі українці і чого вони хочуть. Київ: Знання України, 1991. С. 135; Цит. по: *Королев Г.* Идея черноморской федерации...; См. также: *Миллер А.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html>

не только для разрыва с большевиками, но изменения своего представления о федерации: «Кто же Вам будет верить после того, как Соглашение, подписанное 20 марта 1919 г.⁶ Вами, Сталиным, мною и моими товарищами... перечеркнуто... Вами и Сталиным?.. Я, встретив Вас, выразил свой протест. Вы же тогда Соглашение... соизволили назвать “клочком бумаги”... Разница между Вашими словами... и проводимой Вами сейчас политикой настолько велика, что это удивляет», — возмущался Валидов, адресуясь к Ленину⁷. Эмигрировав, он продвигал создание «Федерации национально-демократических объединений мусульман Средней Азии» («Джами'ат»).

В эволюции государственно-правовых воззрений лидеров этнических элит на федерализм можно выделить *три основных этапа*.

На первом этапе (со второй половины — конца XIX в. вплоть до октября 1917 г.) многие представители этнических элит имели преимущественно книжное представление о федеративной форме устройства государства. Кое-какие подходы к осмыслению «абриса» проблемы, конечно, имелись. Но стройных, теоретически разработанных федералистских программ у лидеров движений не было. В большинстве своем это были *реактивные импровизации в сложной, постоянно меняющейся ситуации, в стихийно складывающемся российском федерализме* преобладала *демократия как одна из форм борьбы элит*. Но лидерские позиции занимали те, кто начинал активно выдвигать практические проекты взаимодействия с центром, претендуя на *своеобразное политическое панибратство*. В отличие от дискуссий на зарубежных форумах, носивших радикальный характер, внутрироссийский процесс изначально не имел характера отторжения инокультурных территорий. В фокусе его — поиск форм управления ими, установления границ расселения того или иного этноса для инициации созревших в какой-то мере в качестве в лучшем случае автономного образования. Процесс совмещался с поиском консенсуса в отношении будущего направления развития, идентичности страны либо в качестве демократического национального государства, либо в качестве неоимперского образования.

Политико-идеологический проект будущей федеративной России Н. Костомарова в Киеве послужил основой для работ блестящей плеяды исследователей историко-культурного наследия Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. В Киевском университете работал основатель федералистской теории развития восточнославянских народов М. Драгоманов⁸. В 1905 г. М. Ковалевский в брошюре «Национальный вопрос и равенство подданных перед законом»⁹ требовал, чтобы национальные культуры народов России развивались по желанию этих наций. Он повторял слова Блаженного Августина: «Несправедливая власть есть не что иное, как большой разбой на дороге». Оказали влияние и труды первого русского марксиста Г.В. Плеханова, известного ис-

⁶ Имеется в виду «Соглашение центральной Советской власти с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии» от 20 марта 1919 г.

⁷ А. Валидов — организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917—1920): Документы и материалы. Т. 1. Уфа, 2005. С. 392.

⁸ Драгоманов М. Чудацькі думки про українську національну справу. Київ, 1892.

⁹ Ковалевский М.М. Национальный вопрос и равенство подданных перед законом. Варшава, 1906.

следователя Сибири, археолога, этнографа Н.М. Ядринцева, выступавших за право народов на автономию, Г.Н. Потанина, посвященные идее создания автономии Сибири. Реальные черты идеи приобрели после Февральской (1917 г.) революции, когда общественные деятели и лидеры национальных движений стали требовать коренного преобразования централизованной самодержавной монархии в федеративную демократическую республику. Съезд белорусских национальных организаций в Минске (25—27 марта 1917 г.) избрал этнографическую комиссию в составе известных ученых, она же определила состав губерний будущей Беларуси¹⁰. 14 апреля 1917 г. в докладной записке Временному правительству председатель съезда Р.А. Скирмунт так формулировал принятые в Минске решения: «Признавая, что основные взаимоотношения между Белоруссией и Российской державой должны быть определены всероссийским Учредительным собранием, съезд белорусских общественных деятелей считает, что единственной возможной формой государственного устройства Российской державы является федеративная республика»¹¹.

Мусульманские элиты представляли немалую часть населения Российской империи и в количественном, и в территориальном отношении. Их идеалы и убеждения относительно дальнейшей формы государственного устройства представляли существенный интерес. Либерал Ю. Акчура статьей «Три вида политики» (1905 г.) сыграл особую роль в привлечении внимания тюркской элиты к перспективам развития федерализма. Он изложил возможные модели трансформации Османской империи. Первая модель — ассимилируя и объединяя нации, возможность создать единую османскую нацию; вторая — объединить мусульман под идеей исламизма, поскольку османские правители обладают легитимной властью для всех мусульман; третья модель — формирование политической тюркской нации, опирающейся на этнический фактор¹².

На формировании взглядов Валидова отразилась исламская традиция равенства всех мусульман без социальных и национальных различий, а также его деятельность в качестве помощника депутатов мусульманской фракции Государственной думы. Депутаты Государственной думы Г. Сыртланов и С.-Г. Джантюрин в годы первой русской революции выдвинули положение о территориальной автономии восточных тюркских народов. Валидов интерпретировал идеи либеральных мыслителей о федерализме. Развивая мысль Потанина, Валидов высказывался о присоединении башкир к предполагаемой автономной Сибири и Башкортостана.

В апреле в Баку на I Общекавказском мусульманском съезде чеченский адвокат А.М. Мутушев выступил с предложением *создать два центральных комитета кавказских народов: для Северного Кавказа и Дагестана и для Закавказья*. Большое внимание федеративной форме устройства России уделил I Всероссийский мусульманский съезд 1—11 мая 1917 г. Выступая на нем, Валидов выделил четыре района, где возможно создание автономий будущей федера-

¹⁰ Государственные границы Беларуси: Сб. документов и материалов: В 2 т. Т. 1: (март 1917 — ноябрь 1926). Минск, 2012. С. 7.

¹¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 746—747; Государственные границы Беларуси. С. 20.

¹² Акчура Ю. Три вида политики // Татарстан. 1994. № 9/10.

ции: 1) Туркестан; 2) Бакинская и Елисаветпольская губернии; 3) Казахстан; 4) Урянхай-восточные тюрки. Валидов позднее уточнял, что на этом съезде он «высказал мысль только об автономии Туркестана, говорил, что может встать вопрос о культурной автономии на туркестанских и казахских землях, можно подключить Восточную Башкирию, где тюрки составляют большинство»¹³.

Казахские лидеры А. Букейханов и М. Чокаев, одобряя федерализм вообще, в начале 1917 г. не верили в его осуществимость в России, считали идею авантюрной для отсталого тюркского Востока. Казахскую государственность Букейханов видел как национальную территориальную автономию Степного края. Переселенцев, проживавших в нем, Букейханов считал равноправными гражданами этой автономии. Делить *автономию по национальному признаку он считал невозможным* и полагал, что казахам, живущим за Уралом и в Поволжье, выгодней объединяться с российскими губерниями, в рамках которых они исторически проживают. С сибирскими областями легче налаживать жизнь, получать средства от федеральных властей. Объединяясь с Сибирью в единую автономию, Казахстан только выиграет и наберется опыта для организации собственной автономной национальной государственности. Объединяться с Туркестаном в единую государственность он считал излишним: у Казахстана мало опыта и кадров для организации собственной автономии, у Туркестана их еще меньше. Как видим, он понимал важность языкового и религиозного родства и близости, важных факторов для федерализма, но преобладали мотивы прагматические¹⁴.

М. Чокаев Туркестанскую автономию видел в составе федеративного российского государства. В отличие от казахской «Алаш-Орды», под государственно-образующим этносом Туркестанской автономии он понимал весь тюркский народ, проживающий на территории этого края. Туркестанская автономия должна стать государственностью *семьи тюркских народов*. Она провозглашалась для всех граждан, населявших территорию и вместе с ними желающих строить свое будущее. Взгляды основателей будущих автономий показали два тренда в общественно-политической мысли «восточных» федералистов того периода: «западный» — с ориентацией на демократические либеральные ценности Запада (партия «Алаш») и «восточный» (тюркистский), базирующийся на ценностях культурно-религиозного единства тюркских народов Туркестана, носителем и пламенным пропагандистом которого стал Мустафа Чокай.

А.-З. Валидов отвечал: «Пока освобождение не наберет силу в Туркестане, оно не развернется ни в Казахстане, ни в Башкортостане»¹⁵. Азербайджанский федералист М.А. Расул-заде рассуждал о «великом тюркском доме», о том, что в нем «надо дать возможность иметь свои комнаты», тем не менее, отстаивал на-

¹³ *Тоган З.В.* Воспоминания... С. 482.

¹⁴ *Букейханов А.* Шығармалар. Алматы, 1994. С. 265—266. Сибирский съезд летом 1917 г. принял предложение Букейханова о вхождении Казахстана в Сибирскую автономию. В этих целях был избран комитет из числа депутатов, который должен был разработать законодательную базу для формирования автономии. Председателем комитета избрали А. Збаровского. Также был избран Совет депутатов Сибири, куда в числе других казахских представителей вошли А. Букейханов и М. Тынышбаев. Центром автономии предполагался Томск.

¹⁵ *Тоган З.В.* Воспоминания... С. 179.

хождение этого «тюркского дома» в составе демократической республики Россия, организованной на *национально-территориально-федеративных* началах¹⁶.

Всероссийский съезд мусульман состоялся в Москве 1—11 мая 1917 г. В его работе приняли участие около 800 делегатов. Наиболее актуальным для тюркских народов России был вопрос их политической перспективы. В том числе и их отношение к федерализму. По этому вопросу и проявились наиболее глубокие разногласия среди делегатов: одна часть их поддерживала идею федерализма, которая предусматривала устройство России как федерации разных территорий; а другая, учитывая дисперсность расселения тюркских народов, выступала за реализацию проекта культурно-национальной автономии. Решение, которое устроило бы всех, на съезде принято не было, что и вызвало разочарование многих людей на местах. Какой-то общей идеологической платформы делегатами съезда так и не было выработано. В 1917 г. помимо общемусульманских съездов проходили и съезды отдельных мусульманских народов. Осуществление прав национальностей виделось их участниками возможным только в демократической федеративной республике. Второй горский съезд одобрил идею такой формы: *автономия федеративной единицы Кавказских гор в составе русских соединенных штатов*, сославшись на заявление представителя Временного правительства М.А. Славинского¹⁷, утверждавшего, что подобное право создания не только автономии, но и федерации нисколько не препятствует работе на местах. На том же съезде принята Конституция союза горцев, закрепившая создание органов власти союза и возложившая на них, в числе прочих, обязанность обеспечения федеративного строя, а также охраны и укрепления права союзных народов на самоопределение. Для Крыма предполагалось введение территориальной федерации. Крымско-татарский съезд в Симферополе 1 октября 1917 г. принял решения о том, что делегаты крымских татар в Учредительном собрании должны стать «самыми горячими сторонниками федерализма», избирать в Учредительное собрание и другие властные органы следует только убежденных федералистов. За государственное переустройство России на федеративных началах высказался общекавказский мусульманский съезд, съезд туркестанских мусульман, общеказахский съезд, краевой туркестанский съезд.

Валидов признавал: «У федералистов нет единственного рецепта». Однако «цель федерализма — дать народам и обществам возможность жить в формах, соответствующих их собственным потребностям и воле»¹⁸.

На этом этапе практически все этнические элиты не ставили вопрос о переводе федеративной формы национальной государственности в практическую плоскость, не инициировали и сепаратистские действия. Но стали популярными идеи вхождения национальных частей в состав будущей Российской феде-

¹⁶ Цит. по: Гильманова В.Н. История национально-государственного строительства... С. 49—52.

¹⁷ Хованских А.Ю. Принцип федерализма в российском праве: историко- и теоретико-правовой аспект (1917—1991 гг.). Новгород, 2006; Хованских А.Ю. Закрепление принципа федерализма в период Временного правительства, март—октябрь 1917 года. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:HBE5Pnxrs-0J:superinf.ru/view_helpstud.php%3Fid%3D3192+%&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru

¹⁸ Тоган З.В. Воспоминания. С. 180.

рации на основе равноправия субъектов, права на самоопределение. Признавалось необходимым разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и субъектами. Временное правительство пыталось сохранить единство и целостность российского государства до созыва Учредительного собрания, не пойдя на самостоятельную реорганизацию государственного организма. Соответственно, им не принималась и в то же время не отвергалась возможность будущего построения России на принципах федерализма, которые становились все более актуальными в различных частях империи.

В этот период наметились весомые предпосылки для последующего правового закрепления принципа федерализма как основы взаимоотношений центра и субъектов федерации¹⁹. А. Цаликов в речи на заседании II Всероссийского мусульманского съезда в Казани летом 1917 г. говорил: «На первом Всероссийском съезде мусульман в Москве наметилось два течения в области политического строительства России: национальные федералисты, оказавшиеся в большинстве, и сторонники демократической республики с автономией окраин. Я, как может быть известно присутствующим, выступал против федерализма»²⁰. После проведения по инициативе Грушевского в Киеве съезда народов России (21—28 сентября 1917 г.) политик считал свершившимся фактом превращение Центральной Рады в орган борьбы за создание федеративной Российской республики. До января 1918 г. федерализм М. Грушевского связан с российским фактором — Российской республикой с федеративным устройством, в состав которой на правах национально-территориальной автономии вошла бы Украина.

Февраль усилил формирование диалоговой позиции о предпочтении федеративной формы как основы будущего государственного устройства. Диалог развивался **не по вертикали** имевшихся властных или общественных (партийных) институтов, **а по линии горизонтальных связей** национальных структур, возникших в большом количестве на этнических территориях. Эти горизонтальные связи и послужили основой для выяснения этнических территорий и их границ, для практической конкретизации форм федерации.

После октября 1917 г. в будущую форму российской государственности закладывается идея практической реализации федеративных отношений на этническом основании.

Второй период — время революционных событий и гражданской войны 1917—1922 г. стало собенно плодотворным на уточнение форм федеративного устройства России. Этнические элиты приняли участие в разработке правовых актов и идеологии национального движения в борьбе за образование разных автономий как в советских структурах власти, так и в антисоветских. В этом контексте следует рассматривать и эмигрантский вклад в развитие федералистских государственно-правовых воззрений.

Первые советские союзные республики и национальные автономии внутри них создавались во многом для удержания территорий и с целью реализовать в них классово-интернационалистскую доктрину. Государственно-правовые взаимоотношения имели авторитарную природу. Немало коллизий во взаимоотно-

¹⁹ Хованских А.Ю. Принцип федерализма в российском праве...

²⁰ Мусульманская фракция в Учредительном собрании. Речь Ахмеда Цаликова. Казань, 1917.

шениях советского центра и республик вызывалось организационной пестротой, неясностью принципов соподчинения, многочисленностью рождавшихся по инициативе как сверху, так и снизу органов, участвовавших в решении национальных проблем. Тем не менее, перешедшие на службу советской власти представители этнических элит формировали властные автономные структуры преимущественно для «своего» этноса. Исключения были незначительные (автономии на Северном Кавказе). Окончательные решения декретировались сверху.

В стане противников также появилось множество проектов, которые возникали и как наспех обоснованные и служащие предлогом для разрешения ряда политических проблем (отделение Польши, прибалтийских этнических регионов и пр.), так и для развития «неисторических» наций в пространстве России. Важной особенностью представителей тех элит, кто не признал советскую власть, становится стремление объединить силы родственных в культурно-историческом плане этносов.

Хотя IV универсал Украинской Центральной радой 22 января 1918 г. провозгласил независимость УНР, Грушевский не отказался от идеи федерализма. Но произошло переосмысление ученым ее сути в геополитическом и цивилизационном контексте. Наступление большевиков и их репрессии в отношении лидеров украинского движения стали определяющей причиной кардинальной трансформации взглядов Грушевского от российских федералистских позиций до жестких антироссийских заявлений. Из-под его пера вышел ряд работ, сведенных в трактат «На пороге новой Украины»²¹.

Федеративная идея Грушевского теперь ориентировалась на развитие государственности Украины в рамках Восточной Европы. Его концепция черноморской ориентации Украины предусматривала создание федерации как «кооперации народов Черного моря» в этом мегарегионе. Статья «Ориентация Черноморская» об исторических основах Черноморской федерации была логическим продолжением предыдущей статьи «Наша западная ориентация»²². Общий идеологический знаменатель основывался на том, что «исторические условия жизни ориентировали Украину на Запад»²³, однако географические ориентировали и ориентируют на юг, на Черное море²⁴. Интеллектуальные констатации Грушевского обосновывали геополитическую органичность Украины на карте Восточной Европы. Работу «На пороге новой Украины»²⁵ он перенасытил федералистскими конструкциями вне российского контекста.

Относя украинский народ к «немецкому миру», историк пишет: «Отчуждены от этой культуры, от западного мира вообще искусственными, насильственными мероприятиями московскими. Украина сможет теперь вернуться с новой, даже — по реакции — в чем-то умноженной силой в этот близкий ей

²¹ Грушевский М. На пороге Новой Украины. Киев, 1918; Цит. по: Королев Г. Идея черноморской федерации...

²² Цит. по: Там же.

²³ Грушевський М. Ориєнтація чорноморська // Грушевський М. Хто такі українці... С. 144—146. Цит. по: Королев Г. Идея черноморской федерации...

²⁴ Потульніцький В.А. Історія української політології (Концепції державності в українській зарубіжній історично-політичній науці). Київ, 1992. С. 84.

²⁵ Грушевський М. На пороге Новой Украины.

духом и нравом мир. В первую очередь — в мир германский, немецкий, с которым и в прошлом у нее было больше всего связей»²⁶. В трансформации федеративной концепции Грушевского лежит понимание «новой Украины». Она должна отойти от веры в будущего общего с Россией государственного организма. Грушевский не исключал использования черноморской ориентации для противостояния идее «славянского единства», рассматривая для Украины собственный ее вариант, который бы предусматривал создание федерации украинского, белорусского и литовского народов на балто-черноморских пространствах. В эмиграции (1919—1924) в одной из статей он отметил, что в 1917—1918 г. в среде украинских политиков обдумывались реальные планы «создания федерации... например, славянской, в которую вошли бы западнославянские и балканские земли»²⁷.

В утвержденной в августе 1918 г. «политической платформе» Центральный комитет БПС-Ф выступил в поддержку провозглашенной 25 марта 1918 г. независимости Белорусской Народной Республики.

8 октября 1918 г. в специальном «Мемориале о территории польского государства» Р. Дмовский представил Президенту США В. Вильсону план. В нем Виленщина, Ковенщина, Гродненщина, Минщина, Витебщина, Могилевщина названы «давними территориями польского государства». Утверждалось, что на этих землях поляки — единственная интеллектуальная и экономическая сила. «Русское (украинское), белорусское, литовское большинство», по словам Дмовского, состоит «почти исключительно из мелких крестьян и духовенства», а «белорусы представляют элемент расово абсолютно инертный». Правда, на этих землях есть евреи, которые «добились значительного прогресса в экономической и умственной жизни края и, как сила, стоят на втором месте после поляков». Но их немного, более того, они «частично приняли русский язык и культуру» и настроены «скорее враждебно по отношению к полякам». Дмовский сожалел, что на Киевщине «элемент польский» хотя и является довольно значительным, «но не настолько сильным, чтобы эффективно руководить тем краем», потому придется от него отказаться.

Ю. Пилсудский придерживался федералистской позиции, т.е. создания «самостоятельных государств» под главенством Польши. В августе 1919 г. на переговорах в Варшаве с председателем «правительства» БНР А. Луцкевичем (тот добивался включения «белорусского вопроса» на обсуждение на Парижской мирной конференции) Пилсудский убеждал его, как позже писал Луцкевич, что Польша стремится освободить Белоруссию из-под власти России. Но в связи с тем, что Антанта не признает государственности Белоруссии, он видит выход из сложившегося положения: возродить Польшу в границах 1772 г., включив белорусские земли в ее состав²⁸.

В Раде БНР после занятия Минска польскими войсками произошел раскол. Меньшая ее часть во главе с И. Луцкевичем выступила за федерацию с

²⁶ Грушевський М. Нови перспективи // Грушевський М. Хто такі українці... С. 148.

²⁷ Грушевський М. В першій делегації Української партії соц-революціонерів (квітень 1919 р. — лютий 1920 р.) // Боритесь — поборете! Відень, 1920. № 3. С. 51.

²⁸ Алексійчик Я. Варшава и белорусский вопрос — век XX // Наш современник. 2013. № 7.

Польшей, а большая во главе с И. Ластовским продолжала протестовать против польской оккупации. На совместной конференции представителей БНР и польского правительства в Минске 20—24 марта 1920 г. польская сторона отклонила необходимость принятия Декларации о защите целостности Белоруссии и обязательство решить судьбу белорусских земель согласно воле народа, обеспечить равноправие белорусского языка с польским, автономию белорусской школы. Отклонялось создание польско-белорусской следственной комиссии, связанной с ликвидацией последствий большевизма, создание генерального комиссариата по белорусским делам, о создании в Вильно литовско-белорусского правительства и др. Отклонялась и посылка делегации Белоруссии на Парижскую мирную конференцию²⁹.

В Эстонии февраль 1917 г. уменьшил доверие к российским властям не только со стороны эстонцев, но и остзейцев. Слабость Временного правительства и неспособность защитить помещиков от народного гнева заставили представителей балтийской знати искать поддержку в Берлине и зондировать почву для возможного присоединения Прибалтики к Германии. Среди эстонских политиков стала распространяться идея добиваться для Эстонии таких же прав в составе федеративного Российского государства, какими обладали штаты в составе США. На территории Эстонии и Латвии пытались создать Балтийское герцогство³⁰ в союзе с Германией, где руководящая роль принадлежала бы местным балтийским немцам. С поражением Центральных держав в Первой мировой войне к ноябрю 1918 г. план провалился. 8 декабря 1918 г. «Обращение Совета Эстляндской Трудовой Коммуны к рабочим и солдатам всего мира о поддержке Советской Эстляндии», подписанном Я. Анвельтом, заключал призыв: «Да здравствует федеративная советская республика всего мира!»³¹

Литовская с.-д. партия хотела федеративного союза Литвы, Польши и России. В августе 1919 г. на конференции под Ригой появилась идея Балто-Черноморского союза. Программу союза разработал глава МИД Латвии Зигфрид Мейеровиц. Она содержала планы оборонного союза, интеграции экономических систем, общую денежную политику, политическую конвенцию о взаимной поддержке и общую внешнюю политику, обеспечение свободного пути от Балтийского до Черного моря. Ее поддержали делегации Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии, польские и украинские представители. Но польские национал-демократы отвергли идею конфедеративной связи Польши с Белоруссией, Литвой и Украиной.

На Государственном совещании в Уфе в сентябре 1918 г. представители антибольшевистских правительств, в том числе члены Алаш-Орды (лидер А. Бу-

²⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II: Ноябрь 1918 г. — апрель 1920 г. М., 1964; *Алексейчик Я.* Варшава и белорусский вопрос...

³⁰ 22 сентября кайзер Германии подписал рескрипт о признании независимости Балтийского герцогства, и 5 ноября 1918 г. в Риге было провозглашено Балтийское герцогство. Создаваемое государство, правителем которого стал герцог Мекленбург-Шверинский Адольф Фридрих, должно было входить в состав Германии, но иметь автономию для решения местных вопросов. Однако вскоре на планах прибалтийских немцев поставило крест поражение Германии в мировой войне, к реальному созданию государства приступить так и не удалось. См.: *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. М., 2003.

³¹ Жизнь национальностей. 1918. 8 дек.

кейханов) и глава Туркестанской автономии М. Чокаев высказались о пользе федеративного союза для консолидации сил.

12 сентября с программным заявлением от имени азиатских автономистов выступил Букейханов. Он говорил: «Мы — инородцы старой самодержавной России примкнули к демократической части России, республиканской России, мы ждали, чаяли, что надежды на народовластие будут осуществлены Всероссийским Учредительным Собранием, избранным свободно на основах всеобщего избирательного права, но наши мечты оказались разбитыми, как и мечты всех демократов России. Власть была захвачена демагогами, которые хотели установить в Российской республике диктатуру пролетариата и таким образом Российскую республику обратили в страну полной анархии, развала, отсутствия всякой власти. Вот в этих обстоятельствах создаются областные правительства, которые совершенно необходимы; если бы не создались областные правительства, в освобождающейся от большевиков России, совершенно нельзя было бы ею управлять...

Автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России...

Мы это вполне понимаем, но от этого нужно теперь отказаться, потому что Россия федеративная, демократическая, единая, и мы пойдем с русским народом, чтобы создать великую, счастливую Россию. Мы признаем, что власть в России должна принадлежать тому полномочному органу, который избран всей Россией на основе всеобщего избирательного права. Мы считаем, что верховная власть в России должна принадлежать Учредительному Собранию этого созыва».

Букейханов высказался за создание коалиционного правительства с участием единого представителя от автономий Туркестана, Казахстана (Киргизии) и Башкирии.

Чокаев предлагал включить в постановление пункт о сохранении определенных функций у автономий, не давая особых преимуществ Сибири. Глава башкирских автономистов Валидов подчеркивал: «Старое время ушло, Россию можно собрать только на основе федеративности. Правительству, действующему иным путем, мы доверять не сможем и не станем. То, что уже имеется, не должно быть отнято». Отмечая необходимость представительства интересов национальностей в новой государственной структуре, Чокаев указывал: «Мы не задавались мыслью, что этим лицом должен быть непременно мусульманин. Защиту своих интересов можем доверить и лицу русского происхождения. Желательно, чтобы вопросы национальные решались с всесторонней полнотою, а это может быть сделано только лицом, сведущим в этом вопросе, независимо от его национальности»³².

9 (22) апреля 1918 г., после объявления независимости Закавказья, Сейм избрал комиссию для разработки Конституции Закавказского государства. Резолюция Сейма о независимости состояла из двух статей: «1. Объявить Закавказье независимой республикой. Известить об этом государства. 2. Пору-

³² Россия и Центральная Азия. 1905—1925 гг.: Сб. документов. Караганда, 2005.

читать правительству незамедлительно представить законопроект Конституции независимой Федеративной демократической республики Закавказья»³³. Армянская партия Дашнакцутюн в качестве программы-минимум провозглашала «Закавказье, в качестве демократической республики, является составной частью России-республики федеративной»³⁴. Позиция дашнаков по национальному вопросу сближалась с позицией грузинских меньшевиков. Дашнаки были сторонниками территориального размежевания Закавказского края «на самостоятельные кантоны народов и объединения их в общую Закавказскую Федерацию»³⁵.

По вопросу о федерации программа грузинской революционной партии социалистов-федералистов была противоречивой. Ласхишвили заявил, что видит «торжество идей своей партии, 18 лет тому назад провозгласившей свободный союз свободных народов России, и разрешение волновавших ее национальных вопросов». Необходимо «создание другого Сейма, опирающегося на национально-территориальные единицы». Главную задачу Сейма федералисты видели в решении вопроса о размежевании закавказских народностей, ибо «без этого невозможно ни самоуправляться, ни самоопределяться». «Мы, социалисты-федералисты, — продолжал Ласхишвили, — давно призываем народы Кавказа к разрешению вопросов о территориях, но до сих почти ничего в этом отношении не сделано. В основание размежевания мы кладем принцип национального расселения, затем вводим коллективный опрос населения, референдум, в особенности на периферии, и требуем самого широкого обеспечения прав меньшинства»³⁶. Этот пункт программы федералистов по национальному вопросу совпадал с резолюцией, принятой VI съездом меньшевиков Закавказья в июне 1917 г.: границы территориального самоуправления следует установить по принципу реального расселения национальностей. «При сдвиге национальных границ должен быть проведен референдум в тех местностях, кои являются спорными при определении границ»³⁷.

На **втором** этапе «ненациональные» территории из области федеративных отношений были исключены. Но и сопряжения федерализма с национальностью на практике не получилось. Российская республика как федерация на деле представляла собой унитарное государство с этническими автономиями. Национальные образования занимали небольшое место. Термин «федерация» оставался в официальном названии Российской республики. Главное, он был привлекательным как символ, подчеркивающий отличие нового государства от Империи. Вместе с тем, суть федерализма в устройстве РСФСР был достаточно неясным.

Третий период (1922—1929) включает в себя трансформацию советского федерализма в рамках ситуативной политики большевиков. В ходе реализации этой политики устройство РСФСР и СССР превращалось в симбиоз фе-

³³ Сакартвело. 1918. 12 апр.

³⁴ Программа Дашнакцутюна. Женева, 1908.

³⁵ Закавказский сейм: Стеногр. отчет. Сессия первая. Тифлис, 1918. С. 37.

³⁶ Там же. С. 28.

³⁷ *Жордания Н.* Национальный вопрос в Закавказье: Тезисы и резолюции. Тифлис, 1917. С. 34. (На груз. яз.).

деративной формы и унитарного (прежде всего, социалистического) содержания с различными механизмами и возможностями модернизации этносов как единого поликультурного социума. Проблемы федерализма отодвигались на второй план. Советский интернационализм успешно сочетался с этническим национализмом, что Т. Мартин удачно выразил формулой «положительной дискриминации»³⁸. Это свелось в итоге к тому, что культура была жестко нацелена на обеспечение эффективности социально-политических идей. Теперь недовольные прошлой имперской властью элиты разделяли общие ценности политического равенства и социальной справедливости, декларировавшие большевиками. Они были согласны совместными усилиями строить новое общество, но *при этом желали сохранить свои языки и культурные особенности*. Из содержательных качеств федерализма оставались только требования элит заниматься таким строительством *под руководством собственных, а не присланных из центра лидеров*. Элиты справедливо полагали, что это позволит им осуществлять модернизацию своим собственным путем, опираясь на местные природно-хозяйственные и культурные ресурсы.

Симбиоз федеративной формы и социалистического содержания давал возможность этническим элитам продолжить осмысление федералистских идей, изменяя их, уточняя, обосновывая. Из оппозиционной «забавы», раздражающей центральную власть, дело превратилось в настоятельную необходимость. Острой и дискуссионной оставалась проблема компетенции субъектов Федерации, прав и полномочий народных комиссариатов и других органов власти. После жестких дебатов на XII партсъезде в подписанной союзной Конституции 1924 г., включившей в себя Договор об образовании СССР были дифференцированы права и полномочия центральных и республиканских органов власти³⁹.

31 октября 1925 г. ВЦИК под давлением ответственных работников ЦК, ВЦИК и Совнаркома утвердил Общее положение о наркоматах РСФСР, которым был определен жесткий курс на централизацию и определена их юрисдикция. Общероссийские органы исполнительной власти были отделены от общесоюзных⁴⁰. Это было важное достижение на пути реализации идей федерализма в бывшей Российской империи.

В различных национальных регионах СССР процесс осмысления проблем федерализма протекал по-разному, но имел несколько общих особенностей. Теперь этническими элитами идеи федерализма излагались не в виде политических воззваний или требований, «не в лоб». С одной стороны, процесс включал в себя формирование советского политического пространства, советского типа написания истории, литературного прошлого, истории развития и применения родного языка. С другой стороны, историческая, лингвистическая и другие гуманитарные науки стали важным инструментом легитимизации национальных государств на территории СССР. Процессы со-

³⁸ *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca, 2001. Более удачным представляется перевод «положительной деятельности».

³⁹ *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. М., 1987.

⁴⁰ *Аманжолова Д.А.* К вопросу о формировании советской этнополитической элиты. На примере Казахстана (1920—1930-е гг.).

проводились острой полемикой между местными интеллектуалами и советским центром, проявления полемики могли варьироваться от дискуссии на страницах печати до осуждения и разоблачения «буржуазного национализма», а затем и показательных политических судебных процессов.

Приведем пример того, как белорусская историческая наука на свою беду занялась «назойливым», как считалось, изучением белорусского характера Великого Княжества Литовского (ВКЛ) и, что особенно важно, его особой правосубъектности в рамках Речи Посполитой. Историческая школа, сформировавшаяся в Минске в первой половине 1920-х гг., выработала первую национальную концепцию истории Беларуси, имевшую непосредственное отношение к пониманию федерализма, в том числе и в историческом ракурсе. Позже в советском политическом лексиконе ее назвали «нацдемовской». Ключевая ее особенность — стремление к легитимизации суверенного белорусского государства и включение его истории в европейский контекст. Эпоха ВКЛ трактовалась как время наибольшего проявления белорусского духа («золотой век» Беларуси). Рассказ о ВКЛ, с одной стороны, связывал Беларусь с западными традициями, с другой — содержал явные антироссийские компоненты. «Литовско-беларуское государство» с его демократизмом и федерализмом противопоставлялось автократичности и централизму Московского государства, приводились свидетельства высокого экономического и культурного развития Беларуси в составе ВКЛ и т.д. Вопрос о цивилизационной ориентации ВКЛ представители национальной исторической школы однозначно решали в пользу Запада⁴¹.

Бывший нарком просвещения УССР В.П. Затонский, в 1929 г. возглавивший комиссию ЦКК ВКП (б) для изучения национальной политики в БССР, в своем докладе в июне 1929 г. отмечал: обычные белорусы «от русских сами себя дифференцируют нечетко». Но среди белорусской творческой интеллигенции наблюдается «концентрированная ненависть ко всему, что идет из Москвы. Характерно, что на целом ряде собраний, где были белорусские интеллигенты, — отмечал Затонский, — от меня демонстративно требовали, чтобы я говорил по-украински, но не по-русски, хотя, несомненно, русский язык им больше привычен и понятен, чем украинский. ... Окрепший белорусский кулак явно наступает, сдавая национальные позиции Пилсудскому и тем выше поднимая знамя национализма против диктатуры пролетариата, под видом защиты белорусской культуры от русотяпов, ведя травлю всего, что исходит от Красной Москвы, а в это время ЦК Белоруссии продолжает старую политику заигрывания с националистами...»⁴².

В качестве контраргументов «национальным историям» в 1920-е гг. издавались «установочные» работы по истории объединительного движения и образования Советского государства. Основным источником сведений по истории создания Конституции РСФСР 1918 г. стала книга Г.С. Гурвича, члена комис-

⁴¹ Ростов В. Тени забытых предков // Секретные исследования. 2012. 20 июля; см. также: Государственные границы Беларуси...

⁴² НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 4713. Л. 99; Шевченко К.В. Беларусь, Клио и постсоветские историографии: проблемные отношения // Русский сборник. Т. XVIII. М., 2015.

сии по составлению проекта данной Конституции. Государствовед Д.А. Магеровский предложил периодизацию процесса образования СССР. Он выделял два этапа: первый — с октября 1917 г. по 1 июня 1919 г.; второй — с декабря 1919 г. по 30 декабря 1922 г. И.П. Трайнин в развитии советского федерализма до образования СССР выделил два этапа. Первый: 1918—1921 гг., когда в период гражданской войны и интервенции шло объединение трудящихся всех наций в борьбе за их классовые интересы, образовывались автономные единицы Российской Федерации, существовал военно-политический и хозяйственный союз. Второй этап, по нему, охватывал 1921—1922 гг. — создание большинства автономных образований, а затем и СССР. Много работ посвящалось вопросам государственно-правовой природы РСФСР и ее автономий, СССР и союзных республик, практике национально-государственного строительства. Их характерной чертой была идеологизированность и односторонность оценок, исключительно положительных.

Тех, кто не принял эти установки, в большинстве случаев ожидал идеологический погром и трагический конец. Наиболее яркий пример — история с М.Х. Султангалиевым. В признательных показаниях, написанных им в заключении 27 февраля 1929 г., изложен следующий вариант федерирования различных национальных регионов страны. «Наиболее удовлетворяющей меня постановкой, — писал он, — я считаю создание четырех крупных национально-советских массивов на советском Востоке, которые должны быть включены в Советский Союз на равных совершенно с Украиной правах: 1. Федерация Урало-Волжских Советских Социалистических Республик в составе Башкирии, Татарии, Чувашии, Маробласти и Вотобласти; 2. Общекавказской Федерации Советских Социалистических Республик и областей с включением всех нацреспублик Закавказья, нац. областей Северного Кавказа, Дагестана, Калмобласти и Кубано-Черноморья в целом; 3. Казахстана как союзной единицы и 4. Средне-Азиатской, или собственно Туранской республики в составе Узбекистана, Туркмении, Киргизии и Таджикистана, как равноправных в Федерации единиц... Постановку свою я считал, поэтому, идеальной постановкой разрешения национального вопроса в смысле законченного государственного размежевания СССР, вполне совпадающего и с принципами национальной политики пролетариата, т.е. ленинизмом в нацвопросе и с принципами целесообразной организации экономического районирования СССР. Я находил, что такая форма разрешения нацвопроса... обеспечила бы крепкий союз угнетавшихся ранее национальностей с русским пролетариатом, гарантируя тем самым Советскую власть от поражения при нападении на нее извне»⁴³.

Прежний ярый противник автономии «Алаш-Орда», заместитель Председателя СНК РСФСР Турар Рыскулов в 1926 г. выступил за непосредственное вступление в Союз ССР автономных республик и областей⁴⁴. В конце 1920-х гг. он пострадал как «пантюркист» и «националист», повторив идею

⁴³ Султангалиев Мирсаид. Избранные труды. Казань, 1998. С. 630—631.

⁴⁴ Тагиров И. «Рыскуловское совещание» и противоборство советского и партийного руководства Татарской республики // Эхо веков. 2006. № 1.

образования Тюркской Советской республики. Он писал, что Туркестан является страной тюркских народностей и предлагал Туркестанскую республику считать национальной Советской республикой, где самоопределяющимся коренным народом считается тюркский народ⁴⁵. Эти федералистские проекты и их активисты волновали Москву куда больше с той точки зрения, что начнется поиск новых государств для вхождения в них в качестве субъекта федерации. Подозрение в первую очередь падало на соседей, на Польшу и Турцию, их с рядом российских этносов связывало культурно-историческое родство.

Советские идеологи тщетно подозревали тюркские элиты в сотрудничестве с турецкими элитами и эмигрантскими, в предательстве и пр. М. Кемаль (Ататюрк) проводил реформы с целью сформировать Турцию как европейскую страну. Отбросив идеологию национализма и пантюркизма, он в речи, произнесенной перед Конгрессом народной партии в 1928 г., подчеркнул: «Собирать различные народы под общее название и управлять этими разнородными элементами на основании одних и тех же правил и законов — программа хотя и привлекательная, но обманчивая. Даже идея создания единого государства, долженствующего охватить всех тюрков мира, есть также несбыточная мечта. Этот факт зафиксирован крайне кровавыми горькими событиями, которые переживались на протяжении нескольких веков. История не дает нам ни единого факта и случая, указывающего на успешное применение политических систем панисламизма или пантуранизма. Судьба государств, образованных *не на расовых, а на общечеловеческих началах*, но с целями завоевательными, отмечена историей!»⁴⁶

Большинство представителей тюркских элит (а они в этот период возглавляли ответственные властные посты в автономиях и в союзных республиках) были отстранены от власти и арестованы. Таким же образом был нанесен удар и по польским федералистским проектам. Ю.А. Борисенко признает: «Полная бездеятельность польского правительства в сфере национальной политики вплоть до 1924 г. привела к утрате им инициативы в этом вопросе. Эту инициативу перехватили коммунистические власти соседнего СССР, которые, в отличие от поляков, методично и последовательно работали как с населением Западной Беларуси, так и с его политической элитой... Фактически польское правительство проиграло необъявленную войну за души западных белорусов большевистским властям из Москвы и Минска»⁴⁷.

В 1929 г. аресты прошли в Украинской Академии наук. Главной жертвой был выбран один из вождей украинского национального возрождения, академик С. Ефремов. В 1928 г. он был снят с вице-президентства, в 1929 г. арестован, в апреле 1930 г. приговорен по «делу СВУ» — «Спилки визволення України» — к 10 годам «строгой изоляции» и расстрелян в заключении. В 1930 г. органы ГПУ уничтожили историческую школу БССР. В одной только Академии наук БССР было арестовано более 30 ученых, что составило треть ее тогдашнего штата. Арестами, каторгой или расстрелом наказывались суждения о

⁴⁵ Устинов В.М. Турар Рыскулов: (Очерки политической биографии). Алматы, 1996. С. 162.

⁴⁶ Цит. по: Расулзаде М.Э. Пантуранизм и проблема Кавказа // О пантуранизме. Оксфорд, 1985.

⁴⁷ Борисенко Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории. М., 2013.

том, что Великое Княжество Литовское являлось белорусским государством. От местных идеологов требовалось «дальнейшее усиление бдительности... ко всяким проявлениям в рядах партии уклону в сторону местного белорусского шовинизма». Любая попытка национальной интерпретации истории Беларуси получала ярлык «буржуазного национализма» и «контрреволюционности». Репрессии против историков БССР продолжились в 1933, 1937 и 1938 гг. Карательные органы «идеологов» в тот период осудили и казнили по лживым обвинениям известных историков «нацдемовского» лагеря: А. Цвикевича, В. Ластовского и др. Однако идеолог украинского национализма Юрий Липа, проживавший в Польше, еще возлагал большие надежды на антироссийский союз Украины вместе с Кубанью, Доном, Терекком, народами Кавказа⁴⁸. Он развивал геополитическую «Черноморскую доктрину» исторической ориентации по оси «Север—Юг» — от Скандинавии и балтийских стран к Черному морю, Малой Азии и Ближнему Востоку, обновляя старые аргументы времен Киевской Руси, которая сформировалась вдоль торгового пути «из варяг в греки», через дипломатические отношения Хмельницкого и Мазепы со Швецией и Турцией и пр.

В отношении элит угро-финских народов (мари, мордвы, удмуртов) в 1931 г. было инспирировано «Марийское дело», с мая 1932 г. — «Дело СОФИН», по которым аресты шли вплоть до 1940-х годов. В преамбуле обвинительного заключения отмечалось, что СОФИН состояла из националистической части удмуртской реакционной интеллигенции, создана буржуазным удмуртским писателем К.П. Гердом по заданию финских и эстонских интервенционистских кругов. Программно-политические установки организации и ее деятельность ставили своей конечной целью отторжение путем вооруженного восстания Удмуртской и других автономий (Марийская, Мордовская, Карельская, Коми-Зырянская) от СССР и создание «Единой финно-угорской федерации с демократической формой правления»⁴⁹. В Бурят-Монгольской АССР была вскрыта «контрреволюционная повстанческо-шпионская организация», возглавляемая «представителем Тибета в СССР» Агваном Доржиевым и профессором Цыбенем Жамцарано. В группу, по данным ОГПУ, входили Базар Барадийн, преподаватель ЛИФЛИ, Лубсан-Гарма Гомбоин, аспирант АН СССР, художник Очир Будаев, ламы Цырен-Даши Абидуев и Лубсан-Оцор Одонов. Им инкриминировали подготовку к свержению Советской власти в Бурятии и объединение БМАССР и МНР в единое государство под протекторатом Японии. К концу сентября 1937 г. группа обвиняемых разрослась до 53 человек, включая первого секретаря обкома БМАССР М.Н. Ербанова и всю партийно-советскую верхушку республики. Судьба их сложилась по-разному, но одинаково трагически. Бурят-Монгольская АССР была переименована в Бурятскую АССР.

Даже литература 1920 — начала 1930-х гг. была выведена из научного оборота. Авторы обвинены в недооценке особенностей классового характера Со-

⁴⁸ Липа Ю. Українська Доба. Варшава, 1936.

⁴⁹ Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов. 1917—1937 гг. Ижевск, 1993. С. 227.

ветского государства. Обвинения коснулись А. Котляревского, М.О. Рейхеля и ряда других ученых. Нарушение преемственности в разработке проблемы национально-государственного строительства в СССР привело к потере важных исследовательских направлений, тем и подходов. Тогда же зародилась и начала быстро набирать обороты тенденция к упрощенному изложению истории Советского государства, безраздельно утвердившаяся в науке во второй половине 1930-х гг.

Партийные верхи осознавали, что федеральные «тренды» сложно контролировать. Поэтому активизм этнических элит, представленный преимущественно текстами и рудиментарной политической активностью, в национальных автономиях и союзных республиках подвергнут советизации и институционализирован как политический. Точнее: в политически лояльный⁵⁰. Решающее значение приобрела установка союзной власти и руководства ЦК ВКП (б) оптимизировать структуры управления и персональный состав органов власти с учетом личных качеств представителей «политического класса», подтвержденной ими лояльности, проявленного умения вписаться в номенклатурный ландшафт и решать бесчисленные социально-экономические, политико-правовые и культурные проблемы в соответствии с общегосударственными приоритетами.

Само понятие федерации оставалось разработанным очень мало, оно стало объектом теоретических изысканий лишь после Второй мировой войны, когда и стали складываться нынешние федеративные государства. Тем более следует оценить если не глубину, то богатство и разнообразие образцов политического бытия идей федерализма и их практического применения в постимперской России. Эти образцы удивительны еще и потому, что в федерализме как учении о государстве и праве не существовало какой-либо эксплицитной, явно, открыто выраженной теории общества и власти, как и не было социальной этики, которая бы транслировала важные для такой теории значения в ежедневную практику. Тем не менее, федерализм и его формы проявления на всех нами выделенных этапах фактически вносил глубокое напряжение в концепцию власти, создавая оппозицию между властью в силу самого факта — *ipso facto* — и властью нормативно обоснованной. Власть в этом контексте неизбежно (невзирая на применение жестоких репрессий) вынуждена держать в поле зрения моральные требования, ставящие ей квалификационные ограничения.

---

⁵⁰ Минеева Е.К. Первые годы существования Марийской и Чувашской автономий // Изучение истории народов Среднего Поволжья: новые аспекты и сюжеты. Чебоксары, 2008. С. 127—156; Клестов И.К. Автономия удмуртского народа в философско-историческом аспекте (к постановке проблемы) // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917—1937 гг. Ижевск, 1991. С. 41—58.

Минаков С.Т.

«...Не Наполеон ли?»

Aussi, meme quand je ne serai plus,
je demeurerai encore pour les peuples
l'etoile de leurs droits,
mon nom sera le cri de guerre de leurs efforts,
la devise de leurs esperances.

Napoleon¹

«XIX»

век выбрал кумиром Наполеона, — заметил А. Мальро, — и все пошло своим чередом». «Наполеон I — без сомнения, самая яркая фигура XIX столетия», — почти в унисон с О. де Бальзаком и А. Мальро считал великий русский художник В.В. Верещагин², создавший целую серию картин, посвященных Отечественной войне 1812 г. Пораженный явлением Наполеона еще подростком, Пушкин не смог освободиться от него и в зрелые годы:

Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...,
Там погружались в хладный сон
Вспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

*Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум³.*

Наполеон для Пушкина оставался «властителем наших дум». В 1830 г., в последнем своем стихотворении, посвященном Наполеону, Пушкин задавался вопросом:

На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

¹ И когда меня не будет, я останусь для людей звездой их дерзаний, мое имя будет боевым кличем их усилий, девизом их надежд. *Наполеон.*

² *Верещагин В.В.* Повести. Очерки. Воспоминания. М., 1990. С. 298.

³ *Пушкин А.С.* Стихотворения // *Пушкин А.С.* Собр. соч. Т. 2. М., 2005. С. 183. «Другой властитель наших дум...» — Байрон. Здесь и далее в цитатах выделено нами. — С.М.

Все он, все он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

И в завершение его, уже знаменательное, подлинно историософское суждение:

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет,
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.
Оставь герою сердце; что же
Он будет без него? Тиран!⁴

Так «наполеоновская легенда» утверждается Пушкиным в своей «узаконенной» автономности, нравственной целесообразности, отчуждаемая от истории:

...и столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом⁵,

стоявший на камине у Пушкина, затем оказавшийся в кабинете Онегина.

Как это ни покажется странным, даже в чем-то парадоксальным, но первым «бонапартистом» в России был великий русский полководец А.В. Суворов. Единственным, но чрезвычайно красноречивым, достоверным свидетельством отношения Суворова к генералу Бонапарту является его письмо, целиком посвященное молодому революционному генералу.

«О, как шагает этот юный Бонапарт! — пишет Суворов 25 октября 1796 г. своему племяннику А.И. Горчакову. — Он герой, он чудо-богатырь⁶, он колдун! Он побеждает и природу, и людей; он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе; он спрятал в карман грозные их вершины, а войско свое затаил в правом рукаве своего мундира. Казалось, что неприятель тогда только замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер, свою молнию, сея повсюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пьемонтцев. О, как он шагает! Лишь только вступил на путь военачальства, как уж он разрубил гордиев узел тактики. Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему введомая неодолимая сила натиска — более не надобно. Супротивники его будут упорствовать в вялой своей тактике, подчиненной перьям кабинетным; а у него военный совет в голове. В действиях свободен он, как воздух, которым дышит; он движет полки свои, бьется и побеждает по воле своей!»⁷.

⁴ Пушкин А.С. Стихотворения // Там же. Т. 3. С. 191.

⁵ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Там же. Т. 5. С. 156.

⁶ Некоторая неточность переводчика, использующего характерное для Суворова словосочетание «чудо-богатырь». Во французском оригинале письма — «гигант», «великан».

⁷ Суворов А.В. Письма. М., 1987. С. 311—312.

Письмо это, адресованное Суворовым к своему племяннику Алексею Горчакову⁸, человеку военному, генералу, впоследствии участнику Отечественной войны 1812 г., написано по-французски, что примечательно. Быть может, чтобы скрыть от посторонних глаз мысли, в нем высказанные?

Показательно, что ни с кем более Суворов не обсуждал личность и полководческую деятельность «генерала-якобинца». Ни с кем более не был он столь восторженно откровенен, делясь своими впечатлениями о Бонапарте. Он сравнивает его с Юпитером, побеждающим «природу и людей», называет его «гигантом», «колдуном-волшебником», видит в нем нового Александра Великого. Бонапарт был единственным, в своем отношении к которому Суворов позволил себе столь откровенно-восторженные оценки. Бонапарт оказался для Суворова своеобразным явлением бога войны. Однако умудренный жизненным, военным и политическим опытом старик-фельдмаршал, что знаменательно, почти пророчески завершал свое восхищение:

«...Вот мое заключение: пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем; великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, — он погибнет»⁹.

Суворов, возможно, размышлял над проблемой революции и вовлечением рожденных ею генералов в потоки революционного «политического вихря». И в генерале Бонапарте, в его полководческой манере, русский полководец почувствовал готовность (быть может, еще не осознаваемую самим Бонапартом) ввязаться в политическую бурю. Суворов, пораженный, восхищенный и, можно сказать, замороженный колдовской, какой-то сверхчеловеческой силой военного гения Бонапарта, во вдохновенном озарении охватив его полководческое искусство, увидел или почувствовал силу, которая таила потенциал больший, чем военный. Недаром внимательно изучавший военное искусство Наполеона классик военной науки, современник и участник наполеоновских войн К. Клаузевиц вывел классическую формулу: «война — это продолжение политики другими средствами». В мысли Суворова отражено предчувствие Отечественной войны 1812 г. и скалы Святой Елены. В письме эрцгерцогу Карлу 18 (29) октября 1799 г. Суворов впервые типологизирует личность Бонапарта, называя всех революционных генералов — «бонапартами»¹⁰. Подобная типологизация вновь появилась в годы Гражданской войны в России.

Увлечение Наполеоном — символом воплощения и укрощения Революции среди молодых и амбициозных офицеров старой русской армии было весьма распространено. Вопреки сложившемуся мнению, никакого «культа Наполеона» в военном, в том числе академическом образовании в России не было. Ми-

⁸ Князь Алексей Иванович Горчаков (1769—1817), генерал от инфантерии (1814), был сыном генерал-поручика И.Р. Горчакова и племянником А.В. Суворова (сыном сестры полководца). С 1788 г. А.И. Горчаков состоял флигель-адъютантом при Суворове, сопровождая его во всех походах. В 1791—1796 гг. командовал Азовским пехотным полком.

⁹ Суворов А.В. Письма. С. 311—312.

¹⁰ Там же. С. 364. Следует заметить, что переводчик этого суворовского письма, также написанного на французском, несколько невнимательно дает фамилию полководца в единственном числе, тем самым заметно искажая смысл суворовской фразы.

ровоззрение русского офицера-генштабиста формировалось на идеалах и нормах немецкого генштаба и образцом для подражания был, скорее всего, германский офицер-генштабист. Интерес к военному искусству Наполеона считался почти анахронизмом, а увлечение Наполеоном как полководцем — своего рода легкой фрондой¹¹. Впрочем, в годы Первой мировой войны в ставке Верховного Главнокомандующего поклонником Наполеона и его военного искусства был давний близкий приятель и советник генерала М.В. Алексеева генерал-лейтенант Е.В. Борисов¹². Позднее скрытая и открытая пропаганда наполеоновского искусства «революционной войны» имела место и в Красной Армии¹³.

И в красном, и особенно в белом лагере молодых генералов, Революцией и Гражданской войной из подпоручиков, поручиков и штабс-капитанов молниеносно поднятых до высоких командных постов, порой со злой иронией, пренебрежительно именовали «наполеонами» или «вундеркиндами»¹⁴. Появились и другие штампы для обозначения «революционных выскочек» — «красноношечки поручики»¹⁵ и, что примечательно, «тухачевские»¹⁶.

Memento mori... «...Убийство Цезаря гарантирует ему славу, — размышлял А. Мальро. — Если поражение Наполеона не разрушает его легенду, то лишь потому, что остров Святой Елены сделал его собратом Прометея»¹⁷. «...Одна скала, гробница славы...», почти ту же мысль выразил и Пушкин.

Быть может, и трагическая гибель молодого советского маршала Тухачевского, необоснованно обвиненного в измене Отечеству, в значительной мере способствовала мифологизации личности, формированию и устойчивости легенды? Прозвище «Бонапарт» или «Наполеон», правда, с налетом иронии, закрепилось за ним в годы Первой мировой войны. Покидая Петроград, прощаясь со своими однополчанами-офицерами, «в 1917 году Тухачевский завтракал у нас, во флигеле Семеновского полка... — вспоминала жена полковника Бржозовского, командира резервного Семеновского полка. — Тухачевский произвел на меня самое отрадное и неизгладимое впечатление. Красивые лучистые глаза, чарующая улыбка, большая скромность и сдержанность. За завтраком муж шутил и пил за здоровье “Наполеона”, на что Тухачевский только улыбался»¹⁸.

Истоки полкового прозвища «Наполеон», закрепившегося за подпоручиком Тухачевским еще с 1914 г., по-прежнему интригуют. Этот исторический эпитет

¹¹ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке, 1916. Минск, 2003. С. 409—410.

¹² Алексеева-Борель В.М. Аргентинский архив генерала М.В. Алексеева // Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 45.

¹³ Какурин Н.Е. На пути к Варшаве // Революция и война. 1921. № 4—5. С. 120—121; Баторский М.А. Несколько мыслей о факторах, влияющих на формы будущих войн // Там же. № 13. С. 68; Савельевский Б.В. О военно-исторических темах // Армия и революция. 1921. № 2—3. С. 154.

¹⁴ Филатьев Д. Катастрофа Белого движения в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 244; Суворин Б. За Родиной // Первый Кубанский «Ледяной» поход. М., 2001. С. 259; Вырыпаев В. Каппелевцы // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 80.

¹⁵ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметьев — В.А. Маклакову. Переписка, 1919—1951: В 3 т. Т. 1. М., 2001. С. 368, 419.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 8; «Совершенно лично и доверительно!». Т. 3. С. 15.

¹⁷ Мальро А. Зеркало лимба. М., 1989. С. 334.

¹⁸ Wiczorkiewicz P.P. Sprawa Tuchaczewskiego. Warszawa, 1994.

стал неотъемлемой частью мифологизированной публичной репутации Тухачевского, а, может быть, отчасти, и реальным свойством его психотипа.

Своеобразие облика южанина бросается в глаза на фотографиях маршала, особенно в молодости. Это было замечено французскими офицерами, приятелями Тухачевского по плену. «Бледность, латинские черты лица, гладкие волосы, прилипшие ко лбу, — вспоминал один из них, — придавали ему заметное сходство с Бонапартом времен Итальянского похода»¹⁹. Тому были причины и семейного характера.

Его прадед, А.Н. Тухачевский (1790—1830) начинал свою службу прапорщиком, также в л.-гв. Семеновском полку с 1810 г. В его рядах А.Н. Тухачевский с отличием участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. Он был женат на Марии Петровне Липранди²⁰, сестре однополчанина, небезызвестного И.П. Липранди²¹ и дочери итальянского иммигранта Пьетро Липранди, переселившегося в Россию из Генуи. Их сын, Николай Александрович (1825—1876), дед маршала, после окончания Пажеского корпуса, «за неспособностью к военной службе» начал службу при своем дяде, упомянутом выше действительно статском советнике Липранди в Министерстве внутренних дел²². Итальянская наследственность, усиленная итальянской кровью его бабушки Софьи Валентиновны Тухачевской (1833—1912), проявлялась и во внешнем облике будущего маршала.

Софья Валентиновна Тухачевская, жена его деда Николая Александровича Тухачевского, была дочерью карачевского дворянина-помещика Валентина Петровича Гаспарини или «Гаспарина» — так часто его именовали в канцелярских документах Орловской губернии. Личность эта заслуживает особого внимания. В.П. Гаспарини (1785 — после 1835), итальянец, уроженец Триеста, был капитаном наполеоновской армии и убыл (при не выясненных обстоятельствах) из ее состава 2 августа 1813 г. Он поступил на службу в русскую армию, в Тифлисский пехотный полк с тем же чином (капитаном), став подданным Российской империи. Уволенный в отставку в 1816 г., поселился в Орловском уезде Орловской губернии и приобрел поместье в Карачевском уезде²³.

Трудно сказать, при каких обстоятельствах офицер наполеоновской армии Валентин Гаспарини 1785 г. рождения перешел на русскую службу²⁴. После увольнения с военной службы В.П. Гаспарини поступил на «статскую» и к

¹⁹ *Fervacque P.* Le Chef de l'armee Rouge. Mikail Toukatchewski. Paris, 1928. P. 13.

²⁰ РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

²¹ *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 2. М., 2003. С. 889. Иван Петрович Липранди (1790—1880), генерал-майор (1832), затем действительный статский советник, был в свое время близким приятелем А.С. Пушкина, особенно в пору южной ссылки молодого поэта.

²² РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

²³ Там же. Л. 28.

²⁴ Известно, что в декабре 1812 — сентябре 1813 г. в России формировался легион из бывших военнослужащих-военнопленных наполеоновской армии, в числе которых было 27 бывших офицеров (французов, итальянцев, голландцев). Для формирования этого «легиона» было организовано «депо» в г. Орле. (См.: Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 406). Но в списочном составе этого «легиона» В. Гаспарини не было. Видимо, он был сразу же направлен на «кавказский фронт», в Тифлисский пехотный полк. В наполеоновских войсках он, скорее всего, находился в составе так называемой «итальянской армии», которой командовал пасынок Наполеона вице-король Италии принц Евгений Богарне.

1835 г. достиг чина коллежского советника («гражданского полковника»). Он имел к этому времени девять детей, в том числе двоих сыновей и семь дочерей²⁵. Его шестой дочерью была бабушка маршала Софья Валентиновна.

Очевидно, по инициативе Софьи Валентиновны, оказывавшей сильное влияние на своего сына Николая Николаевича Тухачевского (отца маршала) и на воспитание его детей (ее внуков и внучек), три ее внучки получили имена трех ее старших сестер — Марии, Елизаветы, Надежды²⁶. Софья Валентиновна была прекрасной пианисткой, в молодости вращалась среди творческой элиты, близко знакома с Ф. Шопеном, Жорж Санд, И.С. Тургеневым, Полиной Виардо, с братьями Н.Г. и А.Г. Рубинштейнами. Она привила любовь к музыке и музыкальный вкус своему сыну, прекрасно игравшему на рояле, и своим внукам, в том числе и будущему маршалу, который называл «музыку своей второй страстью после военного дела». Братья маршала — Николай, Александр и рано умерший Игорь — были профессиональными музыкантами, получившими образование в Московской консерватории. Таким образом, «итальянская бабушка», «наполеоновского происхождения», оказала на воспитание своего в будущем знаменитого внука огромное влияние. Рассказы о прадеде, наполеоновском капитане Гаспарини, не могли не произвести впечатления на эмоциональную натуру будущего маршала — военачальника с «музыкальной душой».

Полагаю, что к наиболее объективным свидетельствам о личности Тухачевского, его глубинных настроениях, являвшихся своего рода «тональностью его мировоззрения», в том числе политического его аспекта, являются воспоминания известного русского музыкального критика и композитора, друга А.Н. Скрябина, Л.Л. Сабанеева. Он был старше Тухачевского, знал семью будущего маршала и его самого с детства, когда натура человека, его характер еще обнажены и не успели полностью замаскироваться жизненным опытом. Сабанеев был далек от политики, от военного дела, принадлежал к аполитичной — профессиональной музыкальной среде. Аристократического происхождения, лишенный плебейских амбиций, вполне самодостаточный, способный и востребованный, Сабанеев уехал из СССР в 1926 г., тихо, без озлобленности и ненависти: долгая, вполне официальная командировка незаметно превратилась в невозвращение.

По свидетельству Л.Л. Сабанеева, Тухачевский «находил в своей внешности сходство с Наполеоном I, и, видимо, это наводило его на мысль о своей будущей роли в России. Он снимался фотографией в “наполеоновских” позах, со скрещенными руками и гордым победоносным взглядом»²⁷. Но, зная свойства личности Тухачевского, это, скорее всего, было то, что сам же Сабанеев считал в нем «чужацеством и склонностью к сатире», в том числе и к учению Маркса, и некоторым советским политическим акциям²⁸.

²⁵ ГАОО. Ф. 68. Оп. 13. Д. 13. Л. 231.

²⁶ Там же.

²⁷ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о России. М., 2004. С. 190.

²⁸ Там же. С. 191. В связи с этим автор припоминал «художественное произведение» того же Тухачевского, «которое он сам изображал в лицах — уже во время советской власти. Оно называлось “Советская файв-о-клокия” и было злой пародией на православную обедню и одновременно на советскую власть: там были “тропари”, “кондаки”, всякие возгласы и песнопения, вплоть до приглашения “Услышим святого Карла-Марла чтение” (потом следовали отрывки из “Капитала”) — было все сделано талантливо — и кощунственно, и чрезвычайно смешно».

«Наполеонизм» подпоручика Тухачевского с некоторой иронией замечали и его однополчане, особенно после боя под Кжешувом 2 сентября 1914 г., в котором он отличился и прославился на всю 1-ю гвардейскую пехотную дивизию. Скорее всего, в это время за Тухачевским и закрепилось полковое прозвище «Наполеон».

Обращает на себя внимание дневниковая запись от 24—27 марта 1920 г. полковника (с 1922 г. генерал-майора) А.А. фон Лампе (тоже бывшего «семеновца», сослуживца Тухачевского), оказавшегося в Добровольческой армии, а затем в Вооруженных силах Юга России: «Какая ирония: Тухачевский бьет Деникина! Не Наполеон ли?»²⁹.

На первый взгляд, «иронию» фон Лампе, возможно, усмотрел в том, что молодой офицер российской императорской гвардии, подпоручик-семеновец, «бьет» опытного генерала российской императорской армии. Но представляется более вероятным, что помня полковое прозвище подпоручика Тухачевского, полковник задался, с оттенком иронии, вопросом-сомнением: «Не тот ли это подпоручик-семеновец Тухачевский, иронично прозванный офицерами-однополчанами “Наполеоном”? Не тот ли это наш полковой “Наполеон”?». Впрочем, одно предположение не противоречит другому.

Полковник фон Лампе был хорошо знаком с Тухачевским. 7 ноября 1920 г., прочитав персональный состав Особого совещания при Главкоме С. Каменеве в газетной статье «На службе у большевиков», учрежденного в ходе советско-польской войны, он прокомментировал в своем дневнике: «кое-кто из очень хороших моих знакомых — Зайончковский, Гиттис, Лазаревич и т.д. Да и наш семеновец Тухачевский!»³⁰.

Принадлежавший к старой «семеновской фамилии»³¹, Алексей Александрович фон Лампе (1885—1967) окончил в 1913 г. Николаевскую академию Генерального штаба. С началом Первой мировой войны, т.е. с июля 1914 г., оставаясь в списках л.-гв. Семеновского полка (в 8-й роте 2-го батальона), как офицер Генштаба, прикомандирован к штабу 18-го стрелкового корпуса. Это подтверждается списком офицеров в «боевом (фронтовом)» составе полка на 1 августа 1914 г.³² Прямых указаний на личное знакомство этих офицеров-однополчан, Тухачевского и фон Лампе, в дневнике последнего не имеется. Однако выпущенный в полк 12 июля 1914 г., подпоручик Тухачевский, по прибытии еще до объявления войны, несомненно, познакомился, в соответствии с полковой традицией, со всеми офицерами полка, в том числе и со штабс-капитаном фон Лампе. Последний был в списках офицеров того же 2-го батальона, что и Тухачевский, и еще не был откомандирован в штаб 18-го стрелкового корпуса. В ходе кампании 1914 г. фон Лампе бывал в своем полку. «10-го ноября (1914 г.), — вспоминал полковник-семеновец А.А. Зайцов 1-й, — в Имбромовице приехал в полк наш офицер, причисленный к гене-

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 422.

³⁰ Там же. Д. 4. Л. 1125.

³¹ Гордившийся своей принадлежностью к «семеновской полковой семье», чему свидетельством может служить даже принятый им литературный псевдоним «Л.Г. Семеновский».

³² Зайцов А.А. Семеновцы в 1914 году / сост. полк. А. Зайцов. Гельсингфорс, 1936. С. 9—11.

ральному штабу (в штабе XVIII-го корпуса) шт.-капитан фон Лампе, и впервые открыл нам глаза на общий ход событий»³³.

Во время своего приезда в полк в ноябре 1914 г. штабс-капитан фон Лампе, прежде всего, общался с офицерами своего батальона. В состав его входила 8-я рота, которой командовал его близкий родственник штабс-капитан В.М. Мельницкий, и 7-я рота, командиром которой с 11 сентября 1914 г. был подпоручик Тухачевский³⁴. Молодой офицер уже обнаружил повышенный интерес к оперативно-стратегическим вопросам и стал известен во всех полках 1-й гвардейской пехотной дивизии своим подвигом на Кжешувском мосту. Неспроста в ноябре 1920 г. фон-Лампе в своем дневнике назвал Тухачевского в числе своих «старых хороших знакомых».

Вне всякого сомнения, внешнее сходство с Наполеоном, даже воспринимаемое Тухачевским с иронией, влияло на его поведенческую установку в жизни вообще и в частности, в особенности в пореволюционную эпоху, быть может, на подсознательном уровне. Сабанеев конкретизировал «предчувствие» того «великого будущего»³⁵, к которому маниакально стремился Тухачевский. «Насколько я могу понять из его высказываний, — делился Сабанеев, — он имел в виду, подобно Наполеону, воспользоваться революцией и хаосом в политике, а также своим положением в армии (маршал и одно время председатель Реввоенсовета), совершить переворот бонапартистского типа, иными словами, объявить себя диктатором и свергнуть вообще советскую власть. Потом в разговорах он часто возвращался к отрывкам из этого плана»³⁶. Трудно сказать, была ли это бравада, блеф со стороны Тухачевского, очередной его розыгрыш близких приятелей, или реальные мечты бывшего гвардейского подпоручика. О его склонности к подобным шуткам выше уже говорилось.

Не сговариваясь с Сабанеевым, «манию», как черту характера и умонастроения, заметил у Тухачевского другой наблюдатель, Н.А. Цуриков, менее близкий будущему маршалу и знавший его гораздо меньше указанного автора воспоминания. Но экстремальная ситуация плена сближала товарищей по несчастью, делая их подчас более откровенными и открытыми друг другу. Возможно, свежим взглядом хорошего наблюдателя он уловил и определил, как «одержимость»³⁷, то, что Сабанеев назвал «манией».

³³ Там же. С. 101.

³⁴ *Иванов-Дивов А.В.* 7-я рота лейб-гвардии Семеновского полка в Галиции // Военная быль. Париж, 1968. № 91. Май. С. 9.

³⁵ *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о России. С. 190.

³⁶ Там же. Вряд ли Сабанеев мог судить об указанных намерениях Тухачевского, когда последний стал уже маршалом (ноябрь 1935 г.) и «председателем Реввоенсовета (1931 г.; имеется в виду — заместителем Председателя РВС СССР). Сабанеев покинул СССР в 1926 г. Встречался ли он за границей с Тухачевским после 1926 г., когда тот выезжал в Германию (1932 г.) или в Англию и Францию (в 1936 г.)? Сведений таких не имеется, а сам Сабанеев ничего об этом не говорит. Поэтому высказанные им наблюдения за Тухачевским на предмет его «бонапартизма» относятся ко времени до 1926 г.

³⁷ *Цуриков Н.А.* Генерал Тухачевский // Россия. Париж, 1927. №. 10. Цуриков был знаком с некоторыми членами семьи Тухачевских еще до войны, а также с людьми, которые хорошо знали эту семью и много рассказывали о «способном мальчике Мише». См.: *Цуриков Н.А.* Прошлое. М., 2006. С. 170.

Для Цурикова эта «одержимость» гвардейского подпоручика проявилась, прежде всего, как «одержимость» мыслью о побеге из плена, предпринимаемым Тухачевским пять раз. Позднее, однако, обобщая, он обнаружил, что это свойство пронизало всю деятельность «красного Бонапарта».

Французский лейтенант П. Фервак (Р. Рур), близко познакомившийся с Тухачевским в лагере Ингольштадт, заметил в более мягкой описательной форме: «это был мечтатель, фантазер, который шел туда, куда влекло его собственное воображение»³⁸. «Увлекающийся поручик» — таково мнение старых военспецов Красной Армии, с некоторым скепсисом относившихся к отдельным начинаниям «поручика-командарма»³⁹.

«Один из осведомителей Особого отдела, — сообщает А.А. Зданович, — по поручению чекистов составил характеристику на военачальника (М.Н. Тухачевского). Секретный сотрудник объективно описал выдающиеся способности командующего и единственным его недостатком признал недооценку возможностей врага, заносчивость по отношению к последнему. Осведомитель также подчеркнул, что Тухачевский, поверив в какую-либо идею, может действовать крайне неосмотрительно»⁴⁰.

Интересно, что и гораздо позднее, человек, безусловно, знавший Тухачевского много меньше Цурикова, Фервака и несопоставимо меньше Сабанеева, комкор Кучинский, рассказывая о стратегической игре в Генеральном Штабе в апреле 1936 г., обратил внимание на то, что «Тухачевский вкладывал в эту игру необычайную страстность»⁴¹. Да только ли в этом можно заметить эту «одержимость». Ведь в его неоднократных упрямых побегах из плена, в натиске на Варшаву в августе 1920-го тоже было что-то «маниакальное». Некая «одержимость» Тухачевского заметна в его стремлении добиться (и он добился этого!) реализации его «программы модернизации» Красной Армии в 1930—1931 гг. Взламывая скепсис Шапошникова, оскорбительную неприязнь Ворошилова, наконец, неллицеприятную критику Сталина, вынудив последнего, что бывало крайне редко, признать ошибочность своих первоначальных оценок, принести извинения и принять его программу. Впрочем, и сам Тухачевский чувствовал в своем характере эту «одержимость», признавая, что у него есть две страсти — война и музыка⁴².

Объясняя переход Тухачевского на сторону большевиков со всеми вытекавшими последствиями, близко познакомившийся с ним в плену Н.А. Цуриков подтверждал свидетельство Сабанеева, считая, что «тут решило самое главное — безмерное тщеславие и давние мечты о “наполеонизме”. Еще в училище, как рассказал мне потом один из близких по учению товарищей Тухачевского, он бредил полководчеством и напрягал невероятные усилия, что-

³⁸ *Fervacque P.* Le Chef de l'armee Rouge. Mikail Toukatchewski. P. 126—127.

³⁹ *Корицкий Н.И.* В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 81.

⁴⁰ Цит. по: *Зданович А.А.* «Теплая компания “красного Бонапарта”»: Был ли заговор военных в 1923 году? // Родина. 2008. № 12. С. 43—44.

⁴¹ Военный совет при Народном комиссаре обороны СССР 1—4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 332.

⁴² *Ладухин В.Н.* Славное имя // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 185.

бы быть в первых рядах и выйти в гвардейский полк. Это удалось. Война начинается как будто осуществление... и вдруг плен». И это было неожиданным для него, но весьма важным обстоятельством: можно полностью согласиться с Цуриковым: плен досадно прервал военную карьеру Тухачевского, усугубив его «бонапартизм». «Если бы его не было, — продолжал свои размышления Цуриков, — может быть, и не было бы так ужасно уязвлено самолюбие и не надо было бы в возможностях революции искать вознаграждение за потерянное время»⁴³.

«В нашем полку служил будущий маршал Тухачевский, — вспоминал еще один семеновец, бывший редактор журнала “Сатирикон”, как вольноопределяющийся в 1917 г. направленный в Резервный Гвардии Семеновский полк. — Я с ним познакомился, когда он бежал из плена и прибыл в полк молодым офицером. Мне рассказывали, что он был большим поклонником Наполеона и во время похода постоянно читал исторический труд, посвященный наполеоновским войнам. У нас он пробыл недолго и в скором времени уехал, кажется, в Москву»⁴⁴. Пьер Фервак, французский офицер, приятель Тухачевского по плену в Ингольштадте в 1916—1917 гг., утверждал, что этим «историческим трудом» был «Мемориал Святой Елены» Лас-Каза⁴⁵. «Тухачевский вообще, на мой взгляд, никогда не был большевиком, — завершал свои воспоминания о будущем маршале Корнфельд, — но психологически ему был близок путь, по которому, как известно, шел Наполеон, его кумир. Что у него было на уме, я не знаю, но ни в каком случае он не мог быть большевиком»⁴⁶. То же самое утверждает и Сабанеев. «У него был свой план жизни, — завершает он свой очерк воспоминаний о Тухачевском, — в котором коммунизм был поводом и средством временного характера. Но в герои коммунизма его записывать было бы ложью, ему самому противной»⁴⁷.

О подвигах и «наполеонизме» Тухачевского Корнфельду, скорее всего, рассказали офицеры-семеновцы. С ними Тухачевский «был очень дружен... в частности, с капитанами Лобачевским и Энгельгардтом»⁴⁸. Все три офицера-семеновца, Тухачевский, капитаны С.К. Лобачевский и Б.В. Энгельгард, оказались на фронте одновременно, отправившись туда 2 августа 1914 г. Именно поэтому Лобачевский и Энгельгардт могли наблюдать «наполеоновские увлечения» Тухачевского в походных условиях. Особенно Энгельгардт, его земляк-смолянин, являвшийся в августе 1914 г. младшим офицером 5-й роты, вместе с 7-й ротой, в которой служил Тухачевский, входившей в состав 2-го батальона л.-гв. Семеновского полка.

Не ставя перед собой цель провести всесторонний и детальный сравнительный анализ личностей Тухачевского и реального Наполеона, ограничусь в этом плане лишь некоторыми штрихами.

⁴³ Цуриков Н.А. Генерал Тухачевский.

⁴⁴ Русская смута устами проигравших. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24777802.html>

⁴⁵ Подробнее см.: Минаков С.Т. Лейб-гвардии капитан Тухачевский. Орел, 2012. С. 129—140; Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М., 2004. С. 155.

⁴⁶ Русская смута устами проигравших.

⁴⁷ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о России. С. 191.

⁴⁸ Русская смута устами проигравших.

Несмотря на внешнее сходство с Наполеоном, несомненно, влиявшем на самочувствие и самоидентификацию Тухачевского, особенно в ранней молодости, несмотря на мечты о воинской славе, подобной «наполеоновской», несмотря даже на наличие бонапартистских политических намерений, несомненно, беспокоивших его время от времени, Тухачевского, пожалуй, вряд ли можно идентифицировать как «красного Наполеона» по его психотипу.

Лейтенант Бонапарт, в отличие от Тухачевского, не был одержим войной и армией и не грезил мечтами о славе великого полководца и уж, конечно, в мыслях не представлял себя императором французов. В молодости его мечты выше чина майора не простирались. Ему больше импонировала карьера военного моряка, каковым он, к своему сожалению, не стал. Одно время он хотел стать писателем, пробовал себя на этом поприще; первоначально он был корсиканским националистом, писал «Историю Корсики». Он стал офицером артиллерии, куда, как правило, попадали лица буржуазного происхождения или бедные дворяне, предки которых часто также являлись выходцами из буржуа. По собственному признанию, Наполеон почувствовал свою незаурядность лишь в 1796 г., в сражении на Лодийском мосту.

Наполеон вырос из Века Просвещения, верил в Просвещенный Разум, его любимой книгой была «Страдания молодого Вертера» Гете, его увлекала государственная деятельность, устройство общества на принципах Просвещенного Разума. Он тяготел к рационализму. Он был убежден в том, что «у государственного человека сердце должно быть в голове».

Тухачевский был рожден декадансом, он верил в «волю и представление» (по Шопенгауэру и Ницше), был увлечен Достоевским и очарован образом Николая Ставрогина из «Бесов». Примечательна краткая характеристика Тухачевского 1923 г., настраивающая на некоторые размышления, принадлежащая русскому философу И.А. Ильину, на предмет «бонапартистского потенциала»: «Тухачевский: честолюбив, фаталистичен, молчалив, кажется, не умен. Может стать центром заговора. Вряд ли справится»⁴⁹. Как любое персональное свидетельство о ком-либо, мнение Ильина также не свободно от субъективности. Однако известно, что природной гениальности (в чем-либо) далеко не всегда сопутствует выдающийся интеллект, развитый практический разум. Это особенно свойственно профессиональным воинам, род занятий которых в жизни способствует развитию упрощенного представления о ней и о людях. Государство и государственная деятельность привлекали Тухачевского, главным образом, как инструмент обслуживания армии и войны. В этом отношении социализм представлялся ему, главным образом, как весьма эффективная система и инструмент для реализации его военных грез. Он был до мозга костей военным, но не государственным человеком.

«Быть может, руководимый гениальным инстинктом своим, — писал о Наполеоне русский мыслитель К.Н. Леонтьев, — он и к завоеваниям стремился не для того только, чтобы прославить себя и славой укрепить свою династию, но вместе с тем и для того, чтобы неравноправностью *национальной*,

⁴⁹ Ильин И.А. — Врангелю П.Н., 1923—1928 гг. Переписка // Русское прошлое. Вып. 6. СПб., 1996. С. 222—223.

внешней, *провинциальной* возместить недостаток неравноправности внутренней, сословной, *горизонтальной*»⁵⁰. Быть может, предложу я свое толкование этой леонтьевской мысли и позволю себе ее, по-своему, продолжить. Будучи в юности и ранней молодости корсиканским националистом, Наполеон-император хотел, чтобы его считали французом, и сильно раздражался, когда ему напоминали его корсиканское происхождение. В другое время другой диктатор, Сталин, из пылкого молодого грузинского националиста Кобы превратился в человека, не очень любившего, когда ему напоминали о его грузинском происхождении. Он хотел считаться русским. Он тоже был провинциалом, из среды «маленьких людей», горцем (состояние, в чем-то близкое состоянию островитянина-Наполеона). В этом отношении натура Сталина, несомненно, имела много общего с природой Наполеона (разумеется, с поправкой на его церковно-семинаристское образование и «азиатско-кавказскую» ментальность), может быть значительно больше, чем натура Тухачевского, хотя Коба не был наделен выдающимися природными военными дарованиями и внешне совсем не походил на Наполеона.

---

⁵⁰ Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев К. Храм и церковь. М., 2003. С. 366—367.

Зубкова Е.Ю.

Судьба культурного наследия России в контексте музейной политики. Пригородные дворцы Петрограда-Ленинграда в 1920–1930-е гг.

1917 год: «Война дворцам»? Первые шаги по спасению
культурных ценностей России

Музеи — это не только памятники истории, сохраняющие прошлое для потомков. Они сами — часть этой истории, ее живые субъекты, фиксирующие в своих судьбах переломы и события Большой истории. Революция 1917 г. разделила историю России на *до* и *после*. Первый порыв любой революции — и в этом смысле российская не была исключением — начать все с «чистого листа», подвести черту под прошлым. «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног», — с этих слов П. Лаврова, написанных на музыку «Марсельезы», начинался новый гимн России, утвержденный Временным правительством после отречения от престола императора Николая II. В песне говорилось о ненависти к «богачам» и «царским чертогам», что тоже было весьма созвучно разрушительному пафосу революции. Риторiku французской революции в 1917 г. активно использовали самые разные политические силы. Лидер большевиков В.И. Ленин свое воззвание к солдатам начинал с популярного лозунга: «Мир хижинам — война дворцам!». Фраза, первоначально имеющая скорее метафорическое значение, в стихии насилия первых месяцев революции вдруг начала обретать конкретный, адресный смысл.

Дворцы Петрограда, Царского Села, Гатчины, Петергофа, еще недавно служившие резиденциями членов императорской фамилии, после упразднения монархии в России оказались на какое-то время бесхозными¹. Над уникальными архитектурными комплексами и собраниями культурно-исторических ценностей нависла реальная угроза разрушения и разграбления. Их надо было спасти — в буквальном смысле слова — и решать дальнейшую судьбу как самих зданий и парков, так и дворцовых художественных коллекций. Что делать с дворцами Романовых? Идея превращения их в музеи родилась почти сразу же и нашла немало сторонников-энтузиастов. Однако однозначного ответа на

¹ Среди пригородных дворцов, принадлежавших императорской фамилии, только Павловск после отречения Николая II не потерял своих прежних владельцев. В Павловске продолжали жить наследники великого князя Константина Константиновича Романова. Декрет о конфискации имущества всех членов семьи Романовых был принят правительством большевиков, Советом народных комиссаров РСФСР, 13 июля 1918 г.

вопрос о будущем так называемого «романовского наследия» не существовало ни среди художественных экспертов, ни среди людей, облеченных властью.

После упразднения монархии у новой власти вообще не было сколько-нибудь внятной культурной политики. Оба властных центра — Временное правительство и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов — были заняты противостоянием друг с другом и решением других неотложных проблем, среди них — продолжающаяся война, земельный вопрос, угроза голода в городах, всплеск насилия, экономический хаос. На фоне этих проблем вопрос о судьбе бывших царских резиденций казался из разряда второстепенных, а то и вовсе не заслуживающих внимания.

Первыми тревогу забили не политики, а представители российской интеллигенции, деятели культуры. 4 марта 1917 г., через два дня после отречения императора, писатель Максим Горький пригласил к себе на петроградскую квартиру известных художников, литераторов, искусствоведов, архитекторов. Обсуждали вопрос о мерах по спасению и охране памятников архитектуры и других культурно-исторических ценностей. На этой встрече было принято решение о создании специальной комиссии, которой, по замыслу инициаторов, предстояло взять в свои руки охрану культурного наследия России. Возглавил комиссию Горький (поэтому ее чаще всего называли *Горьковской комиссией*), а его заместителями стали художники Александр Бенуа и Николай Рерих². Первым результатом коллективного творчества членов комиссии стал текст Воззвания к гражданам России. В нем культурные ценности, принадлежавшие представителям «старого режима», объявлялись национальным достоянием, которое необходимо защитить от актов вандализма. Воззвание было опубликовано в газете «Известия» от имени Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, что придало документу официальный статус³.

Насилие, как известно, обладает большой инерционной силой, остановить его разрушительную волну с помощью одних только призывов невозможно. Кроме того, маргинализованный толпа часто истолковывала слова о «народном достоянии» вульгарно — как дарованное революцией право, пользуясь случаем, отхватить от ставшего общим «добра» свой кусок (позднее удобным прикрытием такого рода действий станет еще один популярный лозунг — «грабь награбленное»). Для того, чтобы революционные массы могли выйти из состояния войны с дворцами и начать воспринимать их как ценность, нуждающуюся в уважении и защите, необходимы были специальные усилия государственного уровня. Комиссия Горького не имела ни ресурсов, ни реальных полномочий для решения такого рода задач. Поэтому, несмотря на то, что статус комиссии признали как Петроградский Совет, так и Временное правительство⁴, она вскоре прекратила свою деятельность.

---

² Шутилова А.О. Становление системы музейного учета. 1917—1938 // Город Пушкин. Дворцы и люди. СПб., 2015. С. 7.

³ Известия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 1917. 8 марта.

⁴ Поскольку Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов действовали независимо друг от друга, Комиссия Горького получила два официальных названия: Особое совещание по делам искусств — при комиссаре Временного правительства, и Комиссия по делам искусств — при Исполнительном комитете Петроградского Совета.

Одной из задач, которые ставила перед собой Горьковская комиссия, было принятие срочных мер по сохранению имущества царских дворцов. Члены комиссии выезжали в пригородные дворцы, чтобы изучить положение дел на месте. В результате в мае 1917 г. по решению Временного правительства создаются специальные группы — Комиссии по приемке и охране бывших царских резиденций в Зимнем дворце, Царском Селе, Гатчине и Петергофе. Позднее они получили название *Художественно-исторических комиссий*, в них и сосредоточилась главная работа по охране дворцов и превращению их в музеи.

В момент создания комиссий их задачи были сформулированы в самом общем виде — приемка, регистрация и систематизация имущества дворцов. В процессе регистрации предметы дворцового интерьера и коллекций предстояло разделить с точки зрения их культурно-исторической ценности на две части — художественную и хозяйственную⁵. Принципы отбора, как и методику учета, предстояло определить самим экспертам. Как признавался председатель Гатчинской комиссии В.П. Зубов, ясности по этим вопросам первоначально не было ни у него, ни у его коллег⁶. Во дворцах существовали составленные ранее описи (инвентарные списки) имущества, но их сведения частично устарели, описание предметов, как правило, носило самый общий характер, что затрудняло их идентификацию. Поэтому члены художественно-исторических комиссий проводили приемку имущества царских дворцов и одновременно осуществляли первое научное описание их коллекций. Масштабы проделанной за несколько месяцев работы поражают, особенно учитывая обстановку революционной смуты, охватившей Россию.

Благодаря деятельности комиссий основное имущество дворцов удалось спасти от расхищения, а дворцы — от разгрома. Но вопрос о дальнейшем использовании дворцовых комплексов по-прежнему оставался нерешенным. Неясна была и судьба их художественных собраний — будут они переданы в центр или останутся на месте как часть вновь создаваемых музеев. Среди тех, кто настойчиво выступал за превращение бывших царских резиденций в национальные музеи, был граф В.П. Зубов. Подводя итог годовой деятельности Гатчинской художественно-исторической комиссии, он писал в мае 1918 г.: «Очень быстро стало очевидно, что дворцы представляют собою исторически сложившиеся организмы, тесно связанные с происходившими в них событиями, и памятники художественных вкусов последовательных поколений. Разрознивать их было бы крупной ошибкой. Их надо было сохранять как самостоятельные культурно-исторические и художественные музеи»⁷.

В то время не только российский, но и мировой опыт знал не так много прецедентов превращения монарших дворцов в музеи. Два самых знаменитых примера из этого ряда — Лувр и Версаль — представляли две разных концепции организации музеев на основе бывших королевских резиденций: музей во дворце и дворец-музей как единый архитектурно-художественный комплекс. Зубов был сторонником второго подхода. Он полагал, что не все, но уникальные дворцо-

⁵ Шутилова А.О. Становление... С. 7—9.

⁶ Зубов В.П. Страдные годы России. М., 2004. С. 42—43.

⁷ Там же. С. 43.

вые ансамбли (в их числе пригородные дворцы императорской семьи) должны соединить в себе историко-бытовой и художественный музей. Каждый из них имел свою историю и свое индивидуальное лицо, поэтому организация дворца-музея требовала индивидуального подхода. Но главный принцип музеефикации дворцов, по мнению Зубова, должен был оставаться общим. Этот принцип он сформулировал следующим образом: «Музей-Дворец есть прежде всего памятник жизни, книжка с картинками, ярче, чем всякие слова, способный создать атмосферу известных эпох, повседневный обиход и все *ambiente*, ускользающее от нас, когда мы имеем дело с крупными историческими событиями»⁸.

Когда к власти в России пришли большевики, они вопреки пессимистичным прогнозам не только объявили о своем намерении взять под охрану памятники истории и культуры, но и впервые вывели эти усилия на уровень государственной политики. Произошло это во многом благодаря личной позиции народного комиссара просвещения А.В. Луначарского. Одним из первых решений наркома был приказ о продолжении работы художественно-исторических комиссий в Зимнем дворце, Царском Селе, Гатчине и Петергофе. Не обошлось без нововведений: помимо сотрудников-экспертов в каждой комиссии появляется комиссар, выполняющий главным образом функции политического контроля⁹. На основе художественно-исторических комиссий Петрограда и пригородных дворцов создается Объединенная комиссия, которая помимо решения практических вопросов учета и охраны художественных ценностей Петрограда и пригородов занимается разработкой принципов будущей музейной политики. Дворцы готовятся получить статус государственных музеев, а до этого их имущество объявляется неприкосновенным и не подлежащим отчуждению без решения полномочных государственных органов¹⁰. Аналогичная комиссия создается и в Москве.

Начало формирования государственной музейной политики

Царские резиденции были не единственными хранилищами художественных ценностей, нуждавшимися в охране. В зоне риска находились все культурно-исторические памятники, которые в сознании революционных масс воспринимались как символы «проклятого прошлого», в их числе дворянские усадьбы и храмы. Культурные ценности России снова оказались под угрозой утраты — как под влиянием идеи разрушения «старого мира», так и вследствие неприкрытого идейным камуфляжем грабежа и вандализма. Многие произведения искусства покинули страну вместе со своими владельцами, другие попали в руки частных лиц, и их дальнейшая судьба была неизвестна.

⁸ Докладная записка графа В.П. Зубова о деятельности Комиссии по приемке и охране Гатчинского Дворцового имущества и Дирекции Гатчинского Музея-Дворца за время от 27-го мая 1917 г. по 2/15 мая 1918 г. // *Зубов В.П.* Страдные годы России... С. 148—149.

⁹ Должность комиссара в системе управления дворцами-музеями просуществовала до 1921 г. См.: *Шутилова А.О.* Становление... С. 12.

¹⁰ *Кузина Г.А.* Государственная политика в области музейного дела в 1917—1941 гг. // *Музей и власть.* Ч. 1. М., 1991. С. 100—101.

Уцелевшие от разрушений здания дворцов и городских усадеб привлекали к себе взоры различных учреждений и контор, которые после революции возникали в большом количестве, а помещений для них не хватало. В условиях жилищного кризиса исторические здания стали использоваться под жилье. К жизни во дворцах примеривались и новые представители власти, отвоеывая себе в буквальном смысле слова «царские апартаменты»: ни Зимний дворец в Петрограде, ни Большой Кремлевский дворец в Москве не избежали этой участи. Никакого законодательства относительно охраны и использования памятников культуры не существовало, его только предстояло создать.

Формирование собственной культурной политики большевики начали с национализации наиболее значимых собраний культурно-исторических ценностей и создания на их основе государственных музеев. Первым музеем, получившим статус государственного, стал Зимний дворец (30 октября 1917 г.), а первым национализированным художественным музеем — Третьяковская галерея¹¹, которой было присвоено имя ее создателей братьев Павла и Сергея Третьяковых (31 мая 1918 г.)¹².

Весной—летом 1918 г. создаются государственные структуры, ответственные за музейное дело и охрану памятников: в составе Наркомата просвещения появляется сначала Коллегия, а позднее специальный Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины (сокращенно — Музейный отдел, позднее — Главмузей¹³). В Положении о Коллегии суть ее работы формулируется следующим образом: «найти способ создать условия, благоприятные для процветания русских музеев», для чего необходимо разработать «основы государственной музейной политики»¹⁴. Так понятие «государственная музейная политика» впервые появляется в официальном документе. Его автор — художник, искусствовед и реставратор И.Э. Грабарь, который недолго был председателем Коллегии, а потом стал заместителем заведующего Музейным отделом Наркомпроса. Возглавила отдел Н.И. Троцкая (Седова)¹⁵, жена одного из большевистских лидеров — Л.Д. Троцкого. Сотрудников для отдела начал подбирать еще Грабарь, поэтому штат формировался не по политическому, а по профессиональному принципу и состоял из высококвалифицированных экспертов. Единственным членом партии большевиков в Музейном отделе долгое время оставалась его руководитель Н.И. Троцкая. Так создавалось одно из самых «культурных» подразделений Наркомпроса. Аппарат музейного отдела работает «недорого, скоро и хорошо», — отзывался о его деятельности нарком Луначарский¹⁶.

¹¹ До 1892 г. галерея находилась в частном владении Сергея и Павла Третьяковых. После смерти брата Павел Третьяков передал художественную коллекцию вместе со зданием в дар городу Москве, с 1893 г. галерея стала общедоступным музеем.

¹² Кузина Г.А. Государственная политика... С. 112—114.

¹³ Главмузей — Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Народном комиссариате просвещения РСФСР.

¹⁴ Кузина Г.А. Государственная политика... С. 106—107.

¹⁵ В 1927 г. Наталья Троцкая вынуждена была оставить пост руководителя Музейного отдела Наркомпроса и последовала в ссылку за мужем сначала в Алма-Ату, а потом они вместе покинули СССР.

¹⁶ Кузина Г.А. Государственная политика... С. 108.

Помимо практической работы Музейный отдел Наркомпроса занимался разработкой законодательства в области охраны памятников культуры. 19 сентября 1918 г. Совет народных комиссаров принял декрет о запрещении вывоза художественных ценностей из России и продажи их за границей. Отныне вывоз произведений искусства мог осуществляться только по разрешению Музейного отдела Наркомпроса. 5 октября 1918 г. появился декрет о регистрации, учете и охране культурных ценностей, находящихся в частном владении, а также у различных обществ и учреждений. Декретом предписывалось провести государственную регистрацию памятников искусства и старины. Их владельцам выдавались охранные грамоты, однако «в случае недобросовестного хранения и использования» предметы искусства подлежали конфискации¹⁷. Так создавалась правовая база для организации охраны памятников культуры в масштабах всей страны — шаг исключительно важный, позволивший остановить волну разрушения и избежать многих культурных утрат.

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, принятие «хороших» законов не служило гарантией от их нарушения. Причем первой нарушила законы об охране культурного наследия та самая власть, от имени которой они принимались. Уже в 1920—1921 гг. началась распродажа российских музейных коллекций, в 1922 г. прошла кампания по изъятию ценностей из церквей. Конфискации проводились под разными предлогами — сначала для пополнения бюджета, потом для оказания помощи голодающим, и, наконец, для нужд индустриализации. Каждый раз подобные изъятия оправдывались ссылкой на «государственные интересы».

На протяжении всего периода 1920-х гг. Наркомпрос, ответственный за охрану историко-культурного наследия, находился под постоянным давлением различных ведомств, претендующих на исторические здания, произведения искусства и другие культурные объекты. Одним из главных способов противодействия этому натиску являлась музеефикация историко-художественных памятников. Так складывалась государственная музейная политика, содержание которой определял конфликт между двумя разными подходами к использованию объектов культурного наследия — их сохранение в виде памятников культуры, с одной стороны, или «утилизация», т.е. практическая реализация, исходя из нужд сегодняшнего дня — с другой. Вплоть до конца 1920-х гг., несмотря на утраты и «утилизацию» части культурного достояния, позиции сторонников музеефикации были достаточно сильны и опирались на государственную поддержку в лице Наркомпроса и его Музейного отдела. Статус музея служил своего рода охранной грамотой, позволившей сберечь, а потом отреставрировать уникальные архитектурные комплексы, дворцы и храмы, предотвратить распродажу особенно ценной части их внутреннего убранства и художественных коллекций.

Проблем было много — от недостатка финансовых средств до потребности в специалистах музейного дела, которых не хватало, поскольку их нигде специально не готовили. Сопrotивление встречала сама идея преобразования дворцов в музеи. Даже среди интеллектуалов находилось немало сторонни-

---

¹⁷ Там же. С. 115—116.

ков разрушения прошлого — ради «расчистки» культурного пространства для зарождения новой культуры. Эту точку зрения отстаивали поэты Александр Блок и Владимир Маяковский, художники Лев Бруни и Казимир Малевич. Бруни предлагал создать специальную комиссию «по разрушению памятников искусства и старины»¹⁸. Малевич написал статью «О музеях», где утверждал: «всякое соби́рание старья наносит вред». «Скорее можно пожалеть о сорвавшейся гайке, нежели о разрушившемся Василии Блаженном», — рассуждал в 1919 году автор знаменитого «Черного квадрата»¹⁹.

Идея сохранения «романовского хлама», как иногда называли царские дворцы, была еще менее понятной простому обывателю — «человеку из народа». Первоначально посещаемость музеев была невысокой. Отмечая этот факт, Анатолий Луначарский сравнивал необразованную публику со «слепыми кротами», которым еще только предстояло «прозреть»: «Необходимо возможно скорее соорудить мост от мира детей солнца к миру кротов и доказать массам, что музей для них необходим. Нет иного пути защитить музеи, как заинтересовать массы в их существовании»²⁰.

Музеи, по мысли советского наркома, и были таким мостом — «орудием самообразования». Однако культуртрегерской миссией задачи музеев не ограничивались. Луначарский представлял музеи как многофункциональные центры: хранилища древностей и художественных ценностей, центры просвещения и науки, а также место эстетического, интеллектуального наслаждения²¹. Повышению научного статуса музеев способствовало объединение управления музеями и научными учреждениями в структуре Наркомпроса²². Труднее обстояло дело с просветительской функцией музеев. Понятие «просвещение» в широком смысле слова, т.е. приобщение народа к ценностям культуры, все чаще стало употребляться в другом значении — как «политическое просвещение», агитационно-пропагандистская работа. Эти задачи были возложены на специальный орган — Главполитпросвет²³, созданный в ноябре 1920 г. в составе Наркомпроса РСФСР. Между Главполитпросветом, стремящимся взять под жесткий партийный контроль музейное дело, и Музейным отделом Наркомпроса началась настоящая борьба за музеи. Исход конфликта решал будущую судьбу музеев: останутся ли они центрами культуры и хранителями памяти о прошлом или превратятся в еще одну пропагандистскую площадку. Все перипетии этой борьбы отразились в конкретных историях дворцов, храмов, архитектурных комплексах, ставших первыми советскими музеями.

¹⁸ *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006. С. 274.

¹⁹ *Малевич К.* О музеях // Искусство коммуны. 1919. № 13.

²⁰ *Луначарский А.В.* Речь на Первой Всероссийской конференции по делам музеев. 11 февраля 1919 г. Цит. по: *Кузина Г.А.* Государственная политика... С. 117.

²¹ *Кузина Г.А.* Государственная политика... С. 117—118.

²² В 1922 г. в Наркомате просвещения было создано Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (сокращенно Главнаука), в состав которого вошел и Музейный отдел.

²³ Главполитпросвет — Главный политико-просветительский комитет. Создан по решению Совета народных комиссаров РСФСР 12 ноября 1920 г.

Пригородные дворцы-музеи в 1920-е гг.

Для пригородных дворцов борьба большевистской власти с памятью о прошлом началась с переименований: Царское Село было переименовано в Детское Село (позднее Пушкин), Гатчина — в Троцк (потом Красногвардейск), Павловск — в Слуцк. Только Петергоф пока сохранил свое историческое название (в 1944 г. немецкое название города звучало по-русски — *Peterhof* стал *Петродворцом*).

Петергоф в новом качестве музея первым из бывших пригородных резиденций открыл свои двери для посетителей: 18 мая 1918 г. по залам Большого дворца прошла первая, еще малочисленная группа рабочих-экскурсантов, 2 июня во дворце побывали уже 400 человек. В качестве экскурсоводов «на общественных началах» выступали члены Петергофской художественно-исторической комиссии под руководством Ф.Г. Беренштама. Он же составил первую инструкцию-памятку, чтобы люди, впервые пришедшие в музей, знали, как себя там правильно вести²⁴. Летом 1918 г. открылись музеи в Царском Селе и Гатчине. Посетители дворцов-музеев в Царском Селе перед входом в залы одевали поверх обуви специальные полотняные туфли — «музейные тапочки». Эту практику ввел хранитель царсосельских дворцов В.И. Яковлев. Она не только позволила сберечь уникальные паркетные полы, но и являлась символическим жестом, психологически готовившим посетителей к встрече с прекрасным. «Это внушает посетителю, как бы ни был он непривычен к такой обстановке, идею о том, что он находится среди народного достояния, где все должно быть охраняемо государством и публикой с самой крайней заботливостью», — оценил инициативу Яковлева нарком Луначарский²⁵.

Одновременно с открытием дворцовых залов шло обсуждение концепции будущих музейных комплексов. Чтобы сохранить дворцы в качестве памятников культуры, надо было придумать для этого пропагандистскую «обертку» — вписать процесс музеефикации дворцов в идеологический контекст времени. «Почему мы охраняем дворцы Романовых?» — Луначарскому в качестве руководителя Наркомпроса пришлось не раз выступать с публичными разъяснениями по этому вопросу²⁶. Его размышления были созвучны идеям В.П. Зубова, представлявшему дворцы в виде живых картин прошлого — «книжки с картинками». Комментируя первые экскурсии по Екатерининскому и Александровскому дворцу Царского Села, Луначарский писал: «Вся история самодержавия проходит здесь перед лицом тех рабочих и учащихся, которые приезжают толпами из Петербурга, гуляют по вековым паркам и затем входят в этот дворец, содержимый в величайшем порядке...»²⁷.

²⁴ Мельникова Н.В. «О прошлом Петергофа с улыбкой говорить...»: Из истории становления экскурсионного дела в Петергофе // История Петербурга. 2010. № 1 (53). С. 56.

²⁵ Луначарский А.В. Советская власть и памятники старины... С. 54.

²⁶ В 1926 г. А.В. Луначарский опубликовал серию очерков под названием: «Почему мы охраняем дворцы Романовых: Путевые впечатления» (Красная новь. 1926. 13, 16, 17, 19 июля). Впоследствии эти очерки были включены в сборник его работ «Об изобразительном искусстве» (М., 1967).

²⁷ Луначарский А.В. Советская власть и памятники старины // Луначарский А.В. Об изобразительном искусстве... С. 54.

Луначарский представлял дворцы как памятники дворянской культуры, свидетельства ее истории от расцвета до упадка. В его концепции дворцы — это высокие образцы европейской культуры и одновременно памятники, отражающие эстетические предпочтения разных представителей семейства Романовых — «траекторию развития царских вкусов»²⁸. При этом нарком не забывал отдать должное «классовому подходу», напоминая, что великолепие дворцов создавалось руками народа. Вспоминая Павловск периода расцвета — «памятник, равных которому мало можно найти в Европе» — Луначарский замечал: «Эксплуатируя труд крепостных, цари того времени, уверенно стоявшие во главе своего дворянства, умели использовать всю Европу и заменяли азиатскую пышность своих московских предшественников самыми утонченными произведениями европейской культуры»²⁹.

Таким образом, уже в самом начале процесса преобразования бывших царских резиденций в дворцы-музеи они задумывались как *историко-художественные комплексы*, соединяющие в себе историю российского самодержавия и лучшие образцы европейской культуры. Поэтому при планировании экспозиции музеев предполагалось часть помещений дворцов, главным образом парадные залы, сохранить в неизменном виде, а другую часть использовать под тематические выставки — постоянные и временные.

Такова была общая идея, вместе с тем музеефикация каждого дворцового комплекса требовала индивидуального подхода. В.И. Яковлев предлагал превратить Екатерининский дворец не только в памятник императорского быта, но и показать всю жизнь дворца как живого организма, в том числе и быт придворных. По его инициативе началась музеефикация нижнего этажа дворца (так называемой свитской половины), где располагались апартаменты императорской свиты³⁰. В Гатчине ждал своего воплощения проект В.П. Зубова по созданию портретной галереи на основе художественной коллекции дворца, эту идею поддерживал Луначарский³¹. Особого подхода требовал Петергоф, где помимо решения судьбы многочисленных дворцов и павильонов предстояло отреставрировать и поддерживать уникальную гидротехническую систему фонтанов.

Не все идеи по музеефикации дворцов удалось реализовать, как это задумывалось, многие проекты были осуществлены в «урезанном» виде. Не состоялся проект создания портретной галереи в Гатчинском дворце, не удалось сохранить в неизменном виде апартаменты и убранство свитской половины Екатерининского дворца в Царском Селе. Не выделяли средств на ремонт фонтанов в Петергофе, в результате в начале 1920-х гг. многие из них уже просто не работали. Но здесь на помощь Петергофу неожиданно пришла стихия: в сентябре 1924 г. на Ленинград и пригороды обрушилось наводнение. От наводнения сильно пострадали постройки, фонтаны и каналы Нижнего парка Петергофа. Дворцово-парковому комплексу, который к тому времени уже превратился в любимое место отдыха ленинградцев, потребовались

²⁸ Луначарский А.В. Почему мы охраняем дворцы Романовых... С. 177.

²⁹ Луначарский А.В. Советская власть и памятники старины... С. 55.

³⁰ Кучумов А.М. Пригородные дворцы-музеи. 1928—1936 гг. // Кучумов А.М. Статьи, воспоминания, письма. СПб., 2004. С. 52.

³¹ Луначарский А.В. Почему мы охраняем дворцы Романовых... С. 177.

срочные ремонтно-реставрационные работы. С 1925 г. они приобрели систематический характер и, хотя проводились с разной степенью интенсивности, позволили сделать главное — сохранить уникальный архитектурно-художественного ансамбль Петергофа. Произошло это во многом благодаря усилиям директора Петергофских дворцов-музеев Н.И. Архипова³².

Как потом писал один из ближайших помощников Архипова С.С. Гейченко, в результате этих совместных усилий в течение нескольких лет «заболоченный, разваливающийся Петергоф стал действительно Русским Версалем»³³. Чтобы Петергоф вернул себе славу «Русского Версаля», Архипову пришлось защищать дворцы и парки не только от разрушительной силы времени, но и от различных проектов по их «утилизации». Таких проектов возникло немало — начиная от претензий на отдельные объекты дворцово-паркового ансамбля и заканчивая планами превращения Петергофа в Парк культуры и отдыха. На этой почве между Архиповым и чиновниками из Ленинграда не раз возникали конфликты. В чиновных кругах его называли «хранителем царских горшков», «человеком, осыпанным музейным нафталином». Приходилось обороняться, используя разные уловки, в том числе обращаясь за помощью к влиятельным покровителям. Известно, что Петергоф особенно любил партийный руководитель Ленинграда С.М. Киров. В июле 1933 г. вместе с Кировым Петергоф посетил Сталин. «Я сопровождал И.В. Сталина, — вспоминал об этом визите Архипов, — задал вопрос “Правильно ли было сохранять Петергоф и правильно ли делать это впредь?”, на что получил лаконичный ответ: “Правильно!”»³⁴

Однако одобрение Сталина лишь на время смягчило остроту конфликта. В 1937 г. политическая ситуация в стране изменилась: то, что раньше называлось защитой «романовского хлама», теперь могло квалифицироваться как «антисоветская агитация и пропаганда». Архипов был сначала исключен из партии, потом арестован и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей за «контрреволюционную деятельность».

В 1920-е гг. все дворцовые комплексы требовали ремонтно-реставрационных работ в той или иной степени. На конференции музеев Москвы и Петрограда (июль 1922 г.) отмечалось «катастрофическое состояние музейных зданий, являющихся во многих случаях памятниками мирового значения». В сентябре 1922 г. правительство выделило специальные средства на ремонт пригородных дворцов Петрограда³⁵. Но этих денег все равно не хватало, и музеи находились в исключительно тяжелом финансовом положении. Экономические трудности испытывала в те годы вся страна: разруха, доставшаяся в наследство от времен революции и Гражданской войны, усугублялась непродуманной экономической политикой «военного коммунизма» и неурожаем 1921 г., ставшим причиной голода в ряде регионов России. Любое государ-

³² Раскин А.Г., Уварова Т.В. Возвращение имени: Николай Ильич Архипов // Псков. 2010. № 33. С. 133—134.

³³ Отзыв С.С. Гейченко о научной работе Н.И. Архипова // Михайловская Пушкиниана. Вып. 51. Михайловское, 2010. С. 193.

³⁴ Мельникова Н.В. «О прошлом Петергофа с улыбкой говорить...»... С. 60.

³⁵ Кузина Г.А. Государственная политика... С. 150.

ство, оказавшись в ситуации финансового кризиса, первым делом экономит на «культуре». Большевики в данном случае не стали исключением. В 1922 г. заместитель председателя Совета народных комиссаров А.И. Рыков высказал пожелание сократить расходы на охрану памятников искусства и старины³⁶. Более того: финансирование музеев сокращалось, сами музеи, точнее их коллекции, стали рассматриваться как источник пополнения государственного бюджета. Начались первые распродажи экспонатов из музейных фондов.

Культура между бизнесом и политикой

Государственная политика по отношению к культурному наследию России в 1920-е гг. отмечена рядом парадоксов. Главный из них заключался в том, что стремясь сохранить историко-художественные памятники и поставить их под государственную охрану, то же самое государство приложило руку к разрушению культурного ландшафта России. Это происходило в результате как «утилизации» части исторических памятников, так и распродажи культурных ценностей страны, которая была санкционирована большевистской властью. Новая власть для укрепления собственного еще весьма неустойчивого статуса и вывода страны из кризиса остро нуждалась в средствах, для их поиска и мобилизации в начале 1920-х гг. были задействованы все возможные ресурсы, в том числе и ресурсы культурные³⁷.

Первоначально речь не шла о распродаже ценностей, имеющих историко-художественное значение. Вопрос ставился иначе: создать и сосредоточить в руках государства золотовалютный фонд, предназначенный для проведения внешнеторговых и финансовых операций. Фонд должен был состоять из драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них. С этой целью решением Совета народных комиссаров в феврале 1920 г. создано Государственное хранилище ценностей РСФСР — *Гохран*. В декрете об образовании Гохрана специально оговаривался статус ценностей, находящихся в музеях,

³⁶ Там же. С. 128.

³⁷ История распродаж культурных ценностей России в 1920-е и 1930-е гг. нашла отражение в ряде публикаций. Главный акцент в этих исследованиях делается на продаже произведений искусства из фондов Эрмитажа и других известных музеев. См.: Проданные сокровища России: История распродажи национальных художественных сокровищ, конфискованных у царской фамилии, церкви, частных собственников, а также изъятых из музейных собраний СССР в 1918—1937 гг. М., 2000. (На англ. яз.: *Selling Russia's Treasures: the Soviet Trade in Nationalized Art, 1917—38*. Paris; Moscow, 2013); *Пуотровский Б.Б.* История Эрмитажа: Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000; *Verkaufte Kultur. Die sowjetischen Kunst- und Antiquitätenexporte, 1919—1938*. Frankfurt a. M.; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2001; *Осокина Е.А.* Антиквариат: (Об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки) // Экономическая история, 2002: Ежегодник. М., 2003. С. 233—268; *Жуков Ю.Н.* Сталин: операция «Эрмитаж». М., 2005; *Treasures into Tractors: the Selling of Russia's Cultural Heritage, 1918—1938* / Odom A., Salmond W.R., eds. Washington, D.C.; Seattle, 2009. Специально о продаже экспонатов из пригородных дворцов-музеев Ленинграда см. статьи Рифата Гафифуллина: *Gafffullin R.* Kunst und Antiquitäten aus den Leningrader Schlossmuseen, 1926—1934 // *Verkaufte Kultur*. S. 63—86; *Гафифуллин Р.Р.* Комиссия Госфондов («Внутренний экспорт» из пригородных дворцов-музеев. 1922—1934 гг.) // Павловск. Императорский дворец. Страницы истории. СПб., 2004. С. 232—241; *Gafffullin R.* Sales of Works from the Leningrad Palace Museums, 1926—1934 // *Treasures into Tractors*. P. 137—165.

храмах и монастырях: они не подлежали передаче в Гохран, но должны заноситься в описи — для учета³⁸. Однако впоследствии эти описи станут не только регистрационными документами, но и будут использоваться для изъятия ценностей из музеев и церквей.

Гохран был всего лишь хранилищем ценностей, его кладовые надо было пополнять. В ноябре 1921 г. создается специальная Комиссия — «по сосредоточению и учету ценностей». Главой комиссии назначается Л.Д. Троцкий — один из самых влиятельных членов большевистского руководства, который получает статус особоуполномоченного СНК по учету и сосредоточению ценностей. В этом деле у Троцкого был и свой, ведомственный интерес: 5% собранных драгоценностей выделялись на нужды армии — Реввоенсовету Республики, который Троцкий тогда возглавлял. Его правая рука в Комиссии — Г.Д. Базилевич, бывший подполковник царской армии, потом видный военачальник Красной армии, вскоре встанет во главе Гохрана. Политбюро определило срок работы Комиссии Троцкого — 6 месяцев. Потом будут создаваться другие комиссии, часто работающие параллельно, но курировать эту деятельность по линии Политбюро по-прежнему будет Троцкий³⁹.

Первая массовая кампания «по сосредоточению ценностей» 1921—1922 гг. коснулась храмов и монастырей. Изъятие церковных ценностей, проводившихся под лозунгом сбора средств на помощь голодающим, превратилось в настоящую погромную акцию в отношении Русской православной церкви и других конфессий⁴⁰. Однако в 1922 г. в поле зрения Комиссии по сосредоточению и учету ценностей попали не только храмы, но и музеи. Принципы поиска и отбора ценностей во многом были аналогичными тем, что применялись при проведении конфискационной кампании в церквях и монастырях. Из музеев подлежали изъятию ценные предметы, отнесенные к категории «не имеющих музейного (историко-художественного) значения». Для отбора таких экспонатов при музеях были организованы научно-художественные комиссии, которые в своей работе руководствовались специальной инструкцией⁴¹. Согласно этой инструкции, главным критерием разделения имущества музеев на предметы музейного и не музейного значения стал принцип их датировки. Не подлежали изъятию ценности, созданные до 1725 г., «в виде исключения» допускалась ликвидация ценностей 1725—1835 гг., после 1835 г. подлежали изъятию все предметы, исключая имеющие «высокохудожественное значение»⁴². Нечеткость критериев отбора предоставляла музейщикам известную свободу маневра и позволила тогда предотвратить распродажу наиболее ценной части музейных фондов. Кроме того Комиссию «по учету и сосредоточению» интересовала не

³⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 92—93.

³⁹ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922—1925 гг. Кн. 1. М., 1997. С. 18.

⁴⁰ Подробнее о кампании по изъятию церковных ценностей 1921—1922 гг. см: Архивы Кремля. Политбюро и Церковь...; *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922—1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997; *Петров М.Н.* Крест под молотом. Новгород, 2000; и др.

⁴¹ Инструкция была составлена Главным управлением науки Наркомата просвещения РСФСР (Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. М., 1921).

⁴² *Гафидуллин Р.Р.* Комиссия Госфондов... С. 232.

столько художественная ценность предметов, сколько материал, из которого они были изготовлены: в первую очередь изымались предметы из драгоценных металлов и ювелирные изделия — то, что имело широкий спрос на рынке. Изъятия 1922 г. не нанесли большого ущерба музейным коллекциям, но это была только «первая ласточка», первое звено в цепи последующих распродаж.

Продажа части имущества дворцов-музеев в начале 1920-х гг. помимо пополнения государственного бюджета преследовала еще одну цель — перевести музеи на «самокупаемость». В 1923 г. музеям предоставили право иметь так называемые специальные средства⁴³ — доходы, поступающие от продажи входных билетов⁴⁴, печатных изданий, эксплуатации земельных участков и строений, образующих вместе с музеями единый исторический и художественный ансамбль⁴⁵.

Следующим шагом на пути к самофинансированию музеев стало формирование на основе музейных коллекций Государственных фондов «немусейного значения» (сокращенно Госфондов), которые подлежали изъятию из музеев и последующей распродаже. Госфонды формировались не только на основе коллекций дворцов, они пополнялись за счет имущества дворянских усадеб, а также храмов и монастырей. Для управления процессом создания Госфондов и контроля над ним в начале 1924 г. был создан специальный орган — Комиссия Госфондов. Средства от реализации Госфондов должны были распределяться следующим образом: 60% — на содержание и ремонт дворцов-музеев, 40% — в государственный бюджет⁴⁶.

Уже с первых шагов работы Комиссии Госфондов стало ясно, что у ее уполномоченных и музейных работников разные представления о том, какой экспонат имеет историко-художественную ценность, а какой может быть отнесен к категории «немусейного значения». Первоначально отбор в Госфонды осуществляли сами музейщики, жертвуя в основном дублетными экспонатами и теми, которые можно заменить другими без ущерба для коллекции в целом. В основном речь шла о дворцовых сервизах, личных вещах членов императорской семьи, отдельных предметах дворцового интерьера. Потом представители Комиссии Госфондов стали непосредственно вмешиваться в процесс отбора, заявляя свои права на экспонаты из основной и дополнительной экспозиции музеев. Только за 1926 г. по пригородным дворцам-музеям в Госфонд выделено более 140 тыс. предметов, чья стоимость оценивалась в 1 млн руб.⁴⁷ Экономический эффект от первой волны распродаж музейного имущества был более чем скромным и не оправдал надежд инициаторов этой акции. Время массового спроса на антиквариат еще не пришло, цены на антикварном рынке были чрезвычайно низкими: так, если новая чашка высокого сорта фарфора продавалась в магазине по 4 руб. за штуку, то старинная

⁴³ Постановление СНК РСФСР «О специальных средствах на содержание культурных ценностей РСФСР» было принято 19 апреля 1923 г.

⁴⁴ Сначала посещение музеев было бесплатным. Плата за вход в музей была введена в 1922 г.

⁴⁵ Кузина Г.А. Государственная политика.... С. 150—151.

⁴⁶ Гафифуллин Р.Р. Комиссия Госфондов... С. 233—234.

⁴⁷ Кузина Г.А. Государственная политика.... С. 152—153; Гафифуллин Р.Р. Комиссия Госфондов... С. 235.

оценивалась не больше 2 руб. Пейзаж весьма среднего качества современного художника мог быть продан за 30 руб., тогда как старинная картина продавалась по цене 8—10 руб.⁴⁸

Поворотным в судьбе музейных собраний стал 1927 г. В это время в СССР началась реализация плана форсированной индустриализации. Предстояли огромные валютные затраты, связанные с новым промышленным строительством, закупкой машин, станков, технологических линий. Организация закупок была возложена на Наркомат внутренней и внешней торговли СССР. В его недрах и зародилась идея обеспечить пополнение валютных резервов за счет продажи музейных ценностей. В январе 1928 г. проект наркомата получил одобрение правительства, правда, с одной оговоркой: запрещался экспорт предметов старины и искусства из основных музейных коллекций⁴⁹. Эта оговорка, как выяснилось вскоре, носила лишь временный характер, и от реализации на рынке предметов «немусейного значения» до распродажи шедевров и экспонатов из основных музейных фондов оставался один шаг.

Музейные ценности, подлежащие реализации, проходили по категории «антиквариат». Именно так называлась государственная контора, созданная летом 1928 г. для проведения операции по отбору и продаже предметов из музейных коллекций⁵⁰. Аппарат «Антиквариата» состоял в основном из людей, далеких от сферы культуры. До того, как их мобилизовали на «культурный фронт», они занимались заготовкой сырья — кожи, льна и проч. Этим «заготовителям» предстояло решать судьбу произведений искусства⁵¹.

По экспортному плану Совнаркома на 1927/1928 г.⁵² рассчитывали получить от продажи антиквариата 8 млн руб., а выручили всего 700 тыс. Несмотря на очевидное фиаско, план на 1928/1929 г. по антикварному экспорту первоначально был определен в размере 11 млн руб.⁵³ Однако и эта цифра никак не соответствовала темпам индустриализации и связанными с ними валютным ожиданиями. 16 августа 1928 г. Политбюро принимает решение получить в 1928/1929 хозяйственном году за счет экспорта картин и музейных ценностей 30 миллионов руб.⁵⁴

Определение плана художественного экспорта в 30 млн руб. означало, что в продажу будут пущены не просто предметы из основных фондов музеев, но и подлинные шедевры из их коллекций. В музейном сообществе, в среде российских интеллектуалов решение о превращении произведений искусства в экспортный товар было расценено как символический жест, как рискованный поворот в культурной политике Советского государства, влекущий за

⁴⁸ Кузина Г.А. Государственная политика... С. 152—153.

⁴⁹ Осокина Е.А. Антиквариат... С. 234.

⁵⁰ «Антиквариат» — Главная контора по скупке и реализации антикварных вещей, первоначально существовала при Государственной экспортно-импортной конторе РСФСР (Госторге РСФСР). В 1929 г. получила статус всесоюзного ведомства и стала называться Всесоюзной государственной торговой конторой «Антиквариат».

⁵¹ Осокина Е.А. Антиквариат... С. 236.

⁵² В СССР в период с 1921 по 1930 годы планирование осуществлялось по так называемым «хозяйственным годам». Хозяйственный год (12 месяцев) не совпадал с календарным — начинался 1 октября и заканчивался 30 сентября.

⁵³ Осокина Е.А. Антиквариат... С. 244—245.

⁵⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: операция «Эрмитаж»...

собой не только необратимые культурные потери, но и политические риски. Понимая, что для людей, принимающих решения, коммерческие интересы в данный момент стоят выше интересов сохранения культурного достояния страны, защитники музеев доказывали экономическую неэффективность художественного бизнеса. Директор музеев Детского Села и Павловска В.И. Яковлев, подводя итоги первых распродаж дворцовых коллекций, писал об «убыточности и рискованности» этой операции и призывал прекратить ее — «пока не поздно»⁵⁵. Директор Оружейной палаты Московского Кремля Д.Д. Иванов в докладной записке, направленной в Наркомпрос, апеллировал к мировому опыту распродаж произведений искусства: «Все известные в истории попытки использования произведений искусства для поднятия финансов оказывались сплошь неудачными. Результат неизменно был такой же, как если в засуху выходить в поле поливать его из лейки. Пользы никакой, но вред от утраты культурных ценностей не замедлит дать знать о себе»⁵⁶.

Эти, как и другие аргументы, не были услышаны, хотя уже первые зарубежные аукционы и продажи частным коллекционерам доказали справедливость сомнений скептиков относительно экономической эффективности торговли произведениями искусства ради решения задач индустриализации. Перспектива получить «тракторную колонну за каждого Рембрандта»⁵⁷, которой вдохновлялись сотрудники «Антиквариата», заслоняла собой экономические расчеты и доводы разума, особенно если учесть, что трактора им были, несомненно, ближе, чем живопись. Художественный экспорт начался с распродаж имущества Госфондов, т.е. вещей, выделенных из музеев как не имеющих музейного значения. В конце концов, дело дошло до торговли шедеврами мирового уровня, украшавших коллекции лучших музеев Ленинграда и Москвы — Эрмитажа, Музея изящных искусств, Оружейной палаты. Погоня за шедеврами нанесла огромный ущерб, прежде всего, коллекциям этих музеев.

От антикварных распродаж пострадали фонды и других музеев, в том числе, пригородных дворцов-музеев Ленинграда. Несмотря на снижение цен на мировом рынке, вызванном кризисом 1929 г., предметы из дворцов пользовались спросом, особенно у частных коллекционеров. Пик выдач в «Антиквариат» из дворцовых коллекций пришелся на 1929—1932 гг., причем изымались для продажи экспонаты из основных музейных фондов, т.е. наиболее ценные вещи⁵⁸. Оценить размер ущерба, который нанесен в результате этих распродаж музейным собраниям Гатчины, Детского/Царского Села, Павловска, довольно сложно, поскольку значительная часть архивов этих музеев утрачена в годы Второй мировой войны⁵⁹. Сохранились свидетельства очевидцев — сотрудников музеев, вынужденно участвовавших в отборе уникальных музей-

⁵⁵ *Ботт И.К.* Изъятия предметов из Детскосельских дворцов-музеев в 1920—1930-х гг. // Город Пушкин. Дворцы и люди. СПб., 2015. С. 31.

⁵⁶ «...Вред от утраты культурных ценностей не замедлит дать о себе знать»: Докладная записка директора Оружейной палаты в защиту произведений искусства. 8 сентября 1928 г. // Отечественные архивы. 2001. № 3. С. 5.

⁵⁷ *Осокина Е.А.* Антиквариат... С. 236.

⁵⁸ *Гафифуллин Р.Р.* Комиссия Госфондов... С. 239.

⁵⁹ *Ботт И.К.* Изъятия предметов... С. 23—24; *Гафифуллин Р.Р.* Комиссия Госфондов... С. 239.

ных экспонатов для продажи и пытавшихся, насколько это было возможно, минимизировать потери⁶⁰.

Экспортная торговля российскими музейными ценностями продолжалась вплоть до середины 1930-х гг. Она принесла в бюджет советского государства около 40 млн руб. По данным Е.А. Осокиной, примерно в такую сумму обходилась закупка оборудования для одного нового промышленного гиганта — автозавода в Горьком или металлургического комбината в Магнитогорске. В то же самое время центры скупки золота и драгоценностей у населения — магазины системы Торгсин — принесли в казну почти 300 млн руб.⁶¹ Таким образом, бизнес на культуре не принес ожидаемых дивидендов: во всяком случае, культурные потери оказались несопоставимыми с материальными приобретениями.

Музеи в конце 1920-х – 1930-е гг.

Продажа культурных ценностей ради решения задач индустриализации не только отражала систему приоритетов советского государства, но и свидетельствовала о новых тенденциях в музейной политике. В конце 1920-х гг. меняется ее общая концепция: музеи стали рассматриваться как учреждения в первую очередь идеологические, политико-просветительные, а уже потом культурные. Новый руководитель Наркомата просвещения РСФСР А.С. Бубнов, сменивший на этом посту А.В. Луначарского, призывал «уйти от музеев-кунсткамер» и превратить их в «инструмент культурной революции»⁶². От музейных работников требовали «вернуться лицом к современности» и приступить к организации постоянных экспозиций, посвященных социалистическому строительству, индустриализации, новому быту, советским праздникам и т.д.

Недостаток экспонатов заменяли агитационными плакатами, диаграммами, текстами. Особо энергичные пропагандисты новой музейной концепции под лозунгом борьбы с «вещевым фетишизмом» предлагали вообще отказаться от демонстрации вещей и строить экспозицию исключительно на иллюстративном и текстовом материале. Пропагандой советских достижений обязаны были заниматься все музеи, в том числе и весьма далекие от этой темы дворцовые музейные комплексы. Так в бывших царских резиденциях появились экспозиции, демонстрирующие успехи индустриализации, а храмы стали превращаться в антирелигиозные музеи.

Под влиянием новых тенденций происходит сокращение «музейного пространства». Первые признаки музейных утрат появились еще в 1920-е гг., но в 1930-е процесс заявил о себе со всей очевидностью: музеи теряли часть своих коллекций, музейные здания полностью или частично переходили в ведение различных учреждений, передавались под жилье, базы отдыха и санатории.

---

⁶⁰ Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924—1956. Дневники. Статьи. СПб., 2005. С. 46, 51.

⁶¹ Осокина Е.А. Антиквариат... С. 263.

⁶² Кузина Г.А. Государственная политика... С. 142.

Все больше сторонников находила идея «перепрофилирования» дворцовых парковых ансамблей — превращение их в парки культуры и отдыха⁶³.

Наступление на «музейное пространство» сопровождалось перестройкой управления музейным делом: в 1930 г. в составе Наркомпроса упразднен музейный отдел и осталась только музейная группа, у которой не было ни достаточных ресурсов, ни авторитетных лидеров, способных представлять и отстаивать интересы музеев во властных структурах⁶⁴.

Самый большой удар в эти годы был нанесен человеческому потенциалу музеев. Политизация музейного дела привела к увольнению старых специалистов и замене их новыми — людьми с партийным билетом в кармане, часто беспомощными в профессиональном отношении. На бюрократическом языке эта кадровая рокировка называлась «коммунизацией аппарата» музеев⁶⁵. Речь шла не только об увольнениях — многие музейные работники стали жертвами репрессий и погибли в лагерях. Из тех, кто выжил, лишь единицы потом снова смогли вернуться на работу в музеи.

Несмотря на попытки превратить пригородные дворцы-музеи Ленинграда в политико-просветительные комбинаты и базы отдыха трудящихся, музеи смогли пережить трудные времена и сохранить свое лицо. Чтобы противодействовать идеологическому нажиму, от музейных сотрудников потребовалось немало изобретательности, готовности к компромиссам, часто мужества и способности идти на риск ради спасения памятников культуры. Вовсе игнорировать политические вызовы времени музеи не могли — ответом на них стала тактика идеологического камуфляжа: ядром каждого дворца-музея оставалась прежняя историко-художественная экспозиция, но ее дополняли временные тематические выставки на актуальные политические темы.

Одним из мотивов сохранения бывших царских резиденций в виде музеев изначально служила ссылка на их использование в качестве пропагандистской площадки для разоблачения «реакционной сущности» российского самодержавия. В условиях трансформации концепции музейной политики эта уловка снова оказалась востребованной: царские апартаменты, предметы быта использовались как материал для реконструкции истории самодержавия с соответствующим идеологическим сопровождением. Чаще всего такого рода историко-пропагандистские инсталляции все равно выглядели инородным телом в составе экспозиции музея. Например, как это получилось в Гатчине, где была организована выставка «Он 30 лет калечил Россию», посвященная Николаю I⁶⁶. Но случались и удачные опыты. Одним из первых в ряду в целом успешных, хотя и спорных экспериментов был придуманный и реализованный С.С. Гейченко и А.В. Шеманским проект создания музея на базе Нижнего дворца в Петергофе⁶⁷. Этот дворец — Нижняя дача — был особенно лю-

---

⁶³ Там же. С. 143.

⁶⁴ Музейный отдел в составе Наркомата просвещения восстановлен в 1933 г., в 1939 г. он переименован в Музейно-краеведческий отдел.

⁶⁵ Гафифуллин Р.Р. Комиссия Госфондов... С. 236.

⁶⁶ Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца... С. 40.

⁶⁷ Ярославцева Е. Семен Степанович Гейченко — хранитель дворцов-музеев Петергофа // Хранители. Вып. 60. Михайловское, 2013. С. 16—17.

бим Николаем II и его семьей. Выставка, размещенная в интерьерах Нижней дачи, называлась «Крах самодержавия»: фактически она представляла историю России в годы царствования последнего российского императора, но при этом содержала требуемый идеологический контекст. Гейченко потом продолжил начатый эксперимент и в качестве мемориального дополнения к экспозиции перевез в Петергоф несколько вагонов поезда, в котором Николай II подписал отречение от престола (поезд был установлен около дворца Коттедж в парке Александрия).

Обязательную дань так называемому классовому подходу отдавали авторы путеводителей. Один из них, изданный в 1933 г., представлял пригородные дворцы-музеи как «великолепное средство познания кошмарного прошлого». Рассказ о дворцовом комплексе Царского Села начинался таким образом: «Пышность и блеск царских дворцов и парков имеют свои глубокие классовые корни. Нужно было окружить блестящим обрамлением персону носителя дворянской власти — “самодержицы всероссийской”, великолепием ее “резиденций” внушать эксплуатируемым массам трепет и покорность, демонстрировать силу и богатство помещицкой России перед иностранцами»⁶⁸.

Путешествуя по залам Александровского дворца в Царском Селе экскурсанты должны были увидеть «эпоху разложения и гибели самодержавия», а в музее и парке Павловска им предстояло убедиться, «как усиленно насаждавшийся военно-полицейский режим разбивался на мелочи муштры и полицейских придинок». В духе классового подхода не забыли авторы путеводителя упомянуть о тех, кто создавал царские дворцы: Растрелли представлен как «выразитель запросов русского дворянства эпохи расцвета крепостничества», а настоящие творцы дворцов — это русские мастера, «работавшие в вечном страхе жестоких наказаний, в обстановке чудовищного гнета»⁶⁹.

Тональность путеводителей начала меняться в середине 1930-х годов. 15 мая 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление о преподавании истории в школе. В школу вернулась история как учебный предмет, изгнанная из школьных программ в 1920-е гг. В Московском и Ленинградском университетах восстановлены исторические факультеты. Началась работа над школьными учебниками истории. В государственной риторике и ритуалах все отчетливее звучали мотивы, отсылающие к имперскому прошлому России. Постановление 1934 г. не касалось музеев напрямую, но актуализация интереса к истории, государственный заказ на формирование картины прошлого по-новому высветил роль музеев в этом процессе. Музеи все больше начинают восприниматься не просто как хранилища прошлого, а как активные инструменты процесса познания истории.

В путеводителе по Павловску 1936 г. дворцы-музеи презентуются как «подлинныя памятники-документы прошлого», помогающие «овладеть исторической перспективой»⁷⁰. Примечательно, что книга вышла в новой серии «Художественные сокровища Ленинграда и его окрестностей»: акцент

⁶⁸ Иконников А., Матвеев А. Детское село и Служок (Павловск). Л., 1933. С. 3.

⁶⁹ Там же. С. 7, 13, 51.

⁷⁰ Архангельская Н.Э. Павловск. Л., 1936. С. 5—6.

в ней делается уже не на классовой сущности дворцов, а на их художественной, культурной ценности. Поэтому, например, Растрелли и другие создатели дворцов предстают на страницах этого и других путеводителей уже не как «выразители интересов дворянства», а прежде всего как выдающиеся архитекторы и художники, создавшие в России шедевры мирового уровня.

Авторы новых путеводителей не могли себе позволить быть совсем аполитичными — классовый мотив присутствовал, но звучал приглушенно и скорее служил данью ритуалу. Оригинальный выход из положения нашел автор путеводителя по Павловску 1935 г. А. Сидоров. Следуя шаблонному восприятию эпохи Павла I, он упомянул что «Павловск возник и развивался... в эпоху жесткой реакции... Эта эпоха характеризуется в России жестоким военно-политическим режимом, с парадами, мундирами и палочной муштрой». Однако Павловский дворец не имеет к этому отношения: «В Павловском дворце мы не найдем характерных отражений военно-полицейского режима. В эпоху жесткой реакции Павловск служил идиллическим уголком, где представители монархии укрывались от громов революционных бурь, от грозных уроков Великой французской революции»⁷¹.

Постепенно формируется и закрепляется представление о пригородных дворцах как уникальных музейных комплексах, имеющих как историческое, так и художественное значение. Эта концепция дворца-музея, которую еще в 1918 г. защищал директор Гатчинского дворца В.П. Зубов, находила все больше сторонников. «Ленинградские пригородные дворцы... представляют собой единый музейный комплекс. Они занимают особое место среди культурно-исторических музеев. Как иллюстрация двухвековой истории русского царизма они — исторические музеи. Как первоклассные памятники архитектуры, скульптуры, живописи дворцы являются художественными музеями», — писал в путеводителе по Петергофу А.В. Шеманский⁷².

Концепцию двойного позиционирования дворцов как историко-художественных музейных комплексов разделяло большинство музейных работников, искусствоведов, архитекторов. Однако их мнение было не единственным, особенно при обсуждении перспектив развития дворцово-парковых ансамблей. Иную точку зрения высказывали сторонники их превращения в базы отдыха и спорта или хотя бы выделения в концепции комплексов «оздоровительно-досуговой» компоненты.

В декабре 1931 г. появилось Обращение ЦК ВКП (б) и СНК СССР к партийным, советским и комсомольским организациям Ленинграда о развитии жилищно-коммунального хозяйства города. В этом документе в числе прочих мероприятий предлагалось принять меры к «более рациональному использованию имеющихся крупных пригородных дворцов, парков», которым предстояло стать «новыми очагами культурного отдыха и развлечения рабочих»⁷³. В Обращении не говорилось напрямую о необходимости «перепрофилиро-

⁷¹ Сидоров А. Павловский дворец. Л., 1935. С. 3—4.

⁷² Шеманский А.В. Александрия. Петергоф. Л., 1936. С. 3.

⁷³ Обращение ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда». 3 декабря 1931 г. URL: <https://www.lawmix.ru/sssr/15676/>

вания» дворцово-парковых ансамблей, но сторонники этой идеи получили серьезный аргумент в пользу реализации своих намерений.

Размещение в парковой зоне культурно-развлекательных и спортивных объектов разрушило бы целостность архитектурно-художественных ансамблей пригородных дворцов. Это хорошо понимали специалисты-музейщики. «Наш парк не дает простора большим массам», — пыталась аргументировать свои возражения хранитель Гатчинского музея С.Н. Балаева⁷⁴. Дворцовый парк и Парк культуры и отдыха — пространства трудно совместимые, поэтому «механистическое перенесение в условия пригородов всех мероприятий, присущих центральным паркам культуры и отдыха» ошибочно — настаивал директор дворцов и парков Петергофа Н.И. Архипов и добавлял: «Мы против того, чтобы в парке на каждом перекрестке читали лекцию или проводили полтивикторину, чтобы у каждого десятого дерева висел плакат или лозунг, чтобы аттракционы оглушали посетителя и опустошали его карман»⁷⁵.

Среди дворцово-парковых ансамблей Петергоф находился в наиболее уязвимом положении: его огромная территория сама по себе являлась соблазном для размещения различных спортивно-развлекательных объектов. В Управлении дворцов и парков, созданном в 1933 г. при Ленинградском совете, шла активная работа над проектом создания в Петергофе грандиозного советского Луна-парка. Частью этого плана было размещение в исторических зданиях баз отдыха, банкетных и танцевальных залов, библиотек и т.д.⁷⁶ В этой ситуации единственным решением, позволяющим сохранить Петергоф как историко-культурный комплекс, являлось компромиссное существование музейных объектов с оздоровительно-досуговыми зонами.

В декабре 1935 г. вопрос о перспективах развития пригородных дворцов и парков обсуждался на заседании бюро Ленинградского горкома ВКП (б). В проекте решения предлагалось в течение двух месяцев разработать и внести на утверждение правительства программу мероприятий по превращению бывших царских резиденций, в первую очередь Петергофа и Детского села, «в образцовые места отдыха для трудящихся». Планировалось в течение 1936 г. освободить под дома отдыха и санатории часть Большого дворца в Петергофе, Гатчинский и Павловский дворцы, Александровский дворец в Детском селе. Только Екатерининский дворец в Детском селе был исключен из плана «перепрофилирования», при этом получил ассигнования на ремонт и реставрационные работы⁷⁷.

Однако этот проект не был воплощен в жизнь в том объеме, как планировалось вначале. Музейные комплексы снова устояли, хотя им и пришлось поступиться частью своего пространства и некоторыми музейными объектами: в парках появились кафе, тир, аттракционы, а в Гатчине в Сигнальной башне оборудована парашютная вышка. На самом деле наступление на музей началось еще раньше. На Гатчинский дворец, который был разделен между

⁷⁴ Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца... С. 43.

⁷⁵ Раскин А.Г., Уварова Т.В. Возвращение имени... С. 136.

⁷⁶ Мельникова Н.В. «О прошлом Петергофа с улыбкой говорить...»... С. 60.

⁷⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 115. Л. 36.

музеем и военным ведомством, военные постоянно предъявляли новые претензии, предлагая, например, разместить в помещениях дворца Дом Красной Армии⁷⁸. Александровский дворец в Детском селе был отдан Детскому дому и Дому отдыха сотрудников НКВД.

В Петергофе в зону риска попали, прежде всего, постройки XIX в., которые, как считали некоторые специалисты и чиновники от культуры, не имели исторической и художественной ценности — Собственная дача, Фермерский дворец, Нижний дворец, Коттедж, Розовый павильон. Первой жертвой «утилизации» среди музеев Петергофа стала Собственная дача, которая в 1932 г. была превращена в спецдачу Ленинградского горкома партии. В 1933 г. закрылся музей в Фермерском дворце, где разместился Дом отдыха Ленсовета⁷⁹. В ноябре 1936 г. постановлением президиума Ленсовета Нижний дворец вместе с интерьерной обстановкой был передан под дома отдыха Ленинградского горкома и обкома ВКП (б)⁸⁰. Под угрозой оказался дворец Марли, но директор Архипов распорядился срочно начать там реставрационные работы⁸¹. Петергоф сохранил наиболее значимые здания и сооружения как часть музейного комплекса, вместе с тем и потери были значительными: в 1924 г. музейный статус имели 36 объектов дворцово-паркового ансамбля, в 1937 г. их осталось только 11⁸². Однако и в этом качестве Петергофский ансамбль — настоящая симфония дворцов, парков и фонтанов — своим величием поражал впечатление посетителей и по-прежнему привлекал к себе толпы экскурсантов из России и был излюбленным аттракционом для иностранных туристов.

Период конца 1920-х и 1930-е гг. — один из самых драматичных в истории российских музеев. Музеи понесли существенные потери, но выжили, а наиболее значимые стали музейными комплексами мирового уровня. Они пережили революционную смуту и гражданскую войну, стихийные грабежи и государственную торговлю культурными ценностями, борьбу с религией и «наследием прошлого», попытки приспособить исторические здания под утилитарные нужды и превратить уникальные культурные ландшафты в парки отдыха и спорта. Перед войной пригородные дворцы Ленинграда представляли собой историко-художественные комплексы, уникальные по своему архитектурному облику и составу музейных коллекций. А потом началась война, уничтожившая многое из того, что удалось сохранить такой высокой ценой в 1920-е и 1930-е гг.

---

⁷⁸ Балаева С.Н. Записки хранителя Гатчинского дворца... С. 40.

⁷⁹ Кучумов А.М. Пригородные дворцы-музеи... С. 42—43.

⁸⁰ Мельникова Н.В. «О прошлом Петергофа с улыбкой говорить...»... С. 60.

⁸¹ Раскин А.Г., Уварова Т.В. Возвращение имени... С. 136.

⁸² Мельникова Н.В. «О прошлом Петергофа с улыбкой говорить...»... С. 61.

Невежин В.А.

Черчилль в гостях у Сталина: застольная составляющая одного визита (август 1942 г.)

«Если бы я только мог обедать со Сталиным раз в неделю, нам удалось бы избежать многих проблем»

Уинстон Черчилль

Различные аспекты взаимоотношений между британским премьером У. Черчиллем и И.В. Сталиным в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. рассмотрены в исследовательской литературе¹. Однако они продолжают представлять несомненный интерес, особенно в свете ранее не известных архивных документов.

В настоящей статье предлагается авторская версия событий первого, весьма непродолжительного, визита британского премьер-министра в Москву в августе 1942 г., приведших к установлению личных контактов между ним и главой советского правительства. Большое значение при установлении этих контактов сыграл предложенный Сталиным формат общения в ходе застолья.

При написании данной статьи использовались документальные публикации по истории взаимоотношений СССР с Великобританией и США в период Великой Отечественной войны², мемуарная литература³, а также документы из Архива внешней политики Российской Федерации, которые размещены на сайте, посвященном различным аспектам сотрудничества СССР и союзников по антигитлеровской коалиции⁴.

После нападения Германии на СССР международное положение коренным образом изменилось. Советский Союз превратился в главного военно-политического партнера западных держав, в первую очередь — Великобритании. 12 июля 1941 г. в Москве было заключено советско-британское соглашение о совместных действиях в войне против нацистской Германии, по существу по-

¹ Обзор отечественной и зарубежной историографии по данной теме представлен в работе: *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941—1945. М., 2004. С. 5—9. См. также: *Быстрова И.В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941—1945 гг.). М., 2011.

² Документы внешней политики. Т. XXIV: 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. М., 2000; *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль...; Документы внешней политики. Т. XXV, кн. 1: 1942. Январь—июнь. М., 2010; Кн. 2: 1942. Июль—декабрь. М., 2011; *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: Документальное исследование. Т. 1. М., 2015.

³ *Голованов А.Е.* Записки командующего АДД. М., 1997; *Черчилль У.* Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 2, т. 3—4. М., 1991.

⁴ Эта документальная публикация размещена в Интернет по адресу: <http://agk.mid.ru>

ложившее начало формированию антигитлеровской коалиции⁵. Позднее к коалиции присоединились Соединенные Штаты Америки и другие страны.

26 мая 1942 г. в Лондоне, в ходе официального визита народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова, был подписан «Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и сотрудничестве и взаимной помощи после войны»⁶.

Настоятельная необходимость координации военной, политической и дипломатической деятельности, конечной целью которой являлось достижение победы над общим врагом, потребовала постоянного обмена мнениями между руководителями союзных стран. Москва превратилась в своеобразную Мекку, которую в период Великой Отечественной войны постоянно посещали лидеры государств — членов антигитлеровской коалиции.

Вопрос о визите У. Черчилля в Москву возник летом 1942 г. в ходе переписки британского премьера с И.В. Сталиным. Это был момент крайнего осложнения ситуации на германо-советском фронте и ухудшения взаимоотношений между Великобританией и СССР. В результате успешного весенне-летнего наступления враг вышел к Сталинграду, на Кубань, на Ставрополье, в предгорья Кавказа, угрожая захватить или уничтожить нефтепромыслы Грозного и Баку. Между тем, западные союзники СССР по антигитлеровской коалиции — Великобритания и США, несмотря на предварительную договоренность, достигнутую в ходе переговоров В.М. Молотова с У. Черчиллем и Ф.Д. Рузвельтом в конце мая — начале июня 1942 г.⁷, откладывали открытие второго фронта в Европе.

17 июля 1942 г. британский премьер направил личное послание советскому лидеру⁸. В его тексте содержался двойной отказ: во-первых, от снабжения СССР военными материалами морем путем отправки так называемых северных конвоев; во-вторых, — от организации второго фронта в Европе⁹.

В ответном послании на имя У. Черчилля, направленном 23 июля 1942 г.¹⁰, И.В. Сталин по существу уличил западных союзников в нежелании открывать второй фронт в Европе. Сталинская риторика определялась тем, что именно СССР несет основное бремя войны против Германии, испытывая огромные трудности и неся большие потери. Помимо этого, советский лидер не находил причин для прекращения проводки союзнических конвоев северным путем, несмотря на серьезные опасности при осуществлении подобных операций из-за активных действий немецкой авиации и подводных лодок.

Текст послания И.В. Сталина от 23 июля 1942 г. в тот же день был вручен послом И.М. Майским британскому премьеру. Союзники были встревожены содержанием сталинского письма. После консультаций с Ф.Д. Рузвельтом последний рекомендовал «очень тщательно» продумать ответ на него. Одновременно в Лондоне возникла идея организации личной встречи главы

⁵ Документы внешней политики... Т. XXIV. С. 145—146. Док. № 102.

⁶ Там же. Док. № 195.

⁷ Подробнее об этом см.: *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль... С. 90—347.

⁸ *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина... С. 183—186. Док. № 84.

⁹ Там же. С. 201.

¹⁰ Там же. С. 204. Док. № 87.

британского правительства с советским лидером. Больше всего эта идея импонировала министру иностранных дел А. Идену и послу Великобритании в Москве А.К. Керру. У. Черчилль, придававший большое значение личной дипломатии, тут же ухватился за эту идею. На заседании кабинета министров Великобритании было принято решение о том, что после уже запланированного посещения Ближнего Востока премьер направится с визитом в СССР, где сможет сообщить об отсрочке открытия второго фронта в Европе¹¹.

31 июля 1942 г. У. Черчилль направил И.В. Сталину сообщение, в котором высказал следующую просьбу. Он пожелал, чтобы Сталин пригласил его встретиться «в Астрахани, на Кавказе или в каком-либо другом подходящем месте». «Мы могли бы, — разъясняя Черчилль, — совместно обсудить вопросы, связанные с войной, и в дружественном контакте принять совместные решения. Я мог бы сообщить Вам планы наступательных операций в 1942 г., согласованные мною с Президентом Рузвельтом»¹².

И.В. Сталин в ответном послании, в частности, писал У. Черчиллю: «Настоящим от имени Советского Правительства приглашаю Вас прибыть в СССР для встречи с членами Правительства». По мнению Сталина, «наиболее подходящим местом» встречи являлась Москва, откуда ни он сам, ни представители советского государственного руководства и военного командования не имели возможности «отлучиться в настоящий момент напряженной борьбы с немцами»¹³.

Нуждаясь в дополнительной дипломатической поддержке другого союзника по антигитлеровской коалиции — Соединенных Штатов Америки, У. Черчилль обратился к Ф.Д. Рузвельту с предложением, чтобы на встрече с И.В. Сталиным присутствовал личный представитель американского президента А. Гарриман. На это было получено добро из Вашингтона¹⁴. 5 августа 1942 г. Рузвельт направил Сталину следующее послание: «Я просил г-на Гарримана прибыть в Москву в Ваше распоряжение и в распоряжение Вашего гостя для оказания какой-либо возможной помощи»¹⁵. 7 августа последовал сталинский ответ: «Я выражаю свою признательность за сообщение о предстоящем прибытии г. Гарримана в Москву»¹⁶.

В тот же день генеральный секретарь Народного комиссариата иностранных дел С.П. Козырев¹⁷ направил на утверждение В.М. Молотову проект «Программы встречи и пребывания в СССР Черчилля». В этом документе, в частности, предусматривалось, что размещение гостей в Москве, питание, обеспечение легковым автотранспортом и бомбоубежищем возлагается на НКВД СССР. Все расходы по приему У. Черчилля и сопровождающих его лиц брались на счет советского правительства. Проведение организационных ме-

¹¹ Там же. С. 207.

¹² Там же. С. 208. Док. № 88.

¹³ Там же. С. 209. Док. № 90

¹⁴ Там же. С. 211.

¹⁵ Там же. С. 212. Док. № 94.

¹⁶ Там же. С. 214. Док. № 97.

¹⁷ Козырев Семен Павлович (1907—1991), дипломат. Старший помощник народного комиссара, генеральный секретарь, член Коллегии Народного комиссариата иностранных дел СССР (1939—1943 гг.)

роприятий (в первую очередь, протокол встречи и проводов, пребывание Черчилля и сопровождающих его лиц) поручалось организовать С.П. Козыреву¹⁸.

12 августа 1942 г. премьер-министр Великобритании на самолете прибыл в Москву. Вместе с ним в составе союзнической делегации находился личный представитель президента США А. Гарриман. В ходе переговоров с Черчиллем и Гарриманом, начавшихся 12 августа и продолжившихся поздним вечером 13 августа, британский премьер-министр вынужден был прямо признать, что в 1942 г. союзники не планируют открытия второго фронта в Европе. Это вызвало естественное недовольство Сталина¹⁹.

Обстановка немного разрядилась лишь тогда, когда Сталин пригласил Черчилля и Гарримана на банкет в Кремль. Британский премьер-министр принял это приглашение, «зная прославленное русское гостеприимство». Упомянутый дипломатический прием состоялся 14 августа 1942 г.²⁰

В международной жизни приемы являются одной из общепринятых и распространенных форм деятельности исполнительных органов власти и внешнеполитического ведомства. Они имеют представительское значение. Такие официальные застолья используются как средство установления, поддержания и развития контактов дипломатического корпуса с властями страны пребывания, играют важную роль в деле оказания необходимых по протоколу почестей и демонстрации гостеприимства высоким зарубежным гостям, прибывающим в страну с официальными визитами²¹.

Дипломатические приемы в Кремле являлись одним из протокольных мероприятий, проводившихся в период Великой Отечественной войны от имени главы советского правительства И.В. Сталина в честь союзников по антигитлеровской коалиции. Они проходили в форме обеда. Обед — это один из видов дипломатического приема, который начинается в промежуток времени от 20 до 21 часа и длится два-три часа. Предварительно составляется список приглашенных, которые размещаются за накрытым столом согласно установленным правилам рассадки. Меню обедов состоит из закусок, первого и второго блюд, а также десерта. Участникам обедов помимо обильного угощения предлагаются алкогольные напитки (вино, шампанское, водка, коньяк)²².

При проведении официальных приемов принято соблюдать правила дипломатического протокола, т.е. придерживаться определенных традиций, условностей и предписаний. Все они основываются на так называемом принципе «международной вежливости», т.е. почтительности и уважения всего, что символизирует и представляет государство²³.

В решении важнейших вопросов проведения банкетов в Кремле в честь союзников велика была роль руководства и штатных сотрудников Народно-

¹⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 134. Л. 2—3.

¹⁹ *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль... С. 352—354; *Документы внешней политики.* Т. XXV, кн. 2: Июль—декабрь. М., 2011. Док. № 304, 309.

²⁰ Правда. 1942. 15 авг.

²¹ *Лядов П.Ф.* История российского протокола. М., 2004. С. 108.

²² Там же. С. 132.

²³ *Молочков Ф.Ф.* Дипломатический протокол и дипломатическая практика. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 6.

го комиссариата иностранных дел, в первую очередь — Протокольного отдела НКИД, возглавлявшегося Ф.Ф. Молочковым. Охранные мероприятия во время дипломатических приемов осуществлялись подразделениями Народного комиссариата внутренних дел СССР²⁴. Ответственным за проведение банкетов в Кремле и за составление меню этих обедов являлся высокопоставленный сотрудник НКВД А.Я. Егнатшвили²⁵.

Количество присутствовавших на дипломатических приемах в честь союзников по антигитлеровской коалиции, проводившихся в 1941—1945 гг. в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца, было сравнительно небольшим — по несколько десятков человек. Судя по сохранившемуся в Архиве внешней политики РФ списку присутствовавших «на обеде от имени т. Сталина» 14 августа 1942 г., их количество составляло около 70 человек²⁶: представители СССР (26 человека, из них — 4 переводчика); члены британской (25 человек) и американской (17 человек) делегаций.

На прием прибыли И.В. Сталин и его «ближний круг», члены Политбюро ЦК ВКП (б) В.М. Молотов, А.И. Микоян, К.Е. Ворошилов. Присутствовали на банкете все кандидаты в члены Политбюро (Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, Г.М. Маленков, А.С. Щербаков). Солидно было представлено высшее военное командование Вооруженных Сил СССР: адмирал Н.Г. Кузнецов, народный комиссар Военно-Морского Флота СССР; заместители народного комиссара обороны маршал Б.М. Шапошников, генерал-полковник артиллерии Н.Н. Воронов, генерал-лейтенант авиации А.А. Новиков, генерал-майор артиллерии В.В. Аборенков; генерал-лейтенант бронетанковых войск Б.М. Коробков, генерал-лейтенант авиации А.Е. Голованов.

На банкет в честь У. Черчилля были приглашены и представители Народного комиссариата иностранных дел: заместитель наркома В.Г. Деканозов; С.П. Козырев; Ф.Ф. Молочков; советник посольства СССР в Великобритании А.А. Соболев.

В переписке со Сталиным Черчилль упоминал о том, что приедет в Москву вместе с начальником Имперского генерального штаба. Занимавший эту должность генерал А.Ф. Брук вместе с британским премьером был почетным гостем на дипломатическом приеме в Кремле 14 августа 1942 г. На банкет также прибыли: маршал А. Теддер, генерал А. Уэйвелл, начальник британской военной миссии в Москве адмирал Д. Майлс, а также члены этой миссии. Наряду с ними присутствовали: помощник министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган, британский посол А.К. Керр, сотрудники английской дипломатической миссии в СССР, личный секретарь У. Черчилля Т. Роуэн, его охранник В. Томпсон, переводчик Ч. Дэнлоп и другие.

²⁴ Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. М., 2010.

²⁵ Кремль. Особая кухня: Ветеранам посвящается. М., 2014. С. 22.

²⁶ АВП РФ. Ф. 06. П. 14. Д. 134. Л. 4. Благодаря этому архивному документу имеется возможность уточнить свидетельства участников приема 14 августа 1942 г. Так, У. Черчилль утверждал, что на этом обеде присутствовало «около сорока человек». (См.: *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина: Документы и материалы. М.; СПб., 2003. Док. № 69. С. 308). Согласно воспоминаниям советского военачальника А.Е. Голованова, на этот банкет пришло «человек десять, а может быть, чуть больше» (Там же. С. 311).

Со стороны американских союзников приглашение на прием в Кремль 14 августа 1942 г. получили глава делегации А. Гарриман и члены его делегации. В состав делегации входили: посол США в Советском Союзе адмирал У. Стэндли, заместитель начальника Европейского отдела Госдепартамента Н. Гендерсон, советник посольства У. Торстон, секретари посольства. Командование армии США представляли на банкете генералы О.М. Брэдли, Р.Л. Максвелл, О.Л. Сполдинг и Ф.Р. Файмонвилл (глава американской военной миссии в СССР).

И.В. Сталин, принимая гостей, собравшихся к 20.00 в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца, внешне демонстрировал отличное настроение. Почетный британский гость, Черчилль, наоборот, явно находился не в своей тарелке, вероятно, под впечатлением неприятного разговора со Сталиным, произошедшего во время дневных переговоров²⁷.

У. Черчилль во время банкета всячески демонстрировал нежелание общаться со Сталиным. На другой день он признавался послу Керру, что буквально силой заставил себя подать руку Сталину, этому «крестьянину». Имея в виду И.В. Сталина, британский премьер вопрошал в разговоре с этим английским дипломатом: «Понимает ли он, с кем разговаривает? С представителем самой могущественной империи, какую когда-либо видел мир!»²⁸

Советский лидер, наоборот, был выдержанным и спокойным, хотя явно имел претензии к своему визави. По существу Сталин оказался в прямом и в переносном смысле хозяином положения в ходе общения с высоким британским гостем. Он с особым значением произносил на банкете 14 августа 1942 г. тосты в честь присутствовавших представителей различных родов войск Красной армии, подходя соответственно к каждому из маршалов и генералов, командующих этими войсками. Из иностранцев сталинской здравицы заочно удостоился лишь американский президент Ф.Д. Рузвельт, что явно было воспринято с обидой У. Черчиллем.

Во время этого обеда И.В. Сталин проявил себя и как прагматический политик, и как тонкий психолог, который, очевидно, помня афоризм древних «истина в вине», воспринимал подобное высказывание как руководство к действию. Он явно постарался использовать застолье для того, чтобы поставить в неловкое положение У. Черчилля. Его тост «за Интелленджес сервис» был настолько двусмысленным, что Черчилль, не имевший достаточного представления о сталинской способности вводить собеседника в заблуждение такого рода приемом, неверно понял смысл здравицы советского вождя. В личном и секретном послании британского премьер-министра от 17 августа 1942 г., направленном президенту США Ф.Д. Рузвельту, по этому поводу сообщалось следующее: «Сталин произнес довольно длинную речь в честь “Интелленджес сервис”, в которой он сделал любопытное упоминание о Дарданеллах в 1915 году, сказав, что англичане победили, а немцы и турки уже отступали, но мы не знали этого, потому что наша разведка была несовершенной. Нарисованная им картина, хотя и была неточной, по-видимому, предназначалась для меня в качестве комплимента»²⁹.

²⁷ *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина... С. 307. Док. № 68.

²⁸ Цит. по: *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина... С. 226.

²⁹ *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина... С. 310. Док. № 69.

На самом же деле сталинская здравица содержала тонкую иронию. Провозгласив тост «за разведчиков и службу разведки», советский лидер в то же время утверждал, что лишь из-за «плохой разведки англичан» в 1915 г. окончилась неудачей военная операция Великобритании по овладению проливом Дарданеллы. Поскольку пост морского министра в годы Первой мировой войны занимал Черчилль, намек Сталина на эту неудачу имел негативный оттенок, а вовсе не носил характер комплимента³⁰.

Примечателен и другой эпизод, произошедший на приеме 14 августа 1942 г. Когда зашла речь о причастности Черчилля к организации антисоветской интервенции в годы Гражданской войны, британский премьер-министр безоговорочно признал этот факт. «Я принимал весьма активное участие в интервенции, и я не хочу, чтобы вы думали иначе», — заявил он И.В. Сталину. На вопрос Черчилля, простил ли его Сталин за это, последовал ответ: теперь все в прошлом, «а прошлое принадлежит богу»³¹.

Так или иначе, официальное застолье, на котором присутствовали вместе У. Черчилль и И.В. Сталин, имело своим итогом то, что советский лидер одержал своеобразную психологическую победу над британским премьером, не только, вопреки дипломатическому этикету, «обойдя» его своей здравицей, но и заставив признать вину за прежние антисоветские действия.

Как известно, У. Черчилль был настоящим гурманом во всем, что касалось изысканных алкогольных напитков и яств. О его пристрастии к алкоголю ходили и продолжают ходить легенды. Будучи очень важной персоной в руководстве антигитлеровской коалицией, он не избежал нежелательных последствий возлияний, которые стимулировались их радушными хозяевами.

В интерпретации У. Черчилля дипломатический прием, который был дан в его честь 14 августа 1942 г., проходил чинно и благородно: «Сталин и Молотов радушно принимали гостей. Такие обеды продолжаются долго, и с самого начала было произнесено в форме очень коротких речей много тостов и ответов на них. Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал [Сталин] и его коллеги неизменно пили после тостов из крошечных рюмок, делая в каждом случае лишь маленький глоток»³².

Известно афористическое высказывание Черчилля, смысл которого сводится к следующему: по молодости лет он придерживался правила не пить крепких спиртных напитков перед ланчем, а в зрелые годы установил порядок не делать этого перед завтраком³³. Из крепких напитков предпочитал виски. У. Черчилль был также большим любителем бренди, марочного портвейна, кларета, белого вина и шампанского³⁴.

И, если верить свидетельству одного из советских участников этого приема, А.Е. Голованова, британский премьер на банкете 14 августа 1942 г. не

³⁰ Там же. С. 304.

³¹ Там же. С. 309. Док. № 69.

³² Там же.

³³ *Churchill W. The Wicked Wit Of Winston Churchill / Completed, edited and introduced by Dominique Enright. L., 2001. P. 114.*

³⁴ *Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь. М., 2004. С. 249—250.*

ограничивал себя в питии: «Черчилль на глазах пьянел». В конце приема, под влиянием принятого алкоголя, британский премьер уже не мог передвигаться самостоятельно и покинул Екатерининский зал, «поддерживаемый под руки»³⁵.

Этот случай наводит на следующие размышления: на банкете 14 августа 1942 г. У. Черчилля, действительно, угощали «изрядно», что и подкосило такого стойкого человека.

В своих воспоминаниях Голованов привел еще один пример, свидетельствовавший, по мнению мемуариста, о большом пристрастии британского премьера к крепким спиртным напиткам. И.В. Сталин отослал через У. Черчилля различные подарки, предназначавшиеся для президента США Ф.Д. Рузвельта: черную икру, балык, рыбу, а также коньяк (и водку). Упомянутые спиртные напитки были выпиты Черчиллем еще в пути, в то время как дефицитные продукты доставлены адресату в целости и сохранности³⁶.

Позднее, во время Тегеранской конференции лидеров держав—членов антигитлеровской коалиции (1943 г.) И.В. Сталин, по некоторым сведениям, пообещал британскому премьеру, что по окончании войны из СССР в Англию будет поставляться коньяк в большом количестве и даже планировал построить в этой стране коньячный завод³⁷.

Британский премьер, по словам одного из его биографов, «в равной степени удивлял министров и генералов своим недюжинным аппетитом», предпочитая «плотные завтраки с отбивными и беконом, обильные, тщательно продуманные трапезы»³⁸. Другой биограф У. Черчилля прямо утверждал: «Еда играла важную роль в его жизни». В своем поместье Чартуэлл он устраивал в конце 1930-х гг. «веселые трапезы»: потреблял яичницу с беконом, отбивную котлету или ножку цыпленка на завтрак. В обед наслаждался устрицами или супом по-савойски; ему подавали далее филе камбалы, завернутое в копченую лососину, с гарниром из креветок под чесночным соусом. Затем шло жаркое из оленины, фаршированное паштетом из гусяной печени под соусом из трюфелей³⁹.

По всей вероятности, Сталин был осведомлен о кулинарных пристрастиях нового союзника, постаравшись использовать и это в свою пользу. По прибытии в Москву У. Черчилль был встречен как самый почетный гость. Его обслуживали офицер (который, как считал Черчилль, «принадлежал к княжеской фамилии при царском режиме»), являвший собой образец «вежливости и внимания». Большое внимание хозяева уделили тому, чтобы почетный гость был обеспечен изысканными яствами и алкогольными напитками. Длинный стол и различные буфеты, стоявшие в столовой на государственной даче № 7, где проживал У. Черчилль во время своего августовского визита, были, по его словам, «заполнены всякими деликатесами и напитками, какие только может представить верховная власть». Черчилля и сопровождавших его лиц «угощали в этой же столовой всевозможными отборными блюдами и напитками, в

³⁵ *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина... С. 313. Док. № 70.

³⁶ *Голованов А.Е.* Записки командующего АДД. С. 235.

³⁷ *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина... С. 345.

³⁸ *Бедарида Ф.* Черчилль. М., 2003. С. 289.

³⁹ *Роуз Н.* Черчилль... С. 249.

том числе, конечно, икрой и водкой». Помимо этого, имелось «много других блюд и вин из Франции и Германии», причем даже гораздо больше, чем гости «могли или хотели съесть»⁴⁰.

По некоторым сведениям, специально для У. Черчилля во время приема 14 августа 1942 г. приготовили и подали на стол блюдо грузинской кухни — шашлык, и британский премьер якобы остался доволен, отведав этот деликатес⁴¹. Благодаря сохранившемуся в архиве проекту меню этого обеда, отредактированного А.Я. Егнаташвили, есть возможность внести некоторые уточнения. В нем упомянут не шашлык, а «молочный барашек с картофелем, салат с огурцами». В целом, меню упомянутого обеда отличалось большим разнообразием и обилием (см. Приложение). Недаром в воспоминаниях У. Черчилля об этом сталинском банкете в Кремле встречается лаконичная и вместе с тем емкая фраза: «Меня изрядно угощали»⁴².

Можно согласиться с утверждением И.В. Быстровой о том, что большую роль в установлении личных отношений между Сталиным и Черчиллем имела «неформальная» встреча двух лидеров в ночь с 15 на 16 августа⁴³. К этому следует добавить: У. Черчилль оказался первым из иностранных лидеров столь высокого ранга, которого советский вождь пригласил к себе на ужин на кремлевскую квартиру.

По завершении беседы, которую Сталин и Черчилль вели в Кремле вечером 15 августа 1942 г., возник один эпизод, изложенный британским премьером в его отчете военному кабинету, а также в письме на имя Рузвельта. По выражению И.В. Быстровой⁴⁴, данный эпизод «еще более прочувствованно» был описан в мемуарах самим У. Черчиллем: «Наша беседа, длившаяся час, подходила к концу, и я поднялся и начал прощаться. Сталин вдруг, казалось, пришел в замешательство и сказал особенно сердечным тоном, каким он еще не говорил со мной: “Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?”. Я сказал, что в принципе я всегда за такую политику. Он повел меня через многочисленные коридоры и комнаты до тех пор, пока мы не вышли на безлюдную мостовую внутри Кремля и через несколько сот шагов пришли в квартиру, в которой он жил»⁴⁵.

Пикантность ситуации состояла в том, что в тот вечер Черчилль должен был ужинать на государственной даче, где его разместили, с британским послом в Москве Керром. Там же его ожидал командующий польской армией генерал Вл. Андерс. Однако Черчилль принял неожиданное для него приглашение И.В. Сталина и отправился на «неформальный» ужин к советскому вождю, очевидно, осознавая особую важность предстоящей застольной беседы.

У. Черчилль был недоволен работой своего переводчика Ч. Дэнлопа, который обслуживал его на официальных переговорах с И.В. Сталиным и на бан-

⁴⁰ Черчилль У. Вторая мировая война... Кн. 2, т. 3—4. С. 510.

⁴¹ Богомолов А.А. Добрый дедушка Сталин. Правдивые рассказы из жизни вождя. М., 2012. С. 56.

⁴² Невежин В.А. Застольные речи Сталина... С. 309. Док. № 69.

⁴³ Быстрова И.В. Поцелуй через океан... С. 52.

⁴⁴ Там же. С. 53.

⁴⁵ Невежин В.А. Застольные речи Сталина... С. 329. Док. № 73.

кете в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца. Во время ужина на сталинской квартире У. Черчиллю уже переводил майор А.Х. Бирс, оказавшийся, по словам британского премьера, «хорошим переводчиком»⁴⁶.

Черчилль передал, что вернется на государственную дачу только после полуночи. К началу ужина к У. Черчиллю и И.В. Сталину присоединился В.М. Молотов. Таким образом, вместе с двумя переводчиками (А.Х. Бирсом и В.Н. Павловым) участниками этого застолья оказались всего пять человек.

Представляет несомненный интерес эпизод с появлением 16-летней дочери вождя Светланы в столовой перед началом ужина. Несомненно, приглашение Светланы было хорошо продуманной «домашней заготовкой» Сталина. В.Н. Павлов писал по этому поводу: «Каким-то образом разговор начался с рассказа о дочерях. Черчилль рассказал о своей дочери Саре, что у нее рыжие волосы. Сталин заметил, что и его дочь Светлана тоже рыжая и велел позвать ее. Он представил Светлану Черчиллю, который подарил ей маленький сувенир. После этого Сталин велел дочери уйти»⁴⁷.

Однако сама Светлана, как представляется, не до конца поняла смысл этого неожиданного приглашения. В своих мемуарах она писала: «Мой отец только однажды, в 1942 году вызвал меня на свою квартиру в Кремль, чтобы представить Уинстону Черчиллю. Я успела поздороваться и через пять минут была отправлена обратно. Это было исключением из общего правила отца — никогда не выводить меня в “большой свет”»⁴⁸.

Из этого следует, что И.В. Сталин пригласил свою дочь не только для того, чтобы она просто накрывала на стол. Еще до начала заранее продуманного им до мелочей застолья он постарался произвести на У. Черчилля положительное впечатление, расположить к себе. Британский премьер-министр прекрасно понял намек своего визави. В его памяти запечатлелся эпизод, предшествовавший этому ужину, когда в столовую вошла Светлана, «рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца». «Он взглянул на меня с усмешкой в глазах, — продолжал У. Черчилль, — и мне показалось, что он хотел сказать: “Видите, мы, большевики, тоже живем семейной жизнью”».

С прибытием Молотова Черчилль понял, что «предстоит обед». «Обед был, — подчеркивал британский премьер в своих мемуарах, — импровизированным и неожиданным, но постепенно приносили все больше и больше еды: мы отведывали всего понемногу, по русскому обычаю, пробуя многочисленные и разнообразные блюда, и потягивали различные превосходные вина»⁴⁹.

Английская запись, по сравнению с советской, дает более полное представление о содержании заключительной встречи Сталина и Черчилля. В ней зафиксирована дискуссия между двумя лидерами антигитлеровской коалиции по ряду военных вопросов. Документ содержит сведения о численности вооруженных сил Великобритании, дает оценку англо-франко-советских переговоров 1939 г., а также деятельность советского посла в Лондоне

⁴⁶ Печатнов О.В., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина... С. 227.

⁴⁷ Невежин В.А. Застольные речи Сталина... С. 329—330. Док. № 74.

⁴⁸ Аллилуева С.И. Только один год. М., 1990. С. 99.

⁴⁹ Невежин В.А. Застольные речи Сталина... С. 325. Док. № 73.

И.М. Майского. Здесь же зафиксирован краткий рассказ Сталина о посещении Англии в 1907 г. в качестве делегата V съезда РСДРП, об относившемся к 1938 г. плану Черчилля по созданию «Лиги Великих Демократий», наконец, о возможной встрече советского лидера и американского президента Рузвельта в Исландии⁵⁰.

В целом, в ходе застольной беседы в ночь с 15 на 16 августа 1942 г. были подняты различные вопросы, связанные, в первую очередь, с перспективами советско-английского военного сотрудничества в борьбе против общего врага — нацистской Германии.

Совершенно неожиданно Черчилль заинтересовался мнением Сталина о коллективизации и колхозном движении. То, что затронутый сюжет был весьма далек от обсуждавшихся насущных военно-политических проблем, лишний раз подчеркивает неформальный характер беседы. Сталин постарался изложить Черчиллю собственное видение значения коллективизации. Естественно, он не смог обойти вопрос о судьбе «раскулаченных». В синхронной записи В.Н. Павлова и в мемуарах У. Черчилля близко по смыслу изложен смысл сталинского высказывания о кулаках, прозвучавшего в ответ на вопрос британского премьера о том, что стало с этими людьми: якобы некоторые из них получили землю в северных районах СССР, а остальные были уничтожены «крестьянами» («батраками»). Позднее, в своих воспоминаниях Павлов почему-то приводил другую формулировку сталинского ответа. «Мы их перебили» — так звучал, согласно новой интерпретации В.Н. Павлова, этот ответ. Данная формулировка не могла означать ничего другого, как признания Сталиным причастности партийно-государственного руководства к истреблению кулаков в годы коллективизации. Однако другими источниками она не подтверждается.

В ходе застолья, происходившего в ночь с 15 на 16 августа 1942 г., советский лидер продемонстрировал британскому премьеру хорошее знание всемирной истории и истории Англии времен наполеоновских войн. Для Сталина вообще было характерно стремление показать в личных беседах с зарубежными политическими, военными деятелями и дипломатами, в том числе — во время торжественных приемов и неформальных обедов, насколько хорошо он представляет себе события далекого и совсем недавнего прошлого. Возможно, он делал это, чтобы поднять свой авторитет в их глазах.

Но на ужине в кремлевской квартире Сталин использовал исторические параллели, имея совсем иную цель. Отвергая утверждение о полководческом гении далекого предка Черчилля герцога Мальборо и противопоставляя ему военный талант герцога Веллингтона, который спустя столетие после Мальборо одержал важную для англичан победу над Наполеоном, советский лидер старался поставить в неловкое положение Черчилля, продемонстрировать свое моральное превосходство над ним.

На самого британского премьера эта беседа за ужином произвела неизгладимое впечатление. Позднее он следующим образом излагал советскому послу в Великобритании И.М. Майскому общее впечатление о памятном ужине

⁵⁰ *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль... С. 369—372. Док. № 153.

на сталинской квартире в Кремле: «Важно знать душу человека, с которым ты работаешь. В тот вечер или вернее в ту ночь я увидел душу Сталина»⁵¹.

Так или иначе, застольная составляющая визита У. Черчилля в Москву в августе 1942 г., несомненно, была весьма существенной. Об этом могут свидетельствовать простые подсчеты времени, проведенного вместе Сталиным и Черчиллем в ходе этого визита. У. Черчилль в 1 час 30 минут 15 августа покинул прием в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца, начавшийся накануне в 20.00⁵². Следовательно, он провел в официальном застолье со Сталиным пять с половиной часов. Неформальный ужин на сталинской кремлевской квартире, продолжался, по свидетельству Черчилля, с 20 часов 30 минут 15 августа до 3 часов утра 16 августа 1942 г.⁵³ Получается, что в атмосфере сталинского застолья Черчилль пробыл в ходе своего первого официального визита в Москву порядка 12 часов! Для сравнения, общая продолжительность трех бесед, которые велись между ними в сталинском служебном кабинете в Кремле 12, 13 и 15 августа, составила 7 час. 35 мин.⁵⁴

Несомненно, в результате августовского визита британского премьер-министра У. Черчилля в Москву в августе 1942 г. ему удалось установить личные контакты с главой советского правительства И.В. Сталиным. Это имело большое значение для укрепления межсоюзнических отношений СССР и Великобритании. Несомненно и то, что установлению личных связей лидеров двух крупнейших держав антигитлеровской коалиции способствовало общение в располагавшей к этому атмосфере застолья.

---

⁵¹ Цит. по: *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина... С. 227.

⁵² *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина... С. 310. Док. № 69.

⁵³ Там же. С. 329. Док. № 73.

⁵⁴ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.): Справочник. М., 2008. С. 381—382.

Приложение

Проект меню дипломатического приема 14 августа 1942 г.,
составленный А.Я. Егнаташвили

Проект⁵⁵

*Тов. Егнаташвили*⁵⁶

Обед⁵⁷

МЕНЮ

Холодная закуска

Икра зернистая, икра паюсная

Балык белорыбый, лососина, сельди с гарниром, шамая вяленая

Ветчина холодная, шефруа и майонез из дичи, утки Андоб⁵⁸

Поросенок холодный с хреном⁵⁹

Севрюжка заварная

Салат из помидор, салат Паяр

Огурцы, помидоры свежие⁶⁰, редиска, огурцы кавказские

Сыры, масло

Тосты, расстегайки, бриоши⁶¹

Горячая закуска

Грибы белые в сметане

Форшмак из дичи

Кабачки миньер

Обед

Суп крем из пулярды, консоме, борщок

Стерлядь в шампанском вине⁶²

Индеекы, цыплята, рябчики

Молочный барашек с картофелем, салат с огурцами

Цветная капуста, спаржа, ~~еое муслин~~⁶³

Мороженое сливочное и фруктовое⁶⁴

Кофе, ликеры, фрукты, петифур, миндаль жареный⁶⁵

14 августа 1942 года

г. Москва⁶⁶

АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 134. Л. 15. Машинопись с карандашной правкой.

⁵⁵ Вычеркнуто карандашом.

⁵⁶ Написано от руки; заглавная буква И исправлена на Е.

⁵⁷ Вписано и вычеркнуто карандашом.

⁵⁸ Буква «б» в конце слова вписана карандашом.

⁵⁹ Название блюда вычеркнуто карандашом.

⁶⁰ Слово вычеркнуто карандашом.

⁶¹ Слева на полях перечень холодных закусок отмечен карандашом.

⁶² Вычеркнуто карандашом.

⁶³ Вычеркнуто карандашом.

⁶⁴ Слева на полях перечень блюд раздела «Обед» отмечен карандашом.

⁶⁵ Названия составных частей десерта первоначально напечатаны в одну колонку; после редактирования соединены (стрелками) в одну строку.

⁶⁶ Вписано от руки.

Научное издание

**Культура и менталитет России
Нового и Новейшего времени**
(К 80-летию Анатолия Евгеньевича Иванова)

Макет и оформление *Ю.В. Балабанов*

Подписано к печати 30.01.18. Формат 70×100/16. Заказ № 196.
Тираж 300 экз. 30,5 п.л. 34,5 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру
гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики, истории, социологии
и политологии. Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих науч-
но-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены
в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козлицкий переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).
Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>